

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Руководитель проекта

А. Б. Усманов

Редакционный совет:

Л. А. Опёнкин, *доктор исторических наук, профессор*
(председатель);

И. Н. Данилевский, *доктор исторических наук, профессор*;

А. Б. Каменский, *доктор исторических наук, профессор*;

Н. И. Канищева, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный секретарь);

А. Н. Медушевский, *доктор философских наук, профессор*;

Ю. С. Пивоваров, *академик РАН*;

А. К. Сорокин, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель);

В. В. Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель)

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

О Б Щ Е С Т В Е Н Н А Я
М Ы С Л Ь Р О С С И И
В Х V I – Х V I I в в .

Т о м 1
«В Е Л И К А Я С М У Т А»

СОСТАВИТЕЛИ,
АВТОРЫ КОММЕНТАРИЕВ:

И. Л. Андреев,
кандидат исторических наук

В. Н. Козляков,
доктор исторических наук

АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ

И. Л. Андреев

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
О28

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

О28   **Общественная мысль России в XVI–XVII вв.: в 2-х т. —**
Т. 1: «Великая Смута» / [Сост., авторы коммент. И. Л. Андреев,
В. Н. Козляков; автор вступ. ст. И. Л. Андреев]. — М. : Российская
политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 576 с. —
(Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших
времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1395-6

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1395-6

© Андреев И. Л., составление тома, вступитель-
ная статья, комментарии, 2010
© Козляков В. Н., составление тома, коммента-
рии, 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

«Пучина слез рыдания»: общественно-политическая мысль и представления Смутного времени

1

Если первую половину — середину XVI в. историки древнерусской литературы называли веком русской публицистики, то начало следующего, XVII, столетия с полным правом можно назвать полным его повторением, с той, однако, оговоркой, что и эпохи, и публицистика довольно сильно различались. Там — спор, размышление, поиски того, что называлось «правдой», здесь — по крайней мере в первом проявлении — разоблачение происков врагов и призывы к крепкостоянию в вере и верности государю. В последнем случае публицисты называли имена едва ли не всех оказавшихся на престоле правителей. Так продолжалось до тех пор, пока, наконец, наступившее «безгосударское время» не заставило мыслить категориями верности не конкретному лицу, а целому «преславному Московскому государству». «Поглощение» государства личностью монарха, столь характерное для средневекового сознания, на время уступило место осознанию самоценности государства. «Из-за лица проглянула идея», — заметит по этому поводу В. О. Ключевский, обозначив одну из граней осмысления современниками уроков Смуты¹.

Смута содрала покров «эпического бесстрастия», в который долгое время рядился, по словам все того же историка, древнерусский летописец. И это понятно: драматические события начала XVII столетия поставили русских людей в такое непривычное для них состояние, которое «против их воли тревожило их чувства и нервы и через них будило мысль». И в этом также заключено различие двух периодов русской публицистики — они разные по тональности и степени эмоциональности. При этом рефлексия, надорванность, нервическая

---

¹ См.: *Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 3. Курс русской истории.* М., 1988. С. 63.

«вывернутость» произведений, появившихся в период драматического лихолетья, — обратная сторона недосказанности, незавершенности, незрелости многих общественно-политических идей, родившихся в Смуту. Одно оказалось неразрывно связано с другим, отчего стало ясно, что отсутствие «эпического бесстрастия» столь же плохо, как и его избыток: многие идеи, как прорисовки на древнерусских иконах, лишь обозначали себя, навсегда остававшись контурами, которым не суждено было стать иконописными образами. Однако, признавая незрелость иных идей, еще раз подчеркнем — это все же новые идеи, оригинальные мысли, которые прежде едва теплились под удушающей тяжестью официоза.

Эти общие соображения об особенностях публицистики Смуты вполне укладываются в индивидуальные судьбы ее создателей. Да, были общие причины и общие, рожденные эпохой и обстоятельствами идеи, вокруг которых вращалась мысль интеллектуалов. Но к перу людей подталкивали прежде всего личные впечатления и переживания. И они действительно у каждого были свои, сугубо индивидуальные. Другой вопрос, что писатели Смуты были не сторонними наблюдателями — задевали и побуждали их к переживаниям обычно темы общественно значимые. Потрясенные происходящим, они создавали публицистические произведения, которые, как всполошные колокола, пробуждали к действию, а после окончания Смуты не давали забыть недавнее горькое прошлое ради понимания настоящего и будущего.

Так, дьяк Иван Тимофеев, один из самых вдумчивых летописцев Смуты, писал о побудительных мотивах своего творчества: удрученный разорением Новгорода, он мучительно размышлял над тем, «как могло случиться, что недавно существовавшая невыразимая словами красота такого города и всего, что было в нем... как будто в один час разрушилась?.. В течение многих дней постоянно не переставал я размышлять в уме своем о таком разорении города... и ходил как умалишенный». По признанию дьяка, мысль о необходимости объяснить происходящее, «как пальцем, тыкала меня в ребра... она постоянно побуждала меня к этому и неотлучно напоминала, так что при моей слабости не мог я отогнать ее беспощадную доuku»². «Плетение сло-

---

² Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 254.

вес» Тимофеевым во «Временнике» нередко кажется современному читателю тяжеловесным и вымученным³. Но нельзя не признать, что иногда автор находил простые и точные слова, передающие мысль и состояние: «ходил как умалишенный...»; «тыкало меня в ребра...». После таких признаний ясно, что «Временник» вырастал не просто из острого желания понять, что же происходило с Московским царством. «Беспощадная доука» — это еще и боль, и стыд, и унижение, о которых нельзя забыть и которые трудно оправдать.

Не одного Тимофеева пережитое «тыкало в ребра». Иные, понуждаемые страхом, пытались обелить себя. Конечно, все виновны, все согрешили, но своя виновность пугала, особенно если она бельмом стояла в глазах тех, кто пришел с окончанием Смуты к власти. Этот мотив улавливается в писаниях князя И. Хворостинина, которому не могли простить не столько его «западничество», сколько близость к Лжедмитрию I. Тот же подтекст ощутим в знаменитом «Сказании» Авраамия Палицына, натянутые отношения которого с патриархом Филаретом побуждали Троицкого келаря оправдываться и говорить о своих заслугах в борьбе с поляками и литовцами. Тем не менее, сколь ни разнообразны были мотивы, толкавшие к писательству во время и после Смуты, все или почти все публицисты бились над вопросами судьбоносными — отчего все же случилась Смута? Кто виноват и как сделать, чтобы она более не повторилась?

В свое время Ю. Лотман замечал: мало осмыслить источники — надо восстановить обстановку эпохи, уловить интонацию, жест. «Слова сохранились — исчезла атмосфера», — писал известный филолог, тем самым формулируя культурно-семиотический подход к прочтению источников, причем не только более позднего времени. И от Смутного времени осталось немало слов, но давно уже исчезла атмосфера, в которой они звучали, и смыслы, которые в них вкладывались. Один из путей к воссозданию «атмосферы» и подлинных смыслов — индивидуализация произведения, наделение его автор-

---

³ Одну из самых беспощадных характеристик стиля дьяка дал В. О. Ключевский: «Мысль прячется в хламе слов». Здесь же он отметил привычку писателя «не называть лица прямо, а прикрито, загадками. Частию, может быть, по робости» (см.: *Ключевский В. О. И. Тимофеев* // Ключевский В. О. Соч. : в 9 т. Т. VII: специальные курсы. М., 1989. С. 168).

ским началом. Это, конечно, нечто больше того, что прежде определялось как «внешняя критика источника».

Выявление авторского начала предполагает изучение топосных мотивов, фундаментальных ценностей и представлений. Это открывает новые возможности для осмысления общественно-политических идей в культурном пространстве не только Смутного времени, но и всего XVII в. Без подобной работы едва ли возможно построение конвенциональных моделей Смуты во всем ее многообразии и противоречивости.

2

Присказка про несчастье, которое помогло, как никакая другая подходит к Смуте. В том смысле, что обрушившиеся на страну невзгоды поневоле подтолкнули мыслящих людей к интеллектуальному поиску: явились новые, острые темы, в ином свете высветились также темы привычные, традиционные — о человеке, об ответственности «священства» и «царства», о власти, ее формах, пределах, легитимности. Испытанию и пересмотру подверглись прежние представления о государстве. Интеллектуальные искания проходили, однако, в совершенно иной, чем прежде, атмосфере. Стремительно разрастающийся кризис делал более актуальной связь Слова и Дела. Умозрительные построения уступали место действию, или, точнее, потребности к действию. Слово было призвано *убедить*, убежденность должна была воплотиться в *поступке*, поступок — привести к *результату*. Правда, извилистая логика Смуты нередко превращала поступок в проступок, придававший результату знак отрицательный. Так, к примеру, случилось с первым самозванцем, который за год из долгожданного «природного» царя-избавителя превратился в порождение сатанинских сил и одновременно был осознан как «казнь», которую Бог наслал на Годуновых и на избравших его русских людей.

Общественно-политическая мысль, утрачивая свою отвлеченность, превращалась в действенное оружие борьбы. Притом эта мысль могла, конечно, вознестись до высот «идеологических», но еще важнее ей было «опуститься» до представлений обыденных, срастись с ними, стать *прозрачной* и *действенной*. Это требование вновь возвращает нас к публицистичности большинства произведений эпохи Смуты, к необходимости взглянуть на общественно-политическую

мысль на разных этажах ее бытования — от «теоретизирующих» книжников-интеллектуалов до стереотипно думающих «простецов», к которым чаще всего обращались авторы воззваний и повестей.

Пролог Смуты — пресечение правящей династии. В ситуации сакрального восприятия власти центральной стала тема легитимности власти ее нового обладателя. Эта тема оттеснила на задний план даже то, что прежде было предметом жарких споров, — вопрос о царской власти и ее пределах. Что есть царь истинный и царь ложный? Как отличить одного от другого? Что делает монарха истинным?

Казалось, на все эти вопросы давно уже найдены ответы. Ведь в Смуту общество входило, основываясь на ряде постулатов, делавших тогдашнюю власть безусловно законной. Торжествовал династический принцип: власть должна была быть наследственной, что обеспечивает ее бесспорную законность; царский венец переходил преимущественно по прямой линии — от отца к сыну. Даже сомнения в законности брака⁴, как это было в случае с царевичем Дмитрием, пасовали перед этим принципом. Во всяком случае, этот аргумент не смутил жителей Московского государства, которые восторженно встречали Дмитрия Ивановича, государя «прямого», не самозванца и не... бастарда.

Династический принцип «снял» все вопросы, связанные с представлением о законности прав наследника. Последний априори признавался богоданным государем. Сам обряд венчания, хотя и наделявший монарха особой харизмой, лишь подтверждал эту богоизбранность и ту незримую сверхъестественную связь с Богом, которая была дарована свыше правящей династии. Это хорошо понимал самозванец, который не хотел венчаться на царство до приезда в Москву «матери» — царицы-инокини Марфы. Именно она должна была, узнать «сына» и подтвердить его царственное происхождение⁵. Мало того, Лжедмитрий I изменил процедуру венчания и ввел вторичное возложение шапки Мономаха в Архангельском соборе, перед гробницами своих «предков». Об этом сообщает в своих воспоминаниях

---

⁴ В послании императору Рудольфу II (1604) Борис писал, что права Дмитрия призрачны и нелегитимны: рожден «от седьмой жены, взятой по склонности, но вопреки всем законным правилам церкви».

⁵ Дневник Марины Мнишек. М., 1995. С. 30.

Арсений Елассонский⁶. Само возложение, которое осуществил автор мемуаров, происходило после окончания литургии, то есть церемония имела скорее «светский», а не церковный, мистический смысл. Тем не менее она как бы возвещала всем подданным, что Мономахова шапка вернулась к единственно законному наследнику.

Наследственная династия, лежавшая в основании «богохранимого Московского царства», была, по представлениям людей того времени, несопоставима с династией выборной. То была ценность высшего, сакрального свойства. «Прерван купно род по смерти российских деспод весь благородия корень», — сокрушался дьяк Иван Тимофеев по поводу смерти Федора Ивановича, отошедшего в иной мир «бесчадно и ненаследственно». Ему невольно вторил в своих пропагандистских воззваниях первый самозванец, объявлявший: «...С Божию помощью иду на престол прародителей наших на Московское государство и на все государства Российского царствия»⁷.

Как здесь не вспомнить о высокомерных упреках Ивана Грозного, адресованных выборным государям. То был, конечно, плод его извращенного сознания и непоколебимой уверенности в собственной избранности, дарованной рождением и предназначением. Но ведь надо признать, что и большинство подданных кровавого царя разделяли подобный взгляд. На исходе Смуты, в общении с поляками, русские люди скептически отзывались о политическом устройстве Речи Посполитой. Правда, пережитые политические потрясения не прошли даром: неприятие польских порядков с их «злато вольностями» и выборностью монархов отрицается не оголтело — просто у них одно, у нас — другое. Политический кругозор расширился и — свернулся: это «иное» нам ненадобно, оно — несомненное зло, потому что пришло из «неправославного другого». Оттого, бросая в лихие годы взор на западного соседа, искали, хотя и не бескорыстно, прежде всего «природного государя», который одной только высотой происхождения положит конец губительным распрям. Эту мысль позднее наи-

---

⁶ *Елассонский Арсений*. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX. М., 1998. С. 179. Арсений Елассонский после приезда в Россию получил «экзотический» сан Архангельского архиепископа — по Кремлевскому Архангельскому собору, усыпальнице московских великих князей и царей.

⁷ ААЭ. Т. II. № 26. С. 76.

более полно выразил князь И. Хворостинин, когда писал о приглашении на престол королевича Владислава: «...Он подходит нам в правиле: юноша прекрасный, из *рода древних самодержавных владык* (выделено нами. — И. А.)».

Но в Смуту входили, лишившись наследственной монархии, с монархией выборной. Именно это обстоятельство побудило Б. Годунова особенно озаботиться обоснованием и закреплением своих прав на престол⁸. Новоизбранный государь задействовал для этого едва ли не все возможные институты: и духовно-нравственные, и политико-правовые аргументы. Эти усилия, как известно, оказались напрасными. Династия Годуновых не устояла. Причин много: свою роль сыграли масштаб и глубина кризиса, а также острый дефицит времени — его оказалось слишком мало у вечно недомогавшего Годунова⁹, чтобы успеть сделать положение династии незымимым.

Однако нельзя отделаться от мысли, что чем больше прилагал усилий выборный царь для закрепления своих прав, тем активнее новая династия отчуждалась современниками. Едва ли не все акции царя Бориса перетолковывались на иной лад и оборачивались против него. Чрезмерность усилий воспринималась как непозволительная суета и косвенное признание вины в истории с гибелью царевича — значит, что-то было, что гложет совесть и страшит Бориса предстоящим воздаянием за содеянное. Именно в таком ключе были истолкованы публицистами голодные годы, разрушившие благополучие первых лет царствования Годунова. Между тем «проклятие», повисшее над новой династией, есть прямое следствие кризиса легитимных основ власти выборного государя, реакции общества, которое никак не могло смириться с мыслью о крушении династической преемственности. По меткому замечанию А. Л. Юрганова, «Борис Годунов не сам по себе плох как царь, плохо то, что теперь надо служить новому роду, который еще недавно сам был служилым по

---

⁸ Об обстоятельствах избрания см.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986; *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1978; *Он же.* Россия накануне Смутного времени. М., 1985; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб., 1992.

⁹ По определению одного из современников, Годунов в последние годы жизни правил, «не царствуя, но всегда болезнуя». РИБ. Т. XIII. Стлб. 911.

отношению к *прирожденному государю*»¹⁰. С точки зрения мировоззрения и мировосприятия, включая и такую важную составляющую, как общественно-политические представления, общество оказалось не готово к подобным переменам, и это хорошо ощутимо при знакомстве с публицистикой Смуты.

Оказавшись на престоле, Борис Годунов попытался задействовать все аргументы для легимитизации своей власти. В частности, он всячески подчеркивал связь с угасшей династией. Правда, аргумент о царском шурине изначально не мог быть весомым. Упрочить положение династии Борис Федорович надеялся с помощью брачных уз. В 1599–1600 гг. московские дипломаты вели интенсивные переговоры с «цезарем» о браке царевны Ксении с эрцгерцогом Максимилианом Габсбургом¹¹.

Переговоры окончились ничем, как, впрочем, и все последующие попытки, включая печальную историю со скоропостижно умершим в Москве принцем Иоганном, братом датского короля Христиана IV. Но показательна настойчивость, с какой действовал Борис. В логике его рассуждений любая издревле правящая династия воспринималась как богоизбранная; принятие иноверцем православия (на чем настаивали, но в чем ради родства московские дипломаты по царской указке готовы были пойти на уступки) «исправляло» принца и делало его брак в глазах подданных Годунова благочестивым; но одновременно это означало и признание избранности новой династии, раз с ней роднились представители древних правящих родов. В последующем подобными мотивами руководствовались Романовы, безуспешно пытавшиеся сначала найти за пределами Московского государства невесту для Михаила Федоровича, а затем уже самим Михаилом Федоровичем, и опять же неудачно, — жениха для дочери, царевны Ирины Михайловны.

При отсутствии династической преемственности возрастало значение благословения. Сторонники Годунова, включая первого патриарха, активно прибегали к этому аргументу: в прогoduновской публицистике царица-инокиня Ирина благословляет на царство

---

¹⁰ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 172.

¹¹ См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 87–104.

брата Бориса¹². Позднее Борис, согласно патриаршим грамотам, благословляет на престол сына «крестом животворящего древа, им же венчаются на царство великие государи наши прежние цари, да крестом чудотворца Петра»¹³. Здесь уже благословение встраивается в «нормальную» династическую преемственность — ценность бесспорную в глазах подданных, с напоминанием, что с этими крестами восходили на трон «наши прежние цари». Но в данном случае все это померкло перед наследственными правами идущего к Москве «прирожденного царя» Дмитрия Ивановича — Лжедмитрия I.

С углублением кризиса династический принцип приобретал все больший вес. Монархи избирались, но родственная связь с угасшей династией по возможности всячески подчеркивалась. В этом особенно преуспели Романовы, активно пытавшиеся соединить положение о богоизбранности Михаила Федоровича с тезисом о кровном родстве с династией московских Рюриковичей. Так, в «Известии о начале патриаршества на России и о возведении на патриарший престол Ростовского митрополита Филарета Никитича» осуждение Романовых в 1600–1601 гг. трактуется как преступное желание царя Бориса «до конца истребить царския сродники, и себе единого, и чад своих наследники показать»¹⁴. В последующем о Романовых уже говорится не иначе как о «царском роде», который Годунов вознамерился извести. Есть и иные интерпретации династического принципа: сторонники В. Шуйского неоднократно напоминали современникам о принадлежности Шуйских к богоизбранному роду Рюриковичей, причем к старшей, в сравнении с Даниилом Александровичем, ветви.

К идеи богоизбранности издревле правящей династии политики и публицисты возвращаются в 1610 г., при избрании на престол ко-

---

¹² Поведение царицы Ирины задало трудную задачу публицистам, особенно после того как пала династия Годуновых. Причастность царицы к избранию брата могла бросить тень на «благоверного» царя Федора Ивановича, что было недопустимо с точки зрения проромановской идеологии. Отстраненность царицы выгодна была и прогoduновским публицистам. В уста вдовой царицы-инокине были вложены слова, что у нее и у брата о престоле «на то мысли никакой нет». Если же подобное может случиться, то «на то святая Его воля будет, яко же угоден Господев, тако и буде». Тем не менее и она, отвечая на всенародное моление, дала свое благословение брату. ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 7. С. 32.

¹³ ААЭ. Т. 2. № 32. С. 87.

¹⁴ ДАИ. СПб., 1848. Т. 2. № 76. С. 195.

ролевича Владислава. Безвестный автор «Новой повести о преславном Российском государстве» пишет об исправлении «ветви», взятой «за величество рода» с «гнилова» и «кривого древа»¹⁵, испорченного иноверием, и превращения этой ветви после принятия православия в цветущую «во свете благоверия» ветвь. Нарушение польской стороной условий августовского договора 1610 г. привело к освобождению московских жителей от присяги, принесенной Владиславу Жигимондовичу.

Однако те основания, которые в 1610 г. были признаны самодостаточными для обретения кандидатом легитимных прав на Мономахов венец, не были поколеблены. Избрание как волеизъявление всех чинов Московского царства; принадлежность к правящей династии; изменение веры как обязательное условие избрания, — все эти аргументы по-прежнему оставались весомы в глазах современников. Тем не менее поиск подходящей кандидатуры завел стороны в тупик: ни одно из иностранных имен, произнесенных в канун Земского собора 1613 г., не смогло примирить противоборствующие партии. Представляется, что одна из причин неудачи, обычно ускользающая от внимания исследователей, — невольное умаление при таком варианте сакрального восприятия власти. Сакральность как богоизбранность плохо увязывалась с иноверческим «прошлым» всех перебираемых кандидатов. После неудачного опыта с королевичем Владиславом надежды на исправление «во свете благоверия» пересаженного отростка с «кривого древа» казались современникам более чем сомнительными.

Здесь нельзя не отметить, что через всю Смуту прослеживается стремление обладателей и искателей Мономахова венца расширить пространство сакрального в обосновании законности прав на престол. Инициатором и отчасти даже новатором в этом выступает Б. Годунов. Уместно даже говорить о новом витке сакрализации царской власти, который призван был закрепить шаткие позиции новой династии. Так, Годунов не только расширил текст присяги, но и перенес ее в церковь («в храме клятва будет крепче»)¹⁶, при нем

---

¹⁵ Дерево — традиционный образ правящего рода в древнерусской литературе.

¹⁶ Клятва, как признание легитимности монарха, приобретает в годы Смуты особое значение. На это справедливо обратил свое внимание В. Ульяновский.

многолетие стали петь всей царской семье. Сюда же следует добавить подчеркнутое благочестие Годунова, диапазон которого — от огромных вкладов в монастыри до обширного церковного строительства, венцом которого должен был стать собор «Святая Святых» в Кремле¹⁷. С его восшествием на престол актуализируется идея Москвы, которая должна стать в новое царствование «Новым Израилем»¹⁸. Богоутвержденность Годунова в посланиях Иова преподносится как целая религиозно-идеологическая программа: «Богом утвержденный Царю! Напрязи, и спей, и царствуй, истины ради и кротости и правды, и наставит тя чудно десница твоя, и престол правдою и кротостию и судом истинным совершен есть, и жезл силы пошлет Господь от Сиона»¹⁹.

Выше уже говорилось о негативной реакции современников на многие начинания Бориса. Приведем еще один пример, показательный с точки зрения обыденного восприятия прав новой династии. В комплексе документов, связанных с делом Романовых, сохранилась запись о разговоре между ехавшим в ссылку В. Романовым и его приставом И. Некрасовым. Последний так комментирует вину угодившего в опалу боярского рода: «Кому деи Божьим милосердьем, и постом, и молитвою, и милостынею, Бог дал Царство, а вы деи злодеи изменники хотели царство достали ведовством и кореньем». Для пристава таким образом возвышение Годуновых — следствие Божественного Промысла и благочестия Бориса. Но не менее примечателен и ответ Романова, иронизировавшего по поводу благочестия царя: «Свята деи

Он привел несколько примеров повседневного отношения к клятве, якобы достаточной для того, чтобы служить даже самозванцу. Так, Буссов передает признание П. Басманова: «Хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он наш государь. Мы его приняли и ему *присягнули* (выделено нами. — И. А.)». Еще более показательно признание старика, сторожа во дворце при царевице, который после гибели самозванца сказал: «Этот убитый государь был отважный герой, он в один год навел страх на всех соседних врагов, и наши московиты плохо сделали, что его убили, ибо они его приняли, посадили на престол и присягнули ему». См.: *Ульяновский В.* Смутное время. М., 2006. С. 182–183).

¹⁷ Баталов А. Л. Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.

¹⁸ См.: *Козляков В. Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 36.

¹⁹ ААЭ. Т. 2. № 2. С. 8.

та милостина, что мечут по улицам; добро та деи милостина, дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала»²⁰.

Реплика опального Романова удивительно созвучна со многими публицистическими произведениями. Те же дьяк И. Тимофеев и келарь А. Палицын, старательно перечисляя усилия царя Бориса и патриарха Иова придать новой династии сакральный образ, также ставят под вопрос подлинность благочестия Годунова. Правда, в отличие от разговора пристава И. Некрасова и ссыльного В. Романова, осуждается Годунов задним числом, уже после его смерти и низвержения династии. Но мотивация близкая: сакральная составляющая столь важна в смысле легитимизации власти, что противникам и оппонентам Годунова никак нельзя допустить, чтобы даже тень «обладания» богоизбранностью сохранилась за павшей династией. Эта мировоззренческая установка реализовалась во вполне конкретных действиях. Приведем лишь один пример: уже при В. Шуйском произошла известная реабилитация Б. Годунова и его погибшей семьи. С последних, перезахоронив их в Троице-Сергиевом монастыре, сняли «обвинение» в самоубийстве. Но Шуйского, а затем и Романовых, волновала не столько проблема реабилитации, сколько обличение самозванца, главного виновника гибели Годуновых²¹. Важно, однако, что Борис не был возвращен в Архангельский собор, т. е. остался неполноценным, «ложным» монархом. Не было снято с него и обвинение в убийстве царевича Дмитрия — от этой крови Борису Федоровичу не удалось отмыться. Больше того, канонизация царевича еще более усугубляла его вину и уж тем более сделала невозможным погребение в одном соборе с «жертвой» преступного замысла — страдальцем-отроком.

Необходимость избирать государя побудила современников Смуты обратить особое внимание на процедуру избрания. Ее правильность также служила подтверждением законности обретенного статуса, нарушение — основанием для сомнений. И хотя сами Земские соборы функционировали спорадически, без четко установленных

---

²⁰ АИ. Т. 2. С. 41. Шуйца — левая рука. Василий Романов намекает на корыстный характер благочестия Годунова, который творит милостыню подчеркнуто открыто, всем напоказ.

²¹ См.: Ульяновский В. Смутное время. С. 102.

норм, в обществе сложилось понимание того, что есть «правильный» Земский собор. Это хорошо осознавал такой опытный политик, как Борис Годунов. Не случайно Земский собор 1598 г. послужил образцом для избрания Михаила Романова. Мысль утвержденной грамоты о том, что Борис заслужил царство своими делами — победами над крымцами и шведами, устройством «тишины» в стране, успешным правлением при царе Федоре и заботой о благополучии всех чинов государства, — не осталась не замеченной авторами грамоты 1613 г., которым, как никогда прежде, пришлось озаботиться собиранием всех аргументов в поддержку кандидатуры первого Романова.

Напротив, игнорирование В. Шуйским требований «правильного» избрания привело к тому, что его социальная опора сузилась, а противники получили возможность обвинять новоявленного монарха в незаконном захвате власти. Едва ли не все памятники Смуты, за исключением написанных сторонниками царя Василия, обращают внимание на то, как потомок суздальских Рюриковичей оказался на престоле. Шуйский обвинялся в том, что «самохотно восхождением и наскочившее безстудне от боярска чина на царство»; выбран без участия Земского собора, «внезапно и самодвижно воздвигся кроме воли всеа земли и сам царь поставися»; «без общаго всеа Руси градов людцкаго совета» и т. д.

Правильный Земский собор, дополненный всенародным прощением, мог трактоваться как выражение божественной воли и, одновременно, быть своеобразной «всесословной санкцией» на воцарение. К. Буссов в своей знаменитой «Хронике» передавал реакцию Бориса на шествие народа в Новодевичий монастырь в связи с его отказом занять престол: «Так как я вижу, что множество присутствующего здесь народа из всех сословий не перестает просить, то полагаю, что воля Господня такова, чтоб государем на Руси был я»²².

Идея богоустановленности царской власти в годы Смуты сделала актуальным деление царей на «праведных» и «неправедных», «подлинных» и «ложных». Так, Тимофеев различал царей подлинных — «первосущих», «истиннейших и природных», и царей по внешнему подобию — «несущих», «чрез подобство наскикивающих на царство».

---

²² Буссов К. Московская хроника. М., 1961. С. 16.

В других произведениях фигурируют «лжецари», «рабоцари», «самовенечники», самозванцы «от страднические четы, безыменные, мельчайшие и самозванные».

При таком делении даже помазание не делает искателей престола царями. Оно весомо, но все равно недостаточно. Годунова, хотя его и допустили к венчанию «все людие земли», истинным царем признать нельзя: он не самодержец, а «самовластец». Он не может держаться «повелений, данных Богом» (то предназначение самодержцев богоданных), оттого и действия его «неудобно некая богое и чело-веком» (И. Тимофеев).

Благодаря стараниям публицистов, в сознании человека Смуты не поведение и даже не принадлежность к «высоким родам» делает кандидата царем. Важнее всего *предназначение*. На первый план выходит ветхозаветное, столь почитаемое на Руси восприятие царя — царь не столько по рождению, сколько по предназначению. В итоге государи различаются как цари по Божьему промыслу и цари «по собственной воле», т. е. по сути — не истинные властители, даже если они оказались на троне. В этом своем утверждении интеллектуалы отчасти устроили сами себе ловушку: ведь им отныне предстояло научиться самим и научить других различать истинных царей от ложных. Но как это сделать? Если, по словам автора «Нового летописца», все желали на Московское государство государя «праведна, чтоб дан был от Бога, а не от человек», то как же воплотить это самое всеобщее желание?

Здесь поневоле приходилось «реабилитировать» те признаки легитимности, в наличии которых не просто было отказано царям павшим, а и поставлена под сомнение сама их значимость. Крут замыкался: говоря о показном благочестии, «неправославном поведении», сомнительном избрании, пагубных поступках и т. д., приходилось одновременно перечислять то же самое, но уже со знаком «плюс» в отношении «своих» кандидатов.

Такой поворот поневоле оставлял современникам большой зазор для личного выбора. Однако подобная «свобода» едва ли устраивала и самих авторов, и тех, кто стоял за ними. Отсюда такая убедительно-настойчивая тональность и изобличающая стилистика большинства произведений Смуты и о Смуте. Недостатки аргументации восполнялись эмоциональностью и апелляцией к бесспорным ценностям.

В этой связи интересно проследить, как внедрялась и прорастала в общественном сознании идея романовской «предначертанности»: в публицистике обыгрывается тема страданий и гонений, причем не столько будущего царя Михаила Федоровича, сколько Федора Никитича (Филарета).

В том, как обсуждалась проблема легитимности власти, несомненно отразился уровень развития общественного сознания современников и участников Смуты. Однако и содержание, и уровень общественного сознания не остались неизменными. Разумеется, само обсуждение шло в конфессиональных рамках. Мирское устройство, включая устройство власти, рассматривалось как путь к воплощению нравственных требований «светлой веры» в православном царстве. Богоизбранный монарх-самодержец понимался как благочестивый христианин, справедливый правитель, охранитель веры, защитник царства. Такой взгляд не был новостью: он укрепился в общественном сознании еще в прошлом столетии. При этом то же общественное сознание так и не ответило на вопрос, как следует регулировать отношения между подданными и самодержцем, особенно если последний оказывается далек от идеала. Правление Ивана IV показало, сколь ненадежна в этом случае надежда на традицию, разумное согласие между государем и его слугами, наконец, на посредническую роль церкви.

Опыт Смуты — не прямо, а скорее косвенно и лишь отчасти, — дал свой ответ. Идея богоизбранности как основание бесспорной легитимности избранного правителя нашла свое выражение во всенародном избрании. Сколь скептически ни относились интеллектуалы к этому акту, другой формы «проявления» высшей воли они не нашли. Но всенародное избрание есть не что иное, как Земский собор. Именно собор и именно в ходе Смуты становится институционально закрепленным инструментом коллективного воздействия на самодержца. Кажется, образнее всех об этом сказал И. Тимофеев, упрекая Шуйского в том, что «не в землю углубил Василий свою храмину». Земля, земство, всенародное избрание, как форма и проявление народной легитимности, были признанным фундаментом царства: Шуйский попытался обойтись без него, и его царство-«храмина» рухнуло. Не могло не рухнуть. Легитимность, та-

ким образом, оказалась неразрывно связана с правом и правовыми процедурами... правильного избрания²³.

3

Кто виноват в Смуте и в чем ее причины?

Религиозное сознание определяло направление поиска ответов на эти вопросы. Всякое потрясение есть наказание за согрешения; всякое возрождение возможно через покаяние, искупление и последующее крепкостояние в вере. Однако наказание за согрешение — «по попущению Божию за грехи наши» — слишком общая формула. Да и как объяснить размах кары, ведь ни одна «книга апостольская, ни жития святых, и ни философские, ни царственные книги, ни хронографы, ни летописи, и никакие другие книги не поведали нам о такой казни ни над одной монархией, ни над царством или княжеством, какая совершилась над превысочайшей Россией». Это сентенция безвестного автора «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства» — косвенное свидетельство остроты переживания. Московское царство казнило, и еще как! Разумеется, «сравнение» книжником «казней» — дань жанру, но все же отчего такое случилось с «превысочайшим» Московским государством?

Беспокойная мысль современников Смуты не пожелала ограничиться общими местами. Взвешивались личные качества правителей, шел перебор темных и светлых сторон их характеров, за которыми современникам виделось противостояние сил добра и зла. Дьяк И. Тимофеев писал на страницах своего знаменитого «Временника»: «Если мною описаны будут только злодеяния, а о добродетелях расскажут другие, а я промолчу, то сразу же обнажится несправедливость писателя. А если о том и другом будет рассказано правдиво, без прибавлений, то все уста умолкнут». Дьяк и в самом деле остался верен своему обещанию. Он признает опытность и ум Годунова, пред которыми меркнут иные «умные цари». Ведь их «ум — лишь тень его

---

²³ См.: Черепнин Л. В. Тема государства в русской публицистике начала XVII в. // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 177.

ума». «И пусть никто не пытается поймать меня на этих словах, будто я оправдываю славолюбца, — замечает далее Тимофеев, — в одних местах я его обличаю, в других как будто хвалю, но делаю это не везде, а лишь здесь, справедливо оценивая ум тех и других, невзирая на лица».

Установка новаторская, отчасти даже выпадающая из древнерусской книжной традиции — пред нами уже «размышляющий автор»²⁴. Но в этом своем стремлении Тимофеев не одинок. Выше уже говорилось — Смута создала целую генерацию подобных авторов. И они вынесли нелицеприятный приговор своим современникам, составив перечень их грехов-проступков.

Этот мартиролог длинен и печален. Как сказано выше, в писаниях публицистов безмерны вины правителей. Бог наказал их. Бориса — за гордыню и высокоумие, за овладение тем, что никогда ему не было предназначено. Столь же тяжки вины В. Шуйского, избранного «из боярского рода самовольно... без Божьего благославения». Оттого не было ему ни в чем удачи. «Царствовал он бесчестно и кратковременно», подданных не жалел и все «возненавидели царя Василия».

Правители легко давали обещания, легко переступали через них. В итоге власть утратила свой престиж, стала не властью, а безвластием. «Вследствие грехов правителей расстроились отношения между ними и подданными, а отсюда беды Смуты», — так подытожил эти размышления книжников в своей не потерявшей и поныне научного значения статье А. Яковлев²⁵.

Читатель легко найдет еще немало подобных примеров в материалах, помещенных в настоящем томе. И хотя за оценками содеянного государями, несомненно, проглядываются политические симпатии и антипатии авторов сочинений, приговор выносился, исходя из нравственных и мировоззренческих установок, нелицеприятный и суровый. Любопытно, однако, что в перечисленных фактах просматривается своеобразное «согласие» авторов со своими героями

---

²⁴ Об этом см.: *Киселева М. С.* Учение книжное. Текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000. С. 180–182.

²⁵ *Яковлев А.* «Безумное молчание». Причины смуты по взглядам русских современников // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 660.

и антигероями. Ведь последние ведут себя в их сочинениях как виноватые. Так, в грандиозных планах прославления Бога Годуновым улавливаются не просто самодержавные и династические амбиции — ошутим и своеобразный личный «торг» искупления. По-видимому, прав В. Ульяновский, взглянув на поведение царя Бориса через призму осознания им несправедности многих деяний, причем обязательно, что в их списке — преступный замысел против царевича²⁶. Об утрате душевного равновесия косвенно свидетельствует тяга «благочестивого царя» к колдунам и астрологам. Разумеется, для обыденного средневекового сознания «мирное сосуществование» веры и магии — явление достаточно обыденное. Но крайности, в которые бросался Б. Годунов (или те же Лжедмитрии, В. Шуйский), побуждали современников верить во все приписанные правителю преступления. «Царь Борис, терзаемый совестью за то, что совершил так много жестокостей и незаконным путем достиг престола, жил в непрестанном страхе и заботах», — писал И. Масса²⁷.

Здесь, впрочем, не место для размышлений о мнимых и реальных проступках и преступлениях правителей. Важно подчеркнуть, что Смута содействовала «разрастанию» всеобщего чувства вины. Казалась бы, подобные дефиниции не имеют никакого отношения к общественно-политическим взглядам и представлениям. Однако это не так. Вина связывается с неисполнением своих обязанностей, забвением того, в чем поклялись и чему должны были неотступно следовать. Отсюда пристальный интерес писателей к *должному* для православного человека и обладателя определенного чина и статуса. Эту мысль можно выразить и иначе: при нормальном течении событий *должное* оставалось нормой и мало привлекало внимание. Смута превратила поведенческую «норму» — верность присяге, строгое исполнение сословных и чиновных обязанностей и т. д. — в «не норму», потому что прежняя «не норма» в обстановке массовых измен, «перелетов», нарушения клятвоцелования стала «нормой». С обрушением привычного выявилась вся бесценная себестоимость этих прежде малозаметных и повседневных «норм», на которых, как оказалось,

---

²⁶ См.: Ульяновский В. Смутное время. М., 2006. С. 12.

²⁷ Масса И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 54.

покоилось все мироустройство²⁸. О них вспомнили. Над ними стали размышлять.

Неудивительно, что публицисты попытались уйти от чрезвычайно расплывчатой формулы коллективной ответственности и повели разговор о степени вины, а значит, исходили из разной меры ответственности социальных слоев. Авторы постарались вменить в вину своим современникам вполне *конкретные* проступки. Преднамеренность и неизбежность Смуты, определенные Промыслом Божиим, оказались, таким образом, в тесном соседстве с толкованием свободы выбора пути — пути спасения или пути греха.

Может быть, поэтому особенно тяжелой была признана вина элиты, которая «господское свое происхождение променяла на рабское служение». Отсутствие широты политического мышления, корыстолюбие побудили правящие слои потворствовать самым низменным инстинктам государей. Так, «льстивая хвала... заискивающих бояр» разжигала ненасытное честолюбие Б. Годунова: тот не по достоинству и не по предназначению (а то грех смертельный) возжелал царства, они же (грех не меньший) «вкрадчивой лестью» ему во всем потакали: «Его желание и их лесть — одна сплетенная из грехов верига» (И. Тимофеев).

Бояре виновны и в низложении царя Василия, а затем и в призывании королевича Владислава, отец которого, польский король Сигизмунд III, «давно ждал того, чтобы обольстить русских людей». Ин-

---

²⁸ Разумеется, перемены в смыслах не ускользали от самих современников. Масштабность измен не делала сами измены поступками достойными. Превращаясь в «норму», эти измены требовали оправдания. Потому появились такие термины, как невольное отступничество, «непрямая измена» — по принуждению, незнанию, обстоятельствам. Заметим, что сами власти поощряли подобные «кривые пути», осознавая, что все иное оттолкнет от них подданных. Так, Романовы поведение новгородцев называли не «изменой», а «немецким пленом» — открывая через этот компромисс дорогу к примирению. (О моделях поведения новгородцев и политики властей в годы Смуты см., например, исследование А. Селина: *Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. Новгород, 2008.*) Первый самозванец в своих грамотах так оправдывал московских людей: «Борис стал на государстве царем, а вы про нас, своего прирожденного государя, не знали и крест ему целовали по незнанию. И вы ныне узнайте нас, своего государя государевича, и от нашего изменника Бориса Годунова переходите к нам и впредь уже нам, государю своему прирожденному, служите без обмана и добра хотите».

трига обернулась бедой: вместо сына король прислал своих людей, и «овладели они царством». Бояре попустительствовали разрушению социального порядка и, вместо того чтобы осадить «меньшие чины», способствовали разжиганию междоусобной борьбы, итог которой — крушение социальных устоев и нравственных креп. Наконец, они первые стали играть царями, «яко детищем», то низводя их с царства, то пресмыкаясь перед ними сверх всякой меры, не думая о том, что этим губят само Православное Царство.

Возложены были великие вины и на низы общества, склонные к непослушанию, забвению своих обязанностей, отступничеству, разбою. Но прежде всех этих грехов был совершен грех всеобщий, падавший на всех, — грех великого молчания. «Не смолчи мы в свое время перед злодеяниями Бориса, не было бы и зол Смутного времени», — писал Тимофеев. Вторивший дяку А. Палицын нашел еще более осуждающие слова. У Троицкого келаря сомкнутые уста «всего мира» во время злодеяний Ивана Грозного — Б. Годунова есть не что иное, как «безумное молчание»: «...Еже о истине к царю не смеюще глаголити».

«Зачем смолчали?» — в подобной постановке вопроса уже упомянутый А. Яковлев справедливо увидел новый поворот в рассуждениях о виновниках Смуты. Виноваты уже не люди, а строй, сложившиеся общественные отношения, порождающие безмолвное большинство, не способное защитить собственные интересы и интересы страны²⁹. Не завопили, смолчали — потому ничего и не совершили, ибо всегда именно слово предшествует делу. «...Сами мы виноваты, а не кто-либо другой во всех бедах, мы сами из-за нашей беспомощности, а в этой беспомощности виновата наша трусость, наша неспособность к организации», — вынес свой вердикт дяк Тимофеев.

4

Смута породила еще одну специфическую форму выражения политических идей, до того почти незнакомую русскому человеку. Речь идет о попытках воплощения тех или иных общественно-политических идей и принципов в правовой форме. Именно в Смуту появились документы, нормативно определявшие не только права

---

²⁹ Яковлев А. Указ. соч. С. 661.

и обязанности подданных, но, и, начиная с В. Шуйского, самих правителей. Эти ограничительные записи издавна привлекали внимание историков. Присяга царя перед лицом подданных, по выражению В. О. Ключевского, «...дотоле небывалый акт в московском государственном праве». По его же определению, присяга Василия Шуйского стала «...первым опытом построения государственного порядка на основе формально ограниченной верховной власти...»³⁰. В ряде исследований последних десятилетий историки увидели в подобных актах реальную альтернативу самодержавному вектору движения: Смута рассматривается как распутие, развилка, редкая возможность поворота к «правовому» сценарию развития русской истории³¹.

И в самом деле, новации кажутся столь необычными, выпадающими из прежнего вектора общественно-политического развития, что требуют всестороннего осмысления. Между тем в свете материалов, включенных в настоящий и предыдущие тома библиотеки, читатель имеет возможность убедиться, что появление подобных нормативных памятников не такая уж и неожиданность. Если не в своем правовом воплощении, то, по крайней мере, в смысле присутствия подобных общественно-политических идей в кругу интеллектуалов и политических деятелей. Возможно даже, что степень этого преутовления была выше, чем кажется. Читателю, конечно же, бросится в глаза то недоумение, которое было высказано правящими верхами В. Шуйскому по поводу его стремления поцеловать крест подданным. «О беда! О скорбы! — восклицал тот же Хворостинин. — Только ради скоропреходящей жизни этой властью обольщается царь и присягой связывает себя, хотя никто из людей этого от него не требовал; по собственной воле он дал присягу, будучи властолюбцем, а не боголюбцем». Однако не следует забывать, что «обвинения» в нарушении богоустановленного порядка высказаны в «Новом летописце» и иных сочинениях о Смуте уже при Романовых, когда последние всячески старались вытравить из памяти подданных воспоминания об ограничении власти и заодно о своем избрании. Отношение же совре-

---

³⁰ Ключевский В. О. Указ. соч. Ч. III. С. 36.

³¹ Кобрин В. Б. Смутное время — утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991.

менников к подобным решениям было более сложным и полифоничным³².

Акты времен Смуты, несомненно, расширили политические представления и стереотипы, бытовавшие в обществе. В жизнь вошли до того малознакомые и вовсе неизвестные понятия. Оказалось, что государя можно не только выбрать, ограничить, но и посадить с престола. «Земское дело», отличное от «государева дела», предельно расширилось и даже вобрало в себя то, что прежде было исключительной компетенцией именно «дела государева»; в ход пошли приговоры, решающие не только текущие вопросы, но и формирующие статус целых сословных групп, устанавливающие принципы «мирского устройства». Это правотворчество различных чинов, «земли» в целом, открыло новую страницу в истории циркулирования общественно-политических теорий и идей. Оказалось, что их отвлеченность лишь кажущаяся. Не было ничего более актуального и действенного, чем провозглашенная норма, отвечающая общественным ожиданиям и устремлениям, получившая поддержку сначала в головах, а затем и в поступках людей. Таким образом, акты времен Смуты стали неотъемлемой частью общественно-политических идей, рожденных и циркулирующих в эти годы.

5

Смута кончилась. Но в памяти она осталась как апокалиптический знак, как напоминание о близости последнего времени. В понимании современников русские люди «понаказались» Смутой. Они же получили от Бога прощение за запоздалое покаяние и терпение, но еще более — по заступничеству Богородицы, московских чудотворцев, всех святых. И теперь от них зависело, чтобы «мерзость запустения», осознаваемая как прах разрушенного Иерусалима, сменилась возрожденным Святым Градом. И имя этому Новому Иерусалиму — Москва. Однако случится это, если будут «запечатаны грехи» и «заглажены беззакония», если во всех уголках земли установится «правда вечная». Вот только под силу ли это русским людям? Смогут ли они не оступиться снова и не поддаться греховным соблазнам?

---

³² См. напр.: *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

Именно эти вопросы сразу же по окончании Смуты стали задавать себе истинные подвижники, для которых особенно актуальной стала завершающая часть знаменитой формулы монаха Филофея о Москве — Третьем и последнем Риме, потому что Четвертому Риму не бывать! Отсюда обостренное внимание к религиозно-нравственному состоянию общества, призывы «ревнителей древнего благочестия» к оцерковлению мирской жизни. Эти эсхатологические переживания и мессианские устремления придали особую значимость традиционным ценностям. Долгожданные «тишина и покой», обретенные по окончании гражданской войны, упрочили консервативные настроения и неприязнь русского общества к западной культуре. Правда, без последней обойтись уже не могли.

Возвращение к досмутной старине — «тишине и покою» — дорого стоило. Восстановление государственности и обретение стабильности мыслились как реставрация самодержавия и утверждение режима всеобщей несвободы. Но и Романовы, усвоив уроки Смуты, не позволяли себе деспотических «вывихов» Ивана Грозного. Тем не менее самодержавие возрождалось в прежнем объеме, будто и не было опытов с ограничением власти монарха. А раз так, то верх взяла самодержавная логика, которая не могла примириться с любой дискредитацией власти. Возвращалось толкование сакральной власти монарха как власти заведомо безошибочной и безгрешной. Проходит немного времени, и вот уже все меньше слышится речей о «безумном молчании» подданных и уж совсем мало — о безумных деяниях государей. Официальная идеология выводит из-под критики Ивана Грозного. Оставлен в «покое» и царь В. Шуйский. Непрошленным остается только «рабоцарь» Б. Годунов, запятнанный кровью царевича Дмитрия и неправыми гонениями на Романовых. Проклятыми, понятно, остаются все самозванцы. Вопрос о виновниках утрачивает прежнюю адресность, перемещаясь в плоскость общего прегрешения русских людей, не сумевших устоять перед соблазнами и происками «врага человеческого», насылающего на них то Гришку Отрепьева, то «литву» и поляков. Сакральная власть вновь безвинна. Да она и не может быть иной, если престол занимает богоданный государь.

В подобной мифологизации Смуты не было ничего особенного. Как всякое судьбоносное событие, оно со временем начало служить интересам правящей династии. Торжествует «романовский» взгляд на

Смуту, где всего понемногу, — и правды, и полуправды, и лжи. Понятно, что при этом сетовать на короткую историческую память народа — значит вовсе не понимать логики истории. Это не память забывчива, а времена разные, каждое из которых старательно выуживает из прошлого то, что ему, этому времени, необходимо. В продолжении долгих лет уроки Смуты — это преимущественно уроки «ценности» самодержавной власти и народной привязанности к ней, народного патриотизма и самопожертвования, опять же трактуемого в рамках монархизма. И лишь памятники времен Смуты возвращают нас в эпоху именно тех страстей и общественно-политических идей, которыми жило тогдашнее, потрясенное до основания общество.

*И. Л. Андреев,
кандидат исторических наук,
профессор*

I. ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ
(КОНЕЦ XVI — НАЧАЛО
XVII ВЕКА)

Патриарх Иов¹

ПОВЕСТЬ О ЖИТИИ ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА

Повесть о честном житии благоверного и благородного и христолюбивого государя царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича, о его царском благочестии и добродетельных правилах и о святой его кончине. Писано смиренным Иовом, патриархом Московским и всея Руси

Неба просторы и высота недоступны и неописуемы, земли же ширь и даль недостижимы и неохватны, моря же глубина неизмерима и неведома. Многие же проявления добродетелей святых и крестоносных преславнейших российских царей и великих князей неисчислимы и непостигаемы. Если и сыщутся некие знатоки глубоко-разумного российского языка, если и будут они умудрены искусством грамматики и силою красноречия, то и тогда о величии добродетелей благочестивых этих самодержавных царей по достоинству поведать не смогут.

Нам же, убогим и грубым разумом, хотя и не подобает рассуждать об этом, но, призвав на помощь благодать человеколюбивого Бога, имея наставником Святого Духа и сподобившись малой толики добродетельных благодеяний, мы всех потчует духовной трапезой, да полезна будет каждому слышащему ясная наша нынешняя речь. Придите и внемлите, и поведаю вам, все богобоязненные люди, о том, что сотворил Господь в последнем нашем роде на земле благочестивой Русской державы. Дар слова понуждает ныне составить повесть, как бы некое сладостное и праздничное предложить яство, да не покроют годы глубиной забвения явленное нам великое божие человеколюбие, но, вкратце описанное, да станет известным оно вечно всем потомкам, а о чем — изъяснит смысл написанного.

Итак, было время, было, говорю вам, такое время, когда благочестивая и православная христианская вера в Великой России сияла ярче Солнца и своими светозарными лучами освещала всю вселенную, по слову пророка, от моря и до моря, и от рек до края вселенной слава ее простиралась, и всевластие благочестивых и крестоносных христианских царей Русской державы величественно процветало, и благородный царский корень долгие годы не иссыхал, — от велико-

го Августа, цесаря Римского², обладавшего, как гласит история, всею вселенной, и до самого святого нынешнего царствования богохранимой державы великого Российского государства, до благоверного и христолюбивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича³. Он же, благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, был сыном прославленного государя и храброго царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича⁴, который царствовал 49 лет и 9 месяцев на престоле вечной памяти отца своего Василия Ивановича⁵ и деда своего Ивана Васильевича⁶, великих князей всея Руси. Благочестивый же тот царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич был разумом и мудростью украшен, и богатырскими победами славен, и в ратном деле весьма искусен, и во всем царском правлении достохвально проявил себя, великие и невиданные победы одержал и многие подвиги благочестия совершил. Царским своим неусыпным правлением и многой премудростью не только подданных богохранимой своей державы поверг в страх и в трепет, но и всех окрестных стран иноверные народы, лишь услышав царское имя его, трепетали от великой боязни <...>.

По достижении пятьдесят третьего года жизни приключилась благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу тяжкая болезнь, и прозрел он в ней скорое свое к Богу отшествие, и принял великий ангельский образ, и наречен был в иноках Иона, и вскоре после этого покинул земное царство, отошел к господу в 7092 (1584) году, марта в 19-й день, и по кончине своей оставил превеликий скипетр Российского самодержавного царства и передал великий царский престол благородному сыну своему, благочестивому и христолюбивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу. Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович по преставлении вечной памяти отца своего царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича становится по божьему изволению и отеческому благословению преемником царского престола всей Великой России. Возведен же был и венчан на царство преосвященным митрополитом всея Руси кир Дионисием⁷, который тогда правил кормилом великой соборной церкви честного и славного Успения пречистой Богородицы и занимал в Москве престол великих чудотворцев Петра, Алексея и Ионы⁸. Было в ту пору благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу от роду лет двадцать семь.

Этот благочестивый самодержец, праведный и досточтимый и крестоносный царь и великий князь всея Руси Федор Иванович сравнялся в славе с благочестивыми древними царями, нынешним же являл собою образец светоносной красоты, будущим же оставил по себе сладчайшую память, благодетельную слуха усадлу, превзошел всех не только в Российской богохранимой державе, но и во всем подлунном мире <...> Еще с царственной юности своей преисполнился он духовной премудрости. Окруженный бесчисленными, редкостными и бесценными красотами бренного сего мира, он отвратил от них взор свой, никогда не прельщаясь никакой роскошью. Одно было у него попечение — помнить о Боге и всяческих добродетелях, пренебрегая житейскими красотами и соблазнами, дабы не пригвоздить к ним душу, но насладиться вечных благ от создателя всех и промыслителя, сподобиться царствия небесного. Кто же способен достойно рассказать о достохвальных проявлениях добродетелей благочестивого этого царя? Или кто дерзнет прикоснуться к перу, дабы составить повесть о святой его жизни? Хотя он и обладал могущественным скипетром превысочайшего Российского царства, но всегда ум свой устремлял к Богу, неусыпно бодрствуя душевными очами, а веру сердечную постоянно воплощая в благие дела. Тело же свое всегда изнурил церковными службами, повседневными молитвами и поклонами, всенощными бдениями, воздержанием и постом, душу же свою царскую врачевал чтением и слушанием божественных словес, прилежно пестуя и украшая благие нравы⁹ <...>.

Спустя немногие годы после этого похода¹⁰ царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич божьею волею отошел к Господу, и Российского царства скипетр, как и прежде сказано было, принял достохвальный сын его, благочестивый наш царь и великий князь всея Руси Федор Иванович. Нечестивые же булгары¹¹, гордыней бесовскою обуянные, опять посягают на православный народ и, вступив в русские пределы, по обыкновению своему уводят большой полон.

Видя это, преблагой человеколюбивый Бог наш не дал вконец погибнуть крещеному народу, вложил благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу в сердце мысль, дабы избавил православных христиан от насилия нечестивцев. Царь, истинный рачитель благочестия, воспламенился от этой божественной мысли и повелел мудрому своему правителю Борису Федоровичу¹² послать

большое войско на нечестивых болгар. Достохвальный же правитель Борис Федорович не мешкая приказ благочестивого царя выполняет, собирает большое христолюбивое воинство, назначает воевод и, вооружив эту могучую рать, посылает ее на болгар. Вторгшись в их область и захватив толпы пленников, воинство благочестивого царя с божьей помощью в сражениях одолело нечестивцев; множество их пало от мечей. Воочию узрев храбрость и неукротимую решимость христолюбивого воинства и собственную погибель, болгары вскоре изъявили благочестивому царю рабскую покорность. Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович повелел в их стране много своих крепостей построить, и с той поры и доныне благодаря царскому благоразумному управлению все земли болгарские в полной покорности и в рабском послушании под его царскою десницею пребывают¹³. Этой деснице покорны и навеки подвластны не одни нечестивые болгары; ей подчинена вся Сибирь¹⁴, поработены все живущие в сибирских землях язычники-сыроядцы; получая от них каждый год различные оброки и дани, царь разрушил все бесовские капища, поставил много укрепленных городов, населил их крещеными людьми, возвел православные храмы, и так утвердившееся при царском управлении истинное богопочитание доныне нерушимым остается.

К сему не умолчим и о прочих царских добродетелях: был он весьма нищелюбив, опекал вдов и сирот, особливо же почитал священников и монахов, всегда щедрой милостыней их оделяя. И таким ревностным был этот поборник благочестия, что незатихающая его слава, подобно солнечным лучам, простиралась не только по державе богохранимого его Царства, но и по всей вселенной; и таково было его милосердие, что не только богохранимой его державы нуждающиеся люди получали щедрое подаяние, но и в дальние края земли нескудеющей рекою оно всегда изливалось. Говорю вам, в Святую гору Афон, и в Александрию, и в Ливию, и в Великую Антиохию, и во все святые места, и в самый божий град Иерусалим богатая милостыня всякий год царем посылалась.

Слух о его благочестивых добродетельных деяниях дошел и до царственного града Константинополя и достиг ушей святейшего патриарха кир Иереми¹⁵. Тогда этот патриарх Иеремия, услышав о добродетельной жизни и великом благочестии благоверного царя всея Руси Федора Ивановича, поспешил подвигнуться на весьма долгий

и трудный путь, прибыл в Великую Россию, желая видеть необыкновенную красоту великой христианской соборной церкви и великое благочестие благоверного царя Федора Ивановича. Как в древние времена южская царица Сивилла приходила из восточных стран в Иерусалим, чтобы узреть премудрость Соломона¹⁶, так и сей святейший патриарх Иеремия, возгоревшись пылким усердием к благочестию, невзирая на маститую старость и пренебрегши тяжкими трудами, вскоре к благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу приходит, словно некий почтенный купец, который принес с собою не золотой клад и не редкостные драгоценные камни, а неиссякаемое духовное сокровище, бесценный жемчуг Христовой благодати, иначе говоря, в качестве самого почетного дара, — сан великого патриаршества. Престол же великой Русской митрополии тогда занимал преосвященный кир Иов, митрополит всея Руси.

Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович с великой любовью и неизреченной радостью встречает патриарха Иеремию, воздает подобающую святительскому его сану честь, приемлет благословение и пожелание мира, вволю от своих царских щедрот наделяет патриарха всем потребным для повседневной жизни. Потом благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович намерение свое царское изъявляет, да поставит патриарх Иеремия в богохранимой державе Великой России патриарха по правилам святых апостолов и святых отцов. Выслушав намерение благочестивого царя, патриарх был весьма удивлен тем, сколь велико царское стремление к благочестию, и стал размышлять, как бы возвести на престол Русской митрополии патриарха, ибо по заветам святых апостолов и заповедям святых отцов надлежит быть только четверем вселенским патриархам: в Великой Антиохии, в Иерусалиме, в Константинополе и в Александрии; пятый же патриарх — это папа в Риме. Зная, что римский папа много лет тому назад от благочестия отступил и от истинной христианской веры отпал; памятуя также, что ныне царственным градом Константина владеют неверные и что они ненавидят благочестивую веру и повсюду ее преследуют; убедившись, что в Великой России издревле процветает неколебимое православие, как солнце на тверди небесной сияющее; особенно же узрев неизреченную красоту знаменитейшего храма Успения Божией матери,

а в нем — многие священные вещи и всякие святыни, употребляемые при различных и многообразных службах в похвалу и в прославление вседержителя Бога и пречистой Богородицы и всех святых; осмотрев почитаемые златокованные гробницы, в которых, как некое многоценное сокровище, покоятся великие чудотворцы, русские митрополиты Петр, Алексей и Иона, от чьих нетленных мощей многие сподобились исцелений и других чудес; увидев в благочестивом царе и великом князе всяя Руси Федоре Ивановиче сердечное усердие и веру в Бога и великое прилежание и неустанное попечение о благоденствии всех благочестивых народов, исповедующих православное христианство, патриарх Иеремия, подивившись всему этому, воздав хвалу всемогущему Богу и возложив упование на милость от превеликих его щедрот, поставляет в 7097 (1589) году в Великой России на русскую митрополию патриарха — тогдашнего митрополита Иова, нарекиши его четвертым среди вселенских патриархов. Место же папы теперь занял патриарх константинопольский¹⁷.

Преисполнившись радости, царь оказал гостю самые высокие почести и, одарив его в изобилии многоценными дарами, через немногое время с великой честью отпустил в Царьград¹⁸. <...>

Потом патриарх Иеремия пишет послания ко всем трем патриархам, в Александрию, в Антиохию и в Иерусалим, извещая, что в бытность его в Великой России поставил там патриарха на престол русской митрополии, и предлагая, да ответят ему собственноручными писаниями, одобрительными и единодушными, чтобы быть в Великой России патриаршему престолу вековечно и чтобы патриарху всяя Руси быть поставляему не главою константинопольской церкви, а собором своих митрополитов. Прочитав послание, они вскоре ответили, что сияющая таким благочестием Великая Россия достойна патриарха, и ответы сопровождали своеручными подписями митрополиты, архиепископы и епископы всех трех патриарших церковных областей. Это одобрительное писание трех патриархов, скрепленное митрополитами, архиепископами и епископами, святейший патриарх Иеремия тотчас посылает в Великую Россию к благочестивому царю и великому князю всяя Руси Федору Ивановичу, обращаясь к нему с такими кроткими словами: «Прими, о великий самодержец и крестоносный царь, истинной православной веры усердный рачитель и непреклонный и неодолимый поборник, этот наш твоему бла-

гочестивому царству духовный дар, каковой ныне приносится нами во славу святой и живоначальной Троицы, и в честь пресвятой владычицы нашей Богородицы, и в знак одобрения твоего самодержавного благочестия: да будет престол патриарший в твоей богохранимой державе вовеки. Ибо преблагой Бог наш, видя веру неколебимую и достохвальное рвение царского твоего благородия о соблюдении всего православного благочестия, дает тебе вожделенный дар по желанию твоему, устроив престол великого патриаршего сана посредством нашего смирения. И пусть будет эта единодушная грамота брату о Святом Духе и сослужителю нашего смирения, вашему же о Святом Духе отцу и богомольцу патриарху Иову грамотой на утверждение святительского сана ему и всем его патриархам-преемникам вовеки». <...>

В годы благочестивого его царствования управлял и ведал под его владычеством богохранимой державой шурин его, чином слуга и конюший¹⁹, боярин Борис Федорович Годунов. Выделялся этот Борис Федорович необычайной мудростью, превосходил всех саном и благородием, и, благодаря достойнейшему его правлению, благочестивая царская держава процветала в мире и в нерушимой тишине; много стараний явил правитель о благочестии и великими деяниями споспешествовал благоденствию богохранимой царской державы, так что и сам благочестивый самодержец, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, дивился высочайшей его мудрости и храбрости и мужеству. И не по одной только своей державе пронесся слух, но и по всем странам иноверных народов прогремела слава, что не было тогда в Русском царстве равного ему храбростью, разумом и верой в Бога. Из многих языческих царств слава эта приводила к царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу пришлецов с дарами многоценными, воздающих рабское поклонение и должные почести царскому величеству и царской богохранимой державы искусному правителю; потрясенные духовной красотой его лица и премудростью его разума, они, возвращаясь в свои страны, с изумлением возвещали о величайших его добродетелях.

Искусный же этот правитель Борис Федорович по царскому изволению своим недреманным руководством и прилежным попечением возвел много окруженных каменными стенами городов, воздвиг в них во славу божию величественные храмы, устроил множество иноческих обителей. Самый царствующий богоспасаемый город Мо-

ску, словно невесту перед венцом, украсил он дивными красотами: построил прекрасные каменные церкви, громадные палаты, так что одно их лицезрение повергает в трепет; всю Москву опоясал могучими каменными стенами, и этот город-крепость, величественный пространством и красотой, прозвал Царьградом²⁰; внутри же создал гостиные дворы для жительства купцов и для хранения товаров; много и другого, достойного хвалы, было учреждено в Русском государстве²¹. <...>

Скверный пес, крымский царь Казы-Гирей, узнал о том, что большое войско послано было благочестивым царем завоевывать землю немцев²², что много воинов было оставлено и в Новгороде Великом и в новгородских уездах для обороны в случае нашествия нечестивых немцев; тогда крымский царь Казы-Гирей заключил союз со шведским королем Юханом²³, чтобы им одновременно с двух сторон напасть на православных. Так из-за грехов наших попустил Бог, наказующий нас то голодом и смертоносной чумой, то пожарами и междоусобицами, то нашествием иноплемеников, — да отвратимся от прегрешений наших. Нечестивый царь собрал громадные силы²⁴, призвав воинов не только своего, но и разных других племен, и двинулись эти безумные рати, помчались, словно хищные волки, собираясь растерзать христоименитое стадо разумных овец, похваляясь и кичась и хулу изрекая на Бога нашего, намереваясь захватить отеческое наследие благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича. Ибо слышал о нем непотребный царь Казы-Гирей, что он выше меры благочестив и своими непрестанными к Богу молитвами всю богохранимую царскую державу блюдет в мире и тишине. Этот окаянный царь со своей громадной силой скоро вторгся в Великую Россию, обходя многие города и большие поселения, находящиеся в державе благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича, не разоряя их и не захватывая пленников, ибо так размышлял скверный царь: «Если сумею царственный город Москву захватить, тогда и всем остальным смогу завладеть».

Благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, услышав, что безбожный крымский царь с могучими силами идет на его прародительское государство, весьма опечалился, но тем скорее подвигся на молитву, так обращаясь к Богу: «Суди, Господи, обидящих меня, огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и воз-

двигни их в помощь мне, окажи нам милость человеколюбия твоего, как и в древние времена при Езекии, царе Израиля, когда похвалялся царь ассирийский Сеннахерим, намереваясь с силой великою разрушить достояние твое — Иерусалим, и послал ты ангела твоего, и перебил он за одну ночь 185 000 воинов ассирийских²⁵. Так и ныне, владыка, пошли мне, рабу твоему, ангела твоего в помощь, не попусти этому нечестивому варвару и его людям, похваляющимся и беснующимся от гордыни, разорить твое достояние, а мое отечество, чтобы не сказали противники наши: «Где же их бог?». Пусть уразумеют истину, что ты, избавитель, с нами». Как только крымский царь приблизился к царственному городу, благочестивый царь повелел искусному правителю и своему шурину, достохвальному воеводе, вышеупомянутому боярину Борису Федоровичу, быстро собрать все христолюбивое войско, сколько его оказалось тогда в царской державе, и немедленно изготовиться к сражению (в то время много воинов было послано в Новгород Великий для отпора нечестивым полчищам короля шведского, злого советника крымского того царя, остальные же христолюбивые воины благочестивого царя были распущены по домам и не знали о нашествии).

Сей же Борис Федорович был премудростью украшен и в ратном деле весьма сведущ; он явил себя непобедимым воеводой во всяких воинских трудах²⁶. Быстро собирает он высших военачальников, и тысячников, и сотников, и все множество ратных людей Российского царства, сколько их нашлось тогда в царственном городе Москве, дабы приготовились отразить нападение приближающихся поганых варваров. Также приказал он все дальние посады царственного города обнести деревянной стеной и поставить на ней и на башнях большие пушки и пищали²⁷. Вблизи царственного города, верстах в двух или чуть дальше, искусный правитель Борис Федорович велел разбить стан, или обоз, умело устроенный передвижной город на повозках, очень удобный для отражения неприятеля²⁸. Там собралось царское христолюбивое воинство, снабженное мощными пушками и разными военными приспособлениями. Внутри передвижного города было поведено поставить церковь во имя преподобного чудотворца Сергия — из полотна, подобно древней израильской скинии²⁹, для сохранения и спасения города от нашествия поганых варваров.

Благоверному же царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу, с великой верой в молитвах припадавшему к всемогущему Богу, пречистой Богородице и великим чудотворцам, пришло на память преславное и великое чудо, когда всемилостивый Бог наш, умоленный пречистой своей матерью, явил посредством чудотворной иконы ее безмерное человеколюбие прародителю царя благоверному князю Дмитрию Ивановичу, даровав ему на Дону решительную победу над нечестивым Мамаем. И тотчас царь предлагает отцу своему и богомольцу патриарху Иову устроить соборное молебствие пречистой Богородице и, взяв чудотворную ее икону, в преднесении животворящих крестов и других почитаемых икон совершить шествие окрест Кремля, а затем отнести эту икону в упомянутый укрепленный лагерь и поставить там в храме преподобного чудотворца Сергия в надежде на милость и заступничество небесной владычицы, на то, что она, как и прежде, спасет стольный наш город от нашествия иноплемennых варваров³⁰.

И царский благой совет тут же воплощается в дело. Патриарх, совершив молебствие, повелевает принять чудотворную ту икону пречистой Богородицы епископу суздальскому Иову³¹: «Прими, о епископ, нашего владыки Бога просторное вместилище! Прими образ матери царя царствующих, спасения всего мира! Прими хранительницу города нашего, печальницу нашу, непорочную за всех нас заступницу! Гряди навстречу нечестивым ордам варваров! Сей образ будет для нас стеной нерушимой, неодолимым стражем города нашего, непобедимым воеводой христолюбивого воинства». Сам же благочестивый царь, припав к иконе царицы небесной, испуская из глубины сердца неумолчные стенания, источая из очей, подобно речным стремнинам, слезы непрерывные, такую творил молитву: «О владычица, госпожа дева Богородица! Не покинь достояние твое на произвол судьбы, не дай, владычица, иноплемennым расхитить нашу землю — сад, насажденный крепкой десницей сына твоего! Иди, возвысившаяся над всеми живыми существами, стань нам в помощь, ковчег божества! Иди, преславная владычица, и спаси нас! Иди, бескровное оружие, воспрети яростному устремлению поганых, даруй нам милость твоего заступничества, спаси город наш и всю страну христианскую от нападения этих варваров-иноплемennиков! Как в древние времена избавила ты наш город от нашествия окаянного царя

Темир-Аксака³² посредством принесения почитаемой и чудотворной твоей иконы, так и ныне, владычица, озаботься, подвигнись, поспеши, умоли сына своего Христа, Бога нашего, да спасет нас, чающих помощи только от тебя, владычица! Помоги нам: на тебя надеемся, тебе возносим хвалу, ибо ты наша духовная крепость; уповая на тебя, вовеки избежим бесчестья».

Архиепископ же, приняв чудотворную икону пречистой Богородицы, в преднесении крестов и других чудотворных икон, в пятницу, выйдя из Кремля, с пением молебнов совершил обход кремлевских стен. Затем чудотворную ту икону пречистой Богородицы приносят в упомянутый укрепленный обоз и водружают в церкви чудотворца Сергия, куда собрались царские христолюбивые воины, и там возносят непрестанные молитвы Богородице. Назавтра по отправлении иконы царицы небесной, в день субботний, благочестивый царь и великий князь всяя Руси Федор Иванович послал на борьбу с нечестивыми варварами искусного своего правителя Бориса Федоровича и с ним многих бояр царской своей думы и много войск, сам же устремился на молитву, приглашая к ней и укрепляя всех, кто был с ним. И возвещает он, что скоро будет избавление от напастей и что не нужно бояться нападения несправедливого этого царя. Подобно тому как встарь самовидец Бога Моисей³³, вооружив и отправив на нечестивого Аммалика³⁴ избранное израильское войско, поднявшись на гору, воссылал молитвы и мольбы создателю всех и владыке о спасении людей, так и сей великий самодержец, непрестанные Богу молитвы и мольбы воссылая, да в мире и в тишине сохранит он непоколебимой богохранимую державу его царства, пророчествовал об избавлении стольного града от нашествия неверных: «Хотя этот окаянный царь тщательно приготовил поход на мое достоинство, Российское царство, но божия помощь и заступничество пречистой Богородицы и великих чудотворцев заставит его со срамом и с великим стыдом возвратиться восвояси»; все и сбылось согласно этим словам.

Великий же и искусный воевода Борис Федорович со всею бывшею с ним ратью отошел от царственного города верст с пять и остановился на реке, в местности, называемой Котлы, ожидая пришествия окаянного того царя. Сам же он, осторожный и предусмотрительный, воинство непрестанно обходит, и полки приводит в полный порядок, и к сражению всех побуждает, и не терять надежды повелевает, и на

подвиг всех укрепляет. И когда неправедный царь приблизился к стольному граду Москве, тогда и этот благочестивого царя искусный и достохвальный воевода Борис Федорович из полков своих посылает отборных воинов против нечестивого того царя.

Случилось это в год 7099-й (1591), в четвертый день месяца июля, в воскресенье; полки русские завязали большое сражение с нечестивыми и целый день непрестанно бились в различных местах поблизости от стольного града Москвы. Сам же искусный правитель и непобедимый воин Борис Федорович с прочими силами и множеством огнестрельных орудий оставался в тот день в упомянутом укрепленном обозе, где была икона пречистой Богородицы, непрерывно молясь и прося о помощи против врагов. По ним весь день и всю ночь не переставая стреляли из больших пушек, изрыгающих огонь, стреляли и со стен ближних к Москве монастырей, поражая многих язычников.

Безбожный же царь к вечеру того дня прибыл в царское село, называемое Воробьево. Отстоит это Воробьево от стольного града версты на три, там большие горы, очень высокие. Отсюда узрел окаянный царь красоту и величие царственного города, огромные каменные стены, и золотом покрытые и дивно украшенные божественные церкви, и царские величественные, удивления достойные палаты в два и в три жилья; но больше он слушал громоподобный треск и не передаваемый словами звук от частой из города и монастырей пушечной стрельбы. Убедившись в мужественном сопротивлении благочестивых, окаянный царь сильно испугался, ужас великий объял его, и вскоре обратился вспять со всем своим злостивым воинством, и побежал в большом страхе, не решившись хоть немного опочить перед ночной дорогой. И устремились они в бегство, показав русским тыл, оставляя по пути все, что было захвачено в окрестностях царственного города. Скрылись, гонимые гневом Божиим и заступничеством великой и непорочной предстательницы нашей пречистой Богородицы и молитвами великих чудотворцев русских, за короткое время приняв позор и бесчестье; даже и собственный окаянного своего царя возок бросили по дороге — русские воины нашли его в реке, и много вещей лежало на пути: это все пометали окаянные, облегчая себе беспорядочное и внезапное свое бегство³⁵.

Назавтра после сражения искусный большой воевода Борис Федорович, увидев, что нечестивый этот царь отошел и что с ним возвратилось все его богомерзкое воинство, наверное узнав, что божией помощью и заступничеством пречистой Богородицы и великих чудотворцев русских противник ушел посрамленным и обратился в бегство, посылает тотчас весть в царственный город благочестивому самодержцу, извещая его о возвращении восвояси нечестивого царя и всех, кого он привел с собой. Великий самодержец, услышав о том, что безбожный царь и все его богомерзкое воинство с позором начали быстрый отход, приходит с великой радостью в соборную церковь Успения пречистой Богородицы, вознося благодарственные песни Богу и воссылая хвалу и благодарение его пренепорочной матери, владычице нашей Богородице, неложной заступнице, истинной христианской предстательнице, совершая молебствия. Царь извещает об этом отца своего и богомольца патриарха Иова и весь освященный собор³⁶; они же, воздев руки к небесам, возопили со слезами, благодаря Бога: «Десница твоя, Господи, прославилась крепостью, правая рука твоя, Господи, сокрушила врагов, и величием славы твоей уничтожил ты супостатов наших».

Благочестивый же царь и великий князь всея Руси Федор Иванович простирается перед иконой пречистой Богородицы, именуемой Владимирская, и, изливая от радости из очей своих потоки слез, возглашает: «Благодарю тебя, о пресвятая госпожа дева владычица Богородица, честная заступница христиан, за великое милосердие, которое ты нам сегодня даровала! Как и встарь, ходатайством и заступничеством избавила ты самый царственный Константинополь от нападения прегордого персидского воеводы Хосроя³⁷ или как встарь, владычица, перенесением пречистой твоей иконы во время похода злоскверного царя Темир-Аксака сохранила ты жребий достояния твоего — сей наш стольный град, так и ныне, владычица, преславно явила ты нам пучину превеликой твоей милости, бездну щедрости и человеколюбия и скорее, нежели мы надеялись, избавила нас и город наш от нашествия окаянного варвара, нечестивого этого варварского царя и всех, кто был с ним. И всегда, владычица, неотступно спасай стадо твое от всякой опасности, невредимыми сохраняя нас и все отечество наше, Российскую державу, да непрестанно возвеличиваем заступничество твое, владычица!» Потом же великий само-

держец приходит к явившим многие исцеления и чудеса мощам великих русских чудотворцев Петра, Алексея и Ионы, также припадая к ним, прилежно молясь и благодаря: «О великие святители, заступники и хранители царства нашего, неусыпные за нас Бога просители! Вашим ходатайством ныне царственный град наш был сохранен целым и невредимым от нашествия окаянного этого злочестивого царя; чем же воздам вам, великие чудотворцы, за такое ваше милосердие и заступничество?» Достохвальный же большой воевода Борис Федорович, придя в стольный град и воздав подобающие почести благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу, извещает ему все по порядку, как божьей милостью, пречистой Богородицы заступничеством, великих чудотворцев молитвами и царским его счастьем устранился окаянный царь крымский, как он бежал, и все свое богомерзкое воинство с собою увел; к сему извещает с похвалою и о храбром сопротивлении орде христолюбивого царского его воинства.

Великий же самодержец, слушая это, весьма обрадовался и от радости многие слезы испустил и горячо благодарил Бога за то, что не силой оружия, не острием меча побежден был противник, но что божьим неизреченным человеколюбием и пречистой Богородицы заступничеством нечестивые были посрамлены и с большим позором вспять обратились. Возблагодарив Бога и пречистую Богородицу, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович устроил в своих палатах торжественный пир, обильную трапезу, на которой изъявил полное удовольствие, радовался неизреченной радостью о избавлении града от безбожных варваров, искусному же своему правителю Борису Федоровичу воздал большую честь, а всех своих думных людей и христолюбивых воинов угощал и потчевал за трапезой в палатах своих. По окончании пира благочестивый самодержец снимает со своей царской выи златокованую цепь, которую носил в знак самодержавного своего монаршего величия, и возлагает ее на выю достохвального своего воеводы Бориса Федоровича, тем самым заслуженно чествуя его за победу и также предвещая, что он после смерти царя будет преемником всего царского достоинства, держателем скипетра и правителем превеликого Российского царства; потом, спустя немногие годы, божьим промыслом царское пророчество исполнилось. Боярам же своим и всему христолюбивому во-

инству царь также оказал великое милосердие, наградив их щедрым жалованьем.

Когда же протек год или чуть больше после преславного этого чуда пречистой Богородицы, благочестивый самодержец повелел учредить честной монастырь близ царственного города Москвы, на том месте, где стоял упомянутый укрепленный обоз, и в нем воздвиг каменную церковь во имя честной и славной Похвалы пречистой Богородицы и дивно и великолепно украсил ее; и велел написать икону, подобную образу пречистой Богородицы Донской, украсив ее золотом и драгоценными камнями; и поставляют этот образ в тамошнем храме в память преславного чуда, когда человеколюбивый Бог явил нам преславную победу над врагами, когда посредством иконы матери своей даровал нашему граду спасение и избавление; да незабвенными пребудут великие щедроты Бога нашего и пречистой его матери, нашей владычицы помощь и заступничество. В обитель же ту благочестивый царь приказал назначить игумена и призвать монахов и многое необходимое имущество дал им; так и доньне честная та пречистой Богородицы обитель называется Донскою³⁸; с той поры каждый год совершается празднество пречистой Богородице в воспоминание совершенного ею тогда чуда. <...>

Когда же благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович достиг меры возраста зрелого мужа, сорока одного года, приключилась ему тяжкая болезнь, в которой он пребыл немалое время; но чем больше изнемогал от болезни, тем сильнее в благодарности Богу укреплялся. Было это в 7106-м (1598) году, в шестой день месяца января, в самое святое Богоявление Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, вечером накануне праздника честного и славного собора Предтечи и Крестителя Иоанна; в седьмом часу ночи стал благочестивый царь совсем изнемогать и повелел призвать к себе отца своего и богомольца Иова патриарха с освященным собором. Еще до прихода патриарха видит благочестивый царь некоего подступившего к нему светлого мужа³⁹ в святительских одеждах и внезапно обращается к бывшим здесь своим боярам, приказывая отойти от постели и уступить кому-то место, называя его патриархом и приглашая воздать подобающие почести. Они же сказали ему: «Благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович! Кого, государь, ты видишь и с кем беседуешь? Еще отец твой Иов патриарх не пришел,

кому же повелеваешь уступить место?» Он же в ответ возразил: «Видите ли? У постели моей стоит светлый муж в одежде святительской, говорит со мной, повелевая идти с ним». Они же пребывали в изумлении долгое время, видя только царя, и того совсем изнемогающего, а мужа не видя и голоса его не слыша; и подумали, что воистину посланник божий пришел к нему, возвещая об отшествии к Богу.

Вскоре затем прибыл отец его и богомолец патриарх Иов с освященным собором, поклонился подобающим образом царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу и благословил его. Бояре сообщили патриарху о царском видении и царских словах, сказанных о предстоящем у постели его муже. Патриарх стал расспрашивать: «О великий государь царь и великий князь всея Руси Федор Иванович! Извести меня, богомольца твоего, не утай от меня, отца твоего, сего явления, да будет через меня, смиренного, ведомо всем божие великое человеколюбие и твое добродетельное и богоугодное царское поведение». Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович стал отвечать патриарху: «Вот, незадолго до твоего прихода был у меня светлый муж в святительских ризах, повелевавший мне идти с ним»; и все поведал ему подробно, как и прежде боярам рассказывал.

Патриарх же, слышав это из уст благочестивого царя, был поражен случившимся чудом и возблагодарил Бога, говоря так: «Благодарю тебя, владыка, человеколюбец Господь, что в неизреченном своем милосердии излил ты на нас превеликого своего человеколюбия пучину и не оставил нас прещедрой своей милостью; как удостаивал ты явлений древних, избранных тобою святых царей, посылая ангелов, дабы показать нам образ твоего человеколюбия, так и этому рабу твоему, благочестивому царю, послал ты святого ангела, мирного хранителя всего его благочестивого царствования. Умоляем великое твое милосердие и о том, да не лишишь нас богатых щедрот от святого жилища твоего и славы, да подашь сему благочестивому царю, верному твоему слуге, спасение души и здоровье тела; подыми его, премилостивый боже, с одра долговременной болезни и продли, Господи, годы жизни его, как в древние времена Иезекии, царю израильскому!⁴⁰ И не отвергни, Господи, молитвы смиренного патриарха, сотвори нам великую милость твоего человеколюбия: ведь ты видишь, владыка, что сегодня остаемся мы сиротами, не имеющими заступника. Сказал же ты, владыка, устами пророка твоего: “Призови

меня в день печали твоей, и я избавлю тебя»; и ныне, владыка, Боже пресвятой, одари нас милостью твоего провидения, да прославим святое и почитаемое имя твое, ибо благословен ты вовеки; аминь».

После этого благочестивый царь повелел патриарху совершить обряд миропомазания. Патриарх же со всем освященным собором тотчас возложил на себя облачение, начал освящение мира⁴¹, и по окончании богослужения помазует благочестивого царя святым миром во имя Отца и Сына и Святого Духа. Царя же болезнь совсем одолевает, и время исхода души приближается, и повелевает благочестивый царь патриарху себя исповедать и причастить пречистых тайн, стоящим же у одра его приказывает всем удалиться. Патриарх же, не мешкая приняв исповедь у благочестивого царя, приобщает его пречистых и животворных даров тела и крови Христа, Господа нашего. И в девятом часу той же ночи благочестивый царь и великий князь всяя Руси Федор Иванович отошел к Господу; тогда просветлело царское лицо как солнце.

Слышали вы, братья, страшное повествование, слышали вы весть, безмерной печали и скорби исполненную, как Владыка всех и Господь святую душу верного своего слуги и блаженного раба с миром приемлет? Ибо столь тихим было его усение, что ни один из находящихся у одра его не заметил святой кончины его; подобно тому, как утренняя звезда и звезда вечерняя неразлучны с Солнцем и всегда его предваряют, так и нашего благочестивого царя святая душа вместе со словом покинула тело, которое даже не содрогнулось, словно заснул он сладким сном⁴². Об этом говорит пророк: «В мире и покое лягу и усну, ибо ты, Господи, охраняешь меня»⁴³. Сей же благочестивый царь, согласно пророку, в мире передал Господу святую свою душу и прошеествовал в место дивного приюта в доме божием и почивает вовеки на лоне Авраамовом⁴⁴ вместе со всеми святыми, благочестием прославившимися царями. <...>

Внимайте, возлюбленные, прилежно, уразумейте сказанное правильно: сегодня благочестивый государь, царь и великий князь всяя Руси Федор Иванович, услышав зов божий и оставив заемное царство, восходит к царству небесному. С этой поры прекрасный и стародавний престол Великой России во вдовстве пребывает, а мать городов, великая, спасенная богом, царствующая многолюдная Москва, скорбящей сиротой остается, а пречистый, долговременный, много-

плодный царский корень пресекается и прекращается. О каком царском корне говорю вам? Вспомните сказанное: он прорастал от римского императора Августа, обладавшего всей вселенной, но пребывал в язычестве до самого великого Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением. С тех пор благородный этот царский корень славился благочестием до нашего благочестивого царя всея Руси Федора Ивановича, и все самодержцы Великой России были преемниками царского престола по завещанию своих отцов, и каждый в свое время долгие годы царствовал в Великой нашей России, один за другим обладал ее скипетром, и стояло Российское царство век от века нерушимо: когда к Господу отходит отец, он вручает скипетр Великой России своему сыну. Тогда в Великой России стало явью пророческое вещание: «Вместо отцов твоих будут сыновья твои; ты поставишь их князьями по всей земле». Начиная с самого великого князя Владимира, ни один самодержец Великой России не скончался бездетным, ныне же, когда божиим пречистым провидением благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович отошел к Господу, из-за грехов всего христианского православного народа не осталось благородных отпрысков царского корня, и царь вручил свой скипетр законной супруге своей, благоверной царице и великой княгине всея Руси Ирине Федоровне⁴⁵.

Бояре же, увидев, что благочестивый царь отошел к Господу, принялись безутешно рыдать. Узнав о кончине благочестивого царя, благоверная царица и великая княгиня всея Руси Ирина Федоровна поспешила к смертному одру, припала к царскому телу и горько заголосила, источая из очей горячие слезы и ударяя себя в грудь руками: «О великий мой государь, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, как же ты умер, жизнь моя дорогая? Свет мой пресладкий, куда ныне уходишь от меня? Увы мне, преславнейший самодержец! Великий государь русский, кому вручаешь свой царский скипетр? Увы мне, благороднейший мой супруг! Как меня одну вдовой оставляешь? О солнце пресветлое, зачем светозарные свои лучи скрываешь? Цветок мой прекрасный, отчего так скоро увядаешь? О ласточка богогласная, что не промолвишь слова ко мне? Послушай меня, благочестивый царь, послушай частые вздохи сердца моего, послушай горькие сетованья вдовьего плача! О веселие и радость, о царь преславный, куда ты ныне уходишь? Сокровище жизни моей, звезда зла-

тозарная, отчего так рано к западу склоняешься? О добрый пастырь, кому вручаешь свое стадо? Великий государь самодержец русский, на кого меня оставляешь? Увы мне, смиренной вдовице, без детей оставшейся! На кого я полюбуюсь, кем утешусь, не имея отпрысков твоего царского корня? Мною последней ныне ваш царский корень пресекается! О преславный, всех превышающий царь, гордость русская, взгляни на меня, царицу свою! Зачем так скоро забыл ты меня? Как же, великое светозарное мое солнце, смогу я предать тебя земле? О родной мой, ныне с тобой я навсегда разлучаюсь, возлюбленного царского твоего лица не смогу больше увидеть, голоса твоего не смогу больше услышать! О великий государь, истинный поборник благочестия, всей Великой России достохвальный правитель, много стран и народов ты покорил, а теперь сам смертью побежден! Увы мне, отчего я, бедная, не умерла раньше тебя, дабы не пришлось мне видеть царскую твою кончину? Как же я ныне, преславный государь, сумею управлять таким множеством народа? Не знаю, что делать с ним. Были бы у меня дети, твои царские наследники, не так бы я сокрушалась и печалилась: сын твой сумел бы владеть державой твоего царства. О прехрабрый царь русский, дай рабыне твоей последнее целование! В какой, государь, путь уходишь далекий? И скоро ли, превеликий государь, воротиться? Надо ли мне тебя, государя, дожидаться или повелишь мне тотчас за тобою идти? О прекрасный государь, супруг мой! Где же, государь, царская любовь твоя, которой ты почтил рабыню твою? Почему, государь, ты меня так быстро забыл? Взгляни на меня, праведный радетель, скажи мне, царице твоей, последнее слово: какую, государь, выберешь из царских твоих порфир, какой из царских венцов возложишь на главу? Нет, государь, ныне время не царской славы и величия, ныне время божьего промысла: вместо пресветлых палат в гроб сей вселяешься, вместо царской порфиры в бедный сей саван облачаешься, вместо царского твоего венца худым главоотяжцем покрываешься⁴⁶. Неужто, государь, сегодня ты к мертвым причитаешься, неужто я отныне вдовой прозываюсь? Еще ведь пригожая наша молодость не минула, еще время глубокой старости не пришло для нас. О предивная красота всей России! Если отважишься, моли Бога обо мне, царице твоей, дабы мне ныне не оставить тебя: вместе я жила с тобою, вместе и умру с тобою. Как мне теперь с тобой, государь, разлучиться? Куда, великий самодержец, по-

девалась преславная радость нашего царствования? Ныне, государь, вместо радости безмерная скорбь постигла меня, а веселье мое сменилось плачем и рыданием. Ныне двоякая, государь, печаль уязвляет меня: и твой оплакиваю к Богу уход, и о моей рыдаю с тобою разлуке!» И многое другое, рыдая, возглашала она, и никто не мог утолить ее слез.

Искусный же правитель упомянутый Борис Федорович вскоре повелел боярам своей царской думы целовать животворный крест и присягнуть благочестивой царице по обычаям их царских величеств; у крестного целования был сам святейший патриарх со всем освященным собором. И когда рассвело, слух о царской кончине прошел по всему стольному городу, и был непрестанный вопль, горькие людские жалобы и стенания; всюду вопли и рыдания, всюду биение в грудь и несмолкающие сетования, и не было ни одного дома, где бы не плакали. И тогда же святейший патриарх приказал начать благовест с соборной церкви пречистой Богородицы, чтобы собрать всех жителей и оповестить их о царской кончине. Услышав благовест, все люди без промедления сошлись в Кремль, священники и дьяконы, и иноки и инокини, мужчины и женщины, вплоть до детей, безутешно плача и испуская вопли. Когда же благородное тело благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича приготавливали к погребению, тогда все ближние к царю люди рекою проливали непрестанные слезы.

Потом царское тело, обрядив, положили в гроб. Благоверная же царица и великая княгиня Ирина Федоровна страдала от глубокой скорби, была в горячке, от сердечных рыданий и непрестанного биения в грудь у нее уста обагрились кровью, так что от таких страданий она и сама чуть жизни не лишилась. Святейший же патриарх Иов старался успокоить и утешить благочестивую царицу, но не преуспел; тогда и сам патриарх пребывал в великой печали.

И когда пришло время, святейший патриарх и весь освященный собор, взяв честные и животворные кресты, пришли за телом благочестивого царя и понесли честные его мощи из царских палат с пением псалмов и молитв и с каждением, так что и воздух исполнился благоухания от ладана. Бояре же, царские приближенные, весь народ шли и впереди и сзади, тесня друг друга, громко восклицая и слезами землю окропляя: «О великий государь наш, царь и великий князь всея

Руси Федор Иванович, слава и красота русская! Куда уходишь, солнце светозарное, оставляя нас, рабов твоих, сирыми? Кому после себя вручаешь царский скипетр и великий престол самодержавного твоего царства?» И многое другое возглашали, плача безутешно.

Когда принесли благородное тело благочестивого царя в соборную церковь архангела Михаила, патриарх и весь освященный собор, отслужив надгробный молебен, поставили гроб с телом благочестивого царя в церкви архангела Михаила — в 7-й день января, в субботу. Весь этот день и всю ночь над телом благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича непрестанно читали Псалтирь. Назавтра же, в воскресенье, патриарх и весь освященный собор рано приходят в церковь архангела Михаила. Потом туда приносят и благочестивую царицу: от великой скорби, стенаний и непрестанных слез она и сама была полумертвой. Бояре и толпы простого народа также собираются на погребение благочестивого царя, издавая жалобные возгласы, наполняя воздух воплями, проливая реками слезы. К тому времени в церкви архангела Михаила уже выкопали могилу, — в приделе преподобного отца Иоанна Лествичника, там, где могилы государева отца, благоверного и христоролюбивого царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, и государева брата, царевича и князя всея Руси Ивана Ивановича.

Патриарх же и весь освященный собор, облекшись в священные ризы, начали погребальную службу. Тогда воистину можно было видеть умирительное зрелище, достойное сострадания: все архиереи и священники, весь освященный собор неумолчно и непрестанно плакали и рыдали со стенаниями, так что от слез и богослужение не могли вести должным образом. Благочестивая же царица от великой печали и сама была при смерти, а сердце искусного правителя упомянутого Бориса Федоровича снедаемо было сугубой печалью: он и сетовал об отшествии к Богу благочестивого царя, и рыдал о безмерной скорби благородной сестры своей, благоверной царицы, и опасался, что в управлении страной трудно будет сохранить покой и мир. Бояре же и простой народ безутешно оплакивали царскую кончину, как бы не царя провожая в могилу, а насильно разлучаясь с чадолюбивым отцом; и похоронили, как подобает, царское тело, с пением псалмов, молитв и духовных гимнов, и плакали долго, как плакал целомудренный Иосиф с братьями своими по Израилю, отцу их⁴⁷.

Потом же патриарх и все христоименитые люди, воздев руки к небесам и вознося Богу молитвы с плачем и со слезами, так возглашали: «О владыка человеколюбец, Господи Иисусе Христе, сын Бога живого, чего ради лишил ты нас такого благочестивого царя, праведного и святого? Зачем, незлобивый владыка, оставил ты нас сирыми и сокрушенными? На кого нам теперь возложить упования? Кто сумеет теперь мирно управлять таким многочисленным народом? Видел ли ты, владыка человеколюбец, сегодняшнюю нашу глубокую скорбь и сетование? Ты отнял от нас царя, но не отними от нас своей милости, окажи покровительство, Господи, городу и жителям его, ибо мы разорены и осиротели, мы словно овцы, не имеющие пастыря; не отними от нас, Господи, твоего человеколюбия. Ты сокрушил — исцели; ты рассыпал — снова собери; наказав — снова помилуй!»

Благочестивая же царица и великая княгиня всяя Руси Ирина Федоровна повелела щедро наградить патриарха и весь освященный собор. Также и нищих, собрав их бесчисленное множество, накормила досыта и оделила нескудной милостыней. Тогда же она открыла все темницы и узилища, даруя жизнь осужденным на смерть и снабжая убогих узников всем необходимым. Все это блаженная царица совершала для того, чтобы прославить святую душу царя и украсить его венцом добродетели на том свете.

Ты же, о великая блаженная царская красота, если ты уже приобщился к небесным силам, если достиг премирных селений, если явственно видишь пресветлое сияние триипостасного существа, проси о царском твоём достоянии, да сохранит Господь в мире и в тишине твое наследственное царство и всех жителей его. А тому, кто в своём окаянстве дерзнул принести в дар твоему благородию малое хвалословие, испроси оставление грехов и даруй прощение за дерзость, ибо от неразумия отважился я сочинить малую похвалу несравненному царскому твоему величию: ведь скудость нашего ума не позволяет достичь высот разума.

Как же мне, великий государь, прославить тебя? Какую благодарность я, неразумный, могу воздать ныне тебе, преславному самодержцу, обладавшему скипетром великого Российского царства? И как, блаженная и прекрасная царская душа, по достоинству восхваляю тебя, если и в земной жизни ты был достоин хвалы? Но воистину: насколько солнце превышает тени, настолько и твое царское величество выше

нашей похвалы. <...> Сколь славно ты начал, так изрядно и завершил, показав до конца неколебимую благочестивую веру во Христа Бога, которого с юности возлюбил, к которому ты пришел, славя пресвятое и почитаемое имя его с Отцом и со Святым Духом вовеки. Аминь.

ИНОЕ СКАЗАНИЕ

По Божьей воле, а более по его человеколюбию, в лето 7092 [1584] преставился благоверный и христолюбивый и пресветло сияющий в благочестии государь царь и великий князь Иван Васильевич, самодержец всея Руси, месяца марта в 18 день. И остались после него его царского корня две пресветлые ветви, его сыновья — царевич Федор Иванович всея Руси да его меньший брат царевич Дмитрий Иванович⁴⁸ всея Руси, дети от разных матерей. Благочестивый и христолюбивый царевич Дмитрий Иванович, страдалец, тезоименитый великому мученику Дмитрию Солунскому, родился от матери царицы Марии Федоровны Нагой⁴⁹. А старший его брат царевич Федор Иванович всея Руси родился от матери благоверной и богомудрой царицы Анастасии Романовны Юрьевой⁵⁰.

В лето 7091 [1582] после рождения блаженного царевича Дмитрия благочестивый и христолюбивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, отец благородных царевичей, заболел телесной болезнью. И когда царь уже совсем изнемогал, он приказал благородных детей своих, благоверных царевичей Федора и Дмитрия, верно своему другу, правителю и доброхоту, благонравному боярину князю Ивану Петровичу Шуйскому⁵¹, да князю Ивану Федоровичу Мстиславскому⁵², да Никите Романовичу Юрьеву⁵³, чтобы их, наших государей, воспитали и со всяким тщанием стерегли их царское здоровье⁵⁴. И вскоре предал в руки Божии свою душу царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич и, оставив земное царство, отошел в вечное блаженство небесного царства. И по милости Божьей, в троице прославляемого Бога, после отца своего блаженной памяти царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, по его благословению и повелению, царевич Федор воцарился и сел на превысочайший престол Богом хранимого Российского царствия в Московском государстве в том же 92 [1584]-м году, месяца мая в 1 день^{54а}, на память святого пророка Иеремии, и стал царем всему Российскому государству. А младший его брат благочестивый царевич Дмитрий после смерти отца остался в младенческом возрасте, лет двух или меньше. Он недолго пробыл в державе отечества своего в царствующем граде, а потом с матерью был отправлен в область Русской державы в город

Углич⁵⁵, где принял многие скорби и гонения от некоего человека, нареченного Борисом Годуновым.

По прошествии недолгого времени зломысленный дьявол проник в сердце одному из вельмож, упомянутому выше Борису Годунову. Этот Борис был шурином царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу. И Борис уподобился ветхозаветному змею, что некогда прельстил в раю Еву и нашего прадеда Адама и лишил их наслаждения райскою пищей. Так же и этот Борис начал прельщать многих бояр и дворян из царской палаты, подчинил себе многих начальствующих и богатых купцов, одних привлек дарами, а других угрозами, как змей шипением. И увидел себя среди царского синклита превыше всех почитаема, и начал вынашивать дьявольский замысел, и поднялся на своего господина, на князя Ивана Петровича Шуйского и на его единокровных братьев. Во все времена лживые ненавидят праведных и дьявольский обычай таков: едва страсть охватит его, становится свирепее лютого зверя. Такой если и добро творит, все равно именуется злым, ведь горький плод, даже и медом помазанный, не становится сладким. Но, с божьей помощью, он не сумел причинить им никакого зла, а сам на себя навлек позор и проклятия.

И стало известно всенародному собранию⁵⁶ московских людей, что Борис замышляет против них зло, и захотели они со всеми их родственниками без пощады побить его камнями. И Борис, видя себя проклинаемого и преследуемого всеми людьми, прибег к хитрости и вновь начал прельщать великого боярина князя Ивана Петровича и его родственников, князя Василия Ивановича с его единокровными братьями, призывающе их жить с ним в согласии и обещал, что никому на другого злых советов не советовать и не замышлять, и вместе беречь жизнь и здоровье царского величества. И боголюбивый князь Иван Петрович и его родственники, князь Василий Иванович и его братья⁵⁷, как и прародители их, боясь Бога и сохраняя в сердцах своих великую веру в Бога и к людям нелицемерную правду, поверили, что пронырливый Борис говорит правду. Ведь всякий незлобивый человек верит каждому слову, а коварный, напротив, начинает замышлять. Эти же были незлобивы и поверили ему и положили клятву промеж себя иметь любовь и доброту, как и раньше.

Но Борис и после этой клятвы не угасил злого своего огня и захотел приобрести славу выше своей меры, вновь стал умышлять

в злоковарных своих замыслах, в чем бы им пакость сотворить, но и тем лукавством не сумел причинить никакого зла благородному боярину князю Ивану Петровичу и его родственникам: они были сохраняемы крылом Господа. И вновь начал Борис отверзать свои лукавые уста и, как змея, источая смертоносный яд свой, говорил, чтобы сей благоверный боярин князь Иван Петрович произнес перед народом проповедь о том, что у него и его родственников нет гнева и никаких подозрений на Бориса, затем, дабы Бориса не предал смерти московский люд. А они думали, что Борис говорит им сущую правду без лукавства, и объявили всем свое решение. И услышав то, московский люд перестал гневаться на Бориса.

По прошествии некоторого времени князь Иван Петрович пожелал осмотреть царские пожалования и вотчины своих прародителей, поехал в свою вотчину, что в окрестностях города Суздаля. А тот лукавый Борис, забыв свое обещание и отступив от веры, видя, что настало удобное время для погубления князя, послал своих сообщников вслед князю Ивану Петровичу и повелел схватить его будто бы по государеву повелению, от палаты его царского величества⁵⁸, послал его в заточение на Белоозеро и там уморил его насильственной смертью. А потом его родственников, князя Василия Ивановича Шуйского и его единокровных братьев, разослал в заточение по разным городам, а их брата князя Андрея Ивановича отослал в Буй-город и там повелел уморить его насильственной смертью. Также повелел и многих богатых купцов казнить посреди города, а их дома отдал на разграбление, а других разослал в заточение по разным городам, и многих жен осиротил и детей убил. Лютой кровью и слезами не наполнил ненасытной своей утробы и вновь обрушился на своих господ, на князей и на бояр, и многих из вельмож различной смерти предал, их же число знает один Бог, и никакой кровью не мог утолить своей утробы, жаждущей славы⁵⁹.

О, лютый час! Как не пролить о том слезы? И как моя рука может написать об этом? Восстанет предатель, как Иуда Искариот на своего учителя Иисуса Христа, сына божьего, так и тот Борис собирается убить своего государя царевича князя Дмитрия, что и сотворил окаянный святоубийца⁶⁰. И начал размышлять лукавый тот раб, как бы ему вырвать богоизбранный царский корень, всячески ища смерти сему тезоименитому благочестивому царевичу, не желая оставлять

наследника их отеческому престолу, сам желая получить царство⁶¹. Забыв Бога, спасающего избранников своих, он наносил оскорбления и притеснял сего благочестивого царевича, не раз подсылая ему смертоносный яд, надеясь его умертвить. Царевич же все это принимал с радостью, зная, что вражья сила бессильна против силы Божьей, и во всем следовал смирению владыки своего Христа, как тому приходилось страдать ото всех, без всякого сомнения, не забывая сказанное: «Надейся на Господа, ибо он — прибежище от скорби», и все преследования переносил с радостью. И тот лукавый раб, видя все это, ничего не мог сделать, не мог причинить никакого зла благочестивому царевичу и послал в город Углич своих советников и прислужников — дьяка Михаила Битяговского да его племянника Никиту Качалова⁶². И повелел им отсечь ту царскую молодую и прекрасно расцветшую ветвь, благоверного царевича Дмитрия, сжать его, как несозревший колос, предать смерти незлобивого младенца, заковать его, как агнца...

И они, посланные завистливым Борисом Годуновым, пришли на Углич, тая в себе злой умысел и иное преступление замышляя против святого, дерзнувшие предать неповинной смерти благочестивого своего господина, а ему в ту пору было восемь лет. Но они не оставили своей злобы, тайно действуя и добиваясь того, что им было повелено, пока не достигли цели, как древние иудеи собирались убить владыку Христа, Бога нашего. А названный выше раб-завистник, поднявший руку на господина своего, захотел тайно умертвить сего благочестивого царевича, а не знал, что сказано в писании: «Горе беззаконным, ибо злом воздастся им за дела их рук». А немилостивые юноши, которые были названы выше, стали ждать удобного часа, чтобы предать смерти святого и благочестивого царевича. И однажды, как это обычно делают дети, святой отрок вышел поиграть, и те злостивые юноши, как немилостивые волки, напали на святого, и один из них извлек нож, беспощадно ударил святого по шее и перерезал ему гортань. Беззаконные предали его смерти, как незлобивого агнца, и тогда же нечестивые убийцы приняли отмщение за кровь праведника: они были побиты людьми того града. Святая же душа благочестивого и добропобедного мученика царевича Дмитрия, возлетев к небесным селениям и к престолу трисолнечного божества, несказанное и божественное и немыслимое видела и наслаждалась <...>. А честное и стра-

дальшее его тело осталось на земле, обогрелное кровью, сияя будто солнце. И было положено в том же городе Угличе в церкви богоявленского Преображения господина Бога и Спаса нашего Иисуса Христа <...>.

И вновь тот Борис начал в сердце своем беспрестанным желанием желать и будто неугасимым огнем гореть, неусыпно во все дни и ночи помышляя о державстве Московского государства и всей великой России, как и каким образом захватить царский престол и исполнить свое желание без позора. И прежде начал выпытывать от волхвов и звездословцев, собирая их из многих стран и народов и царским именем приводя к себе в Московское государство и вопрошая, можно ли ему добиться престола царского и быть царем. И они, видя его великое желание и в большее предвкушение и радость вводя его, говоря ему, что он родился под царской звездой и будет царем великой России. И, говоря так, они принимали почет и великое жалование от него в течение недолгого времени, потом же он коварно и тайно предавал их смерти <...>⁶³.

И наступил год отшествия из мира сего в небесные жилища святого и праведного государя царя и великого князя Федора Ивановича, всея Руси самодержца, седьмой тысячи 106 года⁶⁴ месяца января в 6 день, и его преставление было от несправедливого убийства, совершенного тем же Борисом⁶⁵. О, как могу промолчать об этом? Если мы промолчим, то камни возопят. И это дерево, приносящее благородный плод и посаженное рукой всещедрого преемственного Бога, тот же Борис подрубил, выкорчевал, даже и до самой смерти. И как прежде, имея лукавый и пронырливый нрав, бояр и царских советников и вельмож, и властителей, и купцов, и всяких людей прельстил, одних дарами, других любовью, а иных злым запретом, и не смел никто из бояр или простых людей перечить ему. И так тот Борис по отшествии к Богу государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси начал посылать своих злых советников и слуг ко царствующему граду Москве и по всем сотням и по слободам и по всем городам Российской области ко всем людям, чтобы всем миром просили на государство Бориса. Бояре же, и властители, и вельможи, и весь царский синклит, и купцы, и всенародное множество Московского государства, боялись Борисова злого преследования и казни и междоусобной брани, а его сторонники и советники старались и, по Божьему устав-

лению, никто не смел против Бориса и слова сказать. А люди, подученные злыми советниками и слугами Бориса, хотя и не хотели его на царство, но боялись его злых преследований и молили его перед боярами и властителями и вельможами и пред царским синклитом принять скипетр великой России. И потому те, кто был достоин этой чести, не решались добиваться ее, думая, что народ обращается к Борису по истинной сердечной любви, а не неволей⁶⁶.

Он же, зломысленный, лукавый проныра, уже много лет желая того и добиваясь, а тут будто и не хотя и не скоро поддаваясь уговорам и не раз отказываясь, предлагал избрать более достойных. А сам отправился в великую лавру Божьей матери, построенную в память о чуде Смоленской иконы Девичьего монастыря, и там прислуживал своей сестре царице Ирине, уже инокине Александре⁶⁷, а многие люди каждый день просили его принять царство. Он же стыдился и боялся своей сестры инокини Александры, потому что она не позволяла ему так поступить, ибо знала, как издавна он желал этого и как пролил за это много неповинной крови больших бояр, правящих в Российском государстве и служивших своему государю истинно и право, также купцов и людей иных всяких чинов погубил. Советники же его и сторонники принудили людей молить и бить челом инокине великой государыне Александре и просить ее брата Бориса на царство, и так молили Александру всенародным множеством всякий день с великим воплем и плачем.

А великие бояре, происходящие от скипетродержавного корня, родственники великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси и сами достойные принять скипетр, не захотели избрать царя между собой, но отдали решение на волю народа, ибо они и так были при царях велики, и честны, и славны, не только в великой Руси, но и в иных странах. И даже те, кто не хотел Бориса, не смели против него говорить из-за его злого и лукавого нрава. Как в Царьграде Божьим изволением Фока Мучитель⁶⁸ убил кроткого царя Маврикия и захватил Греческое царство, так и сейчас Борис на Москве захватывает царство лукавством и неправдою. Собранные же многие люди к честной лавре Борисовыми сторонниками были принуждаемы молить великую государыню инокиню Александру бить челом и просить на государство брата ее Бориса, они же еще сильнее молили с великим воплем инокиню Александру, дабы благословила

на Московское государство брата своего Бориса. И так народ докучал ей многие дни. Бояре же и вельможи стояли перед ней в келье, а другие на крыльце вне кельи у окна, а многие люди стояли на площади. Многие были и неволей приведены, и порядок положен — если кто не придет просить Бориса на государство, с того требовать по два рубля в день. К ним были приставлены и многие приставы, принуждавшие их великим воплем вопить и лить слезы. Но откуда быть слезам, если в сердце нет умиления и усердия и любви к нему? И они вместо слез глаза смачивали слюной... И таким лукавством обратили ее на милость, что, видя всенародного множества усердие к нему и не могуще слышать и видеть многих воплей и жалоб в народе, дает им волю, да поставят на Московское государство Бориса.

И люди снова начали бить челом и молить Бориса Федоровича Годунова принять в свою руку скипетр великой России <...>. И патриарх, видя народное усердие и тщание к Борису, более всех захотел Бориса на государство, и Борисовы сторонники и доброхоты принуждали к этому патриарха Иова. И патриарх со всем освященным собором берет икону Пречистой Богородицы, написанную евангелистом Лукой, и другие святые иконы и мощи и пешком несут их туда, где народ молил Бориса. Он же будто устыдился пришествия образа Богоматери, и принимает скипетр Российской державы, и венчался царским венцом в 107 году⁶⁹, сентября в 3 день, и царствовал семь лет. И во время правления своего великой Россией начал себя укреплять и утверждать, чтобы ему много дней и лет пробыть, держа скипетр великой России, а после него роду его скипетр держать, и затем многих бояр и вельмож рассылая по дальним и разным городам и разными злыми смертями их умерщвляя и искореняя царский род⁷⁰.

О, братья любимые! Не удивляйтесь началу, но посмотрите, каков будет конец. Видя же это всевидящее недреманное око Христос, как неправдою захватил скипетр Российской области, и захотел ему отомстить пролитие неповинной крови новых своих страстотерпцев, просиявшего в чудесах царевича Дмитрия и царя и великого князя Федора Ивановича вся Руси и прочих, неповинно убитых им, и неистовство его и несправедливые убийства обличить и другим его сторонникам показать пример, чтобы не следовали его лукавой жестокости.

И попустил на него врага, оставшуюся головню от сгоревших Содома и Гоморры⁷¹ или непогребенного мертвеца, чернеца (по слову Иоанна Лествичника: «Всякий чернец прежде смерти умрет, гробом ему будет келья») — законопреступника расстригу Гришку Отрепьева, родом также из Российской области, из города Галича, из неродовитых людей Юшку Яковлева сына Отрепьева⁷², как и сам тот святоубийца Борис Годунов. И тот Юшка остался после своего отца совсем мал со своею матерью и был научен ею божественному писанию. Выучив один Часовник и Псалмы Давидовы⁷³, он ушел от своей матери и начал витать в царствующем граде Москве. И по прошествии некоторого времени случилось ему разговаривать с игуменом Успенского монастыря Трифоном, Вятской области, города Хлынова, и тот игумен Трифон уговорил его стать монахом. И по совету того игумена он постригся в иноческий образ, и ему нарекли имя Григорий, а было ему тогда 14 лет. И он отправился в город Суздаль и начал жить в обители всемилостивого Спаса в Евфимьеве монастыре, и из того монастыря перешел в том же уезде в монастырь к Спасу, называемому на Куксе. И не хочу много говорить об этом. Жил, путешествуя, во многих монастырях и вновь возвратился в царствующий град Москву и начал жить в Чудове монастыре. И по воле настоятеля той честной лавры архимандрита Пафнутия⁷⁴ был поставлен в дьяконы рукоположением святейшего Иова, патриарха Московского и всея Руси⁷⁵.

И желая искать и постигать с усердием премудрости богомерзких книг, впал в лютую ересь. А когда жил в царствующем граде Москве, был известен многим из мирских человек, также и властителям и многим инокам. И из Чудова перешел в обитель Николы на Угреше и начал в безумии своем возноситься и впал в лютую ересь, как безумный Арий⁷⁶, свергся с высоты и со своею премудростью сошел на дно ада. И немного спустя ушел из Никольского монастыря на Угреше и поселился в Костроме в общежительном монастыре⁷⁷ Иоанна Предтечи на Железном Борку. И оттуда вновь пришли они в Москву и затем, оставя православную христианскую веру, отбежали в Литву, причем он прельстил идти с ним двух иноков — чернеца Мисаила Повадина да чернеца Варлаама⁷⁸. А бегство его и старцев было таково:

**ИЗВЕТ СТАРЦА ВАРЛААМА,
ПОДАННЫЙ ПОСЛЕ УБИЙСТВА РАССТРИГИ
ЦАРЮ ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ ВСЕЯ РОССИИ**

«Царю государю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси бьет челом и извещает твой государев нищий богомолец Варлаам. В прошлом, государь, в 110 [1602]-м году в великий пост, на второй неделе в понедельник, иду, государь, я Варварским крестцом⁷⁹, и сзади ко мне подошел молодой чернец, и он, сотворя молитву и поклонившись мне, начал меня спрашивать: “Старец, из которой ты честной обители?” И я сказал ему, что постригся в старости, а пострижения Рождества Пречистой Пафнотьева монастыря. “И который чин имеешь, крылошанин ли, и как твое имя?” И я ему сказал имя свое — Варлаам. И стал я его расспрашивать: “Из какой ты честной обители и какой чин имеешь и как твое имя?” И он мне сказал: “Жил в Чудовом монастыре, а чин имею дьяконский, а зовут меня Григорием, а по прозвищу Отрепьев”. И я ему говорил: “Что тебе Замятня да Смирной Отрепьевы?” И он мне сказал, что Замятня ему дед, а Смирной — дядя. И я ему говорил: “Какое тебе дело до меня?” И он сказал: “Жил я в Чудовом монастыре у архимандрита Пафнотия в келье да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, Алексею и Ионе⁸⁰. Да у патриарха Иова жил я, и патриарх, видя мои способности, начал меня в царскую думу с собой водить, и я вошел в великую славу, но мне славы и богатства земного не хочется не только видеть, но и слышать, и хочу с Москвы съехать в дальний монастырь. И есть монастырь в Чернигове, и мы пойдем в тот монастырь”. И я ему говорил: “Ты жил в Чудове у патриарха, а в Чернигове тебе не привыкнуть, потому что, слышал я, Черниговский монастырь — местечко не великое”. И он мне говорил: “Хочу в Киев в Печерский монастырь, а в Печерском монастыре многие старцы души свои спасли”. И я ему говорил, что Патерик Печерский⁸¹ читал. Да он мне говорил: “Поживем в Печерском монастыре, да пойдем в святой град Иерусалим, к храму Воскресения Господня и к Гробу Господню”. И я ему говорил, что Печерский монастырь за рубежом в Литве, а за рубеж ехать нельзя. И он мне сказал: “Государь московский с королем взял мир на двадцать два года, и ныне стало просто, и застав нет”. И я ему говорил: “Для спасения души и чтобы повидать Печерский монастырь и святой град Иерусалим и Гроб Господень, — пойдем”.

И в том, государь, мы клялись христианскою верою, что нам ехать, отложили до другого дня и назначили срок, чтобы сойтись в Иконном ряду. И на другой день сошлись в Иконном ряду, а у него еще подговорен ехать чернец Михайло, а в миру звали Михаилом Повадиным, я знал его у князя Ивана Ивановича Шуйского. И мы пошли за Москву-реку и наняли подводы до Волхова, а из Волхова до Карачева, а из Карачева до Новгорода Северского. И в Новгороде он договорился, и нас приняли в Преображенский монастырь, и строитель⁸² Захарий Лихарев поставил нас на клиросе⁸³, а тот дьякон Гришка на Благовещение с попами служил обедню и за иконой Пречистой ходил. И на третьей неделе после пасхи в понедельник достали себе провожатого Ивашку Семенова, отставного старца, да пошли к Стародубу и к Стародубскому уезду, а провожатый Ивашко провел нас за рубеж в Литовскую землю, и первый литовский город, что мы прошли, был замок Лоев, а другой — Любец, а третий — Киев. И в Киеве в Печерском монастыре нас принял архимандрит Елисей, и в Киеве всего жили три недели, и Гришка захотел ехать к киевскому воеводе князю Василию Острожскому⁸⁴, и отпросился у братии и у архимандрита Елисея Плетенецкого.

И я архимандриту Елисею и братии говорил о нем и бил челом, что он собирался жить в Киеве в Печерском монастыре ради душевного спасения, а потом идти к святому граду Иерусалиму к Господнему Гробу, а ныне идет в мир к князю Василию Острожскому и хочет иноческое платье сбросить, и он будет воровать, и Богу и пречистой Божьей матери солгал. И мне архимандрит Елисей и братия говорили: “Здесь-де земля в Литве вольная: кто в какой вере хочет, в той и пребывает”. И я бил челом архимандриту и братии, чтобы позволили жить мне у себя в Печерском монастыре, но архимандрит и братия мне не дали: “Четыре-де вас пришло, вчетвером и уходите”. И пришли в Острог, к князю Василию Острожскому, этот князь Василий в истинной христианской вере пребывает. И мы у него прожили лето, а осенью меня и Мисаила Повадина князь Василий послал в свое богомолие, в Дерманский монастырь Живоначальной Троицы. А Гришка съехал в город Гощею к пану Госкому, да в Гощее иноческое платье с себя скинул и стал мирянином, да начал в Гощее учиться в школе по-латински и по-польски, и люторской грамоте, и стал отступник и нарушитель законов сущей православной христианской

веры. И я, государь, из монастыря ездил в Острог к князю Василию и князю Василию бил челом, чтобы князь Василий велел его вернуть из Гоцеи и сделать по-старому чернецом и дьяконом, и велел бы его послать к нам в Дерманский монастырь. И князь Василий и все его дворовые люди говорили мне: “Здесь такова земля — как кто хочет, тот в той вере и пребывает”. Да князь мне говорил: “Сын-де мой князь Яныш родился в христианской вере, а держит ляхскую веру, и мне-де его не унять. И ныне-де пан Краковской в Гоцее”. А Гришка в Гоцее у него и зимовал, а после пасхи из Гоцеи пропал без вести и очутился в городе Брачине у князя Адама Вишневецкого⁸⁵ и назвался князю Адаму князем царевичем Дмитрием Ивановичем Углицким.

А тот князь Адам, бражник и безумец, тому Гришке поверил и начал возить его на колесницах и на конях в сопровождении людей. Из Брашна князь Адам поехал в Вишневец и того Гришку с собою взял и к радным панам его возил и называл его царевичем князем Дмитрием Ивановичем Углицким. И в Вишневце у него Гришка Отрепьев прожил лето и зимовал. И после пасхи князь Адам отправил Гришку в Краков к королю Сигизмунду⁸⁶, и сказал князь Адам про него королю, будто он царевич Дмитрий Иванович Углицкий. И король его к руке звал, и он начал прельщать его, называя себя царевичем Дмитрием, сыном благоверного государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всей великой России самодержца.

А сам Гришка начал плакать и королю говорить: “Слыхал ли ты про московского великого князя Ивана Васильевича, вся Русь самодержца, сколь был велик и грозен, во многих государствах был славен? А я сын его родной, князь Дмитрий Иванович. И как Божьим судом отца нашего на Российском государстве не стало, а остался на Московском государстве царем брат наш Федор Иванович вся Русь, а меня изменники наши сослали в Углич и не раз присылали многих воров и велели им порчу на меня наводить и убить меня. И Божьим произволением и его крепкой десницей укрывшей нас от их злодейских умыслов, хотящих нас злой смерти предать, и милосердный Бог не захотел исполнить их злокозненного помысла, и меня невидимою силою укрыв и много лет сохранял, вплоть до нынешнего нашего возраста. И ныне я, возмужав, с Божьей помощью помышляю идти на престол прародителей своих, на Московское государство”. И говоря это, проливает многие слезы. “А и то было тебе, милостивому коро-

лю, можно разуместь: как только твой холоп тебя, или брата твоего, или сына твоего убьет, каково тебе в те поры будет? Разумей по этому, каково ныне мне". И многое другое ему говорил и рассказывал.

Да то же говорили королю и называли Гришку царевичем Дмитрием Ивановичем Углицким пять братьев Хрипуновых, да Петрушка, человек Истомы Михнева, да Ивашка Шварь, да Ивашка, что нас привел за рубеж, да киевляне, посадские мужики. И тот Гришка с князем Адамом Вишневецким отпросился у короля в Самбор.

И я королю про того Гришку говорил, что он не царевич Дмитрий, чернец он, Гришкою зовут, а прозвищем Отрепьев, а шел со мною из Москвы вместе. И король и паны радные⁸⁷ мне не верили и послали меня к нему, к Гришке, в Самбор, к воеводе Сандомирскому к пану Юрию Мнишеку⁸⁸, и к ним лист обо мне писали. И как меня привезли в Самбор, и расстрига Гришка с меня платье иноческое снял и повелел меня бить и мучить. Да расстрига Гришка начал говорить и сказывать про нас, про меня и про сына боярского Якова Пыхачева, будто мы посланы от царя Бориса для того, чтобы его убить. И того Якова Пыхачева тот расстрига и сандомирский воевода велели смертью казнить, а он, Яков, и перед казнью называл его расстригою Гришкой Отрепьевым. А меня, избив и мучив, велел заковать в кандалы и кинуть в тюрьму.

И августа в пятнадцатый день тот расстрига пошел войною к Москве, на Успенье пречистой Богородицы, а меня велел держать в тюрьме в Самборе. И держали меня в Самборе пять месяцев, и жена пана Юрья и его дочь Марина⁸⁹ меня вызволили и дали мне свободу, и я жил в Киеве в Печерском монастыре. И в 113 [1604/05] году, за наши грехи, Божиим попущением, а дьявольским наваждением, а его врага Божия, проклятого от всего вселенского собора, еретика Гришки расстриги злым умыслением, научен от дьявола, как он, еретик, пришел в Москву, а я был в Киеве в Черниговском монастыре. И про то, государь, расспроси пана Юрия Мнишека и его дочь, как он товарища моего Якова Пыхачева велел казнить, и как меня, заковав, оставил в Самборе, и как меня выпустили жена Юрия Мнишека с дочерью, — про все про то ведает пан Юрий Мнишек и его дочь Марина и все его дворовые люди».

Этому сказанию здесь конец. Возвратимся к оставленному и расскажем о сборе Гришкиного войска и о его походе к Москве⁹⁰.

Об этом узнали в Киеве литовские люди и запорожские казаки, что подлинный царевич Дмитрий, родной сын благоверного государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всей великой России самодержца, от своих изменников схоронившись и от их злодейских умыслов, ибо хотели предать его злой смерти, скрылся, жил никем не ведом до мужского возраста, и ныне уже возмужал, и помышляет идти на престол прародителей своих, на Московское государство, и самим королем уже истинно испытан, и король обещал его поддерживать и помогать ему Московским государством овладеть. И все, считая его истинным царевичем, присоединились к нему. И потом пришли к нему в Литву русские казаки с Дона и вернулись с ним в вотчину к пану Адаму Вишневецкому.

И по прошествии некоторого времени его захотел видеть король, и найдя его юным и велеречивым, признал в нем подлинного царевича и обещал ему помогать. А он, зломысленный, обещал отдать королю Российской области город Смоленск и все прочие города Северной страны даже и до Можайска, да и быть с ним в одной и той же вере. А литовский король за это велел созывать вольных людей ему на помощь. А он, окаянный, послал к папе в Рим, и там именовал себя царевичем Дмитрием, и повелел у папы просить помощи, чтобы получить Российское государство, и обещал римскому папе принять их римскую веру, именуя ее правой верой, а православную христианскую веру попать и церкви Божии разорить, а вместо церквей поставить костелы. И на эти обещания папа римский дал ему золота и серебра и других ценностей, а литовский король собрал столько войска, сколько ему было нужно⁹¹.

И в 112 году августа в 15 день⁹² злонравный двинулся в Российские пределы двумя дорогами: от Киева через реку Днепр, а другие шли по Крымской дороге⁹³. И в 113⁹⁴ году, ноября в 26 день, подойдя к Моравску⁹⁵, начал рассылать писания и прельщать вражьей прелестью, умудряем и научаем самим сатаной, в Муром, в Чернигов и в Курск и в иные города, воеводам и приказным и всяким служилым людям, и всем купцам и торговым и черным людям, именуя себя так: «От царя и великого князя Дмитрия Ивановича вся Русь в каждый град воеводам поименно. Божьей волей и его крепкою десницею скрывшего нас от нашего изменника Бориса Годунова, хотевшего нас злой смерти предать, и милосердный Бог не захотел исполнить его злокозненного по-

мысли и меня, вашего прирожденного государя, Бог невидимой силой укрыл и много лет сохранял. И я, царь и великий князь Дмитрий Иванович, ныне вошел в зрелый возраст и с Божьей помощью иду на престол прародителей наших на Московское государство и на все государства Российского царствия. И вы бы, по рождению принадлежащие нам, вспомнили православную христианскую истинную веру, крестное целование, на чем целовали крест отцу нашему, блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу вся Русь и нам, детям его, что хотели добра нам во всем и кроме нашего царского рода на Московское государство иного государя не хотеть и не искать. И как божьим судом отца нашего и брата на государстве не стало, и лукавством и насилием тот Борис стал на государстве царем, а вы про нас, своего прирожденного государя, не знали и крест ему целовали по незнанию. И вы ныне узнайте нас, своего государя государевича, и от нашего изменника Бориса Годунова переходите к нам, и впредь уже нам, государю своему прирожденному, служите без обмана и добра хотите, как и отцу нашему, блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу вся Русь. А я вас начну жаловать по своему царскому милосердному обычаю и даже более, и в чести держать, а все православное христианство хотим содержать в тишине, в покое и в благоденственном житии».

А люди в тех городах — в Муроме⁹⁶, в Чернигове⁹⁷, в Курске, и в Комарицкой волости, и в Путивле, и в Рыльске, и в Стародубе, и в Кромах <...> никто не стал воевать с ним: куда ни приходил, везде ему отворяли крепостные ворота и оказывали ему подобающее поклонение и приносили дары, какие положены царскому величеству⁹⁸. А другое его войско, что шло по Крымской дороге, города Нарев, Белгород и другие многие города и села присоединило к нему. И тот Гришка пошел к Новому Северскому городу⁹⁹, а в нем сидели воеводы князь Никита Романович Трубецкой¹⁰⁰ да Петр Федорович Басманов¹⁰¹, и те ему сдаваться не захотели, а приготовили оружие. А он начал с войском подступать к городу и бить из пушек и из пищалей по городу нещадно, и разбили крепость до самого земляного вала. А воеводы и граждане, сидящие в крепости, видя разрушение крепостных стен, придумали хитрую вещь: начали бить ему челом и милости просить по той причине, будто по незнанию оборонялись против него, а ныне узнали прирожденного своего государя; пере-

стань трудиться, разбивающе крепость, кладем перед тобой все щиты свои и оружие, и готовы ныне отворить тебе крепость и с подобающей честью встретим тебя, как и все другие. И он, услышав это, был рад и повелел стреляющим по крепости прекратить стрельбу. А осажденные тайно приготовили щиты и наставили пушки и пищали, и подняли сабли, и всякое оружие против них приготовили, и сами, как волки, улеглись под щитами и скрылись по тайным местам, и отворили городские ворота. Они же, не зная этого, будто дикие голодные звери на добычу, друг перед другом поспешая, чтобы первыми войти в город, и шли тесно, толкая друг друга. И довольно запустив их в крепость, осажденные начали бить по всему войску, как по стене, из всякого оружия, и будто мост под стенами города и в воротах намостили из людей, а ворота закрыли, и из тех, кто вошел в крепость, одних побили, а других взяли живьем, и убили у них до четырех тысяч, другие же, видя это, убежали.

А Гришка Расстрига, видя их старание и подобную честь себе от горожан: вместо крестов и образов копья и сабли, вместо кадил — пушки и пищали, вместо благоуханного ладана — пороховой дым и смрад, вместо сладких плодов вкусив пушечных и пищальных ядер, помазанных не медом, а смертельным ядом, — и так поганый исполнился позора и гнева и вновь повелел приступать к граду. А горожане еще более осмелели и, будто одно сердце билось у всех в груди, встали на бой и крепко бились с ними. Они же, стоя под градом, немало сложили голов, но ничего не добились.

А царь Борис, услыша, что Гришка Расстрига называет себя царевичем Дмитрием и многие города переходят к нему без боя, а стоит под Новым Северским городом, — и посылает из Москвы воевод на выручку града, князя Федора Ивановича Мстиславского¹⁰², да князя Василия Ивановича, да князя Дмитрия Ивановича Шуйских и с ними многих воевод со многими войсками. Когда же подошли к городу и начали помогать осажденным, и войско с войском сошлись¹⁰³. Как две тучи, наполненные водой, бывают темны перед тем, как дождь прольется на землю, так и те два войска, сходясь на пролитие крови человеческой, покрыли землю, желая одно другого одолеть. И как бывает гром в небесных тучах, так и в земных тучах звучал грохот пищалей, и огонь как молния сверкал во тьме темной, и по воздуху свистели пули и стрелы, вылетающие из бесчисленных луков, и люди па-

дали, как снопы по оврагам. И так сошлись два войска, и была великая сеча, рубились, друг друга хватали за руки, и был вопль и шум от человеческих голосов и такой грохот оружия, что и земля задрожала, и нельзя было слышать, что один говорит другому. И битва была страшна, как и на Дону у великого князя Дмитрия с Мамаем, ужаса и страха была полна эта битва.

А Гришка с хитростью приготовился к бою: многие его люди и кони были обряжены в медвежьи шкуры и в овечьи шкуры, вывернутые наизнанку, у других коней по обе стороны — косы, и они режут людей в тесноте и творят много зла. И кони московского войска от тех коней отшатнулись и не пошли на врага. И они в том смятении начали еще больше убивать и одолевать, и так московское войско смешалось, и в этом смятении много людей побили, и дошли до самого воеводского знамени, и человеческими телами замостили землю, будто мостом, и по земле ручьями потекла человеческая кровь, и тяжело ранили самого воеводу князя Федора Ивановича Мстиславского¹⁰⁴. И так его Гришкино войско одолело, и Борисово войско побежало¹⁰⁵ <...>

О ВТОРОЙ БИТВЕ ПРИ ДОБРЫНИЧАХ¹⁰⁶

И вновь не спит кровожадный лев, со своими зверями, как на брачный пир, стремится на кровопролитие, лакать христианскую кровь и поедать человеческую плоть, собирает полки воинских людей. Но и эти московские Борисовы воеводы не страшатся его зубов, но еще более дерзко выступают против него и с храбрыми сердцами ополчаются, чтобы отомстить ему за прежде пролитую христианскую кровь. Как ясные соколы на серых утят или как белые кречеты чистят клювы, чтобы клевать, и острые когти, чтобы вонзать в плоть, и расправляют крылья свои, и плечи готовят к убийству птичьему, так и христианские поборники православной веры, облачаются в доспехи воеводы с христоролюбивым своим войском против сатанина угодника и возлюбленного бесами его воинства, берут в руки оружие и щиты и призывают на помощь Бога и пречистую Богородицу, христианскую заступницу и помощницу, и московских чудотворцев и всех святых.

И начали сходиться при Добрыничах под Комарицкой волостью; через несколько дней после первой битвы выстроились оба войска, и была вторая битва, более жестокая, чем первая. Стремилась друг

друга одолеть, и многое множество людей падало с обеих сторон, как деревья склонялись или как снопы валялись по оврагам, и ни один не хотел отступить от другого, но каждый хотел другого поразить, и друг друга убивали. Страшно и ужасно было это видеть, стояла великая и жестокая битва, и много крови проливалось. И московский воевода князь Василий Иванович Шуйский не мог видеть проливаемой крови, взъярился сердцем, и умно и храбро со своим полком правой руки кинулся на войско сатанина угодника и, надвое разделив его, сек, как траву, опрокинул противостоящих, а те, кто испугался смерти, побежали от него и освободили ему путь. С полком левой руки также показал свое мужество Иван Иванович Годунов: храбро и мужественно нападает и побивает врага, как улицы прорубает, никто против него не может встать. Так и иные воеводы и головы не могли устоять, крепко и единодушно выступили и смяли все войско его, и те, показавши спину, побежали. И они их гнали и без милости рубили их сзади, и многое множество их побили и многих взяли живьем, и мало их спаслось¹⁰⁷. А самого треклятого князь Иван Татев¹⁰⁸ увез к городу Рыльску, и оттуда он бежал в город Путивль. И если бы его тогда князь Иван Татев не спас, то и сам бы был тут убит. Но за наши грехи он остался в живых, чтобы вновь проливать христианскую кровь и победить царя Бориса.

И треклятый Гришка Отрепьев еще более страхом и великим трепетом был объят и, потеряв всякую надежду, начал помышлять о побеге в Литву. А царь Борис наполнился ярости и гнева на жителей Комарицкой волости¹⁰⁹ и повелел ее великим пленом пленить и опустошить до конца за то, что предались и служат Расстриге, и всех православных христиан от мала и до велика посечь мечом, а иных мучить различными муками, что и было исполнено. И кто, даже имея камень вместо сердца, не заплакал и не застонал о том, как завоеваны были православные христиане Комарицкой волости царем Борисом? И поганные иноплеменные народы не могут сделать того, что сделал царь Борис, изливая свой гнев и ярость, многими мучениями без пощады мучил и убивал не только мужей, но и жен, и невинных младенцев, сосущих молоко, и побил всех множество — от человека и до скота. И их имущество было разграблено, и дома их были разорены и сожжены огнем, все обращено в пепел, так что небывалое злое его пленение и описать невозможно.

А когда Гришка Расстрига захотел бежать в Литву, все горожане и все люди, покоровшиеся ему, начали его молить со слезами и просить его: «О, великий государь! Ты собираешься обратно идти в Литву, а на кого нас оставляешь? Или предашь нас в руки изменнику своему Борису, чтобы он нас также пленил, как и комаринских жителей, и лютыми и горькими муками нас замучил? Лучше сам прикажи отрубить наши головы, но не предавай нас живыми в руки Бориса. О, нас постигла великая беда! От одного берега отплыли, а другого берега не достигли и стоим теперь посреди морской пучины. Совсем погибаем: от Бориса отступились, а за тобой не удержались, не знаем, что делать. У нас только один путь к спасению: не отпускать тебя, да бить челом Борису и твоей головой заплатить за нашу вину». А Гришка ответил им: «Войска нынче у меня нет, видите, — все разбито, едва сам убежал, и вся моя казна истощилась. Я вовсе не думаю о том, чтобы бежать и покинуть свою отчину, но хочу идти в Литву за казной и войском, чтобы с большей силой биться за православные государства своей отчины». А они ему говорили: «Возьми, государь, все, что мы имеем, а после мы все пойдем с тобой, да все погибнем или получим от тебя жизнь и честь». И понесли ему все серебро, кто сколько имел: кто тысячу рублей, а кто сто, кто больше, а кто меньше. И Гришка при помощи того серебра едва удержался; явился по собственной воле, а теперь уже и неволей был принужден остаться, потому что его новые подданные не хотели живыми с ним расставаться. И вновь Гришка засел в Путивле и начал собирать войско, откуда сколько смог. И царь Борис немало этому радовался¹¹⁰.

А в городе Кромы засел того же еретического войска казачий атаман Гришка Корела¹¹¹ с казаками и с кромлянами. И царь Борис посылает в Кромы своих воевод, боярина Федора Ивановича Шереметева¹¹², с большим войском. И они, подступив к городу, крепость осадили и стали штурмовать стены, но защитники города много войска побили и немало пролили христианской крови. И царь Борис еще прислал воевод — князя Федора Ивановича Мстиславского да князя Дмитрия Ивановича Шуйского с большим войском, чтобы скорее взять город. И воеводы собирали войска и храбро и мужественно наступали на крепость, били из пушек по острогу и по городу и всякие стенобитные хитрости использовали и острог и город разбили до основания. Но те казаки, зломысленные и коварные, не боящиеся

смерти и непокорные и ко всяким лишениям терпеливые, отсиживались в норах земных и вели бои с осаждавшими из-под земли, да устраивали вылазки из города. И так, не сумев взять города, московские воеводы стояли под Кромами до весны. И тогда много людей в войске умерло от зимней стужи, так как время было очень студеное и стояли страшные морозы.

А царь Борис в Московском государстве и в иных государствах и градах Российской державы велел убеждать людей святейшему патриарху Иову и благородному боярину и воеводе князю Василию Ивановичу Шуйскому, ибо их блаженной памяти царь и великий князь Федор Иванович всяя Руси посылал осмотреть и предать земле тело убитого благоверного царевича князя Дмитрия Ивановича, своего брата. И повелел им во весь голос проповедовать при стечении множества людей Московского государства, говоря так: «О, всенародное множество! Не сомневайтесь и не верьте слухам, ибо истинно царевич Дмитрий был убит, я его своими глазами видел и даже погребал его в городе Угличе в церкви боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и вы за него помолитесь. А идет на нас расстрига Гришка Отрепьев, называясь его царевичевым именем, и вы его проклинаяте». А по государствам и градам посылали грамоты. Но люди никому не верили — ни святейшему патриарху, ни князю Василию Ивановичу Шуйскому, и так говорили друг другу: «Это-де по приказу Бориса и боясь его так говорят».

И приказал царь Борис в соборной церкви громогласно читать вечную память благоверному царевичу и великому князю Дмитрию Ивановичу, а расстригу Гришку Отрепьева, идущего на Московское государство, проклинать; так же приказал поступать и по государствам великой России. Но ничего этим не добился, а люди во всем Российском государстве еще больше в сердцах своих негодовали и гневались на него, говоря: «Если не это, что еще остается говорить Борису? Если он не так станет говорить, то ему придется от Русского царства отказываться, да и жизнью своей рисковать». И так друг друга поддерживали.

Другие же иное говорили, будто истинно царь Борис и до сего дня считает царевича убитым, да не знает того, что вместо него был убит другой: задолго узнав злой помысел Бориса против царевича, что хочет тайно убить его неизвестно где и в какое время, мать царевича

иного ребенка кормила вместо царевича, а сам царевич был отослан к верным людям на соблюдение, и Бог его так уберег от убийства и погубления Борисова, и ныне он возмужал и идет на свой прародительский престол. И желая его прихода в Москву, когда узнают о его победе над московскими войсками Бориса, то радуются, когда же узнают, что московские войска одержали победу над идущим к Москве ожидаемым Дмитрием, то ходят в скорби, понутив головы. А царю Борису клеветники шептали о тех, кто говорил, что идет Дмитрий, а не расстрига, да будто он и подлинного расстригу везет с собой и показывает его, чтобы не сомневались люди. И за такие их слова царь Борис повелел вырезать языки, а иных предавать смерти многими разными муками, но никак не мог помешать народу вести эти разговоры и надеяться.

И услышал Борис, что его воеводы ни одного города ему не возвратили, но еще больше городов от него отпадают и Гришке присягают, сам же Гришка стоит в Путивле, великое войско собирает из Литвы и из иных государств, наполняя яростью и дыша гневом, как неуголимая ехидна, похваляется и хочет прийти на царя Бориса, но не как на царя, а как на слугу. А царь Борис, видя неверность всех людей, что готовы служить приближающемуся самозваному царевичу Дмитрию и ждут его, находился в великом сомнении, размышляя, что делать, если самозванец и вправду окажется не расстригой, а царевичем Дмитрием. И вовсе отчаялся спасти свою жизнь и упоил себя смертоносным зельем¹¹³ и постригся в иноческий чин и в иноках наречен был Боголепом. И вскоре от лютой отравы скончался горькой и насильственной смертью, так что и вид его изменился от судорог, и все тело как уголь почернело, да и описать невозможно, каким он стал от лютого зелья. И повелел похоронить себя в соборной церкви Архангела Михаила с прочими царями, здесь погребенными. Скончался же в 113 [1605] году, месяца апреля в 13 день, а после него осталась жена его царица Мария, да сын его Федор¹¹⁴, да дочь его девица Ксения¹¹⁵, царем же пробыл 7 лет и пять недель.

После смерти Бориса на Московском царстве назвался государем сын его Федор, и он посылает в полки за воеводами князем Федором Мстиславским да князем Василием, да князем Дмитрием Ивановичем Шуйским и призывает их в Москву. А вместо них воеводами остались два единокровных брата князь Василий¹¹⁶ да князь Иван Васильевичи

Голицыны¹¹⁷, да Михаил Салтыков¹¹⁸, да Иван Иванович Годунов¹¹⁹. И посылает к ним в полки воевод князя Михаила Катырева-Ростовского¹²⁰, да Петра Федоровича Басманова, да митрополита новгородского Исидора¹²¹, чтобы привести войско к крестному целованию Федору Борисовичу, да матери его Марии, да сестре его Ксении. И они прибыли в полки в Кромы, где митрополит начал приводить войско к крестному целованию. Иные в полках целовали им крест, а иные не захотели креста целовать и отослали митрополита в Москву¹²².

Московские воеводы князь Василий, да князь Иван Васильевичи Голицыны, да Петр Басманов, видя сомнение и смятение в полках, а от смятения и города погибают, и сами усомнились и поверили, что Расстрига — родной сын государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и вспомнили о милосердии к ним блаженной памяти царя: «Да разве неродовитый и неславный человек из поселян, Гришка Расстрига, посмел бы начать такое дело? И не без умысла польский и литовский король ему помогает, и русские люди с городами переходят под его власть, и все Российского государства люди встать против него не хотят. Да лучше нам по собственной воле, чем неволей подчиниться ему, и в чести будем. А если неволей, то тоже у него будем, но с бесчестьем, судя по событиям недавнего времени». И так рассудили и между собой договорились пристать к Расстриге, а Борисову сыну изменить и от его войска отъехать, и этот договор крепко утвердили между собой. И к ним присоединились многие новгородские и рязанские дети боярские¹²³.

Так все и случилось, и в один из дней два войска выстроились на битву, взяв в руки щиты и оружие. А князь Василий, да князь Иван Васильевичи Голицыны, да Михаил Салтыков, да Петр Басманов со всеми своими полками быстро поехали вперед всех, а с ними дети боярские и дворяне Ляпуновы с иными детьми боярскими поехали словно на битву. А все прочие стояли и смотрели на тех, что дерзко переправились на неприятельский берег Кромы и с вражескими войсками мирно соединились, и те пропустили их сквозь свое войско. И когда прошли названные московские воеводы, и вновь атаман Корела со своими казаками и с жителями Кром все единым духом ударили по оставшемуся московскому войску и все его повергли в смятение, ибо смелость его покинула при виде отъехавших от них воевод

и храброго войска, соединившегося с противником. И все отчаялись в своих надеждах, повернулись спиной и побежали. И противник гнал их, но не сек бегущих, зная, что они неволей были посланы царем Борисом на бой, и грабили их, но вместо сечи и убийства били их плетьюми и дальше гнали со словами: «И впредь не ходите на бой против нас!».

И поймали их воеводу Ивана Годунова¹²⁴, и послали к своему начальнику Гришке в Путивль, и радостные вести к нему послали о переходе на его сторону названных выше московских воевод с многими полками. И рязанские дети боярские со всеми городами и с селами своими по Оке перешли к нему. Он же, узнав об этом, возрадовался великой радостью. А Ивана Годунова велел посадить в темницу, а московских воевод велел привести к крестному целованию. Прочие воеводы царя Бориса — князь Михаил Катырев-Ростовский да Семен Чемоданов с этой вестью побежали к Москве.

А Расстрига наполняется еще большей дерзостью и чувствует близость исполнения своего желания и пишет в царствующий град, мать всем городам, в Москву, по научению дьявола, отца всякой лжи и лести, услаждая всех сладкими словами, будто медом. Как в древние времена в начале мира дьявол прельстил родоначальников Адама и Еву отпасть от райской жизни и навел смерть на род человеческий, так и теперь учит угодника своего Расстригу; славою мира сего скоротекущего прельстил его отпасть от ангельского чина и от царства небесного и избрать тление и смерть и с собою других людей свести в погибель. И сначала такой прелестью покусился прельстить народ Московского государства: «От царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Руси боярам нашим, князю Федору Ивановичу Мстиславскому да князю Василию, да князю Дмитрию Ивановичу Шуйским, и всем боярам, окольничим и дворянам большим, и стольникам, и стряпчим, и жильцам, и приказным людям, и дьякам, и дворянам, что из городов, детям боярским, и гостям, и торговым лучшим и средним и всяким черным людям¹²⁵. Вы целовали крест блаженной памяти отцу нашему, великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и нам, детям его, чтобы вне нашего рода иного государя никакого не хотеть и не искать на Московское государство. И как Божиим судом отца нашего, великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси не стало, а на Московском госу-

дарстве сел брат наш, великий государь царь и великий князь Федор Иванович всяя Руси, а государыню, мою мать царицу и великую княгиню инокиню Марфу Федоровну всяя Руси, и нас изменники великого государя послали в Углич, и так наше величество утесняли, что и подданным было делать негодно — подсылали многих воров и велели навести на нас порчу и убить.

И милосердный Бог нас, великого государя, от их злодейских умыслов укрыв и с тех пор до нынешних наших лет волею своею сохранил. А вам, боярам нашим и окольничим, и дворянам, и приказным людям, и гостям, торговым и всяким людям, изменники наши твердили, будто нас, великого государя, не стало, и похоронили будто нас, великого государя, в Угличе, в соборной церкви у всемилостивого Спаса. И как волей Божьей брата нашего, великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всяя Руси, не стало, и вы, не зная про нас, прирожденного государя своего, целовали крест изменнику нашему Борису Годунову, не ведая его злокозненного нрава и боясь того, что он при блаженной памяти брате нашем царе и великом князе Федоре Ивановиче всяя Руси владел всем государством Московским и жаловал и казнил кого хотел. А про нас, прирожденного государя своего, не ведали, а думали, что мы изменниками нашими убиты.

А как про нас, великого государя, пошел слух по всему Российскому государству, что с Божьей помощью мы, великий государь, идем на православный престол прародителей наших, великих государей царей Российских, и мы хотели государство наше получить без крови, и вы, бояре наши и воеводы и всякие служилые люди, против нас, великого государя, стали по неведению и боясь от изменника нашего смертной казни, а про нас, великого государя, говорить не смели. И я, христианский государь, по своему царскому милосердному обычаю в том на вас нашего гнева и опалы не держим, потому что вы делали это по неведению и боясь казни.

А ныне мы, великий государь, на престол прародителей наших, великих государей царей Российских, вскоре с Божьей помощью придем, а с нами многие рати русские, литовские и татарские. А города нашего государства нашему царскому величеству доби́ли челом и против нас не стояли и крест целовали, помня свои души и крестное целование нам, великому государю, служат и против изменников

наших храбро и мужественно хотят стоять, а о том и сами доподлинно знаете. И поволжские города нам, великому государю, добились челом и воевод к нам привели, и астраханских воевод Михаила Сабурова¹²⁶ с товарищами к нашему царскому величеству ведут, а ныне они в дороге на Воронеже. И к нам писал из Большой Ногайской орды князь Ищерек¹²⁷ и из Казыева улуса мурза, что они нашему царскому величеству хотят помогать. И мы, христианский государь, не желая христианского разорения, ногайским людям до нашего указа ходить не велели, жалея нашего государства, и велели ногайским людям кочевать под Царевым градом.

А изменники наши Мария Борисова жена Годунова да сын ее Федор о нашей земле не жалеют, да и жалеть им было нечего, потому что чужим владели и отчину нашу Северскую землю¹²⁸ и иные многие города и уезды разорили и православных христиан без вины побили¹²⁹. Но того мы, христианский государь, в вину вам, боярам нашим и служилым людям, не поставили, потому что вы учинили то по неведению и боясь от изменников наших смертной казни. А и то было вам пригоже знать, какое утеснение от изменника нашего Бориса Годунова было вам, боярам нашим и воеводам, и родственникам нашим укор и поношение и бесчестие, и наносимые вам, чего и от родного было терпеть невозможно, и вам, дворянам и детям боярским, разорение и ссылка и муки нестерпимые были, чего и пленным делать негодно; а вам, гостям и торговым людям, и в торговле вашей вольности не было и в пошлинах, что в треть вашего имущества, а мало и не все отобрано, но и тем его злокозненного нрава умерить не смогли.

И в винах своих до сих пор не признаетесь и нас, прирожденного государя своего, знать не можете, а о праведном Божьем суде не вспоминаете и хотите пролить кровь безвинных православных христиан, чего не только нам делать не годится, — и иноземцы о вашем разоренье скорбят и болезнуют и, узнав нас, христианского кроткого милосердного государя, нам служат и крови своей за нас не щадят. И мы, христианский государь, не желая видеть во христианстве кровопролития, пишем вам, жалея вас и о душах ваших, чтобы вы, помня Бога и православную веру и свои души, на чем блаженной памяти отцу нашему, великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, и нам, чадам его, крест целовали, и великому князю Дми-

трию Ивановичу вся Русь били челом, и милости просить к нашему царскому величеству прислали митрополитов и архиепископов, и бояр, и окольничих, и дворян больших, и дьяков думных, и детей боярских, и гостей, и лучших людей.

А мы, великий государь, по своему царскому милосердному обычаю всех вас пожалуем, и вам, боярам нашим и воеводам, честь и повышение учиним и отчинами вашими прежними вас пожалуем, к тому еще и прибавим и в чести вас держать будем. А вас, дворян и приказных людей, в нашей царской милости держать хотим. А вас, гостей и торговых людей всего Московского государства, пожалуем в пошлинах и в податях, велим во льготе и в облегчении учинить, и все православное христианство в тишине и в покое и в благоденственном житии учинить хотим.

А не добьете челом нашему царскому величеству и милости просить не пришлете, и вы можете рассудить, что вам в том отвечать в день праведного суда Божьего, а от праведного гнева и от нашей царской высокой руки нигде не спастись, ни в матерней утробе не укрыться вам. И с Божьей помощью нам, великому государю, преславных государств своих добиваться».

И Расстригины посланники — Гаврила Пушкин¹³⁰ и Наум Плещев¹³¹ — приезжают с этой грамотой первого июня, и грамота была прочитана на Лобном месте перед всем множеством московского народа. И когда московские и все русские люди слышали это послание, они поверили, что все это — правда, что Господь по неизреченным судьбам своим прещедрой своей десницей спас царевича от Борисова погубления, и верили, что он — прирожденный своей христианской веры царевич, а про Бориса подлинно знали, что он неправдой похитил царство и бесчисленно много пролил неповинной христианской крови, коварно добиваясь того великого государства. И возрадовались тому великой радостью, Богу воссылая славу, и был в них шум великий и клич, и было не разобрать, кто что говорит. И призывая друг друга, бросились на царя Федора, Борисова сына, и на его мать и на весь род их и без милости начали грабить дворы их и самих ловить, и в мгновение ока всех ограбили, имущество и самих их захватили, подобно сильной буре развеяли их, будто прах¹³².

И московские бояре и воеводы, и дворяне, и прочие царские приближенные, видя действия всего народа Московского государства,

и они щиты и копья и, проще сказать, все оружие бросают и встречают царевича под Тулой; и все падают на землю перед ним, называя его родным сыном покойного царя. А с бою он, богомерзкий, не взял ни одной веси, не то что ничтожного какого города.

А в тех местах не было никого из знавших его, а старец по имени Леонид, что шел с ним из Путивля и называл его Гришкой Отрепьевым и многим показал его в Литве и в Северской земле, по приказанию Самозванца был посажен в Путивле в темницу будто бы за какую-то вину. И вновь из Тулы по окрестным городам, что есть в Российской области, гонцов с грамотами посылает, а в грамотах пишет так: «От царя и великого князя Дмитрия Ивановича всяя Руси, в который город воеводам и дьякам поименно. Божьей волей и его сильной десницей спасшего нас от нашего изменника Бориса Годунова, хотевшего нас злой смерти предать, милосердный Бог его злокозненного помысла не захотел исполнить и меня, вашего прирожденного государя, в судьбах своих сохранил. И я, царь и великий князь Дмитрий Иванович всяя Руси, ныне возмужал и с Божьей помощью сел на престол прародителей наших на Московском государстве и на всех государствах Российского царства. И в Москве и во всех городах бояре наши и окольничие, и приказные люди, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и всякие приказные люди всего нашего государства и иноземцы нам, прирожденному государю своему, крест целовали, и мы их пожаловали, вину их простили. И как к вам эта наша грамота придет, и вы, данные нам по рождению подданные, помня православную христианскую веру истинную и крестное целование, на чем крест целовали отцу нашему, блаженной памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всяя Руси, и нам, детям его, прирожденному государю своему, крест целовали.

И вы бы сотников, и стрельцов, и пушкарей, и воротников, и посадских, и волостных, и черных людей к крестному целованию привели, и всяких иноземцев привели по их вере. А на чем крест целовать и всяких людей к кресту приводить, и мы послали вам запись целовальную с этой нашей грамотой вместе. А как всяких людей к крестному целованию приведете, и мы их и вас пожалуем великим своим царским жалованием, о чем вы даже и помыслить не можете. А кого именно приведете к присяге, и вы бы о том написали и по-

именные списки прислали бы к нам в Москву, да указали, где писано, в какой четверти¹³³ и кому писано.

Лета 7113 [1605], июня в 11 день».

И таким дьявольским умыслом и ложью, не своим умом и разумом, но действуя вселившимся в него льстивым духом, он обманул не только бояр и всяких людей великой России, но и короля Литовской земли и всех панов и придворных его. И так тот еретик пошел к царствующему граду с великой дерзостью и без малейшего опасения. И послал своих слуг вперед себя и повелел палачам предать злой смерти Борисову жену Марию и сына ее Федора, души их от тела отторгнуть, а дочь повелел в живых оставить, чтобы ему красоты ее насладиться, что и случилось.

Видите, любимые мои, какая кончина ждет творящих несправедливые беззакония: какой мерой меряют, той же мерой отмерится им, и какую чашу другим наполняют, ту чашу сами выпивают. О, глубина заблуждения, омраченный тьмой потомок строителей вавилонского столпа¹³⁴, от них весь мир разделился. О, ослепление, о, его неистовства, о, многие окаянства, о, великое неведение, о, лакомства голодных и имения суетных и жажда высоких престолов, о, дерзость и самовольное крестное целование и клятвопреступления! Как забыл и как не испугался кончины дней своих на этом быстротекущем неверном свете, как хочет за недолгое отпущенное ему время, что быстро доведется нам узнать, успеть насладиться? Где теперь слава высокоумия? Где его супруга и любимые чада? Где златоверхие чертоги? Где светлые трапезы и откормленные тельцы? Где служащие ему рабы и рабыни? Где драгоценные одежды и обувь? Где прочая царская утварь? Кто может его жену и чад отнять у палача? Возводили они очи свои туда и сюда, и нигде не находили себе помощника, в крайней нищете оказались и были задушены, люто и без милости встретили смерть.

И тот еретик Гришка любовался дивным и славным, в поднебесье сияющим будто светило, великим градом Москвой, и вошел в него в 113 [1605] году, месяца июня в 20 день, в четверг, и никто не остановил его. И тогда тот еретик не своим разумом и хотением, но по Божьей воле, ибо не подобает душегубцам и разбойникам находиться с праведниками, повелел того вышеназванного святоубийцу Бориса из Архангельского собора от царских предков выбросить с позором

на площадь. И всякий видел, что вот он — тот самый Борис, что прежде подсек благорасцветаемые великие деревья, будто кипарисы, и сжал немилосердным серпом своим множество других деревьев, как цветы или листья смоковницы¹³⁵, и где он теперь сам лежит, как нищий повержен на позор. И еретик Гришка повелел его и сына его похоронить в убогом женском монастыре, называемом Варсонофьевом. И потом вошел в Кремль, где находятся царские палаты.

И многие московские люди, знающие его, начали его узнавать, и Бог помог упомянутому выше первострадалцу боярину князю Василию Ивановичу Шуйскому узнать о законопреступлении Расстриги и о его богомерзской ереси. И он стал громогласно его законопреступление во всеуслышание всем людям обличать¹³⁶, так говоря: «Я знаю тебя, что ты не сын царев, а законопреступник, расстрига, Гришка Богданов сын Отрепьева». А люди, слыша эти слова, были в удивлении и в ужасе, и никакого ему вреда не сделали. И тот окаянный еретик, чтобы не быть обличаемым в бесстыдном своем законопреступлении, задумал с советниками своими предать его смерти. И в субботний день, на третий день по его вступлении в царствующий град Москву, июня в 23 день, посадил того боярина и его родных братьев за приставов, и назавтра, в воскресенье, июня в 24 день, поставил патриархом Игнатия Грека. А в понедельник, июня в 25 день, повелел того великого боярина Шуйского посреди града смерти предать, отрубить ему голову мечом при стечении всего народа, чтобы иные боялись его обличать. А в приставах у него были Михайло Салтыков да Петр Басманов. Когда же привели его на Пожар и поставили его, а рядом установили плаху и положили секиры, и Петр Басманов начал ездить среди народа, читать список, составленный Расстригой, и всем в уши внушать так: «Сей великий боярин князь Василий Иванович Шуйский мне, прирожденному вашему государю царю и великому князю Дмитрию Ивановичу всея Руси, изменяет и всем говорит недобрые речи обо мне и позорит меня со всеми вами, с боярами нашими, князьями и дворянами, и с детьми боярскими, и с гостями, и со всеми людьми великой России, называет меня не Дмитрием царевичем, а еретиком Гришкой Отрепьевым, и за то мы осудили его: да умрет смертью».

Все же стоящие здесь люди были страха и трепета исполнены, и слезы текли у них из очей. А около боярина князя Василия Ивано-

вича Шуйского было поставлено множество стрельцов с множеством оружия, а также множество панов литовских и черкасов с копьями и с саблями, также и по всему городу все стрельцы были вооружены, будто на битву, и все видящие это страха и ужаса исполнились. Но человеколюбивый творец наш и создатель не позволил тому случиться и пожалел свое создание, желая тем страстотерпцем спасти от разорения невесту свою — церковь, и за страдания, принятые им за правду, прославить его и поставить над всеми, как сам Господь сказал своими праведными устами: «Прославляющих меня прослаблю»¹³⁷. И избавил того великого боярина от несправедного меча, поднятого на него законопреступником, и спас его от неповинной смерти, удержав змея, готового схватить его отверстой пастью. И он лишь повелел того названного выше боярина князя Василия Ивановича и его родных братьев князя Дмитрия и князя Ивана Васильевичей Шуйских по разным дальним городам разослать в заточение, а их дома и имущество повелел разграбить. И в том заточении великие бояре пробыли полгода, а пострадали за любовь к Христу, за истинную православную христианскую веру.

А июля в 18 день, в четверг, в Москву приехала царица инокиня Марфа Федоровна, и бояре Московского государства встретили ее с честью, и сам тот Гришка Отрепьев был с ними. И после, видя того боярина Василия Ивановича Шуйского мужественное дерзновение и распалась духовным огнем и сердечным желанием и стараясь не уступить ему в смелости, многие из христоименитых иноков, желающих умереть за истинную христианскую веру и за благочестие, по действию Святого духа сердечными очами своими увидели, что Гришка Отрепьев — еретик и законопреступник, и начали, будто трубы, громогласно кричать при стечении народа и обличать его проклятую ересь, так говоря: «О, мужи, московские люди и множество всех православных христиан! Сущую истину говорим вам, что царь, ныне царствующий на Москве, — не царь, не сын царя, но законопреступник и расстрига, проклятый еретик, которого прежде в святой соборной и апостольской церкви Пречистой Богородицы честного и славного ее Успения все проклинали как Гришку Отрепьева».

А он, жестокосердный, распался злым огнем ярости по наваждению сатаны и хотел их погубить, и приказал их схватить и многим разным мукам предать их, и многих повелел затворить в темницы

в дальних сторонах Российской области и заковать их в железо, а иных казнить без пощады. И наполнил сердца людей страхом и трепетом, так что и те, кто давно знал его, не могли на него глаз поднять, не то что его обличать.

И вскоре, в том же 113 году, июля в 1 день, в воскресенье, воцарился¹³⁸ проклинаемый всеми и начал православному христианству в царствующем граде многое зло творить. И так отпал от православной веры окаянный законопреступник, сатанин угодник и предтеча, что и сам образ Божий поругал, и алтари Божьих церквей хотел разорить, и монастыри и иноческие жилища разрушить, и сравнять православную христианскую веру с отпавшей верой, и вместо Божьих церквей построить костелы. И начал жить, как и прочие еретики других народов, и хотел заставить православных христиан поклоняться идолам, и многих юных монахинь осквернил, многих отроков и девиц растлил, и среди людей начался великий плач и рыдание, ибо никогда еще не было такой беды.

И в этой короткой жизни он устроил себе потеху, а для своей будущей жизни — знамение вечного своего жилища, которого ни в Российском государстве, ни в иных, кроме подземного, никто на свете не видел: огромный ад с тремя главами¹³⁹. И с обеих сторон прикрепил к его челюстям медные колокольцы, и когда он раздвигает свои челюсти, изнутри его на всех стоящих рядом пышет пламенем и громкие звуки раздаются из его гортани, и имеет зубы и когти, готовые схватить, а из ушей его также вырывается пламя. И поставил его проклятый Расстрига напротив своих палат на Москве-реке себе на обличение, чтобы ему из высочайшего своего дворца смотреть на него и быть готовым вселиться в него на бесконечные века вместе со своими единомышленниками.

И взял себе в жены из великой Литовской земли лютеранку их басурманской веры, так же, как и он, наученную злу и колдовской премудрости, дочь некоего сandomирского пана Юрия Мнишека, девицу именем Марину. И с ней, оставя свои имения в люторской области, пришел в Российское государство и отец ее, пан Юрий, и с ним много иных великих панов. И тот окаянный законопреступник женился в 114 году, месяца мая в 8 день, в четверг¹⁴⁰, в праздник святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, накануне пятницы и накануне памяти чудотворца Николы. И сразу после свадьбы Расстрига под-

нял великую бурю и начал гонение на христиан, и изменил христианской вере, и по римскому обычаю начал соблюдать субботний пост, как обещал римскому папе, а в среду и в пятницу стал есть говядину и прочую нечистую пищу¹⁴¹.

И задумал тот окаянный гонитель со своими злыми советниками перебить бояр и гостей и всех православных христиан мая в 18 день в воскресенье. О, худо было нам в 114 [1606] году, месяца мая в 18 день, в воскресенье, в день Христова Вознесения! Хотел он, зломысленный волк жестокий и немилостивый, как Фока Мучитель и Константин Мотылоименный и Юлиан Отступник¹⁴² или как фараон на израильский народ, наточить меч, чтобы изрубить без остатка нас, православных христиан, и без всякой вины кровь нашу пролить, чтобы превратить тот радостный день Христова Воскресения в день скорби.

И он хотел святые места осквернить, а монастыри превратить в жилища нечестивых, а юных иноков и инокинь по своему злему замыслу хотел, окаянный, женить, а инокинь выдавать замуж, а тех иноков и инокинь, кто не захочет снять с себя ангельский образ и не желает прелестей здешней быстротекущей жизни, казнить мечом. И все это зло окаянный замыслил сотворить в воскресенье и наводнить Московское государство погаными иноверцами — литовцами, евреями и поляками и иными скверными, так что русские люди среди них мало будут заметны. И с теми злыми советниками собирался все это зло учинить в воскресенье¹⁴³.

Но изначала сотворивший нас, своих рабов, Владыка, Творец и Создатель наш, не забыл, что обещал нам, и утер наши слезы, и не позволил злему зверю поедать овец своего избранного стада, и не дал превратить дни своего тридневного Воскресения в оскорбление верным своим рабам, но его, злого змея, разевающего пасть, чтобы проглотить нас, излюбленный им субботний день превратил в день вечной гибели и в день безутешного плача и рыдания в нескончаемые века. И направил Господь Бог свой острый меч на его шею и на его советников, окаянных нечестивцев, по словам писания: «Копаящийся яму сам в нее попадет». А тот окаянный законопреступник, захотевший жить в древней злобе, в мерзости запустения, на лоне у возгордившегося сатаны, а еще более — следуя своему предшественнику Иуде, намереваясь в адовых безднах превзойти самого сатану, имено-

вал себя не только царем, но и непобедимым цесарем и вскоре всей краткой славы мира сего лишил себя, со всякими муками злосмрадную свою душу изверг из злосмрадного своего тела.

В десятый день после своей свадьбы¹⁴⁴, 114 года, месяца мая в 16 день¹⁴⁵, на четвертой неделе после Христовой Пасхи, в субботу, он был убит мечами и прочим оружием, по земле выволочен из высочайших светлейших своих чертогов руками многих человек, которым прежде на него живого и взглянуть было нельзя, не то что прикоснуться к нему. И так был выброшен из крепости и брошен на торжище, всеми проклинаемый и попираемый и всеми всяким образом оскверняемый за его злобный и жестокий нрав. И невидимой своей силой Творец-избавитель наш в одночасье победил и советников его, великое множество упомянутых выше злохитренных нечестивцев. А русские люди, отчаявшиеся и безоружные, с Божьей помощью их смертоносное оружие у них отняли и их, вооруженных, победили. И столько их, нечестивых, в тот субботний день погибло, что по всем улицам великого града Москвы из-за их трупов нельзя было пройти¹⁴⁶. А нас, грешных рабов своих, избавил от той великой, убивающей душу смертоносной язвы.

И три дня пролежал на торжище труп окаянного богоборца, и всякий смотрел на нечистый его труп, никем не покрытый, нагой, каким вышел из чрева матери своей. И идолы, которым он поклонялся, но никак ему не помогли, были положены ему на грудь. А по прошествии трех дней окаянный был выброшен из города в поле. И на его труп, выброшенный на позор, не только людям было противно смотреть, но и сама земля, из которой он был взят, гнушалась им¹⁴⁷. И мы видели все это, и каждый себе говорил: «О, злое дело: родился, просветился святым крещением и назвался сыном света, а ныне сам захотел стать сыном погибели!».

И когда он лежал в поле, многие люди слышали в полночь и до самых петухов громкие вопли и бубны и свирели и прочие бесовские игрища над его телом: так сатана радовался приходу своего слуги. Ох, так тяжело проклятие на тебе, окаянном, что и земля гнушается принимать в себя твоё проклятое еретическое тело, и воздух начал смрадом дышать, а облака не дали дождя, не желая омыwać его окаянного тела, и солнце не согревало земли, морозы ударили и лишили нас пшеничных колосьев, пока его смрадное тело лежало на земле.

Божьей волей и молитвами Пречистой Богоматери к рожденному ею и с помощью великих чудотворцев Петра, Алексея и Ионы и всех святых мы, православные христиане, всей Российской землей избрали себе на царство от царской палаты советников мужа праведного и благочестивого, родственника прежних благоверных царей, великого князя Владимира, нареченного в святом крещении Василием, благоверного князя Александра Ярославича Невского, боярина князя Василия Ивановича Шуйского, что прежде всех пострадал за православную христианскую веру. И наречен был на царство в том же 114 году, месяца мая в 19 день, в понедельник¹⁴⁸. Наш творец человеколюбец Бог, не позволяющий своим созданиям уклониться от своих обычаев и обречь на голодную смерть всех людей, живущих на земле, рабов своих, указал верному своему слуге, носящему крест и нареченному государем царем и великим князем Василием Ивановичем, всей великой России самодержцем и обладателем многих государств, данных ему Богом за его веру, чтобы того злого еретика-расстригу ввергнуть в названный выше его дом, в построенный им ад, и сжечь скверное проклятое тело законопреступника, что и было сделано: он был сожжен на месте, называемом Котел, в семи верстах от города.

И по Божьей воле государь наш царь захотел видеть пречестные мощи благоверного царевича Дмитрия Углицкого в богоспасаемом граде Москве. И послал государь в Углич за его честными мощами своих богомольцев: преосвященного Филарета, митрополита Ростовского и Ярославского, Феодосия, епископа Астраханского и Терского, архимандритов и своих бояр — князя Ивана Михайловича Воротынского да Петра Федоровича Шереметева с товарищами. И когда честные его мощи принесли к пречестной лавре святой и Живоначальной Троицы и чудотворца Сергия, и архимандрит и священники и дьяконы той честной обители, облачась в священные одежды, с кадилами и прочая вся братия со свечами встречали его пречестные и многоцелебные мощи за оградой с радостными слезами и пели перед ними достойные надгробные псалмы. И некоторое время мощи пробыли в обители, в соборной церкви пресвятой и Живоначальной Троицы, и вновь были несены к царствующему граду Москве. Когда же процессия достигла богоспасаемого града Москвы, московские люди, мужчины, жены и дети, также встречали мощи с радостными

слезами и каждый, припадая к раке его, просил милости. И внесли мощи во внутренний город и поставили их на высокое место, называемое Лобным, и тут многие чудеса совершились тем, кто просил с верою: слепые прозрели, хромы стали свободно ходить, горбатые распрямились и глухие начали слышать. И каждый, какие недуги ни имел, к раке его с мощами припадает и получает исцеление. И потом честные его и многоцелебные мощи были перенесены в церковь Божьего архистратига Михаила, где и по сей день мы их видим, и дают исцеление всем, кто приходит к ним с верой¹⁴⁹.

И через две недели после своего наречения на царство государь царь и великий князь Василий Иванович всяя Руси самодержец венчался царским венцом и диадемой месяца июня в 1 день, в воскресенье, и сел на царском своем престоле, и из рук всемогущего Бога в свою десницу принял скипетр Российской земли. И сотворил Господь Бог во всей Российской земле православным христианам троекратную радость: первую, сокрушив богомерзкого своего отступника, а нашего гонителя, еретика Гришку Отрепьева, вторую — даровав дождь и солнечное тепло для плодородия, третью, более всех радостей — перенесение честных мощей нового мученика благоверного царевича Дмитрия из града Углича в славный великий царствующий град Москву, его же именем назвался тот законопреступник Гришка Отрепьев, и даровал Господь тому мученику благодать и способности подавать исцеление приходящим с верою к раке его, излечение всех недугов, неоскудное здоровье. И с этих дней, собрание русских православных людей, веселимся и радуемся Божиим посещением и избавлением, которое Бог даровал всем людям своим.

О, великое Божье человеколюбие! О, неизреченные и неизвестные его судьбы! Кто знает разумение Господне и кто его советник? Воистину никто, ни ангелы, ни архангелы, ни начальствующие, ни власти, ни престолы, ни господствия, ни небесные силы, ни херувимы, ни грозные серафимы, но только сам единый в Троице прославляемый Бог наш, он сам следит за человеческими судьбами и все творит так, как хочет. Мы же, рабы Христовы, искони поклоняемся безначальному, славимому в Троице Христу Богу нашему, за все это славим и восхваляем создавшего нас владыку Христа, так говоря: «Слава единому премудрому жизнедателю Богу, что мало наказал нас, но много помиловал, избавил нас от смерти и даровал жизнь. Тот названный

выше проклятый еретик и законопреступник направлял свой меч, чтобы погубить все православное христианство до конца, и ничем мы не могли ему помешать, но он сам погиб и стал сыном погибели; погибли и бывшие с ним, полюбившие его злой обычай больше неискатного света вечной жизни, не принужденные муками или приказом, но по своей воле повиновавшиеся ему. И мы все знаем, что иноки и миряне, которых окаянный еретик мучил и предал смерти, умерли в православной христианской вере. А иные братья наши иноки еще остались в живых, и те ныне вместе с нами духовно трудятся в обители пресвятой и животворящей Троицы, а иные в монастыре архистратига Божьего Михаила, у чудотворца Алексея на Чудове. И такие беды и притеснения и напасти претерпели, но милости Божьей не отверглись, и все радуются о своих страданиях, славят и благодарят Бога и Пречистую Богородицу и нового страстотерпца, просиявшего в Российской области, благоверного царевича Дмитрия».

Ныне же, все православные люди, радуемся и веселимся, всегда хваля и славя безначального превечного Бога нашего, даровавшего нам по всещедрой воле своей такого благочестивого государя царя и великого князя Василия Ивановича, всея Руси самодержца, истинного заступника и пастыря своим словесным овцам, а не наемника: и так кладет душу свою за овец во время нашей скорби и погибели, и не только своих богатств, но и самого себя не пощадил, и ныне хранит истинную православную христианскую веру как зеницу ока, и руководит каждым и наставляет его на путь спасения, чтобы и по смерти все наследовали вечную жизнь, а не ведет нас в погибель, но больше скажу — сводит с погибельного пути. И за это славим Бога, сотворившего нас. Аминь.

И надумал я, многогрешный и непокорный Богу и слабый разумом, записать эту повесть, не по слухам, кроме как о пребывании того еретика и законопреступника Гришки в Литовской земле, но все, что происходило в Российском государстве, то все видел своими глазами. И не мог умолчать о таком зле, написал для пользы читающим это в наши дни и для памяти в будущие времена будущим людям. А прочим, замышляющим зло и потакающим его злобному законопреступлению, — чтобы смирили свой нрав и отказались от таких лукавых замыслов. Проклятый Гришка воцарился и захватил множество имений в Российском царстве и вскоре сильно разбогател, да вскоре

и погиб, и не осталось от его богатств даже малой рубашки для погребения его бесстыдного тела.

А иные невежды тайно души свои губят тем, что следуют книгам, запрещенным святыми отцами семи вселенских соборов; они заповедали нам этих книг не читать, ибо читающие их никакой пользы не приобретают, лишь погружают корабль своей души в пучину грехов, как говорит писание: «Бросающий камень вверх — разобьет собственную голову; разжигающий огонь — сам сгорит в нем»¹⁵⁰. Подивись, о человек, как сбылось учение, о котором сказано в Божественном писании: «Если человек и всем миром овладеет, а душу свою потеряет, и что получит взамен своей души?»¹⁵¹ Ты видишь, как этот злобный и хитрый волхв¹⁵² весь мир приобрел, а душу свою потерял — и какую добрую хвалу и славу получил? На нескончаемые века он со всеми его хитрыми чародействами погиб душой и телом и с позором лишил себя этой краткой быстротекущей жизни.

А ты, бесстыдный, зачем все это творишь, оставляя надежды на милость Божию и призывая на помощь сатану, не находя себе в этой болезни никакой помощи? Сначала пойми, что есть человек и какова кончина дней твоих, и подумай, как ты предстанешь перед праведным судьей, судящим невзирая на лица, — Христом Богом нашим? И готовя себе путь туда, где тьма крошечная и неуголимый червь, попробуй, сможешь ли в этой жизни стерпеть жар земного огня? А если и сможешь, то будущего неугасающего огня не стерпишь, этот пламень таков, что поднимается от земли до самых небес. Согрешившего человека и сына человеческого ожидает червь, его дом — ад, а его постель — тьма, и отец его — смерть, а мать и сестра его — тление. Как ты можешь и в уме это представить, не то что в жизни отступить от милостей Божьих ко злу и пристать к сатане и дьяволу, и опечалить своего наставника и хранителя — ангела Божьего? И если, непокорный Богу, не откажешься от злой своей жизни, действительно, говорю тебе, будешь мучиться в этом и в будущем веке, как и проклятый еретик Гришка Отрепьев.

А благодать и мир да будет с духом вашим, братия, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ НЕКОЕМО МУЖУ ДУХОВНОМУ

Некоему духовному мужу явилось такое видение во сне, и тот муж рассказал свое видение благовещенскому протопопу Терентию. И по его рассказам Терентий записал видение и составил письмо, да отдал его патриарху, да и царю рассказывал. А имени того человека, кому явилось то видение, не сказал ни царю, ни патриарху: он заклил его именем Божиим, не велел про себя сказывать. И по царскому велению то видение читали в соборе Пречистой Богородицы вслух перед всем народом, и много людей слушало его. И по этому случаю в царстве был учрежден великий пост и малый, лета 7115 [1606]-го, с октября с 14-го числа, от понедельника, до октября же до 19 дня, до воскресенья, и пели молебны по всем храмам и молили Бога за царя и за все православное христианство, чтобы Господь Бог отвратил от нас свой праведный гнев и укротил междоусобную брань и мирно и безмятежно устроил бы все грады и страны Московского государства в бесконечные веки. Аминь.

Благочестивому царскому синклиту и христоролюбивому воинству и всему православному христианству Русского народа. Послушайте эту повесть о Божьей милости к нам, грешным: дивно и полезно нынешнему лукавому и непокорному роду, отвернувшемуся от Божьей милости и уклонившемуся от святых его заповедей и впадшему в многоразличные дьявольские сети. Поведал мне, грешному, некий святой муж, имя его ведает Бог. Я молил его о пользе души и о нынешней пришедшей на нас невыносимой скорби. И он послушал моего смиренного моления к нему и подробно рассказал мне обо всем, что я у него спрашивал. И еще сказал мне, грешному: «Видел, — сказал, — чудное видение, исполненное ужаса. В одну из ночей я молился господину Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и пречистой его матери заступнице нашей Богородице Марии о мире всего мира и о нынешних лютых напастях, пришедших на нас, дабы Господь Бог отвратил праведный гнев свой и послал бы милость свою на людей своих. И после молитвы, в полуночи, я возлег на моем одре и только погрузился в чуткий сон, как внезапно послышался мне великий звон, как будто звонят в тот большой колокол, что отлили по повелению царя Бориса. И я во сне дивился тому великому звону и говорил себе:

“Зачем такой великий звон, ведь сегодня нет праздника?” И я немного приоткрыл оконце и увидел яркий, будто дневной, свет. И я сильно удивлялся и говорил: “Когда успела закончиться ночь, если я так мало спал?” И тут увидел человека, идущего ко мне, он был мне знаком, и я спросил его: “Брат, что значит этот великий звон?” И он ответил мне: “Иди скорее, господин мой, в святую и апостольскую церковь Божьей матери, честного и славного ее Успения¹⁵³, и увидишь там преславное видение”.

И я, грешный, скоро поднялся и пошел по улицам к церкви Божьей матери и размышлял в себе: “Отчего это путь чист, хотя теперь осень, и многие дожди пролились на землю, а ныне путь сух?” И когда подошел к святой великой церкви — увидел ее окруженную несказанным светом, и долго стоял, и дивился тому неописуемому видению. И явился мне тот муж, которого я знал, и сказал мне: “Иди, господин мой, к западным дверям со стороны Патриаршего двора и там увидишь чудное видение”. И я пошел туда, и приблизился к церковным дверям, и поклонился до земли. И поднялся от земли и увидел, что двери церковные отверсты, и увидел Господа моего, сидящего на престоле, окруженного ангелами, и Пречистую Богородицу, надежду нашу и заступницу, стоящую справа возле престола, и предтечу Иоанна Крестителя слева, и святых пророков, и апостолов, и мучеников, и святителей, и преподобных, и праведных, многих из которых и я, недостойный, узнал, глядя на их святой образ. И видел святую Богородицу, молящуюся сыну своему и Богу нашему и кланявшуюся до земли.

И я, недостойный, от того ужасного видения был в великом страхе и трепете и прижался к одной из створок церковных дверей. И видел то страшное видение и слышал умиленный глас пречистой Богородицы, говорящей своему сыну: “О сын мой, Боже! Прими молитву матери твоей, пощади людей своих, познавших тебя, истинного Бога, и меня, мать твою, сын мой вселюбезный, и не ходивших вослед тебе и не исполнявших твоей воли. И ныне многие из них вспоминают свои грехи и хотят прийти на покаяние; отврати от них свой праведный гнев и помилуй их по многой своей милости”.

И я услышал пресладкий глас владыки и Бога моего, говорящего своей матери: “О, мать моя вселюбезная, много раз ради твоих молитв отвращаю от них свой праведный гнев, но сильно досаждают мне злобой и лукавым нравом, ибо осквернили церковь мою своими

злыми праздными разговорами и меня поносят, переняв от нечистых народов их мерзкие обычаи и нравы: стригут бороды свои и творят содомские дела, и несправедный суд судят и правых преследуют, и грабят чужие имения и многие иные скверные дела творят, их же ненавидит мой дух святой”.

И надежда наша, Пречистая Богородица, склонилась к пречистым его ногам, источая слезу и моля, и Предтеча поклонился с нею, и все святые с ними: “Помилуй, владыка, род христианский, пока они не обратятся и не избавятся от злобы своей и не придут на покаяние и больше не станут творить ее. Ибо ты, владыка, милостив, принимаешь кающихся”.

И взглянул Господь на мать свою милостивым оком, и на Предтечу¹⁵⁴, и на всех святых и испустил свой пресладкий глас: “О, мать моя, не досаждай мне, и ты, друг мой Иоанн Креститель, и все мои святые. Не сказал ли вам, что нет правды в царе, и в патриархе, и во всем священном чине, и во всем народе моем нового Израиля, что не исполняют предания моего и заповедей моих не хранят¹⁵⁵. Много раз хотел помиловать их, о мать моя, ради твоих молитв, но они раздражают всещедрую утробу мою своими окаянными и позорными делами. Поэтому, мать моя, уйди с этого места, и все святые пусть уйдут с тобою. И я предам их кровопийцам и безжалостным разбойникам, да накажутся малодушные и придут в чувство — и тогда пощажу их”.

И еще сказала мать его, госпожа наша Пречистая Богородица: “Неужели ты презришь матери своей прошение, о сын мой, прекрасный свет мой?” И тогда всемилостивый Господь тихим голосом сказал ей: “Ради тебя, мать моя, пощажу их, если покаются. А если не покаются, то не стану миловать их”.

И тогда один из стоявших тут подошел и сказал мне: “Слышишь ли, раб божий, милость господа и матери его, нашей царицы, молитвы и прошения за весь род крестьянский? Иди и поведай, угодник Христов, что видел и слышал, а что — ты и сам знаешь, и ничего не утай”.

И я, окаянный, от того ужасного и страшного видения затрепетал, и едва пришел в себя, и пробудился, лежа на одре, дрожал и не мог сказать ни слова. И говорю это тебе ради пользы, да поведаешь царю и патриарху и всем людям, что слышал от меня, недостойного. И Божиим именем заклинаю тебя, да не скажешь моего имени никому, пока Бог сам не позаботится обо мне».

ПОВЕСТЬ О НЕКОЕЙ БРАНИ

Сочинена эта повесть о некоей брани, случившейся за наши грехи в благочестивой России, и о явлении некоего знамения в нынешнем последнем поколении нашем, о нем же сначала и скажем.

<...> В лето от создания предка всех людей Адама 7116 [1607/08]-го году, в царствование благочестивой державы Богом венчанного, и Богом помазанного, и Богом почтенного и христолюбивого поборника святой православной христианской веры, доблестного миротворца, державного самодержца и прекроткого скипетродержателя благочестивой великой России, царя и великого князя Василия Ивановича, всея России самодержца, держащего скипетр великих государств, лежащих на востоке и на севере — Владимирского, Московского, Новгородского, царя Казанского, царя Астраханского, государя Псковского и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иных, государя и великого князя новгородской Низовской земли, Черниговского, Рязанского, Ростовского, Лифляндского, Удорского, Обдорского, Кондинского, и всей Сибирской земли, и Северной страны повелителя, и государя Иверской земли, грузинских царей и Кабардинской земли, черкасских и горских князей и иных многих государств государя и обладателя, из рода святого благоверного великого князя чудотворца Александра Ярославича Невского; а происходит корень российских наших государей этого благочестивого рода от августов римских и греческих Гонория и Аркадия, сыновей царя Феодосия Великого¹⁵⁶, державшего скипетр Богом спасаемого Константинополя — нового Рима, царствующего града Греческого царства. Но о нем не станем рассказывать, а возвратимся к оставленному выше¹⁵⁷.

В третье лето царства упомянутого благочестивого самодержца Василия, что прежде до своего царствования был при российских самодержцах великим боярином царского синклита, по имени князь Василий Иванович Шуйский, из тех Шуйских, что издревле были удельными великими князьями¹⁵⁸, государями суздальскими, и при его царского величества отце и богомольце и верховном святителе святейшем кир Гермогене, третьем патриархе Московском и всея России, управляющем престолом святой великой соборной и апостольской церкви Божьей матери пресвятой и преблагословенной

владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, честного и славного ее Успения, сияющей во всей великой России — и тогда в его царство на Российское царство действиями врагов и Божьим попусчением за наши грехи пришла великая война от проклятых бо-гоотступников и врагов креста Христова, от польских и литовских людей и от донских казаков.

И казаки назвали одного из своих людей царским именованием — российским царевичем Дмитрием всяя России, умысля своей злой хитростью, желая Российское государство разграбить и приобрести себе многое земное богатство, а от небесного навсегда были отлучены. И собрав множество воинов — поляков, литовцев, венгров, запорожских черкассов и прочих народов, они пришли к царствующему граду Москве и встали в 12 верстах от Москвы по Можайской дороге, в селе, именуемом Тушино¹⁵⁹, потому что это место было хорошо защищено, и там со своим злохитрым и лживым царем Дмитрием поставили свой литовский табор. И разлились, как вода, и рассыпались, будто прах, по Российскому царству, и устремились, как неуголимая ехидна, и как лютые змеи, и как злые волки и кровопийцы, губители христианского рода, по градам, по честным монастырям и по селам. И тогда от таких окаянных, от лютых их стремлений попиралась наша благочестивая православная христианская вера, осквернялись и поджигались святые Божии церкви, города же и села разорялись и предавались огню, и проливалось много христианской крови, и жены, девицы и юноши уводились в плен. И сбылось евангельское слово Христа, как сказано: «Поднимется царство на царство, народ на народ, и будут землетрясения и смерти, и ужасы повсюду, и многие падут от меча; и человеческая кровь потечет, как водные источники, и земля покроется мертвыми телами, как листьями и деревьями, и голы будут лежать на земле, как колосья»¹⁶⁰ <...>

И в то время Московское государство было притесняемо¹⁶¹, и я, грешный, был тогда в царствующем граде Москве. И от царской благочестивой державы, от того христоролюбивого царя и самодержца Василия из его пресветлой палаты, называемой Посольским приказом, от его царской тайной думы дьяка именем Василия Телепнева¹⁶², я был послан с его государевой палаты толмачом немецкого языка именем Григорий Крапольский¹⁶³, во многие грады с царскими посланиями на собрания воинского чина, готового противостоять тем

окаянным, названным выше врагам и разорителям христианской веры — в Переславль-Залесский, в Ростов, в Ярославль Поволжский, в Кострому, в Галич.

А царствующий град Москва был тогда в осаде, и те окайные враги многие дороги отрезали от Москвы, но приснопамятный самодержец благочестивый царь Василий терпел это, подобно праведному Иову¹⁶⁴, и принимал все напасти с благодарением, говоря вслед за пророком Давидом: «Благо мне, что смирил меня, да научусь оправданиям твоим», и принимал гонение от своих подданных и иноверных, как царь Давид¹⁶⁵, ибо многие его благочестивой державы московские люди перешли к иноверцам, за наши грехи. А он, благочестивый самодержец, вспоминая апостольское слово небесной трубы, Христова ученика, божественного Павла, так говорил: «Если [отец] не наказывает вас, то вы и прижиты в грехе, а не истинные сыновья»¹⁶⁶, «Кого любит Господь, того и наказывает»¹⁶⁷, — и прочая.

А мы были посланы из Москвы окольными дорогами — Владимирскою на Киржацкий Ям и любым возможным путем к Благовещенскому на Киржаче монастырю, к Александровой слободе и к Переславлю-Залесскому. И когда мы шли пешком по царскому велению от Александровой слободы в Переславль-Залесский, я увидел некое пречудное знамение, исполненное ужаса, о нем сейчас и расскажу.

Тот названный немецкий толмач Григорий Крапольский сказал мне в пути, в полдень, во время поста верховных апостолов Петра и Павла¹⁶⁸: «Видишь ли ты что-нибудь на облаках небесных прямо над нами?» И я после его слов увидел великое чудное и ужасное знамение и сказал ему: «Вижу, господин мой». Он же спросил меня: «Что видишь? Скажи мне». И я сказал ему: «Очень страшное, господин, знамение! Вижу льва, огромного и дивного зверя, стоящего справа, а слева, недалеко против него, змея прелютого и прегордого, и они стоят неподвижно, а хотят один другого схватить и растерзать. А вокруг льва — множество различных зверей, а вокруг змея — множество малых змей». И немного времени спустя то видение стало исчезать, лев же лег на живот и начал понемногу уменьшаться, и вскоре лев и змей стали невидимы, и другие звери и змеи также стали невидимы, и облака вновь приобрели свой первоначальный вид.

Названный выше Григорий сказал мне: «Понимаешь ли ты, что значит это видение?» И я ответил: «Нет, господин мой, вовсе не понимаю, а только ужасаюсь». И он начал говорить со мной и объяснять: «Огромный лев — это наш благочестивый поборник христианской веры царь и великий князь Василий. Звери вокруг него — его подданные, православные народы, российские сыны, стоящие с ним за правоверие. А прелютый и прегордый змей — коварный тушинский царь, ложный царевич Дмитрий, а окружающее его множество змей — его сторонники, окаянные, отрекшиеся от Бога, народы. Оба погибли, лев и змей, а также окружавшие их звери и змеи. Это значит, что скоро обоим царям придет смерть, и ни один другого не одолеет».

И по его словам вскоре после этого видения так и случилось, как он сказал: тушинского ложного и коварного царя князь по имени Петр Урусов¹⁶⁹ предал насильственной смерти в городе Калуге, голову ему отсек, а сам после его убийства бежал в Ногайскую орду, ибо сам он родом из Ногайской орды. А приснопамятного самодержца московского благочестивого царя Василия его подданные свергли с престола¹⁷⁰ и насильно постригли в чернецы и вместе с единокровными братьями, с князем Дмитрием и с князем Иваном, выдали его польскому и литовскому королю Сигизмунду, там он и скончался насильственной смертью <...>.

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОССИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском, о страдании нового страсотерпца святейшего Кир Гермогена, патриарха всея Руси¹⁷¹, о посланниках наших, преосвященном Филарете, митрополите Ростовском, и боярине князе Василии Голицыне с товарищами¹⁷², о стойкой обороне города Смоленска¹⁷³ и о новых изменниках и мучителях, гонителях и разорителях, и губителях веры христианской, Федьке Андронове с товарищами¹⁷⁴

Православным христианам матери городов Российского царства преименитого великого государства — всяких чинов людям, которые еще душ своих от Бога не отвратили, и от православной веры не отступили, и в вере заблуждениям не следуют, а держатся благочестия, и врагам своим не предались, и в богоотступную их веру не совратились, но готовы за православную свою веру стоять до крови.

Бога ради, государи, моля всемилостивого Бога и пречистую его мать, заступницу нашу и молебницу, помощницу всему роду нашему христианскому, и великих чудотворцев, кои у нас, в Троице¹⁷⁵, прославлены, и всех святых, порадейте о себе! Вооружимся на общих супостатов наших и врагов и постоим вместе крепко за православную веру, за святые божии церкви, за свои души и за свое отечество, за достояние, что нам Господь дал, и изберем славную смерть! И если выпадет нам эта участь, то лучше по смерти обрести царство небесное и вечное, чем здесь — бесчестное, позорное и горькое житье под властью врагов своих.

Станем подражать и подивимся тому великому нашему граду Смоленску, его обороне от Запада, как в нем наша же братия, православные христиане, в осаде сидят и великие всякие страдания и притеснения терпят, но стоят крепко за православную веру, и за святые божии церкви, за свои души, и за всех за нас, а общему нашему супостату и врагу, королю, не покорятся и не сдадутся. Сами знаете, с какого времени сидят и всяческие великие притеснения терпят, но никакой малостью не поступятся и ни на какие их дьявольские соблаз-

ны и обещания не польстятся, на те, что обещает им сам наш супостат. И все стоят единомышленно, непреклонно и неизменно умом и душою против их соблазнительных ложных обещаний. А душ своих в грехе не потопят и навеки загубить не хотят, но готовы лучше умереть со славой, нежели жить в бесчестии и горе. А какое мужество показали и какую славу и похвалу снискали во всем нашем Российском государстве! Да и не только во всей нашей преславной земле, но и в иных землях, в Литовской, и Польской, и во многих других; чают, что и до Рима, или и еще далее, снискали ту же славу и похвалу, что и у нас. Да и самого того короля, лютого врага, супостата нашего, поразили и его пособников (таких же безбожников, как и он, которые с ним там, под градом, стоят и город тот, как злые волки, похитить хотят и которые у нас здесь, в великом нашем граде, живут и на сердцах наших стоят и, как лютые львы, всегда поглотить нас хотят), а создателя нашего прославили. А еще устрашили и в самое их злокозненное и злобствующее сердце их уязвили тем, что многих доброхотов их, а наших врагов, перерубили, и перегубили, и позорной смерти многих предали, да и ныне с божьей помощью всегда их, врагов, губят и сильно их рубят. Чаем, что и малые дети, узнав, подивятся этой их, горожан, храбрости, мужеству, великодушию и непреклонности духа. Если же Бог будет до конца их так укреплять, как ныне, и выдержат они эту суровую осаду и великое мученическое страдание за православную веру, за святые божии церкви, за себя и за всех нас и устоят, то этой своей стойкостью все царство наше сохраняют от того лютого нашего супостата до той поры, что одному Господу известна, пока он неизреченными своими судьбами невидимо великую свою милость подаст всему нашему великому государству и избавит нас всех от таких непереносимых бед, изымет нас из-под власти врагов наших, как агнцев из уст волчьих. Тогда кто сможет описать эту их доблесть и мужество?! Тогда можно будет и прямо сказать, что не только в своей единственной земле, но и по многим иным странам: до Царьграда, и до Рима, и до Иерусалима, к самому востоку и западу, к северу и югу разнеслась эта слава: «В таком-то царстве и сам тот город спасся и других спас, а супостата и врага-короля попрали и прогнали и все свое великое государство удержали». Если бы таких несокрушимых городов, поборников веры, в Российском государстве хотя бы и немного было, не то чтобы все, никогда бы тем нашим врагам и злым волкам

наша земля не была бы доступна, а проще сказать, — не было бы им и повадно.

Подобает же нам подражать и дивиться и посланникам нашим ото всей нашей великой России: прежде всего — от последователя и сопрестольника святых святейшеств вселенских патриархов, от первенца и главы церковной всея Руси, пастыря нашего и учителя, и отца отцов и святителя, истинного стоятеля, и твердого поборателя за веру христианскую, потом — от самых благородных и великих земледержцев наших и правителей, ныне же, лучше сказать, и кривителей (да не о том здесь речь, то впредь увидите), а также и — от всех людей всяких чинов, — под тот град Смоленск¹⁷⁶, к тому супостату нашему и врагу-королю, на добрейшее дело, для мирного совещания и наилучшего постановления о том, чтобы от корня того гнилого и нетвердого, горького и кривого дерева, в тени растущего (на него же, полагаю, и праведное солнце едва ли сияет, и совершенной благодати от него не бывает, а если же по устройению своему оно изредка на него и взирает, то все же искоренение его ожидает), ветвь, избираемую нами только ради величия рода, от него отделить, и водою и духом ее достойно освятить, и, вышнего велением, на высоком и преславном месте посадить, что своим превосходством превыше и славнее всех мест во всей поднебесной¹⁷⁷. И расти бы той ветви и цвести во свете благоверия, от горечи бы своей ей избавиться, и приобрести бы сладость, и всем бы людям подавать плод сладок, а злой бы корень и зелье с того места вон вывести (ведь этого дурного корня и сорных злаков на том месте много укоренилось!), и чтобы уж тому высокому и преславному месту больше не колебаться, ибо, за некую провинность перед творцом, место то стало колебаться, а живущие в нем — смущаться и головами своими глупиться, а оттого — и великой крови литься. А ту бы посаженную ветвь беречь со всей тщательностью единодушно, а не двоедушно, то есть рожденного от него у него бы выпросить и к нам с ним прийти, а нам бы его, по нашему завету, как бы заново родить, и из тьмы неведения вывести, и, как слепому, свет дать, и на великий престол возвести, и посадить, и скипетр Российского царства вручить. А ему бы у нас все на благо творить, и веры бы нашей и закона ничем бы не нарушать, а свое бы ему нечестивое происхождение забыть. И нам бы ему тоже неизменно и бескорыстно служить. А тех бы врагов наших и губите-

лей от нас, из царствующего града и из всей нашей земли, выслать вон и выгнать, как злых и голодных волков, в их проклятую землю и веру. И уж тогда бы неповинной христианской крови больше не литься, волнениям прекратиться и впредь тихо бы и безмятежно жить, если всемилостивый владыка утолит после этого свой праведный гнев.

Злонравный же и жестокий тот супостат-король¹⁷⁸ ничего подобного не хотел и не мыслил в уме своем, чтобы так тому быть, как нам угодно, — ведь с давних лет на наше великое государство все они, окаянные и безбожные, и те, что прежде того были, его же братья, той же их проклятой земли и веры, помышляют, как бы им великое государство наше похитить и веру христианскую искоренить, а свою богомерзкую учинить. Но тогда еще не приспело им время, пока не дошло до нынешнего нашего супостата врага, короля. А он так сильно возрадовался злокозненным сердцем своим и распалился всеми членами своими, словно тот, кто, еще не овладев, жаждет обрести великое богатство и в душе своей уже ликует, но по какой-то причине еще не окончательно держит его в своих руках. Так и он, окаянный король. Не ему искони дано Богом и тем более — ни его наследство, ни отечество, а хочет само великое наше государство и с ним бесчисленные богатства взять и владеть, и радуется, и кипит злым своим сердцем чаем, что и на одном месте не усидит или же мало спит от своей великой радости, но из-за непокорности и неодолимости того крепкого нашего града еще не окончательно видит у себя в руках все наше Российское великое государство. Или же подобен он некоему злему и властному безбожнику: не по своему достоянию и даянию ему от создателя, хочет взять за себя невесту, прекрасную и благородную, богатую и известную и во всем совершенную, к тому же и благоверную. Но из-за нежелания невесты и ее родственников и доброжелателей (кроме ее злодеев) не может вскорости ее взять и мужем ей стать, пока родственников и доброжелателей невесты силою и какими-нибудь ухищрениями не победит и себе их не покорит, а тогда и невесту со всем ее богатством за себя возьмет. Так и он, окаянный, еще не окончательно великое наше государство в руках своих держит из-за нежелания царствующего великого нашего града и того крепкого нашего заступника и поборника, под которым он, окаянный, сам стоит, а также и иных всех наших городов,

не хотящих его (кроме его доброхотов, а наших злодеев, которые ныне им прельщены и тленной, мимолетной и гибнущей славой и богатством ослеплены, — о них впредь еще будет наше слово).

И еще на то надеялся, окаянный, что по божьей воле царский корень у нас перевелся, восприяв вместо тленного и мимолетного царство небесное и вечное, а земля наша, за великие грехи наши, без них, государей, овдовевшая, в великую скорбь поверглась. А горше всего, в ней произошел разлад: из-за гордости и вражды не захотели многие из рода христианского царя избрать и ему служить, но пожелали среди иноверных и безбожных царя изыскать и ему служить¹⁷⁹. А те, прежденазванные его доброхоты, а наши злодеи — об именах их нет здесь речи — растлились умами своими и захотели соблазнам мира сего служить и в великой славе быть, а иные, нелюди, — не по своему достоинству чина почетного достичь. И ради этого от Бога отпали, и от православной веры отстали, и к нему, супостату нашему, королю, всей душой пристали, и окаянными своими душами пали и пропали, и хотят его, злодея нашего, на наше великое государство посадить и ему служить¹⁸⁰. И по сию пору чуть ли не все Российское Царство ему, врагу, предали! Если бы они могли, то в одночасье бы его, врага, сюда привлекли и во всем бы с ним совершили свою волю над нами. Но всемилостивый владыко еще нас, грешных, своей милостью не оставляет, и умысел их и заговор разбивает, и тем крепким нашим градом, под которым он, злодей, стоит, его обуздывает, и к нам идти воспрещает. А если за великие грехи наши, по божьему гневу и его, злодея нашего, злему умыслу он каким-нибудь способом возьмет тот наш накрепко стоящий город, тогда и до царствующего града дойдет, и всех достигнет, и нас себе покорит. И еще те его доброхоты, а наши злодеи, о нем радуют, во всем ему добра желают и великое Российское царство полностью отдать ему хотят ради своей мимолетной славы и величия. Потому он, окаянный, и не хочет так сделать, как нам угодно. И уж, конечно, в уме своем представляет, что овладел великим нашим государством, а так как бесовским своим воинством всю нашу землю наполнил, то окончательно и уверился в этом.

И тех посланников наших задерживает, и всяческими притеснениями, голодом и жаждой их совершенно изнуряет, и пленом угрожает. Пошли они от нас со многими людьми в великом множестве, а ныне-де лишь с малой дружиной остались двое самых представи-

тельнейших. А остальные-де, все, кто не смог вынести великих страданий и притеснений, тому супостату-врагу, королю, поклонились и его воле вверились¹⁸¹. Того не ведаю, все ли по велению сердца пред ним склонились или втайне верны, нам, да ныне-де усмирены, но с нами стоять за веру хотят, только разошлись и разъехались одни к нам, а другие — кто куда по своим местам.

А те-де наши оставшиеся, самые представительные, так же, как и сами горожане, стоят упорно и непреклонно духом своим за святую непорочную христианскую веру и за те условия договора, о чем здесь с подручным его Желтовским¹⁸² (таким же безбожником, как и сам наш супостат) было установлено соглашение с нашими земледержцами (ныне же, по уму своему, достойными наименования земле-съемцами).

Подобает весьма восхвалять их и удивляться им. Что может быть похвальнее, и удивительнее, и бесстрашнее? В руках будучи у своего злого супостата и врага, пред смертью стоя и терпя всякие принуждения, а все же лица своего пред ним, супостатом, не позорят и в глаза ему говорят, что отнюдь его воле не бывать и самому ему у нас не жить, да и не только ему, но и рожденному от него, если тот не будет освящен так же, как и мы, божией благодатью.

Еще более почтим да подивимся пастырю нашему и учителю, и великому отцам отцу, и святителю! (Имя же его всем ведомо.) Словно столп непоколебимо стоит он посреди нашей великой земли, посреди нашего великого государства, и православную веру защищает, а всех душепагубных наших волков и губителей увещевает. И стоит один против всех них, как муж-исполин, без оружия и без воинского ополчения, только учение, как палицу, держа в своей руке против великих агарянских полчищ и побеждая всех. Так и он, государь, вместо оружия только словом божьим всем врагам нашим затворяет уста и, в лицо их посрамляя, ни с чем отсылает от себя. А нас всех укрепляет и поучает устрашения и угроз их не бояться и душами своими от Бога не отступаться, а стоять бы крепко и единодушно за дарованную нам Христом веру и за свои души, как и они, горожане, в том граде и как посланцы наши под тем же градом.

О великое божье милосердие! Еще не до конца прогневался он на христианский род. О чудо и диво! И воистину великого плача достойно, как мать городов Российского государства со всеми ее крепост-

ными стенами и великими умами и душами врагам и губителям покорилась и сдалась и на волю их отдалась, кроме лишь того нашего великого, стойкого и непоколебимого столпа, духовного и крепкого алмаза, и с ним еще многих православных христиан, которые хотят за православную веру стоять и умереть!

А тот, прежде упомянутый град, воистину великий по своим деяниям, против тех супостатов наших и врагов, а точнее сказать, против самого лютого супостата нашего, злого короля, желающего погубить святую нашу и непорочную веру, — крепко вооружился и укрепился, и не покорился, и не сдался. Да и ныне стоит и утверждается, можно сказать, все великое наше Российское государство поддерживает, а всех наших врагов, тамошних и здешних, и самого того общего нашего супостата-короля страшает. И, как бесстрашный воин, сдерживает он уздой челюсти дикого, свирепого, неукротимого жеребца, трубящего на кобылицу мула, и все тело его к себе обращает, и воли ему не дает, а ежели даст, то и сам от него погибнет, занесен будет в бездонную пропасть и разобьется. Также и тот великий град, своими подвигами великий, помыслы того супостата нашего и похитителя веры нашей православной, с ревом рвущегося на великое наше государство и на всех нас, укрощает и к нам ему идти возбраняет. Если бы град тот до сих пор не останавливал его и не удерживал, без всякого сомнения, давно бы супостат наш у нас здесь был. А если бы Бог, за великие грехи наши, его к нам допустил, он бы вконец всеми нами овладел и во всем бы над нами волю свою учинил. Горше же всего, святую и непорочную нашу веру тоже бы вконец искоренил, разве что только наш великий и непоколебимый Бога заступник веру бы до конца удержал (или нет?), не смею и дерзнуть вымолвить. А ныне его, супостата нашего, злого короля, тот наш град не за голову, не за руки, не за ноги, но за самое злонравное и жестокое сердце держит и к нам идти не дает. И посланники наши также крепко и единодушно православную веру защищают, и пред тем супостатом нашим ни в чем лица своего не срамят, и за правоту против него стоят. И хотя они не в граде с горожанами сидят и словесного с ними совета не держат, но сердца их, по божьему промыслу, вместе с горожанами благочестием горят.

А у нас, здесь, прежде названный непоколебимый столп сам мужественно и непреклонно духом своим стоит и не единые лишь стены

великого нашего града держит, но и всех живущих за ними бодрит, и учит, и духовно им в погибельный ров впасть не велит. И более того, великое это безводное море словесами своими утишивает и укрощает. Сами все видите! Если бы не он, государь, все здесь держал, то кто бы другой такой же встал и нашим врагам и губителям мужественно противостоял?! Давно бы под страхом наказания от Бога отступились, душами своими пали и пропали.

Если же божьим изволением, и помощью, и всех наших грехов прощением все великое наше государство будет спасено двумя этими крепкими заступниками и поборниками веры нашей христианской, и от тех врагов избавится и защитится, покамест еще доброе начинание ваше не свершится, и замыслы ваши над теми врагами не успеют проявиться (скажу, что там это — от града, а здесь — от того стойкого нашего и непоколебимого столпа), то уж ни в коем случае подобное важное известие и событие не сможет от многих земель утаиться, но повсюду разнесется и прославится, как такими мерами некое царство спаслось и от врагов своих избавилось. И еще скажу: «О, велико божье милосердие и щедроты его ко всем нам!» Там град стоит, и супостата держит, и намерения его обуздывает, и всем нам для защиты Бога и православной веры усердие придает, чтобы все мы, видя его крепкую и непреклонную оборону, также крепко вооружились и стали против супостатов своих. А здесь, у нас, наш крепкий и непоколебимый столп стоит и всех нас бодрит и учит и тому же граду подражать велит.

Приступайте, начинайте, православные! Приступайте, начинайте, христоролюбивые! Мужайтесь и вооружайтесь, поднимайтесь на врагов своих, чтобы их победить и царство освободить! Не выдайте наших по Богу спасителей и нерушимых заступников: там — града и посланных под него, а здесь — общего нашего пастыря и учителя, и отцов отца, и святителя!

Скажу вам истину, а не ложь, что супостаты наши, которые ныне у нас, — заодно с нашими изменниками-единоверцами, новыми богоотступниками и кровопролителями, и веры христианской разорителями, родственниками сатанинскими, собратьями Иуды, предателя Христова, с нашими начальниками и с иными их прислужниками, пособниками и единомышленниками, которые недостойны по своим злым делам истинным именем своим именоваться (называть их сле-

дует — душепагубные волки), ибо хотят нас вконец погубить и под меч склонить, а жен наших и детей в рабов и холопов обратить, нажитое же нами разграбить и, что горше всего и печальнее, — святую нашу непорочную веру вконец искоренить, а свою, отпадшую от православия, насадить и самим в наших владениях жить. Сами видите, что они ныне над нами чинят: всегда пред очами нашими всем нам смерть показывают, издеваются, насилуют и убивают нас, и дома наши отнимают у нас, и нас же при этом позорят. Как волки, зубами своими скрежещут, пугают нас и грозят смертью. Да и не только над нами глумятся и насмеваются, но и над самим образом Создателя и Богоматери. И руками дерзают прикасаться и стреляют в воплощенный образ божий и пречистой его матери, о чем ныне свидетельствуют злодейские руки, пригвожденные к стене под образом Божьей матери, всем им, окаянными, на устрашение и трепет¹⁸³. И все стремятся быть вооружены и оснащены, словно против истинных злодеев изготовлены. Знают, окайанные, что не в свои владения пришли и сверх меры хотят себе заполнить, если Бог до того их допустит.

Ныне же послали во все города, по которым стоят такие же губители и неповинного новоизраильского¹⁸⁴ рода кровопролители, и велели им прибыть сюда к нам. А наших людей воинского звания, которые живут у нас здесь, тех всех высылают долой¹⁸⁵, замышляя так, чтобы их, врагов, было много, а нас мало, чтобы нам против них совсем нельзя было подняться, а им бы вконец нами овладеть и себе покорить. Так не смотрите же на то, православные христиане, и не верьте лицемерию тому, что ныне они пред вами чинят: сами своих же людей казнят. А все обманывают нас, уверяя и прельщая вас тем, как поступают и обещают, что не отцу у нас быть, а сыну.

Да и сам тот злодей наш, сыновий отец, тоже прельщает и манит, подобно сатане, наваждения творит и, словно бесов, с известиями присылает, что будто бы хочет сына своего нам дать по решению и добровольному соглашению с ним, злодеем, здешних его, злодея, злодеев наших, а его доброхотов, прежде названных тех изменников, всего нашего великого государства крестопреступников и вероотступников¹⁸⁶. Видя здесь, в нашем мире, волнение и за веру стояние, оттого-то нас прельщают и манят, чтобы всех нас подчинить и укротить, а великого бы нашего моря не возмутить, и им бы самим, врагам, в нем не потонуть, и голов своих не сложить. И так вот рассужда-

ют, покуда не соберутся в большом числе со своими сообщниками, такими же безбожниками, и покуда сам наш супостат и сущий всем нам враг не возьмет каким-нибудь ухищрением и божьим попущением, а всех нас великим грехом и преступлением пред ним, Господом, того нашего града, стойкого защитника, непокорного ему, злодею. Как змей, тогда прилетит к нам со всем своим бесовским воинством, а те, что ныне здесь, у нас, все на нас поднимутся, как змеи и скорпионы или как волки лютые, и он овладеет нами. И тогда нам будет от них окончательная погибель, если Господь Бог за великие грехи наши разгневается на нас и окончательно захочет нас предать им, как псам, на съедение.

Но никогда тому, православные, не быть, чтоб сыну у нас, здесь, жить! Сами видите, что все это лживый обман и хитрость. Неужели этому не поверите, видя над собой явное злоумышление?! Думаю, что и малые дети, услышав это, понять могут, а не только взрослые и разумные люди. Когда же отец желает зла сыну?! И то, нам сына дать, а самому, как злому волку, под городом Смоленском стоять, и тем же врагам волю дать нашу землю разорять, и неповинную кровь христианскую проливать, а у остальных чрезмерные и неподъемные подати взимать, и до смерти их мучить, да и наших посланных туда до смерти морить, а у нас здесь, в великом граде, большое притеснение чинить?! Так ли сыну прочить, если все вконец губить?! А он, окаянный, этими делами не только сыну не прочит, но и сам здесь жить не хочет. Ему бы только свою волю совершить и великую бы славу учинить, что всеми нами они овладели, а нам бы под его властью быть и ему принадлежащими слыть. А ему бы своих подданных, таких же безбожников, в великом государстве нашем насадить, и всем бы царством, что еще вживе останется, им править и ведать поручить, и дани-оброки всякие тяжкие взимать, а к нему бы, врагу, как бесам — к сатане, жертвы приносить. Верьте полностью, христоролюбивые, тем словам, что сыну — не бывать!¹⁸⁷

Еще прежде этого всем вам стали очевидными и собственное его, отцовское, злокозненное желание и вся его тайна. Некто из того же душепагубного и бесовского сонмища, а для нашего, Христу тезоименитого, рода зачинщик зла и губитель божьего жребия (за все его злые дела недостойн он быть назван во имя духовного или святого, но должно прозвать его «злой человекоядный волк»), этот душепа-

губный волк, на того нашего великого столпа и отцов отца и святителя (имя же его всем вам ведомо) яд свой изрыгнул и потаенное свое всем явно открыл: замыслил своим злохитрым умом покачнуть тот непоколебимый наш столп и на свою богоотступную сторону склонить. Словно змей словами своими соблазнял, чтобы он, великий столп и твердый алмаз, и сам бы поколебался в сторону их суетных и человекоубийственных помыслов и желаний, сдался бы на их вражью волю, и весь бы наш многочисленный народ духовно навеки в погибельный ров впасть понудил, и сам бы, всего мира спасение, злодею-отцу присягнуть повелел. Великий же и непоколебимый столп Богом прочно водружен, не на песке основан, а на тверди сердец: и сам никогда не колебался и ни малость не покачнулся в их богоотступную сторону и ту палату, великую вширь, вдаль и округ, что на нем стоит и держится, и в ней живущий многочисленный народ до греха не допустил и духовно их навеки не пленил, а еще больше укрепил. Тот же вышеназванный, многих душ губитель и злой разоритель великого государства, видя крепкое и непреклонное того столпа стояние за святую и непорочную веру и за все православное христианство, разверзнул свои дьявольские уста и начал, как обезумевший пес, в небо глядя, лаять, и скверными словами, словно сущий буйан камнями, в лицо святителю метать, и высокочтимое священство бесчестить, и даже родившую его мать упоминать с непристойным и оскорбительным словом. Он же, государь, твердый алмаз, не только тем словам не внял и той его словесной буйности не убоился, не уstraшился, но даже и осмелял его безумную словесную дерзость, да и крепко ему пригрозил и великую беду ему провозвестил; пречистыми устами своими ему изрек, мнится мне, словно острым оружием, своим словом святительским тело и злонаправную душу его посек: «Да будешь проклят со всем своим сонмом в сем веке и в будущем, также и с тем, кого сам так желаешь и кому, словно всего мира спасению, крест целовать побуждаешь!» И еще добавил: «Нам не только он не угоден, но также и отпрыск его, если не исполнит нашей воли». Он же, окаянный, потупив лицо свое, отошел со всем своим сонмом, посрамлен и изумлен, но более того разъярен на великого пастыря и учителя и за правду крепкого стоятеля, словно змей шипя или как лев рыкая. После же, окаянный, опомнился и, поняв свою вину и осознав злой свой умысел, раскаял-

ся про себя в дерзости словесной, что не время ему было так говорить и явно и нагло великому господину тайну свою открыть. И побоялся многочисленного народа христианского: что, если все это словопрение, как недостойный, злой и неудобный им поступок, до них донесется, а также того, что несправедливо вел он себя с высочайшей главой и непоколебимым столпом, не как положено со святейшим, а его, как из простых простейшего, словно пес, лаял и бранил. И от тех своих речей отказаться вздумал, будто и не говорил, и, как в темных хоромаш, затворил в скверном теле своем лукавую свою душу. А потом ведь, злодей, и еще лицемерие сотворил: будто бы расшумевшимся был и не помня что говорил; и у великого святителя и незлобивого учителя прощения испросил. Однако же хотя и прощения просил, но все же и впредь от злого своего нрава-обычая и злодейских замыслов не отказался¹⁸⁸. И ныне дышит и сипит, словно скорпион, и не переставая крамолы воздвигает, и все свое плотское бесовское сонмище возмущает, и всячески ему, государю, досаждают. И теснят сами все видите — и мыслят со всеми своими пособниками, как бы его, государя, вконец погубить, чтобы без него все свои желания свершить и, как змеям, всех нас поглотить. А как я уже сказал, без него некому будет им, врагам, препятствовать и противостоять накрепко, как он, государь.

Он же, великий столп и твердый алмаз, мужественный воин Христов, не имея ни тула¹⁸⁹, ни меча, ни шлема, ни копья, ни воинов вооруженных (ибо ему не положено то, не ведено создателем все это держать при себе), к тому же ни стен, крепко огражденных, лишь словом божьим, как неким оружием, опоясался или, словно избранным воинством, ополчился и некими непреступными стенами оградился. «Не бойтесь, — сказал, — убивающих тело: души ведь коснуться не могут!» И воссылает он всегда от всего сердца к Богу и Пречистой его матери свои молитвенные словеса о себе и обо всех нас, а более всего о святой и непорочной христианской нашей вере, чтобы православная христианская наша вера от тех врагов наших и губителей не погибла; и слезы из очей своих, словно речные стремнины, испускает перед образом Господа нашего Иисуса Христа, и Пречистой его матери, и прославленных в Русской земле великих чудотворцев, и всех святых и надеется своими обильными слезами и молитвенными словесами, как острыми стрелами, от себя и ото всех нас тех наших

общих явных врагов отогнать и поразить и все великое государство от них освободить.

О столп крепкий и непоколебимый! О крепкая стена и забрало у Бога и Пречистой его матери! О твердый алмаз, о поборник непобедимый! О непреклонный веры заступник! О воистину пастырь неложный! В похвалу сказано было о таких великих и стойких душою — «пастырь добрый»: «Пастырь добрый душу свою полагает за овец». Воистину, воистину, пастырь он добрый, а не наемник: душу свою полагает за овец, которых ему дано пасти. А на вые его возложены все мы, православные христиане. Напоминает он божественное писание: «Подобаает за слово божье на смерть стоять». И видим все: не даст слову божию пропасть на земле и, хотя всегда рядом со смертью ходит возле общих наших врагов и губителей, однако хранит надежду на Творца нашего, и Богоматерь, и на великих чудотворцев, общих наших заступников и богомольцев. Ежели ему, государю, и случится за слово божие умереть, — не умрет, но жив будет вовеки.

Во всеуслышание и решительно следует сказать: если бы таких великих, стойких и непоколебимых столпов было у нас немало, то никогда бы в нынешнее злосчастное время наша бы святая и непорочная вера от тех душепагубных волков, от явных врагов, чужих и своих, не пала, но еще более бы просияла, а великое бы наше море без колыхания и волнения стояло. А ныне один уединенно стоит и всех держит, а врагам сурово грозит. И иному некому пособить ни словом, ни делом: кроме Бога, Пречистой его матери и великих чудотворцев никаких других пособников не имеет. Те же, кто были его сынами и богомольцами и принадлежат тому же духовному сану, — те славою мира сего тленного прельстились, проще сказать, подавились, и на сторону врагов склонились, и творят их волю.

А сами наши земледержцы (как уже прежде сказал, — землесьеды), те давно от него отстали, и ум свой на полное безумие променяли, и к ним, ко врагам, пристали, а пред иными, как пред своим подножием, ниц пали, и господское свое происхождение променяли на жалкое рабское служение, и покорились, и поклоняются неведомо кому, сами знаете, и угождают ему, и смотрят ему в рот нечестивый, что им позволит и прикажет, как нищие, пред проклятия достойным богатым¹⁹⁰. (Впредь мы вскоре объявим вам его имя, проклятое Богом и людьми. Теперь же пойдем дальше.) Так-то вот эти наши благород-

ные сглуповали и душами своими пали и пропали навеки, ежели только не обратятся от этого зла и худа к добру. Горше же всего они нам то учинили, что всех нас предали, и не только предали, но и заодно с ними, с врагами, вместе на нас ополчились и хотят нас всех погубить и веру христианскую искоренить. Ежели и есть избранные среди тех же чинов и боярских родов, которые сердцем обращены к христианской вере и о нас обо всех жалеют и радуют, да они не могут ничего сделать и не смеют начать, ибо не с кем в борьбе соотничать, да притом же еще и свое положение потерять, а им, врагам, ничего не сделать, ибо сильно они завладели: многих бранным богатством и славою прельстили, иных закармили и везде своих доносчиков и доброхотов поставили и понасадили.

Один только у нас ныне есть у Бога и Пречистой его матери стена и забрало, так это он, государь, великий святитель и крепкий заступник. Ежели с ним, государем, по вине наших врагов что-то и случится и он от телес отрешится и от света сего тленного в вечные обители переселится, то и вера наша теперешними нашими губителями окончательно погубится, если только ненависть ваша к ним так и не проявится. А ежели его, государя, от них Бог соблюдет и он невредим проживет, тогда Бога, и Пречистую его мать, и великих наших чудотворцев, и всех святых умолит, и себя и всех нас спасет, и веру поддержит, и врагов победит молитвою своею.

А вы, православные, не помогаете ему, государю, ни в чем!¹⁹¹ Говорите одно, а на деле Бог вещь чего еще от вас ждать. Снова прошу вас с великими слезами и сокрушенным сердцем: Порадейте о себе и о всех нас! Мужайтесь и вооружайтесь и совет меж собой держите, как бы нас от врагов своих освободить! Время, время пришло! Время пришло великое деяние-подвиг совершить и смело на страдание решиться, как только Бог вам укажет и помощь вам подаст! Прибегнем же к Богу, Пречистой его матери, к великим чудотворцам и всем святым! Припадем к ним с искренней верою, со смиренным сердцем и горячими слезами, да подадут нам милость свою! Препояшемся оружием телесным и духовным, то бишь молитвою и постом и всякими добрыми делами! Станем храбро за православную веру и за все великое государство, за православное христианство и не предадим пастыря нашего и учителя, крепкого поборника веры православной, и того нашего преславного града, который за всех за нас стоит и су-

постата нашего держит. Сами вы знаете, что если не теперь умрем, то все равно умрем. Да пусть же за правоту нашу сохранит нас Господь невредимыми и не погибнем от врагов своих! Если же ныне будем терпеть, время тянуть, то погибнем сами по себе, из-за своего нерадения и нерешительности.

Что стали, что оплошали? Чего ожидаете и зачем врагов своих к себе допускаете, а пагубному корню и зелью даете в земле укорениться и, как злой горькой полыни, пуще расплодиться?! Или того ждете, чтобы вам сам тот великий столп святыми своими устами изрек и повелел бы вам против врагов встать и вас на кровопролитие поднять? Сами знаете, его ли это дело — повелевать кровь проливать?! Ей-ей, никогда от него, государя, такого наставления не будет, ибо и сам он, — государь великого разума, понимания и мудрого ума, — полагаю, мыслит, чтобы не от него началось, но им бы добро свершилось, его бы непреклонной стойкостью и молитвами к Богу, а вашим бы старанием, ополчением на врагов и мужеством. То ли вам не весть от него, государя, что он, как добрый пастырь, всех нас спасает от душепагубных, человекоядных волков и чистой нашей голубицы¹⁹² не даст им, словно змеиной пастью, поглотить и погубить, да ожидает с часу на час божьего вспоможения и вашего против них старания и дерзновения?! А ежели вы и без его, государева, словесного повеления и рукописания за правду свою на злодеев дерзнете и благо сотворите и их, врагов, победите, царство от бед освободите и веру сохраните, а его, государя, святителя великого, и себя, и всех нас от врагов избавите, то не будет вам от него проклятия и запрета, более того — великое благословение вам и чадам вашим, из рода в род, каждому до скончания его жизни.

Сами вы видите, какое гонение на православную веру и какое притеснение всем православным христианам от наших губителей и врагов! Беспрестанно многим смертоносное посещение, а иным тяжкое ранение, иным ограбление, а женам бесчестие и насилие. И покупают не по цене и отнимают насильно; притом не по цене оценивают и не серебром платят, а стоят с мечом над головой всякого торгующего православного христианина и смертью грозят. Наш же брат, православный христианин, видя свое осиротение и беззащитность, а их, врагов, полное одоление, не смеет иной и рта раскрыть, боясь убитым быть, даром от имущества своего отступается и только слезами

обливается. И уж больше нечего им, врагам, было выдумать, как бы еще всех нас, православных христиан, притеснять, надругиваться над нами, кичиться и насмехаться, так они (как видим мы сами) вот что ухитрились затеять для всего великого и могучего нашего царства (поистине великого и неукротимого, как море!): на той стороне, где стена имеет двое ворот рядом, одни ворота затворить и на замки закрыть, а другие — приотворить, да и то вполонину¹⁹³. А множеству христианского люда не то что тесными и узкими воротами бывало не пройти, да и в широкие-то не в одни, а только через многие удавалось выйти, ибо божьей благодатью христианский люд бесчисленно расплодился и умножился. Ныне же за грехи так нас всех побавилось, посечено и угнано теми же врагами и губителями в плен, в проклятую их землю и веру! Но хотя и убавилось, хотя и мало нас кажется, а много еще набирается; и всегда в тех воротах начинают друг друга теснить, попросту сказать, как мышей, давить, и шум, и визг, и крик бывает из-за этого узкого и затрудненного проезда и прохода. А им бы при этом, самим врагам, вооруженным всяким смертоносным оружием, с обеих сторон тех узких ворот стоять наготове пешими и на конях, и у самых шей наших и сердец это свое оружие в руках своих держать, и нас бы всех постоянной и явной смертью устрашать.

Это ли вам не весть, это ли вам не повеление, это ли вам не приказание, это ли вам не писание?! Ох, ох, увы, увы! Горе, горе злое-лютое! И куда идти, куда бежать? Как не заплакать, как не зарыдать, как всей душой не страдать, как в грудь себя не бить?! Как же сами мы не заботимся и не радеем о себе, когда видим за великие и бесчисленные грехи наши по воле Создателя и Творца полное наше смирение, а врагам, чужим и своим, попущение, и всяческое от них над собой надругание, и осмеяние. Хотя и плачем, и рыдаем, и бьем себя в грудь, и всей душой страдаем, и сильно тем Создателю досаждаем, но подвига и рвения не проявляем, и к Богу не прибегаем, и его не умоляем, и против врагов ничего не замышляем, а все на произвол пускаем и сами же в своей земле и вере злое семя укореняем.

И еще скажу: «Ох, чем только нас Господь за бесчисленные грехи наши не смиряет, и каких только наказаний не посылает, и кому только нами владеть не повелевает!» Сами видите, кто он такой. Не человек, а неведомо кто! Ни царских родов, ни боярских чинов, ни из

избранных ратников; говорят, от смердовских рабов. Его же, окаянного и треклятого, за его злые дела следует называть не именем Стратилата, а именем Пилата, не во имя преподобного, но во имя неподобного, не во имя страстотерпца, но во имя землеедца, не по имени святителя, но по имени мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя веры христианской. И по известному его прозвищу также недостойно его называть во имя святого, а от названия человеческого нужного прохода — Афедронов¹⁹⁴. Таким именитым государством владеет и его, словно великое море, колеблет: что хочет, то и творит, и никто ему не возбранит!

А сами наши земледержцы и правители (ныне же, как я уже прежде сказал, — землесьеды и кривители), те словно ослепли или онемели, прямо сказать, ни один не смеет тому врагу ничего запретить и великому государству ни в чем пособить. А иные молчат, не говорят и ни в чем ему не перечат, ибо вместе же с ним, врагом, всех нас погубить хотят. Целые полки людей всяких чинов за тем врагом следом ходят и милости и указаний его ждут. Не только простые и неименитые люди, но даже боярские и дворянские дети и сами дворяне, благородные и сановитые, иным из которых он, враг креста Христова и всех православных христиан, и в подметки негод¹⁹⁵.

А еще враг и лютый злодей наш не своим состоянием завладел. Как Ихнилат¹⁹⁶, в цареву ризницу пробрался, чтобы разорить и погубить ту великую царскую казну, что за многие годы многими государями-самодержцами, великими князьями и царями вся Руси была собрана и положена. Он же, окаянный, как вышеупомянутый Ихнилат, в одночасье или же за недолгий срок все хочет извести, расточить и погубить, и оставить эту цареву ризницу вконец разоренной, словно пустой и ненужный дом. Да уже и оставил! И теперь эти великие сокровища, драгоценные камни, и одежды, и всякие вещи, что нам неведомы и нами невиданны, со своими единомышленниками разбирает и вещь к вещи прибирает, а также золото, серебро и жемчуг в большие сундуки насыпает и к тому вышеназванному супостату нашему, врагу-королю и похитителю, под тот обороняющий нас град посылает.

А мыслят, окаянные, так в уме своем: если божьим промыслом и вашим над ними, врагами, помыслом, благо для нас свершится, если здесь, у нас, божьей милостью их желание не сбудется, а доброе дело

осуществится и над ними, врагами, победа объявится, а им, врагам, от нас убежать случится, то чтобы им у своего сатаны положения своего не лишиться, и смерти бы от него не приключиться, можно было бы теми бесчисленными и драгоценными сокровищами с ним и примириться. Но если царство наше перед ними не выстоит, погибнет, — кто не восплачет, кто не возрыдает, кто не вздохнет?! Полагаю, что не только нашей православной веры и христианского рода православный христианин, но и иноверный из тех же врагов, кто хоть мало-мальски мягок и жалостлив сердцем, если не заплачет, то и он вздохнет и скажет: «Как же такая великая и прославленная во всех странах земля оказалась в разорении, такое великое царство в запустении, а столь богатая царская ризница в расточении!»

А вы, православные, Богом почтенные, сжальтесь над собой, содрогнитесь сердцем, видя пред собой столь непереносимые бедствия и скорби, видя всегда перед глазами своими свою гибель и поправление веры нашей православной! Не отдавайте сами себя в руки врагов своих! Призвав в помощь Бога, и Пречистую его мать, великих чудотворцев, и всех святых, поднимайтесь на врагов своих! Может быть, Господь Бог наш Иисус Христос, наказав нас праведным своим гневом, да и помилует, и на них, врагов, победу даст, избавит и спасет нас от них. А они, злодеи наши и губители, одно замышляют против нас (как я уже и прежде вам говорил): хотят нас погубить, а оставшихся своей воле подчинить.

И тому, что в этом письме я рассказываю вам и пишу, верьте без всякого сомнения! А я, к их намерениям и замыслам прислушиваясь, помню свою православную веру и не хочу души своей грешной в конец погубить и в геенне быть. По ошибке своей и слабости, славой мира сего прельстился и к ним, врагам, прилепился, ради суетной славы и тленного богатства, как и прочая братия наша. Все мы, того ищущи, от того и погибли. Если бы того не искали, от Бога бы все не отпали, и душами и телом не пали бы, и не пропали. Ныне же я прозрел, что, следуя им, врагам креста Христова и губителям всех нас, православных христиан, перейдя в их богоотступную веру и не отстав от них, — быть в геенне огненной душой и телом. Явно же мне нельзя от них отстать и вам про это сказать. Даже единому кому-нибудь из вас втайне сказать боюсь: вдруг этот человек в мыслях своих поддастся искушению, не утерпит и вам скажет имя мое, а от

вас разнесется и до них, врагов и губителей христианских, донесется; тогда меня, взяв, жестокой казни предадут. Я же у них ныне очень пожалован. Сами знаете, что все мы смерти боимся. И я, так же, как и вы, имею жену и детей. Ежели мне самому доведется умереть, так на Господа надежда, что не умереть, но ожить за эту правду, иное же дело — жену и детей осиротить, по дворам пустить, а всего того горше, — на позор отдать. Вам же, православные, в ту пору ничего будет не делать, ибо ныне верх взяли произвол и насилие врагов. Оттого-то я вам открыто и не решаюсь сказать и от них отстать, потому-то вам письмом и потрудился написать. Если Господь помилует всех нас, избавит нас от наших явных врагов и все будем живы, тогда известно вам будет и про нас, про грешных. А ежели и скажет вам кто-то, что я вам ныне враг и клеветник, то Господь видит сокровенное мое, что с вами же хочу жизнь свою отдать за православную веру и за святые божьи церкви. Ныне же, как я выше уже сказал, по нужде не отстану от них.

А кто это письмо возьмет и прочтет, пусть бы его не таил, давал бы, осмотревшись и выведав, прочесть вкратце своей братии, православным христианам, тем, которые за православную веру хотят умереть, чтобы все им стало известно, а не утаено, но не тем, которые были ранее нашими братьями, православными христианами, а ныне всей душой, без раскаянья, отвернулись от христианства и во врагов наших превратились, с ними, врагами, соединились, вместе с ними вооружились и хотят нас вконец погубить, — тем бы его ни в коем случае не показывали и не давали читать. Да будет на вас всех, доброжелателей Российского царства, милость божья и помощь пречистой Богородицы и великих чудотворцев, которые у нас в Троице прославлены, и всех святых! Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПОБЕДЕ ПОД МОСКВОЙ И ЗЕМСКОМ СОБОРЕ 1613 ГОДА

По взятии же царствующаго града Москвы многих литовских людей посекоша¹⁹⁷, а болших панов по темницам засадиша и по городом на украины развозиша, но мысляще им с Литвой мирного времени.

Донских же и польских¹⁹⁸ казаков въехачи в Москву тогда сорок тысяч, а поборники по царствующему граду Москве и по православной вере христианской. И хожаше казаки во граде Москве толпами где ни двинутся в базар человек 20 или 30, а все вооружены самовластны, а меньше 15 человек или десяти никакo же не двинутся. А от бояр же чину никто же с ними вопреки глаголати не смеюще и на пути встречающе и борже в сторону воротяще от них, но токмо им главы своя покланяюще.

Князи же и боярца московскийи мысляще избрати на Росию царя из велмож боярских и избираша седмь велмож боярских: первый князь Федор Иванович Мстиславской¹⁹⁹, второй князь Иван Михайлович Воротынской²⁰⁰, третий князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой²⁰¹, четвертый Иван Никитич Романов²⁰², пятый князь Иван Борисович Черкасской²⁰³, шестой Федор Иванович Шереметев²⁰⁴, седьмой князь Дмитрий Михайлович Пожарской²⁰⁵, но и осьмый причитаючи князь Петр Иванович Пронской²⁰⁶. Но да ис тех по Божий воли да кто будет царь или да жеребьют.

А с казаки совету бояра не имеюща, но особ от них. А ожидаючи бояра, чтобы казаки из Москвы вон отъехали, втаи мысляше. Казаки же о том к бояром никакo же глаголюще, в молчании пребываше, но токмо ждуще от бояря, кто у них прославится царь быти²⁰⁷.

Князь же Дмитрий Тимофеевич Трубецкой учреждаше трапезы и столы честныя и пиры многия на казаков и в полтора месяца всех казаков, сорок тысяч, зазывая толпами к себе на двор по вся дни, честь им получая, кормя и поя честно и моля их, чтобы быти ему на Росии царем, и от них же, казаков, похвален же был. Казаки же честь от него приимаше, ядуще и пьюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющиеся его безумию таковому. Князь же Дмитрий Трубецкой не ведаше того казачьи лести.

Казаки же не можаху дождати от бояр совету их, хто у них будет царь на Росии, и советоваше всем казачьим воинством. И приступиша казаков до пяти сот и болше ко двору Крутицкого митрополита²⁰⁸, и врата выломав и вшед во двор, и глагола з грубными словесы митрополиту: «Дай нам, митрополит, царя государя на Росию, кому нам поклониться и служить, и у ково нам жалованье просити, и до чево нам гладною смертию измирати!» Митрополит же страхом одержим бысть, и бежа через хоромы тайными пути к бояром, и сказа все по ряду бояром: «Казаки хотят мя жива разсторгнуть, а просят на Росию царя».

Князи же и бояра, и дворяне, и дети боярские возвестиша друг другу на собор, и собрався на сборные места, и повестиша казаком на собор. И приидоша атаманы казачьи и глагола к бояром: «Дайте нам на Росию царя государя, кому нам служить»²⁰⁹. Изглагола все по ряду. Бояра же глаголюще: «Царские роды минушася, но на Бога жива упование возложим, да кого Бог подаст царя и по вашей воли, атаманы все и все войско казачье, кому быти подобает царем, но толико из велмож боярских, каков князь Федор Иванович Мстиславской, каков князь Иван Михайлович Воротынской, каков князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, но и всех по единому изочтоша семь прежде писанных по имяны и восмаго Пронского».

Казаки же, слушая словес их, изочтоша же всех. Казаки же утвержая бояр: «Толико ли ис тех велмож по вашему умышлению избран будет?» Бояра же глаголюще: «Да ис тех изберем и жеребьем, да кому Бог подаст». Атаманы же казачьи глаголюще на соборе: «Князи и бояра и все московский вельможи, но не по Божей воли, но по самовластию и по своей воли вы избираете самодержавна. Но по Божий воли и по благословению благовернаго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии при блаженной его памяти, кому он, государь, благоволил посох свой царский и державствовать на Росии князю Федору Никитичу Романову. И тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корени и отрасль добрая, и есть сын его князь Михаиле Федорович. Да подобает по Божий воли тому державствовать». И возопиша атаманы казачьи и все воинство казачье велим гласом воедино: «По Божий воли на царствующем граде Москве и всеа Росии да будет царь государь и великий князь Михайло Федорович и всеа Росии!» И многолетствовали ему, государю.

Боляра же в то время страхом одержими и трепетни трясущися, и лица их кровию пременяющися, и ни един никто же може что изрещи, но токмо един Иван Никитич Романов проглагола: «Тот есть князь Михайло Федорович еще млад и не в полне разуме». Казаки же глаголюще: «Но ты, Иван Никитич, стар верстой, в полне разуме, а ему, государю, ты по плоти дядюшка прироженный, и ты ему крепкий потпор будеши»²¹⁰.

Боляра же разыдошася вси восвояси. Князь же Дмитрий Трубецкой, лице у него ту и почерне, и паде в недуг, и лежа много дней, не выходя из двора своего с кручины, что казны изтощил казаком и позна их лестны в словесех и обман. Боляра же умыслиша казаком за государя крест целовать, из Москвы бы им вон выехать, а самим креста при казаках не целовать. Казаки же ведающе их умышление и принудиша им, боляром, крест целовать. И целоваша боляра крест. Таже потом казаки вынесоша на Лобное место шесть крестов, и целоваше казаки крест, и прославиша Бога вси.

И приехав государь от Костромы к Москве, и поклонишася ему вси, и утвердиша на царствующий град Москву и всея Русии государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси. Казаки же вси, выехав из Москвы, сташа в поле.

Авраамий Палицын

ИСТОРИЯ В ПАМЯТЬ ПРЕДИДУЩИМ РОДОМ,

да не забвенна будут благодееяниа, еже показа нам Мати слова Божиа, всегда от всея твари благословенна Приснодеваа Мариа, и како соверши обещание свое к преподобному Сергию, еже рече, яко неотступна буду от обители твоея. Списано бысть тоя же великиа обители Живоначалныя Троица-Сергиева монастыря келарем иноком Авраамием Палицыным

И ныне всяк возраст да разумеет и всяк да приложит ухо слышати, како грех ради наших попусти Господь Бог наш праведное свое наказание от конец до конец всея Росиа и како весь словенский язык возмутися и вся места по Росии огнем и мечем поядены быша. Сему же сказанию начало сиецево.

Глава 1

Благочестивому и храброму в царех царю и великому князю Ивану Васильевичю, всея Русии самодержцу, дошедшу кончины лет, преставися в лето 7092-е²¹¹, — его же скипетра и всеа державы восприемник бысть сын его юнейший Феодор Ивановичь. И той убо не радя о земном царствии мимоходящем, но всегда ища непремняемаго. Его же видя, око, зрящее от превышних небес, дает по того изволению немя тежно земли Русей пребывание и всех благих преизобилование. Кипяще же и возрасташе велиею славою и распространяшеся во вся страны царство его. В славе же его вознесся брат царицы его Ирины, Борис Годунов яко же Иосиф во Египте²¹². И толико знаменит бе, яко и от перьских царей²¹³ и от Италии и от всего запада²¹⁴ приносящей дары честныя царю Феодору Ивановичю и тому Борису равноподобно царстей чести дарования приношаху. Но аще и разумен бысть Борис в царских правлениях, но писания божественаго не навик²¹⁵ и того ради в братолюбии блажен бываше.

Великого убо царя Феодора брата его Димитрия Ивановича не единоматерня отделишиа на Угльч, всех начальнейших вельмож советом да в своем пространствии с матерью си пребывает. Сему же царевичю Димитрию естеством возрастающу и братне царство

и величество слышащу и от ближних си смущаему и зане же не вкупе пребывания з братом о сем печалуясь и часто в детьских глумлениих глаголет и действует нелепаа о ближнейших брата си, паче же о сем Борисе²¹⁶. И врази суще и ласкатели, великим бедам замышленицы, в десятиорицу лжи составливающе с сими подходят вельмож, паче же сего Бориса, и от многиа смуты ко греху сего низводят. Его же краснейшаго юношу отсылают и нехотяща в вечный покой в лето 7099-е²¹⁷. Память же его крови ради неповинной во всей Росии торжествовая, и великим даром чудес от бога обогащен бысть²¹⁸.

Егда же заколен бысть той незлобивый агнец Димитрий царевичь, тогда весь град Угличь возьмется и, емше убийц его Данилка Битяговского, Никитку Качалова и самого Михаила Битяговского, смерти предаша. Борис же за тех убийц угличан боле двюсот человек погуби; иных в Сибирь сосла, инех же в темницах лютыми смертями умори. Мать же его, царицу Марию, неволею постричи повеле, и пятнадцать лет в скорби пребысть; отца же ея Федора Нагово со всем родом его в нужные места розосла, даже и до смерти своя. Слух же сей злый во всю Росию изыде, и мнози скорбяше о неповинной крови²¹⁹. Нецьи же без страха начаша извещатися между собою о деле сем лукавом²²⁰. Сиа же внидоша и во уши Бориса.

И в лето 7099-е²²¹ царь и великий князь Федор Иванович всея Руси пойде в дом пресвятыя живоначальныя Троица²²². И бывшу ему во обители Сергия чудотворца в самый праздник великия Пятидесятница²²³, в царствующем же граде Москве в субботу пятидесятную всем сущим христианом память, иже от века усопшим, совершающим; и абие в полудне в Чертольской улице напрасно возгореся колымажной двор и потом Абацкаа улица и Никитцкаа и Тверскаа и Петровскаа и до Трубы и града Белово камяново кровля вся и за городом Посольской двор и Стрелецкие слободы. И тако все Занеглинение вскоре погоре, и множество святых церквей со всякою святынею и православных христиан всякого возраста згореша множество много. Никитцкого же монастыря инокини числом 40 бежаша спасатися от огня того под храм великого чудотворца Николы на Хлыново, надеющиеся на пространство храма того и на врата железнаа, и ту вси скончашася; и инии православнии христиане с ними же згореша²²⁴. Боляре же вси тогда с царем быша и не могуще прочии всем

народом избавитися от огня. Царю же шествующу от обители Сергия чудотворца к царствующему граду, сътрапезники же и ласкатели Борисовы на пути всем челобитчиком повелеша просити милости во всех бедах у Бориса, царю же сицеваа во уши внести отрекоша, и тако мнози на пути припадающе к ногама Борисовама. Он же всем повеле подписывати на челобитных противу прошения их; комуждо и не по достоинству²²⁵, но вдвое и втрое повеле давати погоревшим на домовное строение от царския казны. Боляром же и инем от царския полаты сущим повеле бесчислено имати, не токмо на домовное строение, но и на ино что кто хочет; купчествующим же и всякой черни льготныя и белыя грамоты повеле давати²²⁶. И тако многонародное Московское множество в кротость введе и прочая грады. И вместо еже советующе нань великия хвалы воздааху ему. И таковый пожар бысть не во единой Москве, но во многих градах и посадах тогда бышя великия пожары. Боляре же и весь чин воинствующих о сем не внимающе, что будет воздаяние такову греху; инии же и не могуще, что сотворити; отъят бо Борис от всех власть, и никто же отнюдь не токмо еже вопреки глаголати ему не смеюще, но ни помыслити нань зла. Паче же всего разумных ослепи очеса именем многим и трапезами сладкопитательными, по правде же побарающих в пределы дальние отсылаа. И тако вси советующей нань престаша о отмщении помышляти.

Потом же и блаженному царю Феодору, пременившу земное царство на небесное, преставися во лето 7106-е²²⁷. От многих же правление держащих в России²²⁸ промышляется быти царем вышепомянутый Борис. Он же, или хотя или нехотя, но вскоре на се не подадеса и отрицаася много и достойных на се избирати повелеваа; сам же отшед в великую лавру матери слова божия воспоминаемаго чудеси Смоленския иконы Девичиа монастыря²²⁹ и ту сестре си царице Ирине, уже иноке Александре, служаше. От народнаго же множества по вся дни принужаем бываше к восприятию царствия и молим от многих слез, но никако же прекланяшеса. Патриарх²³⁰ же со всем освященным собором приемлют икону матери всех бога, иже и на ея пречистую руку воображен младенец, держай всю тварь словом веления, написанный Лукою евангелистом²³¹. Той убо и инии прочия святые иконы и мощи пешеносцы износим бывает от места на умоление

Бориса. Он же, яко усрамився пришествиа образа Богоматере, и абие восприемлет скипетр всяа Росийския державы.

Венчеваему же бывшу Борису рукою святейшаго патриарха Иова в лето 7107-го, и во время святыа литургия, стоя под того рукою, и не вемы, что ради, испусти сицев глагол зело высок: «Се, отче великий патриарх Иов, Бог свидетель сему, никто же убо будет в моем царствии нищ или беден!». И тряся верх срачицы на себе, «И сию последнюю, — рече, — разделю со всеми». Словеси же сему вси такающе и истинно глаголюща ублажающее²³². Двоелетному же времени прешедшу, и всеми благими Росиа цветяше. Царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеся; по словеси же своему о бедных и о нищих крепче промышляше, и милость от него к таковым велика бываше; злых же людей люте изгубляше. И таковых ради строений всенародных всем любезен бысть.

Оставшее же племя царя блаженного Феодора начат не любити, ради смущения своих ближних и мало-помалу начат и к смерти на сих поучатися. Клятву же к великому болярину к Никите Романовичю Юрьеву преступи, еже о чадех вверенное тому соблюдение²³³. Изверзает убо ис части от себе Феодора Никитича и со всею братиею его и много бесчестна и зла нанесе им, и четырех смерти предаде: Алесандра и Василиа, Льва и Михаила²³⁴. Феодора же болшаго Никитича неволею иночествовати устрой. Иван же токмо один от сих остася. Феодор же, иже и Филарет, по многих томлениих и по умертвии Бориса возведен, бысть на престол великого чюдотворца Леонтия и прочих²³⁵. По сих же убо изгнании, и инех многих их ради погуби. Се же мысляше да утвердит на престоле семя свое по себе. Рабом же на господий толико попусти клеветати, яко ни зрети не смеюще на холопей своих; и многим рабом имениа господьскаа отдаа, и велики дары доводцом от него бываху. С великим же опасением друг с другом глаголаше и брат з братом и отец с сыном и по беседе речей заклинающа страшными клятвами, еже не исповедати глаголемых ни о велице ни о мале вещи²³⁶. И ради исправление земли воокрут в странах славен бысть и почитаем. Тако же и Росиа благодарствоваше о нем за непощадение к злодеющим, но о сем вси скорбяще, иже неповинно от полаты его разумнии истребляхуся и силнии в разсуждении далече отгоними бываху.

Глава 2. О НАЧАЛЕ БЕДЫ ВО ВСЕЙ РОССИИ И О ГЛАДЕ ВЕЛИЦЕМ И О МОРУ НА ЛЮДИ

И яко, сих ради Никитичев, паче же всего мира за премногия и тмочисленныя грехи наша и безакония и неправды вскоре того же лета 7109-го²³⁷ излиание гневобыстрое бысть от Бога. Омрачи господь небо облаки и толикоу дождь пролиася, яко вси человецы во ужась впадоша. И преста всяко дело земли и всяко семя сеянное, возрастши, разседеся от безмерных вод, лиемых от воздуха; и не обвея ветр травы земныя за десять седмиц дней и прежде простертиа серпа побии мраз сильный всяк труд дел человеческих и в полях, и в садах, и в дубравах всяк плод земный, и яко от огня поядена бысть вся земля. Году же сему прешедшу, праведному же наказанию от Бога на нас бывшу, мы же никакже от злоб своих престахом и к покаанию не обратихомся, но на горшая и злейшая прострохомся и безаконие к безаконию приложихом. И сего ради во второй год злейши того бысть, такожде и в третье лето²³⁸; и всякому естеству, ох! и горе! восклицающу. Царь же Борис в таа лета многу милостыню творяше к нищим паче перваго, не помянув же словесе, вселенней покаянию наставника: иже убо от лихоимения и от неправды творяй милостыню, подобится сей зарезавшему сына у отца и кровь его принося в златой чаши, да пиет от нея ко здравию си²³⁹. Той Борис сему же подобно сотвори: дома великих бояр сосланных вся истощив и принесе в царския полаты и древняя царскаа сокровища вся сим оскверни, от сего же милостыню творяше. О сих же Исаия пророк глаголет к царствующим во Иудеи: сице глаголет Господь вседержитель: «аще убо едину сребреницу неправедну присовокупите ко имению вашему, ея же ради вся сокровища ваша огнем потреблю»²⁴⁰.

Мнози же тогда от ближних градов приищуще к царствующему граду, препитатися хотяще от милостыни царевы: славе бо велице проходящи о милостыни. И тии убо приходящей такожде погибашу скудости ради пища. По отцех же богоносных речению²⁴¹, мнози тогда ко второму идолослужению уклонишяся и вси имущей сребро и злато, сосуды и одежда отдааху на закупы и собираху в житница своя вся семена своя всякого жита и прибытков восприимаху десяторицею и вящи. Мнози бо имущей к разделению братии на милость не прекланяхуся. И зряще богатии по стогнам царствующаго

града от глада умерших, ни во что же вменяху; и не толико бревн и дров на возилех, яко же мертвых нагих телес влечаху по граду всегда, такожде и по всем градом. И за два лета и четыре месяца счисляюще по повелению цареву погребоша в трех скудельницах 127 000, толико во единой Москве. Но что се? Тогда бысть в царствующем граде боле четырех сот церквей, у всех же тех неведомо колико погребше христороубцы гладных. А еже во всех градах и селех никто же исповедати может: несть бо сему постижения. И пси бо и зверие и птица небесныя преизобильствоваху сидевою пищею; и аще не бы царским повелением погребяхуса, то всяко бы от смрада мертвости и от снедения пес возсмерделся царствующий град. Толика же беда належаше, яко всяку нечистоту бедным и неимущим снедати. И аще не бы господь прекратил дньей тех, то уже начинаху и друг друга ясти²⁴².

В та же лета мнози имущей глаголаху к просящим: не имамы ничто же. Во время же пленения от всех околних язык, наипаче же от своих то обретесе бесчислено расхищаемо всякого хлеба и давныя житница неистощены, и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоней и копен и зородов, и до четырехнадесяти лет, отнеле же смятение бысть во всей Руской земли. И питахуса вси старыми труды, такожде и пубивающих их питаху: орание бо и сеятва и жатва мятяшеса, мечю на выи всегда у всех належашу. Се убо да разумеется грех во всей Росии, чесо ради от прочих язык пострада. Во время бо искушения гнева божия не пощадехом братию свою и жита и блага своя заключихом себе. Тако и нас не пощадеша врази наши²⁴³.

Глава 3. О НАЧАЛЕ РАЗБОЙНИЧЕСТВА ВО ВСЕЙ РОССИИ

Последова же царь Борис в неких нравех царю Ивану Васильевичу, еже бы наполнити на край предел земли своя воинственным чином, дабы против сопостат крепцы были украинныя города, паче же польския и северския²⁴⁴. И егда кто от злодействующих осужден будет к смерти, и аще убежит в те грады польския и северския, то тамо да избудет смерти своя. И много времени, сего бысть собраниа злодеем, от лет царя Ивана Васильевича даже и до розстриги Григория. Разумом же и жестостию царя Ивана Васильевича не смеюще двизатися таковии змиеве; царь же Феодор, яко ужем твердом молитвою своею всех связа. В правлении же при сем велицем госу-

даре блаженнем царе Феодоре Борис Годунов и инии мнози от вельмож не токмо род его, но и блюдомии ими, многих человек в неволю к себе введше служити, инех же ласканием и дарьми в дома своя притягнувше; и не от простых токмо ради нарочита рукоделия или какова хитра художества, но и от честнейших издавна многим имением и з селы и с вотчины, наипаче же избранных меченосцов и крепких во оружии и юветлы телесы и красны образом и возрастом излишествоующих. Мнози же и инии, начальствующим последствующе, в неволю порабощающе, с кого мощно и написание служивое силою и муками емлюще. Во время же великого глада сего озревшеся вси, яко немощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпускаати; инии убо истинно, инии же лицемерством. Истинствующей убо с написанием и з заутвержением руки своей, лицемерницы же не тако, но токмо из дому изгонит; и аще к кому прибегнет, той зле продаваем бываше и мног снос и убытки платяху; инии же ради воровства нигде не приемлени бываху; инии же от неразумниа и безремества погибаху; инии же, срама ради, скончехуся беднее за отечества ради. Мнози же и того злее сотвориша имущей чем препитати на много время домашних своих, но восхотевше много богатства собрати, и того ради челядь свою отпускающе; и не токмо челядь, но и род и ближних своих не пощадеся; и гладом скончехуся туне презреши. Бяше же и се зло и лукаво во многих: лето убо все тружаются, в зиму же не имеют где и главы подклонити; и паки в лето в делех зле стражут у господей своих. В сицевых же озлоблениях велико зло сотворися во всяких местех, их же несть возможно исписати. Дома же великих бояр зле от царя Бориса распужены и вси раби распущены быша, заповедь же о них везде положена бысть, еже не приимати тех опальных бояр слуг никому же. Инии же сами поминающе благодеяние господей своих и в негодовании на царя пребывающе, но времени ждуще, зле распыхахуся, инии же от глада зле скончехуся, инии же ремесством кормящеся, овии же от родитель своих питахуся. А иже на конех обыкше и к воинскому делу искусни, сии к великому греху уклоняхуся; во грады бо вышереченныя украинныя отхождаху. И аще и не в купе, но боле двадесяти тысящ сицевых воров обретшеся по мнозе времени во осаде в сидении в Колуге и в Туле, кроме тамошних собравшихся старых воров²⁴⁵.

Царь же Борис, хотя ползу сотворити питаемым от царских его сокровищ, дабы на время оскудiti неких, инех же бы препитати бедных, и чрез заповеди святых отец и великих благочестивых царей и великих князей греческия законы содержащих²⁴⁶ и в церковных предании оскудив много во всей Росии, но такового ради времени не бы ему в грех вменилося, аще бы впредь написал исправить таковаа. И се же паки неразумно содея: подаемую убо пшеницу от царских житниц в приношение бескровный жертвы всех благих подателю, повеле вместо ея рож давати на приношение Богу. Но аще и не по повелению его, но на грех велик житодавцы простершеся, худу бо зело и гнилу рож даяху. Инем же в селех далече от царствующего града²⁴⁷ повелеваху имати, но и то все по велицей мзде дающе и многу скорбь на пути приемлюще, и безо мзды царских жалований никако же никому не мощно восприяти. Да кто о сем не почюдится? Не гордости ли се исполнено и небрежения о Бозе? Сами убо мы вси не токмо пшеницу изъедаем на трапезах наших, но много злата и сребра в чревеса наша проходит от воздуха и от земли и от вод в брашнях; дающему же пищу всякой плоти приносим гнилаа, яко же при Каине бысть. Погорде же царь Борис в своей земли сына и дочь свою браку совокупити, но их же языков любляше, к сим и о сватовстве посла; и от Датския земли государича привед, хотя дочь свою дати зань. Но все-силный смертию пресече гордых смысл²⁴⁸. Тако же и сыну невесту изволи от Татарских царств²⁴⁹ привести ис Хвалис²⁵⁰. И тамо мнози от правоверных зле погибоша от кумык и от черкас горских в проходех нужных возле моря Хвалицкаго²⁵¹. И то не збысть же ся. Се же мысляше, да от востока сущих невестою от запада же зятем примирит к себе и царство свое укрепит и изшедших от чресл его на престоле своем утвердит, околним же противником страшну быти. Творимо же се бысть во время великого того глада. Но ничто же о всемирном гладе разсудив, яко на толико время простреся, и ких ради грех наказание сиецево от содетеля всех бысть. Но промысляше от прочих соседствующих ему страшну и славну быти, еже и бысть. От Персиды бо кизыльбашской шах²⁵² велики и многоценны дары присла и место мнее престола царска, но от злата чиста изваянно и драгим камением многим многоценным украшено; и таково и прежним господствующим в Росии не бысть почествование оттуду. От немец²⁵³ же без образа к зрению их смыслов немощно представить, каковыми вещьми

почитаху его. Славя же ся в мире сем царь Борис, и поставляет царя в Касимове²⁵⁴, и по смерти его возгордесе той бусурман, не восхоте поклонитися восприемником того престола. Ят же бысть первоначальствующий в князех нагайских²⁵⁵ Урус Астроханскими вой; той же лукавствуя и обещавася служити ему. Царь же Борис, хотя славою своею, а не яростию в предыдущаа времена укрепити того врага, и повеле во вся царскаа сокровища водити его и показовати вся, им же царие Росийстии величаются. И еже что годно ему, то все невозбранно взимае. Но во время ни во что же таково величание бысть. Егда же время прииде, и тогда вси таковии врази совесть сердца своего усты объявиша; и какова зависть сердца их распалающияся, познана бысть.

Оскверни же царь Борис неправедным прибытком вся дани своя, корчемницы бо пианству и душегубству и блудужелателие во всех градах в прекуп высок воздвигше цену кабаков. И инех откупов чрез меру много бысть, да тем милостыню творит и церкви строит; и смесив клятву з благословением, и одоле злота благочестию. И таковых ради всех дел, иже сотвори Борис, в ненависть бывает всему миру²⁵⁶.

Но отай уже и вси поношаху его ради крови неповинных и разграблении имения и нововводимых дел.

Ереси же арменстей и латынстей²⁵⁷ последствующим добр потаковник бысть, и зело от него таковии любими быша; и стариим же мужи брады своя постризаху, в юноши пременяхуся. Над всеми же сими во объядение и в пианство велико, и в блуд впадохом, и в лихвы и в неправды и во вся злаа дела. За вся же сиа злаа и лукава наша дела егда гладом наказа нас господь, мы же не токмо еже к нему обратимся, но и, злейши гордостию возвышающесе, в горшааи злейшаа впадохом, и не токмо простиим, но и чин священствуующих. Многа же и ина злаа, еже в нас содеяся, их же немощно исписати и изглаголати продолжение ради немощных слуха к забытию. И егда рекохом мир и утверждение о управлении Бориса, тогда внезапно «прииде на нас всегубительство» по апостола гласу²⁵⁸. Не попусти убо содержай словом никого же от тех, их же стрегийся царь Борис. И не веста никто на него от вельмож, их же роды погуби, ни от царей странских. Но кого попусти? Смеху достойно сказание, плача же велико дело бысть.

Глава 4. О РОЗСТРИГЕ ГРИГОРИИ И О СМЕРТИ ЦАРЯ БОРИСА

В лето 7113²⁵⁹ некто чернец, Григорий именем, от рода Отрепьевых, сей юн еще навиче чернокнижию и прочим злым, той же, отшед от Росии, вселься в пределех королевства Польскаго²⁶⁰, и тамо живя и составляше ложнаа писаниа и посылала повсюду, проповедаа, жива царевича Димитрия себе нарицаа. Сам же от места на место преходя и крыяшеся и мятяше в двою государству всеми людьми. За се же яшяся крепце вси они вышепомянутые бегуны, северских и польских градов жителие, вечныя [холопи] московския, им же дойде время по их вражию изволению. И прежде убо мало-помалу прилагахуся весь от веси, та же и град от града, дондеже и вси погибоша. Но того лукавство всем ведомо бысть. И какова злаа содеяшяся? И до днесь вся Росиа не может от выа своеа разрешите того ярма; и яже во всей Росии сотворенных от него злых со всеми любителями его злодейства, немощно никому во многаа времена исписати. Четвертую бо часть всеа вселенный, всю Европию, в два лета посланными своими прельсти²⁶¹; и папа же римский всему западу о нем восписа²⁶²: изгна на того суща от отечества являше. И Польскому кралоу третьему Жикгимонту²⁶³ вси на месть за него повелеша строитися. Приложи бо ся к вечным врагом христианским, к латыньским учеником, и обещася неложно им з записанием, еже вся Росиа привести к стрывеи антихристову²⁶⁴ под благословение и непричащающихся мерзости запустения опресночному хлебу²⁶⁵ всех предати смерти. И аще не бы Господь сверг того велехвальную гордыню, то и мог бы сиа соделати. На него же и много приличествует пророчество Иезекииля боговидца в 21-й главе; и по той же главе назнаменует и смерть тому, яко же речено «и будеши огню ядь, и кровь твоя среди земля твояа пролиется»²⁶⁶.

Царь же Борис, аще и не от него убиен бысть, но во время неправдоу замышленного состава Григориева скорою смертию посечен бысть в лето 7113²⁶⁷; и вси, на них же надеяшеся, з домом его разсеяни быша.

Той же чернец по его смерти того же лета на царство его восходит, нарицався Димитрий; от многих же знаем, яко Григорий чернец, хотя же укрепитися на Росии царем. И собирает весь род убиеннаго

царевича Димитрия и инех многих, царем Борисом разсеянных; и еще и не привед тех прещеньми, последи же и дарьми всех прельсти. Прельсти же ся и мати царевича Димитрия, инока Марфа²⁶⁸, бывшаа жена царя Ивана Васильевича всея Руси, и нарицает того врага сына своего суца. Тогда же не токмо род его галичане вси обличаху, но и мати его, Богданова жена Отрепьева, вдова Варвара и з сыном своим, с его Григорьевым братом, и з дядею Смирным Отрепьевым, тако же обличаху²⁶⁹. И дядя его в Сибирь сослан²⁷⁰ много приим озлобления. Мученицы же новии явльшеся тогда: дворянин Петр Тургенев да Федор Колачник²⁷¹ без боязни того обличаху. Им же по многих муках главы отсекоша среди царствующаго града Москвы. Той же Федор, ведом к посечению, вопиаше всему народу: «Се приали есте образ антихристов и поклонистесь посланному от сатаны; и тогда разумеете, егда вси от него погибнете». Москвичи же ругахуся ему и по делом суд тому быти глаголюще. Тако же и Петрову казнь ни во что же вмениша. И вскоре по них князь Василей Иванович Шуйской за его же обличение на плаху осудися, его же усралившеся, поляки у розстриге едва испросивше от посечения²⁷².

Потом же советом его злым с патриархом Игнатием²⁷³ покоршеся вси митрополиты, архиепископы и епископы, архимариты, и игумены, и весь первоначальствующих священный чин, и князи, и боляре со всеми начальствующими воем, и приложиша руки, и послы избравше, послаша в королевство Польское, просяше у пана Сердамирсково дочери тому розстриге в жену²⁷⁴. И истинно свидетельствующе о нем в тех писаниих, яко праведно сын царя Ивана Васильевича Димитрий, а вси знающе, яко Григорий чернец, наипаче же Пафнотий, митрополит Крутицкий²⁷⁵: при нем в Чюдове монастыре на крылосе стоял и у патриарха Иова боле года во дворе был, служа писмом. И за свое еретическое воровство от него збежа в Литву²⁷⁶. И яко же колесница фараоновы²⁷⁷ неволею связашася, такожде и все Российское государство в безумие вдашася и возлюбиха вси лесь.

Совершенное же лукавство той окаанный розстрига сам усуетова с Сердамирским, егда бысть в Польше, еще в дому его питаася; по его же злomu умыслу ятся пути, взем дщерь свою Маринку²⁷⁸, и привед с собою на брак беззаконный пиршественников 6000 избранного воинства. И взяты быша вси дома великиа на панов не токмо у простых, но и у властей и у вельмож, и у нарицаемых ложных родителей его,

у Нагих. И во всех крепких местех и в домах еретическое насилование вселися. Кривоверию же рачитель розстрига²⁷⁹ того же бояся, еже и над Борисовым родом содеяся, и в хождении и похождении дома царского и по граду всегда со многим воинством ездяше. Среди же и создади его во бронях текуще с протазаны и алебарды и со иными многими оружии, един же он токмо посреде сих; вельможи же и бояре далече от него бяху²⁸⁰. И бе страшно видети множество оружии блестящихся. Немец же и Литву хранители и стражи постави себе и всем крепостей царского дома. Зерньщиком же толико попусти играти и воровати, яко и в самех царских полатах пред ним бесящися; неведомо же каковыя ради радости, не токмо, иже по повелению его, весь синьклит, но и простии вси, яко женихи, и от конца и до конца улиц в злате и в серебре в багрех Странских ходяще веселяхуся. Пред лицей же его камением драгим и бисером многоценным украсившися служаху. И не хотяще никого же видети смиренно ходящих. Поляком же вся сокровища древняя истощи; и еретическое же семя лютори, воду черплюще, ношаху серебряными сосуды и в банях мыющися от золотых и серебряных сосудов²⁸¹.

От злых же врагов казаков и холопей вси умнии токмо плачюще, слова же рещи не смеюще; аще бо на кого нанесут, яко розстригоу нарицает кто, и той человек неведомо погибаше. И во всех градах российских и в честных монастырех и мирстии и иночествующей мнози погибоша: ови заточением, овеим же рыбаи утроба²⁸² вечный гроб бысть. Попустити же всем жидом и еретиком невозбранно ходити во святыя божия церкви; но и в самом в соборном храме пресвятыя владычица наша Богородица, честнаго и славнаго ея успения²⁸³ приходяще и возлежаху локотма и возслоняхуся на чудотворныя гробы целбоносных мощей великих чудотворец Петра и Ионы²⁸⁴. И со оружии скверными поляки за ним ходяще в церковь; но о сем никто же рещи не смеюще смерть бо всем предлежаше.

И вскоре же тогда проклятый папа римский с листом присла, воспоминаа его обеты, еже о опресночном приношении и о суботнем посте²⁸⁵. Окаанный же розстрига тщашеся вскоре повеленное ему совершити. И абие браку присягнув, с еретицею венчан бысть в дому божии. Много же он, окаанный, прежде спряжения браку насильством девственных душ оскверни, женского полу и мужескаго и инокинь доброобразных. Тако же и поляки многа такова скверна студа

содеяша. Врази же, возведшей его казаки, таковаа творима видяще, веселяхуся о погибели христианстей. И плачущим в бедах и всем скорбящим прецаху. И жида нарицаху их, глаголюще: «Яко царю годно, и он тако и творит; вы же, жида, вскую о том сетуете». Видяще же москвичи погибель свою и на покаание к Богу не обращахуся, но радуящиеся в торзех многим прибытком и воздыхающе вси, но сребро любезно вси собирающее²⁸⁶.

Гордя же ся в безумии розстрига, повеле в титлах писати себе наяснейшим, непобедимым цесарем нарицашеся; мняше бо окаанный мало, еже царско имя носити, но вышшую и честнейшую честь желаше привлещи²⁸⁷. Сему же зазрев некто от чина вельможьска, диак Тимофей Осипов²⁸⁸ нарицаем, муж благочестив образом и нравом. Той же добродетельный муж видево многа зла, творима розстригою с советники его. К сим же еще и несвойстве иное и великое имя на себе привлече; человек тленен и всегда страстьми побеждаем внешними и внутренними, а непобедимым цесарем нарицашеся, и яко Богу противна являя себе. Ревность по Бозе приим Тимофей, и в дому своем к Богу пост и молитву прилежну со слезами принесе. И причастився честных и животворящих тайн пречистаго тела и крове Христа Бога нашего и, пришед в полаты цареви, с дерзновением пред всеми розстригу обличив: «Яко ты, — рече, — во истину Гришка Отрепьев розстрига, а не непобедимый цесарь еси, ни царев сын Димитрий, но греху раб и еретик». Розстрига же, не стерпев обличения и осрамотився, в той час смерти предаст его; и скончав течение подвига своего доблий мученик. Сиа же оставим до зде. Посылает же розстрига х крымскому царю з дары безчестны, зделав шубу от кож свиных и в писаниих являя себе приготовльшася со всею полунощною странюю и грядуща к расхищению крымских жилищ. И повеле Росии всей и от поляков многим готовитися ити на Азов и на прочаа жилища татарскаа. И немедленно послав на Елец много избранного наряду пушечново, по Дону же плавною и по суху польскими проходы повеле рати ити. Дойде же слух и до Константинополя о сем, и готови турцы бышая к пролитою крови христианския. О сем неции глаголют, — истинно или ни, не вем, — яко сие сотвори розстрига крымскому царю, хотя его воздвигнути на брань, да изгубит христиан на велицех полях, и не радуяся о победе на Агарян, но ища, како бы предати тем всех православных христиан, Москву же наполнити поляки. Господь же гордых смысл разори и совет его в дело не произыде²⁸⁹. <...>

Глава 6. О ЦАРЕ ВАСИЛИИ ШУЙСКОМ

В лето 7114-го²⁹⁰ по убиении розстригине в четвертый день, малы-ми некими от царских полат излюблен бысть царем князь Василей Иванович Шуйской и возведен бысть в царский дом, и никим же от вельмож не пререкован, ни от прочего народу умолен²⁹¹. И устройся Росиа вся в двоемыслие: ови убо любяще его, ови же ненавидяще²⁹². Севера же, внят си крепце от царя Ивана Васильевича последнего розгром, бывший Новуграду, и такого же мучительства не дождался на себе, вскоре отлагаются от державы Московския, занеже много зла содеяша во всей Росии, егда возводяще розстригу на царство Росийское, и конечно отчаашася братства христианскаго и приложишася к Польскому кралевству в работу²⁹³. Царь же Василий много молив тех посланными, митрополитом Пафнутием Крутицким со архимариты и игумены и с прочим народом, но не преклонишася от застояния вышепомянутых воров. И тако во всей Росии изыде с мечем друг на друга. И не бысть такова беда, покрываемы бо величии поля бываху многочисленным воинством от обою страну, оставающихся мало смертнаго ради разлучения, и тии нази, яко от утробы матерния исторгшеся, и ко градом и к весем прибегаху, но и от тех мало спасахуся. Сицеваа же беда протягшися боле двою лет во всех украинях от предел востока польских градов, иже х Крыму, и Рязанскаа, и Сивера и Смоленская земля, и Пустаа Ржова, и Луки, и Великий Новьград, и Псков и Иваньгород. В Северских же и Польских градах иногда же разоряху грады от царя Василиа посылаемое воинство, иногда же тамо сущий друг другу одолеваху и огню и мечю предаахуся. На кормлю же по вся лета прихождаху татарове крымские и нагайские и черкасы, и, аки скоту, плену человек всегда отгоняюще в своя жилища. В та же времена от царя Василиа посланнии бояре и воеводы множество крепких воин под Колугою положишя и с стыдением отступишя²⁹⁴. По сем же и сам царь Василий под Тулу пойде и со многим козньством едва град приат потоплением водным²⁹⁵, и ту начальствующих злодеем ложного умышленого царевича Петрушку, холопа Свяжского головы стрелецкого Григориа Елагина, нарицающася сына царя Федора Ивановича²⁹⁶, и Ивана Болотникова, холопа же князя Ондreja Ондреевича Телятевского²⁹⁷, заводчика всей беде пойма²⁹⁸. И не соодолев меньшим злодеем преста от брани, возмнев, яко

и тии страха ради имуть покоритися. Они же вскоре приведоша к себе на помощь польских и литовских людей и прежним обычаем нарекоша ложного царя Димитрия, от Северских градов поповичева сына Матюшку Веревкина²⁹⁹. И тако брани бывши, и божиим попущением за беззаконна наша одолеша врази православным христианом и, ничим же задержими, дошедше до царствующаго града Москвы, его же и обседше вкрут промышляху прияти³⁰⁰. Кто же тоя беды изречет, еже содеяся во всей России? На единой бо трапезе сядяще в пиршестве в царствующем граде, по веселии же убо ови в царския полаты, ови в Тушинския табары прескакаху. И разделишися надвое вси человецы, вси же мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет Москва, то тамо отцы наши и братия, и род, и друзи; тии нас соблюдут. Аще ли мы одолеем, то такожде им заступницы будем³⁰¹. Польския же и литовския люди, и, воры, и казаки тем перелетом ни в чем не вероваху, — тако бо тех тогда нарицаху, — и яко волцы надо псами играюще и инех искушающе, инеми же вместо щитов от меча и от всякого оружия и от смертнаго поядения защищахуся. И бяше им стена тверда злокозньство изменник. И аще и вся злаа и лютаа видяще и слышаще, не отступаху от того ложного царика и от поляков, и недомыслимаа в разуме тому лже-Христу³⁰² и польским и литовским людям то вся промышляюще изменницы, и всюду водяще и везде сохраняюще врагов христианских, литву и поляков. К смертным же боем прежде ополчевахуся и последи престааху. Поляцы же и литва вооружены стояще бездельно, смеющиеся безумству их и междоусобию. И аще случаем взят будет на бранех поляки или литвою добрый воин за истинну стоящих, той милости сподобляем от них и от смерти сохраняем. Аще ли же случится кроме их взяту быти кому рускими изменники, и на того, яко на люта зверя, прискакаху со оружия и составы того раз сыпаху люте³⁰³. И видяще поляки и литва таковы пытки и злое мучительство от своих своим и единоверным, и, уступающе, дивляхуся окаанной вражий жесточи, и сердцы своими содрогахуся, и, зверски взирающе, отбегавху; разумнии же от них теплыми слезами ланите си омывающие и друг другу глаголюще: «Внимаим о себе, братие, что сии русаки друг другу содевают. Нам же что будет от них?» — и бесов злейши наричюще тех. Они же смиловавшихся литву и поляков худяками и жонками тех нарицаху. Кто же, сея беды слыша, не восплачется, еже вкупе шествия их на брань? Идеже же бо поляки со изменники

придут к непроходимым местом в лесех и на реках, и на топех, и на болотах, и на ржавцех, и ту поляки станут без ума, не ведуще, что сотворити: како прейти или како минути. Изменницы же, ругающиеся им, и не доброхотствующих царю Тушинскому нарицаху и вскоре ими промышляху, и мосты и перевозки им строяще и лесом-тропинами во едину степень беспакостно провождаху. Коль же жестоко сердце изменником беяше на свою братию православных христиан! Поляков убо и литвы сотни две или три. Руских же изменников десятицею пред ними сугубо; и тии соблюдаху их во всем; а им же бы возможно и малою чадью на тех крепких местех и на непроходимых всех смерти предати; но никакже в них такова смысла добра не обретется.

Кто же сему не посмеется безумию в разделении убо плена и корыстей их? Внегда убо ко кроволитию, то рустии изменницы главы своя прежде полагаху, поляцы же, стояще, точию от измены себе соблюдаху. Егда же корысть делити во градах и в весех, то вся лутчаа поляки у них силою отнимаху, изменницы же, аще и множество их пред ними, но не пререковаху и всяко насильство от них радостно приемляху. Пленниц же, жен красных и отроковиц, и юношь не токмо у худейших изменников, но и у начальствующих ими отимаху; и не могуще от рук их исхитити и роду своего, и жен, и детей, и братию, и сестр, но великою ценою искуповаху, и то по велицей дружбе и по мзде. Еще же и смех поляки над теми рускими изменники деяху: им же возможно насильствовати, по приятию цены не отдаваху и другую цену восприимаху. Инии же, по отдании пленник и по взятию цены, засылаху на путь и вспять паки оружием отимаху. Сиа же зряще изменницы, не токмо незнаемии, но и сердоболи друг другу смеяхуся. Гнев же божий праведно попущенный видим бываше. Мнози убо жены и девицы не хотяще со беззаконники разлучитися, и мнози по искуплении паки к ним отбегашу. Инии же на мужи своя о смерти поучевахуся и во испрошении на искуп крыяхуся и, повешающиеся на выи тем беззаконником, зле гласы виждуще и благодатели и светы тех наричюще, «Ох, ох!» и «Горе, горе!» без ума припевающе. Мнози бо от них юностию и покойми телесными победившися, инии же обчаровани быша, и того ради сердца си изгараху.

Бяше же и се зло везде излианно: не десять бо или пять, но три или два вкупе совет каков творяще о деле или о разуме, разлучивше же ся

врознь, един оставляется с терпящими беды и напасти, другой же отскачет в покой телесный, в велику же работу вражию. И составливающе ложная писания, посылают на соблазн оставшимся по них, возвещающе о себе, яко в велицей чести тамо суть и многи дарове и имениа приаша. Им же убо мнози не вероваху и сиа оплюваху. Мнози же и прельщающиеся к ним же отбегашу. Не токмо же писанными тайно, но и на бранех съезжающиеся друг друга обольщевашу. И не токмо простии, но и разумнии, яко от полка агтельска отскачюще, в демоны прелагахуся. Всяк же от своего чину выше начаша сходити: раби убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще. Силнии же разумом от тех в прах вмениями бываху и ничто же не по них не смеюще рещи. Царем же играху, яко детищем, и всяк вышши меры своея жалованья хотяше. Мнози же, тайницы нарицаемии, целовавше крест господень, ко врагом прилагашуся; и в Тушине бывше и тамо крест же господень целовавше и, жалование у врага божия взявше, въспять в царствующий град возвращашуся, и паки у царя Василиа болши прежняго почесть, и имениа, и дары восприимаху и паки к вору отъезжаху. Мнози же тако мятуще всем Российским государством не дважды кто, но и пять крат и десять в Тушино и к Москве переезжаху. Недостатки же в Тушине потреб телесных или пищу и оружий бранных, и лекарственных всяких зелий и соль, та вся отай уклоняющиеся кривопутством, изменницы от царствующаго града Москвы наполняху изменичьи станица в Тушине. И радующеся окааннии восприятию прикуп многа сребра, конца же вещи не разсуждающе.

От браней же приходящих вести слышащее лукавствующий сердцем, и аще по них суть, то улыскающиеся глаголаху и, сплетены смуты слагающе много сугубо небыли, и народ смущающе, во ужась сердца низводяху. И сонмы на стогнах града царствующаго собирающиеся, криваа и незаткнутыми усты проповедаху. Аще ли же не на пользу таковым лукавым что услышится, то посуплени стояще и неми и очию не могуще на аер взирати, и расходящиеся с воздыханьми бесовскими. Инии же дерзостию антихриста³⁰⁴ и надежею мук вечных подстрекаемы, и сладкое горко наричюще и горное сладко, и свет — тму, а тму свет. И тако народ от правого слышания и уверения развращашу. И в таковых мятежах мнози истинно ведяще отъезд изменников и всякие промыслы к вору и к поляком, но не возвещаху на них царю, ни вельможам; а иже возвещающих о сем, тех клеветники и шепотники на-

рицающе. Царь же Василий многожды убиваше повинных, с ними же и неповинных и несогрешимых смертну суду предааше. Смущены бо бышя первоначальствующей державы его к нему, и двоемыслен к ним разум имея. И многим веряше не на лице, ни на телеси, но на языке службу носящим.

Наипаче же на всех на нас апостольское слово збыться «яко же не искусишя имети Бога в разуме, того ради предаст их Бог в неискусен ум творити неподобнаа»³⁰⁵. Мнози бо тогда окааннии о царе Василии деюще и глаголюще злаа, их же несть возможно ни писати, ни глаголати. Аще ли сицев во очию безумных явися, то подобаше им было креста не целовати, но бес крови отказати; аще ли целовав ему животворящий крест господень, то во всем упование на Господа возлагати. И по хотению сердец наших даде нам Бог. И яко же фараону и египтяном чюдеса божия ни во что же вменишяся и искус Чермнаго моря во всех языцех уведен бысть в подсолнечной³⁰⁶, такожде и содружество москвичей со антихристовыми проповедники, с поляки и с лютори всем языком на посмех бысть. Егда совершися всех нас грех и высокиа мысли вышши облак разлиашася, и в правду убо сия пострадахом, егда убо слышахом грады разоряемы и видехом от них, яко от огняны пещи, избегающих з зверским рыканием, им же не споболехом, ни плакахомся, ни рыдахом, ниже дома наша отверзохом им, и мнехом, яко не приидут тааже на ны и глаголюще: «Далече суть сия и тамо вся преминут». И какова злаа деемаа тогда не устрашишя нас? Кое зло не бысть над нами? Каа беда, каа напасть не покры нас? И не взыскахом свыше царствующаго над нами. И ни во что же вменихом вся пределы Росийския земли опровержены от благолепоты в пустошьство!

Бысть бо тогда разорение святым Божиим церквам от самех правоверных, яко же капищем идольским прежде от великого Владимира³⁰⁷, тогда на славу Божию, ныне же на утеху бесом с люторы. Злейши того содеяша внуцы сих, мы и братиа наша. Мы убо яко на покаяние ко Господу Богу не обратихомся; братиа же наша Северския земли жителie и польских градов, яко ненаказани суще от отец страху Божию и воспитани в безумии и навывше от многих еретиков, по Украине живущих, их злым нравом и обычаем, и с ними вкупе ратующе нас. И в их веру еретическую мнози приступишя от неведения и во всем с ними закон держаще. И тогда солнце померче, еже есть

всяко благочестие; затвориша бо ся двери милосердна господня, и, яко мухи о огонь прилетающе сокрушахуся, тако и ратовавшей церковь последи погибнут, инии же и погибоша уже. Кто терпит, ту беду зря? Яко сынове Агаряны³⁰⁸ вся лета приходяще и вместо связавше человеки, аки скот гоняще; и биеньми от верви един полк гоняше, два же — тмы. На них же изменницы не обращающиеся стати, но тако же с ними ратоваху, аще и не вкупе, но всяко радовахуся расточению братии своей³⁰⁹. Тогда же отъеха к вышепомянутому нагайскому князю Урусу сын его князь Петр³¹⁰, отвергся веры христианския и велику честь в Росии всю отверже. И жену свою, прежде бывшую за князем Александром Ивановичем Шуйским³¹¹, покинул; и со отцем своим и с нагайскими татары много зла содея по всем украинным градом. Тако же и Борисом поставленный касимовской царь к Тушинскому ложному царю приложися и с польскими людьми и с рускими изменники везде ратоваху.

Тогда убо во святых божиих церквах скот свой затворяху и псов во олтарех питаху; освященный же ризы не токмо на потребу свою предираху, но и на обуца преторгаху и драгими багры на плещу носимых священнх иереев афедроны покрываху. И х коим же вещем святым невозможно прикоснутися ни приступити без говения, но со страхом, и таа ношаху блудницы и пиаху с плясанием от них. И безсловесныя скоты украшахуся сими. И яже от сих святых божия церкви и честныя монастыри огнем потреблены быша, тии единою оплакани быша. А иже сице обругаеми, тии назнаменующе нам, яко имеем грехи неоцыстимыя и пребывающие в неразсуждении нашем до дне пришествия господня. И никто же от всего росийского языка не избысть от тех бед. Чин иноческий и священнический не вскоре смерти предааху, но прежде зле мучаще всячески, и огнем жгуще, испытующе сокровищ, и потом смерти предааху. А их же сведят иноков непреходимых от места на место, но во едином месте живуща, и таковых работами облагаху; и стражи бяху им, и вина и пива варяху им, тако же и кормы людския и конския готовяще и пасяху стада их. Такожде и иереев у мелива, и у возов, и у дровосечества моряху, и блудниц стрежаху, и работающе блудницам, и воду носяху им, и порты скверный мыюще на них, и у коней их все работающе повеленное. И старья и святолепныя мужи у ног их валяющиеся, аки сиротки, и, ругаю-

щеся им, повелеваху песни пети срамныя, и скакати и плескати; не покаяющихся же ся смерти предааху.

И пременишася тогда жилища человеческаа на зверскаа. Дивие бо некроткое естество: медведи, и волцы, и лисицы, и заяцы на градскаа пространнаа места прешедше, тако же и птицы от великих лесов на велицей пищи, на трупе человеческом, вселишася. И звери и птица малыя в главах и в чревех и в трупех человеческих гнезда соделаша: горы бо могил тогда явишася побиенных, по правде и не по правде ратовавшихся, их же не леть изрещи подробну, но мало токмо помянути, яже быша велиции бои: на прошествии от Тулы в Колугу, и под Кромами, и на Восме под Коширою, и под Орлом, и под Нижним Новым градом, и во многих местех³¹². И крыяхуса тогда человецы в дебри непроходимыя и в чащи темных лесов и в пещеры неведомыя, и в воде между кустов отдыхающе и плачущеся к содетелю, дабы ночь сих постигла и поне мало бы отдохнути на сусе. Но ни ночь ни день бегающим не бе покоя ни места к скрытию, и вместо луны многиа пожары поля и леса освещеваху нощию и никому же немощно бяше двинутися от места своего: человек бо ожидаху, аки зверей от лесов исходящих. И оставиша злодеи тогда за зверьми гоньбу, но женуце за своею братиею, и со псы, аки лютых зверей, пути пытаху; и существеныя звери человек бегающих поядаху и произволительныя звери не естеством, но нравом такожде поядаху; и звери убо едину смерть дающи, сии же и телесную и душевную. Попусти же Господь наш и Бог праведный гнев свой на нас: не токмо злых сих врагов, но и зверие пакости деяху. Нигде бо христиане земледелцы и вси бегающей и не могуще жит семенных всячески скрыти; везде бо из ям зверие ископоваху и поядаху. Инии же зверие токмо по лесу и по грязи разсыповаху далече. Такожде и казаки и изменники, идеже что останется каковых жит, то в воду и в грязь сыплюще и коньми топчуще. А иде же не пожгут домов или немощно взяти домовных потреб, то все мелко колюще и в воду мешуще, входы же и затворы всякия разсекающе, дабы никому же не житьельствовати ту. Но звери убо со птицы плоть человеческую ядуще, человецы же з бесы и душа и тела погубляху: немоще бо немилосердых мучений терпети мучимии и на мал час хотяще отдохнуть и в смертном разлучении неповинно и неправедно друг друга оклеветоваху.

Сих же немощно разсудити страдания кроме создавшего нас. Мнози бо без исповедания и без святых тайн напутиа во гресех отидоша, священных убо чин потреблен бысть, и вси архиереи правоучащей, или в правде стоящей водими, яко злодеи в юзах и не токмо от меньших, но и от первопрестолник. Наместник убо Леонтия чудотворца³¹³ и прочих по нем святых ростовский митрополит Филарет разумен в делах и словесех и тверд в вере христианстей и знаменит во всяком добросмыслстве, сего убо митрополита Филарета исторгше силою, яко от пазуху матерню, от церкви божия и ведущее путем боса токмо во единой свите и ругающееся облекоша в ризы язычески и покрывша главу татарскою шапкою, и нозе обувшее во своя сандалиа. Приведен уже бывшу ко лже-Христу и к поляком, советовавшие же врази, да теми нех прельстят, и хотяще к своей прелести того притягнути, нарицают его патриарха и облагают его всеми священными ризами, и златым посохом почествуют, и служити тому рабов, яко же и прочим святителем, даруют. Но сей Филарет, разумен сый, и не преклонися ни на десно, ни на шее, но пребысть твердо в правой вере. Они же блюдуще того крепкими стражми, и никако же ни словесе, ни помавания дерзнути тому дающе.

Тако же и тверскаго архиепископа Феоктиста³¹⁴ обесчестивше и по многих муках в бегстве к царствующему граду на пути смерти предаша. И ратным обычаем от правоверных взято бысть тело его, обнажены кости оружия, и в знаменях животных кровоядных начертано. Такожде и суздальский архиепископ во изгнании скончаша³¹⁵. Епископа же коломенскаго Иосифа³¹⁶ на пушке привязавше, неединою под грады водяще и сим страшаше многих. И малии от освященнаго чина тех бед избегоша, память же тех язв многим и до смерти остася. Мнози же тогда от священнаго чина, мняще вечно быти творимое зло, на изгняемых места мздою и клеветами восходяще.

Нецыи же, не стерпевше бед, и ко врагом причастницы быши. И паки тех изверзающе и от лета до лета и от месяца на месяц новыя власти вертящиася являху.

Непокаряющих же ея их злым советом по всей земли, всяк возраст и всяк чин, овех з башен с высоких градных долу метаху, инех же з берегов крутых во глубину рек с камнем верзаху; инех же, розвязавше, из луков и из самопалов розстреляюще; инех же голени наполю преламляху; у инех же чадю восхитивше и пред очима родителей на

огни пряжаху; инех же от сосцу и от пазуху материю отторгающе, о землю, и о пороги, и о камене, и о углы разбиваху; инех же на копиа и на сабли взоткнувше пред родителями ношаху. Красных же жен и девиц на мног блуд взимаху, и тако во многом сквернении нечисты умираху. Мнози же сами изрезовахуся, смерть приимаху, дабы не оскверниться от поганых. Инии же в воду ввергшеся з берегов высоких, не бе бо места ко скрытию. Матери, же младенцов своих, плачущих от глада и жажды, в неведении задавляху, дабы их ради гласа самим не погибнути. Бегающе бо захватывающе тем рты и последи обретающе тех мертвы и, яко же пустынницы, в лесех со зверьми во единых пещерах живуще. И ему же с ким невозможно, той от того отбегаше. И аще и не обещавшеся иночествовати, но дождь и снег, и вар, и студь нагим телом терпяще. Сия же зряще мужествении сердцем и рыкнувше разседающимися внутренними, предахуся на растесание и на раздробление удовом. Немогуще благороднии сынове зрети рождших их ложесн у блудных беззаконников оскверняемых зле, тако же и братиа за сестр своих, нерушимаго ради девьства красоты скончевахуся. Мнози бо тогда холопи ругающеся господам своим и, связавше мужа, или сына, или брата, и пред очима их студ содевающе, и не десять числом, но и сугубо двоицею и вящи. И иде же пролита бе мученическаа кровь, на том же месте бяше и бесования блуднаго одр. Не пощадеша же и невозрастъших юноток, но и тех растливше, милостыни нагих отпускаху просити, крови срамной текущи и власом тех одраном сущим, но никто же яве не сме помиловати сих. Невесты же христовы, честныя и святыя инокини растерзаемы бываху, и по станом их влачими, и оскверняемы блудом, и иудими бываху мяс ясти и в постныя дни святыя сыру и млеку причащатися.

В толико же безстудство вшедше нечестивии изменницы и поляки, безстрашно вземлюще святыя иконы местный и царския двери и сия подстилающе под скверныя постели, и блуд содевающе и нечисты всегда сядяще, и зернью играюще и всякими играми бесовскими; ови же, святыя иконы колюще и вариво и печиво строяще. Из сосудов же церковных ядяху и пияху и смеющеся поставляху мяса на дискосех и в потирех питие. Инии же, яко не ругающеся, святыя сосуды преливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую. Воздухи же и пелены шитыя и низаныя драгия тем покрываху кони своя и на плещу свою вместо приволок ко брани воздеваху, и поясы свя-

щенными опаясахуся по блудным недром; и хорутви церковныя вместо знамян изношаху. Сиа же вся попусти Господь за безакония наша, да не надемся на красоту церковную, ни на обложение драгое святых икон, сами же в блуде и пианстве пребывающе. Добро убо сие и приятно Богови украшение святых церквей и честных икон, но аще не от лихоимства, ни от неправды, ни от посулов, ни от прочего лихоимания, ни от гордости. Писано бо есть, «яко вы есте храм Бога жива, яко же рече Бог: вселюся в ня и похожу, и буду им в Бог, и тии будут мне людие, — сынове и дщери, глаголет Господь вседержитель»³¹⁷. Или убо «живущему во свете неприступнем нужда походити в камени и древе». Яко же глаголет Златоустый Иоанн: «Храм не стены камены или древяны, но народ верных»³¹⁸. Такожде и Павел, сосуд избранный, вопиет к нам: «Аще кто растлит храм божий, растлит сего Бог»³¹⁹. Кто же растлил храм божий? Не мы ли суть? О нас же инде апостол глаголет: «Луче бы им не познати света, нежели познавшем держати тму»³²⁰. И правила со апостолы реченно есть: «Аще кто от иноверных призывает вас ясти, и имей разум, да идет на славу Божию, неимей же нейдет, да не и прочих соблазнит»³²¹. И паки той же глаголет: «Аще кий брат в вас имянуем блудник, или прелюбодей, или чюжих жен посетитель, или тать, или разбойник, или пьяница, или лихоиметель, еже есть грабитель и посульник, с таковыми ни ясти»³²². Что же сея беды страшнее? Сквернейши бо иноверных есмы, донели же не обратимся.

Мнози убо мы и до днесь в скверне лихоимства живуще и кабаками печемся, и граблением и посулы церкви божия созидающе, и красно образы строяще, и колокола великия сливающе, да гласом тех славни будем. А еже выпили тех звону восходит глас во уши Господа Саваофа бедных и нищих и обидимых от нас и в суде несправедно осужденных по посулом, и о том не брегут. И яко не сотворшим милости zde, несть им и от Бога милости. И яко милостыни татие не подкопавают ни крадут, ни тля тлит, и ни огонь, ни мечь милостыни не могут отмыть от книг животных, разве величаваа мысль; та и с небес может во ад свести, яко же и фарисея³²³. И о сем разумеем, яко неправе днаа имениа, даемаа церквам Божиим не украшают, но разоряют.

И не явно ли бысть всем нам праведное гневобыстрое наказание от бога за вся таа сотвореннаа от нас злаа. Над сими же и за крестное целование первее Борису, потом же и за безумное крестное целова-

ние розстриге и Сендамирскому³²⁴, потом и благочестивому царю Василию Ивановичю Шуйскому, и сиа преступихом и ни во что же положихом сие, — и за дружелюбство с воры и ложными цари, и с поляки, и с казаки, и з грабительми. И власти ради и богатства отдахомся сами себе на погубление. Сего же ради где суть, иже не оскверниша святых божиих церквей и божиа образы. Токмо иже в вере крепко стоящих и не давших входу врагом Божиим и еретиком. Где иноцы многолетними сединами цветущиа? Где инокини, невесты христовы, добродетельми украшены? Где всяко благолепие российское? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием? Где народ общий христианский? Не все ли горкими и лютыми смертьми скончашаяся? Где множество безчисленное во градех и в селех работные чади Христовы? Не вси ли без милости пострадаша и в плен разведены быша? Не пощадеша бо престаревпшихся возрастом, ни усрамишяся седин старец многолетних, и ссущей млеко младенцы, — вся испиша чашу ярости гнева божиа.

О, ненасытимии имением и в прочих злых возрастъшеи! Помянем сиа и престанем от злых. Научимся добро творити. Видим общую гибель смертную и гонзнем сих, да же и нас самех таа же не постигнет лютаа смерть и здешнего живота да не лишимся зле и вечнаго не погрешим! <...>

ВРЕМЕННО ИВАН ТИМОФЕЕВ

Глава 3. ОБ ИЗБРАНИИ БОРИСА НА ЦАРСТВО В НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ И ОБ ЕГО ВОЦАРЕНИИ, И КАК РАДИ НЕГО В ЭТОТ МОНАСТЫРЬ ХОДИЛИ С КРЕСТНЫМ ХОДОМ, А ПОСЛЕ СМЕРТИ БОРИСА ПЕРЕСТАЛИ ХОДИТЬ, И О СЕРПУХОВСКОМ ПОХОДЕ БОРИСА В 106 ГОДУ, КАК ХОДИЛ ОН ПРОТИВ ЦАРЯ³²⁵ (ХАНА ТАТАРСКОГО) И О ТОМ, КАК ПРИ ЦАРЕ ФЕДОРЕ ИВАНОВИЧЕ И БОРИСЕ ЛЬСТЕЦЫ СТРОИЛИ ЦЕРКВИ И ПИСАЛИ ИКОНЫ ВО ИМЯ ИХ АНГЕЛА

После этих прежде прошедших событий, в 106 году седьмой тысячи лет от сотворения мира³²⁶ последовала смерть истинно самодержавного государя царя и великого князя Федора Ивановича всея России, окончившего, по примеру Давида, кротко свою жизнь среди совершения добрых дел, умершего прежде времени и насильственно от рук раба³²⁷, — ибо многие думают о нем, что преступивший крестную клятву раб ранее положенного ему (Федору) Богом предела жизни заставил его почить вечным сном, возложив на царскую главу его свою рабскую скверную руку убийцы, поднеся государю смертный яд и убив (его) хотя и без пролития крови, но смертельно, как ранее и отрока — брата его³²⁸. Смерти же самого царя он втайне рукоплескал, видя, что все люди из трусости молчат об этом, и, немилосердно палимый своей совестью, скрылся из царствующего города в лавру — (место) пострижения своей сестры, ранее бывшей супругой того упомянутого прежде царя. Это удаление задумано было им с некоторой коварной мыслью и ради трех причин: во-первых, он опасался в сердце своем и хотел лучше узнать, не поднимется ли против него вдруг восстание народа и не поспешит ли он (народ), вкусивший горечь жестокого плача о смерти царя, убить потом из мести и его; во-вторых, если вскоре не вспыхнет в народе пламень (такой) ненависти, он, исполненный надежды, будет действовать без стыда; а в-третьих, он увидит желаемое: весь ли народ и с каким усердием изберет его в правители себе, и с какой любовью согласится идти за ним, и кто кого станет предупреждать об избрании его или пренебрегать этим, чтобы в прочих случаях иметь возможность вносить раздвоение в царствующем городе, — одних за старание любить и на-

граждать, а других — ненавидеть и томить мучениями. Все это он желал узнать обо всех хитростью, чтобы потом, получив великое царство, старающихся для него — возлюбить, а пренебрегающих, гневаясь на них, — замучить. А в городе он оставил для этого вместе с вельможами своих (людей), избранных из его же рода³²⁹, и с ними многих ему помощников, так что везде среди народа были его слух и око. После этого лукавого удаления из города в лавру, утром, когда день только начинался и солнце стало освещать своими лучами вселенную, все его наиболее красноречивые почитатели не поленились собраться и, составив льстивую просьбу, тщательно написанную на бумаге, по времени удобную для подачи ему, а в будущем губительную для душ, желающих всего суетного, поспешили во двор самого архиепископа³³⁰ и подняли его и всю поклоняющуюся кресту часть кафедральной церкви³³¹ со всеми прочими и в порядке устроили выход в белых священных облачениях, как бы для совершения всеми вместе святительского молебна. С ними и все люди от старцев до юношей пошли из города со святыми иконами к обители, месту, где льстиво скрывался превозносящийся славою, как в берлоге какой-нибудь дикий зверь, показывая вид нежелания, а (в действительности) сам желая поставиться и быть нам господином, что и исполнилось после недолгого упрашивания: ведь где сильно желание, там принимается и прошение. А день этого прошения был тогда во вторник сырной недели³³².

И когда пришли все со святыми иконами в лавру, виновник этого вышел также со святыми иконами и там находящимися священными и простыми людьми навстречу общегородской святыне. Когда все вошли в церковь и сотворили там обычное молебное пение, по окончании его все носящие священное имя и великие мирские вельможи вместе с архиереем, а за ними все чины царского великого управления и весьма многочисленный простой народ, малые вместе с великими, начали жалостно с плачем умолять и (указывая на свою) беду, всячески долго и много понуждать (Бориса), да склонится он к (общему) молению, не оставит их сиротами и да будет царем всему Российскому государству. К этому каждый присоединял свои соответствующие его желанию слова увещания, способные заставить умоляемого согласиться на просимое, думая привлечь его к себе этими словами и стараясь превзойти друг друга рвением. Средние же и все меньшие (люди) непристойно и беспорядочно вопили и много кри-

чали до того, что от этого крика расседалась их утроба и лица их были багровы от усилия, и те, кто слышал этот шум, затыкал свои уши, — такая была лезть ради человекоугодия. А он, скрывая свое желание, всем вместе отвечал, что он никак не осмелится на это, и так говорил: «Не будет этого!» и клятвами подтверждал им это слово. А просящие еще сильнее побуждали его словами, присоединяя к просьбе новые многократные просьбы, и понуждали людей усиленно вопить, все вместе покрывая этим желание умоляемого. А он и опять не повиновался им, потому что не хотел быть умоленным скоро, чтобы из-за скорого забвения ими (пролитой) крови не раскрылось дело его желания и все из слов не поняли бы его обмана; ибо от малого обнаружения ясно обличается и обнажается сердечная тайна и всякое скрытое намерение. Он же, видя такое всех усердное его упрашивание, опять скрывая (свое желание) под несогласием и как орел еще более высоко и безмерно возгордись, обманывал людей новыми являемыми им действиями. Он держал в руках тканый платок, чтобы отирать пот; в прибавление к своим клятвам для далеко стоящего народа, который из-за крика прочих не слышал его слов, он, встав на церковном крыле против входа в западные врата, на высоком месте, так что все могли его видеть, обернул этот платок вокруг своей шеи, — близ стоящим которые могли слышать человеческий голос, этим он говорил, а дальним на этом примере давал о себе понять, что он из-за этого принуждения готов удавиться, если они не перестанут умолять его. Показав тогда всему множеству людей такое крайнее притворство в своем несогласии, он этим самым заставил доверчивых вполне поверить ему, но никак не прочих, так как они стояли выше в понимании уловляющих сетей его обмана. Но что принесло это понимание? Хотя и понимали, но не могли предотвратить допускаемого Богом, потому что Бог по своему усмотрению попустил этому, как и другому, совершиться. О том, что случилось впоследствии, скажем после, а сейчас возьмемся за то, что говорилось выше о ранее упомянутом (Борисе).

После того как прикладыванием платка он показал, что готов удавиться, он убежал из церкви в мрачные жилые покои монахини-царицы, которая была ему сестрой, как бы сильнее показывая свое несогласие, а зрением точно и твердо уверившись, что умоляющие не уйдут из лавры, не получив от него просимого. А умоляющие, увидев,

что умоляемый как будто и вправду непреклонен на их просьбы, двинулись вслед за удалившимся и взошли после просьбы в комнаты пред лицо госпожи, думая там принести и ей усердную мольбу, — чтобы хотя она склонилась к их просьбам и своим повелением заставила брата согласиться на просьбы умоляющих, а вернее на совершение его желания. Кроме того, некий отрок, не знаю кем-то коварно наученный — самим ли хотящим (Борисом) или сторонниками его, — как ложный проповедник, был посажен против келий царицы и живущих там монахинь на зубцах стены, устроенной для защиты храмов монастыря и ради смирения этой инокини; подняв его высоко на те зубцы пред самыми окнами государыни, этому юноше будто бы от лица народа приказали кричать как бы в уши ей. Крик этого отрока согласован был с мольбою просящих и покрывал все голоса народа; затворившейся добровольно в темных кельях он кричал одно и то же: да разрешит она брату ее быть царем, поставленным для управления всем народом; то же самое, не переставая, кричали еще и они. Он кричал так, что этим еще больше обличал желающего (Бориса), потому что многим уже было стыдно слышать такой нелепый и неумолкающий крик. И если бы этот бесчинный и громкий крик юноши вблизи неприступных келий не был приятен и не совершался по воле желающего, то он бы не посмел к этому месту и приблизиться, и смотрящие на него не терпели бы этого так долго, потому что и средние люди не переносят и не дозволяют происходить подобному, тем более не позволили бы ему, если бы они увидели, что происходящее делается без всякого приказанья. Вот ко всему прочему еще большее обличение хотящему (Борису)³³³.

Вскоре все просители вышли со многим веселием из палат сестры виновника, как будто (чем) одаренные, получив от обоих, от сестры и от брата, обещание (исполнить) просимое. Хлопая руками от радости, они приказали ударить во все церковные колокола, громким голосом объявляя (об этом) многому собравшемуся для прощения народу; и отпев опять усердно молебен о прибавлении лет жизни желающему поставиться новому царю, когда люди также дали обещание повсеместно совершать молебны о новом царе, поручили поспешно то же совершать во всем царстве (указами) с приложением (печати). После этого давший обещание, много не медля, из лавры опять возвратился в город. А о тех, кто ради угождения говорил воз-

вышающемуся лстивые свои слова в лавре при упрашивании, невозможно рассказать не только из-за их множества, но и из-за стыда, — ибо он, ублажаемый хвалами и ложью, усладил себя и привык утверждаться на них, как на ветре, — о таких сама истина сказала: «Горе, когда люди скажут о вас хорошо» и ублажающие вас льстят вам, и прочая.

А он презрел силу сказанных богом слов или не знал их, потому что совсем был неискусен в этом, так как от рождения и до смерти не проходил путей буквенного учения. И чудо, — так как впервые у нас был такой неграмотный царь³³⁴. А о прочих, кроме этих, худых (его делах), больших, чем те опасности, которые испытывают находящиеся в море, пространнее узнается из следующих событий, о которых будет рассказано (и именно о том), как он, обольстив всех, поднялся на самый верх земной части, подобно тому, как бы на небо от земли, и вступил на престол царства одним шагом, сделав своими рабами благороднейших, чем он, занимавший ранее среднее место по роду и чину³³⁵. И если, будучи рабом, он дерзко совершил этот захват высочайшей власти, сильно согрешив, все же даже и его враг не назовет его безумным, потому что глупым недоступно таким образом на такую высоту подняться и совместить то и другое, если другой такой (захватчик) и найдется среди людей. И этот «рабо-царь» был таким, что и другие славнейшие и гордые в мире цари, обладающие державами нечестивых, не гнушались им, как рабом по роду, и не пренебрегали, потому что он имел равное с ними имя владыки³³⁶, и слыша, что в земных делах он полон справедливости и благоразумия, не избегали братства и содружества с ним, как и с прежде его бывшими — благородными, а может быть, даже и больше. И то дивно, что хотя и были у нас после него другие умные цари, но их разум лишь тень по сравнению с его разумом, как это очевидно из всего; ибо каждый как будто перелез чрез некоторую ограду, нашел свой путь к погибели. И пусть никто не ловит меня на этих словах, что (будто) я сочувствую славолюбцу, так как в одних местах я его осуждаю, а в других, где придется, как бы восхваляю; потому что делаю это не везде, но лишь здесь, сравнительно с ними правильно оценивая разум его и прочих, не различая их; в других же (местах), как и в этих, обвиняя, не терплю низложения им путем убийства наших владык и завладения их престолом; кроме же этого, все прочие того дела, добрые и злые, от-

носящиеся к лицам и для нашего рассказа доступные, не скрыты, но не все, — а за исключением некоторых — сокровенных³³⁷.

Был у него такой обычай выступать против воюющих противников: когда они не выходили на бой, он тогда выступал против них; когда волки не вредили овцам, он, показывая себя как бы храбрым, только свистом призывал их на себя; а когда свирепые бесстыдно начнут на смиренных нападать, он остается и не выходит из каменных стен, как расскажет об этом следующее повествование и как уже прошедшее показало.

После его великого избрания и после собственного его желания быть на высоте царства, не скоро, а осмотрительно тогда садится он на престол, промедлив около года и дождавшись ранее еще самодержавным и блаженным царем Федором отправленного на восток посла, — ходившего к татарскому хану³³⁸. Этот, придя из посольства, известил его, что хан не придет на Русь; тогда избранный нами и имеющий быть у нас царь, твердо уверившись, что хан против него не пойдет, собрав большое войско, славно начинает свое выступление. Собрав войско только против имени хана, не намеревавшегося тогда воевать против нас, наш царь, дойдя до города Серпухова, встал на берегу реки Оки и там со всеми своими силами задерживается на целых два месяца на одном месте, не выступая далее. Между тем послы хана, не зная о его (Бориса) выступлении и тут стоянии, пришли за первыми, по принятому обычаю, как и прежде иногда случалось между владыками, послам вместе с послами или, делая наоборот, особо приходить. А он, показывая перед ними вид своей храбрости и свое притворное устремление, в царском блеске при многочисленном собрании говорил, что он готов воевать против их царя, и ради устрашения пришедших татарских послов показывая снаряжение войска и многие огнестрельные, как гром, стреляющие орудия, приводил их этим и прочим в ужас. Тогда же он, для удивления их, показал им и свой походный, искусный, подобный белой льняной ткани и по виду как бы снежный город, далеко в обе стороны простирающийся в длину и ширину; по виду все его устройство подобно было городу и имело много ворот и по стенам башен, величина же площади его (была равна) окружности четырех стен, и, видимый издалека, он был подобен созданному из камней городу, как бы внезапно очутившемуся на пустом месте; некоторые о нем говорили, что он может прохо-

дящих мимо его дорогой при первом взгляде испугать неожиданно, а потом и удивить. Внутри же себя он имел помещающегося там самого царя во всей его красе и водворяющихся с ним всех вельмож и содержал в себе все, что было нужно для его телесных потребностей, со служащими при них. А все войско, около и вокруг его стоящее, украшали цветущие растения, зеленеющие и разнообразные по цветам. С этого места повелитель наш отпустил иноверных назад, чтобы они, вернувшись к себе, обо всем виденном ими, рассказали в своем царстве. И, проведя там два месяца, он, как фараон, со множеством колесниц и всадников, возвратился со своей лживой победой в великой славе в царствующий город, (желая) еще более заставить всех, не понимающих его хитрости, полюбить его.

Возвратясь, он промедлил с завершением своего (воцарения) еще два обращения луны, до начала нового года; когда начинался седьмой индиктион, в сентябре 3-х календ³³⁹, он окончательно был помазан от рога маслом, увенчался величайшей славой среди живущих на земле и с того времени получил действительно имя владыки, приняв наименование царя и вместе князя, как было в обычае у подлинных, принимающих помазание царей, имеющих преимущество в порядке преславного возвышения; тут наступил конец исполнения его скрытых желаний, так как, собрав честь всех царей, он усвоил (это) одному своему имени. (Достигнув) царства, он так возгордился, что потом едва не сравнялся с Богом, но, получив такую славу явно по своему собственному желанию, он этим сам поднес к своему сердцу как бы наточенный нож, которым и заколол себя и, упав, был низвержен, о чем пространнее будет рассказано в другом месте.

В память же упрасивания и полученного в лавре согласия церковные священноначальники, без всякой меры угождая великому, который и сам от себя повелевал им, решили в третий день сырной недели непременно каждый год совершать из матери церквей³⁴⁰ и всей столицы крестный ход, установив это (празднование) как бы в честь Божьей матери, а на деле тайно ради угождения воцарившемуся, и так, чтобы в этот день никто, ни великий, ни малый мужского и женского пола, не оставался в домах или где-либо, а следовал за тем (крестным ходом). И такое установление в указанный день исполнялось и не прекращалось до тех пор, пока жив был первый повелевающий и желавший этого. И если в природе, соответственно этому времени года

(в этот день), случались морозы и дожди, и бури, и нестерпимые ветры, и другое что, так что невозможно было и из дома выйти, все-таки из страха, не смея отложить приказанное из-за облачного помрачения, все старательно исполняли это. Удивительно, что в этих крестных ходах вместе с народом принимал участие и сам, кому праздновали. Празднуя сам себе (он делал это) по обычаю тех, которые празднуют Богу в тот день, когда Бог избавил их от какой-либо беды, дабы получившими не забыта была милость его; в подобных случаях это и должно быть, он же радостно праздновал тот день, когда получил себе временную славу.

О, омрачение! О безмерное славоослепление! Ужели еще этою виною не обличается и не обнажается его злоба и умерщвление царей, и жажда царской власти? Что может быть яснее подобного обнаружения того, что и было сокровенной внутренней тайной царевубийцы и, вследствие этого, стало явным? Бог на суде еще лучше это откроет и обнажит. И если кто, напротив, в пользу его скажет, что он не ради себя устроил этот крестный ход, а ради Матери Господа, тому мы (возразим): если вы так предполагаете, то почему он прежде, до своего избрания, этот день недели обычно пропускал и не праздновал? Пусть тот, кто говорит против, положит на уста руку; а еще более заставит таких замолчать сама истина.

До тех пор, пока он был жив, такие крестохождения совершались, — ясно, что не ради Бога; (в таком случае) они никогда бы не прекратились, и смерть не пресекла бы этого. После же его смерти не только при плохой погоде, ради дождей или ветра и иного, священники (соборяне) и народ считали неудобным ходить, но когда и погожее было время — воздух был чист, погода теплая и ясная, день светлый, сияние солнечных лучей обильно, — одинаково и тогда повеление (царя) бывало презираемо и совсем откладывалось и не приводилось в исполнение, и было отменено как ненужное и о нем судили всячески как о неприемлемом.

И подобно тому, как тогда в ненастное время не осмеливались не ходить со святынями из боязни, — так теперь, после его смерти, и в удобные дни не захотели ходить, так же как и в первые, не соглашались на такое дело; и насколько его при его жизни за это постановление славил, настолько и даже более после его смерти (он вызывал) этим ненависть и отвращение. Так же поступили и с другим, ранее

описанным всеобщим хождением, — на место обозного стояния³⁴¹, (совершавшимся) по его же повелению, которое прежде из страха, не отлагая, исполняли; теперь, с прекращением страха, все эти дела перестали исполняться, ибо человеческим приказанием преграду полагает смерть законодателя³⁴². Итак, не обнаружилось ли благодаря этому при его жизни лъстивое прислуживание ему первосвященника³⁴³ и прочих? Точно также (это обнаружилось) и у других, которые при его жизни, лживо угождая ему, как и другим подобно властвующим, во имя их ангелов строили многие богатые, как бы вечные, храмы и украшали их написанными иконами и другую честь им оказывали; а те, кого они прославляли, благодаря этому без меры услаждались честью, сами зная и видя, как это опасно. А после того, как славобивые уходили отсюда, храмы эти оставались в запустении и небрежении, а иконы из-за умаления веры презирались и подвергались поруганию и насмешкам, и кем прежде были почитаемы, теми же были и забыты. И Бог так же оставит оставляющих, потому что они обесславили не людей, но из-за людей — угодников божиих, которым по своей воле обещались воздавать честь во время всей своей жизни, и обещания своего не выполнили; лучше уже не обещаться, чем, обещавшись, солгать и не исполнить. Как же он, преждепомянутый, который не мог насытиться земною славой, из этого не научился? Ибо ведь и во время жизни блаженного (царя) Федора были (такие же) временные льстецы, ради прославления имен владык строившие храмы и (созидавшие) иконные изображения, и они разве не при жизни их только существовали, а по смерти (разве не уничтожались)? Но Богом избранный не услаждался, как этот, этими суетными славословиями, ибо он желал и ожидал истинной славы от одного Бога, призванный, подобно апостолу Павлу, от Бога, а не от человека. Этот же, о котором здесь речь, не обратил тогда внимания на тех, которые перестали возвеличивать иконами Федора после его смерти, (не подумал), не станут ли после и по отношению к нему то же делать, что действительно и случилось, — но тогда его ослепила любовь к славе и, пока он был жив, до тех пор и славили его льстецы.

Не хочу оставить неупомянутым и следующее: имя ангела воцарившегося было одно — первое из двух, празднуемых в 24 день июля³⁴⁴, в который совершается пресветлая память добропобедных новоявленных св. мучеников, всероссийских князей, братьев по плоти,

Бориса и Глеба, в святом крещении Романа и Давида³⁴⁵, по своей воле презревших земное царство и во время исповедания усердно проливших кровь свою за Христа; и тот не разлучил их как во время их жизни на земле, так и после смерти на небе. Святую их пару, не разлученную Богом, человекоугодники при написании икон на досках разлучали одного от другого — старшего изображали, как бы считая чтимым, а скорее этим заставляя его гневаться на них, а младшего с братом не соединяли, как бы презираемого изображением, и отделяли его от пребывания вместе с родным ему по плоти. И что особенно тяжко: я знаю, что рисовать на досках красками обоих братьев, как святорожденную чету, не разлучая их друг от друга, мешало не то, что другому не хватило красок для рисования, а умаление веры у создающих иконы. Указание на это (можно видеть) в притче о живущих на земле: если найдется двое друзей, братьев между собою и приближенных к царю, по взаимной любви всегда имеющих согласие друг с другом и общение по дружбе, и если один из этих двух, нигде и никогда не разлучающихся друг с другом, кем-то третьим будет случайно позван на брак, — не станет ли непозванный считать это не приглашение за бесчестье, (нанесенное) ему звавшим, и не воспылет ли он на звавшего гневом? В будущем не захочет ли он называться ему не другом, но противником и, найдя время, не сообщит ли царю в жалобах на него о своем уничтожении? Разгневается на позвавшего из-за брата и позванный, и неоказание чести брату будет рассматривать как оскорбление себе, поэтому (такое отношение) не дело дружбы, но разделения и своевольной вражды: и не только (родные) братья имеют при этом стремление к мести, но и друзья, не родные друг другу. А у того, о ком ранее говорилось, такое отклонение другого от любви случилось не из-за недостатка угощения на трапезе, а из-за оскудения усердия к дружбе.

А что сказать о заказывавших иконы иконописцам, среди которых одни умны, но не рассудительны и невнимательны к добру и злу из-за своей наглости, другие — люди среднего ума; а третьи (не имеют ума) нимало, но, подражая примерам первых, не слушают поучающих и во всем непослушны и дерзки. Но самое большее горе — обладающему всеми (Борису), который превосходит всех умом и хорошо это знает и видит; ему было приятно только лицо одного на иконах. Тот, кто имеет духовную власть, тоже сопричастен греху, о котором говори-

лось, ибо, слыша об этом и зная и видя, он молчал, а не поучал и не обличал. Око правды, которое все видит, будет судить их, когда придет день его пришествия³⁴⁶. А теперь вновь будем говорить о том, на чем остановились и начало положили, и опять постараемся по порядку описать все бывшее.

Обрадованный удовлетворением своего славолюбия, он не подумал о своей родной сестре и не пожалел ее, госпожи всей России, оскорбив ее такую сильную скорбью и разлучив ее с таким мужем, (умершим) не естественной смертью; ту, ради супружества которой с царем некогда он получил всю честь, так что был подобен царю³⁴⁷, — после такой славы он (не постыдился) видеть всегда одетой в монашеские одежды. Многих девиц, дочерей³⁴⁸ первых после царя бояр, своих господ, он насильно из зависти постригал, срезывая, как незрелые колосья, ибо на это не было их согласия. Этим он причинил родителям их вечную скорбь и болезнь, так как они не уберегли их, и те, как кроткие овцы, были пострижены; он не открыто это делал, а обманом, но самое дело явно себя показало, — (он боялся), чтобы некоторые не уговорили царя взять одну из них в жены через второй брак, из-за неплодства сестры его³⁴⁹; а он тогда станет ничем, — так полагал он в сердце своем, собирая в нем свои беззакония. То, что он сделал чужим детям, то же самое он сделал и сестре; как же он мог оказаться человеколюбивым к чужим? Через некоторое время некто учинил и дочери его такую же перемену одежд, сделав это постыдным образом; если не он, так мы это увидели³⁵⁰. А что сказать о жене его и сыне? Их насильно удавили неожиданные враги, — о них более пространный рассказ будет впереди, в своем месте.

Но если было сказано о злобе Бориса, то должно не скрывать и добрых дел его для мира и внести их в повествование, хотя они у него во всем и не искренни были по отношению к людям. Если мы постарались подробно описать все его злые деяния, то не поленимся раскрыть и его добрые дела, пока они не покрылись забвением от течения времени. Что я помню, то и напишу о них, чтобы наш рассказ о нем не показался некоторым злобным и враждебным. Потому что, если бы одно злое о нем было рассказано, а другими сказано о нем доброе, а мы бы (об этом) умолчали, — то явно обнаружилась бы неправда писателя, а когда то и другое без утайки рассказано, то все уста заграждаются.

В начале своей жизни он во всем был добродетелен. Во-первых, он делал добрые дела прежде всего для Бога, а не для людей: усердный ревнитель о всяком благочестии, он был прилежным охранителем старинных церковных порядков; был щедрым помощником нуждающимся, кротко и внимательно выслушивал всевозможные просьбы народа о всяких вещах; он был приятен в своих ответах всем, жалующимся на обидящих, и быстро мстил за обидимых и вдов; он много заботился об управлении страной, имел бескорыстную любовь к правосудию, нелицемерно искоренял всякую неправду, даже чрезмеру заботился о постройке в городах разных зданий для наполнения царства и снабжения их приличными украшениями; во дни его (управления) домашняя жизнь всех протекала тихо, без обид, даже до самого начала поры безначалия на земле, (которая началась) после него; тех, кто насиловал маломощных, он с гневом немедленно наказывал, разве только не доходил до него слух о таких обидах; он был крепким защитником тех, кого обижали сильные, вообще об утверждении всей земли он заботился без меры, пока не был захвачен властолюбием; он старался наказаниями совсем искоренить привычку к чрезмерному богомерзкому винопитию; всякому взяточничеству сильных было от него объявлено беспощадное уничтожение, ибо это было противно его характеру; всякого зла, противного добру, он был властный и неумолимый искоренитель, а другим за добро искренний воздаятель, но, однако, не всем; во всем этом он всю Россию обманул, так как до уклонения к злым делам, т. е. до покушения его на убийство государей, он следовал благочестию первых самодержцев, а иных и превосходил. Но я знаю, что надо сказать о самой сущности дела — откуда в нем существовали эти добрые качества — от природы ли, или от доброй воли, или из-за (стремления) к мирской славе? Явно, что (причина лежала) в открытом притворстве, которое тайно скрывалось в глубине его сердца, и в долголетнем злоумышлении его — (достигнуть) самой высоты (царской власти). Думаю еще, что немалой причиной было и то, что он научился многому хорошему и от истинно самодержавного Федора, ибо с малых лет часто находился при нем. Ясно, что когда Богом ослаблена была сдерживающая его узда и не было около него никого, кто бы остановил его, — как жеребец, отбившийся от стада, он из-за стремления к власти удалил-ся от Бога и царя. Но никто не знает, что в час его смерти в нем

возобладало и какая часть его дел — добрая или злая — перетянула весы. Потому что «Бог может и в день смерти воздать человеку за его путь жизни»³⁵¹, как пишется. Но что, если кто захочет удивляться его доброй заботе о земле? Тут нет ничего удивительного: ибо что из всего существующего может итти в сравнение с головой царя? Если бы он и всего себя за жизнь отечества каким-либо образом отдал, то ничто и даже весь мир не может сравниться ценой с одним лишь волосом с царской головы, и все мы теперь видим, что это действительно так.

Ради своего доброделания, т. е. ради мнимой заботливости о земле, он в сердце преисполнился гордостью, как некогда гордился делами созидания вавилонский царь Навуходоносор³⁵². К этому он прилагает еще некие два дела, о которых здесь вместе с его добрыми делами по порядку не было написано, — он начал совершать их, соединяя с гордостью, а Бог, предвидя его гордость и предупредив его решение, не дал ему их окончить и рассыпал.

Первое, самое важное его дело: он принял умом своим твердое решение, (которое) везде стало известно, что весь его подвиг (вся его забота) будет о создании святейшего храма, — он хотел его устроить в своем царстве, так же как в Иерусалиме, подражая во всем самому Соломону³⁵³, чем явно унижал храм Успения Божией Матери — древнее создание св. Петра³⁵⁴. И то, что необходимо было на постройку и созидание стен, все им приготавлилось. Второе — тоже великое его дело, он хотя и хотел, но не смог его (выполнить): источник самой вечно существующей жизни нашей, гроб единого от состава троицы Христа Бога, вместилище его божественной плоти, подобный находящемуся в Иерусалиме мерою и видом, он постарался изобразить, слив его весь из золота и украсив драгоценными камнями и золотой резьбой. Этот гроб уже был близок к завершению устройства; он весь был осыпан, как чечевицей, топазами и драгоценными камнями и очень искусно украшен разными хитростями, так что такое его устройство не только мне, невежде, и подобным мне было дивно, но и первые из благородных и те, кто следует за ними и живет в царских домах и воспитан во всей славе к красоте, дивились его драгоценности и мудрой хитрости украшений, так что ум приходил в исступление, а глаза от блеска камней и разнообразного сияния их лучей едва могли оставаться в своем месте. А определить в числах действитель-

ную его стоимость не было возможности, потому что она превосходила всякое число.

Это я описываю здесь не ради действительного чуда вещи, но ради того, чтобы показать самовозвышение Бориса и его чрезмерную гордость, потому что высокоумие одолело в нем веру, и превозношение его во многом превысило и драгоценные камни с жемчугами и самую природу золота. Всеведение божие поняло гордость его сердца, потому что, превозносясь частым осмотром этих вещей и уничижая этим всех прежде его бывших всероссийских деспотов, он (полагал), что превзошел их премудростью, говоря, что у них не было и столько разума, чтобы до этого додуматься. Постоянно этим гордясь, он и от льстивших ему бояр был подстрекаем притворной хвалой, как бы некоторым поджиганием; много раз повторяя слова тех, кто ему поддакивал, и добавляя к ним свои, которые, как хворост под огонь, под сердце его подкладывали хвалу, он показывал своими словами, что и там, в будущем веке, они так же подожгут его своею лестью. Они же побудили его добиваться царства, присоединившись к его желанию, так что это были как бы две веревки, сплетенные вместе, — его хотение и их лесть, — это была как бы одна соединенная грехом цепь. Как мог он помыслить создавать такие великие сооружения, как постройку такого святого храма и гроба для тела господня, без воли и согласия божия, позабыв, что в древности и бого-отец пророк, святой Давид царь, который был угоден Богу, намеревался построить такое здание и не получил (на это согласия)? Но ему было возвещено, что происшедший из его чресл (сын) такое начнет и совершит³⁵⁵. О таких самовольно начинающих хорошо было сказано, что они «замыслили советы, которых не могли исполнить». Ибо все задуманное устройство золотого гроба со всею его многою красотой, лжецарем Расстригою было непристойно разрушено и, взятое на разные домашние потребности, безобразно рассыпалось, и от этого разрушения не удержало (Расстригу) ни хитрое устройство, ни жалость к красоте³⁵⁶. Обоих этих дел, созидаемых во славу его (Бориса), Бог не благословил совершить, показывая этим всем, что в них вера его была соединена с гордостью; думаю, что присоединилось здесь и то, что собрано это было неправдою, слезами и кровью; это он думал скрыть от создавшего око и устроившего ухо и научающего народы, но не смог. Невозможно угодить Богу от неправды, как и прежде нельзя было

приносить в жертву Богу овцу порочную, слепую и хромую, — ибо сказано: «принеси такую князю твоему, разве он примет»?³⁵⁷ И чем он надеялся угодить Богу, тем его более прогневал. То же самое случилось и с отлитыми им тяжелыми многошумными по звону колоколами, так же несправедно сооруженными. А все материалы, приготовленные для устройства великой церкви, не принятые Богом, как ненужные, были царем Василием Шуйским употреблены на другие здания и даже распродавались на простые храмы. Ибо добрые дела по виду все хороши, но различно оцениваются Богом по расположению творящих, — так и эти.

О целовании креста (на верность) Борису

Во время своего воцарения он придумал всех привести страхом (в повиновение) себе, а после себя и своему потомству, приказав народу приносить себе, — рабу, для утверждения своего воцарения крестную клятву тверже, чем это было при ранее бывших царях. Не встречая сопротивления своей воле, он сделал нечто законопреступное, изменяя правила, положенные первыми царями; эту клятву он приказал приносить с проклятием не в жилых домах, а в божиих храмах; окруженный угождающими его воле, он тайно в мысли своей положил, едва не с богоотступничеством, такими словами всех людей заставить клясться себе и своему имени из рода в род³⁵⁸. Это было не для всех болезненно, а только для имеющих разум. И даже до того простерлась его и льстецов его злоба, что если при клятве в каких-либо малых словах кто в чем немного погрешал против клятвенной записи, (составленной) по его воле, он приказывал говорить ее, положив руку на крест Христов, не щадя столько человеческих душ и забыв, что все они лишаются всякой надежды на Бога. И даже, протирая богоотступное слово, (в клятву ввел угрозу), что не будет на всех нас милости сотворившего нас и его святых; наконец, неразумно всех подверг анафеме, считая свое мнимое утверждение во временном царствовании выше заповеди божией, не зная, что и одной разумной души не стоит весь мир. Но то, чем он надеялся утвердить свое царствование, тем только больше свое укрепление разорил, воспламенив против себя гнев божий, ибо немалую доставил радость врагу — дьяволу погибелью всех душ из-за клятвенного греха. Таким он был слепым вождем стаду: от малых лет до юности он не знал

грамматического учения настолько, что даже и простым буквам не был научен. И удивительно, — ибо он первый из правителей не был книжником, хотя в вещах, касающихся мира и любви к нему, много-разумными коварствами далеко превосходил и многокнижных.

Благодаря допущенному (нами) его самовластию, он к прочим (преступлениям) добавил беспрекословно и другое, противное Богу повеление, допущенное им самим беззаконие, архиерея и прочих верховных он сделал наемниками, а не пастырями, так как они из-за страха не возражали против этой богоненавистой клятвы ему народа, приказав приносить ее в храмах живого Бога, забыв, как в древнее время в святилище был наказан проказой за гордость Озия³⁵⁹. А здесь, в самой матери церкви, где приносится бескровная Христова жертва о мире во всем мире³⁶⁰ и где лежат источающие чудеса тела святителей, — в ней грозным предписанием приведя всех принудительно к клятве, он сделал местом клятвы дом божий, разрушивший древнее наше проклятье³⁶¹. Как у нечестивых иногда ревело множество стад бессловесных животных, гонимое в жертву бесам (идолам), так сонмы одаренных словом людей, собравшись вместе в церкви, кричали клятву, пуская в высоту множество голосов, так что прочим приходилось затыкать уши от бесчинного вопля, — и думалось нам, что благодать из святилища ушла из-за беззаконий, подобно тому, как было в Цареграде³⁶² после отступления от благодати, так что можно было подумать, что от сильного крика распадается церковный верх³⁶³. Но у Озии за его дерзость знак проказы появился на лбу, а этот, думаю, принял (язву) в душу. И он одержим был таким бесчувствием, что не приказал, чтобы это бесчиние прекращалось во время совершения приводящей в трепет, таинственной службы божией, или умолкало во время чтения евангелия; но этот бесчинный вопль шумом своим заглушал святые слова евангелия, не устыдившись самого Царя Бога, подателя жизни, чтобы ради приношения его даров заградить гортани (прекратить крик) и с благоговением постыдиться хотя бы на малое время того, кого и херувимы окружают в глубоком молчании, закрывая свои лица³⁶⁴; не радели приставники о молчании и во время пения песни Богородицы³⁶⁵ (после возгласа) «изрядне», короче говоря — тогда нельзя было слышать (в церкви) ни читающих, ни поющих, так что он сделал дом божий домом торговли, бесчинием победив благочиние. Первосвяtitель же, стоя на своем месте и буду-

чи безгласен пред тем, чего не следовало допускать, ибо он (Борис) и славного одолел страхом, — по виду служил Богу, а угождал человеку, так что можно сказать, что в тот день из-за шума в матери церковей литургия не была пета. И это происходило несколько дней, пока все бесчисленное множество людей не принесло клятвы, день за днем — в пору жатвы до девятого часа и долее, не выходя и производя шум в церкви, так что и святитель не смел приказать, чтобы заперли храм; настолько слово царя превозмогло, что приставникам не велено было уходить из церкви, если люди были там до вечерни и дольше. Хотя сам царь там телом и не был, не было и изображения его, никто не смел не исполнить его приказания. Мы воистину сущего (Бога) считая как бы не существующим, не боимся его и не трепещем, а высшая херувимов мать его с подобающим чином, как раба, предстоит пред ним как сыном и Богом в воздержании и с большим благоговением, нежели лики бесплотных и святые. Чтобы показать наше невнимание, довольно и то напомнить, как собранные во время святых (праздников) мы оказываемся нетерпеливыми в молитвах и вместо того чтобы пробыть, не выходя из церкви, небольшое время, отведенное на молитву, и дожидаться отпуска, презирая страх божий и его заповеди, входим и выходим, как бессловесные скоты, без времени и ходим без страха, кто где захотел, надеясь на свою волю, за что от него и будем осуждены; и не так бы еще были мы осуждены, если бы Бог волею не искал всем нам спасения. А мы и не стали противиться своему своеволию, не страшась и находящегося в церкви образа владыки, сидящего на престоле, и не только образа, но и самого пресущего (Бога), потому что, где церковь и икона Христова, там присутствует и сам он. Мы небесный страх поставили ниже земного и раба почтили больше владыки; конечно, этим мы привлекли на себя все зло, от которого даже и до сих пор не исцелились, за грехи каждого из наших современников³⁶⁶.

Вместе с указанным ранее необходимо припомнить и третье недостойное дело того же миролюбца — именно то, что клятва вызвала у людей губительное для душ соревнование, так как при выполнении клятвы они, как о добре, ревновали о том, чтобы занять первое место. Первым (из первых) был сам святейший верх (патриарх), затем — четыре Российских столпа — митрополиты³⁶⁷, а за ними благороднейшие из синклита, разделившись на две группы и повинуваясь при-

казаниям мирообладателя, человекоугодно стремясь скорее исполнить это перед лицом самого Бога и одушевленного кивота — Матери Слова (Христа); при гробах умерших, прославленных святостью, эти пастыри дерзнули в своем присутствии приводить земнородных к клятве, как к жертве. Не только в царском городе³⁶⁸, но и по другим городам эта клятва совершалась в храмах. Было бы удобнее в церквях разрешать людей от клятвы, а не связывать их клятвенным обещанием. Если бы и не тут (не в храмах) клялись, не тут же ли исполнили бы ему клятву? А мы, которые из-за своего безумия связали себя ею, чем можем освободиться от таких уз, по сказанному: «кто клянется церковью, клянется и живущим в ней»³⁶⁹ и прочее. Мы сравнялись неразумием с бессловесной «пифицей»³⁷⁰. Благодаря попустителям, повелевающий этим сотворил ту дерзость, считая, что будто бы Бог ограничен местом. Это они на деле показали людям, ибо сочли, что Бог только в церкви пребывает, а не на всяком месте. Такую клятву можно бы приносить в палате или в другом месте, а так как он не захотел этого и так как льстецы, особенно ему угрожающие в этом, понудили его к этому, уверив его, что там (в храме) клятва будет крепче, то (следовательно), по их мнению, Бог не на всяком месте (присутствует) и не всюду все видит, не вездесущ, не все объемлет и как бы в горсти содержит всю тварь; но они сделали его ограниченным местом, как будто он обнимается только церковью. Его вся тварь не может ни вместить, ни объять, ибо Бог сам себе предел и место, — так сказали богословы. Но, господи-всевидец, прости нам слова безумия, как отец (прощает) детям, осмелившимся лепетать о твоём предсуществовании и несказанности, потому что неведение, как сказали мудрые, злее греха; ты чрез неведение бываешь ведом всем верным, потому что непостижение тебя есть разум. Об этом для обличения нашей слабости можно было бы больше сказать, но нет надобности, а ради краткости для старательных довольно и этого. Богатые разумом сами хорошо и еще лучше это знают от божественного писания и сами нас просветят. Что же до клятв, принесенных в храмах, то нам надо не унывать, но искать покаяния у установившего различные примеры покаяния и ожидающего (его), ибо в его власти разрешать нас от них, как от бесовских ухищрений и хитрых коварств; он, который одним словом связал сатану, — если только умолим его прилежной и теплой молитвой, принеся достойные

плоды покаяния, может запретить противнику радоваться (победе) над нами.

А прежде бывшие у нас цари не допускали во время своего царствования клятвы в храмах и были свободны (от такого греха) и даже совсем непричастны к этому законопреступлению. Они приказывали совершать такое (действие) для своего утверждения в жилых домах и без всякого прибавления, губительного для душ человеческих, что придумал вышеупомянутый Борис, думая этим утвердиться, а Бог эту ложную твердость превратил в совершившееся потом отклонение от него людей, ибо вскоре окончилась жизнь его, как пишется: «когда скажете мир и утверждение, тогда найдет на вас пагуба»³⁷¹.

Об утверждении имени того же (Бориса) письменами

Вместе с первыми того же (Бориса) дерзостями было и такое его бесстыдство и нападение на церковь. В ней был обычай: во всякий день после отпуска, после окончания всего пения в церкви, певчим на клиросах петь многолетие, (возглашая) в нем имена только одних царствующих (особ) и первопастырей всех православных. А он здесь, вопреки установленному в церкви обычаю, проявил своеволие: приказал повсюду петь ему (многолетие) вместе с женою и детьми, думая этим сделать многое прибавление к своей жизни, однако же этим лишь укоротил ее³⁷². Точно так же и в производстве письменных дел, исполняя свою лукавую мысль, надменный в своей гордости, приказал, вопреки правилам первых самодержцев, во всяких бумагах обозначать его имя полным именованием, выписывая его в каждой строке, где имя его хотя бы и кратко будет упомянуто³⁷³, и приказал отнюдь не погрешать в таком полном наименовании, если в строках оно будет и часто повторяться; а те (писцы), которые в этом погрешали, получали наказание. Он думал этим учащением полного своего именованья утвердить свое имя и сделать его памятным в роды и роды, не приняв во внимание слов об этом пророка, что «в одно поколение истребится имя твое»³⁷⁴; так действительно и случилось.

Кроме того, не довольствуясь этим частым написанием полного своего имени в бумагах, — на самой верхней главе церковной, которая была выше всех других церквей³⁷⁵, к прежней высоте которой он, равняясь с нею гордостью, сделал в начале своего царствования большое прибавление и верх которой позолотил, — она и теперь, блестя,

существует и всеми видима, превосходя своею высотой все другие храмы, — на нем (этом церковном верхе) на вызолоченных досках золотыми буквами он обозначил свое имя, положив его как некое чудо на подставке, чтобы всякий мог, смотря в высоту, прочесть крупные буквы, как будто имея их у себя в руках; он забыл слова пророка о таких (гордецах): «если, — говорит он, — вознесешься, как орел, и устроишь гнездо себе среди звезд, и оттуда свергну тебя, — говорит Господь»³⁷⁶; это (с ним) в скором времени и произошло. Ложный и самозванный царь в темной своей власти, Богом на нас напущенный расстрига Гришка, прозвищем Отрепьев, придя, в царствующем городе при всем народе позорно его низложил, как дикий козел барана рогами забодал, с самого престола поверг на землю и хотя и невидимо, однако же, рутаясь над ним, как бы на голову его встал ногами, издеваясь над его низвержением; но пространнее об этом будет сказано в дальнейшем.

А старания того (Бориса), которыми он хотел утвердить себя на царстве, не имели никакого успеха: ни это ранее упомянутое подобное столбу высокое здание, ни самые золотые слова, прибитые как бы на воздухе, ни частое упоминание его имени в бумагах; но, как паутина, все быстро без следа уничтожилось, ибо когда было низложено тело, погибла и вся его слава, о чем здесь и была речь. Так Бог гордым, надеющимся на себя, противится и духовно ломает их рога.

О Борисе же царе

Тот же придворный и вельможа (Борис) притворством, а не на самом деле показывая себя кротким, все время своего правления обольщал людей искажением правосудия — из среды низких своих приверженцев, среди которых (ранее) был сам, многих с (занимаемых ими) низших степеней лестью (перевел) в высшие, так что они превзошли высших и более благородных, а потом, когда достиг предела своих желаний, обманул общие надежды. Во главе (приверженцев) он имел некоего наставника и учителя³⁷⁷ своему злу, искусного во всяких злых кознях, (наставляющего его), как ему перейти от низших (степеней общественного положения) на высшие, от малых на великие, и от меньших на лучшие и одолевать благородных, — древнего мужа, который был приближен к государственным тайнам наших премудрых предшествующих царей, имеющего уже много лет

и цветущего глубочайшими сединами старца; без него ни одна правителей тайна, ни одно постановление, связанное с установлением законов по управлению землей, не совершалось, потому что он был очень опытен в делах среди соименных ему (т. е. дьяков). И среди имеющих высокие чины членов синклита — другого, подобного ему, до дня его смерти и после него до настоящего времени не находилось. Вот какого этот желатель царства нашел себе учителя, подобного себе по злобе и нраву! Помощником первому во всем был его меньший единоутробный брат³⁷⁸. Они были начальниками над сословием дьяков, и действительно эта честная пара, эти два брата были достойны своего положения при царе, ради их разума вместе с чином и ради их земного любомудрия, кроме иных многих достоинств. Между обоими ими и тем (Борисом) существовала немалая, на кресте утвержденная клятва, чтобы им троим управлять царством. Кроме этих (двух), еще и иных многих, о том же для него старающихся, этот высокопоставленный «старатель» имел при себе, но не таких, как они. Спустя некоторое время, когда он достиг высокого положения, он нарушил данную двум братьям клятву и хотя не убил, но не убоился делать им зло, как и прочим: (именно) обоих их, как некий зверь, обратившись назад, зубами своими укусил, — оставил им жизнь, но изнурил их бесчестным и медленно текущим многолетним существованием и, отняв, лишил их имущества. Так он заставил их проводить жизнь до самого гроба, не поставив ни во что такое их ему служение, так как и на царство он ими был посажен³⁷⁹, — (говоря) сравнением, как бы на небо ими был вознесен; он был самому себе душеубийцей, преступившим клятву; как они ему даровали несвойственное, так и он им тем же (несвойственным) отплатил. Каким служением другой кто ему мог угодить? если бы и голову свою за него положил, ничего бы не успел. Что было дороже и выше царства, — а и это, по получении, им было ни во что поставлено. А эти двое, о которых ранее сказано, и головы свои и души за него противоестественно положили, но ничего не получили, напротив, больше себе повредили, — отлучив себя от Бога и людей. Из сказанного же читающие, которые в жизни его не видели и не слышали о нем, узнают нрав этого захватчика.

Когда он (Борис) восходил на верх всей царской высоты, к прочим утверждениям себя (на ней) он придумал прибавить еще и это:

для закрепления его избрания пусть все люди, начиная с первосвященника и всего синклита, даже и до самых знаменитых, напишут с подписями своих правых рук великую заповедь на бумаге, закрепленной (печатами)³⁸⁰. Кроме этого, он не побоялся дерзнуть и на то, чтобы снять печать с запечатанного гроба и положить эту (хартию) в золотом ковчеге в раку к святым мощам русского первосвященника, среди святых дивного чудотворца Петра, которую первые благочестивые самодержцы, а лучше (сам) Бог от самого ее создания крепко утвердили, так что в течение многих лет ни святители, ни цари, занимавшие самое высшее положение, не осмеливались никогда ее открывать, как и прочие. А он, научаемый своими льстецами, твердыню этого многолетнего почитания дерзко раскрыл и внутрь ее эту полную любви к миру хартию — ненадежное утверждение своего лукавства — без стыда, как к простому мертвому телу, грубо бросил, принудив к этому и святителей, и после поругания этого киота через распечатание, опять в нем того (св. Петра) затворил. Он думал, что, полагая там эту (хартию), через нее получит утверждение, и его царствование будет благополучно и вечно, но в этой своей надежде он всецело обманулся. Простите меня, читатели, если я более, чем следует, смел, и да не опозорится вторично гроб, но досмотреть это следовало бы. Да не будет этого! Но, как некогда на собрании четвертого святого вселенского в Халкидоне собора, еретики для обнародования положили в гроб св. Евфимии неправославное свое писание, и оно оказалось отвергнутым, (лежащим) в ногах ее, так и того писание — святителем Петром, верю, было не принято, потому что было задумано против воли божией, а не как православное, некогда положенное святыми отцами, которое было хорошо принято св. мученицей и, очевидно, как угодное Богу, удержано на груди преподобной, в правой руке ее, и его двое св. отцов, уже умерших, подписали как свидетельство согласия православных³⁸¹.

Таким (как Борис) людям дверь дерзания на подобные (дела) непозволительно открылась уже давно, возможно — от самого (того времени), когда прекратились (истинные) самодержцы. Ранее упомянутый Борис, ради большей своей славы, начал к прочим заботам о кажущемся ему (лучшем) устройении земли присоединять (меры) к обновлению царства, начав с изменения чинов, — от первых и до последних. Вследствие таких действий тогда со всеми происходило

то, что простые без всякой меры и времени возводились им на места благородных, ради того, что первые наушничали ему на вторых, как об этом подробно рассказано ранее. Этими распоряжениями о водворении низких на места благородных он в сердце благородных вонзил глубоко обдуманную и неугасимую стрелу гнева и ненависти к себе, что потом и нашло свое завершение, — после того, как он нанес им в последующее время вместе с этим и другие оскорбления. Вслед за этим он, а еще более такие же, после него бывшие, превратили в ничто должности начальников, следующих за первыми вельможами, действительных (настоящих) дьяков, которые в этих чинах состояли и почтены были данной властью по избранию и благоволению, без всякой награды отказывая им, а на их место на долгий срок назначили поставленных за взятки. Эти не привыкли (к делам) и не знали совершенно того, что в достаточной мере и самостоятельно постигли наученные долгим опытом изрядные дьяки, опытные в управлении и в постепенном движении текущих дел. Те же едва только немного и несовершенно умели каждый при начертании своего имени пером на бумагах криво, как бы не свою, трясущуюся проташить руку и ничего более. На прочее же, что было свойственно подобным чинам, они были никак не способны, разве только на явное и тайное совершение зла, на то, что противно добру; и они были очень искусны, и ревностны и пригодны на всякое неизмеримо бесстыдное дело. Они отбросили от себя великий страх, и божий и царский, облеклись самовластно в бесстрашие и имели в себе только одно готовое, укоренившееся от рождения, злое желание и умение — богатство своих господ по-язычески безжалостно, не глядя назад, разорять, а свои ненасытные сундуки бесстыдно, а лучше сказать, бесстрашно наполнять.

Более чем о другом необходимо сказать и о том, что здесь, среди нас, делали такие (люди) в настоящее время. Все, что подчиненные им приготовят в бумагах — нужное или ненужное, — они принимали все всегда без рассуждения, охотно и беспрекословно, как правильное, не понимая, нужны ли (тут) подробные или краткие слова. (Это делали они) не только потому, что слова были изложены красиво, как требовалось временем, но по примеру характера и обычая неразумных свиней: когда кормящие их дают им для питания хорошую или плохую пищу, они не отказываются — солоно ли что, или пресно.

И даже если что и смертное (ядовитое) — растворенное и скрытое — принести им, они этого не понимают; то же разумеи и о тех, о которых сказано ранее. Пред подчиненными им они бывают немые, так как принимают от них чрезмерные взятки, побуждаемые к этому своею жадностью, что и связывает их уста. Подобно тому, как на трапезах богатых слуги лишаются и тех малых крупниц, (которые падают со стола), они (богатые) и великое и малое, и верблюдов, и комаров, то и другое вместе сами пожирают, не разбирая. И я не понимаю, по каким побуждениям подчиненные им в таких случаях остаются покорными. Чрез них и им и всем вообще близким мне людям было причинено зло, кроме других неисчислимых напастей, и от изнурения, — даже до того, что в этих нуждах многие скончались, и количество их бедствий даже сами случившиеся там зрители не могут передать в словах слушающим и читающим, которые сами каждого из них не видели. Не стану удлинять слово, но как пишется: не следует слепому вождю вручать (дела) церковные и верить монастырь расточителям, а неумелому кормчему управлять кораблем, — вредно также к управлению в городе людьми допускать невежд, крохоборцев и мздоимцев, на это только одно время и поставленных, а никак не на добрые (дела), потому что «злое дерево доброго плода не приносит»³⁸² и прочее. Горе пастве, в которой пастырь дремлет, и монастырю, который расхищают расточители, и кораблю, которым управляют неопытные, и городу, плохо управляемому мздоимцами. И если первый стал губителем стада, последний явился предателем города: пасомых уже пожрали звери, а монастыри до того опустели, что и основания их уничтожились, опрокинутый корабль погрузился (в воду), хотя и не утонул совсем, — это есть Христова церковь, а самый город весь окончательно разорен был разрушителями до того, как будто его и не было. Итак, как раньше сказано, повсюду многие один за другими, за худыми более худшие стремились к власти, и день за днем и один за другим с злою ревностью устремлялись на злые (дела), чтобы ни один из них, даже и самый худший из всех не остался непричастным этому несвойственному им званию. Совершаемые такими людьми злодеяния были допущены из-за молчания тех, кто стоял у власти и не запрещал им страхом, или из-за бессильной слабости, потому что не истекло еще определенное им время. Они не предполагали, что исполнению их желания способствовало,

по попущению (божью), и самое время; к этому надо прибавить, что мы тогда переживали и временное отсутствие управляющей главы³⁸³, но это только до дня восстановления власти — согласно с притчей, когда владыка дома, придя, захочет тщательно договориться со своими рабами об условиях управления домом³⁸⁴.

Ум имеющих свое мнение повергает в смущение и перемена в России мест тех, которые (занимали) должности первых святительских престолов, — именно переименование их чрез возвышение титулов с низших на высшие. Это произошло при благочестивом царе Федоре, при управлении (царством) того же Бориса, а именно: митрополит переименован был патриархом, архиереи стали митрополитами, а епископы — архиереями. Об этих священных возвышениях я не осмеливался (говорить), присоединяя речь о них к другим делам гордости Борисовой, чтобы не прогневать Бога, так как они совершились во дни благочестивого царя. Ныне меня постоянно смущает то, что это происходило при того (Федора) державе и при заведывании делами того же гордеца и так как было началом его гордости и стало бесполезно тем из начальствующих, которые этим красовались. Не следует оставлять без расследования, от Бога ли это дело, чтобы верные утвердились, а колеблющаяся мысль укрепились³⁸⁵.

Глубокий плач³⁸⁶ из середины сердца и горькое рыдание от лица святого, великого города (обращенные) к могущему спасти меня богу на того, кто не как добрый правитель, а как мучитель владеет мною; меня называют новым, но на деле я современен древним, такое название определено было мне Богом с самого начала³⁸⁷.

В древности (император) Тит за превысившие меру грехи евреев разрушил Иерусалим, — и не удивительно, потому что он был царь. А меня — новый, подобный Сеннахериму³⁸⁸ и прочим, после него (царившим) на востоке и разорившим Сион, — хотя скорее дьявол, нежели его слуга, ревнитель зла, своею злобою превосшедший всех бывших и будущих злодеев, Мартинианин по ереси³⁸⁹; хотя и бездушный, — однако он лукаво проглотил меня всего, как вебрь, тайно ночью пришедший из дубравы и, как дикий осел, съел меня, а теперь и кости мои оглодал. Не по-божески, а коварно перелез он стену и, войдя в меня, большую часть города обратил в пепел; разорить меня совсем не позволил ему Бог мой. Солгав не людям, а Богу, и преступив крестную клятву, все богатства мои он отобрал и, захватив всего

меня, привел в совершенное запустение, и жилища моих (жителей) уничтожил, и основания их раскопал, злом врачуя зло и древнюю злобою зло, подражая своим отцам. А когда владыка мой ради умножения моих несчастий сделал ему такое послабление, он, вселукавый, на много лет, как в елей, опустил в меня свою ногу и, найдя, как гангрена, жир, разжирел, потолстел и расширился (стал тучным) и, оставаясь безвыходно в берлоге, постоянно дышал против меня огнем ярости, ненасытно отбирая у всех оставшихся (в живых) людей моих — священников, иноков и мирян, последнее серебро; сокрушив их голени, он, подобно псу, уже из сухих костей сосал их мозг. «Пес, где найдет сухую кость, гложет ее», — так сказал некто премудрый. Так и этот, подобно аду, ни разу не сказал: «Досыта (наелся), довольно мне», но и пазуху всей земли своей, обремененную всяческими богатствами, наполнил моим добром; кроме того и свою правую руку и (руки) подчиненных ему безмерно оделил наградами, чтобы и оставшееся уничтожить. И доныне он поедает меня окончательно своими все пожирающими зубами, — моя пища каждый день постоянно находится в его устах; он, как змей с лютой злобой, обвив меня своим хоботом от головы до ног, доныне меня удерживает за собой. Даже моих нищих, живущих в лавре монахов того и другого пола, мужчин и женщин, которые когда-то, при нестерпимом рабстве, ели воистину чужой хлеб с сильными, а теперь — с изнуренными, он разыскал и одинаково вместе с прочими подчинил такому же рабству, (заставив платить) подати³⁹⁰, — явно болея ненасытным сребролюбием; он показал себя во всем беднее самых нищих, ради денег раздробив без милосердия их смиренные ноги батогами. Но и этим еще до конца не удовольствовался, в злобе восстав на самого Бога, питающего скитающихся по миру нищих, которые имеют один только сухой и чужой кусок хлеба; всех их он осудил на изгнание из моего города и, не побоявшись Бога, грабежом лишил их за городом даже самых рубищ, всех до конца обнажив. Тьмою своего нечестия он, окаянный, неистово омрачил все, дыша злобой на христиан, забывая, что и нам есть заступник — Бог, могущий и ныне, как в древности, в пустыне, манною напитать своих людей³⁹¹ и дать им одежду и довольно всего для них необходимого. <...>

Так и Борис, когда почитался равными ему по чести и за царя хорошо управлял всеми людьми, тогда казался во всем добрым, так как

являлся в ответах приятным, кротким, тихим и щедрым и был всеми любим за уничтожение в земле обид и всякой неправды; все думали тогда, что после царя во всем царстве не найдется, кроме него, другого такого справедливого (человека). Ради такого его правосудия все люди земли, с радостью (допустив) его до церковного помазания³⁹², обманулись в нем. Когда же он получил столь чудесный и высокий сан и такое совершенно ему несвойственное звание, когда выше природы он окончательно оделся в великолепную порфиру пресветлого царства, тогда он обманул ожидания всего народа, который с надеждою на предполагаемые блага, а вместе и с сердечной верой в него ждал от него лучшего³⁹³. Получив такую славу, он тотчас же переменился и оказался для всех совершенно нестерпимым, ко всем жестоким и тяжким; сделав людям немного добра, он этим обманул свою державу. Солгав, он приобрел себе великое и обширное царство, но не вечное, так как тотчас же и тем (людям) и себе — как телу, так и душе своей — причинил двойную рану, потому что в этой жизни он наслаждался тогда многую честью от всех людей. В годы до его царствования, когда он был правителем, та же честь как бы собралась в одно место, и тогда он покойно, как бы на груди Авраама, пользовался счастьем больше, чем после, по получении царства, потому что во дни царствования никакого счастья у него не было, а были только в членах его трепет и боязнь всех из-за величия и наименования сана; а к этому прибавилась еще неизлечимая болезнь и скорбь из-за телесного недуга, а также его злость и недоверие к людям, потому что прежде получения (царского) сана он сам с собою не рассудил и не подумал о своем бесстыдном дерзновении на несравнимое величие сана; «он красил и гроба праведников³⁹⁴» книжно, по-фарисейски³⁹⁵, как писано в (Евангелии); думается, что (он делал это) из гордости, потому что это явно показал их (фарисеев) конец. Тот, кто приказывал слить их (гроба праведников), сам на себя произнес евангельский приговор, так как пришедшие в нашу землю народы все их (гробы) разбили, а другие на мелкие части раздробили, многие переделали в серебряные деньги, а остальные (употребили) на разные свои потребности; (из этого) ясно, что они не для Бога, а ради тщеславия были сделаны, поэтому и не приняты были ни Богом, ни его святыми, и не утвердилось это деяние на вечные времена, по (словам) книги апостола: «дело каждого обнаружится, — ибо день покажет; оно в ог-

не открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду, а у кого дело сгорит, тот потерпит урон»³⁹⁶. И если это сказано апостолом об испытании человеческих дел в последний день, то ведь и нашествие язычников на нашу землю и наведение их на нас — от Господа же было, ибо и прежде последнего дня еще здесь этим делам приключилось уничтожение, подобно тому, как в последний день они были бы подвергнуты испытанию огнем. И если бы угодно было и приятно Богу дело того (Бориса), то оно пребывало бы вечно, а все, что он созидал из гордости, было разорено Богом. Всякий, любящий показать себя, называется тщеславным, и все, что делается для показа, создает плод не для будущего века, а рассыпается (в человеческой похвале). По писанию, Богом принимается только то, что (делается) без гордости, кто тайно творит благо, что ясно показал и Христос в Евангелии: «пусть не знает левая рука, что творит правая»³⁹⁷, — такому совершенному добрых дел втайне он научил нас.

А наш договор о заключении мира с поляками тогда не достиг еще и середины, потому что они причинили нам зла больше, чем другие народы; не было хотя бы некоторого согласия, чтобы начать совещание, какой вид примет этот с ними договор, (каково) будет его начало и как он завершится. Ибо если и много раз в разные годы многие народы воевали и, не переставая, наступали на нашу землю, но никогда так, как теперь, не одолевали (нас) и никогда не делали ей со всех сторон такого вреда, как ныне. Тогда, без союза с ними наших людей, они, сражаясь, лишь ломали свои копья и сокрушали щиты, и в своем сопротивлении очень осрамились ложной победой, так как им не было облегчения и помощи от перешедших на их сторону наших изменников. Если бы не вышли от нас теперь по своей воле эти богоотступники и изменники благочестия, скорые предатели христиан, новые глубокие нарушители нашей веры, самовольно оторвавшиеся от единства с телом Христовой церкви? Они своим соединением с неверными, после обоюдного с ними соглашения против нас, и своими совместными с ними действиями опять заново навестили их оружие и мечи их сделали обоюдоострыми и всем нашим дали полную возможность выступать против своих же, изменяя родине; из-за них иноземцы одолевают нас и, как видно по всему, мы будем окончательно ими побеждены. Из этого вот что ясно: если бы

наши не соединились с ними против нас, одни они (враги) таких побед над нами никогда бы не могли одержать, хотя ранее и многие у нас с ними были, сражения³⁹⁸.

Допущенное на нас Богом беззаконное царство расстриги

После этого (воцарения Бориса) восстал из своего логовища лютый молодой лев, подлинно враг, не столько человек — наделенное даром слова существо, сколько воплотившийся антихрист, и как темное облако, поднявшись из глубокой тьмы, неожиданно, почти внезапно, напал на нас; испуганный слухом о нем, царствующий над нами Борис, гордый с низшими, ужаснувшись его устремления, низвергся с высокого царского престола. Примерно он (самозванец), как комар, не дойдя, поразил льва, как пишется. Но не тот, а своя совесть его низложила, так как он знал все, что сам некогда (делал). А этот происходил из худого рода и родители его были из весьма низкого сословия, — потому что его изрыгнул город Галич³⁹⁹. По всему, детище законопреступного Юлиана⁴⁰⁰ и его беззаконное порождение — Гришка, по прозванию Отрепьев, послан был не столько на нас, сколько для того, чтобы поразить страхом того властолюбца, придя предать его — неправедного — праведному суду; до этого времени праведный гнев терпел Борисову дерзость. Присвоив себе подобие царского сына и славное имя Димитрия Ивановича всея Руси, (сына) прежде упомянутого великого между царями победителя, он назвался сыном его⁴⁰¹, во всем ему чужого, кроме разве того, что он был одним из бесчисленного, как песок, множества рабов его и таким же, как и прочих, его рабом. Как море в своих глубинах не знает каждого из живущих в нем мелких животных, так и при царстве того не был известен тому (царю Ивану) ни род, ни имя этого, — а он осмелился назваться сыном его, этим приближением (к нему) как бы пристроившись к Богу. Так как Бог это терпел и допускал, он пришел от севера⁴⁰² в мать городов русских, в город Москву, соединившись с многими силами безбожной Литвы и с перешедшими к нему и изменившими (родине) всеми благородными начальниками войск Российского государства, — с воеводами бранных сил, которые были русскими людьми и были поставлены держащим тогда скипетр Борисом на защиту против того (самозванца) в пределах всей Северной земли. Но

они, (уклонившись) справа налево и (изменив) преступно крестной клятве, подчинились воле обманщика, — одни, соблазненные лукавой его лестью, а другие, немало прельстившиеся его хитростями, думали иное, считая, что он вправду царь, каким-то образом спасшийся в том изгнании, куда был выслан Борисом, действительный царевич Димитрий Иванович⁴⁰³. Еще когда он находился вне пределов Русской земли, все добровольно подчинились ему и поклонились, как царю, в действительности же идолу, — страх ожидания смерти от острия меча одолел их. Вместе с этим всем надоело и Борисово притеснительное, при (внешней) лести, кровожадное царство, и не из-за тяготы наложенных на них податей, а из-за пролития крови многих неповинных; ложно надеялись при нем (Расстриге) отдохнуть и получить хотя малый покой. Но в своих надеждах и ожиданиях все обманулись; хуже нечестивых, которые прежде никогда не назывались православными, он хотел нанести всем окончательное зло, злейшее и большее всякого зла: после его смерти от его приближенных узнали, что он, окаанный, хотел, по злому замыслу врага, совершенно уничтожить из памяти Христову веру, вечно цветущую православием, если бы Господь не прекратил дней его жизни.

Каково начало, таков и конец его, потому что он был так жесток, нагл и вместе дерзок, как Иуда, который имел смелость (присутствовать) на тайной вечере. Так и этот в своем злом умысле, прежде чем получил царство, дерзнул одеться в монашеское одеяние, но и этим, окаанный, не удовлетворившись, а к этому прибавил еще и другое: не постыдившись, вскочил как бы в огонь — принял на себя и священнодиаконоство у великого⁴⁰⁴ и солгал по умыслу противного (дьявола); он сам знал, что, выполняя свои замыслы, он своим отречением может обесчестить священство и монашество, что вскоре и случилось, когда пришло установленное для этого Богом время⁴⁰⁵. Самовольно отрекшись от того и другого звания вместе, от священства, говорю, и монашества, с ними отрекся также, окаанный, и от обещаний, данных при святом крещении, что узнано было от достоверных свидетелей, а еще лучше из его дел. Явившись вполне сатаной и антихристом во плоти, он самого себя принес в жертву бесам. Еще когда был он среди латынян, — ясно, что (туда) он Богом был изгнан из земли верных, — там дал обещание ради скверного брака и совокупления с его дочерью сделаться зятем одного неправославного, про-

тивящегося духу еретика⁴⁰⁶, который мог (помочь) ему выполнить весь его злой замысел, получить совершенное исполнение его желания: коснуться некасаемого, т. е. получения царского звания, что и случилось. Тех, которые хотели обличить его, он одних явно, других тайно убивал, а иных ссылал в изгнание, прочих же всех, которые осмеливались делать то же, устрашал, так как имел при себе много прихлебателей и угрождающих ему друзей, которые друг с другом тщательно соревновались⁴⁰⁷.

После смерти царя Бориса осталась супруга его⁴⁰⁸, как вдовствующая горлица, имеющая при себе только две отрасли: именно сына, называемого даром Божиим, обладающего правом (носить) скипетр управления державою и уже при крестной клятве избранного на царство и твердо принявшего в свое подданство всех людей отеческой державы; одного только тогда недоставало — он не был еще помазан, и это отложено было на малое время из-за того, что препятствовала подготовка войска к войне⁴⁰⁹; и дочь, девицу, жившую в тереме, вполне уже созревшую для брака, по смыслу имени ее — странницу (гостью)⁴¹⁰. К ней, по воле отца, когда отец еще был жив, привезен был из другой земли жених, сын одного дружественного ему короля, но брак не состоялся: Бог не соблаговолил исполниться намерению людей. А в скором времени поспешил приблизиться к городу ранее упомянутый похититель царства. Он эту мать, уже вдову, родившую раньше этих обоих детей, вместе с ее сыном, ту и другого — как-то бессмысленно и насильственно решил убить и прежде своего вступления в город победителем, послав пред собою некоторых из своих приближенных в их наследственный дом, увы! предал тайно смерти. Думаю, что этот отрок, чистый телом, предстал Христу, так как греху родителя был непричастен. А бдительно охраняемую девицу, он, после своего вступления в город, как рабу, без всякого царского чина, с ласковым принуждением вывел из царского дворца и в частном доме угрождавшего ему и приближенного к нему нового вельможи, без ее согласия, срезал, как незрелый колос, — одел в монашеские одежды⁴¹¹. И было бы удивительно, если не было ей чего-либо тайно-оскорбительного от отступника.

Прежде, на высоте твердыни царства, при ее родителях, ее, находящуюся в тереме, едва и солнце в щель когда видело, так как «слава дочери царя внутри», по писанию; а тогда ее, не оберегаемую, осма-

тривали глаза и многих самых низких людей. И от того времени еще (долгие) годы к большому бесчестию продолжилась ее жизнь даже до четвертого после ее отца царя, так как часто переменялись тогда правители; она перенесла (много) переселений с места на место и из лавры в лавру, и ее жизнь продолжалась до такого бесславия, что в то время, когда весь царский город окружен был неприятелями и находился в осаде, она, заключенная в нем вместе с прочими, пережила всякое бесчестие, нужду и недостатки, даже до того, что и руки иноплеменников, врагов отца ее, пренебрежительно ее осязали⁴¹². О прочем я помолчу. Насколько кто достиг в царстве захваченной высоты, настолько больше (получит) бесчестия среди низайших. Явно, что за грехи родителей ее и всех ее родных она одна за всех перенесла всякое бесчестие. И пусть никто на основании здесь сказанного не предполагает чего-либо оскорбительного для ее невинности, будто бы это (случилось) по ее воле. Да не будет этого! Разве только после многого насилия — за прежние грехи ее родителей это допущено, а она была неповинна. Ибо она не знала и не понимала ранее, что такое плотский грех, потому что не слышала об этом со времени ее рождения, кормления и воспитания ни от старших, ни от низших, среди которых никогда не произносится никакое гнилое слово, а преимуществует только все особенно честнейшее и в делах, и в словах. И откуда можно было научиться ей другому, если не только она, но и ее служанки, от имеющих чины до самых последних, привыкли только к хорошему, а тем более дочь царя? Это все знают. Господи, сподоби ее за это бесчестие получить будущую вечную честь таким образом, как покупают вечную жизнь и праведники.

Обратимся опять к ранее сказанному.

Он (Лжедимитрий), отступник Бога, нашел себе и патриарха, не имеющего священного сана, по имени Игнатия⁴¹³, и посадил его на преосвященном великом престоле вместо существующего православно патриарха Иова⁴¹⁴, первого в России; сменив, он осудил его (Иова) на изгнание в один город. В скором времени привозится в царствующий город и сквернавица⁴¹⁵, обещанная этому сквернителю и нашему за грехи наши обладателю, посланным за ней одним из сановников, соучастником его, Афанасием Власовым, который чело-векоугодно ради гнилой чести от души и сердца служил ему⁴¹⁶. Богпротивно, однако в украшениях, в царских нарядах, она, как цари-

ца, подобно фараону на колесницах⁴¹⁷, со своим отцом привезена была в царствующий город; дыша еще в пути огнеподобной яростью ереси, она шла на христиан не как царица, а как человекоподобная змея, уподобляясь тем женам, о которых сказано в Откровении (Иоанна) Богослова: «Одна другую, нечестивая благочестивую, желала потопить водой из своих уст»⁴¹⁸. Но эта ехидна если и не водой, как та, но в крови потопила всю Россию, весь мир наш, — кто этого не знает? А привезший ее, участник в тайных делах его, Афанасий не по достоинству и несправедливо принял от пославшего его некоторый сан и двойное к имени прибавление чести: он поставил его выше всех, хранителем и распорядителем всех находящихся в кладовых царских украшений и вручил ему всю царскую казну. Его же, как видели некоторые, он (самозванец) назначил впоследствии и предшествующим себе, (дав ему) чин второго боярина, идущего с прочими пред лицом лжецаря; достойные высшего звания тайно и злобно завидовали чрезмерному, постоянно оказываемому ему (возвышению).

Вскоре после того, как нечестивая его супруга прибыла в царский город, злой участник ее скверностей, созвав собор православных, прельщает их лестью и, делая вид как бы справедливого совещания, лживо советуется с ними о крещении своей подруги. Он спрашивает: следует ли ей второй раз креститься? Этим обманом он, окаянный, вменяет ей латинское богопротивное крещение в истинное христианское рождение через купель, говоря: зачем ей второй раз креститься? Ясно, что он не хотел привести ее к истинному просвещению. Потом, когда, по соборным правилам, для суждения об этом пред лицом лжецаря в помещении его дворца сошлись все священные судьи, одни — немногие — из отцов справедливо не соглашались, чтобы она — непросвещенная — взошла с ним в церковь, — прочие же по слабости человекоутодия, сильно желая мирской славы, поддались ему, хромя, как больные, на обе ноги, не по-пастырски, а понаемнически прельстились и вместе побоялись и, повинувшись, допустили исполниться его воле. Видя это, и первые умолкли, так что слова незаконных пересилили, и все перед ним отступили; а не имеющий священства патриарх готов был весь ему (отдаться), так что и другие за ним соблазнились⁴¹⁹. А он, хищный волк, видя всеобщее бегство и нетвердое разумение, — они дали ему поступить по его

воле, захватить царство, — (понимая), что они не запретят ему также и в церковь войти с прочими нечестивыми, что и совершилось, — решает задуманное им вскоре привести в исполнение; он пренебрегает не только человеческим стыдом, но не ужасается, окаянный, и страха божия и в уме о нем не помышляет, думая, что Бог как бы не существует, «потому что безумный сказал в сердце своем: нет бога»⁴²⁰. Как будто в простой дом, в (храм) вседержавной нашей надежды и всемирной заступницы (он) вскочил, как пес с всескверною сукой, с множеством латынян и еретиков и дерзко воссел наверху царского престола. Тогда весь храм видимо наполнился подобными волкам еретиками, а невидимо — мрачным облаком тьмы — бесами, радующимися и обнимающими их. Думаю, что благодать божия отступила тогда, чтобы исполнилось сказанное: «увидите мерзость запустения, стоящую на святом месте»⁴²¹; читающий да разумеет. И видящим его тогда (он представлялся) ничем не меньше самого антихриста, недостойно сидящего на престоле, а не царем. Эта скверная дерзость преступления закона (совершилась) в день праздника перенесения честных мощей великого во святых архиеерея Николая Мирликийского⁴²², который не праздновался. Тогда совершались там беззакония большие, чем на празднике Ирода: воюя против Бога, (он) осквернил святыню, еретическими ногами попрал царское помазание и брак, так как его помазывали и венчали невидимо по своей воле бесы при отсутствии благодати⁴²³. О, твое долготерпение, владыка! Почему не раскрыла своих уст земля, как в древности при Дафане и Авироне?⁴²⁴ Куда тогда отошло твое долготерпение, где находилось незлобие и величие того, кого не может вместить вся сотворенная им тварь? Поистине ты, пресвятой Господи, есть сам себе предел и место, по (словам) богословов. Знаю, что долготерпение твое определило дать ему (самозванцу) выполнить всю злобу его желания, чтобы за это он сам себе устроил жесточайшую муку.

А он, развращенный, прожил незаконченный и прерванный срок своей жизни, предаваясь греху, во всяком блуде и беззаконии, как раб, и уподобляясь во всем скоту; как был он рабом, так и остался, потому что, пребывая во плоти, как в гробе, и всячески наслаждаясь, он и тени не показал образа царской жизни тех, которые до него справедливо царствовали. Свое существо он обнаружил своими делами с подобными ему в нравах советниками, обнаружившими свой младенческий

ум в делах, а не в годах; некоторые, преодолевая при нем из любви к временной славе свою глубокую старость, получив чрезмерные богатства и несоответствующие их природе чины, (проводили время) среди всяких мерзостей и музыки. Со своими приближенными, участниками во всех его делах, он жил мертвою жизнью, как богатый из притчи, каждый день веселясь великолепно и полагая, что жизнь его будет долгой. Он — недостойный — ради гнусных дел не по достоинству раздавал царские чины недостойным, не (согласуясь) с происхождением и возрастом, не по родству и не ради заслуг по службе, но (ради заслуг) весьма постыдных. Это было подобно тому, как пес, когда как-то случайно где-нибудь похитит не то, что свойственно его природе, а пищу царскую, бежит съесть ее в тайном месте, а другие псы, увидев эту похищенную им пищу, отнимают ее у первого и все вместе наслаждаются тем, что не соответствует их природе и, как несвойственное им, пожирают, разрывая на куски и кое-как, вырывая и отнимая один у другого и много теряя, причем один захватывает много, другой мало, так как известно, что всем им это не свое, — а за это прочие, обиженные, их грызут. Такое же толкование (можно приложить) и к сказанному, по (словам) премудрого: «как многоценные серьги у свиней в ноздрях», так и чины у недостойных; каков дающий, таковы и принимающие: ни дающий не понимает, что дает, ни принимающий не знает, а если бы оба понимали причину этого, не присваивали бы им несвойственного⁴²⁵. И Борис в таких делах немногим отличался от этого⁴²⁶; но закончим опять слово о первом. Хранилища всех ранее собранных царских сокровищ, даже до золотых и серебряных монет, увы, все он опустошил без порядка и рассмотрения не в меру расточительно, все считая за глину, а не за серебро, и раздавая драгоценности: ясно было, что он над ними не трудился; а их число невозможно выразить и многими десятками тысяч; думаю, что их количество превысит и множество песка. Этим он обогатил и землю богопротивных, а вместе и латынствующую Литву, оставив в казнохранилищах лишь малый остаток, и остановила его в этом только его смерть⁴²⁷.

Но, однако, царствующий над всеми не допустил ему целый год осквернять престол благочестивых, и величие гнева божия прежде вечного суда не стерпело множества его нечестия; хотя он и ушел тогда в царские (палаты), все-таки не избежал гнева от нелицеприят-

ного суда Христова и вскоре неожиданно уничтожен был с теми, которые были им возлюблены, но не со всеми. Когда весь народ, воздвигнутый богом, воспламенился, как огонь в Иакове⁴²⁸, и поднялась против него (расстриги) очень сильная буря, взята была от жизни неживая жизнь его и тех, которые были с ним, и «память его с шумом погибла»⁴²⁹, как сказано. И чудо! Так как Бог крепко удержал многих и (оставил) произнесенной весть, предупреждающую его (самозванца) о смерти, он — преокаянный — не мог узнать, что находится в мыслях у сговорившихся⁴³⁰, а если бы даже хотя какая-либо малая часть известия об этом не осталась тайной, был бы великий вред делу и возникли бы препятствия. Но человек не может воспрепятствовать божью совету, так как никто не может перемудрить его, когда сказанное должно исполниться. Такой замысел был скрыт и от него, и от любящих его, и стража его, ратники, заведенные им и поставленные около его опочивальни с блестящим военным оружием, чтобы охранять его жизнь и оказывать ему помощь, не смогли одолеть христиан, и многие из них побросали к ногам православных свое оружие, не употребляли его в дело, поняв, что на него изливается гнев божий⁴³¹. Кроме этого, с ним вместе погибла и противящаяся Богу Литва, посадившая его на царский престол, и войско, пришедшее с ним в наш царский город, среди которого было много благородных, лучших людей; как олово в воде, среди царского города все они сразу потонули, и ни один из них не спасся⁴³²; как в древности случилось с фараоном, так и среди нас теперь тот же Бог чудодействовал. Такой конец бывает со всеми, кто несправедливо восстает на землю православных, как и пророк сказал: «составили замыслы, которых не могли выполнить»⁴³³, и прочее. Так (будет) и теперь с некоторыми тайными замыслами неверующих против нас — когда всеведущий определит время, он не замедлит уничтожить их намерения, потому что он может (это сделать), если укротит ярость гнева своего против нас. Теперь же закончим ранее сказанное.

А мы тогда, думая отомстить злочестивым за свою гибель, увы, большой вред причинили этим Русской земле, так как Бог, очищая наши прегрешения, сохранил более лютый, чем они, гнев свой на нас за наши грехи: сами мы этим всю землю их против себя привели в движение. И если тогда на малое время мы порадовались их гибели, то с того времени и доныне много и неутешно плачем: мы вос-

пламенили сильный огонь и подвигнули их даже до того, что вскоре они пришли с многочисленным войском и пограничные наши города уничтожили и дошли до самой матери городов (Москвы), и все ее входы и выходы, устроив осаду, закрыли и надолго так оставили, и жилища себе около стен города на долгое время устроили, так как никто не мог оказать сопротивления их быстрому нашествию. Само же царя, который вновь незадолго до этого самовольно, хищнически, бесстыдно из боярского сословия вскочил на царство, — думаю, ясно, что не по божественному промыслу, как показал всем небесный суд в конце дел его, — ибо он царствовал нечестиво и мало времени, — его, князя Василия Шуйского, со всеми его воинами, как в худой клетке, в городе безвыходно заключили⁴³⁴. А потом (они) разбежались, как звери, и города и селения всей России не только мечом опустошили, но, предав различным видам смерти, до конца уничтожили весь народ; вообще говоря, не было места, где бы горы и холмы не поливались кровью правоверных, и долины, и леса все (ею) наполнились, и вода, окрасившись ею, стусилась, и полевые звери и птицы телами верных насытились, и где бы множество (тел) ими не было истреблено; а все оставшиеся, смешавшись с землей, истлели до всеобщего воскресения. Но меч гнева еще и доныне, перескакивая с места на место, отыскивает земные остатки, где что есть, и, не переставая, все уничтожает⁴³⁵. Часть верных, соединившись вместе с злочестивыми и с тем, кто вскочил без (божия) усмотрения, по разбойнически, на царство, давала злые советы во всем этом зле, о чем будет речь впереди. «Поставили себе князя, не спросив меня», — сказал Бог: «ты согрешил, — умолкни»⁴³⁶.

Поищем у себя и все усердно постараемся, прежде всего, уяснить то, за какие грехи, не бессловесного ли ради молчания наказана наша земля, славе которой многие славные злобно завидовали, так как много лет она явно изобиловала всякими благами; ибо согрешили (все) от головы и до ног, от великих до малых, т. е. от святителя и царя, от иноков и святых. И если кто захочет (описать) по порядку все злодеяния — как эти, так и те, которые могли разжечь против нее неизменное божие определение, — поставлен будет в затруднение, — какое из них могло раньше других возбудить ярость гнева у судии: от одного ли какого-то неистового греха, как от многоголового змея, могущего своею тяжестью заполнить место всех зол, или от всех зол

в совокупности, собранных в одно место, произошло все наше наказание? И если кто и начнет по именам их (злодеяния) исчислять или прочитывать и прочее, то, обессилив, бросит писательскую трость, не перечисливши по порядку всего множества злодеяний. Ибо многие (пороки) привыкли рождать подобных себе; таких было великое (число), но я здесь упомяну кратко только о самых важных, которые в настоящее (время) пришли мне на память.

Прежде всего назову необдуманную дерзость клятвопреступления при клятвах. О ней пророк, предвидя, сказал: «велика казнь огненного серпа для того, кто солгал в клятве»⁴³⁷; затем — богомерзкую и окаянную, безумную гордость, которую издревле Бог возненавидел: породивший ее денница (дьявол) был свергнут и упал вниз; затем — уклонение и отступление от истинного упорства и вместо него обращение к (упорству) лицемерному с его великой неправдой, соединяемой с наградами; еще — потерю между собой общего любовного союза; к этому — безмерное употребление вина и обжорство, и порождаемое ими пагубное невоздержание блуда, и их жало — содомское гнусное дело⁴³⁸, о котором стыдно говорить и писать, и слышать; особенно же — злопамятность по отношению к близким. К этому присоединю ненасытное сребролюбие и никогда не удовлетворяющие прибылью барыши, и карманы, не закрываемые для наград, не поддающихся исчислению; и самолюбивую ненависть к братьям, и охоту к похищению чужого имущества, и чрезмерное, безобразное хвастовство одеждою, и (приобретение) множества, больше чем нужно, различных вещей, по одному премудрому изречению, — что всякая гордость увеличивается при изобилии вещей, так как при этом свойственно бывает стремление присоединить к этим и все остальные, т. е. безмерное желание к первым (присоединить) средние, а к средним ненасытное старание (прибавить) последние и все прочее; читающий да понимает. И еще осталось последнее нетерпимое зло — самовольное оскорбление каждым при ссорах лица ближнего, именно — зловонное произношение языком и устами матерных скверных слов, ибо этим они не укоряемому досаждали, а родную (мать) оскверняли своими ругательствами. Земля, не терпящая (такого) зла, стонет из-за этого; а крепкая помощница в наших бедах, сильно гневаясь, оскорбляется и отвращает (от нас) лицо свое: когда о чем в молитвах воззовем, отходим от нея не услышанными и всего лишенными, так

как (она) от таких (как мы) затворяет двери своего милосердия и не ходатайствует о них перед рожденным от нее, — так тяжел этот грех. И так как не все и неодинаково с начальствующими совершали все эти преступления, — то и суд получают за них различный: одни — за то, что не наставляли подчиненных, а другие — за то, что не слушали наставления начальствующих, так как случайно делающим добро не обещали наград, а поступающих противоположно не устрашали муками. Но мы (в злых делах) сравнились с неверующими язычниками и (даже) превзошли их; в одном только мы являемся лучше их, — в том, что имеем у себя чествование и поклонение иконам и что не дозволяем себе нарушать с ними установленных у нас постов, но и это не все мы точно, как следует, (исполняем)⁴³⁹.

Думаю, что все ранее указанные пороки (появились) у нас от (потери) страха божия, от потери сознания своих грехов, оттого что сердце наше окаменело и мы не ожидаем над нами суда. Ради этого на нас, как знающих его (Бога) волю и не исполняющих ее, прежде всех народов пало гневное определение божие, и он наказаниями, как рулем, обращает нас к себе от уклонения с пути его. И действительно, если бы мы не смолчали, (предоставив) Борису всячески губить благороднейших после царей, подлинных великих столпов (бояр), которыми утверждалась вся наша земля, и не дозволили постепенно различными и всевозможными средствами всем понемногу овладевать, как евреи в Египте дозволили фараону убивать младенцев, а при Христе Ироду избивать их в Вифлееме⁴⁴⁰, то едва ли бы вышеназванный (Борис) осмелился на второе убийство, — т. е. (на убийство) нового мученика царевича Димитрия и на сожжение в это время поджигателями лучшей части всего царства (Москвы), чтобы все погоревшие среди своего плача забыли восстать на него за эту смерть, так думал он. Как некогда Ирод в Иерусалиме погубил всех вельмож земли⁴⁴¹ и сделал так, чтобы они не радовались его смерти, так же (поступил) и этот, соревнуясь с ним во зле. И если бы мы не допустили ему (сделать) ранее сказанное, не осмелился бы он и на третье, а именно: прекратить жизнь самого незлобивого царя Федора; и если бы этому неистовству его было оказано препятствие, он не простер бы безболезненно и бесстрашно своего желания до того, чтобы без стыда приступить к царству. Злодейство, совершенное над древними младенцами, не может быть сравниваемо с его бесстыд-

ством; тем более (нельзя сравнивать) его с теми, что смерть тех злобивых была дозволена убийцам ради выявления величия божьих дел, а теперь рассказанное нами (совершилось) не ради таких чудес: здесь эти события произошли ради предусмотренного (Богом) суда обоих — как дерзнувшего, так и попустивших ему. Именно из этого мы едва, — и то не все, — теперь узнаем, что Бог нас наказывает за все это настоящими бедствиями, по слову премудрого: «угроза» — сказал — «сокрушает сердце мудрого, безумный же, и будучи наказываем, не чувствует ран»⁴⁴², — так надо нам самим понимать это наше бесчувствие.

И если бы сначала нашим молчанием не делалось уступок ранее упомянутому (Борису), то он не уничтожил бы на земле всех благородных и все благословенные семена, малые и великие, без остатка, от головы даже до ноги; и тогда бы злой «львенок» и священно- и монахоругатель Гришка Расстрига, после него (Бориса), видя общую всем нам слабость и трусость, так же как сделал сначала и тот, бессовестно не вскочил бы на престол Богом помазанных (царей), и никто бы прежде него с такой смелостью не занял бы высшего места. Первый был учителем для второго, дав ему пример своим похищением, а второй для третьего и для всех тех безымянных скотов, а не царей, которые были после них. Каждая злоба является матерью второй, потому что первый второму подает пример и в добрых и в злых (делах). И если бы Расстрига не осквернил святынь, то и прочие не осмелились бы на дерзость первых, и многие бы бессмысленно, подобно скотам, не подражали бы этому; и если бы все ранее упомянутые не осмелились с бесстыдством занимать все царские должности, то и другим не указали бы путь к этому, и многие невежды не осмелились бы так же по городам и иным местам присваивать себе имена господ; вместо чистой и зрелой пшеницы на этой земле они как бы хотели вырастить ненасеянное терние и этим пустым и богохульным посевом старались подавить говорящие о Боге семена. И если бы не было таких, то не присоединились бы к ним, ради скверной прибыли, и служащие им их соучастники из знатных, чтобы вместе с ними опустошать землю и получать от них на время различные чины.

И если бы этого не было, то иностранцы все вместе так бы не радовались у себя несчастному разделению нашей земли; и если бы этого не было, то мы не призвали бы ранее этого еллинов (шведов) —

врагов своих, исполненных козней и старой злобы, чтобы оборонять Русскую землю от таких же противников, как и они. Кто так безумен, как мы? От века не слыхано, — волков от овец волками отгонять; известно, что они по природе такие же и (пришли) в землю нашу не оборонять нас от прочих (врагов), щадя овец, но чтобы самим больше тех насытиться овцами, что и было. И если бы этого не было, то враги не вступили бы в нашу землю, как было прежде при истинных самодержцах; и если бы этого не было, то вся земля Российская не была бы окончательно разорена, будучи в плену у иноверных; и если бы этого не было, то еще ранее находящаяся в союзе с католиками Литва не окружила бы и не измучила бы долгой осадой голову и сердце всего царства, город Москву, придя и (взяв) ее руками как орлиное гнездо. И если бы этого не было, то эти злодеи не поселились бы внутри этого великого города, обольстив всех клятвой, и не овладели бы нами на долгое время, до тех пор, пока не собрались из наших же (различных) мест, куда их ранее повсюду разогнали волки, малые остатки людей, которых Бог чудесно, как кропило, собрал вместе и, ободрив, направил на тех⁴⁴³ и, напугав ими гнездившихся внутри города змей, заставил их уползти неизвестно куда; тогда освобождавшие вступили во владение городом и достойно, хотя и опустевший, приняли его.

И если бы не было всего сказанного, то начальник всех отцов⁴⁴⁴ не умер бы в изгнании насильственно; его душа не вынесла множества несчастий, и этому не помешала храбрость оставшихся; о нем немного было сказано ранее, выше, в первых (рассказах), он достоин похвалы не от людей, а от Бога. И если бы не это, то не уничтожил бы огонь, по приказанию поджигателя, весь царствующий город⁴⁴⁵; и если бы этого не было, то наполненные сокровищами казнохранилища царей, собираемые от поколения в поколение, не были бы лишены совсем всех царских драгоценностей, которые были перевезены в землю одолевших; и если бы не это, то мы не искали бы себе со смирением еще и помощи у (других) стран. И если они сейчас и кажутся людям умиротворителями, то в действительности радуются нашей гибели вместе с нашими врагами и смиряют врагов наших не даром, но хотят взять с нас за это немалую плату. С пленившими нашу землю они во всем одинаковы и в злобе нисколько не меньше тех: как те (враги) разорением, так эти усмирители вымоганием платы за мир — каждый из них одинаково — разодрали ее (нашу землю) на части. Но что удив-

латься чужим, если и одинаково с нами верующие, но ненавидящие мир вместе с этими радуются нашим несчастьям; ввиду скорого окончания их теперешнего полного благополучия, они отговаривали их (врагов) от заключения мира; уверившись, что вскоре их жизнь переменится от добра ко злу, они думали продлить приятную для них жизнь отклонением мира⁴⁴⁶. Возвратимся к ранее сказанному.

Так называемые «миротворцы» пришли сюда не примирять нас с нашими врагами, но под видом мира тайно совещаться о (причинении) нам зла; распуская, как дым, по воздуху ложный слух о мире, они слова свои о нас распространяли по другим странам, но это была неправда, потому что мы не были обмануты надеждой на них. Благодаря им мы надеялись получить некоторое облегчение от налагаемых на нас тягот, но неожиданно, подняв голову и едва осмотревшись, мы по отношению к ним проснулись, а позже узнали из поступков и их обман. С их приходом сюда владевшие нами причинили нам больше зла, чем было прежде до них⁴⁴⁷. Даже и церковные колокола, от которых распространялись звучные святые призывы, созывающие православный народ на пение и возвещающие людям в церквах божьи слова, как будто с того берега Иордана, называемого рекой Волховом⁴⁴⁸, — у всех церквей подряд с устроенных для них мест (колоколен) были спущены вниз для того, чтобы они, как безгласные трубы, совсем не давали звука. Немного ранее того, когда их здесь не стало, и слитые из меди невыносимо тяжелые стволы стенобитных машин с прочими к ним прибавлениями (были отобраны); ранее помянутые следом за этими, те и другие орудия — и церковные и городские — отосланы были ими в свою землю. Увы! Плач! Тяжесть одних подняли корабли, другие были (увезены) на снях по гладкому зимнему пути, когда никто им в этом не препятствовал. Оставшийся же во мне простой народ, всех рабочих людей, окончательно обратили в рабство невыносимым увеличением работы и так жестоко с ними поступали, что сокрушали палками их голени. Одинаково с этими и честные священники и начальники над монахами в великих лаврах, которые после архиерея занимают первые места, ради денег бесчестно подвергались болезненным ударам, более чем их послушники, так что долгое время они не могли встать на обычную для них молитву. Слыша об их беде, а иных и видя, честный митрополит⁴⁴⁹, как отец о детях, разгорелся соболезнованием и нестерпимо страдал, посто-

янно видя пред глазами своих детей, так немилосердно подвергаемых ударам от волков и псов. Многие иноки и миряне, не перенеся тяжких мук, в этих муках и умерли. А поедающие — от кого кормились, тех и пожирали, питаясь как бы от кротких овец молоком и согреваясь их шерстью, однако ради этого их не щадили. При этом некий самозванец, новый отступник от Бога и правой веры, который получил себе имя и природный нрав от лающих и кусающих людей (собак)⁴⁵⁰, приняв название в соответствии с поступками, так как дела его не различались от прозвища, — в согласии с пожирающими моих словесных овец, яростно напал (на них) и более других показал себя всем как одного из ревнителей зла; но в то время как они угрызают тайно, он — явно и безумно; он и они в злых делах немногим чем отличались злобою от самих бесов.

Многие же из нас, как теперь слышно, так рассуждают о бывших и совершаемых нами грехах: они считают во всем виновным божий суд и не смотрят на свою греховную слабость, говоря, что если бы не было воли божией на все случившееся с нами, то как бы нам можно было сделать то или это? Они забывают сказанное, что бог действительно все может, но хочет, чтобы мы делали (только) доброе и благое, и что «он не искушает злом, и никого не искушает»⁴⁵¹. Если бы всякое преступление, как они думают, (совершалось) по божьей воле, тогда бог не давал бы закона о добрых (делах) и не запрещал бы злых; тогда не был бы осужден Ирод за убийство Ивана (крестителя)⁴⁵², но он обличен был и за то, что непристойно клялся; в безумии они самого законодателя называют разорителем его же закона. И если мы самих себя считаем неповинными в этих (грехах), то за что же столько уже лет и доньше, не отдыхая, поражает нас меч гнева божия? Забывшим, кто из нас и как виновен пред Богом, лучше прекратить такие хульные слова на Бога и со многими слезами просить прощения, чтобы ради нашего греховного бесчувствия он, кроме этих наказаний, не послал еще каменный дождь и на нас, как на Содом с другими около него бывшими городами. <...>

[V]. ЦАРСТВО ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКОГО

В последние годы текущего времени Шуйский, по имени Василий, называемый царем всей Руси, сам себя избрав, сел да престол имевших верховную власть, первых самодержцев, думаю без божия избра-

ния и без его воли, и не по общему из всех городов Руси собранному народному совету, но по своей воле⁴⁵³; (это совершилось) с помощью некоего присоединившегося к нему ложного вельможи, совершенно худородного Михаила Татищева⁴⁵⁴, согласного с ним в мыслях, непостоянного в делах и словах, хищного, как волк, который от первого в России царя-раба Бориса за некоторую тайную и богопротивную ему услугу, не по личным качествам и не по достоинству, был возведен в звание члена боярской думы. Когда-то прежде, ради получения сана и чести, угождая любителю власти и своему первому царю Борису, он наносил обиды и даже при всем народе бил этого в начале названного Василия, о котором здесь говорится, в этого же Василия всенародно бесчестил⁴⁵⁵. Теперь он лъстиво хотел заглавить эту свою прежнюю вину, но однако в этом не успел. Этот вышеупомянутый Василий, без соизволения людей всей земли, случайно и спешно, насколько возможна была в этом деле скорость, людьми, находящимися только тут, в царствующем городе, без всякого его сопротивления, сначала в собственном его дворе был наречен, а потом и поставлен царем всей великой России. Он даже и «первопрестольнейшему»⁴⁵⁶ не возвестил о своем наречении, чтобы не было со стороны народа какого-либо возражения, и таким образом посчитал тогда святителя за простолюдина; только уже после объявил он ему об этом. Почему он мог так бесстыдно поступить по отношению к тому? Потому что никто не осмелился помешать ему или противоречить в таком великом деле. Но (зато) более поспешным и вдвое бесчестнейшим было низвержение этого «самовенчника» с высоты престола⁴⁵⁷, — об этом после, в другом месте, еще и пространнее будет речь. В этом для имеющих ум — рыдание, а не смех; для неразумных же и для неукротенных врагов земли Русской это было (поводом) к великому смеху.

Не говорю о прочем, — как беззаконно, будучи всячески нечестив и скотоподобен, он царствовал в блуде и в пьянстве и пролитии неповинной крови, а также в богомерзких гаданиях, которыми думал утвердиться на царстве, а вернее ради этого царствование его и было кратковременным. Хотя и был он сродни «перводержавнейшим», но родство с ними ничем не помогло ему в утверждении на царстве, так как он жил неблагочестиво, оставив Бога и прибегая к бесам. Он тайно устроил для постоянного пребывания гадателей в царских по-

коях особенные помещения ради непрестанного ночью и днем с ними колдовства и совершения волшебных дел, которые несвойственны христианам, а тем более — царю⁴⁵⁸. А прежде, когда он был в высшем правительстве, среди прочих своих сверстников и стоящих с ним в одном чине он был выдающимся первым советником и первым указателем в собрании всего синклита о всех, подлежащих управлению, мирских делах; когда же неразумно привязался к плотским страстям, тогда и умом развратился. Кто не посмеется его последнему безумию? Когда земля всей России взволновалась ненавистью к нему потому, что он воцарился без согласия всех городов, — незадолго до приближения к престольному великому царствующему городу врагов, которые (должны были), окружив, подвергнуть его осаде, — он тогда собрался совершить свое несвоевременное дело, т. е. заключить брачный союз, что и сделал⁴⁵⁹. Не следовало ли тогда прежде всего успокоить всю землю от волнения и непоколебимо утвердить себя, восшедшего на такую высоту, и такой город — корень всего царства и главу всех — со всеми в нем (живущими) и себя не дать в осаду врагам и от ожидаемых осаждающих его освободить, а потом уже заботиться о женитьбе и совершить ее прилично, живя в тишине и почивая в полном покое, без какого-либо сопротивления, а не в страхе? — Страх после и был. А за много лет собранные, — дивные и превосходные драгоценные царские вещи всех прежних российских государей, царствование (которых) поистине достойно было удивления за их славу, — все эти сокровища он расточил и истребил с теми, кого возлюбил. Ради этого поистине его нельзя назвать и царем, потому что он управлял по-мучительски, а не по-царски⁴⁶⁰. Боже, суди его за дела его! Над его безумием и неверующие смеялись и смеются, но в последний день (день суда) думаю, пред всеми неверующими больше всех Бог посмеется ему; «срубит головы грешников» не чувственным мечом, но приложением мучений, по писанию⁴⁶¹. Он, растленный умом, царь по собственному умыслу, до верха наполненные сокровищницы прежних царей так опустошил, что при его скотской жизни их ему уже было недостаточно, и он, нечестивец, не постыдился перелить в деньги на потребности своего распутства (отобранные) в соборах и святых монастырях по всем городам своего царства священные сосуды, которые даны были прежними царями и их родными на вечное поминовение в память их душ, допустив обман, что

будто бы (это) он сделал ради выдачи воинам годового их жалованья, так как все действительное их жалованье, назначенное для этого прежними царями, все деньги он ранее прожил с блудницами⁴⁶². А о бесчестном низвержении этого «венценосца» подробно будет сообщено потом.

Вышеупомянутого же Михалку, который способствовал этому Василию (достигнуть) царской власти, после своего воцарения он (Василий) в действительности осудил в изгнание в мои пределы (в Новгород) и лестью поручил ему здесь управлять мною, дав ему звание второго начальника военных сил, хотя тот и не хотел этого⁴⁶³. Итак, этот возводитель к помазанию на царство не получил никаких ожидаемых благ от возведенного на неожиданно полученное царство и (ничего) не приобрел, потому что первая (нанесенная) им тому сильная досада превозмогла возведение на высоту престола, как в некоторых смешениях сила горечи преодолевает сладость. Когда прошло немало времени, тот (Михаил) очень старался опять (возвратиться) из изгнания в царствующий город и прежним способом, некоторыми своими злоухищрениями, добиться приближения к царю, достигнуть первой чести или даже высшей, чем эта, и в синклите сравняться с первыми после царя (боярами); из этого его стремления ясно видно, что он был низкого (звания)⁴⁶⁴. Думаю, что, возвратившись, он какими-то хитростями старался низложить и самого своего царя, которого посадил (на престол), надеясь на основании прежнего, что как он мог посадить его на престол, так — полагал — он может его и низложить, опираясь на свои хитрости, вспоминая удачу своего тайного заговора, чтобы покончить с Расстригой, и по тому же образу при ближайшем своем участии свершить другое свое подобное же тайное дело⁴⁶⁵. Однако не достиг (этого), и превозносившая себя гордость была посрамлена, так как и первую честь он получил недостойно⁴⁶⁶, не ради действительных заслуг, а потому, что это допустили противники. Прежде, пока ненастоящие цари нами не обладали, от истинно самодержавных и наших природных царей никто, из низкого рода происходящий, такой чести никогда не получал; не по природе дана была первая честь и ему, а благородные, если и видели что-либо не по достоинству (совершаемое), не захотели даже и словом сопротивляться царской воле, между ними не нашлось ни одного мужественного. Но если бы они были и не так боязливы и малодуш-

ны, — истинные наши цари прежде их знали, какому сословию и какую честь и ради чего давать, а не людям низкого происхождения. А чего он теперь надеялся достигнуть, того не получил, а достиг того, чего и не ожидал: потому что, по повелению одного неожиданного им придворного, царского племянника⁴⁶⁷, незадолго до этого присланного тогда царем в мои пределы, в кровавом убийстве, совершенном руками многих из моего народа, он внезапно и ужасно насильственно изверг свою душу, и все члены тела его вместе с одеждами и оружием были раздроблены на части. Вину его вслух всем людям объявил сам великий (Скопин-Шуйский), и весь народ громко воскликнул: да извергнется такой от земли и нет ему, говорили, части и удела в нашем владении. Они без милосердия сбросили его в воды быстро текущей реки на съедение бессловесным рыбам, так что он не удостоен был тогда и погребения. Было ли ему, незадолго до этого, при торопливой исповеди у отца духовного, от имеющего власть что-либо отпущено из сделанных им грехов и принял ли он как-либо «святыню» (причастие), — об этом, действительно ли так было, хорошо знают, кроме нас, те, которые тут находились. Однако смерть ему внезапно и сразу приключилась, как рабу, подобно Расстриге, за какое-то сверхъестественное его зло и по вине богопротивной свирепой злобы его, которая была больше всех известна одному его повелителю, поэтому и Бог допустил ему (повелителю) совершить над ним здесь (это) страшное дело (убийство)⁴⁶⁸. Все награбленное им имущество, собранное в моих пределах ради суетного обогащения, как прах, было развеяно по воздуху, и не только (это), но и схороненное где-либо в различных местах; да и то, которое в царствующем городе в тайных местах было положено, не утаилось от царя благодаря посланным отсюда сообщениям. Такова кончина высокоумных и имеющих о себе высокое мнение гордецов: явно, что тем, которые надеются на себя, а не на Бога, праведный суд (божий) не допускает делать то, что ими задумано, и его недремлющее око предупреждает задуманное, по писанию: «то, что готовит сердце его, слышит ухо божие»⁴⁶⁹; у гордых нравом, которые замышляют нечто богопротивное, как и прежде, Бог ломает рога величания и всячески препятствует самонадеянным в их коварстве. Некто дьяк («самописчий»)⁴⁷⁰, который тому вселукавому⁴⁷¹ был некогда в делах непрременным лукавым собеседником и (который был) подобен ему во всем, — он же,

(этот дьяк), прикрывая свою лесть, искренно и тщательно постарался против него у имеющего власть и был немалым советником и подстрекателем на его убийство. Об этом (все) быстро узнали перед многими свидетелями, от самого повелителя убийства в тот же час, после возвращения великого (М. Скопина-Шуйского) с народом от (места) кровопролития, где-то в притворе церковном, который был домом его жительства. — Тайную его пищу тот (Скопин) явно при всех бросил (?) ему в лицо, когда (он, как) имеющий власть, быстро сообщил отсюда царю в срочных письмах через гонцов о смерти убитого. Очевидцы этого и сейчас еще не все умерли, хотя и находятся не в одном месте. И если он (дьяк Телепнев) и не убил того руками, то тайно (убил) его ложными доносами «великому» и движением языка и уст, ибо он был злонравен и злопамятен, хитер и самолюбив; по мнению некоторых, он и к убийству того (Скопина) был причастен.

Я не могу указать место, которое занимала рать противников и где близ царского города при осаде находились их станы; не имею возможности рассказать и о том, как случилось, что язычники оттуда без труда вошли в самую мать городов (Москву), которую они сначала, несмотря на многие труды и хитрости, долго не могли занять, и о том, как там внутри находящиеся и одинаково с нами верующие заключили с этими инославными общенародный договор об управлении землей⁴⁷². У всячески оскорбляющих крест какая другая клятва, помимо этого, в клятвенных делах может дать утверждение? Не может (никакая). Кроме этого, еще и о низведении с высоты престола в ничтожество главы всего царства, самого царя, и о достойном жалости, скором, бесчестном и полном, подобном (разлуке) горлиц, расторжении его супружеской жизни, как бы смертью расколотой надвое, и после вольного царства о его невольном монашестве⁴⁷³, и вместе с этим о внезапном лишении всей верховной чести, и об уводе его (Шуйского) в плен, и о нанесении ему там крайнего бесчестия и срама и, увы, о возложении всего этого срама на царский венец⁴⁷⁴, — обо всем этом мы, запертые здесь в плену, как среди стен во мраке, были не осведомлены⁴⁷⁵; только немного что, не всегда правильные и несогласные слухи доходили до нас, как бы по воздуху через стену, и то если случайно до наших ушей долетит какое-либо слово, так как запоры были крепко заперты; поэтому и не было нам никакой воли. Мы просим, чтобы читающие это не подвергли нас строгому допросу

за сочинение об этом повествований, по поводу справедливости описания каждого отдельного события, как и за прочее, где мы окажемся недостаточно способными, чтобы подробно изложить события и раскрыть их правильными словами; за это мы тоже просим прощения и разрешения, потому что по природе страдаем недостатком понимания. И хотя мы и не способны на то, чтобы подробно рассказать словами в письме о совершавшихся событиях, но я не могу их миновать, не оплавав разнообразно, равно как и их изменение от славы в бесчестие, которое если и не ясным слогом (рассказано), но унижительно по всему. Но что оплачу сначала? Самого ли царя или его царство? Необходимо разделить поровну плач между обоими: царем и его местом, но не оплакивать одно без другого, ибо как душе нельзя содержаться в видимом (мире) без тела, так и тело без души не в состоянии двигаться. Увы! Царь, носивший венец всего Российского богу любезного за благочестие царства, наделенный всецело по образу божью властью и почтением, Богом поставленный на всю жизнь для нашего общего управления и утверждения, вся наша сила, наш руководитель и опора полной для всех защиты! Если что-либо бесчестное о нем в этом сочинении мы где-нибудь и сказали, что допущено было им в делах его непристойного, то там указано действительно неподобающее, ему одному свойственное, здесь же истинно следует сказать о нем и сочувственное (слово). Но если он чем и виновен в совершении грехов, — престол (царского) места не заслуживает за это осуждения, так как это место чисто от грехов; наказание следует одному лишь соблазняющемуся, который на святом престоле сидит не как должно. И эта речь ведется здесь не ради чести только одного этого, теперь воцарившегося, но и ради предшествовавших ему подлинных царей, занимавших это место на престоле достойно и умерших, о чем ранее здесь рассказано, — и ради самого этого престола, как одушевленного, ради оказания ему чести, так как он был для всех и прежде него бывших царей таким же заслуживающим высокой чести «первоседалищем». Об этом достаточно. Дальнейшую же речь закончим с сердечным сокрушением, как будто осуждаемый находится здесь лично. Как не иссохли предавшие царя руки, осмелившиеся по бессмысленной дерзости безрассудно коснуться твоей высоты? Как не постыдились глаза дерзких священной чести твоей славы? Ибо тебя, как Бога, вся тварь после Бога почитает со страхом

и молчанием и, как ему, покорно служит, не смея ослушаться повелений создателя; к венцу твоему ради данной тебе богом чести патриархи и все верховные святители приступают со страхом и благоговением, будучи сами совершенно недосягаемы. Но что? И равные тебе (цари), оказывая тебе честь, приносили тебе через послов дары, как восточные волхвы Христу⁴⁷⁶, и все, приглашаемые отовсюду, от конца небес до конца их, приходя в нашу державу не по своему желанию, а посылаемые Богом, оказывали вам в течение многих лет честь, согласную с божьими повелениями, ибо честь их превзошла славою всех на земле. Если царь по своей природе и человек, то по достоинству власти приближается к Богу, который над всеми, потому что вышших себя на земле не имеет.

О том же царе Василии Ивановиче

Рабов же, которые дерзнули коснуться того, чего нельзя было касаться, пусть судит (Бог) в день суда над ними. А все те, которые тогда тут случились, кто по божьей воле считал себя великими столпами, а также и весь смотревший на это народ, — какой дадут в будущем ответ за то, что допустили дерзким невеждам причинить эту досаду чтимому Богом венцу и месту? Хотя сами они и не были вовсе ни соучастниками низвергающих его, ни одобряющими этих низложителей владыки, но все же они были очевидцами и зрителями этого бесчестного низведения, не говорю — извержения, и могли остановить осмелившихся на такое предприятие, но не остановили, даже и сочувствовали им, придумывая ему вину в его грехах. Но если он, царствуя, некогда проводил и грешную жизнь, честному венцу что до этого? И святителями неоднократно иные грехи совершаются, но церковь от этого не делается виновной, как и они, ибо она от человеческих страстей не темнеет, но всегда пребывает в свойственной ей светлой чистоте и молодеет; то же самое слово относится также и к носящему царский венец и к царскому престолу. Зачем с тем (с Шуйским) обвиняли и непорочное, зачем бесчестно соединили с виновным неповинное? Лучше бы было недостойное восполнить от весьма достойного, как кое-где мудрые ради души щадят тело, и подобное этому, — нежели достойное из-за недостойного так лишать всякой чести. Когда он поставлялся для нас царем, все о всех знающий и его всевидящее око не были неосведомлены о нем и о его делах прежде

его намерения совершить их; и лучше бы нам все это отослать на суд его (Бога), чем мстить самим за себя. Если он это допустил, то может и окончательно угасить все наше бесчестие, которое чрез людей распространилось в языческих странах от востока и даже до запада. Известно, что это бесчестие и слух о том, на что мы дерзнули, разгорелся к нашему унижению и стыду там среди многих племен неугасимо, подобно великому пламени. Один только повелевающий ангелами, тот, кто мановением приводит к жизни всю тварь и, если нужно, утишает ветры, кто разносит по воздуху облака, кто погасил неугасимый пламень вавилонской печи⁴⁷⁷ и (творил чудеса) еще более удивительные, — может, если захочет, погасить этот огонь. Готовый к полезной перемене, он, обновляющий образ Адама⁴⁷⁸, может лишенное славы опять привести к первой и даже большей славе. <...>

Когда же годы шли к концу⁴⁷⁹, и поскольку наши властители начали переменять древние законные, переданные отцами благоустановления и изменять добрые обычаи на новые, противные, постольку и в повинующихся рабах естественный страх повиновения владыкам начал оскудевать, умаяясь так же, как и земля теперь своим плодородием во многом несравнима с прежним урожаем семян. Всякое излишество и скудость добра и зла бывают хорошо познаваемы от дел, а не от «темных недр» (неясных внутренних причин), как и в других (случаях). Властители захотели охотно склонять свои уши к лживым словам наушников, как в ветхом (завете) прабабка всех Ева со вниманием склонила свой слух к змею-соблазнителю⁴⁸⁰, из-за чего вскоре и огорчение получила, ибо тотчас же муж и жена осуждены были на общее бесчестное из рая изгнание⁴⁸¹, — и недуг лжи и горький плевел терния, распространяясь среди всего царства, умножался, перерастая колосья истинной пшеницы. Ибо люди своими языками, как мечами, убивали, потому что они, (пользуясь) любовью тех, кто их слушал, весьма возносились над правдою в своих туманных похвалах, а (власть) имевшие никак этого не понимали, пока не пожали плод этого зла и не связали в снопы, чтобы положить их в принадлежащие им житницы, — тогда только они хорошо поняли их вкус. А после, в наставшее время, то же и у других стало матерью всякого зла: многие рабски послушные стали малодушными и боязливými по своей природе, на каждый час изменчивыми, очень неустойчивыми в словах, ни в чем твердо не убежденными, непостоянными в делах и сло-

вах, во всем вертелись, как колесо, друг другом защищаясь от случайностей. <...>

Все у всех начало совершаться против установленных прежними царями законов; малые стали одолевать великих, юные — старых, бесчестные — честных и рабы — своих владык. И вообще все честное всячески переменяется на бесчестное, а бесчестное, наоборот, — как в несвойственную и противоестественную ему ризу, в честное оделось. И как видимая в ноздрах свиньи дорогая серьга, так же должна рассматриваться и находящаяся в недостойных руках власть начальствования, и тот, кто ими (недостойными) прежде повелевал, теперь, напротив, стал подчиненным и господин стал стоять перед рабом подобно тому, как если бы нога была увенчана, а голова смирилась, и нижнее было бы (поднято) вверх, как на престол, а верхнее (высшее) оказалось внизу, ибо первые (правители) возводились (на престол) Богом данными царями, а нынешние — богомерзкими врагами. Да будет понятно имеющим ум, что серебро, небрежно валяющееся под ногами, не смешивается с нечистотой, и золото, зарытое в навоз, не утрачивает своего свойства в тине, а пыль на лице не может называться многоценным бисером, если даже и примет на короткое время незаслуженную честь. <...>

В подобное время всяческое бывает: ибо (есть) время одолевать и время — быть побежденным. Немалая вина в запустении нашей земли лежит на многих наших купцах, которые в торговле были обременены большим имуществом. Они ради своих сбережений и увеличения прибылей часто вступали в союз (сделку) с овладевшими нами чужеземцами и с теми, которые посажены были от них властителями, и с «языковредными лжевоинами»⁴⁸². Явно, а более тайно сходясь, заседа с этими и советуясь, они заключали многие соглашения об истощении земли православных, — как бы и когда, и какими прибылями им каждый день и час обогатиться.

Все наши, нисколько не боясь ни Бога, ни царя и не стыдясь людей, добровольно наполняя руки врагов всякими советами, а также и свои пазухи обогащая господским именем, своим содружеством с теми свою родную и одинаково с ними верующих землю окончательно и без остатка опустошали, и прилагая к злу всякое зло, соглашались на всяческие измены и различные советы, на полное со злобою творимое изнурение земли, чтобы торговцы с ложно называемыми вои-

нами при их злобе в целости сохранили свои приобретения от иноверных, а злые начальники еще сильнее утвердились в начальствовании, благодаря тому же поданному им совету на зло; чтобы все они вместе со своими богатствами остались невредимыми, — что и было, ибо они свою корысть поставили выше веры. <...>

О царе же Василии Ивановиче

В годы, когда прекратился со смертью предел жизни царствующего над нами Бориса со всем его родом и когда поражен был гневом ярости господней и убит рукою народа в царском (городе) Богом попущенный нам Расстрига за то, что вместе с именем (Димитрия) так недостойно наследовал такое место, — после них тотчас же зависть к царствованию возникла также и у царя Василия, и, как стрелою подстреленный властолюбием первых, он поступил еще более дерзко, чем те двое: весьма неосмотрительно и спешно сел на престол, так как не был искусен в этом. Он создал себе дом и не углубил его в землю, но основал его только на песке, как это показал конец его, по слову самой истины⁴⁸³: «разлились реки и подули ветры, здание сильно заколебалось и житель его пал»⁴⁸⁴. Он поднялся внезапно и по собственному побуждению и без согласия всей земли сам поставил себя царем, и все люди были смущены этим скорым его помазанием (на царство); этим он возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. Отсюда, после первых (захватчиков), началось все зло на Руси и стали происходить в земле многие нестроения; именно — по всей земле нашей (началось) непослушание и самовластие рабов и осада городов⁴⁸⁵, так что свои, одной с нами веры рабы, придя войском к матери городов (Москве), этим своим приближением к стенам города изменнически оказывали презрение самой главе царства, а новоцарившийся (Василий Шуйский) со всем своим родом был ими заперт и затворен, как птица в клетке. Там тогда находился и я, «мухоподобный»⁴⁸⁶, среди многих тысяч людей, в звании подобных мне и носящих то же имя (дьяков), поставленный тогда охранять некоторые повеления царской воли. Когда же натиск осаждающих город немного ослабел, тогда угодно стало царю, а вернее Богу, чудесно промышляющему о своих творениях, — как о том (царе), так и о всех прочих, — по своему желанию, а не по моей воле, милуя, послать меня в город, который в царских титулах, читаемых в офици-

альных бумагах, (стоит) на третьем месте, повелевая (мне) начальствовать вместе с первым (начальником), раньше меня туда прибывшим, управляя вместе с ним городскими делами⁴⁸⁷.

Когда происходили эти, наступившие тогда, события, когда приближалось неведомое время исполнения неизменяемого людьми совета божия о нас, исполненного гнева господня, и вместе с этим готовился суд его над нами, — тогда начали происходить в нашей земле еще большие нестроения: неожиданно пришли из своей земли под мать городов — Москву «богопротивные» люди, все латины, и осадили всех находящихся вместе с царем в городе жителей, как некогда в древности при Ное вода потопа внезапно пришла и затопила (землю)⁴⁸⁸. По всем городам умножились злые начальники и самовластие; из-за неустойчивости власти царя люди беспорядочно неистовствовали, и море житейское неукротимо волновалось; тогда среди людей пылал разжигаемый яростью лютый пламень гнева. Поистине, как огонь, пылая многие годы, он обратил все в пепел, как об этом многословно было рассказано в полном сочинении. А мое возвращение отсюда назад в славный город (Москву), откуда раньше я сюда приехал, задержалось здесь и надолго замедлилось из-за скудости имеющихся у меня необходимых для выезда средств, — так что я дождался того (времени), когда великий город (Новгород) был взят и порабощен еллинами (шведами)⁴⁸⁹. Таким образом из-за нашего общего рабства и работы на них увязла там, как в сети, моя нога, и выйти из города вон раньше, вместе с другими, я не имел возможности... <...>

Когда же зло в земле начало понемногу прекращаться, и в великом городе безбожники все свои злодеяния уже совершили: святыне церкви разорили и все великие и малые обители иноческие растащили до основания, а их сокровища, которые принадлежали городу, и все имущество его жителей беспощадно похитили, а их (жителей) голени ради денег истолкли ударами палок, а множество больших орудий, которые во время войны охраняют и обороняют город и при выстрелах тяжелыми ядрами разрушают стены противников, со всеми (необходимыми) для них принадлежностями отослали в свою страну и увезли с собой, — я после этого общего разорения всего города впал в огорчение и, видя и слыша кое-что о таком же повсеместном несравнимом запустении, опечалился, размышляя сам с собой:

как (могло случиться), что так недавно существовавшая невыразимая словами красота такого города и всего, что было в нем, о которой мы думали, что она будет пребывать вечно, до того времени как все стихии растают (от огня), — как будто в один час разрушилась и теперь кажется нам как бы совсем не бывшей и не существовавшей? В течение многих дней постоянно не переставал я размышлять в уме своем о таком разорении города, не откладывая (этой мысли) и сохраняя в себе, и ходил как умалишенный. А что сказать о самой главе царства и всей земли? Часто приходила мне и волновала меня обольщением мысль, всем подобная облаку, скоро и высоко летящая, как птица по воздуху, своим колебанием приводя в смущение непостоянство моего ума и, собираясь в природной его клетке (в мозгу), не давала ему даже часа успокоиться от соблазна. Она, как пальцем, тыкала меня в ребра, принуждая меня, недостойного, и подучивая не на полезное, — на то, чтобы я позаботился хотя немного что отчасти написать о нынешних божьих наказаниях, которые совершились в нашей земле; она постоянно побуждала меня к этому и неотступно напоминала, так что при моей слабости не мог я отогнать ее беспощадную докучу. Много раз, как бы споря с ней, я выставлял перед ней все невежество моего малого учения, а к этому и засилие неправославных, которое, благодаря осаде города, причиняло всем пленным неизбежную нужду. Кроме того, я напоминал ей и о подозрениях единоверных, и об удерживающих (меня) замечаниях многих из них; ибо я знал таких, которые, как бы по природе, привыкли неудержимо позорить других, явно (затем), чтобы из своего к ним презрения найти вину в чужих грехах, вместо того, чтобы думать о своих недостатках, считая себя как бы бесплотными и во всем непорочными. Да не положу, — говорил я ей, — преткновения для соблазна брата и не буду причиной прегрешения его; и опять я указывал ей на мелкость моего ума, чтобы не исполнилось и на мне сказанное: «вот человек начал созидать и не мог совершить»⁴⁹⁰. А она не принимала моего отказа, и насколько я ее отгонял, настолько она беспощадно на меня наступала. Я указал на неудобство моего одиночества, я говорил ей всячески, что нашел только на словах сочувствующих мне в деле писания, а не в работе руки: чтобы написать тайно обдуманное, когда обмакивается перо и трудолюбиво движется по бумаге, — в этом не было мне ни одного помогающего, но, как пишут: «жатва настала

многая, а работников мало»⁴⁹¹; и я молился господину жатвы, чтобы он послал работника на жатву, но, однако, услышан не был, таких со-трудников в деле моем творец и податель слова дать мне не захотел, и я вспомнил сказанное: «просите и не получаете, потому что зло просите»⁴⁹². <...>

И как каждому другому естественно и обычно при неустойчивости своего нрава делать уступки греху, так, подобно этому и я, оставив как бы за плечами после приведения притчи весь стыд пред хотящими судить обо мне, не удержался и подчинил желание своей воли моей пытливой мысли, покорился ей по слабости смысла и отдал ей себя в рабство. И как бы плавая по водам и желая удержаться чужими руками, чтобы как-нибудь во время бури не погрузиться в глубину множества писаний, а они имеют обычно малый смысл, и как бы сев в чужой корабль и думая в нем проехать долгий путь и скоро оказаться на другом берегу, я, не зная, что во время путешествия внезапно возникнет буря, посреди пучины испугался; боясь, чтобы посадившие меня (в корабль) не выбросили меня и не утопили, — презрев свою слабую силу, я без корабля сам бросился в непроходимую быстроту такой глубокой широты. Не только об этом великом городе (Новгороде), но и о матери городов и всей земли (Москве), о дошедшей сюда до слуха нашего болезни ее как главы (государства) мысль моя понуждала меня напомнить хотя бы немного вместе с другими рассказами, чтобы с течением многих лет не забылось воспоминание о тех, чья едва ли не вскоре и жизнь померкнет. И если труд был велик, а польза от него мала, я не пожелал быть, как читается (в Евангелии), рабом у своего владыки или (числиться) в звании наемников, которые трудятся — один из страха, а другой ради платы, но хотел полного сохранения отеческой любви, как сын, вспоминая писание, что знающий себя никогда не будет поносим, если что и выше своих способностей начнет делать, и размышляя о сказанном у пророка: «как по реке пройдут ногами»; а слово, имеющее в самом себе жизнь, сказало: «маловерный, зачем усомнился?» Хотя эти слова были сказаны и верховному среди апостолов, но также изнемогающему от маловерия⁴⁹³. Того же (слово) и в другом (месте): «если не усомнитесь, не только так, как со смоковницей сотворите, но и горе той скажете: двинься и упади в море, и будет, если кто скажет»⁴⁹⁴, и другое подобное. И если это сказано действительно к апостолам, то учитель гово-

рил им еще: «а то, что вам говорю, всем говорю»⁴⁹⁵. Так говорил обращающий море в сушу; на него я и надеялся, отложив великий страх перед ним за (мою) дерзость в этих (делах) и стыд перед людьми, пока не передам (этот труд) богатым разумом, чтобы они его хорошо исправили. А где найдется повествование об этих (событиях) лучше и совершеннее моего, составленное тем, кто опередил меня, тому наше (повествование) уступит место и кротко отступит; о прочем мы не только помолчим, но и правую руку ему дадим, потому что поистине худшее всегда побеждается лучшим и меньшее дает место большему, ночь уступает наставшему дню, и луна при солнце теряет свой свет. То же рассуждение должно прилагаться и к писателям, но не верю, чтобы было возможно кому-нибудь из носящих плоть с самого начала глубоко до последней мелочи (рассказать) о всей полноте (событий), подобно луне, какой она становится, когда достигает полной окружности, — разве только тому, кто богоподобен. <...>

Как некогда в древности евреи были выведены Моисеем из Египта и с Иисусом (Навином) вошли в обетованную землю⁴⁹⁶, так теперь божественным воцарением⁴⁹⁷ мы избавились из плена, были выведены в свои места и, как в день самого Христова воскресенья, освободились от ада. И если кто скажет, что мы столько времени терпели мучения на своем месте и в земле одинаково с нами верующих, то мы ответим им: но рабство то (было) чужое: ведь находящиеся в свете не понимают тех, кто во тьме, и не видят (их). <...>

Восстали наши друг на друга — разделились злым разделением, примыкая к сонму иноплеменников, соединяясь с (чужими) народами, привыкая к делам их, и, как где-то сказано, — отошли от нас, но не (являлись) существующими; потому что лица свои в местностях, занятых иноплеменниками, обращали на близких по вере с враждою и не свои полки, а войско наших противников пополняли собой, отдавая всю свою телесную силу против нас вместе с теми, кто враждовал с нами еще в старину. Знаю, что они вместе и душу свою погубили: с теми, с кем им полюбилилось здесь умереть, с теми же и в будущем захотели принять общую участь, по сказанному: «кто откажется от меня перед людьми...»⁴⁹⁸ и все, что за этим. Среди отступников, соединившихся с чужими силами, хотя и вместе с ними пришедших, но воинов нашей земли «малых и великих»⁴⁹⁹, как говорит писание, помогающих и позволяющих мудровать против нас нашим противни-

кам и присоединившихся нераздельно к их злому совету и делу, — а именно как бы им самим, омраченным, омрачить всю православную землю многой лестью, — среди них были не только одни мелкие наши воины, но немало было и из вельмож и других, близких к царю сановников. Вместе с ними каждый из тех, которые по чину принадлежали к царскому двору, — переезжал вон из города в стан противников, прельстившись неподтвержденным обманом и соблазняя прочих, показывая всем образец своей слабости и немужества, как будто можно было всех людей привести в подобную им погибель. И эти так делали, и другие, из соседних городов, которые клялись телесному врагу (самозванцу) крестной клятвой, пачкая ложью не столько уста, сколько души свои, — одни, не любя царя, в городе, другие — из-за недостатка необходимого для жизни, так как в городе тогда был сильный голод. Коротко говоря, столько осталось людей в городе с царем, сколько было перебежчиков, которые перешли к ложному царю⁵⁰⁰.

Если даже перебежавшие туда и знали, что он ложный царь, поклонялись ему, как кумиру⁵⁰¹, представленному в телесном образе, досаждая таким образом настоящему царю, который находился в городе, и городу, как чужому, вместе с врагами все время творя всякие пакости, — как сказал пророк: «весь день ополчались на брань»⁵⁰². У них было одно стремление: взять город и низложить в нем царя и всех, с ним находящихся. Друг перед другом они ревновали и в мыслях и в делах только о том, чтобы им разрушить город, убивая родных и единоверцев, потому что враги разжигали и ожесточали их сердца, как железо в закалке. Хуже неверных — родивший рожденного и наоборот, и брат брата, и дальние и чужие по роду — никак друг друга не щадили, но как иноверные убивали друг друга, без милосердия, в лютой злобе, не считаясь в уме ни с верой, ни с родством, так что даже сами враги, которые пришли на нас, видя злость тех к своим родным, удивлялись. Они восстали на свою веру и на свой народ, не внимая жалости и благочестию, для того чтобы такое величайшее и сияющее всякими добротами, украшенное Богом царство, которое казалось солнцем под солнцем, разорить, — об этом они думали и не ужасались, колебля такой созданный из золота ковчег, как дом Божией матери, в котором изволил жить сам Бог с рабами своими, достойными его милости. Они, богоборцы, помышляли разбить

его, как негодный сосуд, приравняв его к Троянскому государству⁵⁰³, которое хотя и находилось во тьме язычества и было наполнено жителями — греками, — но его несвоевременное разрушение и до настоящего времени читатели оплакивают, (сожалея) о падении такого безграничного величия; о моем же (городе), который, как солнце светлее всех и больше всех, — если бы рука, держащая весь свет, и допустила бы врагам разрушить его хоть немного, — об нем не как о Троянском царстве, — но до конца веков не перестали бы рыдать царства всей вселенной. Известно, что и теперь окрестные государства не хотят слышать о его запустении и окончательном падении, и колеблющие его ветры, которые ненавидит весь мир, стараются мирно укротить, изъявляя нам дружбу, ожидая и у себя со временем такого же нашествия, — если только не ложно заключают с нами мир и не радуются нашему злу, — это Бог знает. А если попущением божьего смотрения в самом царстве, во всей этой земле, что-нибудь и совершено врагами к наказанию нашему, — то не до конца, и попустивший это опять легко может все восполнить, потому что наши враги наше достояние не захватили себе, и в этом великое благо нам от Бога. Только я (Новгород), говорящий это, захвачен еллинами (шведами) и не могу из себя их изгнать до тех пор, пока тот, кто ввел их в меня, не сжалится надо мною и не изгонит их вон. И опять возвратим речь нашу туда, где мы в начатом остановились.

Те, кто из верующих стали нашими противниками, насколько они были теплыми и усердными в вере, настолько же, скоро совратившись, против нее (веры) враждебно боролись, как когда-то бесы, по своей воле отпавшие от божией славы и ангелов, от света в тьму, хотя и не являлись по естеству своему тьмою. Иноверные считали их более жестокими, чем плотоядных зверей, но однако и сами враги — супостаты многих из них — каждого, кто убивал отцов и братьев, — в ответ также немилостиво губили; тем, кто проливал родительскую кровь, убивая без промедления, мстили чужие, отсылая убийц, не откладывая, в будущее, потому что их жестокости и суровости к родителям эти чужие люди не могли терпеть. И по всем местам этой земли свои своим творили то же, потому что враг, равно везде, во все сердца верующих из-за оскудения в нас добродетелей рассеял только один плевел. Выше описанным образом и варвары, продолжая свое стояние, ежечасно творили гражданам всякие гадости, а так как их осада

продолжалась долгое время, они всячески теснили граждан и, выходя на бой каждый день, пожинали их серпом смерти, как колосья поля, покрытого злаками, а те, напротив, — едва лишь некоторую их часть. И так прочно варвары утвердились на этом месте, что многие и жилища себе устроили по образу городского как бы постоянного пребывания до тех пор, пока превосходный полководец (Скопин-Шуйский), вскоре придя от моих (Новгорода) пределов с нанятыми шведами, не сломал всю их остроту, как молодой бык рогами, не поверг ее на землю и от стада божия их не отогнал, — но о нем в другом месте пространнее сказано.

Они же, незадолго перед этим, от утвержденного ими для осады города места⁵⁰⁴ в концы земли всего нашего царства, во все другие города, различными походами, как саранча, расходились безбоязненно, как бы в земле своего отечества, не находя нигде сопротивляющихся им, а наоборот, (находя) способствующих им, единомышленников на зло: все города и села с их окрестностями даже до пределов моря направо и налево они, низложив, пленили, жителей и верных подвергая мукам и конечной смерти, а имущества их расхищая⁵⁰⁵. И невозможно кому-нибудь счесть и рассказать словами или описать многочисленные беды русского народа, которые он принял от врагов, если бы даже чьи-нибудь глаза или слух сами побывали бы везде с убивающими. О бедах, которые там совершились, — если кто подробно захочет их описать, — может составиться особая книга для каждого места. А собрав воедино все бывшие и совершающиеся повсеместно напасти, если даже по одному из каждого места взять, вместе обо всех сказать невозможно, разве только кто найдется умеющий среди риторов, способный к красноречию и краткости. <...>

**О князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском,
как он в то время был в Новгороде великом,
и о его побеге из Новгорода**

Когда стало исполняться то, что назначено было для нас устроителем Богом — все города, находящиеся под скипетром Российской державы, (начали) в большом числе отлагаться от матери городов (Москвы), всем народом изменнически отказываться (от единения) и уклоняться от повиновения царю, — каждый город особо, там где он был, а находящийся в них многочисленный простой народ, посо-

ветовавшись обо всем, замыслил неблагоразумное, — везде принял такое решение, чтобы князь Василий Шуйский не был у них царем. И не только одно это, но тем более не хотели они повиноваться и покоряться находящимся (в городах), поставленным от Бога царем властям, но, желая жить без всякого начальства и устройства, по разбойнически, самовластно, и (желая) во всем поступать по своему безумному хотению, задумали управляться сами собой, как бессловесные овцы, не имеющие палки, поставленной им пастырем ради страха. Лишенная разума чернь, уподобляясь скоту, утвердила в своем уме весьма безрассудное решение и даже склонилась на то, чтобы погубить начальников и избранных лучших мужей, а особо знаменитых (по сравнению) с собой, после мучений предать всех смерти, а их имения захватить себе; это и совершилось, но не осталось так навсегда; однако иные при этом и погибли, поступив по (своему) желанию, как (погибли) в древности некоторые в пустыне: еще пища находилась в устах их, но, там же пали и кости их; так (случилось) и с этими, у которых даже и до сих пор нога не встала на правый путь.

Но кто подробно опишет те преступные нарушения закона, которые там ими творились? Нам известна только малейшая их часть, и то по слуху. (Появился) рожденный от терновника, помазанный смрадной нечистотой, — говорю о Пскове и о прочем⁵⁰⁶, что (слышал) о нем, — неизвестный по имени, даже не настоящий лжецарь⁵⁰⁷, они к нему приписались и дали на кресте клятву, как настоящему, а не как ложному; когда они в короткое время сделали это, то показали собой пример зла, потому что подстрекнули многие города и даже погубили их, и они (города) не могут до сих пор стать такими, какими были, думаю, самовластно взирая на то, что после смерти истинных царей такое зло впервые начало совершаться в царствующем городе и в прочих, даже самых перед ними мелких.

Незадолго до того времени, когда началось отделение этих городов, чтобы обладать мною (Новгородом), заботиться обо мне и быть моим правителем, державшим тогда власть был послан от места своего жительства, из царского города, где находился высокий (царский) престол, — стебель царского рода — подлинный воевода князь Михаил Васильевич Шуйский, и ему Богом повелено было оборонять меня от супостатов и сердечно заботиться обо всем городском устройении. А он, как верный раб, умноживший талант, повинуюсь воле своего го-

сподина, утроил то, что ему было велено, — ибо он, не требуя многих приказаний от царя, был для себя сам примером в добрых делах и, имея в руках данное ему Богом кормило правления, справедливо обращал его туда и сюда, куда хотел и насколько мог. Он был не как другие следующие за ним начальники, любившие мзду; если они и были членами того же синклита, то он превосходил всех попечением о тех, кто нуждался в защите и в мире, и мы все должны были, как достойные рабы, стараться ему служить за его прекрасную и храбрую оборону нас от врагов, как о подвигах его будет сказано в дальнейших словах.

А когда в Пскове и прочих (городах), которые были с ним, загорелся огонь соблазна самовластия и дошел до здешнего (места) и до слуха тех, которые (жили) в сем великом (Новгороде), — не знаю, какими обольстительными словами увлек его, как волк незлобивого агнца, и отнес на плече в лес третий из здешних с ним начальников, который следовал за ним и носил то же имя, что и он, но без княжеского звания⁵⁰⁸; он был весьма лукав и коварен и ранее был низкого происхождения. Однако великий подчинился совету глупого; как в древности змей Еве, он пошептал ему в уши и убедил его бежать из города⁵⁰⁹. Сочувствует и способствует этому совету и некто из второго разряда, дьяк⁵¹⁰, который был подобен тому коварному в злых обычаях, был ему собеседником и особенно близок был ему по лукавству. Дни его жизни у царя были тогда светлыми (он пользовался расположением царя) по причине тайной, законопреступной заслуги и из-за временного приближения (к царю) его родственников; честью он малым чем отличался от того коварного, потому что тайно наушничал царю. Когда оба они сговорились, то, подняв как на крылья на свои лстивые слова тот царский стебель, вынесли этого юношу из города. Некто премудрый где-то сказал, что «незлобивый верует всякому слову»⁵¹¹. А они оба, боясь и опасаясь за свои дела, напрасно сделали того своим соучастником и этим привлечением наложили на великого крайнее бесчестие, как бы некоторую проказу на лицо руками. Не таков стыд малым и всяким худородным за дела, каков великим и благородным за слова. Они боялись того, чтобы за их глупый совет множество людей из их народа не убило (их) или не отвело бы их связанными во Псков к объявившемуся там тогда мучителю-лжецарю⁵¹²; не того (Скопина) честь они спасали, а себя

всячески оберегали. То, что у них было тогда стремление к бегству, стало явным и известным, потому что когда, побуждаемые своей совестью, они после бегства опять возвратились в мои пределы (в Новгород), один из них как-то рассказал об их злом замысле своему другу в прикрытых как бы паутиною словах.

А когда они вместе со всеми находящимися с ними воинами поспешно отправились в бегство, — тогда был праздничный день пречистой Божией Матери, честного ее рождения⁵¹³; не торною тропкою и положенным путем, а как воры, перелезши где-то в ином месте стену, они бежали чрез мельничную плотину и, взяв с собой много серебряных денег из моего хранилища, внезапно со своей трусостью оказались вне города, в трех верстах от его (Новгорода) стен. Никем не гонимые, а только побуждаемые своею совестью, эти трусы забыли в страхе бегства отслужить молебен в (храме) Премудрости слова Божия⁵¹⁴ и не пожелали (взять) благословения у моего архиерея⁵¹⁵, но скрылись от него и не известили об этом знатных жителей города, как было в обычае поступать истинно храбрым; а так как они и днем ходили, как ночью, то споткнулись и скрыли от всех причину своего тайного отъезда. В городе остались только двое, — второй после него член синклита и с ним другой, не имеющие славы тех и унижаемые людьми; тогда владело городом и правило всеми само живое слово божией премудрости, охраняя и промысля и управляя городом. А они с того места, которое находилось вне города, прислали за начальствующими и знатными города, лъстиво скрывая причину своего бегства под ложными словами и объясняя ее необходимым отъездом: они сказали ложно, что такое «старание» (внезапный отъезд) произошло из-за поспешности; они говорят, что идут в крайний город этой земли, названный человеческим именем, — у него было имя благодати⁵¹⁶, нанять еллинов (шведов) для помощи против врагов, разоряющих Российскую землю, и показывают у себя письмо от ранее посланного в этот город за тем же, приводя ложные слова и присоединя ложь ко лжи, что если только сами они не пойдут теперь в этот город, чтобы скорее нанять ратников, то от еллинского народа сюда помощь не придет. Так они говорили и этим обманом убили как свои души, так и тела, омраченные гордостью; когда они возвратились назад в город, они то же велели сообщить и первосвястителю, и всему городу.

Устремившись в свой путь, они бежали там, где сами не знали, а путь этот был очень труден для них и по всему вреден, «на этом пути они не нашли города для своего пребывания»⁵¹⁷, по пророку; об этом некоторые из них, возвратившись назад, сами рассказывали. Все они очень ошиблись, (рассчитывая) войти в город, о котором обманно говорили, что спешат в него, чтобы нанять там ратников, потому что город, как и Псков, узнав, что они бегут к нему, крепко затворился со всеми находящимися в нем людьми, так как (жители этого города) совсем не желали подчиняться в чем-либо владычеству тогда в России (Шуйскому), и город этот (объявил), что он совершенно не признает его⁵¹⁸. А обман замысла тех, о которых ведется рассказ, окончательно обнаружился, потому что они, не дойдя еще многих поприщ до города, принуждены были с ведущей к нему дороги повернуть в сторону, куда им не хотелось, и тащиться днем и ночью, блуждая по непроходным крутизнам и пропастям. Многие из них, видя свое заблуждение, возвратились с дороги назад в мой город с теми моими деньгами, которые были у них; и не только мои, у меня воспитывавшиеся воины, но возвратились и многие из рабов ранее поименованного и рассказали моим жителям о считающих себя умными и о том, что случилось с ними на пути. Все это достойно смеха, поношения и крайнего стыда. От стыда они едва не убежали во вражескую землю. Когда что-то незначительное им в этом воспрепятствовало, они, вернувшись, прибежали в город, (находящийся) на окраинах моей земли, по имени «Орех»⁵¹⁹, а воеводе этого города о их бегстве было сообщено специальным посланием из моих пределов, (посланным) теми, которые остались и распоряжались (здесь). А они приняли немалое бесчестие от воеводы того города; осуждая сделанное ими и насмехаясь над ними, он хотел, заковав в узы, послать их к «державному» (Шуйскому), если бы только тот, — тезка этому, — виновник всего этого срама, как родственник, не уговорил воеводу этого города.

Когда оставшиеся в городе начальники вернулись от них назад в город, они рассказали о безмерной совершенной теми дерзости: от этого сообщения народ заволновался беспорядочным волнением. Одни, возмущенные их бегством, говорили: «из-за чего город со стороны моих (начальников) оказался в пренебрежении и они оставили его пустым?». Другие рассказывали то, что происходило

вблизи — во Пскове, но одни (говорили) так, другие иначе. А остальные советовали послать вслед за убежавшими просьбу и умолять их возвратиться; иные хотели противоположного и, безумно крича, ратовали за безначалие и вопили, что надо гнаться за ними; а другие с такими же воплями голосили что-то иное. А те избранные, которые имели богатые сокровищницы, произносили тихо, но чтобы слышал народ, немногие кроткие и мирные слова, лицемера в ту и другую сторону, чтобы не быть растерзанными народной толпой за произнесение речей, неприятных миру, если ими будет внушаться что-нибудь неугодное толпе, и чтобы им с обеих сторон быть невредимыми. И говорившие, и молчавшие, так как они больше всего боялись своего разногласия с миром, не осмеливались ни говорить, ни молчать, так как они с той и другой стороны были объята трепетом, — у них и теперь наблюдается тот же страх малодушия, ибо они, всячески лицемера пред высшими, прикрываясь лестью, хромают (на ту и другую ногу), чтобы начальствующие их не возненавидели, — из-за этого они тогда перед миром, как на суде, утаили свои слова; а еще более удерживало их от этого богатство и ненасытная любовь к его изобилию, а отсюда и (боязнь), чтобы их богатства не достались в наследство врагам. Народное голосование не пришло тогда на собрании к согласию и единству, так как и у первосвященника с собором, и у градоправителей, без воли того, кто владеет временем, не оказалось такой силы, чтобы успокоить вопли народных голосов, потому что и они со всеми вместе, как бы в дремоте, хромали человекоугодием. После того как, по милости божией, великое собрание, разволновавшееся как житейское море, успокоилось и наступила тишина, — с помощью того, кто движением (руки), повелевая чувственному морю и ветрам, укрощал их, — было установлено единогласно: послать от города со значительными (людьми) просьбу с письмами от архиерея и начальников города к тем, которые, никем не гонимые, бежали, как бы (несомые) ветром и своей совестью; это и было исполнено⁵²⁰. С нашим желанием было согласно и решение тех, кого мы просили (вернуться) и которые сами хотели возвращения, — так Бог соединил намерение тех и других. Придя в себя и поняв из всего случившегося свою слабость, они послали навстречу нам посла (с известием) о своем возвращении назад, в мои пределы.

Что было бы, если бы в то время, как они, убежав, блуждали и бродили, скитаясь, как изверги, по лесам, восставшие зачинщики вражды, хитро напав на нас из Пскова или придя из других стран, взяли этот великий город и завладели им, так как для защиты в городе совсем не было ратников и не осталось даже одного гроша из денег на городские потребности? И если бы бежавшие без приглашения пришли к стенам моего города и не были приняты в моих пределах, а мои жители, обличая дерзкий их поступок, прогнали бы их, — что бы после этого было? Где было бы им место для поселения, в котором они, переезжающие то туда, то сюда, (могли бы) приклонить свои головы без стыда? Ибо царь тогда еще был в полной власти и мог бы, думаю, виновных всячески наказать за то, что претерпел от злоумышляющих поставленный выше других (его племянник), а еще более за их измену служению сидящему на престоле, за то, что они так предательски оставили такой город с архиереем и с людьми; совершив по отношению к нему такое предательство, они, как пустой, отдали его без страха врагам, как будто они не имели над собой господина и не ожидали, что будут за это наказаны от владычествующего. Это удивительно! Ибо такое дело несвойственно рабской натуре тех, которые (обязаны) бояться, и такая дерзость не соответствует установлениям царских законов и обычаев; а еще более удивительно потому, что их нрав по всему (напоминал нрав) боязливых младенцев, и им по законоположению наших прежних владык, конечно, не следует вверять управление областями, имеющими такие обширные владения. Они, совершившие это, достойны лютой смерти; но думаю, что сделанное ими зло было побеждено именем великого родственника царя, его справедливостью и их совместным неразлучным бегством; поэтому они все без различия были приняты мною на беду мне. Как случилось, что народ безмолвно принял их возвращение в свою ограду и как сам царь оставил (это) без следствия и наказания?

Боясь убийства от взволнованного народа, зная свою злую вину и придумывая, чем бы хотя немного избежать стыда, решили (они) обратиться с письмом в мой город к первым и знатнейшим; в письмах же, ожидая себе от всенародного собрания (взыскания) за свою неприличную дерзость, сочинили немало неправды, писали и то и другое. Но, зная беспрекословное (повиновение) моих граждан начальникам, пишут с гордостью, как рабам, говорят больше о важно-

сти своего дела, чем о бегстве, и этим обманывают людей. Мои же начальники и все (жители) города хотя из дела и знали подробно, что прикрытые словами объяснения сделанного ими все ложны, но одни — из страха, другие — притворно признав их писания справедливыми, подчинились им. Правда была скрыта ложью, потому что все мои жители были бесовским семенем, и не было в Израиле крепкого⁵²¹, который хотя бы в письмах обличил их недостойное поведение, но все были при ответах более кротки, чем овцы, и более безгласны, чем рыбы, и сделались как бы бессловесными лицами: пишут им просительно, чтобы они ко мне возвратились, и обещают им великую почесть, как будто они сделали нечто весьма нужное, и на встречу этим лицам от всего города послали знатных (людей) с обилием необходимой пищи. Они же вскоре, взяв ее как залог, смешали смелость с боязнью, — впрочем, первое пересилило второе, — и другим путем — водою на лодках вернулись под мой кров. И, войдя в храм Премудрости Слова Божия, где находились верховнейшие, начальствующие и всенародное собрание, они перед всеми вместе, ничего не изменяя и нисколько ни в чем не каюсь, славили себя за первый обман и сшивали ложь с ложью; прежде названный гордословец⁵²², видя мой простой народ слабым и боязливым, убедил криком своей широкой глотки ослабевших перед первыми его коварствами. Все понимали их ложь, но моими простыми людьми овладели перед ними робость и страх, и они онемели, как воспитанные с самого начала под страхом, а еще более от своей несогласованности и отсутствия человеческого разума. Известно, что виновники зла, о которых здесь речь, обрадовались в своем сердце, наружно скрывая это, что они своими лживыми словами изменили мысли и у такого множества народа, и у самого святителя, а не только у избранных; один тот ревом своего горла, как аспид, (всех) устранил; каждый только про себя тайно понимал истину, но страх, (бывший) прежде в народе, одолел. Говоря просто, они в народном собрании свою явную измену, прикрыв словами, украсили, по писанию (где оказано), что «слова украшают дела»⁵²³; сущность же своих дел они своими словами еще более обнаружили и вывели на свет пред народом, хотя они, умолкнув, и ушли в свои дома самооправданными и думали, что людская толпа ничего не поняла из скрытых слов и из их лживых словесных измышлений. Они начали все вместе заботиться о городе и угрожа-

дать людям, как недавно провинившиеся после проступков стараются все делать осторожно, пока не придут к прежнему состоянию. У распоряжающихся было усердие к этому, особенно же к тем, кто был не совсем смел и мало виноват во всем этом зле. А Михалко сам себя уловил в сеть своей злобы, которую раньше некоторым обольщением себе приготовил и сплел, как сказано: «в сети своей увяз грешник»⁵²⁴, — он был убит, как рассказано ранее. А тот, который по истине от дел получил имя, от Бога данный мне против плотских моих врагов, хотевших разорить мой город, воитель, по толкованию — пред лицом Божиим стоящий, князь Михаил Васильевич, освободился от многоплетенных сетей того — не скажу Михаила, а лучше — василиска⁵²⁵ среди змей, нежели Михаила. Хотя он и имел одно имя с тем первым, лучшим, но тот во всем от этого отличался; как свет (отличается) от тьмы, так тот (Скопин-Шуйский) не был сходен с этим во всем и не сроден в привычках, как покажет следующее повествование. <...>

ПСКОВСКАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ

**О смуте и раздорах и отступничестве псковичей
от Московского государства, и какие были потом
в граде Пскове беды и напасти от нашествия
и завоевание погаными, пожар и голод;
и откуда взялись несчастья эти и в какое время**

В год 7115-й⁵²⁶ был убит в Москве лжецарь, назвавший себя Дмитрием; благодаря молитвам пречистой Богородицы и великих чудотворцев не допустил Бог уничтожения христианской веры и обращения в латинство, как замыслил то окаянный; только одно лето был он царем и вскоре был убит. И после него сел на царство князь Василий Шуйский, и отпустил царицу Маринку⁵²⁷, преступную литовку, вместе с литовцами в их землю, и повелел проводить их до границы. И пришли они в Северские земли, и присоединились к ним русские люди, и заняли города, и нашли себе опять лжецаря. И царь Василий много раз посылал на них войска и сам ходил, но безуспешно; взволновались люди и соблазнились (то Бог допустил за грехи наши); пришли даже к царствующему граду⁵²⁸ и осадили его; и был голод сильный, и ниоткуда не ждали помощи.

И послал царь племянника своего, князя Михаила Скопина, в Новгород, и послал его за море нанять немцев на помощь себе в войне с Литвой⁵²⁹. В то же время, в августе месяце, в псковских пригородах появились крамольные грамоты от вора из-под Москвы на прельщение малодушных, и соблазнились люди, и начали ему крест целовать. Тогда же вскоре преставился епископ Геннадий от горя, услышав о таком соблазне. Также и в Пскове взволновались люди, услышав о том, что от лжецаря идет кто-то⁵³⁰ с небольшим войском. Воеводы же, увидев такое волнение народа, долго успокаивали его, но не смогли остановить⁵³¹. Тогда народ схватил лучших людей, купцов, и бросил их в темницу, воеводы же послали в Новгород с просьбой прислать в Псков войско на помощь. В это же время некто враг креста Христова пустил слух, что немцы идут в Псков; и прежде слышали, что послал царь за немцами, но те еще не пришли из-за моря в Новгород. И тогда в народе стали кричать какие-то мятежники, что немцы уже пришли от Ивангорода к мосту на Великой реке. И тотчас все

поднялись и схватили воевод, посадили в темницу, а сами послали за воровским воеводой Федькой Плещеевым, и целовали крест вору, и начали жить по своей воле, и отошли от Московского государства, и подчинились лжецарю, и обезумели, живя по своей воле, и в жадности разгорелись страстью к чужому богатству⁵³².

В ту же осень пришли от вора в Псков, как от сатаны бесы, из войска его мучители, и убийцы, и грабители, рассказав малоумным о его могуществе и власти; те же окаянные восхвалили преступное и греховное правление его и начали хвалиться перед ним своим усердием к вору, как они жаждали ему покориться. И наговорили на тех боголюбцев и страдалцев, которые не захотели преклонить колени пред Ваалом⁵³³, то есть предтечей антихриста, — на городских правителей и знатных мужей города, которые были посажены в темницу. И взяли те злые лютые звери их из темницы, насильственной смерти предали, одних на кол посадили, другим головы отсекли, остальных разными муками замучили и богатство их забрали, боярина же Петра Никитича Шереметева в темнице удавили. И на владычном дворе, и в монастырях, и у правителей городских, и у купцов все богатства забрав, уехали под Москву к своему лжецарю и там впоследствии своими же были убиты. И прислал лжецарь в Псков новых своих воевод, пана Андрея Тронянова Порецкого Белорусца и пана Лютора Побединского да дьяка Крика Тенкина; но те ничего злого в городе не сделали и, недолго побыв, уехали.

И потом приехал князь Александр Жировой Засекин⁵³⁴. При нем разразился гнев божий на славный град Псков в наказание, чтобы отошли от своеволия своего и раздоров: месяца мая в 15 день, в 6-м часу, загорелось на Полонище у Успенского монастыря, когда готовили пищу во дворе, и сбежались люди и погасили огонь. Начали расходиться по домам, и вдруг загорелось снова невидимо, и в этот миг поднялась буря большая, сильный ветер с юга, и понесло огонь к площади, и не смогли его укротить ничем, и побежали все каждый в свой дом. И потом загорелось Печерское подворье, и неожиданно загорелся верх у церкви преподобного Варлаама на Запсковье, и оттуда подул северный ветер, и загорелся весь город и пороховые склады, и порохом взорвало кремль города с двух сторон. И до ночи весь город выжгло, и много людей побило камнями и пожгло, осталось только два монастыря — Николая чудотворца в Песках да напротив него, за

рекой, Козьмы и Демьяна на Гремячей горе; и в соборном храме бог сохранил только гробницу благоверного князя Довмонта⁵³⁵, а остальное все сгорело.

Псковский же народ, чернь и стрельцы, не испугавшись того божьего гнева, начали чужое добро грабить у знатных людей и дьяволом подстрекаемые, говорили так: «Бояре и купцы город зажгли!» И во время самого пожара начали камнями их выгонять, они же побежали из города. И утром, собравшись, они начали хватать знатных дворян и купцов, мучить и казнить и в темницы сажать неповинных из числа правителей города и людей церковного сана, безумные, говоря: «Вы город зажгли и погубили, нашего царя не желая». А все это окаянные мятежники и главари жидовского сборища⁵³⁶ затеяли против добрых людей, чтобы богатство их взять. А буйная толпа слепо следовала их примеру и кричала, и тогда много крови неповинной пролилось в городе, целыми днями мучили окаянные.

Услышали воины в Великом Новгороде о попусенье божьем на Псков, о пожаре, и вскоре пришел атаман Тимофей Шаров⁵³⁷ с казаками и не осмелился напасть на город. А в городе тогда не было ни орудий, ни пороха, да и ручного оружия было мало, но, заострив колья, выходили из города. И много горожан побили новгородцы, преследовали их до города, а в город не дерзнули войти, ибо был город велик и людей в нем множество, а их немного тогда было, человек триста.

Псковичи же, словно вторые жиды разъярившись, вытащили из темницы добрых людей, жестоко их мучили, говоря: «Вы призвали на нас новгородцев». Новгородцы же спалили посад на Завеличье⁵³⁸ и ушли.

В тот же год, месяца августа в 18-й день, враги креста Христова взяли из темницы купца Алексея Семенова, сына Хозина, и долго мучили жестоко и повели его из города на казнь. Тогда же некие христороубцы услышали в торговых рядах о такой свирепости мятежников и кровопролитиях, взяли свое оружие и сказали сами себе: «Если ныне не поднимемся на врагов своих и мучителей, то они всех добрых мужей города погубят». И, вскричав, пошли на них, и разогнали буйную толпу, и побили главарей сборища, других казнили, а стрельцов выгнали из города. Услышали же те окаянные, которые повели на казнь Алексея, что поднялись против них горожане, и вот прибежал

какой-то безбожник стрелец и у самых городских ворот отсек неповинную голову праведного Алексея. А после того как были разогнаны безбожники, вывели всех, освободили и воздали хвалу богу о том.

В 7118 году, в масленичное заговенье⁵³⁹, были присланы из Великого Новгорода два стрельца с грамотой от царя Василия, чтобы псковичи вновь возвратились под власть Московского государства, и воссоединились, и вместе бы поднялись на смутьянов и на Литву. Правители города и знатные мужи захотели подчиниться государству и воссоединиться и хотели сразу же крест целовать, но по вражьему навету не нашли в казне прежней записи, по которой крест целовать⁵⁴⁰.

И вновь тогда начались несчастья горше первых: побежали по всему городу мятежники и развратители, прежденазванные главари, крикуны, кровопийцы, мучающие беззаконно, расхищающие чужие богатства и не желающие подчиняться властям; и, рыская по городу, они кричали таким же невеждам и смердам, стоящим на перекрестках и площадях, что правители города и лучшие люди, дворяне и купцы, монахи и попы, и все белые люди хотят крест целовать и мстить за свои обиды, которые мы им причинили, и крест целовали московскому царю Василию.

Они же, буйная толпа, малодушные и неразумные, поднялись с оружием на своих же и послали за город, за Великую реку, в слободу стрелецкую за стрельцами; и те пошли к ним в город, ибо после убийства Алексея Хозина стрельцы за их предательство из города были изгнаны, и в город их до сего времени не пускали. Правители же города, и купцы, и дворяне, и некоторые из знатных людей города, увидев смятение народа и злые его помыслы, а был уже вечер, бежали из города по Великой реке к Снетной горе⁵⁴¹, заплавав горько, дома и жен и детей оставив, кто успел, тот на конях, другие же пешими. Те, кто имел коней, пошли к Новгороду, а пешие пошли в Печерский монастырь Пречистой Богородицы⁵⁴², боясь прежних преследований и жестоких казней.

Утром, в сам чистый понедельник Великого поста⁵⁴³, когда все истинные христиане очищаются от всех злых дел, они же, еще более дикие, чем звери, свирепо разъярившись, как львы, собрались в центре города и позвонили на вече. Собрался буйный народ неразумный и крестьяне, как скот бессловесный, сами не зная, чего ради собраны.

Главари же сборища сказали: «Ищущие вчера нашей крови сбежали, а мы оставшихся советников возьмем и посадим в темницу и разузнаем о них».

И помчались по домам, ища добычи и желая насытиться кровью человеческой, подобно прежним мучителям, или еще более того — вторым жидам, как, предрекая, назвал псковичей за дела их великий князь Александр Ярославич Невский⁵⁴⁴. И кого из неповинных православных нашли, тех потащили на сборище, и жестоко их мучили, и бросили в пустые каменные дома и погреба; кто же душой и телом покинул город, у тех жен кинули в каменные дома и погреба и, выпуская их оттуда, жестоко мучили и смерти предавали. И занимали дома их, ели, пили и веселились и богатства их между собой делили. И если кто-нибудь из сидящих в темнице имел что-то при себе, то откупался взяткой от мук и смерти; кто же не мог ничего дать, те были замучены и умерли в темницах, а жены их и дети остались бездомными. И было более двухсот мужчин и женщин, страдавших от таких бед, пока пришедший лжецарь и вор Матюшка⁵⁴⁵ не освободил всех страдальцев и вместо них не заточил самих мучителей. Все это было по Божьему предусмотрению, все потом получили возмездие за свои дела. Но возвратимся к прежнему рассказу. Царь Василий, узнав о таких раздорах в Пскове, самовольстве смердов и желая пострадать их, чтобы подчинились они Московскому государству, прислал в Великий Новгород князя Владимира Долгорукого⁵⁴⁶, повелел ему с новгородскими войсками идти под Псков; и пришли они после Петрова дня⁵⁴⁷.

И вышли псковичи из города навстречу им за три поприща⁵⁴⁸, к речке Промежице, как буйно помешанные, словно на борьбу или на кулачный бой, и не было у них ни воеводы, ни предводителя, и полки их строили те же, кто собирали их на сборище, они и подстрекали народ, крича и вопя и совсем не зная ратного дела. И многих псковичей тогда побили на Промежице у Спаса⁵⁴⁹, и преследовали их до самого города.

Новгородцы же стали у Никольского монастыря на Любятове⁵⁵⁰. И псковичи почти всем городом вышли на них, с рыбацкими щитами на возах и полковыми орудиями, и пошли к монастырю святого Николая. Новгородских же людей было немного, около трехсот человек, посланы они были для устрашения, чтобы воссоединились псковичи.

Увидели же новгородцы беспорядочное их войско, не уstraшилиcь множества идущих на них и разделились на три полка; первым выпустили на псковичей полк немцев. Псковичи же, тогда еще не понимая в ратном деле, увидев немцев, побежали к городу, тогда новгородцы бросили на них все полки и преследовали их до города, убивая и рубя; русские делали это с жалостью, только немцы многих порубили; и если бы тогда еще немного постояли, то сдали бы им город.

Но Бог так повелел, за грехи наши пожелал покарать и разорить Русскую землю: как прежде, псы только слухом слышали о Северской стороне и о том, что натворили там литовцы на границах Московского государства и Новгорода, а Псковская земля одна оставалась доселе целой. Но наполнилась чаша горечи полынной — пришла весть, что злой тать и разбойник, пан Лисовский⁵⁵¹ и Иван Просовецкий⁵⁵² вместе с русскими мучителями и грабителями приближается, спасаясь бегством, к этим землям, что не нашли они больше места, гонимые князем Михаилом Васильевичем Скопиным, что многие города неожиданно им были взяты и разорены. Услышав это, новгородцы возвратились, опасаясь, чтобы тот не пришел внезапно на Великий Новгород и не взял его.

Псковичи же еще до этого, узнав о готовящемся нападении на них новгородцев, не имея ниоткуда помощи, послали в Ливонскую землю к пану Ходкевичу⁵⁵³ Максима Карповского с просьбой о помощи, он же тогда не успел собрать войско и выступить. И псковичи, узнав о том, что пан Лисовский с литовцами и русскими людьми стоит в Новгородской земле, около Порхова, послали к нему бить челом, чтобы шел он в Псков с русскими людьми. Он же, опустошив многие новгородские земли, пришел в Псков.

И пустили его в город, а литовцев расположили за городом в посаде и стрелецкой слободе. Но понемногу начали и литовцы проникать в город, и многие начали большие деньги пропивать и принаряжаться, ибо многое множество имели золота, и серебра, и жемчуга, что награбили и захватили в славных городах Ростове и Костроме, и в обителях и лаврах прославленных, в монастыре Пафнутия Боровского⁵⁵⁴ и Колязинском монастыре⁵⁵⁵ и многих других; и гробницы святых разбивали, и сосуды и оклады у икон, и много плена взяли, жен и девиц и юношей. Когда все это порастратили, и проиграли в кости, и пропили, начали они дерзко говорить и угрожать горожа-

нам, что они-де многие города захватили и разорили, так же поступят и с городом Псковом, ибо все состояние их заложено здесь в корчме. И не осуществился их злой замысел, случилось все не по человеческому разумению, но по Божьему промыслу, ибо, благодаря молитвам Пречистой своей матери и великих чудотворцев, не захотел он тогда погубить город, не отдал его этому варвару на расхищение, ибо ждал нашего покаяния.

Узнали горожане об этом злом умысле злых людей и, придя к варвару, начали в льстивых словах его уговаривать, чтобы шел он к Ивангороду на выручку, поскольку был он тогда окружен шведскими немцами и находился за спиной у Новгорода и Пскова; а они де, собрав деньги, пошлют к нему. Он нисколько не раздумывал над этим и вскоре ушел из города со всем войском и пришел к Ивангороду. Немцы же, узнав об этом, бежали в свои земли, в Ругодив⁵⁵⁶.

Потом тот окаянный варвар понял, как обманули его псковичи, хитро выслав его из города, и сильно опечалился. И тогда он задумал ответную хитрость, чтобы взять обманом Ивангород, такую мощную крепость: «Тогда-де могу из этого города и другие отвоевать». И послал он вперед себя небольшой отряд в город с хлебным запасом, ибо там оставалось мало продовольствия. Они вошли в острог и хотели войти в город и засесть там, как он велел, и никто в городе не увидел в этом коварства, но все очень обрадовались и похвалили их. Но один из старших дьяков, по имени Афанасий Андроников⁵⁵⁷, понял его злое коварство, и повелел закрыть ворота города, и не пустил их, и повелел им находиться в остроге.

В это же время и сам многоковарный подоспел к острогу, и не пустили его, и был он посрамлен; и попросился у правителей городских побывать в городе с небольшим числом людей, и пропустили его, и поблагодарили за выручку. Он же удивлялся мощным укреплениям города: стоит он на высокой горе, имеет три каменные стены и множество орудий и всяких запасов. И похвалил правителей городских, говоря: «Ни в одном из русских городов не могли разгадать моих многочисленных хитростей и уловок, которыми я их обольщал, этот же город мне не удалось взять обманом, ибо раскрыли мой обман». И ушел из города.

И разделились между собой литовцы и русские, и пошли русские в Псков, а пан Лисовский с литовцами и немцами, взятыми в плен

в Ивангороде, пошел мимо Пскова. И пошел выше Пскова, и взял пригороды Воронин, и Красное, и Заволочье, и начал оттуда совершать набеги на Псков каждые день и ночь и на Изборск, и на Печоры и в другие места, и опустошил всю Псковскую землю.

И в тот же год начались всякие беды в Пскове: стало дорожать пропитание в посадах, поскольку был окружен город отовсюду, с двух сторон немцами, а с третьей литовцами, не дающими выйти из города за необходимым. И 8 лет длились голод, и мор, и сидение в осаде от литовцев, и от русских воров, и от немцев. Но велика милость Пречистой Богородицы Печерской, что не позволила закрыть путь, идущий мимо ее дома к литовской границе в Ливонскую землю, откуда все эти годы и доставляли пропитание в Псков, поскольку жители литовских городов были в большом мире с псковичами; если бы не помогала та земля пропитанием, то не могли бы избавиться от поганных. Но много бед от нашествия литовских и немецких войск выпало тогда и на долю обители Пречистой Богородицы, но от всех бед сохранила и защитила Пречистая Богородица дом свой, и прославился ее монастырь во всех концах вселенной, о чем немного расскажу впоследствии, потому что невозможно подробно рассказать о всех преславных чудесах ее, случившихся в то время.

Тогда за грехи наши начались в Московском государстве распри: возненавидели царя Василия за многие кровопролития, и, во-вторых, братья царя Василия возненавидели за храбрость племянника своего, князя Михаила Скопина, который нанял немцев и выгнал вора с литовцами из царствующего города, и, заманив его в Москву, отравили⁵⁵⁸. И задумали посадить на царство литовского королевича, так и сделали: взяли царя Василия и отдали его литовскому королю. Король же давно ждал того, чтобы обмануть русских людей, обещал дать на царство своего сына и послал своих людей в Москву, и, придя, овладели они царством. Шведские немцы, увидев беспорядки в государстве и что умер тот, кто их нанял, 16 июля пришли и захватили Великий Новгород и владели им 6 лет⁵⁵⁹.

В том же 7119 (1611) году накануне великого дня новые волнения охватили Ивангород, ибо ивангородцы и псковичи поддались на обман тушинского вора. Назвавшийся этим именем раздьякон Матюшка⁵⁶⁰, прибежав из Москвы, выбрал удобное время для того, чтобы поднять мятеж в русских городах, ибо прежний тушинский вор был

убит в Калуге Петром Урусовым⁵⁶¹, но говорилось, будто он ушел в Ивангород, а не был убит. И начали собираться вокруг него такие же воры и убийцы: из Новгорода казаки, оставив Новгород немцам, пришли к нему, и стрельцы псковские присоединились к нему; и начал он посылать грамоты в Псков и пригороды, вызывая раздоры и смуту, говоря: «Я царь».

Псковские жители, видя постоянные предательства и то, что и прежде многие мятежники и отступники Русской земли называли себя царским именем, не послушали его и с позором отправили посланного, сказав, что он безбожник и вероотступник и что они не хотят его себе в цари. Тот же собрал своих воров и пришел в июле месяце к Пскову со стенобитными и метательными орудиями; горожане же мужественно сопротивлялись ему и много побед одержали; а этот вор долго обстреливал жилые дома и зажигал их, метая огонь, людей устрашая, но ничего не достиг.

Немцы в Великом Новгороде услышали о объявившемся воре, стоящем под Псковом, испугались, что когда-нибудь тот сядет в Пскове и, придя, выгонит их из Новгорода; и послали небольшое войско взять его. Тот же окаянный, узнав о немцах, выступивших против него, убежал из-под Пскова в Ивангород; и догнали его немцы за Гдовом на реке Плюссе, и многих убили здесь, только он один с небольшим отрядом успел переехать реку. Псковские же жители, не зная, что делать и к кому примкнуть, не надеясь ни на чью помощь, поскольку в Москве были литовцы, а в Новгороде немцы, окруженные со всех сторон, они порешили призвать к себе лжецаря. О это последнее безумие! прежде клялись не слушать лжецаря, не подчиняться ему, потом же сами послали выборных от всех сословий бить ему челом и повинную послали.

Тот же окаянный обрадовался радостью великой, что избавили его от немецкого окружения, в котором он бы и погиб, и вскоре пришел в Псков. И встретили его с честью, и начали к нему собираться многие из тех, кто радовался крови и жаждал чужого добра, к тому же и поганных любил, литовцев и немцев. И много насильничали они над горожанами и взыскивали с истязаниями корма и всякую дань и многих замучили. Тогда псковичи окончательно разуверились в лжецарях, обманщиках, и начали тужить и страдать от его притеснений.

Тогда литовцы были окружены в Москве русскими войсками и прислали оттуда в Псков нескольких достойных мужей разоблачить обман того самозванного царя. Они же, обличители, испугались, боясь смерти, не обличили его. И некоторое время спустя, выбрав удобное время, когда он послал войско на новгородский пригород Порхов, тогда они, посоветовавшись с горожанами, схватили его и увезли в Москву.

И с тех пор прекратились на Руси мятежи лжецарей, лишь небольшая смута осталась: после убийства прежнего лжецаря, который был убит в Калуге, некто Ивашка Заруцкий взял его сына Ивашку и жену и бежал вниз по Волге в Астрахань⁵⁶². Когда же воцарился благочестивый царь Михаил и возродилось Московское государство, тогда и тех безбожников, поймав, привезли в Москву, всех казнили; и был уничтожен злой сорняк вражеских смут.

И. А. Хворостинин

СЛОВЕСА ДНЕЙ, И ЦАРЕЙ, И СЯТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ

**Рассказ о временах, и царях, и святителях московских,
которые были в России. Записано кратко начало
историческое, написано было для исправления
и для чтения любящих благочестие.**

Составлено Иваном Дуксом^{563–564}

ПРЕДИСЛОВИЕ ЕГО ТАКОВО

Тот, который от непостижимого в высоте Бога, несказанного и вечно воспеваемого творца, во всяком прославляемого роде, царя над царствующими и господствующего над всеми, который жизнь и дыхание дал всей твари, благодаря которому властители властвуют, и правители по справедливости обладают землей, и обученные пишут истину; тот, который изначально является высочайшей мудростью вседержителя Бога — Сын, не имеющее начала Слово, который слово дает и милости раздает, — тот всем нам создатель и Господь, который из небытия в бытие привел все созидательным своим повелением, и родоначальника людей праотца Адама создал пречистыми и нетленными руками, и душу живую вдохнул в это бренное тело, и жителем рая его сделал. Когда же у Адама помрачилась совесть и он преступил заповедь, гибельный плод вкусив, он был изгнан из рая, потому что неподобающее помыслил и соблазнился, и стал он тлению подвержен из-за греха невоздержанности в раю, из-за непомерной суетности, и тогда он не покался перед творцом своим и создателем, чтобы победить грех покаянием. Если бы он с самого начала смирился, он не навлек бы несчастье на весь род человеческий, и если бы соблюдал заповеди, не был бы отвергнут. Вновь, когда он был изобличен, дал ему Бог возможность покаяться и получить прощение, но вознесся в гордыне своей человек. Ведь творец пришел, говоря ему: «Адам, где ты был?» Вместо такой славы такой заслужил позор! И еще спрашивал его Бог: «Почему ты согрешил, почему нарушил запрет?» — наводя его по-отечески на мысль о необходимости покаяния и смиренной мольбы о прощении. Никакого смирения! Какое там покаяние и мольба о прощении! Никакого покаяния, а, напротив, препира-

тельства и возражения: «Виновна жена, которую ты мне дал». Ведь он не говорит «жена моя соблазнила меня», но «которую ты мне дал», как если бы кто сказал: «Бедствие, которое ты обрушил мне на голову». Так, братья мои, говорит святое Писание: если человек не осознает своего греха, то не постыдится возложить собственную вину на самого Бога⁵⁶⁵.

После того слышит она глас бога: «Почему ты не сохранила заповедь?» Как если бы, по-отечески говоря, он изрек: «Если ты покаешься и от греха очистишься, то смирится душа твоя и будешь помилована». И опять никакой мольбы о прощении! Она также в ответ говорит: «Змея прельстила меня», то есть «она согрешила, а я тут при чем?»⁵⁶⁶

Что делаете, окаянные? Принесите лишь покаяние, осознайте преступления ваши, покройте наготу свою! Но ни один не сделал этого, но ни у кого не оказалось хотя бы немного смирения. И, увидев это, господь решил судьбу вашу: в какие только беды он не вверг вас, чтобы вы сами помышляли о судьбе своей, чтобы заботились о себе, чтобы жили по собственной воле, раз вы, как дети, противитесь божьему величию. А детям смирения свойственно самим себя укорять, не доверять своему разуму, ненавидеть своеволие⁵⁶⁷. Кто основывается на этом — тот всего достигает по закону природы, очищенный святыми заповедями Христа. Ведь ни подчиняться заповедям, ни достичь какого-либо блага нельзя иначе, кроме как смирением.

Видя природу, искаженную смертью из-за падения Адама и нарушения заповеди, творец, отеческое светлейшее и не имеющее начала божье Слово, проявил милосердие к своему созданию, по воле Бога Отца и при содействии Святого Духа соизволил посетить земное создание своей руки, павшего некогда первого родоначальника людей. Сошел он от отеческих, не имеющих начала божественных недр, не разлучаясь с отеческим лоном, воплотился от Девы Марии, от чистой ее девственной крови, создал плоть по сути человеческую, но только безгрешную. Сотворив себя подобным нам, уподобляя себе подобных ему и не желая видеть свое создание в порабощении у греха, он в Деву вселился ради нас, чтобы нас привести в первоначальное состояние и от древнего грехопадения поднять, тлению подверженную нашу природу очистить, чтобы могли мы, от греха освободившись, вновь стать божьими сынами. Все плотское, что в нас есть, усвоив себе, крест и смерть восприяв, с небесным славно соединив земное, вос-

крес из мертвых со славою, и на небеса вознесся, и по правую руку от величия Отца сел, а своим ученикам, свидетелям, как обещал, в виде огненных языков Духа утешителя послал и заповедал им просвещать все народы, пребывающие во тьме неведения, и крестить их во имя Отца и Сына и Святого Духа.

И одни апостолы получили восточные страны, другие же западные получили, и обходили они северные и южные пересекали страны, исполняя данные им заповеди. Тогда святой Андрей, один из полка двенадцати учеников Христовых, брат верховного апостола Петра, из Иерусалима в Синопию пришел и из Синопии в Херсон, а из Херсона пошел вверх по Днепру и остановился под горами на берегу и, утром встав, обратился к бывшим тут с ним ученикам: «Видите горы эти? На этих горах воссияет благодать божья, и будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И поднялся он на эти горы, и благословил это место, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы, где ныне стоит город Киев, и пошел вверх по Днепру, и пришел в Новгород Великий, и оттуда пошел к варягам и пришел в Рим. Но проповедовать слово спасения в Русской земле ему было возбранено Святым Духом, замыслы которого — великая тайна, и потому они недоступны разумению.

По всем странам спасительная проповедь евангельская распространилась, и все от тьмы идольской были избавлены и светом божественного разума просветились. Только Русская земля была омрачена тьмой служения идолам и скверными делами совершенно осквернена, и много уже прошло времени после вознесения на небеса едиnorodного Сына Божьего. Но не стерпела святая и божественная и достойная поклонения Троица, видя свое создание погибающим, и сошла к нам на востоке сверху и светом божественного разума просветила, верой и благочестием, премудростью и разумом праведного родоначальника, владычествующего самодержца и владыки всей Русской земли, блаженного Владимира⁵⁶⁸, сына Святослава, правнука же Рюрика. Обратилось к нему всевидящее око божье и просветило его божественным крещением, и стал он сыном света. Не только сам захотел спастись, но и всех постарался спасти и всем повелел креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа. С того времени праведное солнце — Христос светом евангельской проповеди землю нашу озарил, и апостольский глас нас научил. И боже-

ственные церкви и монастыри стали строиться, и появилось много святителей и преподобных, чудотворцев и носителей знамений, и, словно на золотых крыльях, возносились они на небо. И как прежде нечестием превзошла всех Русская земля, так теперь в благочестии всех оставила позади. В других странах хотя и много было благочестивых и праведных, но много было и нечестивых и неверных, которые вместе с ними жили и еретически мыслили. А в Русской земле не только многие деревни и села просвещены, но и города многие — все единого пастыря Христа единомудушные овцы, все единомыслящие и все славят святую Троицу⁵⁶⁹.

Что я слышал и что видел, ничего не могу утаить, и пусть никто не усомнится в этом моем рассказе, не посчитает меня возгордившимся. О светлые дети церкви! Хотел я с добрыми словами обратиться к вашей любви, пастырей наших деяния без умолчаний гласности предать и премудрости, любящей величие спасения, сообщить о доброй деятельности пастырей. Недостаточно ведь, как сказали некоторые, подробен мой рассказ, чтобы возбудить любовь в душе вашей; вам ведь нужно слышать об этом, и для вашей прекрасной души полезно это. Я же, хотя и много дней томился и воодушевлялся любовью к мужам великой души, и необагренным кровью мученикам, и одержавшим победу красноречием и хотел рассказать кое-что правдивое для вашей любви, но, свою немощь великую увидев, удерживался от прославления и восхваления их. Однако я понял, что забвение и пренебрежение — еще более тяжкие грехи. Так что вот мое писание, насколько мне было по силам. Начало нашей повести расскажем так.

О МОСКВЕ

Страна Русская и славный город Москва — свидетели слов наших. В то время беда была, и расточалось богатство, красота и слава померкла, и покровительство владыки покинуло землю нашу, лишены мы были любви его человеколюбия, оскудели города, оскудели люди, но не оскудела мерзость, и возрос плод греха, распространились дела незаконные, и возненавидели люди друг друга, и все чаще мы стали впадать в соблазн. Истощена была земля наша голодом, и многие стали есть от голода нечистоты, и мясо человеческое, и мертвые тела людей, и птиц, и зверей, и рыб, и о чем подробно в повести сказать

нельзя: ели кору деревьев, корни водорослей, грязь непотребную, и подобное этому, и многое такое, сущность чего и передать невозможно⁵⁷⁰.

Все это видел царь Борис, который вознесся на престол из чина магистра, получил власть самодержца, как некогда и Василий Македонянин⁵⁷¹; хотя и не обучен был Писанию и премудрости книжной, обладал острым природным умом. Наступил в те времена голод великий на земле, самодержец же в печали и горести пребывал и, видя смерть многих людей, сжалился весьма над голодающими и, ниву сердца своего благоразумного житом милосердия засеяв, настоящую пшеницу, которая необходима для человеческого существа, раздать повелел. Раскрыл он свои хранилища, достал богатства своей славы, растрчивая сокровища — свои сбережения и повелевая наполненные серебром мешки развязывать и давать в руки нуждающимся. Кто может поведать о человеколюбивом его нраве и заботе о нищих? Умерших в пути, от голода погибших он велел подбирать и облачать в погребальную одежду и хоронить их в земле. Никто из прежних Царей не делал ничего подобного тому, что владыка наш по отношению к убогим милостиво совершил.

Хотя он был коварным и властолюбивым, но также и весьма благочестивым: он множество церквей воздвиг, и красоту городов великолепием наполнил, лихоимцев укротил, надменных искоренил, странам чужим он страх внушал, и, как добрый гигант, был он исполнен мудрости в земной жизни, и получил славу и честь от царей, но озлобил подданных своих, и восстановил сына против отца и отца против сына, и вселил вражду в дома их, и ненависть и коварство вселил в рабов, и поднял зависимых людей на свободных, и унизил господ, находящихся у власти, и внес соблазн в мир, и породил ненависть, и возбудил рабов против господ их, и власть у знатных отнял, и погубил благородных людей много, о чем не пристало здесь распространяться, чтобы не настигла нас смерть во время написания повести. У волхвов попытался он будущее свое узнать, и надежды свои возложил на чародейство, и возгордился весьма, и заставлял почитать себя как Бога, и сказано об этом: «Поклонялись вместо творца твари»⁵⁷².

И увидел это Бог и не пренебрег этим, но зажег как огонь гнев свой, и наказал высокомерие его, и залил землю его кровью, и сокра-

тил дни жизни его, и порастил его поражением страшным, и в темные обители смерти вверх его, как недостойного величия царской власти, знамения славы небесной, тела и крови воплотившегося для искупления грехов от Девы Христа, Бога нашего. Уже мертвым его удостоили пострижения, монашеской славы, и к иноческой жизни его решили безрассудно приобщить после смерти⁵⁷³. Так умер самодержец Борис, и плакали о нем много, и погребли его в храме святого архистратига Михаила с великой и честью вместе с великими дуксами и с прежними царями, достаточную честь величию его воздав, и погребение торжественное ему устроили, в печали находясь⁵⁷⁴. Наследовал царство сын его Федор⁵⁷⁵, еще очень молодой, и был он по смерти отца печалью чрезмерной удручен, а также из-за многих беспорядков и мятежей среди людей, а был благородный этот и прекрасный юноша и видом своим, и достоинством, и речью, и знанием отцовских наставлений, и любовью к книгам замечателен. Во времена же его и перед смертью отца его были знамения многие, указания комет: однажды появилась комета в виде копья, в другой раз видели две луны и одна другую побеждала, а в другой раз на царском дворе ночью каждый час из храма благолепного Преображения Спаса и из двора царского исходил свет и поднимался в высоту. Так мы поняли, что помощи божьей лишились они, и благодать милости божьей покинула царский дом.

И восстал вероотступник⁵⁷⁶ и привлек сердца окружающих к себе, прельстил души неразумных, а благочестивых страхом смирил. Так среди многих бедствий неукротимый зверь инок Григорий⁵⁷⁷ царское имя присвоил себе и незаконными мучительными приказами всех смутил; и в замешательство пришли все перед войском его, так что он к самому царствующему городу подошел. Все навстречу вышли к нему и великими дарами радостно встретили.

А на семью Бориса и на сына его царя Федора, еще не венчанного на царство, но которого они клялись смертью избавителя Христа, Бога нашего, святым крестом его, возвести на престол, — на него разгневались все в царствующем городе Москве, как волки и хищники на овцу божью, на сына царского, и на его мать и сестру; и незаконного царя захотели сделать властителем. А на тех камнями и кольями вооружились, как настоящие враги святого креста божьего, и в храмы царские пришли, крики громкие издавая, а также многими бранными

словами осыпали их, которые сатана в их уме породил. И взяли их, отвели на прежний двор их, где они до восшествия на престол жили, с великим бесчестьем, как будто со злодеями расправлялись. И ворвались во дворы ближайших друзей их — так свершилось возмездие — и все расхитили и живших при них слуг грабили⁵⁷⁸. А незаконного царя посланники⁵⁷⁹, радуясь исполнению своих надежд и властвуя над всеми, получили указание от преступника погубить прежнего Федора царя и мать его и размышляли, как это сделать. И тут один злой советник⁵⁸⁰ явился — как он сам рассказывал мне об этом — и дал посланникам совет злой, чтобы они послали туда воинов с веревками и удавили их, и так удастся избежать волнений среди людей. Так они и сделали, как незаконный царь решил по совету нечестивому. Тело же прежденазванного царя Бориса он повелел из храма выкинуть. И было поучительное зрелище: в гробе с бесчестьем лежало тело мертвеца того — кто убил сына господина своего, кто недоброе наговаривал на того, кого сделал блаженным Христос Бог, и кто также напраслину на друзей своих возвел, и лъстивыми словами прельстил, и кто убил невинных много. И вот показал создатель тело его, после смерти выброшенное для надругательства в назидание всем неправедно мыслящим и говорящим лживые слова.

Так что, видя этого властителя, пророческому наставлению повинуйтесь, как говорит красноречивый пророк: «Итак, вразумитесь, цари, и научитесь, все судьи земли! Служите Господу со страхом и радуйтесь перед ним с трепетом. Внемлите наставлению, чтобы, когда прогневается Господь, вам не уклониться с пути праведного, ибо возгорится вскоре гнев его»⁵⁸¹. Другой пророк сказал: «Итак, слушайте, цари, и разумеите, и научитесь, судьи концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся перед народами иноплеменными!». И еще сказал: «Когда царь праведный на престоле сядет, ничто лукавое не устоит перед очами его. Кто похвалится, что имеет чистое сердце, или кто дерзнет назваться чистым от греха? Не люби клевету, чтобы не впасть в грех; открой глаза свои и досыта ешь хлеб. Мерзость перед Господом — неодинаковые гири и неверные весы — неприятны ему. От господа направляются шаги человека; грешному же как узнать путь свой? После обещания приходится каяться. Мудрый царь просеивает нечестивых. Свет Господа озаряет души людей и помыслы, которые стремятся к насыщению своего чрева. Милость ох-

раняет царя, и окружает она поистине престол его. Хорош в юношах дар мудрости, а слава стариков — седина. Раны и побои искореняют зло и удары, проникающие во внутренности чрева». Премудрый муж укрепляет город. «Любит Господь сердца праведных, приятны ему все непорочные в обычаях своих; мудростью пасет царь людей своих; очи господа охраняют знание»⁵⁸². «Лучше питаться овощами с любовью и благодатью, нежели вкушать тельца с ненавистью. Вспылчивый человек возбуждает раздор, а терпеливый раздор, готовый вспыхнуть, утишает. Терпеливый муж улаживает распрю, нечестивый же еще более разжигает ее»⁵⁸³. Но оставим это и вернемся к прежнему рассказу.

И святители и собор иереев вместе со всеми горожанами благолепно, со святыми иконами, встретили незаконного царя, псалмами и песнями духовными умилировали его все от первых до последних в городе том, и вся страна единодушно стала восхвалять его. Так вероотступник, от иноческого сана отрекшийся и сыном прославленного царя Ивана себя назвавший, превратив сердце свое в «мерзость запустения», хотя в остроте разума, в знании книжном весьма преуспел, осквернил престол царский, и сел на престоле пес, а не царь, вероотступник и осквернитель иноческого жития, а не владыка и не князь, властью облеченный. И все последовали за ним, и все вместе лукавили, и никто мужественно ему не возразил, но все от страха пришли в смятение.

Воздвигая хоромы для утех своей юношеской жизни, устраивая торжества со смехотворными личинами, распаляясь гневом и немилосердно губя благородных людей — всеми этими деяниями он сущность свою проявил, не подобающие правителю дела совершая. Так он палаты нечестиво умножал; однажды он кичился перед своими приближенными и облик хором, в которых он жил, хвалил, указывая, сколь благочестиво он их построил, как будто златоверхими постройками украсил. И весьма хвалился этим и не думал о Боге, который жизнь и дыхание дает людям⁵⁸⁴. Услышал это стоящий поблизости юноша⁵⁸⁵, которого он очень любил и который всегда заботился о его спасении — более всех людей, находившихся под властью его, — и вот он отбросил страх, без боязни против царя вооружившись, как против настоящего змея, на мысль его наступив, как на хвост, гордые слова отсекая острым мечом слова, сказал так: «О царь! Вспомни, как

царь Михаил конское стойло построил, к которому проточную воду подвел, питаемую течением реки, и многих людей удивил и созданием своим похвалялся, что такого пристанища для коней никто из прежних владык не создавал. Но магистр один достойное православного слово изрек и в присутствии людей охладил пыл царя Михаила: «Царь и владыка наш Юстиниан удивительное дело сделал, храм Вседержителю воздвиг и на это все свои средства истратил, — и того не так хвалят! Что же ты похваляешься, для навоза сокровищницу создав?»⁵⁸⁶ Так и ты похваляешься, о царь, пристанища порока золотом многим украсив, и думаешь, что эта постройка будет навеки памятью о тебе, но не похвалит тебя Создатель. Ты помышляешь о суетной славе в брэнной жизни и властелином при этом думаешь быть; или ты не знаешь, что есть Бог, который сокрушает всякое превозношение гордых, отрезает языки хвастливых и безумие насылает на риторов, возвышает смиренных, низвергает вознесшихся? Разве ты не слышал никогда, о царь, как Вальтасар, царь персидский⁵⁸⁷, сын царя Навуходоносора, принес сосуды из храма божьего, который был в Иерусалиме, и славил богов золотых, и серебряных, и медных, а Бога святого, истинного вседержителя, не прославил? И появились пальцы руки человеческой напротив светильника, и было написано о свержении его с царского престола и о сокращении дней его; так и сбылось. Зная об этом, боясь совершать непотребные дела!»

Когда царь услышал такую речь, то слова эти в сердце его как будто стрела вонзились, и он как-то тихо сказал мне: «И ты зло замыслил против меня? Оставь свою чрезмерную заботу о моей добродетели!»⁵⁸⁸ А юноша сказал: «Никогда, о царь, я не откажусь от забот о тебе; не только здесь в изобилии живя у тебя, но и при смерти я никогда не отрекся бы от тебя! Я, повелитель мой, с рождения имею обычай царя почитать и о его благе заботиться. Не забыл я о твоём спасении и тогда, когда многие на твою власть восстали. Бог свидетель тому, что мы свое усердие о твоём спасении делами доказали и, надеясь за это получить воздаяние из твоей десницы, весьма усердно думали о твоём спасении. И ничего коварного о тебе или против тебя я не помышлял, но с чистой совестью помыслы мои обращены к тебе, и я считаю правильными слова свои, и дороже своего спасения для меня видеть тебя здоровым. Но не воздам тебе чести более Бога, так как царь тоже человек!»⁵⁸⁹ От любви же к тебе, самодержец, никакое

злодеяние меня не заставит отречься, разве что твое пренебрежение христианскими заповедями. Всевидящее око божье в своем всесиили видит, как нелицемерно к вашему величеству относился мой разум!» И на этом закончил речь. Никакими муками он не угрожал мне, но закрыл рот рукой, сторонясь меня в своем бесчеловечном коварстве. В мыслях и делах своих он весьма вознесся, и самодержавие выше человеческих законов поставил, и кровь проливал, и осквернялся в грязных делах своих.

В архиерее рязанской епархии он нашел подходящего себе человека и единомышленника, из греков, по имени Игнатий, и патриархом поставил его, вершителя всяческих беззаконий⁵⁹⁰. И стал Игнатий пособником ему в его постыдном браке⁵⁹¹, и, попросту сказать, врагом Бога и людей, и единоклубен был с ним. И по указанию царя извергается из сана бывший до Игнатия первый святейший патриарх и пастырь наш Иов, как славный Герман, и возводится этот, как Анастасий⁵⁹², ненавистный не одному городу, но всей земле и во всех городах всем людям, — Игнатий, «мерзость запустения», усаживается на святом месте святых отцов наших и управление церковью принимает. Ничего божественного совершать он не привык — жезлы святителей и пастырей он раздает сановникам, потоки слез у благочестивых исторгает, сердца огорчает любящих Господа, видящих его посаженным на престоле праведных незаконным царем, царем веротступником, а точнее сказать, иноком, нарушившим обеты свои.

Царским венчался венцом настоящий отступник!⁵⁹³ Как будто по истине о нем красноречивый пророк Иезекииль⁵⁹⁴ говорит так: «Ты, недостойный правитель Израиля, нечестивым дням которого наступил конец! Так говорит Господь: сними с себя диадему и сложи венец; унизь вознесшихся и возвысь униженных. Неправдой я низложу неправду, и она не будет таковой». Видите смысл слов пророческих: ведь называет он его недостойным предводителем Израиля. Где же Израиля предводитель? Где теперь предводитель жидовский? Где главенствует Израиль? Ведь под властью многих правителей христианских и басурманских находится и до сих пор жидовский род. Если бы он о них говорил, то множественное число употребил бы пророк, сказал бы: правители Израиля; но он сказал не так, лишь одного правителя укоряет божественный пророк. Мы здесь поистине называемся истинными израильтянами новообращенными, как и в Евангелии

Иоанн Креститель говорит: «Увидел он идущих креститься и сказал: «Сотвори достойный плод покаяния. И не думайте говорить в себе: „Отец у нас Авраам”; ибо Бог может из камней этих воздвигнуть детей Аврааму»⁵⁹⁵, то есть из язычников. Ведь Израиль означает «ум, зри Бога»; так и мы с верой чистой зрим Бога, в Троице святое единоклубные и жизнь и будущее царство бесконечное. Это слово пророческое указывает на недостойнейшего правителя Израиля, неправдой несправедливо губящего людей, возвышающего униженных и унижающего вознесшихся. Не таков ли и он? Не унижил ли вознесшегося царя Бориса, не возвысил ли униженных, не сбросил ли он клобук, не возложил ли на себя венец проклятия? Но все случилось не так, как он хотел: несправедливо несправедного Бориса низложивший так же печально и насильственно окончил свою жизнь, по словам священного Писания: «Праведник спасается от беды, а вместо него попадает в нее нечестивый»⁵⁹⁶. Как апостол Петр учит нас, говоря: «Знает господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда для наказания»⁵⁹⁷; но этого человека и до суда творец осудил.

После падения этого царя виновник его смерти дукс Василий прельстил людей благочестивым видом, смирением и свои надежды на них возложил, рассчитывая, что его сделают царем; как и случилось. Подстрекает он и побуждает друзей своих коварными речами и бренными подарками, к воплощению своего желания лестью их склоняя, спешит им давать всяческие обещания. Как родня его, так и он сам с начала своей жизни при всех царях получить власть желал и разнообразное зло всегда замышлял против государей своих: с давних пор были они властолюбцы, а не боголюбцы. Так с большим трудом получил Василий царский скипетр, несправедливый и коварный свой изменнический пот утерши, в сонм царствующих вошел, предков своих превзошел. Ласковым участием привлекая и заботясь обо всех, спеша давать обещания милостивые всем нуждающимся, милости и благодеяния всем людям суля, — этими словами во множестве людей он хотел любовь возбудить и вызвать их похвалы.

Но, делая все это, он лукавил перед людским родом, не только в этом, но и во многих других делах: войдя в соборную церковь Божьей матери, неистовой дерзостью преисполнившись и «не в Боге полагая крепость свою»⁵⁹⁸, как сказано, он взял честное всесильное

наше оружие божественное, Христа, Бога нашего, святой чтимый крест, и обратился самодержец, новоизбранный царь, к людям, благодарность высказал и коварно крест целовал, присягу дал сам. Так всей земле он присягнул, обещая делать угодное всем, в царстве его живущим. О беда! О скорбь! Только ради скоропреходящей жизни этой властью обольщается царь и присягой связывает себя, хотя никто из людей этого от него не требовал; по собственной воле он дал присягу, будучи властолюбцем, а не боголюбцем⁵⁹⁹. Только на земле он желал прославиться, а не на небесах. Но разве знает человеческая природа, к чему приводят желания ее? Как только ту присягу произнес владыка, наказал его Бог неразумием, так что он стал совершать недостойные дела и тем нарушил присягу свою. И восстала против него держава его, и все нарушили присягу, которую дали ему; и в дни царства его всякая правда уснула, и суда истинного не было, и всякая добродетель иссякла.

И восстали все, живущие в окраинных городах его державы, и отложили дела свои, плуг и всякую работу, и приготовились к войне, и взяли оружие, чтобы сразиться с царем, губили добродетельных жителей своих городов и благочестивых в домах их многообразным мукам подвергли: одних они с высоких укреплений города вниз сбросили и потом прикончили, иных, к коням привязав, растерзали их тело при скачке, а иных на части рассекали и многими другими способами умерщвляли из-за грехов наших, потому что мы согрешили перед Господом нашим⁶⁰⁰. И великого удивления достойно наказание, которое понесли мы и братья наши от своих соплеменников, так что жизнь наша напомнила о временах правления прежних незаконных царей. Царь же Василий, в печали и скорби находясь, укреплялся и противился бунтовщикам: иногда он своих воинов терял, иногда их многочисленное ополчение рассеивал и множество крови врагов своих проливал различным способом, но все не хотел непритворно к Богу обратиться, будучи поглощен приличествующей юношам жизнью и трудами. Хотя он был и стар, но обезумел от великой печали: иногда он Бога просил о помощи, а иногда с чародеями свое будущее пытался узнать и гаданиям суетным и тайным предавался, так как он издавна постиг науку гадания, от которой да избавит нас человеколюбивый Христос. Дай же нам, о Боже и Господь сил, жить по правилам твоим, и понимать заповеди твои, и исполнять волю твою, и сла-

вить тебя в молитвах сердечных, и признанием твоим гордиться, и никого не знать, кроме тебя, единого Бога, с Отцом и Духом Святым всегда пребывающего и прославляемого, неразделяемое царство и власть, и на тебя надеяться, а из суетных вещей ни о чем не помышлять, но на твою всегда взирать святую славу, и на твою благость уповать, и мыслить по заповедям святых отцов, и храбрости набираться только тобой, о Иисус, свет мой, и сияние Отцовской славы и образ ипостаси его, соединивший в своем человеколюбии несмешанными человеческую и божественную природу, в безгрешной плоти два естества проявивший. Молимся тебе, чья держава неизменна и чье во-человечение нерушимо! Ничего из находящегося на земле и на небе мы не рассчитываем получить и ни во что не хотим верить, кроме как в тебя — Бога нашего владыку, а также в родившую тебя на земле царицу, и владычицу, и заступницу, и Деву Марию со всеми небесными силами, и хотим, всех удививших изначально тебе, владыке и Богу нашему, предков наших почитать и славить, поклоняться и воспевать и надежду твердую на наше спасение иметь. Но здесь следует прервать повествование, чтобы возвратиться к предмету нашему.

Этот вышеупомянутый владыка и царь наш неверием из-за многих печалей был охвачен и дерзостью преисполнился и, человеческой природе изменив, ложным наветам невежественных людей внимал, на свое царство ополчился и в злобе своих подданных обижал⁶⁰¹. Никак он от своих дурных поступков не отставал, внимая речам лживым и учениям бесовским тех, кто приходил к нему, верил их обманам и считал это истиной, и обижал этим православных, живущих в нужде, изменил он привычкам своим, которые у него сначала были. Итак, долгое время он с врагами своими сражался. Но в пятый год царствования его исполнился народ лютой ненавистью против него и братьев его⁶⁰², от бояр вплоть до простых людей все восстали, подстрекая, подбивая неразумных и не боящихся Бога, считающих свет тьмою, называющих горькое сладким и сладкое горьким, и все, пренебрегая присягой на кресте, из зависти яростно прогоняли его с престола.

В то время поистине украшал патриарший святой престол Гермоген, бывший третьим патриархом после первого святейшего патриарха Иова и после незаконного Игнатия, о котором мы раньше рассказали. Когда увидел этот добрый пастырь, что царь упал духом, он

многократно пользовал его своими наставлениями, но не смог ничего достичь. Многих бед он натерпелся от всех людей из-за царя, так что однажды его волочили грубо и повалили на землю праведника и святителя божьего, воистину истинного пастыря нашего и учителя замечательного. Порой ополчались люди на него, порой он, будучи хранителем правосудия, им противоборствовал, божественными словами и огнем Святого Духа, бывшей у него святой водой — как будто тремя заостренными копьями пронзал он трех врагов. Иногда он был охвачен страхом из-за волнений среди мятежных людей, а иногда бесстрашным становился, словесную пищу людям щедро раздавая, некоторых же наставлениями поучая, к благочестию направляя, подражая владыке Христу, кроткого учителя кроткий ученик, по церковным правилам кротко поучая людей божьих.

Получивший некогда его благословение, царь спустя некоторое время был смещен людьми своими со своего престола, так что и он и они солгали и изменили присяге на кресте⁶⁰³. Видел и я разъярившихся на царское величие, и осаждали меня мысли, и душа у меня болела за него: ибо я видел пастыря, одолеваемого своими козлятами, которые подобно волкам нападали на него и наносили раны своему владыке. Хотя я и больше всех претерпел от него гонений и был ограблен, в темнице живя при царствовании его, но ничего враждебного против него не мыслил, а более о нем скорбел⁶⁰⁴. Стремился я спасти его, но не мог, потому что из-за гнева его был бессилен, хотя искренние свои и благочестивые помыслы ему отдал. Хотя к врагам его многим, любимым и славным у царя, призывали меня присоединиться и многотысячную награду обещали мне⁶⁰⁵, надеясь, что я из-за молодости моей пренебрегу присягой на кресте Христовом и желая так погубить душу мою, но в жизни этой я ни к чему не стремлюсь, хочу только к Иисусу Христу в этом тленном теле приобщиться, чтобы он от многих совершенных мной зол меня очистил и все враждебные замыслы против меня уничтожил, чтобы я оказался правым в словах своих и утвердился в них. Однако снова, оставив это, к рассказу обратимся.

Поднялись против нас народы и осилили нас набегами отовсюду, и многой силой и свирепостью своей истребляя плоды земли нашей, и никто не додумался, как противостоять вражеской силе. Напали на благородных людей, по словам пророка: «Уснули, — сказал он, — сев-

шие на коней. Бог страшен и высоко над всеми, и кто устоит пред лицом его?»⁶⁰⁶ Согрешили мы перед ним, и нет нам оправдания, и пали мы под мечом наших собственных пороков, за грехи наши он погубил нас, умирающих в разных мучениях. Долгое время продолжались несчастья наши, поляки и литовцы, немцы и агаряне⁶⁰⁷, которые вокруг нас живут, притесняли нас.

Многие из наших именитых людей вошли в соглашение с врагами и советы давали нам, говоря, что государя у нас нет, и род властителя великого Владимира, самодержца всея Руси, дома его прекрасные наследники — наши господа исчезли, и поработены мы теперь себе подобными: «Слушайте внимательно! Вот сын польского и литовского короля, по имени Владислав, и он подходит нам в правители: юноша прекрасный, из рода древних самодержавных владык, и никто не может его упрекнуть ни в чем, настоящий властелин и подобен он во всем нашим прежним владыкам. Видя наше несчастье и смятение, отец его, самодержец, хорошее дело нам предлагает, как будто мерило правильное, сына своего нашей земле царем дает. Послужим же ему, как законному своему владыке. Не будем упорствовать в беспорядке из-за вероучения: хотя он и не одной с нами веры, но хочет он ради нас православие принять и быть с нами вместе в единой благой совести закона нашего, а их веру не исповедовать и не распространять, и не строить свои храмы, но честно соблюдать установления нашего православия, суть веры, по правилам соборов действовать, а свои умствования отвергнуть и быть последователем вселенской святой восточной церкви». Такими пространными речами они убеждали нас, а потом все сошлись на собор, и эти советы были признаны правильными.

Все это видя, церковный наш пастырь, святейший патриарх, томится душой и ревностью духовной распаляется, и призывает он не верить обещаниям чужеземцев и наших предателей. Как пророк он предсказал и указал нам, что они коварно это делают, и не на пользу нам это: «Молитесь же, чтобы мы соблюли незапятнанной чистоту веры во всех делах своих, чтобы добродетельно жили. Только умоляю, чтобы вы следовали этому, и тогда Бог вскоре мир дарует нам и избавит нас от злодеяний их ради запечатленного навеки кровью обещания Господа нашего Иисуса Христа!» При этом святитель следами лицо, одежду и бороду орошал. И было это зрелище, достойное

умиления: слезы умиления его были, «как елей, стекающий на бороду, бороду древнего Аарона⁶⁰⁸, стекающий на края одежды его, как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские; ибо заповедал Господь благословение и жизнь навеки»⁶⁰⁹. Хотя был отец наш украшен сединами благолепными, как нива, смотрящая на жнеца, никто не устыдился старости его и словам поучения его не внимал и даже нечто преступное против него замыслили.

После многих словопрений пришли к согласию с чужестранцами, и не внявшие предостережениям патриарха, и единомышленники их, не послушали они слов истинного пастыря своего, предпочли по чужим законам жить⁶¹⁰. А собственного своего царя Василия решили всем миром в иноки постричь, и по необходимости сделали это, чтобы не соединились с ним единомышленники его, чтобы не посеяли крамолу в людях и не привлекли к нему народ. О несчастье из-за безумия человеческого! Что делают? Вопреки установлениям и правилам они сами за царя произносили спасительные обеты, столь жестокосердные люди, не разумеющие книжной мудрости и установлений своих! Патриарх же наш сетовал на этих людей, говоря, что они не по заветам святых отцов поступили с царем и что он не может быть иноком⁶¹¹. И сказал он: «Когда владыка мой Христос на престоле моем власть мою укрепит, сниму я с него рясу и от иноческих обетов освобожу его, по правилам наших божественных отцов, по установлениям и по справедливости, по канонам и правилам я оправдаю его!» Говорил он против оскорбляющих церковь, и призывал на них бога истинного, и смело угрожал решившимся вместо царя отречься от мирской жизни, обещая, что они поплатятся за это и теперь должны сами стать монахами: «Кто возлагает на него иноческие одежды, на тех самих я это одеяние возложу, заставлю их быть иноками!» Услышав об этой ревности святителя божьего, ратующего за истину, они посовещались и выдали царя своего в руки иноплеменикам с родными его братьями, а те в заточении держали его в своих владениях до самой смерти. И гордились они своим пленником, говоря, что благодаря своей храбрости захватили его, и тем в изумление повергали тамошних жителей.

И, презрев клятву свою, которой они клялись, целовали при этом крест господний, дать нам в цари сына властителя своего, враги обещание свое на кресте нарушили, и солгали, и обманули нас, и вот бла-

годаря многим их лживым словам и по причине легкомыслия нашего они городом нашим овладели и народ унизили⁶¹². Священный же патриарх, видя, что народ унижен, поучал людей, словами господа их утешая. Поскольку случилось и мне там быть, он прежде всего ко мне обратился и перед всеми меня обнял со слезами: «Ты более всех искушен в науках, ты ведаешь, ты знаешь!»⁶¹³ Он обратился ко всем, сведущим в книжных премудростях, и мысли свои нам сообщил, так говоря: «Рассказывают про меня смутьяны наши, что я призываю воинов и воодушевляю их противоборствовать этому враждебному и иноверному войску, которое, нарушив клятву, владеет нами вопреки словам своим. Но я ничего такого никогда вам не говорил, ведь вы свидетели моих слов. И одно я только вам повторял: «Облачитесь в оружие божье, в пост и в молитвы. Кто научен грамоте, псалмами пусть вооружается; кто несведущ в книжной грамоте, молитву Иисуса пусть возьмет как оружие спасения; кто разбойник, пусть оставит это занятие; кто грабитель, пусть прекратит это делать; а кто стяжатель, пусть избавится от этого; а кто блудник, пусть отбросит от себя порок свой, — тогда все спасутся, обратятся к Богу и будут исцелены. И поможет нам Господь Бог, по словам пророка «вечером, утром и в полдень»⁶¹⁴. Вот оружие православия, вот противоборство за веру, вот предписание устава! А что касается того, кого признали царем, то, если он не будет одной веры с нами, не царь он нам! Не будучи единомерным, пусть не будет он у нас владыкой и царем!»

Услышав это, оказавшиеся здесь воины и властители⁶¹⁵ разгневались на архиерея и подходящих к его благословению отгонять повелели, а нарушающих их запрет разными способами разгонять приказали. А он, наш пастырь, хотя и отлучен был от приходящих к нему, хотя в страхе многие отказались подходить к его благословению, все же он не оставил обычных своих наставлений, но продолжал говорить, и поносить врагов, и еретическое безумие сокрушать, как мужественный воин Христа или как лев в чаще леса. Он обличал словами книг божественного писания их еретические замыслы против нашего благочестия, неотступно нападал и немилосердно сокрушал красноречием своих слов врагов божественных установлений. Ведь был он искушен в науках и в книжной мудрости, каноны и жития святых написал, отцом церкви был, славным кормчим, славно направляющим корабль Христа, мир этот — море, волнуемое еретическими вол-

нами, кормилом слова божьего вспенивая и корабль к спасительной пристани направляя; но волны умножались, и корабль слабел и немогал среди mnogой пены грехов. Когда увидел этот священный отец наш, что ослабевают силы, думая о спасении людей, он выбирает святителя, как бы перед глазами своего сердца пересматривает священных митрополитов, и епископов, и весь церковный причт в поисках тех, кто весьма искушен в правилах и в учении христианской веры. Так занимаясь всякими делами и наставлениями, он в божественной любви распялся и возгорался.

По указанию Святого Духа он выделил человека для служения божьему делу и святой непорочной нашей истинной вере в Христа Бога, которую завещали нам и которой нас научили все священные апостолы и божественный сонм святых отцов наших: выбрал он пресвященного Филарета, митрополита богохранимых городов Ростова и Ярославля, происходящего из рода прежних славных царей, так как союзом с ними он был облечен частицей их власти⁶¹⁶. Он побуждал его к подвигу и направил к польскому властителю Сигизмунду, чтобы просить у того сына для управления нашей державой и чтобы королевич единую с нами исповедовал божественную веру. Также кое-какие книги и наставления дал ему патриарх, словами священного писания укрепляя его⁶¹⁷. И этот славный отец проявил послушание, с другим и священными отцами он внял пастырским наставлениям: отбросив лень и в броню мужества облачившись, он прибывает к властителю польскому, который разорял города наши и истреблял плоды земли нашей, который стоял под городом нашим Смоленском, и стенобитные орудия к приступу города готовил, и вынашивал всякие мысли о разорении страны нашей, который победы одерживал. Воевода же города того⁶¹⁸, все воины и жители, которые были в нем, приступы их успешно отбивали, не ленились, как сказано: «Не хочет ведь, — сказано, — Бог в праздности и безделье сидеть, но хочет что-то делать и предпринимать против врагов своих»⁶¹⁹. Но ни во что не ставили посланников вышеупомянутый король Сигизмунд и согласные с ним советники, только сказали им: «Не обманывайте себя: все попадет в наши руки, и всем будет владеть наш властелин. Вот ваш столичный город Москва с правителями вашими на нашего властелина взирают и спрашивают его обо всем, а за это славу и почести получают, — а вы по-другому считаете!» После этого бывших там вместе

со священным митрополитом и с земским послом священников и иноков и служилых людей король отправил назад и лишь немногих главнейших в посольстве взяв, в свою страну увел и заточил их в своих городах. И взял он город Смоленск без затруднений, потому что мало осталось людей в нем, и не могли они многочисленному войску сопротивляться, но они не сдались, не преклонили перед врагами головы свои. Воеводу тамошнего пленив, долго мучил его король и в своих землях воеводу заточил. Затем король вместе с полководцами своими возвратился в землю свою, утер пот после своих трудов, наградил войско свое, радовался победам своим и нас поносил за грехи наши.

И были мы обесславлены и лишены надежды всякой, и большой чести мы удостоились у иноверного царя — получили мы в славном городе Москве еретиков, врагов божьего креста, многочисленные полки поляков и других иноплеменников и воинов, готовых сражаться ради своей славы. Наши же бояре из страха, а другие ради корысти, вошли в соглашение с ними, и повелели выйти из города воинам из наших полков, и такой услугой врагам обезопасили себя и дом свой. А святейшего патриарха в монастыре святого архистратига Михаила в том же городе Москве заточили и мучили его скудостью пищи и питья⁶²⁰. Потом они подожгли город и перебили людей: будто враги, были они заодно с иноплеменниками, и сжигая и убивая нас!⁶²¹ Спустя некоторое время после пожара подошли воины наши с ополчением и победили врагов, а многих из них осадили в городе. Много раз выходили они и бились с нами, и таяла сила их, а подошедшая подмога пыталась к ним пробиться или их освободить, но не смогли они этого сделать. А вышеназванный и святой патриарх Гермоген, славные дела совершив, к Богу отошел после многих страданий и мучений, по своей воле мучеником став.

Когда после многих приступов город свой мы освободили⁶²², в соборную церковь Божьей матери, восхваляя ее, вошли, богу, ниспославшему великую благодать, поклонились и родившую его со всеми святыми прославили, но пастыря не нашли, тогда как бы некий голос уши наши услышали: «Вот красота моя исчезла и завеса моя разорвана, еретической хулой уста затворились, прелесть поблекла! Поглотил дикий вепрь пастыря моих овец, и звери тлетворные пищу мою осквернили, заповедь служителя моего, как будто дерево в роще, под-

секли! Моего восхвалителя и людей моих учителя отсеки от меня многими мучениями и в гробе темном затворили его, молчать заставили его! Решило лживое еретическое сборище в сердце своем: «Закроем уста хулившему нас и предадим бесчестию наставления его, и уж не будет он впредь поучать людей своих, и нас не обратит к покаянию, и не смутятся наши сердца словами его!» И такие слова как будто от самой церкви услышав, мы воздали хвалы страдальцу и исповеднику: каким был отец наш, такие подобают учителю нашему и похвалы.

Добравшись до монастыря⁶²³, мы воздали хвалу божественному архангелу Михаилу, чудесам его подивились и великого святителя чудотворца Алексея прославили. Здесь же, поредевшую братию встретив, мы спросили о мученике и страдальце за Христа патриархе Гермогене такими словами: «Где вы положили пострадавшего от еретиков за Христа, нашего учителя, скажите нам? Где успокоенное слово лежит у вас, где положена втайне драхма царя небесного, где священный, незаслуженно отвергнутый церковный сосуд положен, где воин и заступник веры нашей, ответьте нам? Где спит недремлющая мысль о Боге, где сладостные слова наши втайне положены, где вовеки неприкосновенное богатство, где испытанное серебро втайне лежит у вас, где изрекающие истину честные золотые уста? Не таите не могущего утаиться!» И, найдя тело его, мы горячие хвалы страданию его воздали и говорили: «Учитель святой! Не прогневайся на нас, не внимающих словам твоим и проклятие безрассудно заслуживших, но прости наши провинности и очисти нас от беззаконий, чтобы, укрепившись словами твоими, мы победили прежнюю дерзость твоими молитвами к Богу, так как мы считаем тебя живым и после смерти. Не смогли еретики отклонить тебя от православия, и ты за веру поистине жестоко пострадал, людей вразумил и церковь спас. Помог же и мне, недостойному!» Поклонился я гробу его и из-за великой его любви ко мне долго я у гроба оплакивал то, что он удостоился венца мученичества за Христа в дни наши последние.

Вспомнил я все, и поразила меня мысль: как мы помним, некоторые говорили, что этот патриарх вселил в души искушение и смятение и возбудил людей на борьбу с врагами, пленившими нас; все они были врагами истреблены, и много крови пролилось из-за его поучений, и он в Рязанских и Северских землях поднял воинов, ободряя

их посланиями⁶²⁴. И на ум мне пришло слово преподобного Онуфрия Великого⁶²⁵: «Лучше побитым быть, но не бить, укоряемым быть, а не укорять, и относиться к бьющему, как к милосердному, и к оскорбляющему, как к утешителю». Также и святой Петр, верховный апостол, сказал о спасителе нашем Христе: «Будучи укоряем, он не укорял взаимно; страдая, не угрожал»; «он не сделал никакого греха, и не было лести в устах его», «он был покорен судье неправедному»⁶²⁶. И вот я подумал, что не пристало человеку в духовном сане призывать в поучениях к кровопролитию, но должно чуждаться и удаляться мирской жизни, как учит нас прославленный в пении псалмов пророк Давид, искренне к Богу обращается: «Избавь меня от кровей, Боже, Боже спасения моего». Но все же храм свой ему создать создатель не дозволил: «Потому что ты пролил, — сказал он, — много крови, ты не должен строить дома моего»⁶²⁷. И подумалось мне, что к нашему пастырю слова эти подходят. Тогда я служил воеводой в городах рязанских, и там был в великой со мной любви архиерей Феодорит⁶²⁸, который, во всем следуя уставу, благополучно украшал престол храма Божьей Матери, честного и славного ее Успения. Когда я спросил его о писаниях патриарха: «Не ввел ли он ими в соблазн народ и тем ополчение ваше не привел ли к гибели?» — тот, движимый духовной любовью, в глубь храма удалился и послание, написанное рукой самого патриарха, дал мне, в котором было следующее: «Возлюбленный ради Христа брат наш и помощник нашего смирения»⁶²⁹ <...>

НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

4. *О знамении на небесах.* Той же зимою⁶³⁰ зиму явилось знамение на небесах в Москве: между [церковью] Благовещения и [колокольней] Ивана Великого явился крест на небесах и звезда с хвостом. Ближние люди возвестили царю Ивану о том знамении; царь же Иван, выйдя на Красное крыльцо и посмотрев на то знамение, объявил окружающим: «Сие знамение ко смерти моей».

5. *О преставлении царя Ивана.* Спустя некоторое время, той же зимою, [царь] тяжело заболел и, чувствуя близость смерти, повелел митрополиту Дионисию себя постричь, и нарекли имя ему Иона. На царство же Московское благословил [царь] сына своего, царевича Федора Ивановича, а сыну своему меньшому царевичу Дмитрию Ивановичу повелел дать в удел град Углич со всем уездом и доходами. Сам же отдал душу свою Богу марта в 18 день, на память святого отца нашего Кирилла Иерусалимского.

7. *Об уделе царевича Дмитрия.* Царь же Федор Иванович отпустил брата своего царевича Дмитрия Ивановича с матерью царицей Марией Федоровной на удел в град Углич; с ним же послал отца царицы Федца Нагого и всю родню Нагих, да с ним же отпустил окаянную мамку ее Марию Волохову и сына его Данилка, да Никитку Качалова. О них же подлинно написано в [повествовании] об убийстве царевича Дмитрия Ивановича. <...>

11. *О розни и вражде боярской.* В лето 7093⁶³¹, видя враг царя праведного и святого, разжег вражду между бояр. И разделились на двое: Борис Федорович Годунов с дядьями и с братьями, к нему же пристали и иные бояре и дьяки, и думные и служивые многие люди; а с другой же стороны князь Иван Федорович Мстиславский, а с ним Шуйские, и Воротынские, и Головины, и Колычевы, и иные служивые люди и чернь московская. Борис же Годунов со своими советниками, надеясь на покровительство царя, их осилил. Князя Ивана Федоровича Мстиславского схватили и сослали в Кирилов монастырь, где его и постригли; а Воротынских и Головиных и иных схватили и по городам разослали, а иных в темнице затворили. <...>

25. *Об убийстве царевича Дмитрия Ивановича и разорении града Углича*⁶³². По смерти царя Ивана Васильевича на восьмой год, Бог попустил ради грехов наших во многих знатнейших [людях] силь-

ную зависть, и гордость, и неправду, и ненависть не только друг к другу, но и на самого государя помышляли смертным убийством и неправду творили. С ними же дьявол, изначально ненавидящий род человеческий, видя братьев Федора и царевича Дмитрия, ни о чем же земном не радеющих, ни славы мира сего, ни богатства не желающих, и не мог ни в чем их уловить, никому же зла [они] не желали. Вложил же дьявол в знатных не стремление заслужить честь друг перед другом, не желание отеческого достояния прославить, но один из них мыслью вознамерился самодержавство захватить и старейшиной стать в Русском царстве. Из них же, знатнейших, был боярин Борис, называемый Федоровичем Годунов, ненавидел братию свою бояр, и бояре его не любили, потому что многих людей погубил напрасно. И вложил дьявол ему в мысль извести праведного своего государя царевича Дмитрия; и помышлял себе: «Если изведу царский корень, то буду сам властелин в Руси», — как окаянный Святополк⁶³³ умышлял на братьев своих Бориса и Глеба: «Если перебью братьев свою, то буду один властелин в Руси», — а не зная того, что Бог власть кому хочет, тому власть и дает. Сей же окаянный Святополк послал братьев своих убить, так же и Борис послал в Углич, чтобы сего праведного [царевича] отравить зельем. Ему же, праведному царевичу Дмитрию, давали ядовитое зелье, когда в еде, когда в питье, но Бог хранил праведника, не хотя втайне его праведную душу принять, а хотя его праведную душу и неповинную кровь объявить всему миру. Борис же, про то услышав, что ему [царевичу] ничего не вредит, и огорчившись тем, призвал братьев своих Годуновых и советников своих Андрея Клешнина⁶³⁴ с товарищами и поведал им, что [царевича] ничего не вредит. Один же из них, Годунов Григорий Васильевич⁶³⁵, к их заговору не присоединился и плакал горько; они же его к себе [уже более] не призывали и его чуждались. Сии же советники Борисовы замыслили кого-нибудь выбрать и послать убить праведного [царевича]. И избрали Владимира, называемого Загрязского⁶³⁶, да Никифора Чепчугова⁶³⁷ и из них одного [вознамерились] послать. И им же, Владимиру и Никифору, о том сказали; они же люди богобоязливые, не только такое сделать, но и помыслить против своего государя не захотели. Возвестили о том Борису, что не хотят никто ехать; он же сильно опечалился, что ничего из задуманного им не свершилось. Советник же его Андрей Клешнин сказал ему: «Не скорби о том, есть у меня братья и друзья, будет твое

желание исполнено». Тем же Владимиру и Никифору, что их воли не совершили, многие беды и напасти содеяли. Тот же Андрей Клешнин пришел в дом свой и возвестил братьям и друзьям, но никто из них на такое преступление не склонился. И вошел дьявол в одного из них, Михаила Битяговского. И как вошел сатана в Иуду Искариотского, и тот пошел к иудеям, говоря: «Что мне дадите, чтобы я вам предал Иисуса?»; они же поставили ему тридцать серебряников, и он начал выжидать [момента], чтобы предать Иисуса, — так и сей окаянный Михаил, замыслив на своего государя, на такого чистого агнца, пошел к Андрею Клешнину и объявил ему: «Я хочу волю вашу сотворить». Андрей же обрадовался, и пошел к Борису, и возвестил ему об этом. Борис же того Михаила повелел привести к себе и обещал воздать ему большую честь, и, одарив, отпустил в Углич, да с ним же послал сына его Данилку да Никитку Качалова, и велел им ведать в Угличе все. Они же пошли в Углич, как кровожадные волки на праведного, и пришли в Углич вскоре, и начали всем владеть. Царица же Марья Федоровна, видя их злой умысел, начала его [царевича] беречь и никуда от себя из хором не отпускать. Они же, окаянные, сговорившись с мамкой его с Марией Волоховой да с сыном ее Данилкой⁶³⁸, и решили они его, праведного, убить в лето 7099⁶³⁹, месяца мая в 15-й день. Мать же его, благоверная царица Марья, была у себя в хоромах; окаянная мамка Волохова обратилась к праведному с лживыми словами, как змия, прельстившая Евву, так же и сия окаянная обольстила мать его, и взяла его [царевича] и повела на двор. Кормилица же его, воспитавшая его грудью своей, не хотела пустить его, но она, [мамка] проклятая, чуть ли не силою повела его на заклание; сия же кормилица его пошла с ним на нижнее крыльцо. Сии же окаянные, точно звери ярости исполненные, подошли к крыльцу. Тот же злодей Данилка Волохов, взяв праведного за руку, сказал ему: «Сие у тебя, государь, новое ожерельице?» Он же ему отвечал тихим голосом, подставив шею свою: «Сие есть старое ожерельице». Он [Волохов] же, как змея жалит жалом, ударил ножом праведного по шее, но не достал ему до гортани. Кормилица же, увидев гибель государя своего, заслонила его и стала кричать. Тогда окаянный Данилко бросил нож и побежал; соумышленники же его Данилко Битяговский да Никитка Качалов начали ее бить и едва живую оставили, праведного же у нее отняли и закололи, точно чистого агнца, юнца восьмилетнего. Они же, окаянные, побежали; мать его, видя

смерть сына своего, закричала над ним. О чудо праведное и ужасное, как мертвое тело трепетало долгое время, как голубь! Тотчас об убийстве узнали в городе и на посаде, в ворота, езда, стучали и кричали: «Что сидите? Царя у вас нет». Они же [жители Углича] выбежали за ворота, не видя же никого. В то время на государевом дворе было пусто, братия же его и дядья разошлись по домам, поскольку был полдень; лишь соборный пономарь, увидев такую беду, поднялся на колокольню и начал бить в колокол; окаянные же к нему приступали, хотели его убить, но не смогли. Люди же его [царевича], и братия и дядья, и все люди града Углича сбежались на его государев двор и увидели страшное: государя своего лежащего мертвого, мать его и кормилица тут же у тела лежали, как мертвые; они же над телом его вопили и сих убийц, Михаила Битяговского с женой и с их советниками, побили камнями. Те же окаянные Никитка и Данилко побежали, и пробежали двенадцать верст; кровь же праведного вопияла к Богу и не пустила их; они же, окаянные, возвратились назад. Горожане же и их побили камнями, и всех их, окаянных, побили двенадцать человек и бросили в яму псам на съедение. Тело же [царевича] праведное положили во гроб и отнесли в соборную церковь Преображения Спасова. К царю же Федору послали гонца известить, что убит был его брат от рабов; гонца же привели в Москве к Борису, Борис же велел грамоты переписать, а писать повелел, что [царевич] одержим был недугом и сам себя зарезал небрежением Нагих, и приказал те грамоты отдать царю Федору. Царь же, слыша об убиении брата своего, долго плакал и ничего не мог произнести. И послал про то сыскать и тело его праведное похоронить боярина князя Василия Ивановича Шуйского да с ним Андрея Клешнина и властей; и тех Нагих приказал привести в Москву. Князь же Василий с властями пришел вскоре в Углич и осмотрел тело праведного закланное и, помянув свои прегрешения, долго плакал горько и не мог говорить ни с кем, онемевший стоял. Тело же его праведное погребли в соборной церкви Преображения Спасова. Князь же Василий начал расспрашивать всех людей града Углича, как небрежением Нагих [царевич] закололся. Они же утверждали все в один голос, иноки и священники, мужи и жены, старые и юные, что убит [царевич] был рабами своими, Михаилом Битяговским, по приказу Бориса Годунова и его советников. Князь же Василий пришел к Москву и сказал государю несправедно, что [царевич] сам себя заколол. Царь же

Федор наложил опалу на Нагих; Борис же с боярами пошел к пытке и Михаила Нагого и Андрея и других Нагих пытал крепко, чтобы они сказали, что [царевич] сам себя заколол. Они же никак того не говорили: то и говорили, что от рабов убит был. Борис же разъярился, хотел и остальных погубить; царицу Марью повелел постричь и сослать в пустынное место за Белоозеро, а Нагих всех разослал по городам по темницам; город же Углич повелел разорить, за то, что убили тех окаянных и на него наговорили. И иных казнили, иным языки вырезали, иных по темницам разослали; множество же людей выселили в Сибирь, и основали град Пелым, и ими населили, и из-за этого Углич запустел. Тех же окаянных убийц повелел похоронить и погresti их окаянные тела честно; ту же окаянную мамку Волохову и тех убийц жен устроил, подавал им жалование многое и вотчины. <...>

57. *О смерти царя Федора.* Премилостивый же Бог, не желая грешникам смерти, но обращая к покаянию, наводя, грехов ради наших, и наказуя нас многими скорбями, а иногда междоусобной бранью, а иногда же многими пожарами, когда же нашествием иноплемennых, когда же голодом, а все приводит людей к покаянию. Мы же Божии наказания ни во что не ставим, неисправимы и непотребны бываем, от зависти и гордости и неправды не избавляемся. Милостивый же Бог, не желая погубить род христианский, но видя наше согрешение, наводит из-за грехов наших, плач, и рыдания, и вопль многих. Яко же и в древности Рахиль, плачущая о чадах своих⁶⁴⁰, не желая утешиться, такое рыдание не в Полестинской земле, но здесь, в Русской земле, видя над собою такие скорби и беды многие, что последний цвет Русской земли на глазах у всех уходит, видя царского корня пресечение и преставление благочестивого и праведного и милостивого государя царя Федора Ивановича всяя Руси. В лето 7106⁶⁴¹ году впал государь царь Федор Иванович в болезнь и, чувствуя уход свой к Богу от суетного мира в вечный покой, призвал к себе благочестивую царицу и великую княгиню Ирину Федоровну и, дав ей о Христе целование и простив ее, запретил ей царствовать и велел принять иноческий образ. Потом же приказал призвать патриарха Иова и бояр своих. Патриарх же и бояре и все люди с плачем и рыданием молили его, государя; и говорил ему патриарх Иов: «Видим, государь, мы, свет меркнет пред очами нашими и твое, праведного, отшествие к Богу: кому сие царство и нас, сирых, приказывашь и свою царицу?» Он же

отвечал им тихо: «В сем моем царстве и в вас волен создавший нас Бог: как Ему угодно, так и будет. А с царицей моею Бог волен, как ей жить, и о том у нас договорено». Патриарх же тут стоял, и власти и бояре; он же, государь, посмотрев в сторону дверей, спросил патриарха: «Кто сии два святителя, стоящие у дверей? Я их не знаю». Патриарх же назвал ему всех архиереев, которые с ним пришли. Он же отвечал ему: «Всех тех знаю, о которых говоришь мне; только тех двоих не знаю». Мы же все поняли, что видит он, государь, ангелов. Потом же государь велел себя соборовать святым маслом и причастился божественным Тайнам Христовым и честную свою праведную душу отдал Богу января в 7-й день. Тело же его праведное вынесли и, отпевши надгробными песнями, погребли честно в Москве в соборной церкви Михаила Архангела, где изначально погребен их царский корень, в приделе у Ивана Описателя Лествицы, подле отца его царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси. И был же на Москве в тот день погребения его плач и вопль великий, что и пения не было слышно от плача, и что друг другу говорили, нельзя было услышать от плача. Царствование его было 15 лет и 10 месяцев, всех лет прожил 33.

58. *О пострижении царицы Ирины.* После погребения царя Федора Ивановича всея Руси его благочестивая царица и великая княгиня Ирина Федоровна с похорон государя, не заходя в свои царские хоромы, повелела себя отвести простым обычаем в пречестной монастырь Богородицы честного Ея Одигитрия, что зовется Новый монастырь, от города Москвы в пяти поприщах; и в том монастыре она, государыня, постриглась, а в инокинях получила она имя Александра, и пребывала она, государыня, в келии своей от пострижения и до смерти своей, и кроме церкви никуда не ходила; а церковь поставлена была у ней, государыни, у угла кельи⁶⁴².

59. *О наречении на царство царя Бориса.* Царствующего же града Москвы бояре и все воинство и всего царства Московского люди ото всех городов и весей выбирали [выборных] людей и посылали в Москву на избрание царское. Бояре же и воинство и все люди пришли к патриарху Иову и молили его, чтобы им выбрать царя на царство. Патриарх же и все власти, со всей землей посововетовавшись, решили посадить на Московское государство царя Федора Ивановича шурина Бориса Федоровича Годунова, учитывая его при царе Федоре Ивановиче праведное и крепкое правление и людям ласку великую.

Они же чаяли от него и впредь милости, а не чаяли люди на себя от него гонения. И молили его многие люди, чтобы он сел на Московское государство; он же им отказывал, как бы не желая, сердце же его и мысль давно этого хотели. Только князья Шуйские не хотели его на царство, предугадав, что быть от него людям и себе гонение. Они же потом от него многие беды и скорби и притеснения приняли. Патриарх же Иов созвал собор со всеми властями и призвал к себе бояр и воинство и всех православных христиан и, в соответствии с [решением] собора, решили идти с честными крестами и святыми иконами и всем множеством народа в Новый Девичий монастырь молить и просить у великой государыни Александры, чтобы их государыня пожаловала, дала им на царство брата своего Бориса Федоровича. И на Сырной неделе, во вторник, [Иов], взявши честной крест и святые иконы и образ Пречистой Богородицы Владимирской, написанный евангелистом Лукой, со всем множеством народа пришел в Новый монастырь в Девичий, и пел молебны, и молил царицу Александру много часов, чтобы пожаловала, дала на царство брата своего. Она же, государыня, не думала об этом и не хотела суетного жития, и отказала, говоря: «Отошла я от суетного жития сего; как вам угодно, так и творите». Но все же государыню умолили, и повелела [она] брату своему на царстве быть. Его же молили много часов со слезами, чтобы не презрел моления [народа]. Он же их пожаловал, и был наречен в тот же день на царство; и установили в тот день праздновать праздник Пречистой Богородицы Одигитрии, и праздновали тот день Пречистой Богородицы до приходу Расстриги. И пришел из Девичьего монастыря в Москву, в государские хоромы, отговев Великого поста неделю на Соборное воскресение; к царице же к Александре ездил в Новый Девичий монастырь каждый день.

60. *О походе в Серпухов царя Бориса.* Того же году, после Великого дня, не совершив еще обряд венчания, пошел [Годунов] в Серпухов против крымского царя со всеми ратными людьми; пришел в Серпухов, и повелел со всей земли боярам и воеводам с ратными людьми идти к нему в сход, и раздавал ратным людям и всяким [другим] в Серпухове жалование и милость великую. Они же, видя от него милость, возрадовались, ожидая и впредь от него подобное жалование. <...>

62. *О послах крымских.* Пришли же крымские послы, и расположили их от лагеря в семи верстах. А сам царь Борис стоял не в Серпу-

хове, а на лугах у Оки реки; той же ночью повелел [Годунов] ратным людям стрелять во всех станах, и была стрельба всю ночь, не умолкая ни на один час. И в [день] памяти святых апостолов Петра и Павла были послы у государя; и поставили пеших людей с пищальми от стана государева до станов крымских на семи верстах, а ратные люди ездили на конях. Послы же, видя такое множество войска и слыша стрельбу, пришли в ужас и явились к царю, и едва посольство могли править от такого великого страха. Царь же Борис послов пожаловал своим великим жалованием и отпустил их с великой честью к царю крымскому; и послал с ними своих посланников, и к царю послал свои государевы дары многие. <...>

65. *Царствование царя Бориса.* В лето 7107 году⁶⁴³, на сам Семенов день, венчался царь Борис царским венцом в соборной церкви Успения Пречистой Богородицы, а венчал его патриарх Иов и все власти московские, а золотыми в дверях его осыпал боярин князь Федор Иванович Мстиславский. Царь же Борис три дня пировал и жаловал многих великих людей: многим дал боярство, а иным околичничество, и иным думное дворянство, а детей их многих [жаловал] в стольники и в стряпчие и давал им жалование великое, объявляясь ко всем добрым. <...>

71. *О доносах холопов на бояр.* Искони враг наш дьявол, не желая добра роду христианскому, приводя его к последней гибели, вложил мысль царю Борису, чтобы тот возжелал в Московском государстве о всем ведать, чтобы ничего от него утаено не было; и размышлял о сем много, как бы то и от кого можно было узнать. И остановил мысль свою на том, что кроме холопей боярских узнавать не от кого, и приказал тайно научить доносить на боярина князя Федора Шестунова⁶⁴⁴ человека его Воинка. Тот же Воинко донес на государя своего. Царь же тому боярину, на виду у людей, сначала никакого зла не сделал, но того Воинка пожаловал, велел ему объявить о своем государевом жаловании перед Челобитным приказом на площади, перед всеми людьми, и дал ему поместье, и велел служить в городских детях боярских. Люди же боярские со всех дворов, видя такую награду Воинку, начали замышлять на своих господ, и сговаривались человек по пять или шесть, один шел доносить, а другие объявлялись свидетелями и ему потакали. Те же люди боярские, которые не желали души свои отдать на дно адское и государей видеть в крови, в погибели и разо-

рении, доносчикам сопротивлялись и за государей своих стояли, и они же, несчастные, были мучимы: пытали их, и огнем жгли, и казнили, а иным языки резали и по тюрьмам сажали. Они же крепились и не посягали против государей своих. Государи же им за [такое] терпение воздавали свою любовь, а тех же доносчиков царь Борис жаловал своим великим жалованием, некоторым давал поместья, других жаловал из казны, а более всех наградил холопов Федора Никитича Романова и его братьев, за то, что они на господ зло замыслили. И от тех наветов в царстве была великая смута, друг на друга люди доносили, и попы, и монахи, и пономари, и просвирницы. Да не только они, но и жены на мужей доносили, а дети на отцов, и от такого ужаса мужья от жен своих таились. И в тех окаянных доносах много крови пролилось неповинной: многие от пыток померли, иных казнили, иных по темницам рассылали, дома разоряли. Ни при каком государе подобных бед никто не видел. <...>

87. *О Гришке, как он обманом перед [мнимой] смертью назвался царевичем.* Тот же проклятый окаянный Гришка, подученный дьяволом, написал письмо о том, как умер царь Иван, и как царевича Дмитрия царь Федор отпустил на Углич, и как повелел его Борис убить, и как будто его Бог спас, а вместо него якобы бы убили угличского поповского сына, а его укрыли бояре и дьяки Щелкаловы по приказу отца его, царя Ивана, и как будто бы, не имея возможности его дальше скрывать, переправили в Литовскую землю. Сам же злодей, по дьявольскому наущению, лег, словно заболел и едва говорил. То же письмо спрятал тайно под постелью, и приказал позвать к себе попа, будто для исповеди, и злым лукавством велел тому попу: «После смерти моей погребите меня честно, как хоронят царских детей; а сей тайны [я] тебе не скажу, а есть о том у меня спрятанное письмо под постелью. И как умру, ты это письмо найди и прочти тайно, никому о том не говоря: Бог уж мне так судил». Поп же, услышав такое, пошел и сообщил князю Адаму⁶⁴⁵. Князь же Адам пришел к нему сам и спрашивал его обо всем. Он ничего ему не отвечал. [Тогда] князь Адам у него под постелью стал искать. Тот же как будто сопротивлялся, якобы не желая свиток отдать. Когда же князь Адам отнял у него силой и прочел свиток, то пришел в смятение, не зная, что делать. И, не желая это скрывать, взял его [Гришку] и отправился к королю на сейм. Король же его и вся Рада расспрашивали; он же, злодей, рассказывал им [про спа-

сение], как истинную правду. Всех же больше его защищал Сердомирский воевода⁶⁴⁶. Король же Жижимонт⁶⁴⁷ и вся рада⁶⁴⁸, не боясь праведного суда Божия и забыв про крестное целование, на чем крест целовали в мирном постановлении, яко же и лукавый Витовт⁶⁴⁹ король, преступивший и нарушивший мирный договор, и [со своей] ратью псковские пригороды и волости и села повоевал, так и сей клятвopеступник Жижимант, король польский, и вся рада стали тому окаянному Гришке помогать: рать ему разрешили нанять; а он, окаянный Гришка, дал им обещание, чтобы объединиться с ними в одной еретической латинской вере.

88. *О казачьем посольстве с Дона в Литву к Гришке Отрепьеву.* И проводали про него [Отрепьева] такие же воры собаки донские казаки, и послали к нему с Дона атамана Корелу; с ним же послали казаков и дары многие, и ударили челом, чтобы он не медлил, шел на Московское государство, а они ему все рады. Те же окаянные поляки, видя приезд собой людей из Московского государства, активнее стали ему помогать. Тем же казакам от царя Бориса было гонение великое: не пускали их ни в какой город, куда придут, везде их хватали и в темницы бросали. И они же пошли к нему, некоторые по принуждению, не имея себе пристанища нигде⁶⁵⁰. <...>

101. *О наречении царевича Федора Борисовича на царство и о посылке под Кромы.* На Москве же бояре и все люди нарекли на царство царевича Федора Борисовича и крест ему целовали. Под Кромы же, в полки, послали ко кресту приводить новгородского митрополита Исидора да бояр: князя Михаила Петровича Катырева-Ростовского да Петра Басманова; того же Петра послали для верности. Царица же и царевич ему говорили, чтоб и царевичу служил так же, как царю Борису, отцу его. Он же, Петр, отвечал им ложью, что хочет им служить верно. Он же, Петр, всю злую беду соделал. Боярам же, князю Федору Ивановичу Мстиславскому, да князю Василию Ивановичу, да князю Дмитрию Ивановичу Шуйским, повелел [царевич] быть в Москве. С тем, что бояр тех взяли к Москве, и все дело испортилось под Кромами.

102. *О приезде под Кромы митрополита и о крестном целовании, и об измене боярской, и о рати.* Пришел под Кромы новгородский митрополит Исидор с боярами и начал приводить к кресту [за царевича Федора] всех ратных людей. Некоторые, помня свою православную христианскую веру, по государе плакали и крест целовали

с правдою; некоторые же не хотели видеть в Московском государстве добра, те же о такой гибели радовались. После же того крестного целования вскоре совещался [с другими], на злую свою гибель, и забыл крестное целование Петр Басманов. Ему же был в той мысли советник князь Василий Голицын с братом со князем Иваном, да Михайло Салтыков; да с ними же в совете городовые дворяне Рязани, Тулы, Каширы, Алексина⁶⁵¹. И, забыв свое обещание и крестное целование, царевичу Федору изменили, начали бояр хватать: схватили Ивана Годунова и связали. По своему лукавству князь Василий Голицын велел и себя связать, желая от людей утаить, а от Бога не утаить ничего же. Бояре же и ратные люди, которые помнили о своей душе, покинув все свое имущество, душой и телом побежали: князь Михайло Петрович Катырев да князь Андрей Андреевич Телятевский прибежали в Москву. Царица же и царевич всех тех, кто с ними ратные люди прибежали, пожаловали. <...>

104. *Об измене московской.* Те же мужики красносельцы их приняли и рады им были⁶⁵². Пришла же весть царевичу, что те мужики изменили и хотят быть в городе. Он же повелел послать их схватить, но против Божией десницы никто не может устоять: ничего не смогли. Те же посланные из Красного села не дошли [до города], испугались и назад вернулись. Те же вражьи посланцы красносельцы собрались и пришли в город на Лобное место. Многие же служивые люди к ним приставали: иные своей охотою, а иные и страха ради смертного, видя такое прогневание Божие. Бояре же пришли к патриарху и возвестили ему о злом совете московских людей. Патриарх же Иов, столп непоколебимый, со слезами молил, укреплял их, и ничего не достиг. Миром же пришли в город, и бояр взяли и повели на Лобное место, и прочитали его, окаянного, дьявольские прелестные грамоты, и возопили все единогласно и здравствовали его, Расстригу, на государство. Пошли же во град [Кремль], царицу же и царевича и царевну схватили, и отвели на старый двор царя Бориса, и приставили к ним приставов. Годуновых, и Сабуровых, и Вельяминовых перехватили и всех отдали приставам. Дома же их все разграбили миром: не только имущество пограбили, но и хоромы разломали, и в селах их, и в поместьях, и в вотчинах также пограбили. Те же его [Гришки] посланцы, Гаврило Пушкин и Наум Плещеев, послали к нему с сеунчем⁶⁵³. Он же, окаянный, то услышав, возрадовался и быстро пошел на Тулу. <...>

106. *О патриархе Иове и рассылке Годуновых.* До приезда боярского, еще не приехали [бояре] из Москвы [на Тулу], он же, Гришка, послал в Москву, на злое свое умышление, на убийство царицы и царевича тех своих советников и доброхотов, угодников своих князя Василия Голицына, да князя Василия Мосальского, да дьяка Богдана Сутупова, а распорядиться всем послал Петра Басманова. Те же его советники пришли к Москве и повеление его, окаянного, творили: патриарха Иова с престола свели, привели его в соборную церковь и начали с него снимать святительское платье. Он же, взяв с себя панагию, подошел к образу Пречистой Богородицы, который писал богогласный евангелист Лука, и начал со слезами у образа Пречистой Богородицы говорить: «О Всемиловитая Пречистая Владычица Богородица. Сия панагия и сан святительский возложен на меня, недостойного, в храме Твоем, Владычица, у честного образа Твоего, чудотворной иконы. Сею же [панагией] я, грешный, исправлял слово Сына Твоего Христа Бога нашего девятнадцать лет, сия православная христианская вера нерушима была; ныне же, грехов ради наших, видим на сию православную христианскую веру нахождение ереси. Мы же, грешные, молим: “Умоли, Пречистая Богородица, Сына Своего Христа Бога нашего, утверди сию православную христианскую веру непоколебимо”. И плакал много часов, и ту панагию положил у образа Пречистой Богородицы. Они же, те его [Гришки] посланцы, взяли его [патриарха] и положили на него черное платье, и вывели его из соборной церкви и посадили его в телегу, и сослали его в Старицу в монастырь Пречистой Богородицы, где он когда-то принял постриг. Всех же Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых из Москвы послали по тюрьмам в понизовые⁶⁵⁴ и в сибирские города. Одного из них, Семена Годунова⁶⁵⁵, сослали в Переславль Залесский с князем Юрием Приимковым-Ростовским, и там его удушили.

107. *Об убиении царевича Федора с матерью.* После ссылки патриарха Иова и Годуновых тот же князь Василий Голицын да князь Василий Мосальский, взяв с собой Михалка Молчанова, да Андрея Шерефединова, да трех человек стрельцов, пошли на старый царя Бориса двор, где сидели царица и царевич за приставами, и вошли в храмину, где они сидели. Царевич же с царевной сидели, как агнцы нескверные, ожидая себе заклания, яко же за праведную кровь царевича Дмитрия отмищая Бог за отеческое прегрешение над такой же нескверной кровью,

над царевичем Федором. Те же стрельцы убийцы развели их по храминам порознь. Царицу же Марию те убийцы удавили в том же часу, царевича же многие часы давили, яко не по молодости его дал ему Бог в ту пору мужество. Те же злодеи убийцы ужаснулись, яко один с четырьмя борется, один же из них, злодей убийца, ухватив за тайные уды, раздавил [их]. Тот же князь Василий [Голицын] с товарищами сказал миру, что царица и царевич со страху выпили [отравленное] зелье и померли, царевна же едва ожила. Повелел же их тела положить в гроб. Отмщением же Бога за кровь царевича Дмитрия и иные неповинные крови, яко и мертвое тело поругано было. Тело же царя Бориса в [церкви] Архангела выкопали и положили в гроб простой, и несли с царицей и царевичем просто, и погребли на Стретенской улице в Варсонофьевском монастыре. Царевну же Оксинью постригли [в монахини] и сослали во Владимир в Девичий монастырь. К тому же окаянному Гришке послали с вестью, что погубили царицу и царевича. Он же, окаанный, рад был.

108. *О приходе Расстриги к Москве.* Пошел тот Расстрига с Тулы и пришел в Серпухов, а из Серпухова пришел на реку Московку. Тут на реке Московке встретили его со всем царским чином, и [духовные] власти пришли, и всяких чинов люди. С Москвы же реки пошел к Москве, и пришел в село Коломенское и встал тут. День же был тогда прекрасен, многие же люди видели тут: над Москвою, над градом и над посадом, стояла тьма, кроме же города нигде не [было] видно. А из Коломенского же пошел Расстрига к Москве, из Москвы же его встретили чисто⁶⁵⁶ всякие люди, и с крестами его дожидались на Лобном месте. Он же, Расстрига, сошел с коня и пришел к крестам, и повелел начать петь молебны, а те латыне литва сидели и трубили в трубы и били в бубны. С Лобного же места пошел во град [Кремль], в царские хоромы, и начал пировать многие дни с тою литвою, и с советниками. Люди же московские многие его, окаянного, опознали, и плакали о своем согрешении, и не могли ничего сделать, кроме рыдания и слез. <...>

111. *О князе Василии Ивановиче Шуйском с братьями.* Видели же многие православные люди на православную христианскую веру гонение, боярин князь Василий Иванович Шуйский с братьями начал помышлять, чтобы православная христианская вера до конца не разорилась. Он же, тот Гришка, узнал о них, повелел их схватить и пове-

дел собрать собор, и объявил про них, что «умышляют сии на меня». На том же соборе ни [духовные] власти, ни из бояр, ни из простых людей никто за них [Шуйских] не стоял, все же на них кричали. Он же, Расстрига, видя, что никто им не помогает, повелел посадить их в темницу; старшего же брата их, князя Василия, повелел казнить, и едва упросили его царица Марфа и бояре [пощадить]. Он же от казни их освободил и разослал по городам, в галицкие пригороды, по темницам.

112. О казни и о пытках. Люди же московские, видя на себя гонение, друг с другом переговаривались, а друг на друга клеветали. Он же [Расстрига], окаянный, еще более разъярился на православных христиан: многих, схватив, разными пытками пытал; иные же, не стерпев пыток, на себя [напраслину] говорили, а иные же крепились, а другие и впрямь его, Расстригу, обличали. Он же, Гришка, разослал их по темницам, а Петру Тургеневу, выведя его на Пожар, отсек голову, и многие беды творил, яко и язык человеческий не может изречь о его злодейском житии. <...>

114. О приходе к Москве Сердомирского с дочерью и о встрече [их]. Сердомирский же с дочерью своею пришел под Москву, тот же Расстрига всем людям ратным повелел встречать [их] за городом, и приняли [их] с великой честью. Сердомирского же поставили на старом дворе царя Бориса, дочь же его в Вознесенский монастырь поселили к царице, всех же панов поставили по дворам боярским, многим же сотворив утеснение. <...>

115. Об умышлении [против Расстриги] и казни стрельцкой. Литовские же люди в Москве ходили по церквям Божиим, и христиане же никто им не смели перечить. И возникла мысль у служивых людей, у стрельцов, чтобы им к кому-нибудь пристать [с заговором]. И один стрелец из них возвестил о том Петру Басманову. Петр же Басманов возвестил о том окаянному, он же [Расстрига] повелел их, перехватав, привести во дворец. Привели их во дворец, и тот же Петр Басманов начал их расспрашивать. Они же, не ужасаясь ничего, не желая суетного жития Мира сего, начали ему говорить встречу. Голова же стрельцкий Григорий Микулин⁶⁵⁷, не убоявшись суда праведного Божия, дерзнул на смертное убийство, сам своими руками побил их во дворце и рассек их на части. Тот же Расстрига его [Микулина] пожаловал и от должности отставил, а дал думное дворянство.

119. *Об убиении Расстриги.* Люди же Московского государства, видя такой гнев Божий на себя, единодушно все замыслили, как бы против него, окаянного, сотворить [заговор], чтобы православная вера до конца разорена не была. Против него же, Расстриги, больше всех выступал тот же князь Василий Шуйский с братьями; собравшись, пришли на него того же месяца мая в 14-й день. За него [Расстригу] стояли советники его, Петр Басманов с немцами и с стрельцами московскими. Они же [Шуйские с товарищами], призвав Бога в помощь, пошли на врага. Он же [Расстрига], видя то, выбросился из палаты в окно, стрельцы же его подхватили и привели опять в палату, и бились за него. Начали же стрельцы боярам говорить: «Идем к царице, допросим ее; и если будет, [что он] истинный сын ее, мы все помрем за него, а если скажет, что не истинный, то в нем Бог волен». И пришли к царице, и спросили ее. Она же со слезами возопила: «Ныне знаю его, окаянного; называла его сыном своим ради страха смертного». Пришли [от] нее и его, Расстригу, убили, и угодника его Петра Басманова убили с ним же⁶⁵⁸, и вывезли на Пожар, и лежал [труп Расстриги] три дня на Пожаре, всему народу на обозрение, и Петр Басманов с ним же. Через три дня повезли его в Котлы и сожгли, а Петра Басманова схоронили у [церкви] Николы Мокрого.

120. *О побище и грабеже литовских людей в Москве.* После убиения Расстриги, в тот же день, поднялся весь мир и пошел по дворам [на литовских людей] приступом. Они же, литовские люди, оборонялись и многих людей побивали. И многие дворы взяли приступом, и побили множество литовских людей, а некоторые отсиделись; и по дворам имущество их разграбили, да с ними же разграбили и дворы русских людей. И бояре, услышав про то, народ едва отбили от дворов. Литовских же людей посадили по дворам и приставили к ним приставов.

121. *Царство царя Василия Ивановича.* После убиения Расстриги начали бояре думать, как бы известить всю землю, чтобы приехали из городов к Москве всякие люди, и как бы по совету выбрать на Московское государство государя, чтобы всем людям [угоден] был. Бог же не миловал [нас] по грехам нашим; еще не к прекращению пролития христианской крови многие люди, умышляя, по совету князя Василия Ивановича Шуйского, не только без совета со всей землей, но и на Москве не ведали о том многие люди, на четвертый день после убие-

ния Расстриги приехали в город и возвели князя Василия на Лобное место, и нарекли его царем, и пошли с ним в град в соборную церковь Пречистой Богородицы. Он же начал говорить в соборной церкви [то], чего испокон веков в Московском государстве не бывало: целую де крест всей земле на том, что мне никакого зла ни против кого не сделать без [решения] собора: отец виноват, и против сына ничего не сделать; а будет сын виноват, а отец того не ведает, и отцу никакого зла не сотворить. А которые де были при царе Борисе обиды, и то никому не мстить. Бояре же и всякие люди говорили ему, чтобы он в том креста не целовал, потому что в Московском государстве такого не повелось. Он же никого не послушал и поцеловал крест на том на всем. По тому же и бояре и всякие люди целовали ему крест, а со всей землей и с городами о том не пересылались. По всем же городам привели [людей] к крестному целованию. Царь же Василий венчался царским венцом на той же неделе в соборной апостольской церкви Пречистой Богородицы, а венчал его казанский митрополит Гермоген с иными [духовными] властями в лето 7114 году⁶⁵⁹.

122. О поставлении на патриаршество Гермогена патриарха. После воцарения же своего царь Василий сего злокозненного собеседника расстригина, патриарха Игнатия, с престола свел, и положил на него черное платье, и отослал его в Чудов монастырь под начало. На престол же был возведен казанский митрополит Гермоген, и поставлен был в патриархи московскими [духовными] властями: архиепископами, и епископами, и архимандритами, и игуменами. <...>

125. Об измене царю Василию городов и о рассылке [опальных]. Царь же Василий после воцарения своего, не помня своего обещания, начал мстить людям, которые ему грубили, бояр, и думных дьяков, и стольников, и дворян многих разослал по городам на службу, а у иных многих поместья и вотчины отнял. За ту же неправду Бог на нас попустил, а враг действовал: вложил враг мысль людям украинных городов, что того Расстригу Бог уберег, а вместе него будто убили немчина, подобного ему лицом⁶⁶⁰. Первое же начало пролитию крови христианской: в Путивле городе князь Григорий Шаховской изменил царю Василию со всем Путивлем и сказал путивльцам, что царь Дмитрий жив, а живет скрываясь, боится убийства от изменников. После того же Путивля изменили города Монастырское, Чернигов, Стародуб, Новый городок. <...>

130. Об убиении и разорении служилых людей от холопов своих и крестьян. Когда же мы не исправимся перед Богом, мы непотребны, зависти и гордости не оставляем, за те же наши согрешения наводит на нас Бог то, что мы мучимы и убиваемы не от неверных, но от рабов своих и крестьян поруганы и убиваемы. В лето 7115⁶⁶¹ году собрались боярские люди и крестьяне, к ним же пристали украинные посадские люди, стрельцы и казаки и начали по городам воевод хватать и сажать по темницам. Бояр же своих дома разоряли и имущество грабили, жен же их и детей позорили и себе брали. Старшим у них был человек князя Андрея Андреевича Телятевского Ивашка Болотников. Собрался [он] со многими людьми и пришел под Кромь; и воеводы от Кром отошли. Слышали же бояре под Ельцом, что под Кромами возмутились, отошли от Ельца прочь и пошли все к Москве. Ратные же люди, отъехав в Москву, разъехались все по своим домам, царь же Василий в Москве остался с небольшим войском.

131. О приходе под Москву Болотникова и о побоище под Троицким московских людей. Город же Рязань с пригородами, и Тула, и Кашира, и иные города украинные царю Василию изменили и послали в Путивль [посланцев] с повинными. Они же в Путивле были, никого в Путивле не видели и возвратились назад, но на истинный путь не обратились. И собрались все, и поставили себе старейшиной соловецкого сына боярского Истому Пашкова⁶⁶², и соединился [Пашков] с тем Ивашкой Болотниковым, и пошел под Москву. Город же Коломну взяли штурмом и разорили его, и, придя, встали за пятьдесят верст от Москвы. Царь же Василий против них послал бояр своих и служилых людей, которые были в Москве, и посадских людей. И пришли [Пашков и Болотников] в Коломенский уезд, разогнали многих дворян и стольников взяли [в плен]. Их же, взяв [в плен], отсылали всех в Путивль. Бояре же пришли в Москву [из-под Ельца]. <...>

134. О приходе к Москве смолян и о переходе рязанцев от воровских людей к царю. В городе же Смоленске архиепископ и воеводы и все люди ратные, услышав о такой настоящей беде Московскому государству, что хотят те воры царя и бояр перебить, возопили единогласно, и пришли под Москву, выбрав себе старейшиной Григория Полтева. Идя же [к Москве], очистили они [от воров] города Дорогобуж и Вязьму. Города же многие, услышав о том, начали к царю Василию [посланцев] с повинными присылать. Рязанцы же всем городом от тех

воров отошли и пришли к Москве. Московские же люди, сидя в осаде и видя Божию милость, что рязанцы к ним пришли, и услышав о смолянах, наипаче укреплялись. Смоляне же, придя, встали в Новодевичьем монастыре, а из Москвы боярин князь Михаил Васильевич Шуйский пошел с ратными людьми и встал в монастыре Даниловском.

135. О побоище воровских людей в Коломенском и о приезде [к царю] Истома Пашкова. На другой день после прихода смолян боярин князь Михаил Васильевич Шуйский с товарищами пошел к Коломенскому на воров, смоляне же пришли к нему. Воры же из Коломенского вышли со многими полками против них и начали биться. Тот же Истома Пашков, поняв свое согрешение, со всеми дворянами и детьми боярскими отъехал к царю Василию к Москве, а те воры боярские люди и казаки, отбиваясь, отнюдь не обращались [к царю]. По милости же Всещедрого Бога и помощью Пречистой Богородицы и московских чудотворцев тех воров многих побили и живых многих взяли, так что в Москве ни в тюрьмы, ни в палаты не вмещались; а назад же тот вор Ивашка Болотников ушел с небольшими отрядами и сел в городе Калуге; а иные [воры] сели в Заборье. Бояре же со всеми ратными людьми приступили к Заборью. Они же, воры, видя свое изнеможение, сдались все. Царь же Василий повелел их взять к Москве и поставить по дворам, и подавать кормы, и не велел их трогать; тех же воров, которые были взяты в бою, повелел бросить в воду⁶⁶³. <...>

150. О воре стародубском, как назвался царем Дмитрием. Бог же попускает, а враг же действует; видит Бог наши неправды и лукавство, наипаче же любви не имеем, всякие казни наводит на нас, грехов ради наших. Яко волны морские: одна погибает, другая восстает, так же и наши беды и напасти: та беда утихает, другая же, грехов ради наших, восстает. В лето 7116⁶⁶⁴ году пришел в Стародуб Северский человек незнаемый и назвался Андреем Андреевым сыном Нагово, с ним же пришел товарищ, сказался московским подьячим Алешкой Рукиным; а иные говорят, детина. А пришли неведомо откуда и сказали, что пришли от царя Дмитрия к ним. И сказали стародубцам, что царь Дмитрий прислал их вперед себя для того, чтобы [узнать] все ли ему рады, а он де жив, скрывается от изменников. Стародубцы же им все возопили единодушно: «Все мы ему рады; скажите нам, где он ныне, пойдем все к нему головами». Тот же Алешка Рукин сказал им: «Здесь есть у вас царь Дмитрий». Они же начали спрашивать. Он же им не

сказал ни слова. Они же его взяли и повели к пытке и начали его пытать. Он же им с пытки сказал: «Сей есть царь Дмитрий тот, кто называется Андреем Нагим». Стародубцы же все начали вопить и звонить в колокола. Начальник же этому воровству был стародубец Гаврило Веревкин. Начали его все почитать царем и писали грамоты в Путивль, в Чернигов, в Новгородок. Они же к тому воровству тотчас пристали и начали собираться, и, собравшись, послали к царю Василию под Тулу стародубца сына боярского, и писали от себя в грамотах к царю Василию, что будто он похитил у него [самозванца] царство. Тот же сын боярский пришел под Тулу и, дьяволом наученный, говорил царю Василию: «Истинный ты [вор], под государем нашим прирожденным царем подыскал царство». Царь же Василий повелел его пытать, и сожгли его на пытке до смерти. И он умер, говоря такие речи, так его окаянную душу ожесточил дьявол, что за такого Вора умер. Вор же, собравшись с воровскими людьми из северских городов, пошел под Брянск. Царь же Василий, услышав, что идет Вор под Брянск, велел послать из Мещевска воеводе Григорию Сумбулову резвых⁶⁶⁵ людей, чтобы проведать про вора и город Брянск сжечь. Григорий же послал ратных людей сто тридцать человек, а голову им велел выбирать между собой самим, кого захотят. Они же выбрали голову брянчанина Елизария Безобразова⁶⁶⁶ и пришли к Брянску, а в ту пору люди из Брянска вышли к вору навстречу. Они же город Брянск сожгли и пришли опять в Мещовск. Вор же пошел и встал в Карачеве, а из Карачева пошел к Козельску, и пришел на князя Василия Мосальского, и многих ратных людей побил и ротмистра литовского Мартыша Мизинова взял живым, а под иные города послал воевод; Дедилов, и Крапивну, и Епифань взяли приступом.

151. *О потопе тульском.* Пришел к царю Василию муромец сын боярский Фома Сумин сын Кравков⁶⁶⁷ и сказал царю Василию: «Дай мне посошных людей⁶⁶⁸, я де потоплю Тулу». Царь же Василий и бояре посмеялись над ним, как ему город Тулу потопить. Он же прилежно к нему опять: «Вели меня казнить, если не потоплю Тулу». Царь же Василий дал ему во всем волю. Он же повелел всей рати, каждому человеку принести по мешку с землей и начал реку под Тулой запружать, и вода начала прибывать. Царь же Василий, видя его замысел, наипаче велел ему свершать это и повелел дать ему в помощь мельников. Он же реку запрудил и город Тулу затопил совсем. Воры же, видя свое изнеможе-

ние, царю Василию сдались, и вора Петрушку схватили, взяли и угодника его, всему [пролитию] крови зачинщика князя Григория Шаховского, тут же взяли и Ивана Болотникова и иных воров и отослали их к Москве. Сам же царь Василий по городам устроил воевод и пошел сам к Москве, а ратных людей повелел распустить по домам. И, придя в Москву, повелел того вора Петрушку повесить, а князя Григория Шаховского⁶⁶⁹ послал на Каменное, а Ивашку Болотникова и Федьку Нагибу и иных [их] товарищей сослали в поморские города, и там их повелел казнить. <...>

161. О воровском приходе на Москву. Пришел же Вор⁶⁷⁰ и гетман Ружинский⁶⁷¹ с ратными со всеми людьми под Москву и встал в Тушине, и приходил под Москву, и бои были частые. А из Тушина пришел и встал в Танинском, и в Танинском было ему от московских людей утеснение великое на дорогах, начали многих убивать и запасы к нему не пропускали. Он же, видя такую тесноту, пошел из Танинского назад в Тушино. И в тот день был с ними [ворами] сильный бой, [дворян из] из города Алексина убили в том бою тридцать три человека, сам же Вор, отойдя, встал в Тушине и начал тут таборы строить. Бояре же пошли и встали на Ходынке.

162. О побоище московским людям на Ходынке. Пришли к царю Василию в Москву из Тушина от гетмана Ружинского посланники о послах [польских], которые были посажены [под стражу] в Москве. Они же, злодеи, приходили не из-за послов, а рассматривать, как рать стоит на Ходынке, и, побывав в Москве, пошли опять в Тушино мимо московских полков. Ратные же люди стояли крепко, ни один с себя оружия не скидывал, и стража была крепкая. В тот же день появился в Москве слух, будто с посланниками литовскими помирились. Люди же из-за того слуха оплошали и легли в ту ночь спать спокойно, и стражи оплошали. Те же литовские люди и русские воры в ту же ночь пришли на полки русские и их побили и запасы все взяли; и бежали все, и едва образумились под городом, обратились на них, и начали с ними биться, и их опрокинули, и гнали до речки до Ходынки, избивая их на [пути в] пятнадцать верст, едва они в таборах устояли, такая оторопь на них пришла. Бояре же пришли и встали под Москвой, а вокруг себя поставили обоз. <...>

170. О крестном целовании и измене. Царь же Василий, видя на себя и на все православное христианство гнев Божий, начал осаду ук-

реплять и говорить ратным людям: кто хочет сидеть в Московском государстве, те бы целовали крест; а которые не хотят в осаде сидеть, ехали из Москвы, а не бежали⁶⁷². Все же крест ему целовали, что хотят помереть за дом Пречистой Богородицы в Московском государстве, и поцеловали крест. На завтра же, и на третий день, и в иные дни многие, не помня крестного целования и обещания своего Богу, отъезжали к Вору в Тушино: боярские дети, стольники и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дьяки, и подьячие. Царь же, видя такую неправду, устроился сам в Москве со всей ратью. <...>

173. *О городе Ростове и крепкостоятельстве митрополита Филарета.* В городе же Переславле услышали про то, что Сапега пришел под Троицу. Переславцы же всякие люди, позабыв праведный суд Божий и не помня крестного целования, изменили и поцеловали крест Вору. И, собравшись с литовскими людьми, пошли к городу Ростову: ведая, что в Ростове крепости нет, захотели их [ростовцев] также в дьявольскую прелесть прельстить, как и сами [прельстились]. В городе Ростове услышали все, что идут к ним переславцы с литовскими людьми, пришли всем городом к митрополиту Филарету и начали его молить, чтобы [разрешил] им отойти в Ярославль. Он же, государь великий, адамант крепкий и столп непоколебимый, приводил людей Божиих на то, и укреплял их, чтобы стояли за веру истинную христианскую и за крестное целование государю, чтобы встать против тех злодеев, и многими словами их укреплял, говоря: «Если и убиты будем ими, и мы от Бога венцы примем мученические». Слыша то, воевода и все люди, что он им не повелевает город покинуть и отойти в Ярославль, молили его, чтобы он с ними пошел в Ярославль. Он же им всем отвечал: «Многие муки претерплю, а дома Пречистой Богородицы и ростовских чудотворцев не покину». Услышав от него такие слова, многие побежали в Ярославль. Митрополит же, видя гнев Божий, пошел в соборную церковь Пречистой Богородицы и облекся в свой святительский сан. Многие же люди пришли и сели в храме. Он же, святитель, готовился, как агнец к закланию, сподобился Пречистых и животворящих Таин, и восхотел всему миру дать спасение, и восхотел ответ дать Богу праведный, по пророческому слову: «Се аз, и дети мои, которых дал мне Бог»⁶⁷³. И повелел протопопу и священникам, которые есть: в церкви исповедывать весь народ и сподобить всех Божественных Тайн. Литва же пришла в город, и начали людей

убивать тех, которые не успели уйти в церковь или из города в Ярославль бежать. Они же [литва и русские воры] пошли к церкви. Митрополит же, видя, что идут прямо к двери церкви, повелел дверь укрепить. Они же начали к дверям приступать, и в церкви же с ними бились, не давали им приступать. Митрополит же, видя изнеможение [ратных людей], пришел к дверям церковным и начал переславцам говорить, по Божественному Писанию, чтобы помнили свою православную веру, от литовских людей отошли и к государю обратились. Они же, переславцы, как волки свирепые, возопили громким гласом и начали к церкви приступать, и выбили двери церковные, и начали людей сечь, и убили множество народа. Митрополита же взяли с [святительского] места, святительские ризы на нем оборвали, и одели его в худые ризы, и отдали его приставам. Раку же чудотворца Леонтия золотую сняли и рассекли, [поделив] по жребиям, казну ж церковную всю, и митрополичью, и городскую, всю пограбили и церкви Божии разорили. О, горе сему окаянному народу града Переславля! Так вот в сем богоспасаемом городе Ростове церкви Божии, и раки чудотворные, и святитель опозорены были и многое множество народа убиты были, большее разорение же было не от литовских людей, но от своего народа христианского. Свои же оканные души погубили, убиенные же души приняли от Бога венцы за свою правду. Митрополита же Филарета отослали к Вору в Тушино. Сапега же из-под Троицы послал в Ростов воеводу Матвея Плещеева с литовскими людьми. Матвей же, стоя в Ростове, делал многие пакости городам и уездам. <...>

175. *Об измене городов.* Грехов ради наших, все города Московского государства от Москвы отступили. Немногие же города стояли в твердости: Казань, и Великий Новгород, и Смоленск, и Нижний, и Переславль Рязанский, Коломна, царство Сибирское — только [эти] города стояли в твердости, а другие все прельстились на дьявольскую прелесть. <...>

187. *О волнении против царя Василия и об отъезде в Тушино.* Враг же, испокон веков не хотя видеть добра роду христианскому, а хотя видеть души в погибели, вложил [злую] мысль в Москве многим людям. И, умыслив, князь Роман Гагарин, Григорий Сумбулов и Тимофей Грязной и иные многие пришли в Верх, к боярам, и начали говорить о том, чтобы царя Василия сменить. Бояре же им отказали и побежали из града по своим дворам. Они же [заговорщики] пошли к па-

триарху и взяли его из соборной церкви от [святительского] места и повели его на Лобное место. Он же, как крепкий адамант, утверждал [правду] и заклинал [их], не веля на такую дьявольскую прелесть прельщаться. И пошел патриарх на свой двор, они же послали за боярами; и бояре отнюдь к их дьявольскому совету не поехали, один к ним приехал боярин князь Василий Васильевич Голицын. Из полков же бояре, собравшись, пришли к царю Василию. Те же [заговорщики] с Лобного места пришли с шумом к царю Василию. Царь же Василий вышел против них мужественно, не боясь убийства от них. Они же, видя его мужество, ужаснулись, и побежали от него все из города, и отъехали в Тушино человек с триста. Царь же Василий в Москве с боярами, осаду укрепив, сел в осаде. <...>

229. *О приходе к Москве князя Михаила Васильевича.* Князь Михаил Васильевич Шуйский пошел из Троицкого монастыря к Москве и пришел под Москву. Царь же Василий повелел его и немецкого воеводу Якова Пунтусова с товарищами встретить. Московские же люди, видя его приход к Москве, воздали ему великую честь: встретили его честно и били ему челом, чтобы он очистил Московское государство, и пришел [он] к царю Василию. Царь же Василий его пожаловал, а подзрение на него начал держать после приезда рязанцев, и видел то, что московские люди ему воздали честь великую и били ему челом со слезами. Немецкого же воеводу Якова Пунтусова и немецких людей пожаловал государь своим великим жалованием. Дядя же князя Михаила князь Дмитрий Иванович Шуйский с княгиней великую ненависть против князя Михаила держали, мыслили, что он ищет под царем Василием царства; а про то и всей земле было ведомо, всем людям, что у него того и в уме не было.

230. *О преставлении князя Михаила Васильевича.* По приходе же князя Михаила Васильевича начали собираться идти под Смоленск, и Яков Пунтусов ему говорил беспрестанно, чтобы он шел из Москвы, видя на него в Москве ненависть. В скором времени, грехов ради наших, князь Михаил Васильевич впал в тяжкий недуг, и была болезнь его зла: беспрестанно шла кровь из носа. Он же сподобился покаянию, и причастился божественных Тайн Телу и Крови Господа Бога нашего, и соборовался маслом, и предал дух свой [Богу], отойдя от суетного жития сего в вечный покой. В Москве же плач был и стенание великое, подобное тому плачу, как по блаженном царе Федоре Ивано-

виче плакали. Царь же Василий повелел его похоронить в соборе у Архангела Михаила в приделе Рождества Иоанна Предтечи. Многие же в Москве говорили, что отравила его тетка его княгиня Катерина, князя Дмитрия Шуйского [жена], а доподлинно [ведомо] то единому Богу. Единодушно думают все люди той ненавистью, что грехов ради наших, друг друга ненавидят и друг другу завидуют, видя, кому Бог дает храбрость и разум, и тех не любят; силою же никому у Бога не взять: всякий званный от Бога честь принимает; власть дает Бог, кому хочет, тому и дает. Так же и сему храброму князю Михаилу Васильевичу дано от Бога, а не от людей.

231. О походе под Смоленск русских и немецких воевод. Царь же Василий начал думать, кого послать с немецкими людьми под Смоленск. И помыслил послать брата своего князя Дмитрия Ивановича, да с ним немецкого воеводу Якова Пунтусова с немецкими людьми, да с ним всех ратных людей Московского государства. Он же пошел со всей ратью из Москвы и встал в Можайске.

232. О злоумышлении на царя Василия Прокофия Ляпунова. В то же время Прокофий Ляпунов, услышав, что князь Михаил Васильевич преставился, начал на царя Василия зло умышлять всякими умыслами, и по городам писать от себя [послания], и в Калугу к Вору посылал. К Николе Зарайскому прислал племянника своего Федора Ляпунова, чтобы с ними были в совете, и в грамоте к ним писал, что хочет мстить царю Василию за смерть князя Михаила Васильевича. В то время был у Николы Зарайского воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский, и не пристал к совету его и того Федора отпустил к нему, а с той грамотой быстро послал [посланцев] к царю Василию, чтобы к нему на помощь из Москвы прислал людей. Царь же Василий тотчас послал к нему на помощь из Москвы воеводу Семена Глебова с ратными людьми да голову стрелецкого Михаила Рчинова со стрельцами. Прокофий, услышав о том, что пришли на помощь люди в Зарайский город, с Вором перестал ссылаться. Дума же была у него большая против царя Василия с боярином с князем Василием Васильевичем Голицыным, и от Москвы отложился и начал царя Василия не слушать. В то же время стоял под Шацким князь Василий Федорович Мосальский, а с воровской стороны был князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, и князя Василия под Шацким побили. Царь же Василий, про то услышав, послал к нему на помощь голову Ивана Можарова. И Прокофий

сведаль то, что идут к Шацкому, повелел Ивана перехватить и их не пропустил, повелел им быть у себя.

233. *О посылке в Царево Займище и о бое Клушинском, и об измене немцев, и о взятии Царева Займища, и о приходе бояр к Москве.* Боярин князь Дмитрий Иванович Шуйский послал от себя воеводу князя Федора Андреевича Елецкого да с ним Григория Валуева с ратными людьми в Царево Займище и повелел им в Цареве поставить острог. Они же пришли в Царево Займище, и острог поставили, и осаду укрепили, и послали с вестью, что укрепились. Князь Дмитрий Иванович с немецкими людьми пошел к Клушину. Тут пришел к нему воевода князь Иван Андреевич Хованский да немецкий воевода Иветьгор⁶⁷⁴ с немецкими людьми; и пришли к Клушину и укрепились обозом. Немецкие же люди начали у него просить плату по найму. Грехов же ради наших, ничего же нам не удавалось; начал [князь Дмитрий Шуйский] у них сроку просить, будто у него денег нет, а в ту пору у него деньги были, чтобы им дать. Немецкие люди начали сердиться и умышлять [измену]. Тот же Иветьгор послал к гетману Жолкевскому, чтобы он шел, не мешкая, а он с ним биться не станет. На утренней заре пришел Жолкевский к Клушину. Московские же и немецкие люди, которые были с Яковом [Пунтусовым], начали биться. Тот же Иветьгор опять послал [к Жолкевскому], а велел литовским людям нападать. Литовские же люди напустились на московских людей, а тот Иветьгор отъехал со всеми немцами. Литовские же люди русских людей побили и в таборах многих людей перебили и живых взяли. Бояре же отошли в Можайск с небольшим отрядом, а гетман, поворотившись, пошел к Цареву Займищу, и начал Цареву Займищу утеснение делать. Воеводы же ему говорили: «Поди под Москву, а будет Москва ваша, и мы будем готовы королевские». Гетман же им отказал: «Как де возьму я вас, тогда де и Москва будет за нами». Царево же Займище, видя свое бессилие, поцеловали крест королевичу. Сам гетман Жолкевский со всеми людьми пошел к Можайску, бояре же из Можайска пошли к Москве, а гетман пришел в Можайск и встал тут, а Яков Пунтусов пошел в Новгородский уезд воевать. Бояре же пришли к Москве. Царь Василий был в великом страхе и скорби, и послал по городам, повелел ратным людям идти к Москве. Они же не пошли к Москве, а рязанцы отказали, по умышлению Прокофия Ляпунова. Прокофий же еще больше начал с князем Василием Голицыным умышлять, как бы царя Василия ссадить [с престола].

234. *О приходе на помощь крымских царевичей.* Вор же услышал в Калуге о том, что под Клушиным [московских людей] побили, а литва пришла в Можайск, а ратные люди разъехались по городам. Он же сослался с Сапегой и пошел под Москву. В то же время пришли под Москву к царю Василию на помощь царевичи крымские. Царь же Василий послал к ним бояр своих князя Ивана Михайловича Воротынского, да князя Бориса Михайловича Лыкова, да окольничего Артемия Васильевича Измайлова. Они же встретились с ними в Серпуховском уезде и были у царевичей, и от государя им честь воздали, и встали тут с царевичами, а мурзы пошли на Вора и сошлись с Вором в Боровском уезде на реке Наре. И был тут сильный бой, едва Вор усидел в таборах. Татары же бились с ним и пришли к царевичам. Царевичи же пошли опять за Оку, а сказали, что истомил их голод, стоять невозможно. Бояре же отошли к Москве, едва снаряд⁶⁷⁵ увезли, [спасая] от воровских людей. <...>

238. *Об измене царю Василию и о сведении его с царства.* Было же в лето 7118⁶⁷⁶ году, в месяце июле, в Москве против царя Василия поднялось волнение великое. Начали съезжаться [москвичи] с воровскими полками уговариваться, чтобы отстали от Тушинского, «а мы де все отстанем от московского от царя Василия». Тушинские же воры ложно им сказали, что отстанем, а себе выберем сообща государя. В то же время прислал Прокофий Ляпунов к Москве к князю Василию Васильевичу Голицыну да к брату своему Захарии Ляпунову и ко всем своим сторонникам Алешку Пешкова, чтобы царя Василия с государства ссадить. Тот же Захарий Ляпунов да Федор Хомутов на Лобное место приехали и со своими сторонниками завопили на Лобном месте о том, чтобы отставить царя Василия. К их же заговору пристали многие воры и вся Москва, и пошли во град, и бояр насильно взяли и патриарха Гермогена, и повели за Москву-реку к Серпуховским воротам и начали вопить о том, чтобы царя Василия отставить. Патриарх же Гермоген их укреплял и заклинал. Они же отнюдь не уклонялись и на том положили, что свести с царства царя Василия. Бояре же немногие постояли за него и те уклонились. Царь же Василий, сидя на царстве своем, многие беды принял, и позор, и ругательство. Напоследок же от своих сородичей принял окончательное бесчестие. Свояк же его, боярин князь Иван Михайлович Воротынский, пошел в город с теми смутьянами, и царя Василия и царицу свели с престола и отвезли на его

старый двор. Патриарх же Гермоген не дождался [окончания] против него [царя] злого совета, пошел в город. Царства же его было 4 года и 3 месяца.

239. *О пострижении царя Василия.* По сведении царя Василия [с престола] начали бояре властвовать и начали посылать к тушинским, чтобы они Тушинского Вора своего схватили: «А мы де уже своего царя Василия с царства ссадили». Тушинские же люди, оставив Бога и Пречистую Богородицу и государево крестное целование, отъехавшие с Москвы и служившие неведомо кому, посмеялись над московскими людьми, позорили их и говорили им: «Вы не помните крестного целования, царя своего с царства ссадили, а нам де за своего помереть». Они же [московские люди] посрамленные поехали и, приехав в город, сказали [о том] боярам и всем людям. Они же в недоумении были. Наутро же те [заговорщики] умыслили и, взяв из Чудова монастыря священников и дьяконов, приехали к царю Василию на старый двор и начали его постригать [в монахи]. Он же на вопросы к пострижению не давал ответов, говоря: «Нет моего желания к пострижению». Выступил же из них один заговорщик, князь Василий Тюфякин. Тот же за него отрицался [от мира], и так его постригли, и отвезли его в Чудов монастырь. Царицу также неволею постригли в Вознесенском монастыре. Патриарх же Гермоген о том очень опечалился. Царя же Василия называл мирским именем, а того князя Василия проклинал и называл его иноком. Царица же также на пострижении ответов не давала. <...>

241. *Об избрании королевича на царство.* В Москве же бояре и все люди московские, не переславшись с городами, избрали на Московское государство литовского королевича Владислава и пришли к патриарху Гермогену и возвестили ему, что избрали на Московское государство королевича Владислава. Патриарх же Гермоген им с запрещением говорил: «Если будет креститься и будет в православной вере, я вас благословлю, а если не будет креститься, то разрушение будет всему Московскому государству и православной христианской вере, да не будет на вас нашего благословения». Бояре же послали к гетману о съезде. Гетман же с ними встретился говорил о королевиче Владиславе. И на том уговорились, что королевича на Московское государство дать и креститься ему в православную христианскую веру. Гетман же Жолкевский говорил московским людям, что «даст де ко-

роль на царство сына своего Владислава, а о крещении де пошлете послов бить челом королю». Патриарх же Гермоген укреплял их, чтобы отнюдь без крещения на царство его не сажали; и о том укрепились, и записи о том написали, что дать им [литовским людям] королевича на Московское государство, а Литве в Москву не входить: стоять гетману Жолкевскому с литовскими людьми в Новодевичьем монастыре, а другим полковникам стоять в Можайске. И на том укрепились, и крест целовали им всей Москвою. Гетман же пришел и встал в Новодевичьем монастыре.

242. *О приходе к патриарху Михаила Салтыкова с товарищами.* Пришли во град те враги богоотступники Михаил Салтыков да князь Василий Мосальский с товарищами, в соборную апостольскую церковь Успения Пречистой Богородицы, и пришли к благословению к патриарху Гермогену. Патриарх же их не благословил и начал им говорить: «Если пришли вы в соборную апостольскую церковь правдою, а не с ложью, и если в вашем умысле нет разрушения православной христианской веры, то будет на вас благословение от всего вселенского собора и мое грешное; а если вы пришли с ложью и разрушение православной христианской вере будет в вашем умысле, то не будет на вас милость Божия и Пречистой Богородицы и будете вы прокляты от всего вселенского собора». Так же и сбылось слово его. Тот же боярин Михаил Салтыков с ложью и слезами говорил патриарху, что будет [королевич] истинным государем. Он же их благословил крестом. Тут же пришел к благословению Михалко Молчанов. Он же ему возопил: «Окаянный еретик! Не подобает тебе быть в соборной апостольской церкви». И повелел из церкви его выбить вон с бесчестьем. Так и сбылось слово его вскоре. В скором же времени князь Василий Мосальский и князь Федор Мещерский, Михалко Молчанов, Гриша Кологривов, Васька Юрьев померли злой смертью, так, что многие люди от того устрешились, от такой злой смерти: у одного язык вытянулся до самой груди, у другого челюсти распались так, что и внутренности все видны, а иные живыми сгнили. А преждедеченный всему злу настоятель Михаил Салтыков с детьми и племянниками, и Василий Янов, и Овдоким Витофтов той злой смертью померли в Литве.

243. *О послах под Смоленск.* Тот же гетман начал говорить боярам, что под Смоленск [надо] к королю послать послов. Бояре же

пришли к патриарху и начали говорить ему о том, чтобы выбрать по слов из духовного чина и из бояр, а с ними, выбрав, послать ото всяких чинов людей добрых. Патриарх же их укреплял, чтобы выбрали из своего чина людей разумных и крепких, чтобы прямо стояли за православную христианскую веру непоколебимо: «А мы соборно выберем мужа крепкого, кому прямо стоять за православную христианскую веру». Так же его слово и свершилось. Так и выбрали собором⁶⁷⁷, послать к королю столпа непоколебимого и мужа святой жизни ростовского митрополита Филарета Никитича, и с ним послать из духовного чина, избрав мужей разумных и грамоту знающих от священнического чина и от дьяконского, которые бы умели говорить с латынянами о православной христианской вере. Бояре же избрали из бояр князя Василия Васильевича Голицына, из окольничих князя Даниила Ивановича Мезецкого, из думных людей Василия Борисовича Сукина⁶⁷⁸, из дьяков думного Томилу Луговского⁶⁷⁹ да Сыдавного Васильева⁶⁸⁰, да с ними стольников и дворян десять человек, да из всяких чинов всяких людей. Пришли же [они] к патриарху за благословением. Патриарх же митрополита и бояр благословил и укреплял, чтобы постояли за православную за истинную христианскую веру, ни на какую прелесть не прельщались. Митрополит же Филарет дал обет умереть за православную христианскую веру. Так же и содейал: многую беду и скорбь девять лет за православную христианскую веру терпел. Послы же пошли под Смоленск.

244. *О гетмане Жолкевском и о Сапеге, об их лукавстве.* Вор же Тушинский стоял в то время под Москвой в Коломенском, а с ним Сапега с литовскими людьми. Бояре же стали говорить гетману, чтобы [он] литовских людей от Вора отвел. Гетман же стал посылать к Сапеге [с тем], чтобы [он] отошел от Вора. Сапега же от Вора прочь не пошел, а все у них [было] между собой заодно, как бы им обманом войти в Московское государство. Гетман же начал говорить боярам, что [надо] идти на них боем. И пошел на них, и на бой не пошли, все обманывали московских людей.

245. *О входе в город Москву литовских людей.* Враг же прельстил из синклита четырех человек, начали мыслить, как бы пустить литву в город, и начали внушать людям, что будто черные люди хотят впустить в Москву Вора. Многие же им противились, [говоря], что никак нельзя пустить в город литву. Они же тех дворян привели к гетману

и на них шумели. Уведal же о том патриарх Гермоген и послал за боярами и за всеми людьми, и начал им говорить с умилением и великим запрещением [о том], чтобы не пустить литву в город. Они же его не послушали и пустили гетмана с литовскими людьми в город. Гетман же встал на старом дворе царя Бориса, а солдат и гайдуков⁶⁸¹ поставили в Кремле городе по палатам и по хоромам государевым, а полковников и ротмистров поставили в Китай-городе и в Белом по боярским дворам, и ключи городовые взяли себе и по воротам поставили своих людей немцев и гайдуков. Вор же, видя, что литовские люди вошли в город, пошел от Москвы и встал в Калуге. <...>

248. *О ссылке царя Василия в Осифов монастырь.* Гетман же Жолкевский с теми изменниками московскими начал умышлять, как бы цари Василия и братьев его отвести к королю. И умыслил его послать в Осифов монастырь. Патриарх же и бояре, которые не пристали к замыслу, начали говорить, чтобы царя Василия не ссылатъ в Осифов монастырь, а послать бы на Соловки. Они же [изменники] были уже сильны в Москве, того не послушали, и его послали в Осифов монастырь, а царицу его в суздальский Покровский монастырь.

249. *О приходе митрополита Филарета с послами под Смоленск.* Митрополит же Филарет и бояре пришли под Смоленск и были у короля, и вели посольство, и били челом о сыне его Владиславе, чтобы дал его на [престол] Московского государства. Он же им ложно сказал, что хочет дать⁶⁸², и говорил им, чтобы они послали в Смоленск, чтобы Смоленск сдался королю. Митрополит тут первое крепкое стояние показал, про то отказал, чтобы написать в Смоленск, [говоря]: «Как будет сын твой на Московском государстве, все Московское государство будет под сыном твоим, не только Смоленск; и тебе, государю, недостойно стоять под вотчиной сына твоего. Всем Московским государством целовали крест сыну твоему, а ты стоишь под Смоленском». Королю же то первое посольство их стало нелюбо, и [он] к Смоленску начал приступать и подкоп вести. В Смоленске же воевода боярин Михаил Борисович Шеин сидел крепко, никак ни на что не прельстился и с архиепископом⁶⁸³ был в ссоре из-за того, что архиепископ хотел сдать город королю. Король же и паны рада прельщали Михаила Борисовича много [с тем], чтобы он сдал Смоленск. Он же им отказывал, [говоря]: «Отнюдь Смоленска не дам, а как будет король на Московском государстве, и мы все его будем».

250. *О походе гетманском из Москвы, и о взятии царя Василия с братьями, и о приезде всяких людей под Смоленск.* Гетман же Жолкевский, когда был в Москве, государевой казной начал владеть и литовским людям давать, а король прислал в казначеи московского изменника, торгового мужика гостиной сотни Федьку Андронову. Он же еще больше пакости московским людям творил. Гетман же, устроив в Москве осаду, укрепил [ее] литовскими и немецкими людьми Александра Гашевского и взял с собою многую казну и царя Василия братьев: князя Дмитрия Ивановича с княгиней и князя Ивана Ивановича Шуйских взял с собою. И, зайдя в Осифов монастырь, царя Василия взял с собою, и пошел к королю под Смоленск. О, горе лютое Московскому государству! Как, не боясь Бога, не помня крестного своего целования и не постыдясь от всей вселенной сраму, не померли за дом Божий Пречистой Богородицы и за крестное целование государю своему! Хотением своим отдали московское государство латынтям и государя своего в плен! О, горе нам! Как нам явиться на праведном Суде Избавителю своему Христу? И как нам ответ дать за такие грехи? И как нам иным государствам на их укоризны ответ дать? Не многие же враги то задумали, а мы все душами погибли! Гетман же пришел с царем Василием к королю под Смоленск, и поставили их перед королем и объявили ему о его службе [королю]. Царь же Василий стоял и не поклонился королю. Они же ему говорили: «Поклонись королю». Он же крепко мужественным своим разумом в конце жизни своей воздал честь Московскому государству и отвечал им: «Не подобает московскому царю поклониться королю; то судьбами праведными и Божиим [изволением] приведен я в плен; не вашими руками взят я, но московскими изменниками, своими рабами отдан был». Король же и вся рада удивились его ответу. Гетмана же Жолкевского пожаловал [король] великим жалованием и отпустил в Литву. В Литве же царя Василия и брата его князя Дмитрия с княгиней уморили, и повелели положить их на пути, где из всех государств приходят дороги, и поставили над ними столп каменный себе на похвалу, а Московскому государству на укоризну, и написали на столпе на всех языках, что сей столп сделан над царем московским и над боярами. Митрополит же Филарет, видя такую гибель Московскому государству, еще больше собрался пострадать за православную христианскую веру и товарищей своих укреплял. Грехов ради наших, многие на их дьявольскую

прелесть прельстились, которые [были] посланы с Москвы при митрополите и послах в товарищах; Василий Сукин да дьяк Сыдавной Васильев от митрополичьего совета отстали и прельстились к литве; [и о том] что думали митрополит и бояре, то все рассказали литве. Митрополит же и бояре, увидав их лукавство, перестали с ними советовать. Тот же Василий [Сукин] и Сыдавной [Васильев] и иные, которые были посланы с митрополитом, власти и дворяне, напросились у короля ехать в Москву и привести московских людей к кресту на королевское имя. Король же их пожаловал и отпустил, а митрополиту же стало еще большее утешение. Он же отнюдь им не потакал, и говорил им всем против, и то им говорил: «Если де крестится, и он нам государь; а если не крестится, и нам он ненадобен». Московского же государства многие люди прельстились, бояре и всякие люди посылали под Смоленск и сами ездили с дарами и просили у него [короля] чести, поместий, и вотчин, и жалования.

251. Об убиении в Калуге царя касимовского и убиение Вора Калужского. В то же время был Вор в Калуге, у него же был в Калуге царь касимовский Урмамет с сыном да князь Петр Урусов. Тот же сын царя Урмамета сказал Вору, что отец его над ним [Вором] злоумышляет и хочет [его] убить. Тот же Вор из-за того умыслил [зло] над царем так: пошел на поле гулять и послал за царем, чтобы ехал к ним. Царь же внезапно поехал с ним, только взял с собою двух человек, и, заехавши за Оку реку, начал [Вор] с собаками ездить, а царю велел ездить с собою, и начал отъезжать от людей, только взяв с собой Михаила Бутурлина да Игнашку Михнева, и отъехал от людей подальше и того царя и людей его с ним убил и кинул в реку, а сам выскочил к людям и возопил, что царь меня хотел убить и побежал к Москве, и послал за ним в погоню. После же того узнал князь Петр Урусов, что убил тот Вор царя, и начал умышлять, как бы его так же убить. Внезапно же тот Вор поехал на поле с небольшим отрядом. Тот же князь Петр Урусов, узнав, что он уехал, поехал за ним и встретил его в версте от Калуги и тут отсек ему голову, а тех, кто с ним были, иных убил, а иные убежали в Калугу. Князь же Петр побежал и отъехал в Крым. В Калуге же узнали, что князь Петр Урусов убил Вора, взволновались всем городом и татар перебили всех, которые в Калуге были. Его же, Вора, взяли и похоронили с честью в соборной церкви Троицы, а Сердомирского дочь Маринка, которая была у Вора, родила сына Ивана. Калужские же люди

все тому обрадовались и называли его царевичем и крест ему целовали честно. <...>

255. О грамотах под Смоленск. Литовские же люди и московские изменники, Михаил Салтыков с товарищами⁶⁸⁴, видя собрание московских людей за православную христианскую веру, начали говорить боярам, что [надо] писать к королю и послать с подписями [грамоту], бить челом королю, чтобы дал своего сына на государство: «А мы на твою волю полагаемся», — а к митрополиту Филарету и к боярам писать, чтоб били челом королю, чтоб дал сына своего на Московское государство, и во всем им полагаться на его королевскую волю; как ему угодно, так и делать, а все к тому вели, чтобы крест целовать самому королю, а к Прокофию [Ляпунову] послать, чтобы он к Москве не собирался⁶⁸⁵. Бояре же такие грамоты написали, и руки приложили, и пошли к патриарху, и возвестили ему все, чтоб ему к той грамоте руку приложить и [духовным] властям всем руки свои приложить, а к Прокофию о том послать. Он же, великий государь, поборник православной христианской веры, стоял в твердости, яко столп непоколебимый, и, отвечав, говорил им: «Стану писать к королю грамоты, на том и руку свою приложу, и властям повелю руки свои приложить, и вас благословлю писать, если король даст сына своего на Московское государство и крестит его в православную христианскую веру и литовских людей из Москвы выведет, и вас Бог благословляет такие грамоты к королю послать. А если такие грамоты писать, что во всем нам положиться на королевскую волю, и послам о том бить челом королю и положиться на его волю, и то стало ведомое дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу, то я к таким грамотам не только сам руки не приложу, но и вас не благословляю писать, но проклинаю, кто такие грамоты начнет писать. А к Прокофию Ляпунову стану писать: если будет королевич на Московское государство и крестится в православную христианскую веру, благословляю его служить, а если королевич не крестится в православную христианскую веру и литвы из Московского государства не выведет, я их благословляю и разрешаю, которые крест целовали королевичу, идти на Московское государство и всем помереть за православную христианскую веру». Тот же изменник Михаил Салтыков начал его, праведного, ругать и позорить и, вынув на него нож, хотел его резать. Он же против его ножа не устранился и сказал ему громким голосом, осеняя его

крестным знаменiem: «Сие крестное знамение против твоего окаян-ного ножа, да будешь ты проклят в сем веке и в будущем». И сказал тихим голосом боярину князю Федору Ивановичу Мстиславскому: «Твое есть начало, тебе за то хорошо пострадать за православную христианскую веру; а если прельстишься на такую дьявольскую прелесть, пресечет Бог твой корень от земли живых, да и сам какою смертью умрешь». Так же и сбылось его пророчество. Бояре же не послушали его речей и послали те грамоты к королю и к послам. Боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому да князю Андрею Васильевичу Голицыну насильно повелели руки приложить [к тем грамотам]. Они же в ту пору были под присмотром приставов в утеснении великом.

256. *О привозе грамот из Москвы под Смоленск.* Пришли же те грамоты под Смоленск к королю и к митрополиту Филарету. Митрополит же и послы, увидав такие грамоты, начали скорбеть и друг друга начали укреплять, что [им придется] пострадать за православную христианскую веру. Король же повелел послам быть на съезде и начал им говорить и грамоты те читать, что пишут бояре, все за подписями их, что положились во всем на королевскую волю, да им велено королю бить челом и положиться во всем на его волю. Митрополит же начал им говорить: «Видим сии грамоты за подписями боярскими, а отца нашего патриарха Гермогена руки нет, боярские руки князя Ивана Воротынского да князя Андрея Голицына приложены неволею, потому что сидят в заточении; да и ныне мы на королевскую волю полагаемся: если даст на Московское государство сына своего и крестится в православную христианскую веру, мы ему, государю, рады; а на ту королевскую волю полагаться, что королю крест целовать и литовским людям быть в Москве, того у нас и в уме нет; рады пострадать и помереть за православную христианскую веру». Король же еще больше начал делать утеснение великое послам. <...>

259. *Об отдаче патриарха приставам.* Прокофий же Ляпунов и всех городов воеводы собрались и пришли под Москву. Литовские же люди, услышав, что идут из всех городов к Москве, начали говорить боярам, чтоб шли к патриарху [и говорили ему], чтобы патриарх к ним [воеводам] писал грамоты от себя, чтоб они к Москве не ходили, а воротились опять по своим местам. Бояре же пришли к патриарху. Тот же Михаил Салтыков начал ему говорить: «Что де ты писал к ним, чтобы они шли под Москву, а ныне ты же к ним пиши, чтобы они во-

ротились вспять». Патриарх же им говорил: «Я де к ним не писал, а ныне стану писать; если ты, изменник Михаил Салтыков, с литовскими людьми из Москвы выйдешь вон, я им не велю ходить к Москве, а если будете вы сидеть в Москве, я их всех благословлю помереть за православную веру, потому что уже вижу поругание православной вере и разорение святых Божиих церквей и слышать латинского пения не могу». В то же время был у них костел на старом царя Бориса дворе, в палате. Услышав же такие слова, он [Салтыков] позорил и ругал его, и приставил к нему приставов, и не велел никого к нему пускать.

260. *Об умышлении литовском.* Тот же Михаил Салтыков с литовскими людьми начал умышлять, как бы Московское государство разорить и православных христиан порубить, и удумал убить патриарха и христиан в Цветную неделю, как патриарх пойдет с вербою. В ту же неделю повелел всем ротам литовским конным и пешим, выехав, стоять по площадям, наготове. Патриарха же Гермогена взяли из-под приставов и повелели ему священнодействовать. Народ же Московского государства, видя такое умышление, а час еще тот не подошел, чтобы православным христианам всем пострадать за истинную веру Христову, не пошел никто за вербою. Литовские же люди, видя, что христиан за вербою нет, начали сечь.

261. *О разорении Московского государства.* Хочу же вам, братия, поведать, которые уста от горести вопиют или какой язык такое злоумышление опишет. Начну же рассказывать повесть сию, которая не только людей, но и бесчувственные камни и самые стихии заставляет плакать, не только людей, но и скотов говорить и рыдать. Горе, горе! Увы, увy! Как в наши дни очи видели наши и умы слышали наши о таком разорении и о запустении царствующего града Москвы от безбожных латынян, от польских и от литовских людей, от своих злодеев, изменников и богоотступников Михаила Салтыкова с товарищами. Начнем же рассказывать. Было [это] в лето 6119⁶⁸⁶, во святой Великий пост, во вторник начали выходить роты на Пожар и по площадям и сначала начали сечь в Китай-городе в рядах, потом пришли к князю Андрею Васильевичу Голицыну на двор и тут его убили. Потом, выйдя из Китая по Тверской улице, начали убивать. В Тверские же ворота их не пропустили, потому что тут были слободы стрелецкие. Потом же пошли на Сретенскую улицу; на Сретенской улице, соединившись с пушкарями, князь Дмитрий Михайлович Пожарский начал

с ними биться, и их отбили, и в город втоптали, а сами поставили острог у [церкви] Введения Пречистой Богородицы. Потом же пошли [литовские люди] на Кулишки, и там против них собрался Иван Матвеевич Бутурлин. И встал в Яузских воротах, а улиц Кулишек и иных никак не мог отбить. Потом же они пошли за Москву реку, там же против них встал Иван Колтовский. Увидев же они, литовские люди, мужество и крепкое стояние московских людей, начали зажигать в Белом городе дворы. Тот же зачинатель злу Михаил Салтыков первый начал жечь двор свой. В тот же вторник порубили многое множество людей, которые были в ту пору тут; и рассказывали, что по всем рядам и улицам выше человеческого роста трупы людей лежали, а Москвы в тот день пожгли немного: от Кулишских ворот по Покровку, от Чертожских ворот по Тверскую улицу. Прокофий же Ляпунов и иные воеводы сами вскоре не подошли и помощь не прислали. В тот же вторник день и ночь беспрестанно бились, а наутро же в среду пришел от Прокофия Иван Васильев сын Плещеев. В то же время пришел из Можайска полковник Струе с литовскими людьми и с ними бился. Они же против него не постояли, покинув щиты, побежали все назад. Литовские люди, выехав из города, зажгли за Алексеевской башней [церковь] Ильи пророка и Зачатьевский монастырь, потом же и деревянный город зажгли за Москвой рекою. Видя такую погибель, побежали все кто куда. Потом же вышли из Китая многие люди и к Сретенской улице, и к Кулишкам. Там же с ними бился у Введенского острожка и не пропустил их за каменный город преждедеченный князь Дмитрий Михайлович Пожарский, [бился] весь день и долгое время ту сторону не давал жечь; и, изнемогши от великих ран, упал на землю; и, взяв его, повезли из города вон к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь. Люди же Московского государства, видя, что им ниоткуда помощи нет, побежали все из Москвы. О, великое чудо! Как не померли и как не погибли от такой великой стужи? В тот день мороз был великий, они же шли не прямой дорогой, а так, что с Москвы до самой Яузы не видно было снега, все люди шли. Те же литовские люди за ними не пошли и в Белом городе мало людей убили: всех людей перебили в Кремле да в Китае и в Белом городе мало людей убили, которые с ними бились. И начали жечь посады и города, и в Белом городе все пожгли, и деревянный город с посадами пожгли. Сами же литовские люди и московские изменники начали крепить осаду. Последние же

люди Московского государства сели в Симоновом монастыре в осаде и начали дожидаться [прихода] ратных людей под Москву.

262. *О приходе под Москву и о выборе начальников.* Пришли же все воеводы из всех городов к [монастырю] Николы на Угреше и, соединившись заодно, пошли на Москву. Литовские же люди вышли за Яузские ворота и, поставив против них немного войска, пошли все в город. Воеводы же пришли под Москву и начали становиться подле каменного Белого города. Прокофий Ляпунов встал с ратными людьми у Яузских ворот, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и Иван Заруцкий встали против Воронцова поля, воеводы костромские, и ярославские, и романовские: князь Федор Волконский, Иван Волинский, князь Федор Козловский, Петр Мансуров встали у Покровских ворот, у Стретенских ворот — окольничий Артемий Васильевич Измайлов с товарищами, у Тверских ворот — князь Василий Федорович Мосальский с товарищами. Была у них под Москвой между собой рознь великая, и дело ратное не спорилось. И начали всей ратью говорить, чтоб выбрать одних начальников, кому ими владеть, а им бы их одних и слушать. И сошлись всей ратью и думали, и выбрали в начальники князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, да Прокофия Ляпунова, да Ивана Заруцкого. Они же начали всеми ратными людьми и всей землею владеть, с литовскими же людьми бои бывали каждый день.

263. *О послании под Смоленск к королю про патриарха Гермогена и о московском разорении.* После разорения же Московского и избиения послали с сеунчем под Смоленск богоотступника и злоумышленника против Московского государства Иванова брата Безобразова Алешку Безобразова. Патриарха же Гермогена с патриаршества свели в Чудов монастырь и приставили к нему крепких приставов, не повелели никого к нему пускать, а на патриаршество возвели преждеименованного советника Расстригина кипрского владыку Игнатия, который был в Чудовом монастыре простым чернецом.

264. *О задержании и о ссылке послов в Литву.* Тот же Алешка Безобразов примчался под Смоленск к королю с сеунчем, что Московское государство разорили. Король же его пожаловал, ростовского же митрополита Филарета и послов бояр князя Василия Васильевича Голицына с товарищами повелел отдать приставам, и утеснение им великое творил, и посылал к ним [говоря], чтобы они писали под Москву к ратным людям, чтоб они от Москвы отошли, и в Смоленск

к Михаилу Борисовичу Шеину, чтоб Смоленск сдал. Митрополит же им прямо в том отказал: «Мне о том отнюдь не писать, рад страдать за православную христианскую веру». Король же митрополита и послов и дворян десять человек, которые с ними были, повелел послать в Литву по городам порознь и утеснение им великое делал. Митрополиту же больше всех утеснение великое было, и голодом морили, и одного в палате запирали; и был он, государь, в таких великих бедах девять лет. Епископы и попы их злодейские хотели его видеть и беседовать [с ним]. Он же отнюдь их к себе не пускал. Литовские же люди, видя такую его крепость, начали к нему приходить, полковники и ротмистры, и хотели от него благословения. Он же их спрашивал, которые греческой веры, тех благословлял; а которые римской веры, отнюдь не благословлял их, да не только не благословлял, но и сидеть им у себя не велел. Польские же и литовские люди, видя такое его крепкое стояние, начали его почитать и честь ему воздавать великую, а к нему никого не подпускали, держали под крепкой охраной. <...>

274. *О приговоре всей земли и убиении Прокофия Ляпунова.* В тех же начальниках была [между собой] великая ненависть и гордость: друг перед другом честь и начальство получить желали, один другого не хотел быть меньше, всякому хотелось самому властвовать⁶⁸⁷. Сей же Прокофий Ляпунов не по мере вознесся и гордостью был обуян. Много отцовским детям позору и бесчестия делал, не только боярским детям, но и самим боярам. Приходили к нему на поклон и стояли у его избы много времени, [он] никакого человека к себе не пускал и многоукоризненными словами многих поносил, к казакам жестокость имел. За то на него была ненависть великая. Другой же начальник, Заруцкий, взял себе города и волости многие. Ратные люди под Москвой помирали с голоду; [а он] казакам дал волю великую; и были по дорогам и по волостям грабежи великие. Против того Заруцкого от всей земли была ненависть великая. Трубецкой же между ними никакой чести не имел. Ратные же люди видели их несогласие, и советовались дворяне и всякие служилые люди с казаками, и написали челобитную к ним, чтобы бояре пожаловали быть под Москвой, и были бы в совете, и ратных людей жаловали бы по числу и достоянию, а не через меру, и себе взяли вотчины и поместья по достоянию боярские, [тех бояр], которые сидят в Москве; всякий бы начальник взял [вотчины] одного какого-нибудь боярина, а дворцовые села и черные воло-

сти, и боярские поместья и вотчины [тех бояр], которые сидят в Москве, взять бы во дворец и тем бы кормить и жаловать ратных людей; между собой бы друг друга не упрекать тем, которые были в Москве и в Тушине, и про боярских людей, тех бояр, которые сидят в Москве, а ныне [они в казаках], чтобы о тех людях договор учинить; и о всяких и о многих людях в той же челобитной [было] написано. Начальникам же двум, Трубецкому и Заруцкому, та челобитная не любя была. Прокофий же Ляпунов к их [дворян] совету пристал, повелел написать приговор. И с той же поры начали думать против Прокофия, как бы его убить. Начало убиения Прокофия была таково. У [монастыря] Николы на Угреше Матвей Плещеев схватил казаков двадцать восемь человек и посадил их в воду. Казаки же их вынули из воды и привели в таборы под Москву. И был у казаков о том круг, и шумели на Прокофия, желая его убить. Прокофий же Ляпунов хотел бежать к Рязани. Они же его догнали под Симоновым монастырем и его уговорили [остаться]. Он же пришел и встал в Никитском острожке ночевать. Наутро же к нему пришли всей ратью и его уговорили [вернуться]. И он пришел и встал по-прежнему. Казаки же с той поры начали против Прокофия зло умышлять. К ним же пристали многие люди; и начальники их думу знали, написали грамоту от Прокофия по городам, что будто велено казаков по городам убивать, и подпись его подписали. И ту грамоту принес атаман Симонко Заварзин. И был у них круг великий, и за Прокофием посылали дважды. Он же к ним не пошел. В третий раз к нему пришли Сильвестр Толстой да Юрий Потемкин и поручились, что ему отнюдь ничего не будет. Он же пришел в круг и многие прения с казаками вел. Казаки же его не терпели, по повелению своих начальников его убили и дом его весь разграбили и многие станы подле него пограбили. С ним же убили Ивана Ржевского. Иван же был ему недруг великий, а тут, видя его правду, за него встал и умер вместе с ним. <...>

277. *О взятии новгородском и о послах в Свитцкую землю.* В то же время пришел под Новгород воевода Яков Пунтусов с немецкими людьми и встал на Хутины, от Новгорода в семи верстах. В Новгороде был в ту пору боярин князь Иван Никитич Одоевский и воевода Василий Иванович Бутурлин. Грехов же ради наших и к разорению Новгородского государства, в воеводах не было радения, а у ратных людей с посадскими не было совета. Воеводы же иные пили беспрестанно,

а Василий с немецкими людьми ссылался, и торговые люди возили к ним всякие товары. Василий же с ними встречался. Немцы же, видя их слабость, пришли и встали на Колмове в монастыре. Тот же Василий и тут с ними съезды творил и пил с ними, а мысли их никто не ведал. В то же время был у немцев в плену человек Ивана Лутохина Ивашка Шваль, и обещался им, что введет их в город. Во граде же в ту пору [была] стража по стенам плоха. Тот же Ивашка привел их ночью в город, в Чудинцовские ворота, и в город вошли, никто не видал. Услышали же в ту пору, как начали сечь стражу по городу и по дворам; тот же Василий Бутурлин с ратными людьми, на Торговой стороне пограбив лавки и дворы, пошел из города вон, против немцев же никто не сопротивлялся. Одни же померли мученической смертью, биясь за православную христианскую веру, голова стрелецкий Василий Гаютин, да дьяк Анфиноген Голенищев, да Василий Орлов, да атаман казачий Тимофей Шаров, а с ним сорок человек казаков, те померли вместе. Многим же немцы их прельщали, чтобы они сдались. Они же отнюдь не сдались, все померли за православную веру. Протопоп же софийский Амос заперся на своем дворе со своими соратниками и бился с немцами много времени, и много немцев перебил. Немцы же ему много раз говорили, чтоб он сдался. Он же отнюдь на их слова не склонился. Был же он в то время у митрополита Исидора в запрещении, митрополит же, стоя на городской стене и служа молебны, видя его крепкое стояние, простил и благословил его заочно, глядя на двор его. Немцы же, видя такое же жесткое стояние, пришли всеми людьми и зажгли у него двор, и сгорел он со всеми, ни одного живым не взяли. Митрополит же Исидор и боярин князь Иван Никитич Одоевский, видя, что отнюдь никого в городе не осталось из ратных людей, послали к воеводе Якову Пунтусову и начали с ним уговариваться. Новгородцы у него просили на Новгородское государство королевича Филиппа. Он же им обещал дать, и поцеловали новгородцы королевичу крест, а Яков им поцеловал крест на том, что Новгорода не разорит. И пустили его в каменный город. Василия же Бутурлина все имущество разыскали и послали к нему на Бронницы. Он же в ту пору стоял на Бронницах. Дворяне же новгородцы, услышав, что поцеловали крест, поворотились в Новгород и целовали все крест королевичу, а Василий Бутурлин пошел под Москву, а Леонтий Вельяминов пошел на Романов и многие уезды опустошил. Новгородцы же послали в Свию за короле-

вичем послов: юрьевского архимандрита Никандра и из всех чинов лучших людей. А от Московского государства и всей земли отлучились.

278. *О разъезде ратных людей из-под Москвы.* Под Москвой же было нестроение великое и ратным людям от казаков гонение и утеснение, наибольше же от понизовых казаков; и царя Василия позорили и ругали. Ратные люди не могли терпеть ругань на своего государя и себе нестерпимого позора, отошли все от Москвы. <...>

282. *О посте.* Хочу же вам поведать тайну сию, неведомо, от Бога или от человека, а в забвении положить не смею, видя такую к Богу веру и пост. Яко же в древности в Ниневии, великом граде, прорек [людям] пророк Иона: «Если не покаетесь, — говорил, — то все погибнете». Царь же ниневийский, сняв с себя одеяние царское, облачился в рубище, также и все люди постились три дня и три ночи, старые и юные, и скоту не давали есть. Господь же наш Иисус Христос, видя их обращение к себе и покаяние чистое, помиловал их. Так же и в Московском государстве был пост три дня и три ночи, не только что старые и юные, но и младенцам, которые у сосцов материнских, не давали есть, так что многие младенцы помирали с того поста. О сем же посте, как начали поститься, так расскажу. Было [это] в лето 7120⁶⁸⁸ году, стояла под Москвою вся рать Московского государства на очищение Московскому же государству. Явился же в полках свиток, неведомо откуда взявшийся. В том списке написано так. Был в Нижнем Новгороде муж, именем Григорий, и спал он на одре своем, и видел видение страшное. В полуночи видел, как верх с дома его снялся, и видит он идущий с небес в дом свет сильный. И сошли с небес два мужа: один, придя, сел на грудь ему, другой же стоял у главы его. Сказал же предстоящий муж: «Господи! Что сидишь, а не поведаешь ему?» Он же начал ему говорить: «Если сии люди по всей Русской земле покаются и начнут поститься и попостятся три дня и три ночи, и не только старые и юные, но и младенцы, то Московское государство очистится». Сказал же Ему предстоящий муж: «Господи! Если очистится Московское государство, как дать им царя». Отвечал же ему снова: «Поставят храм новый у Троицы на рву и положат хартию на престоле; на той же хартии будет написано, кому у них быть царем». Сказал же Ему предстоящий муж: «Господи! Если не покаются и поститься не начнут, что с ними будет». Отвечал сидящий муж предстоящему: «Если не покаются и поститься не начнут, то все погибнут и царство все разорится».

И сказав то слово, невидим стал, и дом его опять покрылся, тот же Григорий был в великом ужасе. От того же писания и пост начался. В Нижнем же того отнюдь не было и мужа Григория такого не знали, и посту в Нижнем не было. Нижегородцы же тому дивились, откуда то взялось; но все же я написал о сем, а не мимо прошел. <...>

285. О присылке из Нижнего Новгорода послов к князю Дмитрию Михайловичу, и о приходе в Нижний, и о собрании ратных людей. Во всех городах Московского государства, услышав о такой гибели душ под Москвой, о том скорбели и плакали и креста не целовали ни в каком городе, а помощи никто не мог дать. Из всех городов в одном городе, называемом Нижний Новгород, те нижегородцы, поревновав о православной христианской вере и не желая видеть православной веры в латинстве, начали мыслить, как бы помочь Московскому государству. Один из них нижегородец, имевший торговлю мясную, Козьма Минин, прозываемый Сухорук, возопил всем людям: «Если мы хотим помочь Московскому государству, то нам не пожалеть имущества своего, да не только имущества своего, но и не пожалеть дворы свои продавать и жен и детей закладывать, и бить челом, кто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником». Нижегородцам же всем его слово было любо, и придумали послать бить челом к стольнику ко князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому архимандрита Печерского монастыря Феодосия да из всех чинов лучших людей. Князь же Дмитрий Михайлович в то время был у себя в вотчине, от Нижнего в 120 поприщах, лежал от ран. Архимандрит же и все нижегородцы пришли к князю Дмитрию Михайловичу и били ему челом со слезами, чтобы он ехал в Нижний Новгород и встал за православную христианскую веру и помощь бы оказал Московскому государству. Князь же Дмитрий их мысли был рад и хотел ехать тотчас, да зная у нижегородцев упрямство и непослушание воеводам, писал к ним, чтобы они выбрали из посадских людей, кому быть с ним у того великого дела и казну собирать, а с Кузьмою Мининым будет у них все уговорено. Тот же архимандрит и нижегородцы говорили князю Дмитрию, что у них в городе такого человека нет. Он же им говорил: «Есть у вас Кузьма Минин; тот бывал служилым человеком, ему то дело привычно». Нижегородцы, услышав такое слово, еще больше были рады, и пришли в Нижний, и возвестили все. Нижегородцы же тому обрадовались и начали Кузьме бить челом. Кузьма же

им для [их] укрепления отказывал, [говоря, что] не хочет быть у такого дела. Они же его прилежно просили. Он же начал у них просить приговор, чтобы им во всем быть послушными и покорными и ратным людям давать деньги. Они же дали ему приговор. Он же написал приговор, чтобы не только у них брать имущество, но и жен и детей продавать, а ратным людям давать [деньги]. И взяв у них приговор, за их подписями, послал тот приговор ко князю Дмитрию тотчас затем, чтобы того приговора назад у него не взяли. В то же время пришли из Арзамаса от смолян челобитчики, чтобы их приняли к себе в Нижний. Нижегородцы же послали ко князю Дмитрию, и тех челобитчиков смолян к нему послали же и велели им бить ему челом, чтоб в Нижний шел не мешкая. Они же ко князю Дмитрию пришли и били ему челом, чтобы в Нижний шел не мешкая. Он же пошел в Нижний, а их отпустил вперед, а смолянам повелел идти в Нижний. На дороге же к нему пришли дорогобужане и вязьмичи. Он же пришел с ними в Нижний. Нижегородцы его встретили и приняли с великой честью. Смоляне же в Нижний пришли в то же время. Он же начал им давать жалование, что собирали в Нижнем.

286. *О приезде из городов ратных людей и с казною из городов.* В Нижнем же казны становилось мало. Он же начал писать по городам, в поморские и во все понизовые, чтобы им помогали идти на очищение Московского государства. В городах же, услышав, что в Нижнем собрание, рады были, и посылали к нему на совет, и многую казну к нему посылали, и свезли к нему из городов многую казну. Услышали же в городах ратные люди, что в Нижнем собираются все свободные люди, пошли из всех городов. Первые же пришли коломничи, потом рязанцы, потом же из украинских городов многие люди казаки и стрельцы, которые сидели в Москве при царе Василии. Они же [князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин] им давали жалование. Бог же призрел ту рать и дал между ними совет великий да любовь, что отнюдь не было между ними вражды никакой. Которых лошадей покупали меньшей ценою, те же лошади пробыли месяц, те же продавцы не узнали; так Бог помогал всем. <...>

288. *О преставлении патриарха Гермогена.* Литовские люди, услышав в Москве, что в Нижнем Новгороде собираются ратные люди, посылали к патриарху, чтобы он писал, чтоб не ходили на Московское государство. Он же, новый великий государь исповедник, отве-

чал им: «Да будут те благословенны, которые идут на очищение Московского государства; а вы, окаянные московские изменники, будете прокляты». И после этого начали морить его голодом, и уморили голодной смертью, и предал свою праведную душу в руки Божий в лето 7120⁶⁸⁹ году, месяца февраля в 17 день, и погребен был в Москве, в монастыре Чуда архистратига Михаила. <...>

293. *О приходе в Ярославль.* Князь Дмитрий Михайлович и Кузьма отпустили князя Романа Петровича в Суздаль, а сами пошли в Ярославль. Костромичи их проводили с великой радостью и дали им на подмогу многую казну. Они же шли к Ярославлю, и многие люди их встречали с радостью. Они же пришли в Ярославль. Ярославцы же их приняли с великой честью и принесли дары многие. Они же не взяли у них ничего, и, будучи в Ярославле, начали мыслить, как бы им идти к Московскому государству на очищение. К ним же начали из городов приезжать многие ратные и посадские люди, привозить в помощь денежную казну; и хотели идти под Москву вскоре. Поход же их задержался. Пришла в ту пору многая рать, черкасы, и, придя, встали в Антонове монастыре, а казаки стояли на Угличе. Василий Толстой пришел из-под Москвы с казаками и встал в Пошехонье, и многие пакости делал уездам: многих дворян перебил. А от Новгорода оберегались, потому что пришли немцы и встали на Тихвине. Князь Дмитрий Михайлович и Кузьма начали думать со всей ратью и с властями и с посадскими, как бы земскому делу быть прибыльнее, и придумали в Великий Новгород послать послов, а на черкас и казаков послать рать. <...>

307. *О приходе к Москве.* Князь Дмитрий Михайлович с товарищами и со всей ратью, прося у Бога милости и отслужив молебны у Всемилоственного Спаса и у ярославских чудотворцев и взяв благословение у митрополита ростовского Кирилла и у всех властей, пошли из Ярославля на очищение Московского государства. И, отойдя от Ярославля на семь поприщ, ночевали. [Князь Дмитрий Михайлович] рать же поручил всю князю Ивану Андреевичу Хованскому да Кузьме Минину и отпустил их прямо к Ростову, а в города послал сборщиков, велел ратных людей остальных собирать в полки, а сам с небольшим отрядом пошел в Суздаль помолиться к Всемилоственному Спасу и чудотворцу Евфимию и у родительских гробов проститься. Из Суздаля же пошел к Ростову и встретил всю рать у Ростова. Из городов же многие люди пришли в Ростов. И из Ростова, придя, [князь Дмитрий Ми-

хайлович] послал на Белоозеро воеводу Григория Образцова с ратными людьми, ожидая прихода немецких людей из Новгорода.

308. *О побеге Заруцкого из-под Москвы.* Заруцкий же со своими советниками, услышав под Москвой, что пошли из Ярославля со всей ратью князь Дмитрий и Кузьма, собрался с казаками с ворами, едва ли не половина войска из-под Москвы побежала. И, придя в Коломну, Маринку взял с Воренком, ее сыном, и Коломну город разграбили. Пошли в рязанские места и многую пакость делали. И, придя, встали на Михайлове городе. <...>

313. *О приходе под Москву.* Наутро же с Яузы реки пошли под Москву. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой с ратными людьми встретил его [князя Дмитрия Михайловича] и звал его стоять к себе в острог. Он же ему отказал, [сказав], что отнюдь вместе с казаками [им] не стоять. И, придя, встали у Арбатских ворот, и встали по станам подле Каменного города, подле стены, и сделали острог, и окопали кругом рвом, и едва успели укрепиться до гетманского прихода. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и казаки начали на князя Дмитрия Михайловича и на Кузьму и на ратных людей нелюбовь держать за то, что к ним в таборы не пошли.

314. *О приходе гетманском под Москву и о первом бое.* Наутро же после своего прихода под Москву послали проводить по всем городам [о приходе] гетмана. И августа в 21-й день прибежали под Москву и сказали, что гетман с Вязем поднялся, идет под Москву. Князь Дмитрий же и все ратные люди начали готовиться против гетмана и укрепляться. Гетман же пришел под Москву и встал на Поклонной горе. Наутро же перешел Москву реку под Новым Девичьим монастырем и пришел близко к Чертольским воротам. Князь Дмитрий со всеми ратными людьми стоял против него, а князь Дмитрий Трубецкой стоял на другой стороне Москвы реки у Крымского двора; и прислал [князь Дмитрий Трубецкой] к князю Дмитрию Михайловичу, [прося] прислать к ним пять конных сотен, а им бы нападать на них [литовских людей] со стороны. Они же [князь Дмитрий Пожарский и Кузьма] чаяли, что правдиво прислал он за людьми, и, выбрав лучшие пять сотен, послали к ним. С гетманом же был бой конный с первого часа до восьмого, от князя Дмитрия же Трубецкого из полку и из таборов казачьих помощи не было никакой, лишь казаки ругались, говоря: «Богатые пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от гетмана». Гетман же наступал всеми людьми, князь же Дмитрий и все воеводы, которые с ним при-

шли с ратными людьми, не могли против гетмана выстоять конными людьми, и повелели всей рати сойти с коней, и начали биться пешими; едва за руки не брались между собой, едва против них выстаивая. Головы же те, которые [были] посланы ко князю Дмитрию Трубецкому, видя изнеможение своих полков, а от него никакой помощи нет, быстро пошли от него из полка без его повеления. Он же не захотел их пустить. Они же его не послушали, пошли в свои полки и многую помощь оказали. Атаманы же полка Трубецкого: Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов, Макар Козлов пошли самовольно на помощь и говорили князю Дмитрию Трубецкому, что «в нашей не любви Московскому государству и ратным людям гибель происходит». И пришли на помощь ко князю Дмитрию в полки и, по милости Всещедрого Бога, гетмана отбили и многих литовских людей убили. Наутро же собрали трупов литовских больше тысячи человек и повелели закопать их в ямы. Гетман же, отойдя, встал на Поклонной горе, а с Поклонной горы перешел и встал у Пречистой Донской. <...>

315. *О побоище гетмана и об отходе гетмана от Москвы.* И августа в 24-й день, на память святого отца нашего Петра митрополита, пошел гетман с запасами на проход в Москву. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой с ратными людьми встал от Москвы реки, от Лужников. Князь Дмитрий Михайлович со своей стороны встал у Москвы реки, у [церкви] Ильи пророка Обыденного, а воевод, которые с ним пришли из Ярославля, поставил там, где был деревянный город по руку. А против гетмана послал сотни многие. И был бой великий с утра до шестого часа; гетман же, видя против себя крепкое стояние московских людей, напустился на них всеми людьми, сотни и полки смял и втоптал в Москву реку. Едва сам князь Дмитрий с полком своим стоял против них. Князь Дмитрий Трубецкой и казаки все пошли в таборы. Гетман же, придя, встал у [церкви] Екатерины мученицы Христовой и таборы поставил. И остроже, что был у [церкви] Климента папы римского, а сидели в нем казаки, литовские люди взяли и посадили своих литовских людей. Люди же стояли в великом ужасе и посылали к казакам, чтобы сообща сражаться с гетманом. Они же отнюдь не помогали. В то же время случилось быть в полках у князя Дмитрия Михайловича Пожарского троицкому келарю Авраамииу Палицыну, и пошел в таборы к казакам, и молил их, и посулил им многую монастырскую казну. Они же его послушали, и пришли с обеих сторон, от полка Трубецкого и от полка Пожарского, и соединись вместе, остро-

жек Клементьевский взяли и Литву побили: одних венгорей перебили семьсот человек, и опять сели в остроге, а иные, пехота, легла по ямам и по зарослям на пути, чтобы не пропустить гетмана в город. Всею ратью начали плакать и служить молебны, чтобы Московское государство Бог избавил от погибели, и обещали всею ратью поставить храм во имя Сретения Пречистой Богородицы и во имя святого апостола и евангелиста Ивана Богослова да Петра митрополита, московского чудотворца. День же был близок к вечеру, и вложил Бог храбрость в немощного: пришел Кузьма Минин к князю Дмитрию Михайловичу и просил у него людей. Князь Дмитрий же ему ответил: «Бери кого хочешь». Он же взял ротмистра Хмелевского и три сотни дворянские, и перешел за Москву реку, и встал у Крымского двора. Тут же стояла у Крымского двора рота литовская конная да пешая. Кузьма же с теми сотнями напустился прямо на них. Они же были Богом гонимы и помощью Пречистой Богоматери и московских чудотворцев и, не дожидаясь их, побежали к таборам Хаткеевым, и рота роту смяла. Пехота же, видя то, из ям и из зарослей пошла натиском к таборам. Конные же все напустились [на них]. Гетман же, покинув многие запасы и шатры, побежал из таборов. Воеводы же и ратные люди встали по рву деревянного города, запасы и шатры все захватили. Многие же люди хотели биться. Начальники же их не пустили за ров, говоря им, что не бывает в один день две радости, а то сделалось помощью Божиею. И повелели стрелять казакам и стрельцам, и была стрельба на два часа так, что не слышно было, кто что говорит. Огонь же был и дым, как от пожара великого, гетман же был в великом ужасе и отошел к Пречистой Донской, и стоял всю ночь, не распрягая лошадей. Наутро же побежал от Москвы. Из-за срама же своего прямо в Литву пошел. <...>

320. *О взятии Китай города.* Литовским же людям начало в городе быть утеснение великое: никуда их не выпускали. Голод же у них был великий, выпускали из города всяких людей. По милости же Всещедрого Бога [в день] на память Аверкия Великого⁶⁹⁰ пошли [ратные люди] приступом, и Китай [город] взяли, и многих литовских людей перебили.

321. *О выпуске жен боярских и людей всяких чинов.* Литовские люди, видя свое изнеможение, повелели боярам и всяким людям жен своих выпускать из города вон. Бояре же тем опечалились, куда их выпустить вон, и послали к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому и к Кузьме и ко всем ратным людям, чтоб пожаловали их, приняли

бы [жен] без позора. Князь Дмитрий же повелел им жен своих выпустить, и пошел сам и принял их жен с честью и проводил каждую к приятелям своим, и повелел им давать обеспечение. Казаки же все за то князя Дмитрия хотели убить, потому что грабить не дал боярынь.

322. *О выводе бояр и сдаче Кремля.* Литовские же люди, видя свое изнеможение и голод великий, град Кремль сдавать начали и начали уговариваться о том, чтобы их не перебили, полковникам же и ротмистрам и шляхте чтобы идти в полк к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, а к Трубецкому отнюдь не захотели идти в полк. Казаки же, видя, что пришли на Каменный мост все бояре, собрались все с знаменами и оружием, пришли и хотели с полком князя Дмитрия биться, и едва у них без боя обошлось. Казаки же пошли к себе в таборы, а бояре из города вышли. Князь Дмитрий Михайлович принял их с честью и воздал им честь великую. Наутро же полковник Струс с товарищами Кремль город сдали. И Струса взяли в полк к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому со всем полком его. Казаки же весь полк его перебили, немногие остались. Полк Будилы взяли в полк князя Дмитрия Михайловича Пожарского, и их послали по городам, ни одного не убили и не ограбили из них. Сидение же было [их] в Москве таким жестоким, что не только собак и кошек ели, но и русских людей убивали. И не только русских людей убивали и ели, но и сами друг друга убивали и ели. Да не только живых людей убивали, но и мертвых из земли выкапывали: когда взяли Китай, то сами видели, глазами своими, что во многих чанах засолена была человечина.

323. *О приходе казаков на бояр.* Начальники же начали съезжаться в город. Казаки же начали просить жалование беспрестанно, а то себе ни во что поставили, что [литовские люди] всю казну Московскую взяли, и едва у них немного государевой казны отняли. И приходили [казаки] много [раз] в город. В один же день при шли в город и хотели перебить начальников. За них же вступились дворяне, не дали их перебить. У них же с дворянами много вражды было, едва без крови обошлось. <...>

330. *О посылке по городам [за выборными] к избранию государя.* Начальники же и все люди, видя над собой милость Божию, начали думать, как бы им избрать государя на Московское государство праведного, чтобы дан был от Бога, а не от людей. И послали во все города Московского государства, чтобы ехали к Москве на избрание государя власти и бояре и всяких чинов люди.

331. *О присылке из Новгорода.* Пришел же из Новгорода от Якова Пунтусова посланник Богдан Дубровский с тем, что королевич идет в Новгород. Они же ему отказали, говоря: «Того у нас и на уме нет, чтоб нам взять иноземца на Московское государство; а что мы с вами ссылались из Ярославля, то мы ссылались для того, чтобы нам в ту пору не помешали, боясь того, чтобы не пошли в поморские города. А ныне Бог Московское государство очистил, и мы рады с вами, с помощью Божи-ей, биться, идти на очищение Новгородского государства.

332. *Царство государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в лето 7121⁶⁹¹ году.* Пришли же изо всех городов и из монастырей к Москве митрополиты и архиепископы и всяких чинов всякие люди и начали избирать государя. И многое было волнение людям: каждый хотел по своему замыслу делать, каждый про кого-то [своего] говорил, забыв писание: «Бог не только царство, но и власть кому хочет, тому дает; и кого Бог призовет, того и прославит». Было же волнение великое, и никто не смел произнести [имя], а если кто и хотел [это] сделать [то не мог]; коли Бог чему не повелел, то не угодно Ему было. Бог же призрел на православную христианскую веру и хотел утвердить на Российском государстве благочестивый корень, яко же и в древности [дал] израильскому роду царя Саула, так же и наши слезы призрел Бог, и дал нам праведного государя. «Род праведных благословится, — говорит пророк, — и семя их в благословении будет». Так благословил Бог и прославил племя и родство царское, достославного и святого и блаженной памяти государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси племянника, благоверного и Богом избранного и Богом соблюдаемого от всех скорбей государя и великого князя Михаила Федоровича, всея Руси самодержца, сына великого боярского рода боярина Федора Никитича Юрьева. И положились во всех людей мысль, не только в вельмож и служилых людей, но и в простых во всех православных христиан, и в сущих младенцев, и возопили все громогласно, что люб всем на Московское государство Михаил Федорович Юрьев. В тот же день была радость великая в Москве, и пришли в соборную апостольскую церковь Пречистой Богородицы, и служили молебны с звоном и со слезами. И была радость великая, как [будто] из тьмы люди вышли на свет. И кто может судьбы Божий испытать: иные подкупали и засылали, желая не в свою степень [встать], Бог же того не изволил. Он же [Михаил Федорович], благочестивый государь, того и в мыслях не имел и не хотел: был он в то время у себя в вотчине, того и не ведая, да Богу он угоден был. И заочно помазал его Бог елеем святым и нарек его царем.

II. СМУТНОЕ ВРЕМЯ В ДОКУМЕНТАХ ЭПОХИ

ПРИСЯГА ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКОГО (1606 г., МАЙ)

Божиею милостию мы великий государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси, щедротами и человеколюбием славимаго Бога, и за молением всего освященного собора, и по челобитью и прошенью всего православного христианства, учинилися есмя на отчине прародителей наших, на Росийском государстве царем и великим князем, его же дарова Бог прародителю нашему Рюрику, иже бе от Римского кесаря⁶⁹², и потом многими леты и до прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невского⁶⁹³ на сем Росийском государстве быша прародители мои, и по сем на Суздалской удел розделишась, не отнятием и не от неволи, но по родству⁶⁹⁴, яко же обыкли болшая братья на болшая места седати: и ныне мы, великий государь будучи на престоле Росийского царствия, хотим того, чтобы православное христианство было нашим царским доброопасным правительством в тишине, и в покое, и во благоденстве⁶⁹⁵, и поволил есми яз, царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом з бояры своими⁶⁹⁶, смерти не предати, и вотчин, и дворов, и животов у братьи их, и у жен, и у детей не отымати, будет которые с ними в мысли не были; также и у гостей, и у торговых, и у черных людей⁶⁹⁷, хотя которой по суду и по сыску доидет и до смертныя вины, и после их у жен и у детей дворов, и лавок, и животов⁶⁹⁸ не отымати, будетъ с ними они в той вине невинны; да и доводов⁶⁹⁹ ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтоб в том православное христианство безвинно не гибли; а кто на кого солжет, и, сыскав, того казнити, смотря по вине его, что был взвел неподелно, тем сам осудится. На том на всем, что в сей записи писано, и яз, царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси целую крест всем православным христианом, что мне их, жалую, судити истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своей не класти, и недругом никому никого в неправде не подавати, и ото всякого насилства оберегати.

СТАТЬИ ТУШИНСКОГО ПОСОЛЬСТВА КОРОЛЮ СИГИЗМУНДУ III ОБ ИЗБРАНИИ НА МОСКОВСКИЙ ПРЕСТОЛ КОРОЛЕВИЧА ВЛАДИСЛАВА (1610 г., ФЕВРАЛЯ 4 (14))

1. Как даст Бог великий государь, его королевское величество, на Московском государстве и на всех великих и преславных государствах Росийского царства похочет государем царем и великим князем, всея Руси самодержцем, учинити сына своего Владислава Жикгимонтовича⁷⁰⁰, и его бы господарская милость царь и великий князь призволил бы греческое веры и на Московское государство венчати царским венцем диядимою⁷⁰¹ на Москве от руки Московского патрыарха по древнему чину, как прежнии великии господацы цары Росийские на преславные государства венчались.

2. Светая православная вера греческого закона, которые держали цари Росийские и всякие люди Московского государства, что и вперед ни в чем было непременно. Так же абы светая апостольская церковь имела свою красоту по прежнему, как было изначала, и в апостольских и вселенских учителей догматах и предании ни в чем было не нарушено, и учителем бы римские и люторские и иных вер⁷⁰² в Московском государстве не быть, и расколу церковного не чинить, и от греческие в римскую веру и в ыную ни в которую веру не отводить. И которые римские и иных вер люди похотят приходить до церкви греческие веры, и они б приходили со страхом, как годно православным хрестияном, а не гордостью и не в шапках, и не во время в церкви не садились, и псов бы з собою в церковь не водили⁷⁰³. А будут которые з сыном господарскою милостью люди римские и иных вер, и тые б по закону своему, служба своя отправливать в дому, а для самые нужи учинить костел за городом, говора и советовав о том с патрыархом и со всим освещенным собором, и з бояры, и со всею землею⁷⁰⁴. А опрочь одного римского костела на Москве и в ыных городех⁷⁰⁵. А жидом в Московское государство с торгом и ни с какими дела приеждчать не велел⁷⁰⁶ для того, понеж нам, поровившимся благодатию светого Духа в бане крещения, со отступники и убийцы Сына Божия, божественнии апостолии и самовидцы и слуги Божия слова и богоноснии отце с таковыми часть

приношения им отрекоша и сообщающихся им вечному проклятию предаша*.

3. Цельбоносные гробы светых, которые на Москве и в городех по благодати Божьей истачаю(т) исцеления, почитати и целовати излюбезне; и Московского господарства патрыарха, как есть достойно крайнего светителя, так же митрополитов и архиепископов и епископов и весь освещенный собор в чести и в милости и духовне им усвояться и нарыцать отцы и учителя по писанному чтить, иерея чтить вышняго Бога, занеж иерейская честь на Бога преходить. Также в духовные дела мимо правил светых отец и не по апостольскому преданию не вступатися, и хто чого недостоин и иных вер на святительский сан епископства не возводить.

4. За которыми церквами и за монастыры и за всякими церковными причетники⁷⁰⁷ старынные их отчизны, данья прежних великих господарей царей Росийских, и боярские и всяких людей данье, и тым бы отчином быть за церквами и за монастыры по прежнему, а не рушити их ни в чем. Также до которых церкви свешщенником и дяконом, и всяким церковным причетником з звычайу и шчодробливости давано з царских розходов опраты и оброки, и тым бы, для хвалы Божьи и душевнаго забвения, давати апраты и оброки по прежнему с царских розходов. А дай то Боже, што б его господарская милость, славы ради святого имени Божия и для своей господарское чести, до того што и прибавил, за што его господарскому величеству стокротне заплатит пан Бог.

5. Бояром бы и окольничим, и всяким думным, и ближним и приказным людем в господарских чинах и поведениях быть по прежнему, как было изначало, и в господарской милости и в чести держать их, по их достоенству, как было изначала, и господарскому жалованью, денежным оброком, и поместьям и вотчинам, быть за ними по прежнему; а что будет к тому господарская милость своего господарского милосердия может прибавить, и в том его господарскому имени честь и слава, а от подданных послушеньства и верная служба. А естли его господарская милость вместо денежного жалованья бояром, и окольничим, и всем думным, и ближним и приказным, людем, для укрепления мелких людей дать похочет воеводства и староства, и в

---

* Написано: «продаша».

том его господарская воля. А бояре, и окольничие, и все думные, и ближние и приказные люди на его господарской милости челом бьют⁷⁰⁸.

6. Служилым людем, дворяном и детем боярским, которые господарское жалованье берут с (че)тверти⁷⁰⁹ каждого году, и тым бы господарское жалованье давать кождоу году по прежнему, а без годового жалованья служилым людем быть не мочно⁷¹⁰. А которым дворяном и детем боярским годовое жалованье прибавлявано при Шуйском и при воре⁷¹¹ не по их достоинству, и у которых убавлено не по вине, и о том его господарской милости говорить и советовать з бояры, и оклады денежные и поместные учинить по достоинству, кто чего достоин. А в службе служилым людем и в податках⁷¹², которые збирают с поместей и с вотчин, учинить льгота на колько год будет надобно, говоря и советовав о том з бояры и з землею⁷¹³, для того что служилые многие люди побиты, а поместья и вотчины разорены. А которые дворяне и дети боярские господарское жалованье берут з городов⁷¹⁴, и тым, господарово жалованье давать по верстанию, как коли верстать учнут, а не ежелет⁷¹⁵, как были при прежних господарех⁷¹⁶.

7. На Москве и в городех ружников⁷¹⁷ и оброчников⁷¹⁸, розных станов людей, которые для их службы при прежних великих господарех пожалованы денежным и хлебным жалованьем и иными городовыми оброки, и тым бы всем господарское жалованье давать ежелет по прежнему из господарские казны, а бес того на Москве и в городех быти не мочно.

8. Судьи право учинить по прежнему как было изначала по Судебнику⁷¹⁹, вправду, не льготячи никому, а ни великим, ни малым станом. А за бесчестье и увечье указывать на виноватом з суда по прежнему, а чего будет в руском Судебнике к укреплению суда и права не доложоно, и тое все господарской милости поправить и доложить волно, советовав з бояры и з землею⁷²⁰.

9. Наступит ли который неприятель на Московское господарство, или на Польшчу, или на Литву, и против того стояти и помогать обоими господарства, как Московским господарством, так короно(ю) Польскою и великим князством Литовским заодин⁷²¹.

10. На Татарских украинах людем быть по готову, Руским на Руси, а Литовским в Литве, как было преж того, и для укрепления засеки⁷²² учинить по прежнему, а смотра по мере помогать с обе стороны⁷²³.

11. Естли хто ис какого чину дойдет до вины и до казни в господарских и в земских делах⁷²⁴, и того его господарская милость карат, смотря по винам, сыскал подлинно вправду, говора и советовал з бояры и з думными людьми, одних, хто чего достоин. А до жены, и до детей, и до братьи, и до родства, и до животов, и до поместья, и до вотчин дела нет⁷²⁵. Также его господарской милости по наносу, и не сыскав вправду, подлинно, и не осудя судом со всеми бояры, бояр и всяких станов людей никого не зсылать и не казнить, и чести у них не уымать, и поместей и вотчин у них не отымать, и не по правде великих станов не понижать, а меньшие станы подносить, смотря по службе⁷²⁶. Также за которыми бояры, и двораны, и за всякими людьми старынные их родственные, и купленные и жаловалные отчизны, а судом Божиим кого не станет, и после живота его вотчин их у родства их не отнимати, а отдавать вотчины родству их⁷²⁷; а делать то все по совету з бояры и з думными людьми, а без совету бояр и думных людей того не делать⁷²⁸. Также служалых и неслужалых людей, и жон и детей и в Литву и в Польшу неволею не отводить⁷²⁹, также в ыные господарства всяких станом людям на науки не ездити не забороняти, и без них поместей их и вотчин и животов жон их и детей не отнимати⁷³⁰.

12. Которые боярские и дворанские и всяких служивых и неслуживых людей братья и жены и дети в нынешние розрухи⁷³¹ взятые в полон в Польшу и в Литву⁷³², и о тех его господарской милости и сына его Владислава королевича молим и челом бьем, а братью нашу сенаторы и посполитое рыцерство напоминаем и просим, штоб его королевская милость, наш милостивый господарь, с тых всех, для воздаванья будущих благе и славы ради и чести его господарской милости, сыскав, велел отдать родству их, и того кие материны слезы ку гробу осладити и печальное сердце обратити в радость.

13. Польские и Литовские панове на Москве и по городом воеводств и староств и иных урадов не давати⁷³³. А которые Полские и Литовские люди будут и господарской милости, и тех в Московском господарстве денежным жалованьем и поместьи и вотчины устроить, говора з бояры и з думными людьми⁷³⁴.

14. Доходы и пошлины господарские всякие з городов и з сел и кабацкие и яможные деньги⁷³⁵ на Москве и в городех збирать на господара по прежнему, как было при прежних господарех; а лиш-

него мимо прежние обычаи не накладывать⁷³⁶. А которые города от войны позапустели, и в те города послать и описать и дозрыть иматъ и живушчегю по описы и по дозору⁷³⁷; а что будет на которой невозванной город перед прежниму прибавить, и о том советовать з бояры и з землею⁷³⁸.

15. Купцем народу Полского и Литовского в Московском государстве, а руским купцем в Литве и Польще, торговать поволно на обе стороны, и пошлины господарские иматъ с обоих с русских в Литве, с полских и литовских в Московском государстве по прежнему, как было при прежних господарех⁷³⁹. А мимо прежних обычаев лишних пошлин не накладывать и задерживать купцев ни в которых городех не велеть и поминков⁷⁴⁰ с них в неволю не иматъ. Также руским купцом в Московском государстве торговать поволно, и пошлины с них на Москве и во всех городех Московского государства на господара и великого князя иматъ по прежнему уложению, было преж сего. А которые б купцы розных господарств крестияньских и мусульманских к Москве и по городом приеждчали для торговли, и тем всем к Москве и по городом велет приеждчать и торговать поволною торговлею, и пошлины с них иматъ по прежнему. Также б Московского государства купцем со всякими товары через Полские и Литовские города во все государства ездити было повольно.

16. Крестияном в Литву выходу, а из Литвы на Русь, и на Руси меж себя выходу не давать⁷⁴¹, для того што от того хлопи могут искать своеволенства⁷⁴², а господару и сенатором и рыцерству с того жадного пожитка⁷⁴³ не будет.

17. Холопом боярским воли не давати, а быти им и служити по крепостям, по прежнему⁷⁴⁴, для того: если бы им была воля, то они могут отшедши на дальней край, и собрався люди много и обравши посреди себя господара такова ж, каковы сами, будут, поседать замки и места, чому вжо нине не новина⁷⁴⁵; а того в государстве может быть розрух и спустошенье.

18. На Волге, и на Дону, и на Яике и на Терке казаки надобет ли или нет, — о том становить, и для чого надобны, или не надобны⁷⁴⁶.

А чегю будет в тех статьях не написана, а даст Бог его господарская милость будет под Москвою или на Москве⁷⁴⁷, и учнут его господарской милости о которых статьях бити чолом з Московского государства патрыарх и весь освещенный собор, и бояре, и дворяне

и всех станов людей⁷⁴⁸, и о тех статьях его господарской милости говорить и становить, и довершить Московского господарства с патриархом, и со всем освещенным собором, и з бояры, и со всею землею⁷⁴⁹.

И на том бы всем великий господар его королевское величество, и сын его Владислав Жикгимонтович, и сенаторы его кор(олевской) милости все из и рыцества лучшие люди мели принять и учинить по своей вере, что их милости то все держать нерушимо⁷⁵⁰.

ДОГОВОР МОСКОВСКИХ БОЯР С ГЕТМАНОМ СТАНИСЛАВОМ ЖОЛКЕВСКИМ ОБ ИЗБРАНИИ НА МОСКОВСКИЙ ПРЕСТОЛ КОРОЛЕВИЧА ВЛАДИСЛАВА И ОТПРАВЛЕНИИ ПОСОЛЬСТВА ПОД СМОЛЕНСК К КОРОЛЮ СИГИЗМУНДУ III (1610 г., АВГУСТ)

По благословению и по совету святейшего Ермогена патриарха Московского и всея Руси, и митрополитов, и архиепископов, и архимаритов, и игуменов и всего освященного собора, и по приговору бояр, и околничих, и дворян, и диаков думных, и столников, и дворян, и стряпчих, и жилцов, и дворян из городов, и голов стрелетцких, и всяких приказных людей, и детей боярских, и гостей, и торговых людей, и стрелцов, и казаков, и пушкарей, и всех чинов служилых и жилецких людей великого Московского государства, мы бояре князь Федор Иванович Мстиславской, да князь Василей Васильевич Голицын, да Федор Иванович Шереметев, да околничей князь Данило Иванович Мезетцкой, да думные диаки Василей Телепнев, да Томило Луговской, съезжались великого государя Жигимонта короля Полсково и великого князя Литовского с Станиславом с Станиславовичем Желтковским с Жолкви, с воеводою киевским, з гетманом короны Полские, с старостою рогатынским, каменецким и калуским, и говорили и советовали о обирание государском на Владимирское и Московское и на все великия государства Росийского царствия, и приговорили на том, что святейшему Ермогену патриарху Московскому и всеа Руси, и митрополитом, и архиепископом, и епископом, и архимаритом, и игуменом и всему освященному собору, и нам бояром, и околничим, и дворяном, и дьяком думным, и столником, и дворяном, и стряпчим, и жильцом, и дворяном из городов, и головам стрелетцким, и всяким приказным людям, и детям боярским, и гостем, и торговым людям, и стрельцом, и козаком, и пушкарем, и всех чинов служилым и жилецким людям Московского государства послати бити челом к великому государю к Жигимонту королю Полскому и великому князю Литовскому, и к сыну ево х королевичю ко Владиславу Жигимонтовичю, чтоб великий государь Жигимонт король пожаловал, дал на Владимирское и Московское и на все великия государства Росийскаго царствия сына своего Владислава королевича;

о чем святейший Ермоген патриарх Московский и всея Руси, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный собор Бога молят, и государя Владислава королевича на Российское государство хотят с радостию⁷⁵¹.

А мы все бояре, и околничие, и дворяне, и стряпчие, и жильцы, и дворяне из городов, и головы стрелетцкие, и всякие приказные люди, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и стрельцы, и козаки, и пушкар, и всех чинов служилые и жилецкие люди Московского государства великому государю королевичю Владиславу Жигимонтовичю и детям его целовали святой животворящий крест Господень на том, что нам ему государю и детям его вовеки служить и добра хотети во всем, как прежним прирожденным великим государем царем и великим князем всея Руси; а лиха ему Государю и детям ево не хотети, ни думати, ни мыслити, и иново никою из Московского государства и из ыных государств на Московское государство, опричь государя Владислава королевича не хотети. А на которой мере государю королевичю Владиславу Жигимонтовичю быти на Росийском государстве, и о том мы бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи дали гетману письмо по статьям⁷⁵², и по тому писму во всех статьях з гетманом с Станиславом говорили; и о которых статьях мы бояре з гетманом договор учинили и постановили, и на те статьи дал нам боярам князю Федору Ивановичю Мстисловскому с товарищи гетман запись и утвердил своею рукою и печатью, и на той записи целовали крест гетман и все полковники, и ротмистры за великого государя Жигимонта короля, и за его сына за великого государя королевича Владислава Жигимонтовича, и за великое государство за коруну Польскую и за великое княжество Литовское, и за себя и за всю рать, которая с великим государем Жигимонтом королем и с ним з гетманом. А мы бояре против того дали гетману сее запись за своими руками и за печатями о тех же статьях: как благоволит Бог и пречистая Богородица и великие чудотворцы московские Петр и Олексей, и Иона, и все святые, а великий государь Жигимонт король пожалует, даст на Владимирское и на Московское и на все великия государства Росийскаго царствия сына своего королевича Владислава Жигимонтовича, и государю королевичю Владиславу Жигимонтовичю, коли он, государь, придет в царствующий град Москву, венчатись на

Владимерское и на Московское государство и на все великия и славныя государства Росийского царствия царским венцем и диадимою, от святейшего Ермогена патриарха Московского и всея Руси и ото всего освященного собору Греческия веры, по прежнему чину и достоянию, как прежние великие государи цари московские венчались.

А будучи государю королевичю Владиславу Жигимонтовичю на Росийском государстве, церкви Божия на Москве и по всем городам и по селам в Московском государстве и во всем Росийском царствии чтити и украшати во всем по прежнему обычаю, и от разоренья ото всякого оберегати, и святым Божиим иконам и пречистые Богородицы и всем святым и чудотворным мощем поклоняться и почитати, и святительскому и священническому (чину) и всем православным христианом быти в православной христианской вере греческаго закона по-прежнему, и римские веры и иных розных вер костелов и всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве и по городом, и по селам нигде не ставити. А что говорил гетман по королевскому ответу, чтоб в царствующем граде Москве хотя б один костел быти мог для людей полских и литовских, которые при государе королевиче мешкати будут, о том государю королевичю с патриархом и со всем духовным чином и с бояры, и со всеми думными людьми говорить. А христианския нашия православныя веры греческаго закона ничем не рушати и не бесчестити⁷⁵³, и иных никаких вер не вводити, чтоб наша святая православная вера греческаго закона имела свою целостъ и красоту по-прежнему; и Росийскаго государства людей православных христиан от греческия веры в римскую и ни в которую иную веру силою и нужею, и иными никакими мерами не отводить. И жидом в Росийское во все государство с торгом и некоторыми иными делы не въезжати. Целбоносные гробы и мощи святых государю королевичю Владиславу Жигимонтовичю имети в великой чести. А святейшего Ермогена патриарха Московского и всеа Руси, также и митрополитов, архиепископов, епископов, архимаритов и игуменов, попов и дьяконов, и священнический, и иноческий чин и весь освященный собор христианския наша православныя веры греческаго закона чтити и беречи во всем, и в духовныя во всякие святительские дела не вступатися, и иных вер, оприч греческия веры, в духовной чин не поставляти. А что дано церквам Божиим и в монасты-

ри вотчин или угодей, и того данья всех прежних государей московских и боярсково, и всяких людей данья у церквей Божиих и у монастырей не отымати, быти всему по-прежнему, ни в чем не нарушаючи; и церковных всяких и монастырских чинов ни в чем не рушати, и ружные всякие оброки⁷⁵⁴ церковные и монастырские, которым преж сего давано из государьские казны, то все давати по-прежнему из государьские казны; и милости ради великого Бога к церквам и к монастырем всяково даяния прибавливати.

Бояром, и околничим, и дворяном, и дьяком думным, и чашником, и столником, и стряпчим, и дьякам, и приказным всяким людем во всех приказах у всяких государственных, у земских росправных дел, и по городом воеводам и дьяком и всяким приказным людем и всяким чином быти по прежнему, как повелось в Московском государстве при прежних великих государех. А полским и литовским людем на Москве ни у каких земских росправных дел, и по городом в воеводах и в приказных людех не быти и в наместничество и в староство городов польским и литовским людем не давати. А о том, чтобы обоих государств думою быти и полским, и литовским людем в приказах на рубежных городех до достаточново успокоенья Российского государства, о том бы государю приговор учинити з бояры думными во свое время. И Московского государства всех чинов люди про ту статью великому государю челом бьют, чтоб того не было, кроме дела⁷⁵⁵.

А которые полские и литовские люди будут при государе королевиче, и тех государю королевичю устроить и пожаловати денежным жалованьем и поместьем, по их достоинству, кто чего достоин. Московского государства бояр, и околничих, и дворян, и дьяков думных, и столников, и дворян, и стряпчих, и дьяков, и жильцов, и дворян из городов, и голов стрелетцких, и приказных людей, и детей боярских, и гостей и торговых людей, и стрелцов, и казаков, и пушкарей, и всех чинов служилых, и жилетцких людей Росийского государства имети государю королевичю всех по достоинству, в чести и в жалованье и в милости, как было при прежних государех царех московских⁷⁵⁶, и прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве, не переменять. И московских княженецких и боярских родов приезжими иноземцы в отечестве и в чести не теснити и не понижати. А жалованье денежное, оброки и поместья и вотчины, хто что имел до сех мест, и тому быти по-прежнему; и родительских вотчин

ни у кого не отымати, и вперед всяких людей Росийского государства жаловати, смотря по службе и хто чево достоин. Иноземцов всяких, которые выезжали из розных государств к прежним Московским государем, жаловати по-прежнему, и оброков, и поместей, и вотчин у них не отымати. Бояром и дворяном, и столником, и стряпчим, и детем боярским, и всяким приказным и служилым людем государское жалованье велети давати из чети по всякой год, по прежнему обычаю. А будет что кому прибавлено вотчин и поместей или денежных оброков не по их достоинству, или будет у которых убавлено без вины, о том государю советовать и думать з бояры и з думными людьми⁷⁵⁷; и как государь приговорит з бояры, и по тому так учинити, как достоин. А которые дворяне и дети боярские государское жалованье емлют с городом, и тем жалованье давати, как преж сего бывало при прежних государех. На Москве и в городех ружником и оброчником, которым при прежних великих государех для их службы жалованье давали, и тем давати жалованье денежное и хлебное из государские казны по прежнему⁷⁵⁸.

На Москве и по городом суду быти и совершатись по прежнему обычаю и по судебнику Росийскаго государства; а будет похотят в чем пополнити для укрепления судов, и государю на то поволити з думою бояр и всей земли, чтоб было все праведно.

Великому государю Жигимонту королю Польскому и великому князю Литовскому, и его великим государствам коруне Польской и великому княжеству Литовскому быти с великим государем королевичем Владиславом Жигимонтовичем и со всеми государства Росийскаго царствия в миру, в дружбе, в любви навеки недвижно, и промеж себя рати и войны не всчинати никоторыми делы; а которые недруги похотят наступать на Росийское государство или на королевство Польское и на великое княжество Литовское, и против тех всех недругов стояти обоими государства заодно. На Татарских уринах толко надобно будет держати обоих государств ратных людей, и как будет государь королевич на Московском государстве, и о том говорить з бояры, сошлется с великим государем з Жигимонтом королем, как тому делу пригоже с обе стороны быти. Умышлением никаким, ни засылкою шкоты⁷⁵⁹ никакия и убивства над людьми Московского государства не делати, и дворов, и животов, и иного ничего у всяких людей не отымати; и в Полшу, и в Литву, и в иные государ-

ства Московского государства людей не россылати, и ис Полши и из Литвы на их места никаких людей не приводити; и жен и детей ни-чьех не позорити ни в чем, и в полон не имати и не ссылати, и з женами и з детьми никого не разводити. А кто винен будет, из которово чину нибудь, и казни будет достоин в государских и в земских делах, того по вине его казнити, осудивши наперед з бояры и з думными людьми; а жены, дети, братья, которые того дела не делали и не ведали, и не хотели, и тех не казнити, и быти им во всем по прежнему, и вотчин, и поместей, и животов, и дворов у них не отымати. А не сыскав вины и не осудивши судом всеми бояры, никово не казнити, и чести ни у ково не отымати, и в заточенье не засылати, поместей и вотчин, и дворов не отымати.

А хто бездетен умрет, и то все, что останется, отдавати ближним его, или кому он прикажет; и о всем о том делати государю с приговору и с совету бояр и всех думных людей, а без думы и приговору таких дел не совершати.

Как Ростригу убили всем Московским государством, и в те поры на Москве многие русские люди побиты от полских и от литовских людей, а от русских людей также побиты полские и литовские люди, и того дела ныне и вперед не всчинати и не мстити с обе стороны.

Которые полские и литовские люди, полковники и ротмистры, и шляхта, и всякие люди были в полону в Московском государстве, и те из Московского государства отданы гетману без выкупу; а которые буде полские и литовские люди остались еще в Московском государстве, а взяты в нынешнюю ж смуту, и тех сыскав, из Московского государства отпустить в Полшу и в Литву без выкупу ж. А которые дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и пушкар, и всякие служилые и неслуживые люди, и дворянские, и детей боярских, и стрельцов, и казаков, и пушкарей, и всяких служилых и неслуживых людей матери, и сестры, и жены, и дети, и всякие люди Росийскаго государства мужеска полу и женска в нынешнюю смуту, при бывшем царе Василье, взяты в полон в Полшу и в Литву, и тех королевскому величеству велеть всех сыскав от мала до велика отдати в Московское государство без выкупу ж.

Доходы государские з городов, с волостей, также с кабаков и с тамог деньги и всякие доходы велети государю збирати по прежнему, как было при прежних великих государех; а сверх прежних обычаев,

не поговоря з бояры, ни в чем не прибавлявати. А которые города от войны запустели, и в те города и уезды послати государю описати и дозирати, много ль чево убыло, и доходы велети имати с живущего по описи и по дозору; а на запустошенные вотчины и поместья дати льготы, поговоря з бояры; а на невоеванные города што будет перед прежним доведется прибавити, и о том з бояры и з думными людьми поговорить.

Купцом Московского государства всех городов в Польше и в Литве, а полским и литовским купцам в Московском государстве торговати повольно по прежнему, и тамга на Москве и во всех городех Московского государства, также в Польше и в Литве во всех городех велети имати по прежнему же обычаю, как имано преж сево, и продаж, и насилиства с обе стороны торговым людям не чинити.

Торговым и пашенным крестьяном в Литву с Руси, а из Литвы на Русь выходу не быти; также и на Руси промеж себя христианом выходу не быти. Бояром и дворяном и всем чином держати крепостных людей по прежнему обычаю, по крепостям.

На Волге, на Дону, на Яике и на Терке козаки будет надобе, или не надобе, о том государю королевичю говорити з бояры и з думными людьми, как будет на государстве.

А про города, к Московскому государству належачие, так тые, в которых теперь полские и литовские люди, яко тые, которые ныне за вором, с нами бояры гетман приговорил, что великому государю Жигимонту королю и сыну его государю Владиславу королевичю те города со всем, как были до нынешние смуты, к Московскому государству очистить.

А великим послом Московского государства с великим государем Жигимонтом королем вперед договор учинить про кошт и наклад королевской, на ратное дело учиненным, и про заплату полским и литовским людям, как было про то дело сее статью совершить⁷⁶⁰.

А про вора, что называется царевичем Дмитрием Ивановичем, гетману Станиславу Станиславовичю думати и промышляти с нами бояры, как бы тово вора изымати, или убити; а как вор изыман, или убит будет, и гетману со всем королевским войском от царствующаго града от Москвы отойти в Можаяск, или где пригоже, по договору с нами бояры, и там великих московских послов поворотки и указу королевского ждати. А толко вор царствующему граду Москве похо-

чет какое воровство или насилство чинити, и гетману Станиславу против того вора стояти и битца с ним, а Яна Сапегу с полскими и с литовскими людьми от тово вора отвести. А будет вор с русскими людьми пойдет прочь, а что при нем полских и литовских людей останетца немного, и гетману Станиславу над ним и людьми, которые при нем будут, с королевским войском вместе с нами бояры промышляти вскоре, чтоб крови христианския больши не разливал, и земля б в тишине стала.

А Сендомирсково воеводы дочери Марине, которая была за убитым розстригою Гришкою Отрепьевым и с нынешним вором в Московском государстве ходит, государынею Московскою не называться, и смуты некоторые вперед в Московском государстве не делати, и отвести ее в Польшу.

И во всем государю королевичю Владиславу Жигимонтовичю делати по нашему прошенью, и по договору послов с великим государем Жигимонтом королем, и по сей утвержденной записи.

А гетману Станиславу Станиславовичю в город в Москву полских и литовских и неметцких и всяких ратных людей, которые с ним и которые с Яном Сапегою, без повеления бояр и без дела не впускать. А для покупки приезжати в город в Москву ис полских и из литовских и изо всех обозов с гетманскими проезжими листы, человек по двадцати, или мало болши; а без проезжих листов и болши того в город Москву не въезжати.

А про Смоленск гетману бити челом и отписать к великому государю Жигимонту королю, чтоб король по Смоленску бити не велел, и тесноты б городу никакия учинити не велел.

А о крещении, чтоб государю королевичю Владиславу Жигимонтовичю пожаловати креститися в нашу православную христианскую веру греческаго закона, и быти в нашей в православной христианской греческой вере, и о иных недоговорных статьях и о всяких делах, что ся делало меж государств издавна до нынешние смуты, как бы меж государями и их государствами о всем договор и докончанье учинилось, а любовь, милость и приязнь на обе стороны множилась навеки, о чем сказал гетман, что тепере от короля науки не имеет, — и о том гетман с нами бояры приговорил, что нам послати о том бити челом и договор чинити к великому государю Жигимонту королю и х королевичю.

А для утверждения, к сей записи мы бояре, князь Федор Иванович Мстиславской, да князь Василей Васильевич Голицын, да Федор Иванович Шереметев, да околничей князь Данило Иванович Мезетцкой печати свои приложили; а мы дияки Василей Телепнев, да Томило Луговской руки свои приписали.

Писан в царствующем граде Москве лета 7118-го, августа месеца.

ПРИГОВОР ПЕРВОГО ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ (1611 г., ИЮНЯ 30)

Лета 7119-году июня в 30-й день Московского государства разных земель царевичи⁷⁶¹ и бояре, и окольничие, и чашники⁷⁶² и стольники, и дворяне, и стряпчие, и жильцы, и приказные люди, и князи, и мурзы, и дворяне из городов, и дети боярские всех городов, и атамань, и казаки, и всякие служилые люди, и дворовые, которые стоят за дом Пресвятыя Богородицы и за православную христианскую веру против разорителей веры христианские, польских и литовских людей, под Москвою⁷⁶³, приговорили, и выбрали всею землею⁷⁶⁴, бояр и воевод, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого да Ивана Мартыновича Заруцкого да думнаго дворянина и воеводу Прокофья Петровича Ляпунова⁷⁶⁵, на том, что им, будучи в правительстве, земским и всяким ратным делом промышляти⁷⁶⁶ и расправа всякая меж всяких людей чинити в правду⁷⁶⁷, а ратным и земским всяким людем их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем⁷⁶⁸.

1. А поместьям за бояры быти боярским, а взяти им себе поместья и вотчины боярские, и окольничих, и думных дворян, боярину боярское, а окольничему окольническое, примеряся к прежним большим бояром, как было при прежних российских прирожденных государех⁷⁶⁹. А которые дворцовые села и черные волости⁷⁷⁰ и монастырские села, и боярские и окольничих и думных дворян поместья и вотчины розняли бояре по себе без земского приговору и дворяном и детям боярским раздали, они ж бояре, вновь в додачу к старым их окладам или сверх их окладов, и те новые поместья у тех у всех отняти и отписать в дворцовые села, а черные волости в Дворец, а поместные и вотчинные земли отписав, раздати безпоместным и разоренным детям боярским, которые поместей своих отбыли от литовского разоренья. А Дворец и Большой Приход и Четверти устроить по прежнему, как было преж сего на Москве и доходы хлебные и денежные збирати в Дворец и Чети.

2. А в дворцовые ж села и черные волости, которые розданы бояром и окольничим, и стольником, и стряпчим, и дворяном большим, и дворяном же из городов, и детям боярским, которые сидели на Москве и в осаде и по городам за Московское ж государство, и которые были в Тушине и в Калуге, и по иным Северским городом, не по их

мере оклады и дачи, и их верстать с теми, которым давано на Москве за осадное сиденье и за раны по их мере, и в поместном окладе и в дачах, и в денежном жалованье учинить их равно. А которым за московское сиденье на Москве и в Тушине, и в Калуге даны оклады и дачи, и денежное жалованье не по их мере и не за службу, и у тех по сыску окладов и денежного жалованья убавливать, а оставливать им по их мере; а лишек, что у них возмут, раздать в раздачу.

А которым бояром же и дворяном и детем боярским и всяким людям поместья даны вновь на королевское и на королевичево Владиславово имя из дворцовых сел и из черных волостей, а старые поместья за ними опроче тех дачь есть, — и у тех ту новую королевскую и королевичеву дачу отнять и роздати безпоместным же и разоренным, а которым новиком безпоместным или малопоместным и при короле и при королевиче даваны выморочные или отцовские поместья, а старых поместей за ними, опроче тех дачь, нет, и у тех поместей не отымать.

3. А которые воеводы ныне по городам и здесь в полках, имали себе поместья самовольством без боярского и всей земли совету из дворцовых сел и из черных волостей, и из боярских, и из дворянских поместей и из вотчин, или которые взяли, бив челом ложно о сче четвертях, а владеют пятью сты и иные и тысячами, — и в тех лишних землях и в доходах тех помещиков счесть, а по счету с тех лишних земель доходы и владенье на них доправити; а тот лишек, что за ними было поместное и вотчинные земли, роздать в раздачу безпоместным же и малопоместным и разоренным, что кому доведется; а дворцовые села и черные волости отписать во Дворец.

4. А которые чашники и стольники, и стряпчие, и дворяне большие, и жильцы, и дворяне ж, и дети боярские из городов, и всякие служилые люди ныне под Москвою в полках служат, и за православную христианскую веру стоят (с) землю вместе без съезду, а поместей за ними нет, или у которых поместья разорены, и поместьями своими не владеют от литовского разоренья, и тех для их бедности и разоренья испоместить всех из тех поместей, что по нынешнему боярскому и всей Земли приговору отпишут у бояр и у дворян, и у детей боярских, которые ныне на Москве; и что отпишут у бояр же и у всяких людей новых поместей, что кому давано сверх старых поместей или сверх окладов и излишних земель; а будет бедных безпо-

местных и разоренных дворян и детей боярских теми поместьи не испоместят, и им испоместить, поговоря бояром со всею землею, где пригоже.

5. А которые дворяне и дети боярские разных городов посланы с Москвы с послы под Смоленск, с боярином со князем Васильем Васильевичем Голицыным с товарищи, и ныне засожены в Литве, и которые сидели в Смоленску в осаде и побиты от Литвы, а у них остались жены и дети, и у тех поместей не отымать, а велети владети женам их и детям, а у которых жон и детей нет, и те поместья и вотчины отписать и доходы с них всяких собирать в Дворец, а людей их из поместей и из вотчин не высылать и велети им давать корм, как мочно сытим быти; а ково бог из Литвы вынесет, и тем поместья их и вотчины поворотить назад.

6. А которые старые вотчины за патриархом и за митрополиты, и за владыки и которые села даны в вотчины ж в Дом к соборной Пречистой Богородицы и к Благовещенью, и к Архангелу, и к иным соборным церквам, и в монастыри блаженные памяти по государех царех и по их царских родителях, и тех вотчин у патриарха и у всяких властей, и у монастырей, и у соборных церквей всяких церковных земель не отымать и в роздачу не раздавати, а которые розданы до сех мест и те поворотити опять за патриарха и к соборным церквам, и за монастыри, а про ратных людей собирать с них корм в Дворец.

7. А которые дворяне и дети боярские померли и побиты, а после их остались жены и сыновья, и у тех вдов и у сыновей поместей не отымати; а у которых остались жены с дочерми, а сыновей нет, и тем вдовам давати поместья с дочерьми на прожиток по уложению, примерясь к прежнему, как преж сего вдовам с дочерьми на прожиток давано; а у которых жон и детей не осталось, и те поместья раздавати в роздачу роду их и племени безпоместным и малопоместным, а мимо родства их не отдавати.

8. А которым дворяном и детям боярским, и всяким людем за московское сиденье и за ту службу, которые были в походе с боярином и воеводою со князем Михаилом Васильевичем Шуйским и которые сидели по городам за Московское государство, даваны на Москве вотчины из которых нибудь земель oprичь родовых вотчин и старинных поместей, и тех вотчин ни у кого не отымать. А у которых дворян

и у детей боярских, и у приказных, и у всяких людей в разгром, как за грех всего православного христианства литовские люди Московское Государство разорили и выжгли, вотчинные жалованные грамоты и людские всякие крепости погорели, и тем давать новые вотчинные жалованные грамоты и всякие крепости. А которым за московское осадное сиденье дано и им о том бити челом бояром и всей Земле, чтоб им дати вотчины из их из старых и из новых поместей против тех вотчинников, которым давано на Москве; а бояром, поговоря со всею Землею, вотчины давати вольно, а давати вотчины против прежняго приговору с окладов со ста четьи по двадцати четвертей, и прежняго приговору патриарха Ермогена московского и всеа Руссии и ныне пожаловати бояром ни в чем не нарушити.

9. А которые дворяне и дети боярские, и всяких чинов люди съезжали с Москвы и были в Тушине, и в Калуге и сидели по городам, и тем давати вотчины против московских сидельцов как давано на Москве, из старых и из новых их поместей, кто кому в версту, а не против тех окладов, которые им учинены в таборах.

10. А у которых стольников и у стряпчих, и у дворян больших, и у жильцов, и у дворян же, и у детей боярских из городов поместья в Смоленску, в Дорогобуже, на Белой, в Вязьме, в Можайску и в иных в порубежных городех от литовские стороны и в украиных в Северских городех от крымские стороны разорены и запустошены от литовских и от крымских людей, а сами они ныне служат с землею вместе, и про тех дворян и детей боярских сыскивать города⁷⁷¹ и по сыску давать поместья в иных замосковных городех, как им мочно сытим быть; а смольняном и беляном, и дорогобуженом, и вязмечем, и можайчем, и всем разоренным городам поместья давати наперед⁷⁷².

11. А которым дворяном даваны вотчины на Москве за московское осадное сиденье в Смоленску и на Белой, и в Дорогобуже, и в Вязьме, а ныне те их вотчины от Литвы разорены, и ими не владеют, и тем дворяном давати вотчины в иных городех из старых и из новых поместей по прежнему уложению, а дворяном и детям боярским всех городов про разоренье свое и про поместья сказывать и бояром и всей земле бити челом в правду и старых поместей за собою не таити, и поместным безпоместными себя не называти, и не разоренных поместей в разоренье ложно не писать, и в четвертях лишку

себе не иметь. А хто поместной сын боярской назовет себя безпоместным, а поместье старое за собою утаит, или неразореное поместье назовет разоренным, а вновь возмет себе поместье ложно, или в четвертях припишет хто себе лишек⁷⁷³, а хто на кого скажет в правду, и про то подлинно сыщется, и у тех, хто возмет ложно, те поместья имати назад и отдавати безпоместным и разоренным.

12. А которые бояре и дворяне и дети боярские и дьяки и всякия приказные люди ныне на Москве с литвою, а братьи их и дядья, и дети, и племянники ныне в полках, а поместей за ними нет, а сами служат, и тем поместья в их оклады давати, как пригоже. А что за их окладом останется и то отдавати разных городов дворяном и детям боярским в роздачу. А которые поймали племяни своего поместья и вотчины до сего приговору и умышленьем для береженья, а поместья за ними старья есть, и у тех поместья и вотчины отнять и в роздачу раздать иным, кому доведется. А которые посямест сидят на Москве с литвою без жон и без детей, а в полки не едут воровством и тем поместей и вотчин не отдавати⁷⁷⁴.

13. А которые дворяне и дети боярские на земскую службу под Москву мая по 25-е число не бывали⁷⁷⁵, а по боярскому и всей Земли прежнему приговору⁷⁷⁶ велено у них поместья отымать и в роздачу роздати безповоротно; и после того приговору многие на службу приехали и бьют челом бояром и всей Земле, что они посяместа не бывали для бедности и раззоренья, и про тех сыскать города⁷⁷⁷ и сыски имать за дворянскими руками. Да будет по сыску которые посяместа не бывали для бедности и раззоренья, а не ленью и не воровством, и тем по их челобитью для бедности и раззоренья поместья поворотить. А которая посяместа июня по 29-й день не бывали и впредь скоро на службу не будут, а в сыску про них дворяне скажут, что они не едут своею ленью и воровством, а не от бедности; или которые, быв на службе, съехали без боярского отпуску, а на службе им быти мочно, и у тех поместья отнять и в роздачу раздать тем, которые служат, безповоротно.

14. А у которых дворян и детей боярских поместья иманы не по нетам, по ложному челобитию, а они были на Москве по неволе или по городом от литовскою раззоренья, а впредь они сами на службе объявятся, и тем поместья и вотчины поворотити назад; или которые вдовы и недоросли были на Москве, а ныне и с детьми вышли, или

которые скитаются по городам у родимцов, и поместья у них поимали заочно, а впредь они объявятся ж, — и тем вдовам и недорослям поместья отдать, чтоб им до конца в раззоренье не быти.

15. А которые дворяне и дети боярские посланы по городом в воеводы и на всякие посылки в збор, а на службе им быти мочно, и тех из городов и из посылок переменить, и велети им быти в полки тот час, а на их место послать дворян сверстных и раненых, которым на службе быти не мочно⁷⁷⁸. А с которыми воеводы и с дворяны поехали по городом дети их и племянники без отпуску, а поместья за ними есть, — и у тех поместья отымать и в раздачу раздати безповоротно.

16. А в Поместном Приказе⁷⁷⁹ для поместных дел посадити дворянина из больших дворян, а с ним дьяков, выбрав всюю Землею⁷⁸⁰, и велети испоместити наперед дворян и детей боярских бедных разоренных безпоместных и малопоместных, которые поместьями своими не владеют от литовского раззоренья; а за которыми были в поместьях дворцовыя села и черные волости, нынешняя боярская новая дача и тем поместей наперед не отдавати до тех мест, покаместа бедных и раззоренных всех не поместят⁷⁸¹.

17. А которые атаманы и казаки служат старо, а ныне похотят верстатся поместными и денежными оклады и служить с города⁷⁸², и тех за их службы поместными и денежными оклады поверстать, смотря по их отечеству и по службе; а которые атаманы и казаки верстатся не похотят и тем атаманом и казаком и стрельцом давати хлебный корм с Дворца, а деньги из Большова Приходу и из Четвертей во всех полках равно⁷⁸³. А с приставства из городов и из дворцовых сел и из черных волостей атаманов и казаков свести, и насильства ни которого по городам и в волостях и на дороге грабежев и убивства чинити не велети; а посылати по городом и в волости для кормов дворян добрых, а с ними для россылки детей боярских и казаков и стрельцов и велети кормы збирать по указу, почему приговорят и укажут бояре, а мимо указу никакого насильства и раззоренья крестьяном не чинити⁷⁸⁴.

18. А только на Москве в полках и под Москвою, и по городом, и в волостях или по дорогам дети боярские и казаки, и стрельцы и холопы боярские, или какие люди ни буди учнут воровать, разбивати и грабити, и душегубство чинити про то сыскивати всякими мерами, и от всякого воровства унимать и наказанье и смертную казнь

чинити, а на то устроить Разбойной и Земской приказ потому ж, как преж сего на Москве было⁷⁸⁵.

19. А строить Землю⁷⁸⁶ и всяким земским и ратным делом промышлять, бояром, которых избрали всею Землею по сему все Земле приговору⁷⁸⁷. А смертною казнью без земскаго и всей Земли приговору бояром не по вине не казнити и по городом не съсылати и семьями и заговором ни кому ни кого не побивати и недружбы ни которые ни кому не мстити. А кому до кого какое дело, и о том о управе бити челом бояром и всей Земле. А хто учнет ходити скопом и заговором и кого хто убьет до смерти по недружбе, или на кого хто скажет какое изменное земское дело, — и про то сыскивать в правду, а по сыску наказанье и смертную казнь над ними чинити бояром, поговоря со всею Землею, смотря по вине; а не объявя всей Земле, смертные казни ни кому не делать и по городом не съсылать; а хто кого убьет без земскаго приговору и того самого казнити смертию⁷⁸⁸.

20. А меньшим воеводам без боярскаго ведома из полков от себя по городом воевод и приказных людей и в збор для всяких дел и для денежных доходов не посылать⁷⁸⁹; а у которых воевод в полках кабаки и торги и те кабацкие и таможенные деньги вперед збирати из Большого Приходу верным целовальником и отдавати в казну в Большой Приход. А которые воеводы до сего приговору имали кабацкие и таможенные деньги, и с проезжих телег збирали пошлины на себя, и про то сыскать записными книгами, а по сыску те деньги взяти у них в Большой же Приход и вперед со всех городов всякие таможенные и кабацкие деньги и всякие доходы збирати верным целовальником, и отдавати в Большой Приход и Четверти⁷⁹⁰. А печать к грамотам о всяких делах устроить земскую, и о больших о земских делах у грамот быти руке боярскаго⁷⁹¹.

21. А ратные всякие большие дела ведать бояром и розрядным дьяком в Большом в одном Разряде⁷⁹² и неты дворян и детей боярских⁷⁹³ изо всех полков присылать в Большой же Разряд. А которые дворяне и дети боярские и всякие ратные люди ныне под Москвою за православную христианскую веру от литовских людей будут побиты или от ран изъувечены, и тех убитых и раненых записывать в Разряде, а послуги их писать воеводам и головам по полком; и присылать в Большой Разряд за руками⁷⁹⁴, как и преж сего было; чтобы впредь всяких ратных людей служба в забвенье не была; а послуги всяким ратным

людem писати про себя в правду, как душа Богу и всей Земле дана⁷⁹⁵, а не лгати.

22. А поместные и вотчинные всякие дела ведати в одном Поместном Приказе, а в иных полках поместных дел не ведати, и грамот поместных и вотчинных не давати, чтоб в поместных делах смуты не было⁷⁹⁶.

23. А которые дворяне и дети боярские в нынешнее смутное время и в раззоренье⁷⁹⁷ вывозили у своей же братьи у дворян и у детей боярских крестьян и людей, и которые, от них выбежав, живут по городом по посадом и про то по их челобитью сыскивати, а по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам⁷⁹⁸.

24. А буде бояря, которых выбрали ныне всею Землею для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радети и расправы чинити не учнут во всем в правду, и по сему земскому приговору всяких земских и ратных дел делати не станут, и за ними всякие земские дела постановятся, или которые воеводы бояр во всяких делах слушати не учнут, и нам всею Землею вольно бояр и воевод переменити⁷⁹⁹, и в то место выбрати иных, поговоря со всею Землею, хто будет болю к земскому делу пригодится⁸⁰⁰.

ГРАМОТЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ГРАМОТА ИЗ НИЖНЕГО НОВГОРОДА В СОЛЬВЫЧЕГОДСК О ЗЕМСКИХ ДЕЛАХ (НЕ РАНЕЕ ДЕКАБРЯ 1611 г.)⁸⁰¹

На Вычегду архимаритом, и игуменом, и протопопом, и попом, и дияконом, и всему Освещенному собору, и господам воеводе Ивану Микифоровичю⁸⁰² и дворяном, и детям боярским, и всяким служивым людям, и земским старостам, и таможенным головам, и всяким посацким жилецким людям Дмитрей Пожарской, Иван Биркин, Василий Юдин, и дворяня и дети боярские Нижнево Новагорода, и смоляня, и дорогобуженя, и вязмичи⁸⁰³, (и) иных многих городов дворяня и дети боярские, и головы литовские и стрелецкие, и литва, и немцы⁸⁰⁴, и земьские старосты, и таможенные головы, и все посацкие люди Нижнево Новагорода, и стрелцы, и пушкар, и затинщики, и всякие служилые и жилецкие люди челом бьют.

За умножение греха всего православного христианства воздвижесе на нас праведный гнев Божий и в долгое время не преста даже и до нынешнего времени; по Христову словеси, востали мнози лжехристи, и в их прелести смятись вся земля наша и бысть разорение ея велия мерзосна и пуста злохитрою кознию вселукавого диявола, врага и супостата роду человеческого; конечную пагубу наносит, еже бы ему своими угодники богохулными еретики, похищными волки все христоименитое стадо распудити⁸⁰⁵, и украсти и погубити. Сами убо весте, что по общему греху всех нас православных кристьян учинилась междоусобная брань в Росиском государстве немалое время по навету искони человеконенависного сатаны; и такую меж нами рознь усмотря, похищники нашего спасения полские и литовские люди умыслили Московское государство разорити и ясносиятельную непоручную кристьянскую веру, в свою Богом ненавидимую в люторскую веру превратити, и церкви Божии осквернити, и чудотворные иконы и целбоносные мощи обругати, и Московское государство до конца разорити.

И за грех всего православного кристьянства Господь Бог праведным своим судом и гневом их злокозненному умыслу попустил совершитца: царственный преименитый град Москву лестию и преступлением крестным до основанья разорили, и неисчетного народу

христианского от великих чинов и до малых степеней всеядному мечю предали⁸⁰⁶, и неоторимого столпа и твердого адаманта⁸⁰⁷ святейшего Ермогена, патриарха московского и всеа Руси, с престола вселенского низвергнули⁸⁰⁸, и неизчетныя беды нанесли роду христианьскому.

И такую неправду и разоренье видя, все города Московского государства, сослався меж себя, утвердились на том крестным целованием, чтоб быти нам всем, православным крестьяном, в любви и в соединении, и преждево междоусобства не всчинати и Московское государство от врагов наших, от полских и литовских людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христианству отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати⁸⁰⁹; а как всеильны(й) херувимски(й) Владыко по премножеству щедрот своих останок рода христианского помиловал и избавил бы от всеядного меча, от полских и литовских людей, и нам было, всему христоименитому народу, просити у него, преблаго(го) Бога, с воздыханием и слезами милости, чтоб нам дал на Московское государство государя благочестива, подобна прежним природным христианским государем⁸¹⁰.

И вам то самим извесно, что изо всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были в великом собранье и в Москве полских и литовских людей в Кремле и в Китае осадили крепкою осадой⁸¹¹, и после того ратные люди: дворяня и дети боярские и всякие служилые люди многие из под Москвы розъехались⁸¹², и для временные сладости, грабежей и похищенья многие покушаютца, чтоб пане Маринке з законопреступным сыном ее быти на Московском государстве⁸¹³ или ложным вором, антихристовым предотечам, чтоб им волю отца своего сатаны исполнити и грабежам бы, и блуду, и иным неподобным богом ненавидимым делам не престати.

А то вам самим извесно же, что литовские люди многие замосковные города ныне около Московского государства воюют, и в уездех, в селех и в деревнях запасы пасут и хотят провозити в Москву к литовским людям. А пишут к нам из верховых городов⁸¹⁴, чтоб нам прислати к ним в помощь ратных людей. И ныне мы, Нижнево Новогорода всякие люди, сослався с Казанью и со всеми понизовыми и с по-

волскими городаы и собрався со многими ратными людьми, видя Московскому государству и верховым городом от полских и литовских людей конечное разоренье, прося у Бога милости, идем все головами своими в помощь Московскому государству с нами, со князем Дмитрием да с Ываном⁸¹⁵.

Да к нам же в Нижней приехали из Арзамаза смолняня, и дорогобуженя, и вязмичи, и иных розных многих городов дворяня и дети боярские. И мы, всякие люди Нижнего Новагорода, посоветовав меж себя, приговорили животы свои и дома с ними разделить⁸¹⁶, жалованье им и подмогу дати, а дав им жалованье и подмогу, посылаем их в помощь Московскому государству на полских и литовских людей с нижегородцкими и иных городов ратными людьми вместе.

И вам бы, господа, вычегжаном, дворяном и детем боярским⁸¹⁷, и стрелцом, и всяким ратным людем помнити обещанье свое, на чем все животворящий крест целовали, что было за надежды нашии дом Пречистые и за целбоносные мощи великих московских чудотворцов и за непорочную кристьянскую веру против врагов наших полских и литовских людей до смерти своей стояти, и ныне бы ити всем на полских людей вскоре до тех мест, покаместа ратные люди под Москвою стоят, чтоб литовские люди Московскому государству конечные погибели не навели и верховых бы и понизовых городов и досталь не разорили. А толко мы (над полскими) и над литовскими людьми поиску чинити не учнем и вскоре на них не поидем, а нашим будет нераденье учинитца конечное разоренье Московскому государству и угаснет корень христианские веры, изпразнитца крест Христов и благолепие церквей божиих, которой ответ дадим в страшны(й) день суда Христова, еже толико множественново народу кристьянсково и пощадит и врагом креста Христова, полским и литовским людем в плен и в расхищенье предати?

А будет, господа, вы, дворяня, и дети боярские, и всякие служилые люди, опасетись от казаков какова налогу или иных каких воровских заводов⁸¹⁸, и вам бы однолично того не опасатца: как будем все верховые и понизовые городаы в сходе⁸¹⁹, и мы всею землею о том совет учиним и дурна никакова, вором делати не дадим; а самим вам извесно, что покровением Божиим по ся места мы к дурну них какому не приставали да и вперед дурна никакова не похотим⁸²⁰. А однолично бы вам с нами быти в одном совету и ратным (людем) на пол-

ских и литовских людей итти вместе, чтоб казаки по прежнему низовые рати своим воровством, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкиным сыном не разгонили.

А пишут нам изо всех городов и ожидают, как пойдут ваши и наши ратные люди, и оне все с нашими ратными людьми пойдут головами своими, и учиним совет о всяком земском деле⁸²¹, утвердимся крестным целованьем. И вам бы, господа, потому же всяким людем сходитца с нашими ратными людьми вместе и быти с нами в одном совете.

А как мы будем с вами в сходе, и мы учнем над полскими и литовскими людьми промышляти вместе, заодин, сколько милосердый Бог помочи подаст, и о всяком земском деле учиним крепкой совет; и которые либо под Москвою или в которых городех похотят какое дурно учинити или Маринкою с сыном ее похотят новую кровь счать, и мы им дурна никакова чинити не дадим. А мы, всякие люди Нижнево Новагорода, утвердились на том и к Москве к бояром и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее и тово Вора, которой стоит подо Псковым⁸²² до смерти своей в государи на Московское государство не хотети, также, что и литовсково короля⁸²³. Да гонил с Коломны астороханьской сотник Томило Есипов в Асторохань с смутными грамотами⁸²⁴. Да к нам же писали ис Казани, что изымали в Казане кызыльбашсково посла⁸²⁵ с Маринкиными же смутными грамотами, а писала была она в Кизылбашах о смуте же, хотя всчати новую кровь⁸²⁶. И мы, с тех грамот списав списки, послали в Ярославль и на Кострому. И вам бы к Москве ко всей земле писати, чтоб они про такие Маринкины воровские заводы сыскали, чтоб в Московском государстве новой крови не всчала. А к вам будут учнут приходить с Коломны от Маринки какие смутные грамоты, и вам бы их однолично не верити и стояти бы вам в твердости разума своего крепко и неподвижно. Да и во все бы вам верховые города от себя писати о утвержение и о совете, чтобы всех городов всякие люди от нашего совету не отставали и ратные бы люди у них были в зборе и сходилися бы с нами вместе на полских и литовских людей и были с нами в одном совете.

А мы, свестясь с Казан(ь)ю и с понизовыми города и собрався со многими ратными людьми, прося у бога милости, идем на полских и на литовских людей, которые ныне стоят под Суздалем⁸²⁷. А ис Ка-

зани, из Свяжского и ис Чебоксар, изо всех понизовых городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими, а передовых людей ис Казани голов и з стрелцами к нам послали и будут к нам вскоре. А как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею землею выберем на Московское государство государя, ково нам Бог даст⁸²⁸.

А что у вас на Вычегде каких вестей, и на чем у вас земской и о ратном деле договор, и где вам с нами сходитца, и вам бы о всем о том отписать к нам подлинно вскоре, чтобы нам про ваш совет и про ратных людей поход было ведомо. А мы к вам послали дворян Дмитрея Савича Жедринского, Семена Офонасьевича Бартенева да детей боярских Нехорошово Зубатово да Степана Макарьева да посацково человека Дмитрея Халстова⁸²⁹. А что у вас про Новгород Великой каких вестей, и вам бы про то отписать к нам подлинно⁸³⁰. Да и в Нов бы город Великий вам от себя отписать, что казаньские и мы Нижнево Новагорода и все понизовых городов всякие ратные служилые люди идут все в помочь Московскому государству головами своими.

**ГРАМОТА ОТ ЯРОСЛАВСКОГО «СОВЕТА ВСЕЯ ЗЕМЛИ»
В СОЛЬВЫЧЕГОДСК О ЗЕМСКИХ ДЕЛАХ
(7 АПРЕЛЯ 1612 г.)⁸³¹**

К Соли Вычегодской, архимаритом и игуменом, и протопопу, и попом, и дьяконом, и всему освященному собору, и господам Семenu Ивановичу да Максиму Яковлевичу да Миките Григорьевичу с братьею, и старостам, и целовальником, и посадским людем, и стрельцом, и пушкарем, и затинщиком, и всяким жилецким и уездным людем⁸³², бояре и окольничие, и Дмитрей Пожарской, и стольники, и дворяне большие, и стряпчие, и жильцы, и головы, и дворяне ж дети боярские всех городов, и Казанского государства князи и мурзы и татаровя, и розных городов стрельцы и пушкари и всякие служилые и жилецкие люди, челом бьют⁸³³.

По умножению грехов всего православного крестьянства, по праведному прещению, неуголимой гнев на землю нашу наведе Бог: первое прекратил благородный корень царьского поколения⁸³⁴, потому же произволи владети Великою Росиею, из синклиту царьского величества, царю Борису⁸³⁵, его же державство скоро прекроти. Потом

же, за умножение греха, а по действию дьяволу, возста на нас предоте-ча богоборного антихриста, от чина иноческого Гришка Отрепьев⁸³⁶, и своим злым умыслом и по вражью действию избежал в Польшу и тамо безчисленных и богомерских ересей исполнился, и вместо крестьянския веры греческого закона люторскую и проклятую веру возлюбил, и безстыдно нарек себя царем Дмитреем, и своим злым чародейством наскочив на царьский престол и хотел нашу православную крестьянскую веру попрали и превратить в латынство, и вместо апостольских церквей проклятые римские костелы учинить⁸³⁷; милосердый же Бог, по своему неизреченному милосердию, не хотя его злого помыслу исполнити, вскоре его пагубной смерти предал. Потом же произволи бо ся царствовать царю Василью⁸³⁸ и крест ему государю все целовали, началник же всему злу дьявол, видя в православных крестьянх неизреченную милость Божию, воздвиг злопагубное разделение в православных крестьянх. Многие прелстилися на тленное и несправедное собрание и своим злым умыслением, собрався воры из всяких чинов учинили в Московском государстве межусобное кровопролитие, и воста сын на отца, и отец на сына, и брат на брата, и всяк ближний извлече мечь, и многое кровопролитие христианское учинилося. И собрався те воровские люди приходили, с Ивашком Болотниковым, под царствующий град, хотя, по своему злонравию, царствующий град розграбити и бояр и всяких чинов людей и гостей и торговых людей, побить⁸³⁹; милосердый же Бог, своим милосердием, их победил и Московское государство от их злого умысления свободил. Они же оставшеи воры, по своему воровскому обычаю, учинили в украинских городех сбиратися и меж себя выбрали вора и назвали его тем же проименованием, царем Дмитреем⁸⁴⁰; к их же злочестивому совету пристал литовский король, преступив крестное целование, на чем было утверждение с царем Борисом⁸⁴¹, и послал с тем вором польских и литовских людей; и с теми воры сложась польские и литовские люди многие грады разорили и святая великие лавры разрушили, и нетленные тела святых обругали, и бесчисленно православных христиан мечному потреблению предали⁸⁴². И мнозии воздвигошася врази и тмочисленное излися лукавство, и мнози от грабителей и ненасытных кровоядцов царями себя называше, Петрушка, и Август, и Лаврушка, и Федька, и иные многие, и от них многия крови разлишася и безчисленно благородных людей мечем

скончаша; милосердый же Бог тех лжеимянитых врагов, Петрушку с товарищи, злой смерти предал⁸⁴³.

Прежеимянитый же вор, которой назывался Дмитреем, собрався с начальники пагубе, с польскими и с литовскими людьми и с рускими воры, приходил под царствующий град Москву и стоял в Тушине, и хотел царствующий град разорити, и стоял под Москвою два годы⁸⁴⁴. В то же время нечестивой польской король велику и злую ярость воздвиже на православное христианство: наруша крестное целование и мирное постановление, что было утверждено с царем Василием, пришед под Смоленск⁸⁴⁵, и многие грады и села разорил, и церкви и монастыри разрушил, хотя град Смоленск восхитить, и стоял под Смоленском полтретья года⁸⁴⁶, и сослався с теми людьми, которые были с вором, хотя Московским государством завладети, и послал от себя из под Смоленска к Московскому государству корунного своего гетмана Станислава Желтковского, а с ним многих польских и литовских людей, с тем будто он сына своего королевича на Московское государство даст. И пришед гетман под царствующий град Москву прислал к патриарху...⁸⁴⁷ своего на Московское государство даст и крестит его в нашу православную веру греческого закона; и на том гетман и полковники и все рыцарство целовали крест, за короля и за всю польскую и литовскую землю, что король сына своего на Московское государство даст и крестит его в православную христианскую веру греческого закона⁸⁴⁸; а самому было гетману с польскими и литовскими людьми от Москвы отойти и стати в Можайску, а в Московском государстве и во всех городех литовским людям не быть, и королю было от Смоленска отойти, прочь⁸⁴⁹.

И в то ж время, по совету литовских людей, лжеименитый царь из Колуги пришед под царствующий град и стал в Коломенском⁸⁵⁰. Бояре же, которые пристали к предателем веры крестьянской, к Михайлу Салтыкову да к Федьке Ондронову и к их единомысленником, не узнав их лукаваго совету, восхотеша прияти на Московское государство королевича, и царя Василья с царьского престола свели: и по своему лукавому злому умышлению, предатели вере крестьянской, Михайло Салтыков с своими единомышленники, царя Василья с братьею, утаяся ото всей земли, отослали к королю под Смоленск⁸⁵¹; а польских и литовских людей, которые были с Желтковским, пустили внутрь царствующаго града Москвы. Литовской же король,

по своему злохитрому обычаю, преступил крестное целованье и мирное постановление нарушил: сына своего королевича на Московское государство не дал и сам от Смоленска не отшел, и многими жестокими приступы Смоленск взял, а послов, которые посланы от всей земли, митрополита Филарета, да боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарищи, послал в Польшу в заточенье⁸⁵². Нечестивым же польским и литовским людем, вшедшим лукавством во царствующий град, многое насилие начаша содевати православным крестьяном, и внутрь царствующаго града костелы поставили⁸⁵³, и посоветовав с предатели хрестыанской веры и со враги Московского государства, с Михайлом Салтыковым да с Федькою Ондроновым, Московское государство выжгли, и церкви Божии и монастыри разорили, и тмочисленныя крови крестьянския пролили, и сокровища царская, многими лета собранная, расхитиша⁸⁵⁴.

В Резанской же области думной дворянин и воевода Прокофей Петрович Ляпунов⁸⁵⁵, видя Московскому государству от полских и от литовских людей конечное разорение, и православней крестьянской вере попрание, сослався со всеми городаы Московского государства, пришел под царствующий град⁸⁵⁶, с ним же пришли бояре, и воеводы, и стольники, и стряпчие, и дворяне большие, и дворяне, и дети боярские всех городов, и всякие служивые люди, и положили все совет и целовали крест на том, что им, за образ пречистыя Богородицы иконы Владимирския, и за чудотворные мощи великих чудотворцов, и за царствующий град Москву, и за все грады московского государства, против врагов польских и литовских людей стояти и с ними битися до смерти; и литовских людей в Москве осадили, и тесноту им великую учинили. Старые же заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили в Тушине лжеименитому царю, умысля своим воровством с их начальником, с Иваном Заруцким, хотя того, что полским и литовским людем ослаба учинить, а им бы по своему воровскому обычаю владети, Прокофья Ляпунова убили, и учили совершати вся злая по своему казацкому воровскому обычаю, и всчали в полках и по дорогам многие грабежи и убийства, и дворяном и детем боярским смертныя позоры учинили, и бедных полонеников, которые выходили из города всякого чину мужьска и женьска, поругали, иных смерти предали; начальник же их Иван Заруцкой многие грады и дворцовые села, и черныя волости⁸⁵⁷, и монастырския

вотчины, себе поимал и советником своим, дворяном и детем боярским, и атаманом и казаком роздал.

Стольники же, и стряпчие, и дворяне, и дети боярские всех городов, видя несправедное их начинание, из под Москвы розъехались по городом и учили совещаться со всеми города, чтоб всем православным христианом быти в совете и в соединении, и избрати государя всею землею. Да и из под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкой, и атаманы и казаки, к нам и по всем городом писали, за своими руками, что они целовали крест на том, что им без совету всей земли государя не избирати, а вору, который ныне во Пскове, и Марине и сыну ее не служити; ныне же, позабыв свое крестное целование, целовали крест вору Сидорку⁸⁵⁸, имянуя его бывшим своим царем, хотя по своему первому злому совету, бояр и дворян и всяких чинов людей и земьских и уездных лутчих людей, побити и животы розграбити, и владети бы им по своему воровскому казацкому обычаю. Мы же все православные христиане, видя их такую злопагубную беду и конечное отпадение ото всех православных христиан, сердечныма слезами к Богу вопием. Как сатана омрачи очи их! при них Колужской их царь убит и безглавен лежал всем на видение шесть недель⁸⁵⁹, и о том они из Колуги к Москве и по всем городом писали, что их царь убит, и про то всем православным христианом ведомо. И ныне, господа, мы все православные христиане общим советом, сослався со всею землею, обет богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорку, и Марине и сыну ее, не служити и против врагов и разорителей веры христианской, польских и литовских людей, стояти в крепости неподвижно.

И вам, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную христианскую веру, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным; чтоб нам, по совету всего государства, избрати общим советом государя, кого нам милосердый Бог, по праведному своему человеколюбию, даст; чтоб во многое время, от таких находящихся бед, без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, все ведаете: как нам ныне без государя против общих врагов, полских и литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь в государстве всчинают, стояти? и как нам, без государя, о великих, о государственных о земьских делех со окрестными государи ссылатись? и как государству нашему впредь стояти крепко и неподвижно?

И по всемирному своему совету пожаловати б вам прислати к нам, в Ярославль, изо всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками⁸⁶⁰. Да отписать б, господа, вам от себя под Москву, в полки, к бояром и ко всяким служивым людем⁸⁶¹, чтоб они от вора от Сидорка отстали, и с нами и со всею землею тем розни не чинили, и крови в государстве не всчинали и были по прежнему в соединенье, и под Москвою стояли безотступно. А прислати б, господа, вам для земского совету к нам вскоре и молити б нам всем всемилостиваго Бога, чтоб нам православным христианом быти в любви и в совете безо всяких сердечных злоб. Да по милости всемогущаго Бога, его праведным неизреченным призрением, в Нижнем Новгороде гости и все земьские посадские люди, ревнуя по Бозе, по православной христианской вере, не пощадя своего имения, дворян и детей боярских смолян и иных многих городов сподобили неоскудным денежным жалованьем, и тем Московскому государству и всему православному христианству великую неизреченную помощь учинили. А которые, господа, денги были в Нижнем в сборе всяких доходов, и те денги розданы дворяном и детем боярским и всяким ратным людем: и ныне, господа, изо всех городов приезжают к нам стольники, и стряпчие, и дворяне и дети боярские и всяких чинов люди, а бьют челом всей земле⁸⁶² о денежном жалованье, а дати им нечего. И вам, господа, помня Бога и за православную христианскую веру твердое и непоколебимое собрание, денежную казну что есть у Соли Вычегоцкой в сборе, прислати к нам в Ярославль, ратным людем на жалованье, чтоб нам всем единокупно за свою веру и за отечество против врагов своих безсумненною верою стояти⁸⁶³. Да поревновать бы, господа, пожаловати вам гостем и посадским людем, чтоб вам промеж себя обложить, что кому с себя дать на подмогу ратным людем⁸⁶⁴; тем бы вам ко всей земли совершенную правду и радение показати и, собрав с себя, те деньги прислати к нам в Ярославль тотчас. А то, господа, вам самим известно, как на Москве учинилось над гостями и надо всеми торговыми людьми, за их животы, от польских и от литовских людей: от такового злаго, лютаго нашествия избави Бог всех православных христиан. А послали, господа, мы к вам, ото всей земли с сею грамотою, дворян розных городов, Кондратя Олексиевича Недовескова да ярославца посадского человека Олферьа Шубникова. Писан в Ярославле 7120 апреля в 7 день⁸⁶⁵.

**«УТВЕРЖДЕННАЯ ГРАМОТА» 1613 ГОДА
ОБ ИЗБРАНИИ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА
ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА**

Великого Господа Бога Отца, страшного, и всесилнаго и вся содержащаго, пребывающего во свете неприступнем, в превелицей, и в превысочайшей, и велелепной и святей славе величества Своего, сидящаго на престоле херувимстем с превечным и едиnorodным Своим Сыном, Господем нашим Исус Христом, и з божественным и животворящим Своим Духом, Им же вся освящаютца, единосущныя и неразделныя Троица, равно божественныя, и равночестныя, и равносопрестолныя, и равносилныя, и равносоветныя, и равнодейственныя, и равносущныя, и соприсносущныя, и собезначалныя, и единоначалныя и трисоставныя, и неразделныя, в триех составех единого божества, Царя царствующим и Господа господствующим, непреодоленнаго и всякие силы крепчайшего, Им же царие царствуют и велиции величаютца, сего в Троице приснославимаго Бога нашего недоумеваемыми и недоведомыми судбами и неизреченным премудрым промыслом всяко создание от небытия в бытие создаетца, и от несущих в существо приводитца, и от рода в род летами ищитаютца. От Него же приимша земля наша Руская своими государи обладаема быти; их же великих государей царей Российских, корень изыде от превысочайшего цесарского престола и прекрасноцветущего и пресветлаго корени Августа кесаря, обладающаго всею вселенною⁸⁶⁶.

Первый князь великий Рюрик содержаше скифетр великого Росийскаго государства в великом Новеграде⁸⁶⁷. По нем дерзосердый в храбрских ополчениях сын его, князь великий Игорь, послушны себе учинил царствующего града Костентинаполя Греческих царей на них же и дань взимаше, и из великого Новаграда в преславный град Киев преселися⁸⁶⁸. По Игоре же содержаше Росийское государство в Киеве сын его, князь великий Святослав, исполнен храбрского подвига, и по Дунаю восемьдесят градов облаадаше⁸⁶⁹. Сии трие Росийские государи беша до крещения, понеже Руская земля бяше во тме неверия, и омраченна прелестию кумирослужения⁸⁷⁰.

По Святославе возсия звезда пресветлая, великий государь, сын его, князь великий Владимир Святославич, тму неверия просвети, и прелесь кумирослужения оттна, и всю Рускую землю просвети свя-

тым крещением, иже равноапостолен наречеся, и расширения ради своих государств самодержавный именован бысть, ныне же ото всех поклоняем и прославляем⁸⁷¹. По великом государи Владимире самодержавство восприим, скифетр Росийскаго царствия⁸⁷², сын его князь великий, храбрый Ярослав Владимирович иже Болеслава короля победы и Греков послушных сотвори⁸⁷³. По нем на Росийском государстве седе сын его князь великий Всеволод Ярославич, иже над Половцы и над Печенегы преславную победу показа, и государство свое крепце соблюде⁸⁷⁴. По Всеволоде приим скифетр во обдержание Росийскаго государства сын его князь великий Владимир Всеволодич, и своим храбрским подвигом Фракию Царяграда поплени, и превысочайшую честь царский венец и диадиму от Греческаго царя Костентина Манамах восприим, сего ради и Манамах наречеся⁸⁷⁵; от него же вси Росийские великие государи царствия венцем венчавхуся. По великом государе Владимире Манамах приим скифетр Росийскаго царствия сын его князь великий Юрьи Владимирович Долгорукой⁸⁷⁶, и благочестием просия, и все хрестыанство в покое и в тишине соблюде. По нем седе на Росийском государстве в Володимере сын его, князь великий Всеволод Юрьевич⁸⁷⁷, рачитель благочестию, и крепкий поборник за святые церкви и о святой православной хрестыанской вере. По Всеволоде содержаше скифетр Росийскаго государства сын его князь великий Ярослав Всеволодич, его же соблюде Бог от Батые в великом Новеграде и з детми⁸⁷⁸, и по пленении безбожнаго Батые святую и непорочную хрестыанскую веру разпространи, и святые церкви паки обнови. По нем великого Росийскаго государства восприим скифетр сын его храбрый князь великий Александр Ярославич, иже над Германы показа преславную победу на Неве, и на хрестыанскую веру безбожнаго Беркая царя лворяростный гнев в орде укроти, и по смерти даром чудесы от Бога прославлен⁸⁷⁹.

По великом государе Олександре Невском сын его князь великий Данил Олександрович от Владимира преселися на Москву⁸⁸⁰, и царствия скифетр на ней утверди, и превысочайший престол царствия в ней устрои, иже суть и до ныне Богом хранимо и соблюдаемо. По нем восприим скифетр царствующаго града Москвы сын князь великий Иван Данилович⁸⁸¹, всякими добродетelmi и благочестием украшен, и неимущим неоскудную руку всегда простираше, желаше бо вместо пресветлых полат восприяти вечное блаженство небеснаго

царствия. По великом князе Иване Даниловиче седе на Росийском государстве сын его князь великий Иван же Иванович, и от безбожных Ординских царей веру хрестьянскую крепце соблюдаше, и все православие в покое и в тишине устрои⁸⁸². По нем восприим скифетр царствия его сын его князь великий Дмитрий Иванович, достохвалный в храбрском подвиге и преславный в победе, иже победи безбожного Мамай на Дону, и всю Рускую землю в тихости и немятежно устрои⁸⁸³. По великом государе Дмитрее Ивановиче Донском восприим в содержание хоругви великого Росийскаго государства сын его князь великий Василей Дмитриевич, и добродетелнаго ради его жития прослави его Бог, а Рускую землю и все православие помилова от нахождения безбожнаго Темир-Аксака, пришествием чудотворнаго образа пречистыя Своея Матере, его же богогласный Лука написа⁸⁸⁴. По нем седе на Москве сын его князь великий Василей Васильевич и Рускую землю от иноверных крепце соблюдаше, и за истинную хрестьянскую веру, и за святые церкви и за все православие от безбожных Агарян в плен ят бысть, и паки на свое государство возвращен бысть⁸⁸⁵. По великом князе Василье восприим скифетр великого Росийскаго государства великий государь сын его князь великий Иван Васильевич, и своим премудрым разумом и осмотрением свое великое государство роспристранил, Росийскаго государства древние многие города, которые после Батыева пленения к Полскому королевству отошли, паки к себе привлече, и отчину свою великии Новгород крепко и неподвижно устрои, и самодержец именован бысть⁸⁸⁶. По великом государе Иване хоругви великого Росийскаго государства восприя сын его князь великий Василей Иванович, и бодроопасным своим обдержателством всю Рускую землю в покое и в тишине ото иноверных содержаще, и прародителей своих отчину, великое княжество Смоленское, от Полского королевства отторже, и к себе привлече и послушны сотвори⁸⁸⁷.

А по великом государе Василье Ивановиче приим скифетр великого Росийскаго царствия сын его храбрый великий государь царь и великий князь Иван Васильевич⁸⁸⁸, всеа Руси самодержец, благочестию рачитель, и по крестьянской вере крепкой поборник, и в своих государственных чинех и поведениях премудр, и высочайшую честь и вышехвальную славу царствия венец на главу свою восприят, его же взыска от древних лет, от прародителя своего великого госуда-

ря от Владимирера Манамаха⁸⁸⁹; и от премудраго его разума и от храбрского подвига вси окрестные государства имени его трепетали, зане знаменит бе и храбр, и в победах страшен⁸⁹⁰, и мусульманские государства, царство Казанское, и царство Астороханское и царство Сибирское, под свою высокую руку покори⁸⁹¹, и в плену держимых хрестьян тмочисленных свободы; наипаче же от потрясения меча ево Германсти родове устрашишася⁸⁹². По великом государе цари и великом князе Иване Васильевиче, всеа Руси самодержеце, от его царского прекрасноцветущего корени пресветлая и преславная ветвь, от Бога данные и благочестивые супруги, от великие государыни нашае царицы и великие княгини Настасеи Романовны Юрьева, процвете сын его государь наш, благоверный великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси самодержец⁸⁹³. Восприим скифетр Росийскаго царствия, и своим царским бодроопасным осмотрением во всем своем великом Росийском царстве благочестие крепче соблюдаше, и все православное хрестьянство в покое и в тишине, и во благоденственном житие тихо и немятежно устрои, и во всех его царских великих государствах Росийскаго царствия радостная, и светлая и веселия везде исполненна бяше; царствующий же град Москва тогда возвеличился, и преумножися и всеми благими на вселенной цветяше превыше всех великих государств. И славно бысть имя великого государя царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Руси самодержца, во всей вселенной, честь и слава величества его возвысися и прославися, и все великие государи хрестьянские и мусульманские ему, великому государю, любочесные дары приношаху, по его царского величества достоянию, и в дружбе и в любви с его царским величеством быти желаху; а которые его царского величества окрестные недруги и непослушники, те все у его превысочайшие царские степени величества послушны и в рабском послужение учинилися, и великого его Росийскаго царствия отторженные грады от его великого государства многими леты паки во своя возврати. И ради добродетелнаго его жития и милостиваго царского нрава в своих государствах ко всем человеком неоскудные реки милосердия изливаше, по своему царскому милосердому обычею, и во всем бысть земный ангел и небеснаго пресветлага рая житель⁸⁹⁴. И грех ради наших всего православнаго хрестьянства Росийскаго царствия Господь Бог праведным Своим судом превысочайшего и преславнаго корени Ав-

густа кесаря Римского прекрасноцветущую и пресветлую ветвь в наследие великого Российского царствия не произведе; едину бо ветвь царского своего изращения от своея благозаконные супруги благоверные и христолюбивые великие государыни царицы и великие княгини Ирины Федоровны⁸⁹⁵ всеа Русии имяше дщерь благоверную царевну и великую княжну Феодосию⁸⁹⁶, и сия Вседержителя Господа Бога святым Его праведным судом, прежде преставления его царского величества, в будущий и некончаемый век небеснаго царствия отыде.

Царствова же великий государь царь и великий князь Федор Иванович, всеа Русии самодержец, на своих великих государствах Российскаго царствия четырнадцать лет; а после себя великий государь наш царь и великий князь Федор Иванович, всеа Русии самодержец, на всех своих великих государствах скифетродержания Российскаго царствия оставль свою благоверную великую государыню нашу царицу и великую княгиню Ирину Федоровну всеа Русии⁸⁹⁷, а душу свою праведную приказал⁸⁹⁸ отцу своему и богомолцу, святейшему Иеву, патриарху Московскому и всеа Русии⁸⁹⁹, да брату своему царскому Федору Микитичю Романову⁹⁰⁰, да шурина своему, а великие государыни царицы и великие княгини Ирины Федоровны всеи Русии брату, Борису Федоровичю Годунову⁹⁰¹. И благоверная великая государыня наша царица и великая княгиня Ирина Федоровна всеа Русии, по преставлении великого государя нашего царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца, на великих своих государствах Российскаго царствия не изволила быти; а изволила, по своему обещаю, а к Богу по великой вере и душевному желанию, оставить превысочайшую царскую честь, и славу и высоту великого Российскаго царствия, восприяти иноческий ангилский образ⁹⁰², будущих ради благ превечнаго царствия воздаяния. Изыде от своих царских пресветлых полат, и вниде в пречестную великую обитель пречистые Богородицы, честнаго и славнаго Ея Одигитрея, Нового девича монастыря⁹⁰³, тихое и безмолвное иноческое житие изволила принять, земное царство пременив; а благолепным пременением едианаго Христа возлюби и восприим пресветлый ангилский образ, наследия ради вечных будущих благ небеснаго царствия, и наречена бысть во ангилском образе Александра. А по восприятии иноческаго ангилского образа великая государыня царица и великая кня-

гиня инока Олександра Федоровна всеа Руси, по умолению первопрестолнейшего святейшего Иева патриарха Московскаго и всеа Руси, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и архимаритов, и игуменов и всего вселенскаго собора, а по челобитью и прошению бояр, и дворян, и приказных людей, и всего христоролюбиваго воинства, и гостей, и всех православных хрестыян царствующаго града Москвы и всеа великие Русские земли, на Владимирское и на Московское государства и на царства Казанское, и Астороханское и Сибирское, и на все великие и преславные государства всего великого Росийскаго царствия благословила государем царем и великим князем, всеа Руси самодержцем, брата своего родново Бориса Федоровича Годунова⁹⁰⁴.

Великий же государь царь и великий князь Борис Федорович, всеа Руси самодержец, по благословению сестры своей великие государыни царицы и великие княгини иноки Александры Федоровны всеа Руси и по умолению и по благословению же великого первопрестолнейшего святейшего Иева патриарха Московскаго и всеа Руси, и митрополитов, и архиепископов, и епископов и всего освященнаго собора, и бояр, и дворян и всего христоролюбиваго воинства, и гостей и торговых людей, и всех православных хрестыян всего великого Росийскаго государства, венчая на великие государства на Владимирское и на Московское, и на государства Казанское, и Астороханское и Сибирское, и на все великие и преславные государства всего Росийскаго царствия, от руки первопрестолнейшего великаго святейшего кир Иева патриарха Московскаго и всеа Руси, царским венцом и диадимою, по древнему обычею⁹⁰⁵; и правяше скифетр великого Росийскаго царствия семь лет во всем благочестиво и бодроопасно.

И при его же великого государя нашего царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси скифетродержании, и за умножение грех наших⁹⁰⁶, Богу попущающу, а врагу действующу, начало злу сему бысть от коруны Полские и великого княжества Литовского, от Жигимонта короля и от панов рад⁹⁰⁷; понеже в лето 7110-го убежа из обители архангила Михаила, еже ся нарицает Чюдов⁹⁰⁸, диякон черной Григорей Отрепьев, а в мире сего богоотступника и проклятого еретика звали Юшком, сына боярского Галиченина Богданов сын Отрепьева⁹⁰⁹, и в Киеве и в пределех его и там во иноцех дияконствующу, и в чернокнижество обратися, и ангелской образ сверже и обруга,

и по действу диаволу отступи зело от Бога, и рукописание врагом дав на ся, аще станетца царского венца действием, и хто чюж благодати Божия будет на веки⁹¹⁰. И мечтами бесовскими нача сказыватися достохвалного и великаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии сыном царевичем Дмитреем; и достиже коруны Полские и великого княжества Литовского короля Жигимонта и панов-рад. Жигимонт же корол и паны-рада, хотя Московское государство в межьусобье видети, тому злобесному псу из своих сокровищ на вспоможение даша злата и сребра, и множество вои; и, за вспоможением Полского Жигимонта короля и панов-рад, той проклятый еретик Розстрига достиже Северских предел Росийскаго царствия. А в то же время, грех ради наших, великий государь наш царь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержец, оставя земное царство, отыде в вечное блаженство; а на Владимирском и на Московском государстве и на всех великих преславных государствах Росийскаго царствия оставль супругу свою царицу и великую княгиню Марью Григорьевну всеа Русии, да сына своего царевича Федора Борисовича всеа Русии. А тот скаредный и проклятый еретик, розстрига Гришка Отрепьев, слыша царя Борисову смерть, ноипаче по вражню действу нача на зло простиратися, и простых и незнающих людей прелщати своими бесовскими мечтами. И великое Росийское царство, по злой его вражье прелести, яко море восколебася, и неистовыя глаголы, яко свирепыя волны, возшумеша, и неукротимо и ни направляемо, аще и кормчии мудри беша, но ярость моря сих повреди, и суетну мудрость их сотвори⁹¹¹, и во своя стремления все обрати; начальнии же бояре и стратиги суетному волнению противишася, но ничтоже успеха суровому народскому глаголанию: мнози бо от ярости дыша и пострадаша от бесчинных, и нелепые их словеса, яко стрелы, с смертным ядом летаху на ня, и не точию словеса, и раны злыя въздаяху на ня.

И достиже той злобесный пес царствующего града Москвы, и царевича Федора Борисовича с матерью и с сестрою, яко неких злодеев, во юзах затворяет во едином от царских домов; а потом царевича и с матерью злой смерти удувлению предает, а сестру его царевну Ксению, постригши, в заточение отсылает. А сам злодей, по вражью действу, царского венца коснуся, и первопрестолнейшего и великого святейшего кир Иева патриарха Московскаго и всеа Русии с великим

бесчестием с престола низвергает и из святителскаго сану обнажает; в него же место, не яко пастыря, но яко волка и хищника, своему бесованию единомышленника, Игнатия именуема, иже прежде бе в Резанских пределах епископом, на великий святителский престол возводит⁹¹², и церковныя пастыря и строителя. И многих Московскаго государства людей, зле мучивши, смерти предает, а иных во юзах в темницы и в заточенье отсылает; понеже бо мнози во мнисех и в дияконех его знаяху, и хотя его злокозненную ересь обличати. Потом же тот сын диявол царские хранилища рсточает и предивныя вещи царскаго достояния, и множество злата и сребра, и всяких предивных вещей бесчисленно отсылает королю Полскому и к паномраде. И многая латынская учителя с собою приведе не точию ис Польши, но и из Риму от папы⁹¹³, еже бы како разорити истинная наша непорочная православная хрестыянская вера греческаго закона, и утвердити прелестная учения латынская, и иная злая умыслив окаянный и проклятый богоотступник. И взем за ся проклятый у поляка воеводы Сендомирскаго, дщерь Римские ереси⁹¹⁴, и не крестив, повеле венчати ю царским венцом в соборной и апостолской церкви, и освященным миром некрещенную помазати на праге в царских дверех⁹¹⁵; и многих злых еретиков в соборный храм Матере Божия введе те колвинцов, и новокщенцов, и ариян, и люторей и римлян, и не токмо сих, и богоубийц жидов на осквернение храма приведе⁹¹⁶. И виде сия злая его дела, и злаго и смердящего пса, богоотступника и волхва⁹¹⁷ на царском славной престоле сидящаго, Московскаго государства бояре, и воеводы, и весь царский синклит и всенародное множество всего Московскаго государства, возрыдав и востенав от сердца, и слезы ото очию, яко быстрина вод, изливашеся, совокупившеся и обличивше его проклятово вражю прелесть, и царицу и великую княгиню иноко Марфу всенародным множеством воспросивше⁹¹⁸. Она же всеявно исповеда, яко сын ее царевич Дмитрей на Угличе, повелением Бориса Годунова, яко незлобивое агня, заклан бысть в 99-м году⁹¹⁹, и своима рукама она многострадалное его тело погребет, и образ лица его из сокровищ своих изнесе, паче же бояром глаголюще, яко мнози самовидцы погребению его быша, и доныне лежат мощи его на Угличе, чудеса деюще бесчисленна⁹²⁰; сего же смердящаго пса и злаго аспида⁹²¹ не веем откуда прииде, исповедати же не смеюще долго время, бояшеся злаго прещения его, и женскую немо-

щию одержима, мужественно дерзнути не смеяше⁹²². Нагия же все тоже исповеда. Тогда многособранное воинство и весь народ Российскаго государства, прося от вышнего Бога помощи и храбростию распалавшися, мужественно дерзаху на разорителя веры нашае истинныя, не в бронех, ни со оружии, но с помощию всесильнаго Бога; врази же веры нашае спяти быша и падоша, злаго же и проклятаго волхва и богоотступника, и смердящего пса Гришку Отрепьева злой смерти предаша и на обличение всему народу среди града положиша, яко да и прочии видевше, уверятца истинно⁹²³.

А потом митрополиты, и архиепискупы, и епискупы, и архимариты, и игумены и весь освященный собор, и бояре, и окольничие, и дворяне, и дети боярские, и все христолюбивое воинство, и гости, и торговые и всякие люди Московскаго государства, советовав меж себя, били челом Московскаго государства великому боярину князю Василею Ивановичю Шуйскому, понеже он родителю своих от благочестива корени суца, да примет скифетр Российскаго царствия⁹²⁴. Великий же государь князь Василей Иванович на моление народа уклонися⁹²⁵. И, советовав великий государь со всем освященным собором, и поговоря з бояры, и со всем христолюбивым воинством и со всеми людьми Московскаго государства, послал на Углич по мощи царевича Дмитрея Ивановича Ростовского и Ярославскаго митрополита Филарета, еже бысть прежде боярин Федор Микитич Романов, а по зависти дияволи от царя Бориса невинно бысть во изгнании и в заточении, и там восприя ангилский образ для будущих вечных благ, да бояр князя Ивана Михайловича Воротынскаго с товарищи.

А сам великий государь царь и великий князь Василей Иванович, всеа Руси самодержец, прося у Вседержителя Бога милости, венчался царским венцом и диадимою, по древнему их царскому чину и достоянию⁹²⁶. А Полского Жигимонта короля послов, которые присланы были к проклятому еретику к Ростриге⁹²⁷ от него на свадьбу в полсех, Миколая Малогоского, да Олександра Гасевского, и воеводы Сендомирского з дочерью и с приятели их, и всех Полских и Литовских людей, которые присланы были от Жигимонта короля и от панов-рад Московскому государству и нашей истинной вере хрестыанской на разоренье, за их многие грубости, побити их всенародному множеству не дал и, до обсылки з Жигимонтом королем, велел им кормы давати, и почестъ во всем чинити по их достоинству⁹²⁸.

А к Жигимонту королю Польскому и к великому князю Литовскому, великий государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Руси послал государство свое обестити, и о неправдах его и панов-рад к Московскому государству, что наслал за крестным целованьем на Московское государство богоотступника Гришку Отрепьева, выговорити посланников своих дворенина и намесника Елатомского князя Григорья Волконского, да дьяка Ондreja Иванова⁹²⁹. И Жигимонт король посланников князя Григорья и дьяка Ондreja к государю отпустил. А люди его князь Роман Ружинской, да Олександро Збаровской, да князь Адам Вишневетцкой, да Ян Петр Сопега со многими с Польскими и с Литовскими людьми⁹³⁰, по его же королевскому злому умышлению, назвав другово вора в того же убитово вора в Ростригино место⁹³¹, пришли с ним под царствующий град Москву, и многое разоренье и межъусобье Московскому государству, и крестьянское бесчисленное кроворозлитие учинили⁹³². А Жигимонт король прислал к царю Василью посланников своих Станислава Витовского, войского Парцевского, да князя Яна з Друцка Соколинского, секретарей и дворян своих⁹³³. И те посланники да с ними, которые от Жигимонта же короля присланы в Московское государство к Ростриге к Гришке Отрепьеву в послех, Миколай Малогоской, да Олександро Гасевской, учинили меж великого государя нашего царя и великого князя Василья Ивановича всеа Руси, и меж Жигимонта короля, и меж их великих государств перемирие на три годы и на одиннатцат месяц, з 20-го числа июля месяца 116-го году, да июня по 20-е число 120-го году⁹³⁴, что в те перемирные лета рати и войне на обе стороны не быти, и войны и никакого задору не всчинати, и ничем не зацепляти, а тех Полских и Литовских людей князя Романа Ружинского с товарищи, которые в Московском государстве с вором воруют, из Московского государства вывести вон вскоре; да которые будет и иные Полские и Литовские люди пошли в Московское государство воинским и воровским обычаем, и Жигимонту королю и его государствам тех всех людей из Московского государства воротити тот же час, и вперед в те перемирные лета никакова человека в Московское государство из своих государств воинским обычаем, для всякого воровства, никоторым умышленьем не пропускати. И то перемирье и крестным целованьем на том на всем было закреплено. И Жигимонт король того перемирья нимало не здержал, Полских и Литовских людей,

которые были с вором, князя Романа Ружинского с товарищи, из Московского государства от вора вывести не велел, и на Московское государство войну всчал: сам пришел в Московское государство к городу Смоленску⁹³⁵, а многих Полских и Литовских и Немецких людей, з гетманом коруны Полские с Станиславом Желковским да с изменником Московского государства с Ывашком Салтыковым с товарищи, прислал под царствующий град Москву, и чтоб Московскаго государства всякие люди взяли на государство сына его, королевича Владислава⁹³⁶. Да и лист статейной⁹³⁷ Жигимонт король, за своею рукою и за печатью, к нам бояром и ко всему Московскому государству прислал, как сыну его Владиславу королевичю быти на Московском государстве, и венчаться было на Московское государство царским венцом и диадимою от руки патриарха Московскаго по древнему обычею, и истинные наши православные хрестьянские веры греческаго закона ничим не рушити, и святых Божиих церквей, и целбоносных гробов и тела святых чтити и ничем не рушити; также и святейшего патриарха, и митрополитов, и архиепископов, и епископов и весь духовный чин во всем почитати и в чести держати.

И Московскаго государства люди, которые в то время были на Москве, слыша такое Жигимонта короля, за его королевскою рукою, письмо, тому поверили⁹³⁸, и били челом великому государю своему царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси, чтоб он великий государь, для покою хрестьянского, государство свое отставил. И царь Василей, по челобитью нашему и всяких людей Московскаго государства, которые в то время были на Москве, и для покою хрестьянского, государство отставил⁹³⁹. Преосвященный же Филарет, митрополит Ростовский и Ярославский, выехав на Лобное место, вызывая всенародное множество всех православных крестьян, и укрепляя их, глаголя: не прельщайтесь злым прелестным королевским листом, никако то истинна быти не может; то мне самому подлинно ведомо, что королевское злое умышленье над Московским государством, хотя Московским государством с сыном к Польше и к Литве завладети, и наша истинную непорочную хрестьянскую веру разорити, а свою латынскую веру во всем Московском государстве утвердити⁹⁴⁰. — Московскаго же государства бояре, и воеводы, и дворяне и всяких чинов люди, не послушав преосвященнаго митрополита Филарета Ростовскаго и Ярославскаго укрепления, изобразили были на

Московское государство Жигимонта короля Полского и великого князя Литовского сына, королевича Владислава, и с корунным гетманом с Станиславом Желковским о всех статьях, как королевичю быти на Московском государстве, против королевского листа договор учинили, и записми и крестным целованьем укрепились⁹⁴¹. А о которых статьях з гетманом с корунным с Станиславом Желковским не договорилися, и о тех статьях к Жигимонту королю под Смоленск с Москвы от святейшего Еρμοгена, патриарха Московскаго и всеа Руси, и ото всего освященнаго собора, и от бояр и ото всяких людей всего Росийскаго царствия, послали в послех Филарета, митрополита Ростовского и Ярославского, да боярина князя Василья Васильевича Голицына с товарищи, и дворян и всяких чинов людей⁹⁴². А Жигимонту королю от Смоленска было отойти прочь в свою землю, и Полских и Литовских людей никакова человека до королевича в Москву не впускати⁹⁴³. Да в те же поры от Жигимонта короля приехали ис под Смоленска: крестопреступник и изменник Московскому государству Михайло Глебов сын Салтыков, да князь Василей Михайлов сын Мосалской, да дьяк Иван Грамотин, да торговой детина Федка Ондронов с своими советники, да от короля к Москве на уряд Олександро Гасевской с королевскими листы, и учили быти, по королевскому веленью, в Московском государстве владетели⁹⁴⁴. И умысли меж себя злодеи, будто для береженья, оманом Полских и Литовских и Немецких людей з гетманом с Станиславом Желковским, и с полковники и с ротмистры ввели в Москву в каменные городы⁹⁴⁵. А государя нашего царя Василья Ивановича гетман корунной⁹⁴⁶ взяв, отвез к Жигимонту королю под Смоленск и з братьею его, через крестное свое целованье⁹⁴⁷. А Михайло Салтыков, да Федка Ондронов с своими советники, да Олександро Гасевской, забыв гетмана корунново и полковников и ротмистров крестного целованья⁹⁴⁸, учили в Московском государстве всяких людей прелщати и приводити на то, чтоб всякие люди в Московском государстве целовали крест Жигимонту королю, мимо сына его Владислава королевича, и быти б Московскому государству под Жигимонтом королем к Полше и к Литве⁹⁴⁹. А Полские и Литовские люди, которые были на Москве и по городом, по совету Московскаго государства изменников, Михайла Салтыкова с товарищи, многие зборы денежные и кормы немерные почали збирати, и Московских городовых всех ворот ключи, и на городе наряд,

и зелье⁹⁵⁰, и свинец и пушечные ядра, и в казне наряд же, и зелье, и свинец и всякие пушечные запасы взяли к себе, и по всем городовым воротам и по улицам у решеток сторожей учинили Полских и Литовских и Неметцких людей⁹⁵¹; и посадцким и жилецким людям, и волостным крестьяном почали великие налоги, и насильства и позоры чинити: от мужей жон, и от отцов и от матерей нескверных девиц к себе на позор имати, и нашей православной вере греческаго закона поруганье делати, и церкви Божии оскверняти, и по святым иконам ис пищалей стреляти, и на поругание честных икон очи вертети и колоти, и всякое поруганье чинити, и костелы Римские по всему царствующему граду Москве ставити, и своя злыя латынские ереси разпространяти и утвержати, и Московской народ своими злыми проклятыми учителя прелщати, и к своей злой латынской вере приводити⁹⁵².

И царствующего града Москвы всякие люди, видя над собою такое зло от Полских и от Литовских людей, от горести сердца возстав, приходили к святейшему Ермогену, патриарху Московскому и всеа Руси, и к бояром с великим плачем и рыданием, чтоб он, великий святитель, на них бедных и насилуемых призрил, и за Богом избранное стадо свое стал, волком и хищником в расхищение не дал⁹⁵³. И великий святейший Ермоген, патриарх Московский и всеа Руси, видев сию богопущную язву над великим Росийским государством, и латынскую прелесть разливающуюся, и веру конечно нашу погибающую, разжегся любовию по Христе, и поборая по нашей истинной православной хрестыанской вере греческаго закона, как есть истинный пастырь наш и учитель, не хотя дати Богом избраннаго стада своего волком и хищником в расхищение, укрепяся верою, яко лев распалася по Христове церкви, рыкая и вопреки глагола не обинуяся Московскаго государства изменником Михаилу Салтыкову, да Федке Ондронову с товарищи, и королевскому правителю Олександру Гасевскому: вскую шатается, безумнии! Почто тщенным поучаетеся, и на Христову правую истинную веру и на Его люди востааете, не зная праведныя воли Божия? — И беспрестани в их злых делах их обличал, и многое от них злодеев бесчестие и тесноту претерпевал, аки крепкий адамант⁹⁵⁴, а обличати их в их злых делах не престал; и всенародное множество всего Росийскаго царствия, всех православных хрестыян, дерзостно взывает, и к подвигом устремлятися повелевает,

к Творцу и Содетелю все упование свое возложив, яко близ есте всем призывающим Его. Тогда Сын и Слово Божие коснулся сердец всех православных крестьян. Они же злодеи нимало на то великого святейшего Ермогена, патриарха Московского и всеа Руси, обличение преклоншеся, ни страха Божия боящеся, ни страшного Христова пришествия судити и воздати комуждо по делом его чающе, ноипаче на всякое зло нача простиратися: царствующий град Москву, во всем Росийском царствии мать градов деревяной и каменной большой город, выжгли и высекли не крестьянским обычаем⁹⁵⁵; и церкви Божии, в которых из давних лет славилось имя Божие и за весь мир жертва Богу приносилася, и монастыри осквернили и разорили, и многоцелебные мощи великих Московских чудотворцов обругали и образы и чудотворцовы раки обдирали и ломали, и всякое осквернение и поругание нашей православной крестьянской вере греческого закона починили, и дерзосердаго страдалца, великого святейшего Ермогена, патриарха Московского и всеа Руси, непобедимаго, крепкаго в православии столпа, и новаго во святых исповедника, и непоколебимаго поборника по нашей истинной православной вере греческого закона, с великим бесчестьем с престола свергли и из святителскаго сану обнажили, и в заточение посадя, злою мучительскою смертию не крестьянски уморили⁹⁵⁶; а священнический и иноческий чин, и бояр, князя Ондreja Васильевича Голицына, и иных бояр, и дворян, и детей боярских, и всяких служилых людей, и гостей, и торговых, и жилетцких всяких и простых людей бесчисленное хрестьянское множество, мужеска полу и женска, и нескверных младенец побили мучителски, и кровь многую хрестьянскую по всему царствующему граду Москве невинно пролили⁹⁵⁷. А царскую казну, многое собрание из давних лет прежних великих государей наших, царей Росийских, и их царские утвари, царские шапки и коруны, и их всякое царское достояние, и чудотворные образы к Жигимонту королю отослали, а досталную царскую казну, и в церквах Божиих и в монастырех, и в домех, и в лавках и в погребех многие неисчетные богатства Московских всяких людей пограбя, по себе разделили⁹⁵⁸. А многих великих родов, блаженные памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, племянника Михайла Федоровича Романова-Юрьева⁹⁵⁹, и бояр, и окольничих, и дворян, и дьяков и всяких чинов всяких людей, захватили в городе в Китае и в

Кремле, и держали их в неволе, а иных за крепкими приставы⁹⁶⁰. И видя такому великому и преславному Московскому государству от Жигимонта короля Полского, и от его Полских и от Литовских людей конечное разоренье, и православной хрестыанской вере поруганье, и святым местом осквернение, хто не восплачет и не возрыдает? Превыше бо бысть сие зло Вифлиомскаго плача от беззаконнаго детоубийца Ирода⁹⁶¹: там обо младенцы токмо убийственными закалахуся дланми; zde же престаревшиися и седи, и цветуще и в возраст приходяща юноша, и жены чистообразны, и отроковица нетленныи, и младенцы безгрешны вкупе от Ляхов и от Германского роду раздробляхуся и заколахуся⁹⁶². Рыдание же повсюду и плач велегласен на аер⁹⁶³ восходит, и горы убо супротив плачущим возглашаху, бреги же волнами супротив шумяху, и бысть гром по всему граду всемертвенный, и смертная врата повсюду проливаясь. И сице убо преславное во хрестыанех Московское государство от Полских и от Литовских людей внезапно в запустение приходит, и бояре и воеводы, и все христоименитое воинство и все православные хрестыане, токмо взирая сердечныма очима ко всемогущему Богу, Сотворителю нашему, и к рождышей Его пречистой Богоматере, слезным рыданием глаголем: увы, нам, увы, горе, горе! Видя нам такому великому и преславному хрестыанскому государству, и святым Божиим церквам, от Полских и Литовских людей разоряющеся и до конца погибающе, и вместо радостных песен плачевные гласы испущающе, еже праведный Бог за грехи наша таких врагов на нас попустил.

И совокупившеся всего Росийскаго царствия всякие люди вместе, меж себя богосоюзной совет учинили, и крестным целованьем укрепилися на том, что всем православным хрестыаном всего Росийскаго царствия, от мала и до велика, за королевскую многую ко всему Московскому государству неправду, и за нашу истинную православную хрестыанскую веру греческаго закона, и за святыи Божии церкви, и за многое бесчисленное хрестыанское кроворозлитие, и за разоренье Московского государства, стояти всем единомышленно; и сына его Владислава королевича на Московское государство государем никак не хотети и царствующий град Москву от Полских и от Литовских людей очищати, сколько милосердый Бог помочи подаст. И собрався боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой с товарищи, с цари и с царевичи, которые служат в Московском государстве,

и з бояры, и с чашники, и с стольники, и з дворяны, и з детми боярскими, и с атаманы, и с казаки, и с стрельцы и со всякими ратными людьми, пришли под царствующий град Москву, и стояли под Москвою полтора года⁹⁶⁴; и на многих боех и на выласках боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, стоя под Москвою, Полских и Литовских людей побивал, и города всякими мерами доступал⁹⁶⁵. А Полские и Литовские люди всякими мерами в городех крепилися, и Московскаго государства бояр и всяких людей, которые были у них в неволе, в городе держали, и ис Кремля никуда не пускали⁹⁶⁶. А ноипаче всех враги злодеи теснили и во всякой крепости и за приставы крепкими держали Михаила Федоровича Романова-Юрьева с матерью его, с инокиней Марфою Ивановною⁹⁶⁷, потому что всего великого Московскаго государства бояре, и воеводы и все христолубивое воинство, которые стояли под Москвою, и во всех городех всего Российскаго царствия всякие люди об нем о государе Михайле Федоровиче скорбели, и всякими мерами промышляли, чтоб иво государя от таковаго злаго пленения свободити⁹⁶⁸, понеже он великий государь от благороднаго корени благоцветущая отрость, благочестиваго и праведнаго великого государя царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Руси самодержца, племянник. Да не токмо Российскаго государства все православные хрестьяне об нем великом государе скорбели, и враги Московскому государству, Полские и Литовские люди, которые были в Московском государстве, слыша его государской праведной корень, и видя его благоразумна и благочестива, во всем его государя почитали, и честь ему государю воздавали и во всякое его государское достояние причитали⁹⁶⁹. И сия слышев и видево злодеи, Московскаго государства изменники и хрестьянской вере разорители, Михайло Салтыков, да Федка Ондронов с товарищи и с своими советники, да Олександро Гасевской, ноипаче на сего праведнаго Михаила Федоровича, и на его благочестивую мать, рождышую его, иноко Марфу Ивановну, нападают, и злыми томительствы и крепкими приставы, и гладом и всякими розными злыми теснотами душу праведнаго мучаще, и домышляхуся, как бы его, аки агнеца незлобиваго, смерти предати⁹⁷⁰. Но Богу соблюдающе его истинны ради, и в смерти место царство ему даровати хотяще, якоже праведнаго Иосифа, им же Египет спасти хотя. А как, по Божией милости, Московскаго государства столник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожар-

ской, собрався с цари и с царевичи, которые служат в Московском государстве, и з бояры, и с чашники, и столники, и з дворяны, и з детми боярскими, и с атаманы, и с казаки, и с стрелцы и со всякими многими ратными людьми пришел под Москву в сход к боярину и воеводе ко князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому⁹⁷¹, и по милости всемогущего и всесилнаго, в Троицы славимаго Бога нашего, и пречистые Его Матери, и великих Московских чудотворцов молитвою, а службою и раденьем ко всей земле боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого, да столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского, да выборново человека ото всего Московскаго государства Кузмы Минина, и бояр, и околничих, и чашников, и столников, и дворян, и детей боярских, и атаманов, и казаков, и стрелцов и всех ратных людей, Московское государство своим мужеством и храбростию, царствующий град Москву от Полского и от Литовского короля, и от Полских и от Литовских людей, от их злаго пленения очистили⁹⁷². Сей же Михайло Федорович и с материю своею, по действу Святаго Духа, свобожение от злаго томительства приемлет, и яко птищ от тенета отрешаетца, и во своя отчины, в Костромской уезд, скоро по свобожении возвращаетца⁹⁷³.

Московского ж государства бояре, и воеводы и все христолюбивое воинство, утвердившися на степени и свободившися ото всех зол, и врагов веры своя победивше, славословие Богу воздавше о неисповедимом даре Его, и молив всемилостиваго Бога, и пречистую Богородицу и всех святых усердно со слезами, да просветит их сердца, еже бы просити, кому прияти скифетр Росийскаго царствия, писали Московского государства во все города к митрополитом, и к архиепискупом, и епискупом, и архимаритом, и игуменом и ко всему освященному собору, и к бояром, и воеводам, и к дворяном и ко всяким людям, чтоб изо всех городов всего Росийскаго царствия митрополиты, и архпепискупы и архимарнты и игумены были к ним бояром к Москве; и из дворян, и из детей боярских, и из гостей, и ис торговых, и ис посадцких и из уездных людей выбрав лутчих, крепких и разумных людей, по колку человек пригоже, для земского совету и для государского обиранья, прислали к Москве ж⁹⁷⁴; и с их бы земского совету vybrати на Владимирское и на Московское государство, и на царства Казанское, и Астороханское и на Сибирское, и на все великие государства Росийскаго царствия, государя царя и вели-

кого князя всеа Руси, кого Господь Бог даст, из Московских из Руских родов⁹⁷⁵. И как изо всех городов всего Росийскаго царствия власти и всякий ерейский чин соборне, и бояре, и околничие, и чашники, и столники, и дворяне, и всякие служилые, и посадцкие и уездные всяких чинов люди, для государского обирания, в царствующий град к Москве на совет съехались, и всещедрый, в Троицы славимый Бог наш, по умолению пречистыя Своея Богоматери и великих Московских чюдотворцов, не хотя видети всего православнаго хрестыянства в конечной погибели, а православной истинной хрестыанской вере греческаго закона от латынь и от люторских и богомерских вер во обруганье, по Своему человеколюбию, послал Свой святыи Дух в сердца всех православных хрестыан всего великаго Росийскаго царствия, от мала и до велика, не токмо в мужественном возрасте, и до сущих младенец, единомышленной невозвратной совет. И по многие дни на соборе изо всех городов всего Росийскаго царствия всякие люди не обинуясь говорили⁹⁷⁶, и единомышленной совет всех городов всяких людей от мала и до велика объявляли, что быти на Владимирском, и на Московском, и на всех великих преславных Росийских государствах государем царем и великим князем, всеа Руси самодержцем, Михайлу Федоровичю Романову-Юрьеву; а Полского и Литовского, и Свейского королей и королевичев, и из ыных ни ис которых государств, и из Московских родов, и из ыноземцов, которые служат в Московском государстве, государем, оприч Михайла Федоровича Романова-Юрьева, никак ни кому не быти⁹⁷⁷, понеже он, великий государь, блаженные памяти хвалам достойнаго великаго государя царя и великаго князя Федора Ивановича, всеа Руси самодержца, двоюродного брата Федора Никитича Романова-Юрьева сын. И по многие дни о том говорили всякие люди всего Росийскаго царствия с великим шумом и плачем, чтоб на Московское государство обрати его великаго государя Михаила Федоровича вскоре. Да и Свейской король преже сего писал в Московское государство⁹⁷⁸ к митрополитом, и к архиепискупом, и к епискупом и ко всему освященному собору, и к бояром, и околничим и ко всяким людям всего Росийскаго царствия, чтоб на Московское государство Полского и Литовского, и Татарского, и из ыных ни ис которых земель государя не обирати, а обрати б на Московское государство государя, изыскав из Руских родов, хто б прежним великим природным

государем нашим царем Росийским был в сродстве; а он Свейской король будет с ним, великим государем, в дружбе и в любви на веки неподвижно.

И власти и весь духовный чин, и бояре, и околничие, и чашники, и столники и все христоролюбивое воинство, и гости, и торговые, и посадцкие и всякие жилецкие черные люди всего Росийскаго царствия положили то на волю Божию; а для болшого укрепления отложили февраля з 7-го числа февраля по 21 число, на две недели⁹⁷⁹, а в те дни митрополиты, и архиепискупы, и епискупы и весь освященный собор, и бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости и все православные хрестьяне всего Росийскаго царствия все единодушно молили Господа Бога, и пречистую Его Богомать и всех святых, чтоб Господь Бог устроил всему православному хрестьянству полезная, якоже весть святая Его воля. И послали Московскаго государства по бояр в города, по князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи, чтоб оне, для болшого государственного дела и для общего земского совету, ехали к Москве на спех; а во все города Росийскаго царствия, оприч далних городов, послали тайно, во всяких людех мысли их про государское обирање проводывати, верных и богобоязных людей, кого хотят государем царем на Московское государство во всех городех. И во всех городех и в уездех во всяких людех, от мала и до велика, таж мысль: что быти на Московском государстве государем царем Михайлу Федоровичю Романовичю, а опроче его, великого государя, никак никого на Московское государство не хотети.

А как Московскаго государства бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи в царствующий град Москву, и изо всех городов всего великаго Росийскаго царствия всякие люди, для царского обирања съехались, и февраля в 21 день, в первую неделю Великаго поста, в ню же празнуетца святых отец Православие, во святой апосталстей церкви чеснаго и славнаго Ея Успения, Московскаго государства митрополиты, и архиепискупы, и епискупы и весь освященный собор, и бояре, и околничие, и чашники, и столники, и дворяне Московские, и приказные люди, и дворяне из городов, и дети боярские, и головы, и сотники, и атаманы, и стрельцы, и казаки, и гости, и торговые, и посадцкие, и всего Московскаго государства всенародное многое бесчисленное множество, все православные хрестьяне, з женами и з детми и с сущими младенцы, молили всемилостиваго,

в Троице славимаго Бога, и пречистую Его Матерь и всех святых с неутешным плачем, чтоб всемилостивый Бог отовратил от нас праведный Свой гнев, належащий на ны, и призрил милостивным си оком на люди Своя сотворшая ны, и дал бы нам на Московское государство государя царя праведна и свята, и благочестива, и благородна и христолюбива, чтоб, по милости Божии, вперед их царская степень утвердилася на веки, и чтоб было вечно, и твердо, и крепко и неподвижно в род и род на веки. И все православные хрестьяне всего Московского государства, от мала и до велика и до сущих младенец, яко едиными усты, вопияху и взываху, глаголюще, что быти на Владимирском, и на Московском и на Ноугородцком государствах, и на царствах Казанском, и на Астороханскомъ и на Сибирском, и на всех великих и преславных государствах Росийскаго царствия государем царем и великим князем, всеа Русии самодержцем, прежних великих благородных и благоверных Богом венчанных Росийских государей царей, от их царского благороднаго корени, блаженные памяти и хвалам достойнаго великого государя царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца, сродичю, благоцветущие отрасли от благочестива корени родившуся, Михайлу Федоровичю Романову-Юрьеву; да приимет скифетр Росийскаго царствия, для утверждения истинные нашия православные веры, и чтоб Господь Бог его государским призрением во всем Московском государстве расточенные и разоренные исправил, и во едино благочестие совокупил, и межъусобье в Московском государстве утолил, и вся благая Московскому государству устроил, якоже бысть в Московском государстве тишина и благоденствие при сродиче его, великом государе нашем, блаженные памяти при царе и великом князе Федоре Ивановиче, всеа Русии самодержце: все великие окрестные государи от его царского имени трепетали, и любительные дары ему, великому государю, приношаху, по его царского величества достоянию, и в дружбе и в любви с его царским величеством быти желяху; а окрестные недруги и непослушники, те все у его превысочайшие царские степени величества послушны учинилися, и отторженные грады и земли от его великого государства многими леты паки во своя возврати.

И по данной благодати от Святаго Духа, вси во единомыслие совокупившеся, и утвердившеся по Христе верою, Московскаго государства богомолцы митрополиты, и архиепискупы, и епискупы, и архи-

мариты, и игумены и весь освященный собор, и розных земель цари и царевичи, которые служат в Московском государстве, и бояре, и околничие, и чашники, и столники, и стряпчие, и дворяне болшие, и дворяне ж, и дияки думные, и дворяне из городов, и дияки, и жильцы, и приказные всякие люди, и дети боярские, и головы, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрелцы, и гости, и торговые и посадцкие, и всего Московскаго государства всех чинов всякие люди, всенародное бесчисленное множество, все православные хрестьяне, всяк возраст от мала и до велика, обрали на Владимирское, и на Московское и на Ноугородцкое, и на царство Казанское, и Астороханское и Сибирское, и на все великие преславные государства Росийскаго царствия государем царем и великим князем, всеа Русии самодержцем, прежних великих благородных, и благоверных и Богом венчаных Росийских государей царей от их царского благородново корени благоцветущую отросль, Михаила Федоровнча Романова-Юрьева. А обрав и нарекиши его великого государя царя и великого князя Михайла Федоровича, всеа Русии самодержца, на Владимирское, и на Московское и на Ноугородцкое государства, и на царство Казанское, и Астороханское и Сибирское, и на все великие и преславные государства Росийскаго царствия, Московскаго государства митрополиты, и архиепискупы, и епискупы, и архимариты, и игумены и весь освященный собор в Богоспасаемом и в преименитом царствующем граде Москве, в соборной апосталстеи церкви пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения, и по монастырем и по всем церквам царствующего града Москвы пели молебны соборне з звоном, и молили всесилаго в Троицы славимаго Бога, и пречистую Его Богоматерь и всех святых о многолетном здравии благовернаго, и христолюбиваго и Богом избраннаго, великого государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии, что б всемилостивый Господь Бог, от Своея святыя и велелепные славы величества Своего, послал на него, великого государя, Свою святую милость, и умножил бы Господь Бог лет живота его, и царство его устроил мирно и немятежно, и ото всех враг непоколебимо на веки, и возвысил бы Господь Бог его царскую десницу надо всеми враги его и недруги, и покорил бы под нозе его вся враги, востающая на ны, и чтоб наша святая и непорочная истинная православная хрестьянская вера греческаго закона во всем Росийском государстве была нерушима по прежнему,

а все бы православное хрестыянство было в тишине, и в покое и во благоденстве, и его бы царское пресветлое имя передо всеми великими государи славно было к очищению, и к разширению и к прибавлению великих его государств, якоже вестъ святая Его воля, и сподобил бы Господь Бог его, великого государя, венчаться царским венцом и диадимою на все великие и преславные государства всего Росийскаго царствия, по древнему обычею. А опричь его, великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси на все Росийские государства иного государя, Полского и Литовского, и Немецкого, и из ыных государств царей и царевицей, и королев и королевичей, и из Московского государства никого, и Маринки и сына ее не хотети, и не обирати и не искати. И на том на всем ему, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, и его царице и великой княгине, и их царским детем, которых им, великим государем, вперед Бог даст, бояре, и околничие, и чашники, и столники, и стряпчие, и дворяне болшие, и дияки, и дворяне из городов, и дияки ис приказов, и жилцы, и приказные люди, и дети боярские, и головы, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрелцы, и пушкари, и гости, и торговые и посадцкие, и всего Московскаго государства всяких чинов служилые и жилецкие люди крест целовали по записи...⁹⁸⁰ <...>

...А уложена бысть и написана сия утвержденная грамота за руками и за печатми великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, в царствующем граде Москве, в первое лето царства его, а от создания миру 7121-го, индикта 11-го, месяца мая в день⁹⁸¹.

ПИСЬМА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

**Грамотка Дружины Яковлевича зятю и сестре
о дороговизне в Москве и ожидании подвоза
царского хлеба**

18 марта [1602 или 1603 г.]

Государю моему Семену Захарьевичу да государыне моей сестрици Овдотьи Яковлевнай да племяннику мое[му] Панюшки Семеновичю Дружинко Яков сын челом биет. Будьте, государи, здравы на многие лета з ближними приятели. А пожалуе[те] про меня про грешного спросити, и я дал Бог по ся место жив, месяца марта в осьмый на десять день. Да говорил ты мне, как я у вас был, чтоб я купил но Москве ржи; что Овдотиных денег за мною рубль. И рожь на Москве дорога нонеча. А сказывают, что будет рожь государева по полуполтине на просухи. И ты, государь Семен Захарьевич, но меня в тех деньгах не покручнися до Великодни, одноконечно я с собою тот твой рубль принесу к Великодню. Да кручина тебе, Семен Захарьевич, но меня, да и государыни моей сестрици Яковлевна Овдотьи, что я по ся место держю деньги ваши за собою. Да отпижи ко мне, Семен Захарьевич, о том обо всем о домашнем житии и о своем. А я вам мала [пиш]ю, много челом бью.

**Письмо неизвестного к священнику Василию с просьбой
об уведомлении о его родственниках и с выражением
непоколебимой уверенности в том, что Бог избавит
землю Русскую от всех бед и скорбей**

1608–1610 гг.

Батюшка Василий Дмитриевич! Воспомяни прежнее свое ко мне благочестие, виждь мою смертоносную и сердечную язву! На работников мне удивляться, ни усумняться непотребно. Дивился я, грешник, чужим женам и брань с ними восприимал, а ныне такова статья над самым мною совершилась; но прошу и молюсь тебе, отраду мне бедному и грешному сотвори, — вестку учини, как тебе Господь Владыко по сердцу известно учинит, чтоб, услышев про своих што, малу радость приобрел о житии их, как Христос хранит, живы ли, или по грехом моим пришло на них разорение которое. Ездаков или ходаков проведая, пришли хотя одну строчку или словом прикажи, подлинно живы ль, или побиты? А про воровскую статью минование,

чаем Владыку Христа, что нас избавит от всех бед и скорбей. Божия бо сила непобедима, крепка и стоятелна бывает, а отпадшая подвижна и непостоятелна, крепости не имущи никоеяж, но токмо прогонителна во адово жилище бывает и во тму кромешную, идеже тля тлит и червь не усыпнет и огонь их не угаснет. Да воспомяни преж сего находящихся на святую и благочестивую веру христианскую злочестивых, богоотступльших и богохулных царей, хотящих прогнати христиан и веру поспрати; не сами ли изгибоша вси и потопоша, яко олово в воде, зелне? Да и сам, господине, веси, при твоей памяти содеяшась многое неистовствие: крымский царь Сап-Кирей⁹⁸³ семьдесят осмом году⁹⁸⁴, грех ради наших, Господь Владыко на нас гнев свой воздвигнул, наказуя и приводя нас и утвержая в вере, огню предал и жительство наше в пепел претворил, хотя угодником своим преселение от скверны очистить, и не по мнозе времени многажды плен и кровопролитие от безбожных за грехи наводил; и последи тех посещений навел был, преведением бесовским, антихриста Ростригу; он же сам себе именован быти цесарем непобедимым, не дано бо ему свыше таково именование, не погибе ли и с сосудом своим, уготованным адом? И по нем иные именовалися царскими детми, Петр и Болотников Ивашка⁹⁸⁵, хотя воцаритись, воздвигнули на святую веру христианскую брань, и Владыко Христос много ль им власть держати дал? А ныне Богом не данное тем же окаянным законопопраителем и разорителем веры христианские и святых церквей Праги⁹⁸⁶ кровью обогрителем и крестному целованию ни во что вменяющим тож восприимут. Здравствуй о Христе со всем домом своим, с ближними приятели и с сродники, от единой матери исходящими! Опиши, Бога ради, вскоре, как можешь и как тебя Христос уцеломудри; а моей к себе грубости не помятуй, в чом буду пред тобою прегрешил. Прости Бога ради и помолися о мне грешном и непотребном и скареднем. А похочешь ведати о сем дерзающем сего писания, еще жив мая по 14 день, до воли всемилостиваго Бога, по которое время изволит пожить.

Внизу приписка: Отдати в Халдееве богомолцу государя царя и великого князя Василья Ивановича, всеа Русии самодержца, Росийскаго царствия от Бога даному таковому великому имени благочестиваго.

На обороте две надписи: Отдати в Ростове Первуше Алтунину, а он бы отдал в Костянтиновском, или в Ростовском уезде близко Николы на бою. А в Ерославле отдати дворянину государеву Власу Федо-

ровичи Чирикову, а Влас бы пожаловал сослал, не издержав, в селцо Костянтиновское, то от него милостыня пространная, челом бью по прежней его милости.

А послана после Петрова дни в таков же день. Для всемилостиваго Бога, зослати не издержав, до рук властивых отдати. А не будет Семейкиных в Костянтиновской, ино отдати в Халдееве священнику Василью Дмитриеву.

Письмо Тимофея Бьюгова к гетману Яну Сапеге о самовольных распоряжениях в Ярославле Ивана Волынского и Петра Головина⁹⁸⁷

Октябрь 1608

Государю великому гетману пану Яну Петру Павловичу, каштеляновичу и воеводе киевскому, усвятцскому и кирепетцкому, Тимофей Бьюгов челом бьет. Октября в 30 день приехали в Ярославль Иван Волинской⁹⁸⁸ да Петр Головин⁹⁸⁹ с ротою, с литвою, и наказу нам твоего панскаго гетманского не покажут, и емлют оне на себя всякое государево дело, а с нами не поговоря, а про нас ничего нам не скажут. А мы, государь, первые люди приехали в Ярославль, и ко кресту всяких людей за государя приводили, и город ведали, и всякую росправу чинили. А ныне, государь, пан Петр Головин да Иван Волинской в наше место емлют те грамоты и отписки насилством, которые посылают в Ярославль к нам с Костромы с пригородки и с Углича и с Романова и из Пошехоня и из Бежецкого Верху и из иных городов, и указ оне мимо нас чинят, с нами оне ничего не говорят насилством, не ведомо, государь, по твоему ли государеву указу или нет. Милостивый пане Петр Павлович, пожалуй, вели свой государев панской указ учинить, как нам вперед быти.

Письмо Ивана Волынского и Петра Головина Гетману Яну Сапеге о бегстве ярославцев со всем своим имуществом; о намерении послать подьячего в Вологду; о вторичном целовании ярославцами креста Лжедмитрию; об измене князя Афанасия Вяземского

1608/1609

Ясневелможному пану, его милости, пану Яну Петру Павловичу Сопеги, коштеляновичу киевскому, старостию любецкому, усвяцкому и керепецкому старосте, Иван Волинской да Петр Головин челом

бьют. Послал ты нас в Ярославль, для государева царева и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Руси, дела, и велел нам описати изменничьи животы и казну на государя царя и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Руси, и велел с волостей имати денги. И многие села дворцовые и подклетные⁹⁹⁰ отданы князю Ивану Засекину⁹⁹¹; а которые есть волости и не отданы, и мы в те волости послали и велели сбирати денги, и то будет все готово тотчас; а изменничьих животов и казны отписати нечего, сами на Низ сбежали и животы и казну свою с собою свезли, развее в Ярославле остались дворы их и лавки пустые. А как Вологда добьет челом государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси, и повинную к нам пришлют, и мы тотчас к Вологде пошлем государева Сытного дворца стряпчего Тимофея Лихачева, для всякого красного питья и для дворцовова всякого обихода; а в Ярославле что сыщу красного пития, и мы тотчас пришлем к тебе, государю своему. Да прислан в Ярославль стряпчей государев Путило Резанов, для всяких товаров, и у гостей и у торговых людей лавки и всякие товары запечатал; и гости и всякие люди о том добре скорбят. А Вологда и по ся места за тем государю не сдасца, слыша такое разоренье и грабеж. И ты нам как свой указ учинишь? Да которые ярославцы дворяне и дети боярские государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси, в Волхове крест целовали и изменили, а отъехали ко государеву изменнику к Василью Шуйскому; а нынеча в Ярославле те же дворяне и дети боярские крест государю целовали; а меня, государева холопа Иванка Волынского, за то не любят, что я прислан в Ярославль с литвою и государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси, во всем прямлю, и те дворяне и дети боярские неподобные словеса про государя вмещают меж своей братьи. А как увижу я, Иванко Волынской, твои пресветлые очи, и я тебе имяна их сам скажу. Да смилуйся, буди государю за меня помощник, чтоб государь пожаловал меня, холопа своего Ивашка Волынского, велел бы мне поместейцо дать; а опричь Бога и тебя, государя своего, к себе не имею помощника никого, рад за государя и за тебя умереть и служить тебе до смерти живота своего и делом твоим промышлять, что тебе годно. Да поехали ко государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси, Ярославля Болшого князь Офонасей Вяземской с товарыщи, и те государю изменили в Волхове, да и нынеча не прямят; и тебе бы их ко государю не велети пропускать, а велети б им быти

до государева указу в Ярославле. А как Вологда сдасца и государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси, крест поцелуют, и ты нам велишь ли итти к Вологде? Для того, что на Вологде много куниц и соболей и лисиц черных и вякого дорогого товару и пития красного, чтоб нам по твоему приказу все делать. Да поехал ко государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси, бити челом зять мой Василей Яхонтов о своем разорении: и ты бы, государь, смилосердовался, буди ему, государь, во всем помощник.

Письмо князя Василия Масальского гетману Яну Сапеге с просьбой о вводе его и его родственников во владение пожалованными вотчинами

1608/1609

Государю моему, пану Яну Петру Павловичю Сапеге, коштыляновичю киевскому, старосте усвятцкому и керепетцкому, князь Василей Мосалской челом бьет. Пожалуй, государь, вели ко мне о своем здоровье отписывати, как тебя, государя моего, Бог милует. А про меня, государь, пожалуешь ведати похочешь, и я на Москве, ноября по 4 день, здорова. Дал Бог пожаловал государь меня с братьею и с племянники старую нашу вотчиною, городком Мосалском, с посадом и с уездом; да мне ж государь пожаловал поместья, в Козелском уезде село Дудено Волосово, да Гостьи, да Плахин с деревнями; да в Мещеском уезде село Рождественое с деревнями. И мы, государь, послали к тебе людей своих, Якова Литвинова с товарищи; и тебе б, государь, пожаловать смиловатца над нами; по государеве милости, теми нам деревнями велеть дать владеть, которые будет литовские люди в тех наших деревнях, велеть выехать, а мы им учнем кормы давать, как сможем. А яз тебе, государю своему, челом бью.

Письмо Ивана Годунова⁹⁹² о своем разорении от Шуйского, с просьбой о заступничестве перед «царем Дмитрием Ивановичем»

1609

Господину моему, великому пану Яну Петру Павловичю Сапеге, каштеляновичю киевскому, старосте усвятцкому, Иван Годунов челом бьет. Писал ты, господине великий пан, к нам, что мы, помня

Бога, и прежнее крестное целованье свершили, прироженному своему государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси, вину свою принесли и крест ему, государю, целовали, и наша, господине, должная то всех, что помнить Бога и крестное целованье, и рад яз, холоп его, царьские милости искать и ему, государю, служить и головы своей не щадить; и извесно, господине, то Богу и всему свету, что разорен до основанья и живот свой мучил в деревнишке за приставы и скитался меж двор с женишком и с людишками от его государева изменника, от Василия от Шуйскаго. И нынеча, господине, яз сведал про государя своего прирожденного царя и великого князя Дмитрея Ивановича, всеа Руси, что пришел под свою государеву отчину под Москву; и яз, холоп его, прибrel пеш в Володимер и ему, государю, крест целовал и володимерцов всех с собою и с уездом ко крестному целованию привел; и в Муром яз от себя посылал, и муромцы все и с уездом государю вину свою принесли и крест государю целовали, и повинную их послал ко государю. И ты, господине, нынча велики пан, пожалуй меня, буди печалник⁹⁹³ о мне государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси, чтобы меня, холопа своего беднова и разореного, пожаловал, дал свои царьские и милостивые очи видять; а яз о твоей любви неотступен буду, и Бог учнет меня миловать, вперед рад тебе, великому пану, против дружить. Да писал ты, господине, ко мне, что сказывал тебе брат мой Михаиле Иванович Вельяминов про кобель борзой, Литвином зовут, и чтоб его мне к тебе прислать; и яз, господине, тебе, великому пану, за свой живот не постою, не токма что за кобель, и послал его к тебе и челом бью с сытником с Богданом с Десятого, и чтобы тебе, господину моему великому пану, тешитца им в радости и во здравье. А яз тебе великому пану много челом бью.

**Письмо Матвея Ивановича Плещеева гетману Яну Сапеге
об измене и непослушании жителей Ярославля,
с просьбой о помощи и освобождении его вотчин
от стоявших в них литовских людей**

Апрель 1609 г.

Государю моему Яну Петру Павловичю Матвей Плещеев челом бьет. Буди, государь, здоров на многие лета, а про меня, государь, по-

жалуяшь вступиши, и яз на государево службе в Ростове апреля по 9 день жив. Да послал государь царь и великий князь Дмитрий Иванович, всеа Руси, меня, холопа, на свою царскую службу в Ерославе; и меня, государь, воры в Ерослав не пустили, Ерослав своровал; а яз, государь, в Ростове, а города, государь, ни острогу, ни осыпи, ни норя, ни зелья, ни пеших людей нет, сидеть мне не с кем; а воры, государь, ближеют к Ростову, а ратных, государь, людей всего у меня пять сот человек. И ты, государь Ян Петр Павлович, пришли ко мне людей, да и к государю отпиши, чтобы государь мне людей прислал, с кем бы мне была сидеть и над государевыми изменники промыслять. Да бил, государь, яз челом тебе, государю, что в моих вотчинах стоят паны; и ты, государь, пожаловал дал мне лист к пану Самойлу Кишкевичю; и пан, государь, Самойла мне по твоему листу нечего не отказал; и ты, государь Ян Петр Павлович, приложи Самойлу Кишкевичю, чтобы Самойла Кишкевич велел тех панов из моих вотчин выслать, чтобы яз на государеве службе голодную смертью не умер. А яз тебе, государю, челом бью.

**Письмо монаха Симеона к келарю Авраамью Палицыну
с известием об осаде Троице-Сергиева монастыря,
о нападении и отражении приступов литовских
людей и о беспорядках внутри монастыря**

После 26 ноября 1608 г.

Государю великому старцу, келарю Аврамыю, чернец Семион челом бью. Как тебя, государя моего, Бог милует? А про меня пожалуешь похощь спросити, и моему окоянству, за молитв святых, еще Господь терпит. А по грехом, государь, по своим, яз занемог: нога у меня крепко болна, запухла добре, и за тою болезнью не выхожу из кельи недели с три; и ключи, государь, житничные⁹⁹⁴ отослал я к архимариту, что мне ходить невозможно. Да одноконечно бы тебе пожаловать, бити челом государю и нужи наши объявити: что было ржи и ячменю, и все то роздали месечником, и теснота, государь, у нас великая хлебная и дровяная, и з гладу, государь, и с нужи черные люди помирают, и по дрова, государь, ныне пяди воры выехать не дадут; людей у них при старом много. Выехали, государь, наши люди по дрова сего месеца в 17 день, и те воры и литовские люди мало в город

не въехали, немного и людей всех от города не отрезали, и сами мало в город не въехали; и Божиею милостию и Пречистые Богородицы и великих чудотворцов Сергия и Никона молением, воров каменьем з города отбили; и они уж были у Каличьих ворот и ворота было отняли. А и стреляти, государь, нечем, зелья не стало, и дров нет: сожгли в хлебне многие кельи задние и сени и чуланы, а ныне жжем житницы; и ты ведаешь и сам, житниц на долго ли станет? на один монастырьской обиход; а но город и на всю осаду отнюдь взяти негде. На городе на сторожах все перезябли, а люди волостные все наги и босы, которые на стенах стоят⁹⁹⁵. Да у нас, государь, поноситца, что государю изнесли и тебе, что бутто Митю пьяным делом убили; и то солгали, убили ево на первом часу дни; а убили, государь, миром всем неведомо про што, и тем ныне многие безделники хвалятца: хто с кем розмолвит, — быть де тебе также поволочену за ноги, что и Мите. И смуты, государь, у нас творятца великие. Бога ради, промышлай, чтоб святому месту какия порухи не учинилось. Да сказывают, что, по государеву указу, погреб запечатали; а слышим, что ныне стало хуже старово, и попытати будет погреба неведомо на ком. Да что, государь, пожаловал писал к старцу Нифонту⁹⁹⁶ свою царскую грамоту з жаловальным словом, и казначей ту государеву грамоту взял у Нифонта перед останочным часом; и я тое грамоту у казначея просил, и казначей ее не отдаст, а держит ее у себя. А яз тебе, государю своему, много челом бью.

На обороте надпись: Государю великому старцу келарю Аврамыю.

**Письмо царевны Ксении (в монашестве Ольги)
Борисовны Годуновой к тетке,
княгине Домне Богдановне, о пребывании ее
в монастыре в осаде⁹⁹⁷**

29 марта 1609 г.

Государе моей свету-тетушке, княгине Домне Богдановне, Борисова дочь Федоровича Годунова челом бьет. Буди, государыня, здорова на многие лета, со всеми своими ближними приятели. Пожалуй, государыня, пиши ко мне о своем здоровье; а мне бы, про твое здоровья слышав, о Господе радоватися. А про меня похочешь ведати, и я у Жи-

воначалные Троицы, в осаде, марта по 29 день, в своих бедах чуть жива, конечно болна, со всеми старицами; и впредь, государыня, никак не чаем себе живота, с часу на час ожидаем смерти, потому что у нас, в осаде, шатость и измена великая. Да у нас же, за грех за наш, моровая поветрея: всяких людей изняли скорби великия смертныя, на всякой день хоронят мертвых человек по двадцати и по тридцати и болши; а которые люди посяместо ходят, и те собою не владеют, все обезножели. Да пожалуй отпиши ко мне про московское житье, про все подлинно. А яз тебе, государыне своей, много челом бью.

На обороте адрес: Государыне моей тетушке княгине Домне Богданове. Внизу. Отдать на княж Иванов двор Андреевичи Ноготкова.

**Письмо Григория Титовича Рязанова к отцу
о разных семейных делах и о благополучном
отражении литовских людей,
осадивших Троице-Сергиев монастырь**

После 28 июня 1609 г.

Государю моему батюшку, великому старцу Тиха Обросимовичю сынишко твой Гришка челом бьет. Буди, государь, здоров на многие лета и покровен десницею вышняго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа от всех враг, видимых и невидимых, со всеми своими ближними приятели. А пожалуешь, государь, похочешь ведати про матушка и про брата про Дементя и про Максима, и мы по сю грамотку еще жива, милосердый Бог наш, в Троице славимый, по неизреченней своей милости, нашему окоянству терпит; а впредь, государь, отчаяли своего живота, ажидаем смерти; а брата Дементя приказал в слуги. Да греха ради, государь, нашего, вооружил было враг литовских людей на разорения святому месту: было у них к городу приступ со все четыре стороны с щитами и с десницами, и Пивной двор зажгли было и лесницы к городу приставили. И святая Живоначалная Троица и Пречистая Богородица и великие чудотворцы Сергей и Никон отвратили от нас свой праведный гнев и не предали святого места врагам на разорения, воров у приступа побили многих, и от Пивного двора литовских людей отбили и огонь удушили, и из острогу выле-

щи, в сугон воров многих побили и языки поймали, а взяли сорок человек языков. А я был в крепкой приступ на Пивном дворе, и взял я мужика; и как почал быти асад, и я взял трех языков; а подо мною убили на выласках двоя лошадей и сам был ранен, а нынеча уж рана поджила. Да Петру Михайловичю великое челобитья, и сестрице Марье Титовне, и Семену Федоровичю великое челобитья. Да Божья, государь, воля сталась, за умножения греха ради, Окулины в животе не стало и дочери моей Мавры. Да писал ты, государь, ко мне про Семена, да не подлинно, как нас слух дошел про Колычева; и ты, государь, отпиши ко мне про Семена, что сталося над ними и как Семен живет? Да и про Петра отпиши, как проимаецца хлебом и как живет, и сколь дорог на Москве хлеб? А у нас, Божию милостию, хлеба много. Крепка нас изнела нужда сапожная, и голиница в поршнях переносили, а купить не добыть. Да пожалуй, государь, отпиши к нам обо всем подлинно. А яз тебе, государю своему, много челом бью.

На обороте надпись: Дати ся грамота на Москве на Троецком Богоявленском монастыре старцу Тихану Резанову.

**Письмо Ивана Зайцева к отцу, Несвитаю Зайцеву,
из Москвы с просьбой о присылке коня и известием
о разгроме приходивших к Москве литовских людей**

После 19 июня 1609 г.

Государу моему батюшку Несвитаю Филиппевичю сынишко твой Ивашка челом бьет. Буди, государь, здрав на многие лета. А похочешь, государь, про меня ведать, и яз, дал Бог, по девятую пятницу на Москве жив. Да пиши, государь, ко мне о своем здравье и про братию и про сестры. А у нас на Москве вас сказывают в Ярославле, и пошли, государь, з Москвы дети боярские розных городов з грамотами, а с ними пошел Сарымпаков, и яз послал к тебе грамотку, будет воры не взяли, как ярославские люди пойдут к Москве; а будет воры взяли или на дороге пал, а ты, Господа ради, промысли нарочитою лошадыю, да пошли ко мне. А пришел к Москве Илья Боранов, а сказал про тебя мне, что ты, дал Бог, здорово, а живешь дома, а в твое место Петр служит в Ярославле, а грамотки ко мне не послал; и ты, государь, проведдай ходоков к Москве: часто ходят вологжения и белозерцы и наши братия. Да отпиши ко мне про все подлинно, и которые убиты наша

братия за вора в измене. А мы живем на Москве, дал Бог, здорово, и приходили в Духов день воры и литовские люди к Москве; и мы, прося у Бога милости, на них ходили и побили их на голову, а живых добре много взяли, и чаем у Бога милости, на врагов победы. Князь Михаиле Васильевич⁹⁹⁸ идет со многими людьми и с немцы, а ждем его с часу на час; а у вас то ведомо ли? А яз тебе, государю твоему, мало пишу, а много челом бью.

На обороте надпись: Дати ся грамотка Несвитаю-фитаю (?) Филиппевичю Зайцеву, в Пошехонье, в Усадище в среднем. Послана после Петрова дня с первого Воскресенья.

Письмо Афанасия Аристова к жене в Нижний Новгород с известием о себе и разными советами

1609 г.

От Офонасья Федоровича жене моей поклон. Яз в Нижнем здорово буду, солнышко, по тебя, как аж даст Бог дорога поочиститца; а как с тобою ся увижу, тогда и мысль будет, смотря по делу. Да и для того ныне не поехал, что дожидаемся с Лукою с Петровичем: как Арзemas государю добьет челом, и нам бы Петру Микуличю поместье взять, да с Лукою и буду вместе. Да вели, солнышко, ко мне отписати о своем пребыванье; а чаю одва живешь; не токма что рухлядь, хоти и дворишко продай, чтоб тебе з голоду не умереть. А только хто наших Аристовых, или меньшей дядя, или Абрам объявятца на Москве, и ты вели бить челом, чтоб тебя сослали к себе в деревню. А про Безсонка яз не ведаю, где он ныне; а как только будет к Москве, а дорога будет в Шую, и тебе б, солнышко, съехать к дяде к меньшому. А яз тебя не покину. А грамотки ко мне и писать не вели: ведаю яз твое житье и сам; а се любо меня грамотка та в Нижнем не застанет. От меня тебе поклон.

На обороте надпись: Отдати на Офонасьеве дворе Аристова.

Письмо смоленского воеводы боярина Михаила Борисовича Шеина князю Андрею Васильевичу Голицыну

Октябрь 1609 г.

Государю моему князю Ондрею Васильевичу, великого твоего жалованья искатель Михалец Шеин челом бьет. Пожалуй, государь, вели

ко мне писати о своем здоровье слышать, аже, государь, даст Бог очи твои, государя своего, в радость видеть. А пожалуешь, государь, хочешь ведать о мне, и яз на государеве службе в Смоленске, в осаде от короля, октября по 10 день, жив до воли Божией, а вперед, государь, на Божью волю полагаю. Да буде, государь князь Ондрей Васильевич, мне в осаде случится за Бога да за государя смерть, и тебе б, государю моему, пожаловать, меня во всем простить, а тебя, государя моего, во всем Бог простит. А яз тебе, государю своему, много челом бью.

На обороте адрес: Государю моему князю Ондрею Васильевичу Голицыну.

**Письмо под Смоленск князю Василию Васильевичу
Голицыну Марии, жены (?) Дмитрия Федоровича,
о происшествии в Москве и сборе урожая и оброка
с крестьян⁹⁹⁹**

Не ранее января 1611 г.

(Государю мое)му кн(я)зю Василью Васильевичу Дмитреева Федоровича Марья челом б[ъет]. Буди, государь, (здрав на) многие лета. А к нам, государь, вели писат(ь) (о твоём) здоровье, штоб нам твое здоровье государя своево слышет а ве... (очи) твои государя своево в радости видет(ь).

А пожалует(ь), государь, похош ведат(ь) про матушку и про меня, и мы, государь, по ся места в бедах своих живы. Да пишеш(ь), государь, ко мене што велиш к собе прислат, зделавше, и во многих грамотках и я, государь, и почала была делати да поссумнела за тем делат(ь) што ко мене принес от тебя Кривошея грамотку распечатавши. А в грамоте, государь, от тебя тоже писано, что велено зделат(ь) да прислат(ь). Да на твоём, государь, дворе на Московском пан поставлен, да и мои дворишко взяли же да и батка, государь, двор взяли же, а ево за пристава дали на Рожество Христово. А што, государь, было на дворе на твоём в полатах и в повалуше рухледи, запас и вино, то все превезли ко князю Ивану Васильевичу¹⁰⁰⁰ на двор. А на рож, государь, и на муку и на овес наняли анбар. Да из Марьиного, государь, из Торжку оброк привезли сорок полтретья рубли денег да семьянат(ь) полот мяса. А в прикащикове, государь, доходе и в меду били челом князю Ивану Васильевичу, а князь Иван, государь, Васи-

льевич пожаловал их и до твоего указу. Да из Парфенова, государь, привезли трицат(ь) четвертьей муки лютцькой да трицат(ь) ведр вина с полуведром, шесть четвертей муки белой яричьной, десет четвертей толокна без полосмины, десет четвертей круп, пятнацат полот мяса, девяносто четвертей без полутретьи четверти овса две четверти пшеницы без четверика. Да и(з) Тесова, государь, привезли семьдесят четвертей ржи, двенацат четвертей муки, двацать семь ведр вина, полдсвятя полти мяса. Да з Ростова¹⁰⁰¹, государь, привезли двацат четвертей без османы солоду ржанова, пят четвертей солоду ячьново, пятнацат ведр вина. С Ысаевсково и Шюгора (?) трицат восемь полит мяса три четверти без полуосмины круп, три четверти с осьминою толокна, четыре четверти пшеницы да полдсвятя рублен за боран денег. Да из Ыванчикова, государь, привезли вина ведер с трицат, шеснацат пилот мяса, три осмины пшена, семь рублей за боран денег¹⁰⁰². Да з Дашкова, государь, привез Кирило двацат два полтя мяса. Да из Вороново, государь, привезли овса пятьдесят четвертей, гречихи двацат четвертей. Да из Мясоедова из Вороново привезли десет четвертей ячьмени, четыре четверти без пол осмины пшеницу. Да старово вина боцька двацат(ь) ведрь, и то вино цело ж. А што, государь, взято на Иванчиковских крестьянех за боран денег, и на те денги куплено мяса свиново. Да осолили, государь, мяса 144 полти. Да мене, государь, дали дворишко у Володимера Святаго в Садех¹⁰⁰³, а людем твоим на Покровке в Колпачном преулке. Да кручинися, государь, што я тебе грамоток не пишу и я, государь, какова ездока не сведаю с темь х тебе пишу грамотки.

Да смилуйся, государь, над нами, вели к нам писат о своем здоровье, кои, государь, час твое здоровье слышим, тот час, государь, и живы. Да воры, государь, приходили Рожество Христово в Парьфеново Степана Яковлева замучили, а пытали, государь, твоей казны, после тово жил недели с три да умер, и мы, государь, велели были ведат Юрью Курьцову со крестьяны и крестьяне, государь, били челом князю Ивану Васильевичю Юрья Курьцова не хотят к себе на приказ¹⁰⁰⁴. А Левонтьеву, государь, жену в полон взяли... (ей) велела быт(ь) к Москвье запасом и оне по грехом измешкали, не уехали. А мы тебе, государю своему, челом б(ь)ем.

На обороте: Государю князю Василию Васильевичу.

**Письмо Агафьи мужу Михаилу Филиповичю Неелову,
смоленскому дворянину, из осажденного
Смоленска в полк М. В. Скопина-Шуйского**

1609 г.

Государю моему Михаилу Филиповичю жена твоя, Огафья, с детми челом бьют.

Буди, государь Михаила Филипович, покровен от Господа Бога десницею и Богом храним, и буди, государь мой свет, здрав на многия лета, а нам бы, слышечи твое государево здравье, о Бозе радоватца. Жадни мы очей твоих видеть, аки слеп свету. А пожалуешь, государь, похощь про нас ведать, и мы, государь, в бедности в Смоленске в осаде одва чуть живы, да сидим заперты четыре недели, за неделю Дмитровой субботы¹⁰⁰⁵. А пожалуй, государь, нас, прости меня с детми за очи, каково што станетца. А хлеба, государь, нынешняго с обеих поместей яравого ничево не увезли, воры не дали, а и ржи, государь, посеяли девять четвертей в Худкове, а в Лосеве две четверти. А живата¹⁰⁰⁶ в осад не увели нисколка, потому что корму нет, толка конь голубой да кобылица. А людей со мною в осаде: Сидорка без жены, да Орлова жена сама третья, да Ломсуева дочь. А Тимоха, наш человек, из осады от меня сбежал, а прежа того бежал от меня и, пришед ко мне, выкрал конь голубой да кобылицу. И мы его на дваре у задних ворот изымали с лошадми. Посадила была его в житцу, и вскоре мы побежали в осад, и без меня люди и крестьяне его опрастались¹⁰⁰⁷, а он им верился. И он бежал из осады, снес кое-што платья обиходного. А в поместьях наших животы наши, и статки, и люди, и крестьяне — все пойманы. Да сестры твои, дал бог, здорова. А мы тебе, государю своему, мало пишем, да много челом бием до лица земнаго.

На обороте надпись: Дать ся грамотка Михаилу Филипову, сыну Неелову. А от тебя конь дошел, да в деревне.

**Письмо смоленским дворянам М. Р. Дивову
и П. С. Самарину в полк князя М. В. Скопина-Шуйского
от матери Марии Григорьевны и супруги М. Р. Дивова
Крутки с известием о жизни в осажденном Смоленске**

1609/1610 г.

От Марьи Григорьевны детем моим, Михайлу Романовичу да Павлу Стефановичу, от меня вам поклон. Как вас бог милует? Я ж здесе за свой грех адва жива, а сидим в асаде. Король пришел под Смоленск, бьет по городу и по хоромом день и ночь. И мы себе не чаем живота, и будем и мы помром, и вас бог простит. А дамашнем житьи не ведаем, а Третьякова жена и с детми со мною. И мы в осаде сели да Покрова за две недели.

Государю моему Михайлу Романовичю семьишка твоя Крутка с детми много челом бью. Буди, государь, здрав на многая лета, и мне бы, твоего государева здравия слышав, радоватися и очи твои в радости видети, И пожалуешь, государь, про нас похошь ведати, и мы, за грех своей, адва живы седим в осаде, а дамашнем житьи не ведаю. А сели, государь, в асад душею да телом. А крестьян я не ведаю, ни-весть живы, не ведаю, а живота собою не ввезла ничего. Ярья¹⁰⁰⁸, государь, никоторая не жата. Да пиши, государь Михаиле Романович, матушки, чтобы меня не покинула. Аз тебе, своему государю, мало пишу, много челом бью, а ржи с собою не везла.

На обороте надпись: Отдати грамотка в полки Михайлу Дивову или Павлу Самарину, смольяном.

КОММЕНТАРИИ

І. ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII ВЕКА)

Патриарх Иов. Повесть о житии царя Федора Ивановича

«Повесть» написана между 1598-м и 1605 гг. Автор ее — патриарх Иов. По замечанию публикатора и автора перевода «Повести» в Памятниках литературы Древней Руси (ПЛДР) академика А. М. Панченко, творческие установки и стиль Иова, писателя, не лишённого дарования, характерны для официальной литературы так называемого второго монументализма с ее жесткой этикетностью, пышной риторикой и даже демагогией (см. ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 560).

Иов создавал свое произведение, адресуя его не интеллектуалам, а «массовому читателю». Следуя жанру, он идеализировал своих героев — царя Федора Ивановича и Бориса Годунова. При этом убедительность этой идеализации должны были придать не только общепризнанные литературные приемы и образы, подкрепленные обращением к Писанию, но и «эксплуатация» стереотипов обыденного сознания, тех бесспорных ценностей, на которые ориентировался человек средневековья. С точки зрения изучения общественно-политической мысли, именно в этом аспекте данный памятник особенно интересен.

Текст печатается в сокращении по: ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков / пер. и комм. А. М. Панченко. М., 1987. Комментарии А. М. Панченко обозначены в настоящем издании пометой *А. П.*, дополнительные комментарии, связанные с тематикой Библиотеки общественной мысли, сделаны составителями настоящего тома.

¹ Иов (ум. 1607) — митрополит Московский и всяя Руси с 1586 г., первый русский патриарх с 1598 г. Из Старицких посадских людей, в миру Иван. В 1556 г. принял постриг, с 1571 г. — архимандрит Симонова, с 1575 г. — Новоспасского монастыря. В 1581 г. хиротонисан Коломенским епископом, с 1586 — архиепископ Ростовский. Блестящей церковной карьере обязан близостью с Б. Ф. Годуновым, верным сторонником которого он оставался до своего низложения. Избрание Б. Годунова на царство произошло при самом активном участии Иова. Он поддерживал многие начинания новоизбранного монарха, вел «пропагандистскую» войну с самозванцем. После неожиданной смерти Б. Годунова пытался поддержать его наследника, Федора Борисовича. При Лжедмитрии I «сведен» с патриаршества и отправлен простым старцем в Старицкий Успенский монастырь. В дальнейшем привлекался Василием Шуйским для избличения самозванца и его сторонников. Однако в силу возраста, болезней (в последние годы жизни Иов плохо видел) и недоверия царя к бывшему патриарху это участие было незначительным.

В 1652 г. по инициативе будущего патриарха Никона прах Иова перенесен в Успенский собор Московского Кремля. Канонизирован Русской Православной церковью. Перу Иова принадлежат несколько произведе-

ний, из которых самым значительным считается «Повесть о житии царя Федора Ивановича».

- 2 Согласно «Сказанию о князьях Владимирских», русские великие князья и родоначальник династии Рюрик происходили от Пруса, родственника императора Августа. Как известно, эта теория происхождения московской династии стала частью официальной самодержавной доктрины, возвышавшей родословие московских государей над соседними монархами. Позднее она была положена в основу «Степенной книги» — генеалогии русских царей. *Август* — Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, захвативший власть в Риме в результате упорной борьбы после убийства своего дяди, Юлия Цезаря.
- 3 *Федор Иванович* (1557–1598) — сын Ивана IV и Анастасии Романовой. По отзывам современников, был чрезвычайно богомолен и «мало имел собственного разума». В 1575 г. женился на Ирине Годуновой, сестре Б. Ф. Годунова. С 1584 г. — русский царь, последний представитель московской ветви Рюриковичей на престоле. В связи с коронацией Федора Ивановича созывался Земский собор. При нем основную роль в управлении государством стал играть Б. Ф. Годунов, шурин Федора Ивановича.
- 4 *Иван Васильевич IV Грозный* (1530–1584) — сын великого князя Василия Ивановича и Елены Глинской. Великий князь Московский и всея Руси с 1533 г., царь с 1547 г. Став царем, Иван Грозный предпринял ряд реформ, сменившихся политикой объединения страны путем опричных репрессий, укрепления деспотической самодержавной власти. Почти в течение всего царствования Ивана Грозного шла затяжная Ливонская война за выход к Балтийскому морю. Царь известен как талантливый публицист. Был семь (по другим источникам — шесть) раз женат. От первого брака с Анастасией Романовой имел погибшего в младенчестве сына Дмитрия, сына Ивана, убитого самим царем в припадке гнева в 1581 г., и Федора, правившего после смерти отца с 1584 по 1598 г. Иов создает идеальный образ Ивана IV, царствование которого на самом деле во многом приуготовило кризис Смуты — первой гражданской войны в России.
- 5 *Василий III Иванович* — великий князь Московский и всея Руси (1505–1533). См. комм. 887.
- 6 *Иван III Васильевич* — великий князь Московский и всея Руси (1462–1505). См. комм. 886.
- 7 Дионисий, хиротонисанный на митрополию в 1581 г. из игуменов Хутынского монастыря, в октябре 1586 г. был лишен митрополичьей кафедры и сослан обратно на Хутынь, где и умер. Причина ссылки — под-

держка Дионисием антигoduновской группировки, которая настаивала на разводе царя с бездетной тогда Ириной Годуновой. — А. П.

- 8 Речь идет о причисленных к лику святых митрополитов всея Руси, считавшихся покровителями Московского государства, — Петре (ум. в 1326 г.), Алексее (ум. в 1378 г.), Ионе (ум. в 1461 г.). — А. П.
- 9 Создаваемый автором образ Федора Ивановича включал такие черты, как благочестие, религиозное рвение, кротость и милосердие. По мере сакрализации царской власти и ее носителя все это станет восприниматься современниками как неотъемлемая часть «царского служения», подтверждение богоизбранной природы царствующей династии. Не случайно после Смуты, нанесшей тяжелые удары по представлениям о благочестии правителей, первые Романовы с особым старанием презентовали себя как верные и послушные сыны церкви (см. напр. *Флайер М. С.* Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // Американская русистика. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998; *Андреев И. Л.* Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века. Новое время. М., 2008).
- 10 Речь идет о походах Ивана IV на Казанское и Астраханское ханство.
- 11 Здесь — крымские татары, постоянно совершавшие набеги на Московское государство. Особенно опустошительным стал поход крымцев в 1571 г., когда была сожжена Москва и захвачен огромный полон.
- 12 *Годунов Борис Федорович* (1552–1605) — царь (1598–1605). Начал карьеру стряпчим в опричном дворе, с 1576 г. — кравчий, ок. 1580 г., не достигнув тридцатилетнего возраста, стал боярином. Помимо личных качеств, карьерный рост обеспечила удачная женитьба на дочери виднейшего опричника М. Скуратова Марии Григорьевне. С начала царствования Федора Ивановича конюший (май 1584 г.) и фактический правитель государства. В 1598 г. избран на русский престол. Во внутренней политике пытался преодолеть кризис, постигший Россию к концу XVI в. Одновременно известен расправами со своими политическими противниками.
- 13 В конце XVI в. в лесостепной полосе («Дикое поле»), на самых опасных направлениях-шляхах развернулось активное строительство городов-крепостей (Ливны, Валуйки, Царев-Борисов, Елец, Воронеж, Белгород, Оскол, Курск и др.) и укреплений, призванных воспрепятствовать нападению татар на южные рубежи Русского государства.
- 14 Присоединение Сибири фактически произошло при царе Федоре. Были построены Тюменский острог, затем Тобольск (с первой в Сибири пра-

вославленной церковью), в 1592–1596 гг. — Пелым, Березов, Сургут, Тара, Нарым и Кетский острог. — *А. П.*

В 1588 г. был пленен хан Сеид Ахмат — последний правитель Сибирского ханства, после чего наследники Кучума признали власть Москвы. Именно эти события позволили русским государям внести изменения в титул и именоваться царями Сибирскими. При Борисе Годунове был изготовлен даже венец — «шапка Сибирская».

- 15 Иеремия II Транос — патриарх Константинопольский, решительный противник католичества и протестантизма. В 1588–1589 г. был в России, где дал согласие на учреждение патриаршества.
- 16 Имеется в виду упоминаемая в Библии и в апокрифах царица Савская, которая в поздней традиции была включена в число почитавшихся в Древнем Риме пророчиц-сивилл. — *А. П.*
- 17 Стремясь поднять престиж Русской Православной церкви, Борис Годунов затеял сложную игру с прибывшим константинопольским патриархом Иеремией. Последнему даже намекали на возможность его избрания на новую патриархию. Уступив домогательству Годунова, Иеремия пошел навстречу пожеланиям светской и церковной элиты. Тем не менее, в патриархи был рукоположен митрополит всяя Руси Иов, сторонник Годунова. Действия Иеремии вызвали недовольство восточных патриархов, «понизивших» статус патриарха всяя Руси. Учреждение патриаршества существенно повысило авторитет русской церкви, превратив ее из автокефальной в канонически самостоятельную.
- 18 Патриарху Константинопольскому Иеремии со свитой было разрешено выехать в Царьград только в конце мая 1589 г., после почти годичного житья в Москве и спустя четыре месяца после возведения Иова на патриаршество. Иеремия и его спутники получили громадное «жалованье» деньгами, мехами и проч. — *А. П.*
В исторической литературе существуют разные точки зрения относительно имени инициатора учреждения патриаршества в России. Большинство историков связывают начинание с именем Б. Годунова (см. напр.: *Скрынников Р. Г.* Государство и Церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. М., 1990. С. 350–351). Известный церковный историк Макарий считает инициатором переговоров митрополита Дионисия, предшественника Иова (см.: *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Книга шестая. М., 1996. С. 27–31). Следует отметить, что сама идея давно витала в воздухе.
- 19 Конюший — высшая дворцовая должность. Б. Годунов стал конюшим в 1584 г.
- 20 Борис Годунов в бытность и правителем, и царем развернул в столице грандиозную строительную деятельность. Китай-город был защищен

сильными укреплениями; на Красной площади, вдоль рва, поднялась еще одна стена; в Кремле был устроен водопровод; в Китай-городе соорудили каменные купеческие лавки, и т. д. Неофициальное «проименование» Москвы Царьградом имело целью продемонстрировать, что не захваченная османами столица Византии, а столица Руси, в соответствии с теорией «Москва — третий Рим», стала идеологическим и культурным центром греко-славянского Востока. — А. П.

- ²¹ Далее в повести рассказывается о ругодивском (нарвском) походе царя Федора Ивановича зимой 1589–1590 г. Русские войска заняли Ям, Копорье, Ивангород, но Нарва — главная цель кампании — осталась в руках шведов. В последующем длительные дипломатические переговоры сменялись военными действиями, не приносившими сторонам большого успеха. После смерти Юхана III шведский трон перешел не к его сыну, польскому королю Сигизмунду III, а к Карлу IX (дяде Сигизмунда III), ставшему непримиримым врагом Речи Посполитой. Тяготившаяся войной с Россией Швеция активизировала переговоры. Война завершилась заключением в мае 1595 г. Тявзинского договора, по которому Ям, Копорье, Ивангород и Корела были возвращены России.
- ²² Речь идет о шведах.
- ²³ В 1591 г. шведский король Юхан III заключил с Крымом наступательный союз против России. Однако союзники успеха не добились. Отбив набег орды, русское правительство в январе — феврале 1592 г. предприняло удачный поход в Карелию. — А. П. Юхан III (1568–1592) — шведский король из династии Ваза.
- ²⁴ Речь идет о походе крымцев на Москву в 1591 г.
- ²⁵ Езекия, согласно Библии, 13-й царь Иудейский, при котором в 14 г. его правления Иерусалим был спасен от нашествия войск ассирийского царя Сеннахерима молитвой пророка Исайи: «Пошел Ангел Господен, и порази в стане ассирийском сто восемьдесят тысяч» (4 Царств 19: 35–37).
- ²⁶ Огромная армия крымского хана Казы-Гирея была остановлена в июле 1591 г. в районе Коломенского и Данилова монастыря. Иов без основания приписывает победу Б. Годунову, который на самом деле на военном поприще никогда не снискал больших лавров. Во время столкновения с крымцами он был вторым воеводой Большого полка (первым воеводой был назначен князь Ф. И. Мстиславский). Впрочем, будучи умелым администратором, он сыграл большую роль в мобилизации сил для отпора крымским полчищам. В литературе последних лет подчеркиваются личные заслуги царя Федора в отражении нашествия (см. напр.: *Морозова Л. Е.* Два царя: Федор и Борис. М., 2001. С. 134).
- ²⁷ Речь идет о Скородоме — деревянно-земляном укреплении, протяженностью 15,6 км, кольцом охватившем Москву, включая Замоскворечье.

Построен в необычайно короткие сроки — 1591–1592 г., с чем и связано происхождение названия.

- 28 Речь идет о так называемом гуляй-городе, подвижной крепости на возах или телегах, за стенами которой укрывалось вооруженное пушками войско. Гуляй-город был эффективным средством борьбы с татарской конницей. Изобретение его приписывается современниками князю И. М. Воротынскому; впервые использован им в сражении с татарским ханом Девлет-Гиреем 1 августа 1572 г. — *А. П.*

Историки военного дела в России указывают на более раннее использование подобных передвижных крепостей в борьбе с кочевниками.

- 29 Скиния — палатка, шатер. В Свящ. Писании — священное здание, устроенное Моисеем по повелению Божию для религиозных служб (Исх 33: 7).
- 30 Восприятие Богородицы как заступницы сформировалось еще в Византии в связи с культом иконы Влахернской Божьей Матери, которой приписывалось чудесное избавление Царьграда от дружин русов в 866 г. В текстах, составленных древнерусскими книжниками, формулируется идея особого покровительства Богоматери Русской земле. «Обрусение» богородичного культа отразила легенда о переселении Богоматери на Русь — «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей матери» (см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 421–422). Богородичный культ небесной покровительницы стал национальным общерусским культом, к которому особенно часто обращались в годину бедствий и катастроф.
- 31 Иов, близкий сподвижник и тезка (по иноческому имени) первого русского патриарха, в 1572 г. был настоятелем Спасо-Евфимиева монастыря. В конце 1585-го или в 1586 г. хиротонисан в епископа суздальского. Ниже он назван архиепископом, но это анахронизм, поскольку Иов был наименован архиепископом в 1592 г., а описываемое событие (посылка икон) происходило в последних числах июня 1591 г. — *А. П.*
- 32 Имеется в виду поход Тимура (Темир-Аксака, т. е. Железного Хромца) 1395 г., когда, разграбив Елец и две недели простояв у Дона, Тимур повернул обратно. Спасение Руси от нашествия было приписано чудесному заступничеству иконы Владимирской божьей матери. — *А. П.*
- 33 *Моисей* — основоположник религиозного почитания еврейского бога Яхве. Возглавлял исход евреев из Египта (Исх 1: 17).
- 34 Речь идет о победе израильтян над царем амаликитян, о которой на вершине холма молил бога Моисей. «И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль; а когда опускал руки свои, одолевал Амалик; И были руки его подняты до захождения солнца». Исх 17: 11–12). — *А. П.*

- ³⁵ Надежды Казы-Гирея с ходу взять Москву не оправдались. Но и русские полки не спешили выходить в поле, укрывшись в укрепленном обозе. Вперед были брошены конные сотни, которым было приказано «травиться» с крымцами. Весь день 4 июля прошел в непрерывных стычках, не давших преимущества ни одной стороне. Но к ночи татары получили ложное известие о подходе к Москве «новгородской рати», которая должна была с ходу обрушиться на ханские полки. Усилившийся артиллерийских обстрел — Борис Годунов приказал стрелять из орудий не только днем, но и ночью, — заставил Казы-Гирея поверить дезинформации. Поспешное отступление крымцев местами превратилось в паническое бегство, подробности которого приводит в своей повести Иов.
- ³⁶ Освященный собор — собор высших иерархов церкви, епископов и архимандритов наиболее почитаемых монастырей.
- ³⁷ Имеется в виду война Византии и Персии (613–628), в которой император Ираклий победил и казнил шаха Хосрова II. Победа византийцев была приписана чудесному вмешательству той же Владимирской иконы, оригинал которой, по преданию, написал евангелист Лука.
- ³⁸ Речь идет о Донском монастыре, основанном царем Федором Ивановичем в память о спасении Москвы от нашествия крымского царя Казы-Гирея. Как видно из текста, место было выбрано там, где располагался главный стан русского войска с походной церковью Сергия Радонежского. В ней и находилась привезенная в полки Донская икона Божией матери. Обитель стала одной из звеньев в оборонительной системе Москвы, прикрыв Калужскую дорогу.
- ³⁹ Восприятие божественной природы в христианстве соотносилось со светом. В огненном облике Творец предстает в Ветхом Завете. В различных уподоблениях свету и солнцу описан в новозаветных текстах Христос, воплощающий слепящее солнце истины (см.: *Цодикович В. К.* Русское церковное искусство XVIII — начала XX в. Ульяновск, 1991. С. 144–145).
- ⁴⁰ Согласно библейской легенде, по молитве «смертельно болевшего» Езекии Бог исцелил его и прибавил 15 лет жизни. — *А. П.*
- ⁴¹ Особенный состав из благовонных веществ для священного помазания. Осмысливается как «дар благодати Св. Духа чрез образ елєя» во время совершения таинств и церемонии венчания на царство. В XVII в. для миропарения из Аптекарского приказа отпускали янтарь, корицу, корень азарт, ладан росный, мед, гуляфную (розовую) водку (АИ. Т. III. № 292). В 1667 г. в состав миро входило до 53 компонентов, в 1681 г. — 64. См.: Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. М., 1995. С. 76–95.

- ⁴² Согласно житийной литературе, смерть истинного праведника сопровождалась просветлением. Тихая, просветленная кончина — «неоспоримое» свидетельство благочестия царя Федора Ивановича, его угодности Богу. В контексте повести его воля относительно судьбы престола становится проявлением божественной воли.
- ⁴³ Ближайшая по смыслу цитата: «Когда ты пойдешь, они будут руководить тебя; когда ляжешь спать, будут охранять тебя; когда пробудишься, будут беседовать с тобою» (Прит. 6: 22).
- ⁴⁴ *Авраам* — библейский патриарх, заключивший завет с Яхве. Родоначальник измаильтян, евреев и арабов. Авраам первым порывает с язычеством и считается «отцом верующих».
- ⁴⁵ Это версия Годунова, одним из создателей которой, бесспорно, был патриарх Иов. На самом деле царь Федор ни письменно, ни устно не распорядился о наследовании престола. Есть свидетельства, что жене он наказал постричься: Ирина исполнила завет мужа. — *А. П.*
- Годунова* Ирина Федоровна (ум. 1603) — сестра Бориса Годунова, с 1575 г. жена царевича Федора Ивановича, с 1584 г. — русская царица. После смерти Федора в январе 1598 г., по предложению Б. Годунова, бояре присягнули Ирине, но она на девятый день после кончины мужа отказалась от царства и выехала из Кремлевского дворца в Новодевичий монастырь, где и приняла монашество под именем Александры. Инокания-царица не покидала обитель до самой своей смерти в сентябре 1603 г.
- ⁴⁶ Это не метафора, а факт. «Вскрытие гробницы показало, что покойника обрядили в скромный мирской кафтан, перепоясанный ремнем, и даже сосуд для миро ему положили не по-царски простой» (*Скрытников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1978. С. 106). Однако нельзя из этого факта делать вывод, будто «Федор умер в полном небрежении... «Освященный» царь, проведший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения. А между тем в роду Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времени Василия III и Ивана IV. Но с Федором начали обращаться как с брошенной куклой еще до того, как он испустил дух» (Там же). На самом деле тело Федора облачили в строгом соответствии с чином погребения мирянина: «рубище» — это саван из грубой ряднины, а «плат» — так называемый главотяжец. То, что Федор отказался от пострига, говорит о непоказном благочестии царя: и дед, и отец его, и потом Б. Годунов (в иночестве Боголеп), как и большинство русских людей, считали, что предсмертный постриг облегчает «вход в царство небесное». Федор обошелся без этого. — *А. П.*
- ⁴⁷ О том, как Иосиф с братьями оплакивал отца, рассказывается в заключительной, 50-й, главе библейской книги Исход. — *А. П.*

Иное сказание

Название этому литературному памятнику было дано его первым публикатором И. Д. Беляевым. Произведение располагалось в сборнике следом за «Сказанием» А. Палицына. Безвестный составитель книги, имея в виду произведение А. Палицына, оговорился во вступлении, что за «той же первой истории последует вторым сказанием, иже в первой скращено, zde же приполнено, и где в первой полно, здесь же скратно писано. Инаго творения». И. Д. Беляев, разделив точку зрения составителя, невольно, даже в названии, противопоставил новооткрытое произведение знаменитому творению Палицына.

Будучи компилятивным произведением, «Иное сказание» включило в себя повести и документы приказного происхождения, в которых отразилась история различных этапов Смуты. При рассказе о времени Федора Ивановича и Бориса Годунова компилятор использовал несохранившийся список «Повести како отомсти» и «Житие Димитрия царевича». В первую часть также вошли документы времен Лжедмитрия I и В. Шуйского, включая две окружные грамоты и клятвоцеловальную запись последнего. В рассказ об осаде Москвы отрядами Болотникова, нарушая хронологическую последовательность, включена «Повесть о видении некоему мужу духовному» протопопа Терентия, призванная подчеркнуть особую роль покаяния в борьбе со сторонниками Димитрия.

И. И. Смирнов отмечал, что при описании истории восстания Болотникова (до победы повстанцев над войсками В. Шуйского под Калугой) компилятор воспользовался неизвестным произведением, появившимся вскоре после описанных событий. Высказано мнение, что это часть не дошедшей до нас в оригинальном виде повести о Смуте, известной также автору Хронографа редакции 1617 г.

Первоначальный список «Иного сказания» возник, по-видимому, в 1620-х гг., но не ранее 1619–1620 г., поскольку составителю известно о возвращении из польского плена И. И. Шуйского (Шуйский-Пуговка). Между тем он ничего не говорит о перенесении на родину праха В. И. Шуйского (1635), — условии, специально оговоренном при заключении Поляновского мира 1634 г. (см. комм. 474). Едва ли, учитывая интерес компилятора к Шуйским, это случайность. В настоящее время выдвинуто предположение, что «Иное сказание» возникло в ходе подготовительных работ над новой редакцией Хронографа (Хронограф редакции 1620 г.), призванной воплотить «романовскую версию» событий Смуты и ее оценки, и в частности лояльно-сдержанное отношение к правлению В. Шуйского. При этом, разумеется, из используемых источников даже времен В. Шуйского (к примеру, уже упоминаемой «Повести како отомсти», памятника ранней публицистики Смутного времени, созданного в начале лета 1606 г. для дискредитации царя Бориса и самозванца) отбирается все, что обличает расстригу, включая выступление против него будущего «боярского царя».

В последующем «Иное сказание» было буквально разобрано по частям авторами хронографов, летописей и исторических повестей. И дело не только в содержании и адекватности оценок произведения утвердившейся официальной «версии» Смуты. Близки и понятны для читателя оказались объяснения и представления, сформулированные составителем. В этом смысле памятник — это и отражение общественно-политических стереотипов того времени, и то, что способствовало их распространению и упрочению среди населения Московского государства.

Вошедшая в состав «Иного сказания» первая редакция «Повесть како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову» появилась в мае–июне 1606 г. с целью развенчания Лжедмитрия I и прославления только что вступившего на престол В. Шуйского. Так определилась политическая направленность произведения, которое в противовес «Сказанию» А. Палицына прославляло В. Шуйского. Автор «Иного сказания» не ограничился простым заимствованием «Повести», переработав отдельные эпизоды в плане еще более резкого осуждения Годунова и возвеличивания В. Шуйского. Самому воцарению «боярского царя» придана бесспорная легитимность, которая придавала абсолютную законность его борьбе со всеми искателями российского престола. Текст печатается в сокращении по: Смута в Московском государстве. Россия начала XVII столетия в записках современников / Сост. А. И. Плигузов, И. А. Тихонюк; пер. и комм. А. И. Плигузова. М., 1989. С. 24–59. Комментарии А. И. Плигузова выделены пометой *А. П.* Дополнительные комментарии сделаны составителями настоящего тома.

⁴⁸ *Дмитрий Иванович* (1582–1591) — царевич, сын от последнего брака царя Ивана IV Грозного с М. Ф. Нагой. После смерти отца в 1584 г. царевичу Дмитрию был дан в удел Углич. Там он находился вместе с матерью до своей гибели 15 мая 1591 г., происшедшей при невыясненных обстоятельствах. Позднее, в начале XVII в., его имя не раз было использовано самозванцами, из которых наиболее известен Лжедмитрий I — Г. Отрепьев. В 1606 г., чтобы пресечь слухи о чудесном спасении «царственного отрока», была проведена канонизация и перезахоронение мощей новоявленного святого в Архангельском соборе Московского Кремля, усыпальнице московских великих князей и царей.

⁴⁹ *Нагая* Мария Федоровна (ок. 1562 — до 1616), дочь окольничего «особого двора» Ивана Грозного Ф. Ф. Нагого (см.: *Леляев И. С.* К родословию Нагих // Известия Русского генеалогического общества. 1909. Т. 3). Царица, последняя супруга Ивана IV (свадьба состоялась 6 сентября 1580 г.), мать царевича Дмитрия. После смерти 15 мая 1591 г. царевича и волнений в Угличе была насильно пострижена в монахини под именем Марфы и отправлена в Никольский монастырь на реке Выксе, близ города Череповца. Летом 1605 г. принуждена была публично признать Г. Отрепьева своим сыном, царевичем Дмитрием, якобы спасшимся от убийц Б. Году-

нова. «Благословение» мнимой матери, несомненно, повлияло на умы современников и укрепило позиции Лжедмитрия. Между тем отношения «матери» и «сына» складывались далеко не безоблачно. Марфа была оскорблена намерением самозванца разорить могилу царевича Дмитрия в Угличе, для того чтобы навсегда покончить с легендой о его якобы гибели. После убийства самозванца выступила с его разоблачением. Относительно времени смерти Марфы в литературе существуют разногласия.

- ⁵⁰ *Юрьева* Анастасия Романовна (ок. 1530–1560) — царица, первая супруга царя Ивана IV, мать царя Федора Ивановича. Родство с ней стало основанием для династических претензий Романовых, родственников первой царицы.
- ⁵¹ *Шуйский* Иван Петрович (ум. 1588) — князь, боярин. Будучи наместником и воеводой в Пскове, сыграл выдающуюся роль в отражении польско-литовских войск в 1581–1582 гг. Член регентского совета при царе Федоре Ивановиче. Возглавлял антигодуновскую дворцовую «партию». В 1587 г. попал в опалу, насильственно пострижен в Кирилло-Белозерском монастыре, затем убит приставом.
- ⁵² *Мстиславский* Иван Федорович (ум. 1586) — князь, боярин, по матери троюродный племянник Ивана IV. Возглавлял походы на Казань (1552) и Ливонию. С делением страны на опричнину и земщину стоял во главе земщины. Член регентского совета. Проиграв в борьбе с Б. Годуновым, удалился в Кирилло-Белозерский монастырь.
- ⁵³ *Юрьев* Никита Романович (ум. 1586) — боярин, отец боярина Федора Никитича (патриарха Филарета), дед царя Михаила Федоровича Романова. Происходил из старомосковского боярского рода, брат первой царицы Анастасии Романовны. Член регентского совета при царе Федоре Ивановиче. По старости отошел от дел, уступив место своему союзнику Б. Годунову.
- ⁵⁴ Автор намеренно исключил из состава регентского совета шурина Федора Ивановича Бориса Годунова, определив таким образом свои политические симпатии.
- ^{54а} Здесь ошибка, должно быть 31 мая.
- ⁵⁵ Регентский совет, опасаясь политических амбиций родственников последней царицы Марии Нагой, поспешил удалить царевича Дмитрия Ивановича «на удел» в Углич (последним удельным князем здесь был Андрей Васильевич Большой, брат Ивана III) за неделю до венчания Федора на царство. Еще ранее были разосланы на дальние воеводства родственники вдовой царицы М. Нагой (см.: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб., 1992. С. 29–47).

- ⁵⁶ Речь идет о московском восстании 14 мая 1586 г. Посадские люди окружили Кремль, а Шуйские обратились к царю с челобитьем о разводе с бездетной Ириной и о заключении нового брака, который мог бы принести государству наследника. В данном случае не Борис «замышлял зло» против «всенародного собрания», а требование Шуйских подрывало позиции Годунова — брата бездетной Ирины. Борису удалось справиться с положением, заключив временное соглашение с Шуйским и казнив зачинщиков волнений — купцов Ф. Нагая и некоего Голуба «с товарищи». — А. П.
- ⁵⁷ Клан Шуйских был одним из немногих, который относительно благополучно вышел из огня царствования Ивана Грозного. Это обстоятельство, наряду с родословным первенством среди Рюриковичей и Гедиминовичей, и дало им возможность в годы Смуты претендовать на власть. Автор «Повести како отомсти» упрощает полную драматизма борьбу Шуйских с Б. Годуновым. Опираясь на приязнь Федора Ивановича к царевне И. Годуновой, Борис Федорович взял в ней верх и в конечном итоге устранил И. П. Шуйского. Любопытно, что в последующем В. Шуйский отказался от прямого противостояния правителю Годунову, выказывая лояльность до такой степени, что был назначен главой следственной комиссии, отправленной в Углич расследовать дело о гибели царевича Дмитрия (см.: *Зимин А. А.* Состав боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1969. С. 18–29 и др.; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969; *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991).
- Василий IV* Иванович Шуйский (1553–1612) — князь, царь в 1606–1610 гг. Из суздальских Рюриковичей. Входил в состав «особого двора» Ивана IV, участвовал в Ливонской войне, боярин с 1584 г. В 1586–1587 гг. сослан в Галич, затем был возвращен ко двору. В 1590-х гг. и начале XVII в. воевода в Новгороде, неоднократно назначался воеводой в государевом войске. В 1591 г. возглавлял следственную комиссию по делу о смерти царевича Дмитрия. В 1604 г. был послан с подкреплением к войску, отправленному против Лжедмитрия I, нанес ряд поражений войскам самозванца. После воцарения «Дмитрия Ивановича» едва не был казнен по обвинению в заговоре. 17 мая 1606 г. принял активное участие в низложении самозванца и сменил его на русском престоле. Правление царя В. Шуйского сопровождалось открытыми военными столкновениями различных сословий и политических группировок, вмешательством во внутренние дела Русского государства Речи Посполитой. В 1610 г. сведен с престола, умер в польском плену (см. комм. 473, 474).
- Шуйский* Дмитрий Иванович (ум. 1612) — князь, младший брат царя В. И. Шуйского. Боярин с 1586 г., попал в опалу вместе с другими князьями Шуйскими и находился в ссылке в Шуе. В 1591 г. возвращен ко двору, в 1604 г. был назначен воеводою в войске, посланном против Лжедмитрия I. Во время царствования брата был одним из первых людей Мо-

сковского государства. В 1610 г., командуя войсками под Клушино, потерпел сокрушительное поражение от гетмана С. Жолкевского, что в конечном счете привело к низложению В. И. Шуйского. Умер в плену в Польше.

Шуйский Иван Иванович Пуговка (ум. 1638) — князь, боярин с 1598 г., брат царя В. И. Шуйского.

⁵⁸ Т. е. по именному царскому указу.

⁵⁹ С устранением Б. Бельского и удалением от дел и смертью Н. Р. Юрьева (1586) началась борьба за власть между Б. Ф. Годуновым и его сторонниками, с одной стороны, и И. Ф. Мстиславским и Шуйскими — с другой. Первый, впрочем, был скоро удален от дел, пострижен и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. В противостоянии с Годуновым Шуйские, популярные в среде посадского населения, пытались опереться на служилых людей и «торговых мужиков». Главная интрига была связана с попыткой Шуйских и поддерживавшего их митрополита Дионисия развести царя с бездетной царицей И. Годуновой. Затея не удалась. Царь был настроен Б. Годуновым против «партии» Шуйских. В 1587 г. в Москве произошло выступление низов против Годунова, спровоцированное, по видимому, Шуйскими. В результате розыска виновными были признаны А. И. и И. П. Шуйские. Оба отправились в ссылку, где и умерли. Большинство источников приписывают их кончину проискам Годунова, который не упустил случая расправиться над своими соперниками. Митрополит Дионисий, поддержавший «бездельное» челобитье, оставил митрополию и удалился в монастырь.

⁶⁰ Согласно Евангелиям (Мф. 26: 14–15; Мк. 14: 10–11; Лк. 22: 3–5; Ио. 13: 2), Иуда Искариот, один из ближайших учеников Иисуса Христа, предал своего учителя первосвященникам за 30 сребренников. Сравнение, в данном случае Б. Годунова, с Иудой — одно из самых страшных обличений в древнерусской литературе. Примечательно, что, если в других произведениях царя Бориса сравнивали со Святополком Окаянным, то Тимофеев уподобляет его Ироду.

⁶¹ Седьмой брак Ивана IV с М. Ф. Нагой не был признан церковью каноническим. Вопреки автору «Иного сказания», Дмитрий не был объявлен наследником русского престола. И лишь в борьбе с Б. Годуновым сомнительные права царевича обрели легитимные основания, превращая Бориса и его наследника в похитителей царского престола.

⁶² Молва признала непосредственными виновниками гибели Дмитрия дьяка Михаила Битяговского, которому поручен был надзор за царевичем и Нагими; Осипа Волохова, сына В. Волоховой, мамки царевича; Данилу Битяговского, сына дьяка М. Битяговского; Н. Качалова, племянника Битяговского. Угличане, созданные к месту происшествия набатом, по указанию Нагих убили всех подозреваемых во главе с дьяком. След-

ственная комиссия обвинила Нагих в подстрекательстве к мятежу. В результате после слушания дела в Думе царицу Марию насильно постригли и вывели в Никольский монастырь на реке Выксе близ Череповца. Нагих — Федора, отца царицы, и ее братьев — Афанасия, Михаила (его обвинили в организации убийства дьяка Битяговского), после пыток, сослали в отдаленные города. Жители города Углича подверглись разного рода наказаниям. Часть их была отправлена в ссылку в город Пелым. Официальная версия гласила, что царевич сам закололся ножом в приступе падучей.

- ⁶³ Затруднительно сказать, когда Борис Годунов «восхотел» царский престол. Несомненно, долгое время он довольствовался положением правителя, обладателя реальной власти в государстве. Ему необходимо было считаться с возможностью появления у царствующей четы наследника, что должно было не ослабить, а, напротив, укрепить его положение в силу родственных связей с Федором Ивановичем. Лишь с середины 1590-х гг., когда надежды на появление наследника окончательно рассеялись, Годунов всерьез должен был озаботиться своим будущим и будущим своей семьи.

Автор повести, последовательно выдерживая антигодуновскую направленность, изначально обвиняет Бориса Федоровича, «раба-завистника», в преступных намерениях захватить престол, преступив через Дмитрия и Федора Ивановича.

- ⁶⁴ Т. е. 1598 г.

- ⁶⁵ Версия об отравлении Годуновым царя Федора Ивановича характерна для памятников антигодуновской направленности. Об этом сообщает дьяк И. Тимофеев, прибавляя, правда, что об этом «глаголют... неции». То же известие находим в Псковской летописи, где говорится, что Федора Ивановича «отравою окорми» сестра жены Годунова «княгиня Димитриева Шуйского». В Латухинской Степенной книге сообщается, что царь «прият смерть от Борисова злостроства». В Морозовском летописце приводится уже целый рассказ об отравлении, с чисто баснословными подробностями. Очевидно, что разговоры об отравлении ходили среди современников. Больше того, они возникли при жизни Б. Годунова, что косвенно свидетельствует о силе оппозиции. Но уже Карамзин не верит этим слухам, справедливо указывая, что «летописцы достовернейшие молчат об этом».

- ⁶⁶ Восшествие Годунова на престол представлено как результат угроз и «пронырства» «лукавого» Бориса Федоровича. На самом деле первые выборы государя проходили в обстановке ожесточенной борьбы. «Конкурентом» Годунова выступил его недавний союзник, старший из «Никитичей», боярин Федор Никитич. Родство с покойным государем и тесные связи с первостатейными фамилиями делали Федора Никитича

опасным соперником. Годунов даже решился на время удалиться в Новодевичий монастырь, под «крыло» царицы-инокини Александры (И. Годуновой), публично демонстрируя свою «незаинтересованность» в престоле. Впрочем, на избирательном соборе 1598 г. обсуждалась лишь одна кандидатура Б. Годунова. Большое значение для правителя имела поддержка патриарха Иова и контроль над приказным аппаратом и армией.

- ⁶⁷ Царица И. Годунова в середине января удалилась в Новодевичий монастырь, где приняла постриг. Оставаться инокиней-правительницей она согласилась лишь до Земского собора, который выберет нового царя.
- ⁶⁸ *Фока Мучитель* — византийский император (602–610). Возглавив восстание войск, взял Константинополь и убил императора Маврикия. Под предлогом мести за своего друга и опекуна Маврикия персидский шах Хосрой II вступил в войну с Фокой, заставив последнего заключить унижительный мир с аvarами и двинуть войска в Азию, тем самым открывая Балканы для нашествия славян. Византийцы были также вытеснены из Месопотамии, потеряли Малую Азию до Халкидона, Финикию и Палестину. Фока был растерзан народом при известии о прибытии к Константинополю будущего императора Ираклия с войском.
- ⁶⁹ 17 февраля 1598 г. Земский собор по предложению патриарха Иова выбрал на царский престол Б. Ф. Годунова. Однако живший при Ирине-Александре Б. Годунов отказался от престола. В ответ патриарх организовал 21 февраля, на второй день Сырной недели, многолюдные шествия в Новодевичий монастырь с целью «умолить» Бориса венчаться на царство. К воротам обители из Успенского собора Кремля была принесена особо почитаемая икона Владимирской богородицы, написанная, по преданию, евангелистом Лукою. Разыгранный спектакль превращал Бориса в «сопротивника» не только воли всей земли, но и божественной воли. Инокня-правительница призвала брата подчиниться выбору и благословила на царство. Под таким «давлением» страстно мечтавший о власти Годунов «уступил».
- ⁷⁰ Обвинения в адрес Годунова — следствие позиции автора. На самом деле первые годы царствования умного и опытного политика были вполне благополучными. Оказавшись на престоле, Борис попытался консолидировать вокруг себя высшие общественные страты, добиться политической стабильности. Этого, однако, не удалось достигнуть. Продолжавшиеся интриги побудили его преподать показательный урок своим недругам. В 1600 г. Романовы были обвинены в заговоре — покушении на государево здоровье (чрезвычайно болезненная для часто недомогавшего Бориса тема). Последовавшая опала обернулась разгромом семьи: соперник Годунова боярин Федор Никитич был насильственно пострижен (впоследствии, имея в виду положение Филарета, противники Романо-

вых стали с долей пренебрежения называть сына будущего патриарха, царя Михаила Федоровича, «поповичем»), трое братьев сосланы (в живых остались только Филарет и его младший брат Иван Никитич). Вместе с теткой был отправлен под Новгород пятилетний Михаил Федорович, сын Филарета, будущий первый царь из династии Романовых. Пострадала многочисленная родня и свойственники Романовых. Тем не менее утверждение автора повести о массовой расправе Годунова над «многими боярами и вельможами» преувеличено. См.: *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. Пг., 1921; *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1978; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986; *Козляков В.* Смута в России. XVII век. М., 2007.

- ⁷¹ В библейской Книге Бытия описана кара, которой Господь подверг города Содом и Гоморру. Жители этих городов погрязли в содомском грехе: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь... и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастания земли» (Быт. 19: 24–25). — *А. П.*
- ⁷² *Отрепьев* Григорий — самозванец, выдававший себя за чудесно спасшего царевича Дмитрия Ивановича. Настоящее имя — Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве — Григорий. Происходил из мелких галицких дворян, был холопом у бояр Романовых. После опалы последних принял постриг и жил в Чудовом монастыре. По свидетельству самого патриарха Иова, не раз бывал на патриаршем дворе «для книжного письма». В 1602 г. бежал в Речь Посполитую, где объявил себя царевичем Дмитрием. Получил поддержку части польских магнатов, Сигизмунда III и папского нунция. В октябре 1604 г. вторгся в пределы Русского государства. Противники Б. Годунова увидели в нем орудие низвержения выбранного царя. После неожиданной смерти Годунова и перехода на сторону «царевича» армии вошел в Москву и занял «прародительский престол». Свергнут и убит во время переворота 17 мая 1606 г. Бесспорна талантливость этого авантюриста, человека живого, сметливого, способного на поступок.
- ⁷³ Часовник — книга, где изложены суточные церковные службы часов, полунощницы, утрени и вечерни. Псалмы Давидовы — Псалтырь, служебная книга, где наряду с псалмами Давида приводятся наиболее употребительные молитвы и чинопоследования. — *А. П.*
- ⁷⁴ *Пафнутий* — архимандрит Чудова монастыря, впоследствии Крутицкий митрополит. В источниках обвинен в том, что, зная Г. Отрепьева, подвизавшегося в дьяконах в его обители (в извете Варлаама приведены слова Отрепьева, что тот будто бы жил в келье Пафнутия), при пришествии того в Москву в 1605 г. не избличил самозванца. Молчание Пафнутия было высоко оценено Лжедмитрием, при котором архимандрит был возведен в митрополичий сан. В литературе, однако, высказано предположение, что в действительности после объявления самозванца

в Речи Посполитой Пафнутий попал в опалу (см.: *Ульяновский В.* Смутное время. М., 2006. С. 114–115).

- ⁷⁵ Сказание повествует о странствиях будущего самозванца до его бегства за рубеж. Все это дало основание некоторым исследователям говорить о неизвестных высоких покровителях Отрепьева, исподволь готовивших его к роли царевича. См.: *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России... С. 29–30.

- ⁷⁶ *Арий* (ум. 336) — александрийский священник, основатель арианства — течения в христианстве, отвергавшего догмат, что Бог-Сын (Христос) единосущен Богу-Отцу. Арианство было осуждено как ересь.

- ⁷⁷ Общежитийный монастырь — монастырь, где имущество братии обобществлено и всеми духовными и хозяйственными вопросами. — *А. П.*

- ⁷⁸ В начале 1602 г. во время голода Г. Отрепьев вместе с товарищами В. Яцким — будущим автором «извета» — и Мисаилом перебрался в Новгород Северский, а затем в Речь Посполитую.

- ⁷⁹ Крестец — перекресток.

- ⁸⁰ См. комм. 8.

- ⁸¹ Сборник сказаний об основателях Киево-Печерского монастыря и первых его подвижниках XI–XIII вв.

- ⁸² Здесь: попечитель, блюститель порядка, настоятель монастыря. — *А. П.*

- ⁸³ Крылос (клирос) — в церкви так называется огороженное перед иконостасом место для певчих. — *А. П.*

- ⁸⁴ Князья Острожские — крупнейшие магнаты Речи Посполитой. Центром их владений был город Острог. Острожские — одни из немногих магнатов, сохранявших долгое время приверженность православному вероисповеданию. Отрепьев надеялся получить поддержку у князя В. Острожского, однако принужден был искать других покровителей.

Острожский Василий (ум. 1608) — князь, Рюрикович. Воевода киевский, маршал волынский, староста владимирский. Основатель знаменитой Острожской типографии, ярый противник унии.

- ⁸⁵ *Вишневецкий* Адам (ум. 1621) — князь, литовский магнат, которому самозванец поведал «тайну» своего происхождения. Оказывал активную помощь Г. Отрепьеву в Речи Посполитой, присутствовал в Москве на свадьбе Лжедмитрия I. Требовал возместить расходы на содержание самозванца в Польше. Позднее оказал помощь Лжедмитрию II, прибыв с вооруженным отрядом в Брянск.

- ⁸⁶ *Сигизмунд III Ваза* (1566–1632) — польский король, сын шведского короля Юхана III и племянник по женской линии последнего польского короля из дома Ягеллонов Сигизмунда II. Избран на престол в 1587 г.. В 1592–1599 гг. шведский король, низложенный протестантской оппо-

зицией. Выставлял свою кандидатуру на русский трон в 1598 г. При появлении первого самозванца в Польше занял враждебную Годунову позицию, надеясь использовать «царька» против Москвы. Он тайно поддерживал самозванца и не препятствовал ему в сборе войска для похода в Россию. Серьезную угрозу представляли намерения Сигизмунда расширить территорию Речи Посполитой за счет Московского государства. Воспитанник иезуитов, он рассматривал свою политику в отношении восточного соседа как часть священной миссии распространения католичества: при нем состоялась Брестская уния (1596) и началось масштабное наступление на православную церковь на Украине и в Белоруссии. Не отказываясь от своих претензий на шведский престол, Сигизмунд III в продолжении всего правления враждовал со Швецией. В свою очередь, это обстоятельство наложило свой отпечаток на течение Смуты в Русском государстве. Многие шаги польского и шведского правительств в России, в том числе заключение мирных договоров, следует рассматривать не только через призму борьбы двух государств за лидерство в Восточной Европе, но и как непримиримое династическое соперничество. Из-за абсолютистских устремлений имел натянутые отношения с польской и литовской знатью, ревностно следившей за тем, чтобы королевская власть не получила, благодаря действиям Сигизмунда III, каких-либо преимуществ. Именно под таким углом зрения аристократия воспринимала восточные планы Сигизмунда III, подозревая его в намеренье использовать завоевания для усиления собственной власти и стеснения прав и привилегий магнатов и шляхты.

Крупнейшим выступлением против Сигизмунда III стал «рокош» краковского воеводы Зебжидовского, многие участники которого после подавления выступления устремились в Россию под знамена Лжедмитрия II. Сам Сигизмунд III мечтал о русском престоле и с неохотой согласился с тем, чтобы сын Владислав, по предложению бояр, занял его.

⁸⁷ Паны рада, паны радные — аристократический совет при польском короле, сенат. Употребляется иногда для определения сенаторов.

⁸⁸ *Мнишек* Юрий (ум. 1613) — староста львовский и самборский. Активно поддерживал Лжедмитрия I, особенно после того, как было заключено тайное соглашение о браке самозванца с его дочерью М. Мнишек. Прибыв в мае 1606 г. на свадьбу дочери в Москву, оказался плененным в результате восстания. Был сослан в Ярославль, откуда по соглашению с В. Шуйским возвращен на родину. Одно время поддерживал Лжедмитрия II.

⁸⁹ *Мнишек* Марина (1588/89–1614) — дочь польского магната Ю. Мнишека. В ноябре 1605 г. была обручена в Кракове с «царем Дмитрием Ивановичем», особу которого представлял дьяк А. Власев. В мае 1606 г. в Москве во время коронации была миропомазана по православному обряду

(это дало основание православным считать, что первая коронованная царица приняла православие, тогда как католики и сама Марина считали, что сохранили свою прежнюю веру. См.: *Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России.* М., 2003. С. 187–210). После убийства самозванца сослана В. Шуйским в Ярославль. В 1608 г., возвращаясь на родину, примкнула к Лжедмитрию II, публично признав его своим спасшимся мужем. Политический сговор был закреплен тайным венчанием «Тушинской царицы» со вторым самозванцем. После гибели последнего попыталась играть самостоятельную роль, выдвигая претендентом на московский престол своего сына Ивана, родившегося в январе 1611 г. («Воренка»). В 1612 г. вместе с покровительствующим ей И. М. Заруцким бежала на юг, вознамерившись создать здесь «суверенное царство». Летом 1614 г. была выдана казаками вместе с сыном и И. М. Заруцким правительству Михаила Федоровича. Заточена в Коломне, где и умерла. См.: *Козляков В. Н. Марина Мнишек.* М., 2004.

- ⁹⁰ Далее следует рассказ о подготовке и походе первого самозванца на Москву. Автор достаточно точно определяет круг его участников. Помимо наемников, которых Отрепьеву удалось наберечь в Речи Посполитой, он получил поддержку со стороны запорожских и донских казаков. Последние активно участвовали в событиях Смуты именно в первый ее период, поскольку были чрезвычайно недовольны преследованием со стороны Б. Годунова и его попытками поставить под контроль Войско Донское. Авантюра Лжедмитрия открывала перед казаками неожиданную возможность покарать с новоизбранным царем.

Наступление Лжедмитрия шло через западные окраинные земли, традиционного места скопления социально активных, недовольных элементов. Первоначальные успехи Лжедмитрия, наряду с особенностями воздействия царистской идеологии, могут быть объяснены именно этим обстоятельством. Имя царевича Дмитрия стало центром притяжения всех тех, кто стремился изменить свой статус, избавиться от обременительных податей и повинностей, неразрывно связанных с именем Б. Годунова. Вот почему пограничные города раскрывали перед самозванцем въездные ворота почти без боя. Так пал Чернигов, главный из пограничных «городов от Литовкии украины».

- ⁹¹ Одно из главных обвинений эпохи Смуты — обвинения в связях с папой. Поддержка папой и польским королем Сигизмундом III первого самозванца носила все же ограниченный и, по мере возможности, скрытый характер. Сравнительно немногочисленное войско Лжедмитрия могло одерживать победы не столько потому, что было сильно (хотя наемные польские и литовские хоругви отличались выучкой и боеспособностью), сколько потому, что в правительственном лагере не было единства. «Коррозия» гражданской войны уже тронула армию Годунова.

- ⁹² Т. е. в 1604 г.
- ⁹³ 13–15 октября 1604 г. Лжедмитрий I с трехтысячным войском переправился под Киевом у Вышгорода через Днепр и вступил в пределы Московского государства.
- ⁹⁴ Т. е. в 1604 г.
- ⁹⁵ Сдача Моравска Лжедмитрию I произошла 21 октября 1604 г., спустя неделю после того, как войско самозванца вошло в пределы Московского государства. Крепость была взята отправившимся вперед отрядом запорожских казаков. Жители Моравска, получив грамоты от имени царевича Дмитрия, добровольно перешли на сторону самозванца, выдав ему воевод Б. Лодыгина и Е. Безобразова.
- ⁹⁶ Здесь ошибочно: не Муром — Моравск.
- ⁹⁷ Чернигов был взят казаками, посланными от войска Дмитрия. В отличие от Моравска, черниговцы организовали сопротивление во главе с воеводой князем И. Татевым. Но большинство посадских людей перешли на сторону царевича Дмитрия. Самозванцу были выданы воеводы князь И. А. Татев, князь П. М. Шаховской и И. С. Воронцов-Вельяминов. После сдачи город был разграблен казаками, что привело к конфликту между ними и Дмитрием, пытавшимся, опираясь на польское войско, вернуть награбленное черниговцам.
- ⁹⁸ О сдаче Рыльска и захвате здешнего воеводы А. Загряжского самозванца известили 24 ноября 1604 г. Чуть позднее пришло известие о сдаче Курска, а 3 декабря на сторону «царевича» перешли Кромы. В январе 1605 г. Лжедмитрий I занял Севск.
- ⁹⁹ Под Новгород-Северский войско Лжедмитрия пришло 12 ноября 1604 г. Руководившие обороной города воеводы сожгли посад и впустили жителей в крепость. Войско Лжедмитрия I задержалось под Новгород-Северским на несколько недель, так как не имело достаточно сил и пушек, чтобы взять город приступом.
- ¹⁰⁰ *Трубецкой* Никита Романович (ум. 1608) — князь, воевода. В 1584 г. получил боярство, был близок к Б. Годунову, который поручил ему воеводство в «ключевом» городе-крепости Смоленске. Участвовал в обороне Новгород-Северского. В царствование Лжедмитрия I сохранил свое положение.
- ¹⁰¹ *Басманов* Петр Федорович (ум. 1606) — сын одного из самых известных опричников, Ф. А. Басманова. Окольный с 1600–1601 гг. В 1604 г. в продолжение трех недель оборонял Новгород-Северский от войск самозванца. За мужество и верность был обласкан Годуновым и пожалован в бояре. Ходили слухи, что нуждавшийся в энергичном помощнике Годунов обещал выдать за П. Басманова дочь Ксению. Ф. Б. Годунов послал его

приводить государево войско к присяге на верность новому царю. Однако это назначение было сделано без учета местнического положения П. Ф. Басманова в иерархии московских служилых людей: на более высокую должность, чем Басманов, был назначен князь А. Телятевский. По свидетельству Разрядной книги, узнав об этом, «Петр Басманов, падчи на стол, плакал с час, лежа на столе; а встав со стола, являл и бил челом боярам и воеводам всем: "...и я не хочу жив быти, смерть прииму лучше тово позору"». В результате П. Ф. Басманов и боярин князь В. В. Голицын сыграли большую роль в переходе армии на сторону самозванца.

Лжедмитрий отличал П. Басманова, поставив во главе такого важного ведомства, как Стрелецкий приказ. За близость к самозванцу Басманов и поплатился в ходе дворцового переворота в мае 1606 г. Защищая Лжедмитрия I, он был убит М. И. Татищевым (см. комм. 454).

¹⁰² *Мстиславский* Федор Иванович (ум. 1622) — князь, воевода, боярин с 1577 г. Один из самых родовитых людей, занимавший первенствующее положение в Боярской Думе, не обладавший, впрочем, реальной властью. Участник дворцовой борьбы в 1584–1587 гг., которая привела к поражению «партии» Мстиславских и пострижению отца Федора Ивановича, боярина И. Ф. Мстиславского. В 1604 г. был поставлен Годуновым во главе войска, направленного против самозванца. При самозванце продолжал занимать одно из первых мест в Думе, принял участие в заговоре против Лжедмитрия I. После падения В. Шуйского возглавил боярское правительство («семибоярщину») и поддержал договор об избрании королевича Владислава. Происхождение Ф. И. Мстиславского позволяло ему претендовать на престол Рюриковичей, однако он упорно уклонялся от подобных предложений.

¹⁰³ Лжедмитрий I узнал о приближении войска, посланного Б. Годуновым, 5 декабря 1604 г. Это войско состояло из пяти полков общей численностью около 25 тысяч человек, согласно его сохранившейся росписи, в нем служило 860 русских дворян из Государева двора. Главным воеводой был князь Ф. И. Мстиславский. Решающая битва, в ходе которой войско Б. Годунова потерпело поражение, состоялась 21 декабря 1604 г. Однако поражение не привело к падению Новгород-Северского. В начале января 1605 г., после отъезда польских войск из-за неуплаты жалованья, Лжедмитрий вообще был вынужден отступить от Новгород-Северского к Путивлю.

¹⁰⁴ Пространная редакция разрядных книг уточняет: «Сечен по голове во многих местех». — *А. П.*

¹⁰⁵ Следует заметить, что вопреки утверждению автора «Иного сказания», царские воеводы поспешили объявить о победе над самозванцем. Б. Годунов, спешивший выдать желаемое за действительное, принял эту

выгодную ему версию исхода сражения. Участники сражения получили золотые наградные монеты. Особо был отмечен главный воевода Ф. И. Мстиславский. На долю второго воеводы Д. И. Шуйского пришлось куда более скромные поздравления, что, по-видимому, свидетельствовало о недовольстве царем отсутствия «доблести» одного из Шуйских в борьбе с расстригой.

- ¹⁰⁶ Самозванец подошел к Добрыничам в начале января 1605 г. и был разбит. Автор «Иного сказания» отмечает заслуги московских воевод И. И. Годунова и В. И. Шуйского, однако не менее важную роль в сражении сыграл раненый Ф. И. Мстиславский. В пространной редакции разрядных книг дается красноречивое пояснение к итогам битвы: «Сочтено побитых людей 11 500 человек». — А. П.
- ¹⁰⁷ В результате битвы при Добрыничах, состоявшейся 20 января 1605 г., Лжедмитрий потерял почти всю пехоту, 15 знамен и 30 пушек.
- ¹⁰⁸ *Татев-Стародубский* Иван Андреевич — князь, воевода, поддерживал Шуйских во время их попытки развести царя Федора Ивановича с царицей И. Годуновой. Сослан в Астрахань. После сдачи Чернигова Лжедмитрию I вместе с князем П. Шаховским перешел на сторону самозванца. В качестве посла самозванца ездил из Путивля к Сигизмунду III, чтобы помешать послу Б. Годунова Поснику Огареву «изобличать» самозванца. Не совсем понятно, что имел в виду автор «Иного сказания» под спасением Лжедмитрия. Если спасение самозванца собственно на поле боя, то оно ошибочно приписано Татеву. На самом деле из боя Лжедмитрия, который потерял коня, вывез князь В. Рубец-Мосальский. На лошади князя оба ускользнули от погони, оставив богатый трофей — позолоченное копье «царевича».
- ¹⁰⁹ Комарицкая волость Севского уезда являлась дворцовым, то есть принадлежащим царю, владением, к тому же еще при Федоре переданным в управление Б. Годунову. Следовательно, для жителей этих мест Борис был и государем и барином. Это обстоятельство позволило Г. М. Пясецкому предложить остроумную гипотезу о связи описываемого восстания со знаменитой «Комаринской» («Ах ты, сукин сын, комаринский мужик, / Не хотел ты своему барину служить»). Борис ответил на измену Комарицкой волости карательной экспедицией, отличавшейся необычайной жестокостью: в волости не осталось «ни кола, ни двора, — писал И. Масса, — и они вешали мужчин за ноги на деревья, а потом жгли, женщин, обесчестив, сажали на раскаленные сковороды, также насаживали их на раскаленные гвозди и деревянные колья, детей бросали в огонь и воду, а молодых девушек продавали» за бесценнок. — А. П.
- ¹¹⁰ Несмотря на бегство в Путивль, Лжедмитрий продолжал контролировать обширную территорию. К числу «добивших челом прирожденному

государю» мест добавились Рыльск, Царевгород, Белгород, Оскол, Валуйки, Курск, «Северы» и ряд украинских городов. Между тем царские воеводы предпочли вместо осады Путивля, куда бежал самозванец, бои в районе Рыльска и разорение Комарицкой волости. Годунов расценил это как своеобразный «саботаж» и обрушился на воевод с обвинениями в «нерадении» и угрозами опал: «Столко рати побили, а тово Гришки не умели поймать». Позднее автор «Нового летописца» связал это с первыми планами низвергнуть Годуновых (Хроники Смутного времени... С. 299–300). С этим никак не вяжется труднообъяснимая реплика автора повести о радости Бориса.

¹¹¹ С. Ф. Платонов писал, что «под обгорелыми стенами» Кром «решилась участь династии Годуновых». Отряд Ф. И. Шереметева осаждал Кромы с конца 1604 г. Главная московская армия подошла к городу в марте 1605 г., однако взять внутренний «острог» не смогла, катастрофически теряла боеспособность и, присягнув нареченному царю Федору Борисовичу, через три недели дружно встала под знамена Самозванца. — А. П. Корела Андрей — донской казак, атаман. Поддержав с донскими казаками Лжедмитрия I, оказал ему неоценимую помощь, задержав правительственные войска под Кромами. Позднее был направлен вместе с Г. Г. Пушкиным и И. М. Плещеевым в Москву для свержения Ф. Годунова.

¹¹² *Шереметев* Федор Иванович (ум. 1650) — боярин. Как близкий человек, пострадал в 1600–1601 гг. по обвинению Романовых в намерении отравить царя Бориса. Был отправлен воеводой в Тобольск, позднее прощен. В 1605 г. направлен против Лжедмитрия I. Пожалован в бояре при самозванце. При царе В. Шуйском боролся с отрядами Болотникова и Лжедмитрия II. Член Семибоярщины, пережил осаду Кремля земскими ополчениями. Выступал за избрание на трон Михаила Федоровича и возглавил земское посольство к нему в Кострому. Заключил Деулинское перемирие 1619 г. и Поляновский мир 1634 г. Занимал ведущие посты в правительстве первого Романова.

¹¹³ Борис умер 13 апреля 1605 г. Известие о его самоубийстве — отравлении — получило широкое распространение как в отечественных, так и в иностранных источниках. Однако мотивы поддерживать эту версию были разные. Так, для антигодуновского пафоса «Иного сказания» версия самоубийства как нельзя больше подходила с точки зрения разоблачения «ложного царя», вступившего на престол через устранение «прямого» наследника — царевича Дмитрия. Сторонники самозванца поддерживали версию самоубийства — раскаяния Годунова в совершенном злодеянии.

Большинство историков все же придерживаются версии естественной смерти Годунова. Существует множество свидетельств, что царь часто и сильно болел. Не случайно при Борисе появился обширный штат ино-

земных врачей, на содержание которого тратились немалые средства. Общее резюме принадлежит неизвестному русскому автору, который отметил, что Б. Годунов в последние годы правил, «не царствуя, но всегда болезнующ» (РИБ. Т. 13. Стлб. 911). Так что в каком-то смысле в неожиданной смерти Годунова ничего неожиданного не было.

¹¹⁴ *Годунов* Федор Борисович (1589–1605) — сын Бориса Годунова, царевич, царь. В последние годы правления Годунова, когда часто недомогавший царь (известия о недомогании Б. Годунова датированы 1599 г. и особенно с конца 1600 г. до самой смерти царя) принужден был всерьез задуматься о своем преемнике, был «явлен» народу и участвовал в дворцовых церемониях. Б. Годунов всерьез заботился об образовании наследника, окружив его учителями. С 14 апреля по 1 июня 1605 г. нареченный царь безуспешно пытался бороться с первым самозванцем. Свергнут, а затем убит вместе с матерью по приказу Лжедмитрия I. Согласно официальной версии, как самоубийца, был погребен без отпевания в Варсонофьевском Сретенском монастыре, куда привезен был прах Б. Годунова. Позднее, при В. Шуйском, был перезахоронен вместе с останками отца и матери в Троицком монастыре. Современники отказывали Федору в царском титуле, поскольку он не получил его по праву царского венчания.

¹¹⁵ *Годунова* Ксения Борисовна (1582–1622) — царевна, дочь Б. Годунова. Годунов пытался упрочить свой высокий статус, устроив династический брак дочери со шведским или датским королевичами. Обе попытки сошлись. После победы Лжедмитрия I К. Годунова оказалась в его власти в качестве наложницы. В 1606 г. пострижена под именем Ольги и сослана в Горицкий монастырь на Белоозеро. При В. Шуйском участвовала в перезахоронении Годуновых в Троицком монастыре. Здесь же пережила знаменитую осаду Троицы войсками Сапег. В 1611 г. жила в Новодевичьем монастыре, где была захвачена казаками И. Заруцкого. Вместе с другими черницами была ограблена и выслана во Владимир. Для публицистики Смуты характерно сочувственное отношение к Ксении, как, впрочем, и к ее брату, Федору Борисовичу, которым пришлось «выше меры» отвечать за прегрешения отца (см. например повесть Катыва-Ростовского). Взгляд на детей Бориса как жертв Смуты закрепился в «Новом летописце». Несчастная судьба царевны поразила и народное воображение: появились песни о К. Годуновой (см.: *Криничная Н. А.* Народные исторические песни начала XVII века. Л., 1974. С. 73–81).

¹¹⁶ *Голицын* Василий Васильевич (?–1618) — князь, боярин с 1602 г., один из самых знатных и влиятельных людей Русского государства в Смутное время. князь, воевода, боярин с 1602 г. Недовольный медлительностью главных воевод, Федор Борисович отзывает князя Ф. Мстиславского с товарищами и ставит во главе армии В. В. и И. В. Голицыных. Однако

В. В. Голицын (вместе с братом) выступил инициатором перехода войск на сторону Лжедмитрия I. Участвовал в расправе над семьей Годунова. Был близок к Лжедмитрию I, что не помешало ему участвовать в заговоре против самозванца. После свержения Шуйского — член правительства «Семибоярщины», один из главных претендентов на царский венец. Это послужило причиной удаления его гетманом Жолкевским из Москвы под предлогом участия в посольстве к королю Сигизмунду III. Здесь вместе с митрополитом Филаретом был арестован, умер в плену, в канун возвращения на родину.

- ¹¹⁷ *Голицын* Иван Васильевич (ум. 1626/27) — князь, воевода, брат В. В. Голицына. Пожалован в бояре в 1605 г. Лжедмитрием I за известие о переходе на его сторону войска Годунова.
- ¹¹⁸ *Салтыков* Михаил Михайлович (ум. 1608) — воевода, окольничий с 1598 г.
- ¹¹⁹ *Годунов* Иван Иванович (ум. 1610) — воевода, окольничий, троюродный племянник Б. Ф. Годунова. Во главе Сторожевого полка воевал с Лжедмитрием I. В мае 1605 г. был арестован, выдан самозванцу, сослан. В 1608 г. отъехал в Тушинский лагерь. Казнен.
- ¹²⁰ *Катырев-Ростовский* Иван Михайлович (ум. 1640) — князь из ярославских Юриковичей, стольник. В 1608 г. за «шатость» в боях со сторонниками «царя Дмитрия» отправлен воеводствовать в Тобольск. Вернулся в 1612 г. Участвовал в избирательном Земском соборе 1613 г. Первым браком женат на Т. Ф. Романовой, сестре царя Михаила Федоровича. Долгое время Катыреву-Ростовскому приписывалось авторство «Летописной книги», принадлежавшей С. И. Шаховскому.
- ¹²¹ *Исидор* (ум. 1619) — митрополит Новгородский с 1604 г. В 1611 г. участвовал в обороне Новгорода от шведов. Позднее участвовал в переговорах со шведами о возвращении Новгорода и Новгородской земли в состав Московского государства. Испросил у царя Михаила Федоровича прощение горожанам за признание принца Карла-Филиппа царем во время оккупации края.
- ¹²² Под Кромь для приведения войска к присяге новому царю Ф. Б. Годуну были посланы новгородский митрополит Исидор, бояре князь М. П. Катырев-Ростовский и П. Ф. Басманов. Присяга состоялась 19 апреля. Источники свидетельствуют, что текст присяги вызвал недоумение — присягать надо было на имя Федора Борисовича, его матери Марии Григорьевны и сестры Ксении. Подобное новшество воспринималось как еще одно свидетельство слабости Годуновых, отсутствия прав на престол. Три недели спустя, 7–9 мая, в результате переворота, который возглавили рязанские дворяне Ляпуновы и бояре П. Ф. Басманов, В. В. Голицын, И. В. Голицын и М. Г. Салтыков, войска перешли на сторону Лжедмитрия I.

- ¹²³ Ситуация, представленная в повести, — яркое свидетельство того, насколько важно было для современников такое основополагающее понятие, как «прирожденный государь». Сомнения, «мучившие» воевод, — это сомнения и размышления, посещавшие в эти месяцы десятки людей. Взгляд на государство как на «отчину» превращал наследника в законного хозяина; сакральный характер власти делал сопротивление богоданному государю ужасным преступлением, страшным грехом. В этой ситуации даже ничтожность Отрепьева обращается к его пользе — да разве обычный человек решится на подобное? Таким образом, штудии авторов сказаний и повестей, подчас сомнительные в смысле литературных достоинств, оказываются точными срезами функционирования обыденного, сотканного из стереотипов сознания.
- ¹²⁴ *Годунов Иван Иванович* — окольничий, воевода, троюродный племянник Б. Ф. Годунова. В 1605 г. воевода Сторожевого полка. Взят в плен под Кромами. Позднее служил Лжедмитрию I и В. Шуйскому. По приказу Лжедмитрия II утоплен в Оке. См. также комм. 199.
- ¹²⁵ Грамота Лжедмитрия I, помещенная в повести, была составлена в соответствии с перечнем тогдашних чинов, что должно было подтвердить «природное» происхождение самозванца. Нельзя, однако, не отметить отсутствие в перечне патриарха Иова с освященным собором, что было проявлением гнева и близкой опалы.
- ¹²⁶ *Сабуров Михаил Богданович* (ум. 1606) — боярин, в 1602–1605 г. воевода Астрахани, оставшийся верным Б. Годунову. Был прощен Лжедмитрием I. Позднее принял сторону В. Шуйского и был убит во время восстания в Цареве-Борисове сторонниками «царя Дмитрия Ивановича».
- ¹²⁷ *Иштерек* (Истерек) — князь Ногайский, по матери двоюродный брат царя Симеона Бекбулатовича. При В. Шуйском отошел от союза с Москвою и стал совершать набеги на южные уезды Русского государства. В 1614 г., с появлением Заруцкого в Астрахани, принес шерсть «царевичу Ивану Дмитриевичу» («воренку»), год спустя — первому Романову. Стоял во главе орды в 1600–1619 г.
- ¹²⁸ Северская земля — земли на юго-западе Московского государства, включавшие города Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Рильск, Севск, Стародуб, Трубчевск. В Смутное время именно Северская земля первой встала на сторону двух самозванных Дмитриев.
- ¹²⁹ Лжедмитрий I умело использовал в своей «пропагандистской войне» разорение Северской земли, учиненное войсками Годунова за поддержку ее жителями самозванца: «Да и жалеть было им нечего, потому что чужим владели». В 1605 г. Северская земля получила от Лжедмитрия I податные льготы. Неудивительно, что в последующем все, кто выступал под знаменами «царя Дмитрия Ивановича», находили здесь сильную поддержку.

- ¹³⁰ *Пушкин* Гаврила Григорьевич (ум. 1638) — из старомосковского боярского рода, недруг Годуновых. В 1605 г. вызвался возмутить москвичей против Годуновых и был послан вместе с Н. Плещеевым в столицу, куда привез 1 июня «смутную грамоту» самозванца, был пожалован им в думные дворяне. Позднее воевода В. И. Шуйского, участник Первого ополчения.
- ¹³¹ *Плещеев* Наум Михайлович — воевода, сторонник Лжедмитрия I, посланный эмиссаром в Москву для низложения Ф. Годунова. Позднее участвовал в Первом и Втором ополчениях.
- ¹³² Федор Борисович вместе с матерью был переведен из царского дворца в бывший двор боярина Годунова. Здесь по приказу Лжедмитрия I 10 июня 1605 г. они были убиты. См. также комм. 579.
- ¹³³ Четверти, четвертные приказы — органы управления с финансовыми и судебно-административными функциями. Здесь в смысле территориальной принадлежности принесших присягу.
- ¹³⁴ Согласно библейской легенде, племена детей патриарха Ноя сошлись в долине Сеннаар (место будущего Вавилона) и захотели построить башню высотой до небес, чтобы прославить себя. Господь наказал их за гордыню, рассеяв по всей земле и смешав их языки, чтобы один не понимал речь другого (Быт. 2: 1–9). — *А. П.*
- ¹³⁵ Смоковница (фиговое дерево, инжир) — дерево в Палестине, часто упоминаемое в Библии. Образ смоковницы связан с миром и благосостоянием. Истребление смоковницы считалось одним из величайших наказаний (Иер. 5: 17, 8: 13). Образ оборванных листьев не растущей в России смоковницы еще более подчеркивал прегрешения Годунова.
- ¹³⁶ Описанное героическое поведение Шуйского далеко стоит от действительных событий: Шуйский, заподозренный самозванцем в измене, слезно каялся на церковно-земском соборе 29 июня 1605 г., а на следующий день — на Пожаре (Красной площади), за что и был прощен Лжедмитрием I. — *А. П.*
- По одной из версий, В. И. Шуйский пострадал за якобы неосторожно произнесенные слова, переданные Лжедмитрию. Боярин будто бы заявил, что «черт это, а не настоящий царевич; вы сами знаете, что настоящего царевича Борис Годунов приказал убить. Не царевич это, но расстрига и изменник наш» (см.: *Козляков В.* Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 129).
- ¹³⁷ 1 Цар. 2: 20: «Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены».
- ¹³⁸ Венчание на царство Лжедмитрия I проходило 21 июля 1605 г. Автор повести ведет отсчет воцарения самозванца со времени вступления его в Москву.

¹³⁹ Речь идет о передвижной крепости на колесах, построенной зимой 1605–1606 г. по приказу Лжедмитрия I и установленной на льду Москва-реки. Голландец И. Масса составил наиболее подробное описание этой крепости: «Она... была весьма искусно сделана и вся раскрашена; на дверях были изображены слоны, а окна подобны тому, как изображают врата ада, и они должны были извергать пламя, и внизу были окошки, подобные головам чертей, где были поставлены маленькие пушки... Московиты прозвали ее Чудищем ада, и после смерти Димитрия, которого они называли чародеем, говорили, что он на время запер там черта...». — А. П.

¹⁴⁰ Т. е. 1606 г.

¹⁴¹ Расхождения в дисциплине пощения издавна стали объектом острых споров между Западной и Восточной церквями. Особенно часто православные писатели инкриминировали латинянам субботний пост — давний и постоянный пункт претензий к Римской церкви (см.: *Лебедев А.* Церковь Римская и Византийская в их взаимных догматических и церковно-обрядовых спорах в IX, X и XI в. М., 1875. С. 35–43). При этом авторы антилатинских сочинений исходили из 64-го Апостольского правила и 55-го постановления Трулльского собора (692 г.), в которых предписывалось отлучение от церкви тех, кто постится в субботу.

Вообще на православном Востоке установилась более строгая дисциплина пощения, здесь четыре раза в год держались многодневных постов. Католики признавали только один многодневный пост; причем проводили первую неделю поста в меньшей строгости, чем православные. В другие недели полагалось послабление по субботним и воскресным дням, тогда как на Западе не постились только по воскресеньям. За счет отказа от субботнего и воскресного пощений сроки поста на Западе и Востоке не совпадают. В Восточной церкви постились восемь недель, что за вычетом четырех суббот и четырех воскресений и давало четырехдесятицу — ибо 40 дней уподоблялись сорокадневному посту Иисуса Христа в пустыне. На Западе число недель поста было равно шести плюс 4 дня, но в сумме тоже 40 дней (см.: *Лебедев А.* Указ. соч. С. 43–51; Настольная книга священнослужителя. М., 1977. Т. 1. С. 505–508; 533–535, 557–558). Западный пост, в котором не выделяется Страстная седмица, начинается позднее восточного на два дня, отсюда и исходит обвинение католиков в едении мяса в первую неделю, что вместе с указанием на традицию «полупощения» по субботам и воскресеньям и составляет содержание данного пункта обвинения.

Столь же традиционно обвинение латинян в употреблении и в пищу телятины, которое уподобляется скверноядению. См. комм. 454.

¹⁴² *Константин V Иконоборец* (Мотылоименный) — византийский император (741–775), иконоборец, получивший свое прозвище от иконопо-

читателей. В Древней Руси иконоборец переводилось как «мотылоименный». Юлиан Флавий Клавдий — римский император (361–363), племянник основателя Византийской империи Константина I Великого. Последователь платонической философии, за обращение из христианства в язычество получил у церковных историков прозвище Отступник. Предпринял попытку возродить языческий политеизм в качестве новой государственной религии. При этом Юлиан избегал прямого преследования христиан, проводил политику веротерпимости, пытаясь потеснить христианство идейно. Погиб либо от вражеской стрелы, либо от удара копьем в спину во время похода против персов в 363 г. В христианской литературе имя Юлиана стало нарицательным именем гонителя православия. В публицистике Смуты крайне популярным стало сравнение самозванцев (прежде всего выступающих под именем царя Дмитрия) с законопреступниками, что должно было вызвать у читателей ассоциации с образом Юлиана Отступника.

¹⁴³ Перечень обвинений, возведенных автором повести на Лжедмитрия I, интересен с точки зрения функционирования обывденного сознания: замыслы Дмитрия Ивановича, вымышленные или перетолкованные в соответствующем духе, превращают его в разрушителя православия, иноверческого ставленника, задумавшего разорить православное царство и погубить благочестие. Выступление против Лжедмитрия I превращается в акт спасения, богоугодное дело.

¹⁴⁴ Свадьба Лжедмитрия I с М. Мнишек состоялась 8 мая 1606 г. Центральным моментом свадьбы и коронации М. Мнишек в глазах москвичей, не признававших обручения, совершенного в Кракове, стало принятие избраницей самозванца миропомазания по греческому обряду. Оно толковалось как переход Марины в православие. Однако после свадьбы, по сообщению архиепископа Арсения Елассонского, «оба они не пожелали причаститься Святых Тайн». Не долго пребывала М. Мнишек и в русском платье, поспешив после коронации вернуться к привычному ей наряду. «Все это сильно опечалило», — замечает далее Арсений, связывая это поведение с восстанием и убийством Лжедмитрия I 17 мая 1606 г. (см.: *Арсений Елассонский*. Мемуары из русской истории // *Хроники Смутного времени...* С. 183).

¹⁴⁵ Т. е. 1606 г.

¹⁴⁶ Пока заговорщики расправлялись в Кремле с Лжедмитрием I, москвичи обрушились на поляков и литовцев, во множестве приехавших на свадьбу. О количестве поляков, убитых в ходе московского восстания, сохранились разные свидетельства. И. Масса указывает, что было убито 1500 человек, К. Буссов приводит иную цифру — 2135. Автор «Дневника Марины Мнишек» говорит о 500 погибших. Сообщение автора «Дневника» более достоверно (см.: *Масса И.* Краткое известие о Московии в на-

чале XVII в. / О начале смут в Московии... С. 119; Буссов К. Московская хроника. М., 1961. С. 118–121, 355; Немоевский С. Записки. С. 76–98; Дневник Марины Мнишек. С. 40).

- 147 Убитого Лжедмитрия сначала приволокли в Кремлевский Вознесенский монастырь к царице-инокине Марфе с вопросом: ее ли это сын? Неопределенность ответа станет позднее поводом для новых самозванческих авантур. Нужно было спрашивать об этом, «когда он был жив, как вы его убили, то он уже не мой сын», — будто бы ответила Марфа. Растерзанное тело самозванца несколько дней пролежало на возвышении на Красной площади. Это, однако, не спасло новую власть от слухов, что царь Дмитрий в очередной раз ускользнул от убийц: расправиться с человеком, выдававшим себя за царевича Дмитрия, оказалось куда легче, чем с мифом о царевиче-избавителе.
- 148 Постановление на царство В. Шуйского произошло 19 мая 1606 г., о чем на следующий день были разосланы «окружные грамоты». 1 июня 1606 г. состоялось венчание В. Шуйского. Изначально законность его избрания была поставлена под сомнение. Позднее публицисты упрекали Шуйского, что тот сел на престол «малыми некими», «спешно», без «совета со всею землею». И хотя действия Шуйского исследователи объясняют не только жаждой власти, но и сложившимися чрезвычайными обстоятельствами, нельзя не отметить постепенное проникновение в сознание современников Смуты представления о легитимности престолонаследия выборной монархии. Необходимо было согласие патриарха с освещенным собором, царского «синклита» (боярской думы, придворных) и выборных от «всей земли».
- 149 Стремясь навсегда покончить со слухами о спасении царевича Дмитрия, царь В. Шуйский поспешил устроить канонизацию и перезахоронение мощей царевича Дмитрия. В Углич по решению «освященного собора» была направлена комиссия во главе с Ф. Романовым, которая открыла мощи царевича и сообщила в Москву о чудотворных проявлениях. В начале июня, в дни коронационных торжеств, мощи были привезены в Москву и упокоены в Архангельском соборе. Первое сообщение о чудесах от гроба царевича Дмитрия появилось в грамоте царя В. Шуйского от 2 июня 1606 г. Затем оно повторяется в других документах, а оттуда попадает и в литературные памятники, включая «Житие» царевича. Канонизация решала еще одну задачу, важную для Шуйского, — Годунов превращался в «святоубийцу», что еще более компрометировало в глазах масс его имя. В русской традиции царевич Дмитрий как святой стал считаться помощником в борьбе Русского государства с врагами и самозванцами.
- 150 Соединения двух отрывков из Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова: 27, 28: «Кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову, и ко-

варный удар разделит раны»; 8, 13: «Не разжигай углей грешника, чтобы не сгореть от пламени огня его».

¹⁵¹ Ближайшие по смыслу: Мф. 10: 39; 16: 25; Лк. 9: 24.

¹⁵² Здесь самозванец уподобляется злему волхву, жрецу язычников, проводнику нечистой силы. При этом в публицистике Смуты явление самозванца произошло при попустительстве Бога, в наказание за «шатание» в вере.

Повесть о видении некоему мужу духовному

«Повесть о видении некоему мужу духовному» относится к так называемым видениям — особому жанру древнерусской литературы, в котором, пожалуй, наиболее полно проявляется такое свойство средневекового сознания, как жажда чудесного. По понятным причинам, число видений резко возрастало в моменты переломные, кризисные, когда потребность в предсказаниях, предупреждениях, «прогнозах» на будущее достигает своего пика. Среди подобных произведений Смутного времени можно назвать не только публикуемые в настоящем томе произведения протопопа Терентия и Евстратия (см. ниже), но и «Повесть о видении мниху Варлааму в Великом Новгороде в 1611 г.», «Повести о видениях во Владимире» и т. д. По оценке С. Ф. Платонова, «видения» «говорят нам о глубоком нравственном потрясении русского общества, которое не могло отыскать правды и смысла в удивительных событиях реальной жизни, часто не верило очевидности, но верило сверхъестественному и вместе с тем возвышалось до открытого сознания, что «несть истины во царе же и в патриарсе, ни во всем священном чину, ни во всем народе» (Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. С. 101).

Спрос был даже на самые мрачные видения-предсказания, возможно, потому что, явленные «народному множеству», они превращались в предупреждение. Это, конечно, беда, но беда, которую можно отвести всеобщим покаянием и неустанной молитвою о заступничестве. Так что «видения» становились способом идейной борьбы, средством консолидации растерянного и разобщенного общества.

Не можем не отметить еще одно проявление «обыденного» сознания в эпоху Смуты — столь же обостренный интерес современников к разного рода природным катаклизмам и необычным случаям. В сравнении со «спокойными» временами фиксируются они значительно чаще, порождая сначала чувство неуверенности и обеспокоенности, затем, после очередного потрясения, — мрачного удовлетворения от ожидаемого сбывшегося. Воспринимаются они знамениями, которые следуют за Годуновым, Лжедмитрием I, В. Шуйским, предрекая им то, что современники-иностранцы называли *malum omen* — дурным предзнаменованием. Таким образом, видения и знамения ярко иллюстрировали провиденциалистскую направленность большинства памятников этого времени.

Автор публикуемой повести — протопоп Благовещенского собора Терентий. Настоятели этой главной домово́й церкви московских государей традиционно оказывались в роли духовников царей и их домочадцев. Правда, влияние Терентия никак нельзя сравнить с влиянием таких благовещенских протопопов, как Сильвестр (духовник Ивана Грозного) или С. Вонифатьев (духовник царя Алексея Михайловича, глава «боголюбцев»). Тем не менее и он, по предположению В. Ульяновского, пытался выступить духовным наставником своих царственных чад, в данном случае, увещевать самого царя Василия Ивановича (см.: *Ульяновский В.* Смутное время. С. 202). Создавая свою повесть уже после свержения самозванца, Терентий оказался причастен к формированию умонастроений, посредством которых стесненные выступлением Болотникова московские власти пытались приостановить распад общества и консолидировать различные сословные группы вокруг Шуйского. Любопытно, что для этого потребовались не столько новые идеи, сколько апелляция к чувствам верующих, «эксплуатация» устоявшихся стереотипов.

Датируется создание этого произведения октябрем 1606 г. Несмотря на отдельные успехи (победа на реке Угре 23 сентября 1606 г.), царские войска не сумели остановить успешное продвижение к столице сторонников «царя Дмитрия». Большинство городов по линии старинного берегового разряда (Кашира — Серпухов — Коломна) отворили ворота восставшим. Особенно болезненным стало падение Коломны. В начале октября отряды восставших — И. Болотникова, И. Пашкова, П. Ляпунова — оказались на подступах к Москве, вызвав настоящий шок в стане В. Шуйского. В этой обстановке 12 октября случилось поведенное Терентию «свят мужем» видение. 14 октября был объявлен всеобщий шестидневный пост, а уже 16 октября «Повесть...» Терентия читают в Успенском соборе Кремля. Вся хронология событий свидетельствует о быстроте создания «Повести...», что, естественно, нашло свое отражение в тексте.

В литературе существует традиция вполне конкретного толкования этого произведения. В нем видят прямую реакцию на политическую ситуацию осени 1606 г.: цепь поражений, масштаб «шатания», охвативший провинциальных и столичных служилых и посадских людей, побудили сторонников царя искать способы преодоления упаднических настроений. Видение — или его преднамеренное «планирование» и «представление» подданным (есть и подобная точка зрения) — оказалось как нельзя кстати. Всеобщее покаяние, как условие всеобщего прощения (все виновны!), способствовало мобилизации сил. Возможно, оно повлияло также на раскаявшихся дворян из отрядов Ляпунова, которые в эти дни перешли на сторону правительства (см.: *Салодкин Я. Г.* К истории «Повести о видении некоему мужу духовну» // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988).

Предлагаются и иные подходы, направленные против восприятия «Повести...» как политического заказа (см.: Буланин Д. М., Енин Г. П. Терентий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Часть 4: Т — Я. СПб., 2004. С. 7–11).

Текст печатается по: Смута в Московском государстве. Россия начала XVII столетия в записках современников / Сост. А. И. Плигузов, И. А. Тихонюк; пер. и комм. А. И. Плигузова. М., 1989. С. 62–65. Комментарии И. А. Плигузова выделены пометой А. П. Дополнительные комментарии сделаны составителями настоящего тома.

¹⁵³ Успенский собор Московского Кремля. — А. П. В одном из списков сообщается, что «Повесть...» была зачитана и в Благовещенском соборе.

¹⁵⁴ *Иоанн Креститель* (Иоанн Предтеча) — последний из пророков, возвещавший о пришествии Христа. С Иоанном связывается происхождение водного обряда крещения, который следом за учениками Иоанна Крестителя принимает в Иордане воплотившийся Христос (Мф. 3: 13–17). Иоанн считался наиболее приближенным к Богу святым и в деисусных композициях изображался предстоящим у его трона вместе с Богородицею.

¹⁵⁵ Получившая широкое распространение повесть Терентия была не просто включена во многие сборники, но и подвергалась редакторской правке. В частности, обвинение Христа в том, что «нет правды в царе, и в патриархе» (сольвычегодский список) стало приводиться во множественном числе: «нет правды в царях, и в патриархах»; в последующем эта обличительная фраза выпала из списков повести. Разнотчение вызвало споры в научной литературе, смысл которых — степень и адресат обличительного пафоса, который пытались придать произведению редакторы и составители.

Повесть о некоей брани

«Повесть о некоей брани» продолжает цикл повестей-видений, столь полно выражавших мироощущение участников Смуты. С другой стороны, нет сомнений, что подобный жанр оказался востребован властью, которая столкнулась с необходимостью истолковывать всякое «проявление» сверхъестественного в свою пользу. Само имя автора повести — Евстратий — удалось выяснить благодаря расшифровке числовой литеи, сохранившейся в нескольких известных исследователям списках. Первенство открытия принадлежит С. Ф. Платонову, который, впрочем, ошибочно прибавил к имени автора еще и имя переписчика — Стефанов, — в результате чего получилось Е. Стефанов. Позднее ошибка была исправлена. Сведения о Евстратии крайне скудные, они извлечены главным образом из самой повести. Причастный к приказной братии, он в 1608 г. (время действия повести) служил в Посольском приказе. Писал свою повесть он, по-видимому, уже приняв постриг по «понуждению» игумена некой «честной обители» (см.: *Назаревский А. А.*

Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958. С. 148–151).

Большинство исследователей считают, что повесть была написана сразу после избрания Михаила Федоровича. Чрезвычайно бедный в смысле исторических фактов, этот памятник прекрасно иллюстрирует известное высказывание В. О. Ключевского относительно ценности взглядов, чувств, впечатлений людей: они — «те же факты и очень важные».

Текст печатается по: Смута в Московском государстве. Россия начала XVII столетия в записках современников / Пер. А. И. Плигузова; сост. А. И. Плигузов, И. А. Тихонюк. М., 1989. С. 62–65. Комментарии А. И. Плигузова имеют помету *А. П.* Дополнительные комментарии сделаны составителями настоящего тома.

- ¹⁵⁶ *Феодосий I Великий* — римский император (379–395). Выдвинулся как выдающийся полководец, защищавший границы империи против вторжения варваров на Дунае. В 379 г., когда империя вела изнурительную войну с вестготами, был провозглашен «августом» с императорскими полномочиями в восточной половине империи. Феодосию удалось стабилизировать положение, предотвратить дальнейший раскол империи и очистить Балканский полуостров от готов, часть которых была подчинена и расселена на правах федератов. При этом Феодосий Великий зарекомендовал себя как выдающийся государственный деятель и искусный дипломат. Феодосий активно вмешивался в события в западной части империи, освободив Италию от самозванных правителей и отражая нашествия германцев, готов, аланов. В условиях постоянных смут Феодосий принужден был объявить себя единым императором всего римского мира. Будучи сам ревностным христианином, Феодосий окончательно порвал с религиозной системой, установленной Константином и выражавшейся в нейтралитете государства по отношению к различным культам и исповеданиям. При нем христианство окончательно стало государственной религией, призванной духовно спаять все части обширной империи. В эдикте 380 г. христианская вера была объявлена истинной и допустимой исключительно в той ее форме, «которую проповедывал в Риме св. Петр». Это господствующее учение впервые названо «католическим» (вселенским); его сторонникам одним разрешено именоваться Церковью. Арианство и другие секты были запрещены. Константинопольский собор 381 г. утвердил никейский символ веры, вторично осудив всех еретиков. Языческие храмы разрушались. Эдикт 391 г. нанес еще один удар по язычеству, запретив поклонение богам не только публично, но и в частных домах. Своим отношением к духовенству Феодосий утвердил принцип, что «цезарь стоит не над церковью, а в ней». В дальнейшем эта теория сыграла важную роль в развитии отношений между светской и духовной властью на средневековом Западе.

Умирая, Феодосий, в последний раз восстановивший единство в греко-римском мире, разделил империю между двумя своими сыновьями — Аркадием и Гонорием. С этих пор греческая и латинская половины империи больше не соединялись.

В христианской традиции (латинской и православной) — имя императора Феодосия Великого — одно из самых почитаемых.

- ¹⁵⁷ Автор повести — приверженец царя В. Шуйского. В полном соответствии с этикетом он поместил генеалогическую справку о роде Шуйских, согласно которой Василий Иванович оказался прямым преемником византийских и русских царей.

- ¹⁵⁸ Шуйские были потомками суздальско-нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича; суверенное суздальско-нижегородское княжество перестало существовать в 1392 г.; Нижний Новгород перешел к московским князьям, лишь ненадолго возвращаясь под власть прежних хозяев, а в Суздале до 1461–1462 гг. сидели потомки Василия Кирдяпы — сына Дмитрия Константиновича. С 1460–1470-х гг. семейство Шуйских не обладало правами удельных князей и служило московским государям. — *А. П.*

- ¹⁵⁹ Тушино — село у впадения реки Сходни в Москву-реку в 13 верстах к северо-западу от столицы, место пребывания в 1608–1610 гг. второго самозванца со своими сторонниками. Войско Лжедмитрия II достигло Москвы 1 июня 1608 г. Сначала оно остановилось в с. Тайнинском, а затем, после нескольких стычек с отрядами В. Шуйского, 17 июня перешло в более удобное Тушино. Село позволяло Лжедмитрию II контролировать дороги на Тверь и Смоленск (по последней к нему подходили подкрепления из Польши). Полтора года «царь Дмитрий Иванович» принужден был оставаться в Тушино, поскольку все его попытки занять Москву заканчивались неудачей. В свою очередь и у Василия Шуйского не хватало сил отбросить самозванца от столицы. Многомесячное противостояние Тушина и Москвы обернулось двоевластием, или, по сути, безвластием и прогрессирующим распадом государства — где был «царик» (так даже поляки презрительно именовали самозванца), но и «полуцарь» (В. Шуйский). В Тушине сформировался «государев двор» Лжедмитрия II и органы власти во главе с так называемыми тушинскими боярами. Село разрасталось за счет привезенных из окрестных мест изб и строительства хором для царя и его приближенных. По некоторым данным, в Тушине и близлежащих местах располагалось более 40 тыс. человек.

В дальнейшем обострение противоречий привело к распаду Тушинского лагеря, начало которому положил сам самозванец: 27 декабря 1609 г., переодевшись в мужицкое платье, он бежал в Калугу. 13 февраля тайно покинула Тушино «царица» М. Мнишек. После того как в начале марта 1610 г. Ружинский, отправляясь с польско-литовскими отрядами к Си-

гизмунду III, поджег Тушино, бывшая «столица» окончательно утратила свое политическое значение.

¹⁶⁰ Лк. 21: 10–11; Мф. 24: 7–8; Мк. 13: 8.

¹⁶¹ Речь идет о противостоянии Московского и Тушинского лагерей в 1608 г. Лжедмитрий II разбил лагерь в Тушине в июне 1608 г. Бои с царскими воеводами шли с переменным успехом. Между тем многие города изгнали воевод В. Шуйского и признавали власть «царя Дмитрия Ивановича». Стремительное увеличение территории, контролируемой самозванцем, привело к тому, что царский двор и население Москвы оказались в стесненном положении.

¹⁶² *Телепнев* Василий Григорьевич — подьячий Посольского приказа, дьяк (1607 г.), думный дьяк (1609 г.). В 1610 г. участвовал в переговорах с гетманом Жолкевским о приглашении на русский престол королевича Владислава.

¹⁶³ *Крапольский* Григорий — немецкий переводчик (толмач), служивший в 1608 г. в Посольском приказе.

¹⁶⁴ Иов — благочестивый ветхозаветный страдалец, история которого излагается в Ветхом Завете, в книге, носящей его имя. В древнерусской традиции — символ терпения, благочестия, человек, который «удалялся от зла».

¹⁶⁵ Согласно рассказу библейской Первой книги Царств (16: 4–13), пророк Самуил в правление израильского царя Саула, повинаясь Божьему повелению, пошел в Вифлеем и помазал там елеем пастуха Давида, младшего сына Иессея. Преследуемый Саулом, который вознамерился расправиться с будущим царем, Давид должен был скитаться и прятаться. Одним из его убежищ стала пещера Одаламская. Давид в дальнейшем — псалмопевец и царь, преемник Саула. См.: 1 Цар. 18: 10–29.

¹⁶⁶ Евр. 12: 7–8: «Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами».

¹⁶⁷ Прит. 3: 12: «...ибо кого любит Господь, того наказывает».

¹⁶⁸ В 1608 г. Петров пост начинался 23 мая и заканчивался 29 июня. — *А. П.*

¹⁶⁹ *Урусов* Петр Арасланович — князь ногайский, стольник. В 1608 г. примкнул к Лжедмитрию II, получив чин «ближнего великого боярина». После убийства по приказу Лжедмитрия II касимовского царя Ураз-Мухаммеда задумал отомстить самозванцу. 11 декабря 1610 г. во время охоты убил Лжедмитрия II и бежал в Крым.

¹⁷⁰ Шуйский был «ссажен» с престола московским «вечем» 17 июля 1610 г., насильно пострижен в монахи и заточен в Кремлевском Чудовом монастыре. — *А. П.*

Новая повесть о преславном Российском царстве

«Новая повесть о преславном Российском царстве» — публицистическое агитационное произведение, написанное в конце 1610 — начале 1611 г. Крайние даты традиционно определяются по содержанию повести. Безвестный автор уже не упоминает Лжедмитрия II, который погиб 14 декабря 1610 г., но еще ничего не пишет о движении к Москве первого земского ополчения.

По форме повесть близка к грамотам-воззваниям, получившим широкое хождение в 1611–1612 гг. С. Ф. Платонов даже выдвинул предположение, что повесть должна была играть роль подметного письма. Впрочем, по характеру и стилю оно было рассчитано скорее на «камерное», а не площадное чтение. В контексте истории общественной мысли памятник интересен прежде всего тем, что выдвигает на первый план те стереотипы и представления, к которым обращается автор. Для него эти представления — средство разбудить национальное самосознание.

Повесть чрезвычайно эмоциональна. Это не просто дань риторическим приемам, существующим в древнерусской литературе. Здесь этот стиль — тактический прием. Книжник не сомневается, что разделяемые им ценности и оценки — это ценности и оценки всех православных людей, за исключением изменников. Не случайно в повести столь много намеков и полунамеков. Они — не новость, автор исходит из того, что об этом толкуют в домах и на улицах. Так что содержательно задача автора не столь и трудна — разоблачить происки короля и его тайных и явных доброхотов из числа русских людей. Куда важнее задача эмоциональная — возмутить читателя, пробудить в нем гнев, толкнуть к действию. Автор знает, как это страшно. Он сам пишет об этом, откровенно признаваясь, что «прилепился» к тем, против кого, собственно, направлена его повесть. Не скрывает он и мотива своего «отступничества»: не устоял перед искушением, дрогнул ради «тленного богатства», ведь его усилия оценены недругами и щедро вознаграждены. Но и ему невозможно дальше терпеть и губить бессмертную душу! Это, на первый взгляд, странное положение «преуспевающего автора-мятежника», по-видимому, не было исключительным: присяга Владиславу породила надежды, затем разочарование и разочарование, на смену которому пришло отчаяние. Повесть как раз фиксирует этот момент в общественном настроении, выступая как моментальный снимок наступающего всеобщего покаяния русских людей.

В перечне базовых ценностей, о которых неустанно говорит автор, особое место занимает тема государства. В условиях отсутствия законного государя (в приезд королевича Владислава и принятие им православия автор не верит) государство превращается в самостоятельную ценность. К его спасению, забыв прежние распри и обиды, и призывает автор.

Повесть содержит ряд политически значимых оценок, признание которых было необходимо при формировании национально-освободительного дви-

жения. Скорбя по поводу избрания на российский престол иноземца, автор готов признать права Владислава лишь при условии перехода его в православие. Пока же этого не произошло, автор призывает к сопротивлению полякам и московскому правительству, действующему в пользу Сигизмунда III. Исследователи «Новой повести» настойчиво интересовались личностью автора. Умелое «плетение словес», изощренное владение риторическим стилем, наряду со знанием стиля приказного, выдает в нем человека книжного, привычного к перу. Но аноним не желает быть узанным. Лишь отдельные его признания выдают его сопричастность к тем, кого он называет «доброхотами» короля. В литературе высказана гипотеза, что в данном случае — это не более чем литературный прием. Представляется, однако, что традиционная точка зрения, призывающая исследователей искать конкретного автора в окружении московского правительства, ближе к истине. Уж больно убедителен аноним в своих признаниях и страхах о семье, которая может пострадать в случае выявления его авторства. Да и степень его осведомленности о «проделках» властей свидетельствует о том, что свои знания он черпал не на бревенчатых московских мостовых. С. Ф. Платонов полагал, что автор повести «был простым дворянином или сыном боярским или же приказным дьяком»; он же, исходя из этой характеристики, назвал предположительное имя автора — дьяк Новгородской чети Григорий Елизаров. Я. Г. Солодкин, со ссылками на архивные данные, называет имя дьяка М. И. Поздеева (см.: *Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник*. СПб., 1913. С. 112; *Его же. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.* СПб., 1899. С. 632–633, примеч. 200; *Солодкин Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве»* // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. XXXVI. С. 103–113). Вопрос остается открытым и требует, по-видимому, новых архивных находок, способных помочь исследователям в атрибуции памятника.

Повесть печатается по: ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков / Пер. и комм. Н. Ф. Дробленковой. М., 1987. С. 24–57. Комментарии Н. Ф. Дробленковой даны с пометой *Н. Д.* Дополнительные комментарии сделаны составителями настоящего тома.

¹⁷¹ *Гермоген* (ок. 1530 г. — 17 февраля 1612 г.) — патриарх с 1606 г. Происходил из донских казаков. В 1579 г. священник в Казани. После принятия пострига — архимандрит казанского Спасо-Преображенского монастыря, с 1591 г. митрополит Казанский. После гибели первого самозванства и низложения патриарха Игнатия, в обстановке острой политической борьбы царь В. Шуйский предпочел видеть на патриаршем престоле менее связанного с придворными группировками Гермогена. В 1606–1610 гг. активно поддерживал Шуйского, рассылая мятежникам увещательные грамоты. В последние годы жизни приобрел среди со-

временников репутацию «столпа» патриотического движения, будучи его идейным вдохновителем. После падения царя Василия настаивал на русской кандидатуре и даже установил молебны об избрании царя «от корене российского рода». Однако под нажимом «Семибоярщины» вынужден был согласиться с кандидатурой польского королевича, выдвинув непременным условием принятие Владиславом православного вероисповедания. По настоянию Гермогена в августовский договор 1610 г. были включены пункты, призванные защитить православную веру и церковь от католической экспансии. Удостоверившись в тайном намерении самого Сигизмунда III утвердиться на российском престоле, ссылаясь на нарушение польской стороной условий августовского договора, Гермоген усомнился в возможности сотрудничества с поляками. Особенно возмутила его попытка членов боярского правительства, действовавшего по наущению тайных сторонников короля (30 ноября 1610 г.), организовать новую присягу на имя Сигизмунда III. Патриарх призвал «королю креста не целовать», тем самым по сути санкционировав борьбу против короля и его московских «доброхотов». Тогда же началась переписка Гермогена с организаторами освободительного движения в Рязани, Нижнем Новгороде, Владимире (П. Ляпунов, нижегородцы Р. Пахомов и Р. Моисеев). В конце декабря 1610 г. появились первые грамоты от имени Гермогена с призывом начать борьбу с интервентами. Попытки сломить Гермогена угрозами и изоляцией успеха не принесли: патриарх отверг требование поляков и их сторонников остановить земское движение, успев благословить участников первого и, по некоторым данным, второго ополчений. В 1611 г. за свою антипольскую и антикатолическую позицию арестован и умер в заточении в Чудовом монастыре от голода.

¹⁷² Имеется в виду русское «великое посольство», отправленное к Сигизмунду III под Смоленск для подписания договора. По требованию королевского наместника гетмана Жолкевского в состав посольства были включены наиболее активные московские политические деятели во главе с князем В. В. Голицыным и митрополитом Филаретом. Сигизмунд III различными способами пытался убрать из-под Смоленска мешавшее ему посольство; к концу 1610 г. некоторые из послов, одаренные королем, разъехались по домам. Однако другие участники посольства, во главе с В. В. Голицыным и Филаретом, остались выполнять свою миссию и продолжали до конца (до того как их 12 апреля 1611 г. отправили на корабле по Днепру в плен, в глубь Польши) отстаивать условия августовского договора. — Н. Д.

¹⁷³ Речь идет о двадцатимесячной героической обороне, которую вел небольшой гарнизон Смоленска против двадцатитысячного войска короля Сигизмунда III. Расположенный на западной границе России, Смоленск был одной из крупнейших крепостей XVII в. Отказавшись сдать город

польским интервентам и не подчиняясь приказам правительства «Семибоярщины», смоляне оказались в осаде, которая началась 21 сентября 1609 г. (когда в городе насчитывалось около 80 тыс. жителей, а гарнизон состоял из 2500 воинов) и закончилась 3 июня 1611 г., когда в Смоленске осталось не более 8 тыс. человек, изможденных голодом и болезнями. К моменту написания «Новой повести» Смоленск, единственный из городов, продолжавший оказывать длительное вооруженное сопротивление интервентам, стал для современников символом героизма и побудил неизвестного московского книжника создать от имени смолян патриотическую «грамотку»-воззвание. — *Н. Д.*

Смоленская крепость — грандиозное оборонительное сооружение, которое строилось в 1595–1600 гг. под руководством талантливого зодчего Ф. Коня. При ее закладке присутствовал «правитель» Б. Годунов. Общая протяженность стен, имевших 38 башен, равна 6,5 км — только на 3 км меньше стены Белого города в Москве. См.: *Косточкин В. В.* Старым Смоленским трактом. М., 1972. С. 136–149.

- ¹⁷⁴ Имеется в виду московское боярское правительство («Семибоярщина») в ее позднем составе. Первоначально, после свержения Шуйского, в состав «Семибоярщины» входило семь представителей знатных боярских родов: Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, И. Н. Романов, Ф. И. Шереметев и Б. М. Лыков. С момента заключения августовского договора и размещения в столице польского гарнизона С. Жолкевского правительство «Семибоярщины» фактически лишилось власти. В составе его к этому времени произошли значительные изменения: часть его членов (А. В. Голицын и И. М. Воротынский) были арестованы А. Гонсевским, а решающую роль в правительстве приобрели, наряду с главенствовавшим по-прежнему Ф. И. Мстиславским, новые «бояре» и «дворяне», перебежавшие к Сигизмунду III из Тушинского лагеря; среди них ведущее положение принадлежало М. Г. Салтыкову и Ф. Андронову. — *Н. Д.*

Гонсевский Александр Корвин (ум. ок. 1645) — староста велижский, дипломат и полководец. Ездил с посольствами к Лжедмитрию I в августе 1605 и в мае 1606 г. В результате Московского восстания 17 (27) мая 1606 г. был задержан и находился в России до 1608 г. В 1610 г., после заключения договора о призвании на русский трон королевича Владислава, вошел во главе польского гарнизона в Москву. Руководил обороной города от ополчений П. П. Ляпунова, а затем К. Минина и Д. М. Пожарского, будучи фактическим правителем Москвы. В 1612–1618 гг. возглавлял польские войска под Смоленском, в 1618-м и 1632 гг. успешно отразил попытки русских войск вернуть этот город в состав Русского государства.

Андронов Федор — ярый сторонник Сигизмунда III; его предательское поведение вызвало резкое осуждение у современников-патриотов. Человек незнатного происхождения, «мужик», Андронов начал свою служебную карьеру в Тушине у Лжедмитрия II. В январе 1610 г. был направлен Филаретом в составе посольства М. Г. Салтыкова под Смоленск, где, перейдя на сторону Сигизмунда III, получил от него в награду чин думного дворянина. 19 августа 1610 г. прибыл под Москву в стан С. Жолкевского с приказом Сигизмунда III приводить москвичей к присяге самому королю. В ноябре 1610 г., по требованию короля, получил от правительства «Семибоярщины» в полное распоряжение государственную казну (став главным казначеем Казенного двора) и ведение челобитных дел, то есть фактически обрел неограниченную власть, позволявшую ему вместе с М. Г. Салтыковым и думным дьяком И. Грамотиным вершить государственные дела в интересах Сигизмунда III. Регулярно через гетмана Л. Сапегу Ф. Андронов доносил королю о московских событиях. В 1613 г., после завершения следствия о его преступлениях, был повешен «по многом истязании». — *Н. Д.*

¹⁷⁵ На основании неоднократного упоминания в «Новой повести» Троице-Сергиева монастыря многие исследователи выдвигают предположение о близости автора к монастырской братии. — *Н. Д.*

¹⁷⁶ «Великое посольство» состояло из представителей различных социальных групп, «всяких чинов». От церковного собора, по «благословению» патриарха Гермогена, с посольской миссией отправились: митрополит Филарет, келарь Троицкого монастыря и книжник А. Палицын, Новоспасский архимандрит Евфимий, игумен Иона, Вознесенский протоиерей Кирилл. В состав посольства были включены и представители от каждого думного чина, начиная со знатных боярских родов, каким был глава посольства В. В. Голицын, а также: окольный князь Д. И. Мезецкий, думный дворянин В. Б. Сукин, думные дьяки Т. Луговской и В. Сыдавший. От Москвы в нем были представлены: стольники, дворяне, стряпчие, стрелецкие головы, торговые люди, восемь приказных стрельцов, четыре слободских представителя и проч.; кроме того — 46 дворян от других городов. — *Н. Д.*

¹⁷⁷ В иносказательной форме автор излагает основные требования «великого посольства»: приезд королевича Владислава в Москву, принятие им православия и вывод войск Сигизмунда III из столицы и «изо вся нашеня земли». — *Н. Д.*

Д. И. Антонов справедливо обращает внимание на то, как функционирует одна из мифологем власти в Московском государстве. Безвестный автор исходит из того, что издревле правящие династии, даже в том случае, если они отошли от истинной веры, остаются богоизбранными и богохранимыми родами. Избрание королевича при условии его пере-

крещивания и есть возможность «от того гнилого... корени древа» получить «ветвь», которая станет «цвести во свете благоверия». См.: *Антонов Д. И.* Смута в культуре средневековой Руси. М., 2009. С. 43–45.

- ¹⁷⁸ Известия о том, что король Сигизмунд нарушил августовский договор, требует присяги ему самому и вновь возобновил военные действия против Смоленска, начали поступать в Москву уже на второй день после заключения договора и к концу ноября 1610 г. стали известны патриарху Гермогену. — *Н. Д.*

- ¹⁷⁹ Избранию на царство королевича Владислава предшествовала неосуществившаяся идея выдвижения на царский престол вместо свергнутого Шуйского новых русских кандидатур (В. В. Голицына или М. Ф. Романова), которую поддерживали П. П. Ляпунов и патриарх Гермоген; автор «Новой повести» также воспринимал избрание на царство иноземного претендента как горькую неизбежность. — *Н. Д.*

Отметим, что мысль об избрании королевича Владислава на самом деле прозвучала много раньше 1610 г. Еще при жизни первого самозванца бояре в своем обращении к литовскому канцлеру Л. Сапеге через гонца И. Безобразова предлагали «вести дело так, чтобы в этом государстве царствовал королевич Владислав» (см.: Записки гетмана Жолковского о Московской войне. М., 1871. С. 10).

- ¹⁸⁰ В конце ноября 1610 г. приверженцы Сигизмунда III начали особенно активно готовить Москву (только что, в августе 1610 г., присягнувшую королевичу Владиславу) к присяге самому королю. — *Н. Д.*

- ¹⁸¹ Автор намекает на тех членов посольства, которые, приняв от Сигизмунда III дары, разъехались из-под Смоленска в декабре 1610 г. Среди них были: келарь Троицкого монастыря А. Палицын, Новоспасский архимандрит Евфимий, думный дворянин В. Б. Сукин и дьяк Садавной Васильев. — *Н. Д.*

- ¹⁸² Речь идет о соблюдении условий августовского договора, заключенного «Семибоярщиной» с гетманом С. Жолкевским.

Жолкевский Станислав (1547–1620) — представитель крупной шляхты, видный польский военачальник, один из организаторов похода Сигизмунда III на Москву в 1609 г. и автор «Записок о Московской войне». 24 июня 1610 г., разбив под Клушином войска В. Шуйского, подошел с отрядами к стенам Москвы. Участвовал в приведении Москвы к присяге Владиславу и оккупации столицы 21 сентября 1610 г.; добился отсылки в королевский стан под Смоленск в составе «великого посольства» крупных московских политических деятелей. Однако сам не стал осуществлять королевского приказа о приведении Москвы к присяге Сигизмунду III и уже 30 октября 1610 г., оставив вместо себя начальником гарнизона А. Гонсевского, поспешил уйти под Смоленск. — *Н. Д.*

С 1613 г. — великий коронный гетман, с 1617 г. — канцлер.

- ¹⁸³ Автор имеет в виду надругательство шляхтича Блинского над кремлевской иконой богородицы, которое вызвало среди москвичей бурное волнение, и последовавшую за этим показательную расправу над виновником, учиненную (около 25 января 1611 г.) по приказу А. Гонсевского. — *Н. Д.*
- ¹⁸⁴ Имеются в виду православные христиане. — *Н. Д.*
- ¹⁸⁵ До оккупации Москвы в ней было более 18 тыс. стрельцов, которых из опасения вооруженного восстания польские наместники стремились разослать по разным городам. В тревожные дни конца января — начала февраля 1611 г. А. Гонсевский выслал в Вологду очередную партию, «полный приказ» стрельцов из 500 человек, которые вскоре присоединились к народному ополчению в Ярославле. — *Н. Д.*
- ¹⁸⁶ Автор раскрывает суть политического обмана Сигизмунда III с его несостоятельными обещаниями прислать на царство королевича Владислава, таким путем пытавшегося выиграть время для накопления вооруженных сил, необходимых интервентам для захвата Смоленска и Москвы. — *Н. Д.*
- ¹⁸⁷ Апеллируя к здравому смыслу, автор пытается развеять у своих читателей последние надежды на появление в Москве государя Владислава Жигимонтовича. Довод на тот момент центральный, поскольку означает нарушение августовского договора 1610 г. (см. комм. 180). Как известно, именно нарушение Сигизмундом условий договора и продолжение им осады Смоленска дало основание патриарху Гермогену освободить русских людей от клятвы: «Если королевич не крестится в христианскую веру и все литовские люди не выйдут из Московской земли, королевич нам не государь» (*Макарий*. История русской церкви. Книга шестая. М., 1996. С. 102–104).
- ¹⁸⁸ Речь идет о боярине М. Г. Салтыкове, которого автор считает недостойным носить имя, данное ему при крещении, «тезоименитое» архангелу Михаилу и русским святым М. Черниговскому и М. Клопскому. М. Г. Салтыков 30 ноября 1610 г. и на следующий день (вместе с Ф. И. Мстиславским) безуспешно требовал от патриарха Гермогена присягнуть самому Сигизмунду III. Отсутствие подписи Гермогена под текстом новой договорной грамоты, составленной в обход августовского договора 1610 г., позволило послам под Смоленском продолжать мотивированный отказ от кандидатуры на престол самого короля. Имя М. Г. Салтыкова как воеводы, участвовавшего в Ливонской войне, встречается уже в 1580 г.; при Б. Годунове он был послом в Польше и Швеции, а в 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия I. Назначенный при Шуйском воеводой Орешка, в 1608 г. присягнул Лжедмитрию II, а в 1609 г. сдал крепость М. В. Скопину-Шуйскому и бежал в Тушино. После распада Тушинского лагеря отправлен главой посольства под Смоленск к Сигизмунду III, откуда,

получив королевскую грамоту на поместья и вотчины, возвратился с отрядами С. Жолкевского в столицу, став деятельным сторонником короля. Во время восстания москвичей 19 марта 1611 г. был одним из организаторов поджога столицы. Впоследствии был послом А. Гонсевского в Польшу, призывавшего Сигизмунда идти с войсками к Москве. Умер в Польше в 1618 г. — *Н. Д.*

¹⁸⁹ Колчан для стрел.

¹⁹⁰ Автор укоряет родовитых членов боярского правительства за то, что они променяли свое «благородное» происхождение на «рабское» подчинение самому «низкому» (на феодальной иерархической лестнице) из «рабов», каким был Ф. Андронов. — *Н. Д.*

¹⁹¹ Освободительное движение против интервентов широко развернулось уже в последние два месяца 1610 г., о чем было известно боярскому правительству; автор, по-видимому, сознательно умалчивает о нем из тактических соображений. — *Н. Д.*

¹⁹² Здесь — православной церкви. — *Н. Д.*

¹⁹³ В октябре 1610 г. польские оккупационные власти объявили город на военном положении и овладели ключами от 17 ворот, через которые шло сообщение между Кремлем, Китай-городом и Белым городом; часть ворот наглухо закрыли и установили в воротах своих стражников, что особенно затрудняло связь посада с многолюдным торговым центром Китай-города. После городских волнений, происшедших 25 января 1611 г., по распоряжению А. Гонсевского у ворот была выставлена усиленная круглосуточная охрана. — *Н. Д.*

¹⁹⁴ По убеждению автора, Андронов недостойн называться своим именем Федор, данным ему в честь святого страстотерпца Федора Стратилата. Автор сопоставляет его с Понтием Пилатом, римским прокуратором Иудеи (в 26–36 гг.), утвердившим, согласно Евангелию, смертный приговор Христу. Автор обыгрывает созвучие фамилии Андропова с греческим словом «афедрон». — *Н. Д.*

¹⁹⁵ Автор вновь намекает на «низкое» происхождение Ф. Андропова, получившего чин думного дворянина за услуги Сигизмунду III. — *Н. Д.*

¹⁹⁶ Персонаж переводной повести XV в. «Стефанит и Ихнилат», хитрый царский советник, стремившийся «от нижних до вышняя възйти», но в конце концов казненный за обман своего властителя. — *Н. Д.*

Повесть о победе под Москвой и Земском Соборе 1613 года

Повесть, обнаруженная А. Л. Станиславским и впервые введенная в научный оборот в середине 1980-х гг. (см.: *Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 года // Вопросы истории. 1985. № 5*), в свое время вызвала настоящую сенсацию: исследователи получили уникальный

источник, раскрывающий до того неизвестные перипетии предвыборной борьбы и роль «вольного казачества» в избрании М. Романова. Позднейшая концепция о «единодушном», хотя и не сразу принятом решении в пользу Михаила Федоровича, на страницах повести сменяется яркой картиной противостояния сторон, рассказом о казачестве, чей антибоярский настрой обернулся целенаправленной политической волей, перед которой вынуждены были отступить и церковные иерархи, и аристократические группировки.

Еще первые публикаторы повести выдвинули предположение, что найденный памятник (в настоящее время известны три его списка) — лишь часть неизвестного пока более обширного произведения. В настоящей публикации название дано по «Словарю книжников и книжности Древней Руси» (см.: Солодкин Я. Г. Повесть о победе под Москвой и Земском соборе 1613 года // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Часть 3. П — С. СПб., 1998. С. 167–170).

Повесть печатается по: Повесть о Земском соборе 1613 года // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 457–459 (текст подготовлен к публикации Б. Н. Морозовым). Комментарии составителей настоящего тома.

¹⁹⁷ После выхода остатков польского-литовского гарнизона из Кремля в конце октября 1612 г. полк Струся был передан казакам, которые, вопреки условиям сдачи, многих пленных ограбили и убили. Иная судьба была пленных из полка Будзило, которые, оказавшись в таборах второго ополчения, сохранили свою жизнь и часть имущества. Пленные были разосланы по городам, начальные же люди оставлены в качестве заложников в Москве.

¹⁹⁸ А. Л. Станиславский предположил, что «польские казаки» — описка, и речь идет о волжских казаках. Более убедительным кажется утверждение Я. Г. Солодкина, что автор повести подразумевает здесь казаков — выходцев из «городов на Поле» или «польских городов».

¹⁹⁹ См. комм. 102.

²⁰⁰ *Воротынский* Иван Михайлович (ум. 1627) — князь, боярин, из черниговских Рюриковичей. С 1586 г. в продолжительной опале в связи с близостью к клану Шуйских. В 1592 г. боярин, воевода Казани. Перешел на сторону самозванца и в 1605 г. встречал последнего в Туле. Участник заговора В. Шуйского против Лжедмитрия I. Входил в состав «Семибоярщины», но, рассорившись с поляками, угодил в тюрьму. В 1613 г. имя И. М. Воротынского фигурировало среди кандидатов на престол. При первом Романове — полковой и городской воевода. Глава ряда приказов, в том числе Приказа Казанского Дворца.

²⁰¹ *Трубецкой* Дмитрий Тимофеевич (ум. 1625) — князь, боярин, Гедиминович. Будучи стольником, в 1608 г. отъехал из Москвы в Тушино, где получил от самозванца боярство и возглавил тушинскую Боярскую думу.

В 1611 г. вместе с тушинскими казаками примкнул к первому ополчению. После гибели П. П. Ляпунова и распада первого ополчения остался с И. М. Заруцким под Москвою. После трудных переговоров вошел в союз со вторым ополчением и принял участие в освобождении Москвы. До Земского собора 1613 г. вместе с Д. М. Пожарским управлял государством. Один из кандидатов на царский престол. При Михаиле Федоровиче утратил свое лидирующее положение, участвовал в борьбе с поляками и «воровскими казаками», не стяжав, впрочем, большой славы. В 1625 г. отправлен воеводой в Тобольск, где и умер.

²⁰² См. комм. 70.

²⁰³ *Черкасский* Иван Борисович (ум. 1642) — князь, боярин. В 1598 г. стольник, подписал избирательную грамоту Б. Годунова. В 1600 г., будучи в родстве с Романовыми (двоюродный брат будущего царя Михаила Федоровича), попал в опалу. Возвращен из ссылки в 1602 г. При В. Шуйском воевал против Лжедмитрия II. В 1610–1611 г. активно поддерживал Владислава. Боярство получил при венчании Михаила Федоровича на царство в 1613 г. (вместе с Д. М. Пожарским). После смерти патриарха Филарета (1633 г.), будучи близок к царю Михаилу Федоровичу, возглавлял московское правительство.

²⁰⁴ См. комм. 112.

²⁰⁵ *Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578–1642) — князь, боярин, из стародубских Рюриковичей. Службу начал при Федоре Ивановиче. С 1602 г. стольник. В отличие от многих своих современников в годы Смуты оставался верен до последнего государю, которому приносил присягу. При В. Шуйском отличился как воевода. Так, отстоял Зарайск от сторонников царя Дмитрия Ивановича, существенно облегчив положение Москвы. Участник первого ополчения. Во время мартовского восстания в Москве 1611 г. был тяжело ранен и лечился в своей родовой вотчине под Нижним Новгородом. Заслуженная репутация князя стала основанием для нижегородцев обратиться к нему с предложением возглавить новое земское ополчение. Незаурядность князя как политика выразилась в том, что он активно сотрудничал и поддерживал К. Минина, ценя его организаторский талант и энергию. Возглавив второе ополчение, сумел договориться с казаками Трубецкого и выступить из Ярославля к Москве. Участвовал в освобождении Москвы в 1612 г., отразив все попытки поляков деблокировать осажденный гарнизон. Был одним из кандидатов на престол. Известно также, что Пожарский вместе с Мининым поддерживал идею приглашения на престол шведского королевича Карла Филиппа.

После избрания Михаила Федоровича в ознаменование заслуг был одним из первых пожалован при венчании в бояре. В дальнейшем — видный воевода, глава приказов. См.: *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский.

М., 1998; *Скрынников Р. Г.* Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. М., 1981; *Любимиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1612 гг. М., 1939. Новейшую биографию Д. М. Пожарского см.: *Эскин Ю. М.* Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Михайловича Пожарского // День народного единства. Биография праздника. М., 2009. С. 18–203.

²⁰⁶ *Пронский Петр Иванович* (ум. 1652) — князь, боярин, из рязанских Рюриковичей. Упомянут в числе кандидатов прежде всего в силу знатности рода. Служебная карьера князя сложилась уже после воцарения Михаила Федоровича. На исходе Смуты успел отличиться успешным бегством из Вязьмы, к которой подходил с польским войском королевич Владислав (1617 г.). За этот проступок по указу Михаила Федоровича был бит батогами и сослан в Сибирь.

²⁰⁷ Борьба за престол началась сразу же после освобождения Москвы. Повесть сообщает чрезвычайно интересные детали, позволяющие уточнить соотношение сил в этот период. Известно, что многие рядовые участники второго ополчения устремились в свои имения, невольно ослабив позиции дворянства. Иначе повели себя «вольные казаки», бывшие тушинцы, участники первого ополчения, предпочитавшие ждать исхода избирательной борьбы. Последние, по сути, стали едва ли не главной политической силой, с которой вынуждены были считаться искатели мономахова венца. Повесть называет имена первых претендентов на престол, передавая, по-видимому, даже детали споров — быть ли выбору или положиться на жребий, как выражение Божественной воли (так, в частности, иногда избирали из признанных достойными высших иерархов). Далее речь идет о попытках кандидатов переманить на свою сторону потенциальных «избирателей» — казаков.

²⁰⁸ Обращение к митрополиту Ионе не случайно: после смерти Гермогена Крутицкий митрополит был местоблюстителем патриаршего престола. К тому же следует учесть, что стоявшие выше его в церковной иерархии митрополиты на тот момент в Москве отсутствовали. Так, новгородский митрополит Исидор находился, по сути, во власти шведов и не мог покинуть город, жители которого целовали крест королевичу Карлу-Филиппу. См. комм. 489. Казанский митрополит Ефрем находился в своей митрополии.

²⁰⁹ Тема службы и связанного с ним жалованья была чрезвычайно актуальна: главную опасность для земского правительства представляли запорожцы, призванные Сигизмундом III в пределы Русского государства. Между тем русские ратные люди отказывались выступать против черкасов, пока не будет выбран государь, к которому можно обратиться с требованием жалованья.

- ²¹⁰ Согласно повести, кандидатура М. Ф. Романова не рассматривалась первоначально боярами. Это имя всплыло под прямым давлением казаков. Из показаний смолянина Ивана Философа, оказавшегося в польском плену, известно, что в казацких таборах наотрез отказывались обсуждать кандидатуры иноземных королевичей и призывают «обрать кого из русских бояр, а примеривают Филаретова сына и Воровского Калужского (т. е. Ивана Дмитриевича, сына Марины Мнишек и Дмитрия II)». Казаки не только называют в повести имя Михаила Федоровича, но и пресекают боярские интриги против их кандидата. При этом они уверены, что действуют «по Божей воли», которая единственно и может возвести на престол самого достойного.

Авраамий Палицын. История в память предидущим родом, да не забвенна будут благодеяния, еже показа нам Мати слова Божиа, всегда от всея твари благословенна приснодеваа Мариа, и како соверши обещание свое к преподобному Сергию, еже рече, яко неотступна буду от обители твоея. Списано бысть тоя же великиа обители Живоначалныя Троица-Сергиева монастыря келарем иноком Авраамием Палицыным

«История в память предидущим родам», более известное как «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря келаря Авраамия Палицына» (собственно обороне монастыря посвящены 7–56 главы) является к одним из самых известных произведений о Смутном времени. Труд писателя пользовался огромной популярностью у современников — не случайно до нас дошло более двухсот списков памятника. Не остались равнодушными к «Сказанию» и исследователи. Влияние повести до сих пор ощутимо в трактовке многих сюжетов Смуты. Между тем Палицын, как всякий автор, решал в своем произведении вполне прозаические задачи. В частности, он пытался оправдать за свое сомнительное с точки зрения интересов новой династии поведение в отдельные периоды Смуты. Опыт был не особенно удачным. Недругом келаря оказался не кто иной, как сам патриарх Филарет, отец первого Романова. Неприятие возникло, по общему мнению исследователей, во время «великого посольства» под Смоленск в 1610 г., во главе которого стояли боярин князь В. В. Голицын и Филарет, тогда еще Ростовский митрополит. Переговоры с поляками в смоленском лагере оказались неудачными, что не помешало отдельным участникам посольства, положившись «во всем на волю королевскую», отступить от целей посольства и решить свои частные дела. Среди тех, кто, подчиняясь королю, оставил великих послов значится, и Авраамий Палицын. Он вернулся в Троицу с охранными грамотами на монастырские вотчины. Существуют и более тяжкие подозрения в адрес Авраамия: будто он склонился к избранию на московский престол Сигизмунда III.

Поскольку проигравшая сторона — митрополит Филарет — с изгнанием поляков и избранием на престол Михаила Романова оказалась стороной выигравшей, поступок Палицына превратился в серьезный *проступок*. Не помогло ни «Сказание», ни заслуги в организации земского освободительного движения, ни активное участие в выборной компании в пользу Михаила Романова. Тем не менее, благодаря литературным достоинствам «Сказания» и стараниям церковных историков, идеализировавших личность келаря, фигура Палицына со временем оказалась «реабилитированной». В исторической литературе XIX в. Палицын уже фигурировал как один из вождей освободительного движения, близкий к таким «столпам», как патриарх Гермоген или Троицкий архимандрит Дионисий.

Центральный сюжет «Истории» — шестнадцатимесячная оборона Троице-Сергиева монастыря, которая под талантливым пером Палицына превращается в монументальную героическую эпопею. Сам Палицын, будучи в Москве, в обороне обители не участвовал: «Тогда бо ми не бывшу во обители во осаде..., но в царствующем граде Москве по повелению державного». Свое произведение он писал по рассказам защитников Троицы и отпискам. Несомненно, многие сведения «Сказания» уникальны, хотя то, что в нашем понимании можно отнести к достоверности, не было главной целью автора. Палицын исходил из иных идейных и этических установок, решая в первую очередь задачу прославления Святой обители. Следуя образцам, он так определил ее: «великое заступление» и помощь святых, Сергия и Никона, побудили его проверить и поведать о всех чудесах преподобных отцов у «оставшихся иноков святолепных и доблоразсудительных и от воин благоразумных и от прочих православных христьян». Рассказ о чудесах должен был хотя бы немного напоить «божественного словесе» «жаждущую душу».

Оборона Троицы под пером келаря превратилась едва ли не в поворотное событие Смуты, предопределившее изгнание захватчиков и прекращение внутренней розни. «Но аще и мала искра огня любви божия во обители чюдотворца возгареся, но напоследок велик пламень добродетельный распалися», — провозглашал Палицын.

Не менее интересны, хотя и не столь известны широкой публике, те главы памятника, в которых автор пытается дать оценку правления Ивана IV, Федора Ивановича, Б. Годунова, Лжедмитрия I и В. Шуйского (1–6 начальные главы, получившие в первой редакции название «Сказания кних ради греха»). Именно в них с наибольшей полнотой проявились социально-политические взгляды и предпочтения знаменитого келаря. Оставаясь на позициях провиденциализма, Авраамий, тем не менее, опосредствует вмешательство высших сил через деятельность людей — предмета своего описания. Божий промысел проявляется у него в общенародной воле, которая в главах нередко выступает как сумма вполне конкретных приземленных устремлений словий и чинов.

Представляется существенным, что необычайная популярность произведения Палицына — свидетельство того, что заложенные в нем образы, представления, идеи оказались созвучны с миропониманием и мирочувствованием человека XVII в. «История» не шокировала. Напротив, служила источником нравственной и интеллектуальной пищи для читателя, надолго оставаясь таковым даже после того, как раны смутного лихолетья перестали кровоточить и болеть. Именно поэтому данный памятник — ценнейший источник для изучения политических представлений и ценностных предпочтений человека позднего средневековья.

Авраамий (в миру Аверкий Иванов Палицын) (ок. 1550–1626) — успешная карьера московского дворянина была прервана опалой в 1587–1588 гг., причины которой не совсем ясны. Не ранее 1597 г. прощенный, но не совсем Аверкий принял постриг в Соловецком монастыре. В 1607–1608 г. был переведен в Троице-Сергиев монастырь, где стал келарем. По-видимому, в эти годы политические предпочтения Авраамия часто менялись, будучи основанными не на принципах, а на частных интересах. Несомненно однако, что Авраамий выступал приверженцем сотрудничества первого и второго ополчения, склоняя их вождей к поиску согласия. В 1611–1612 гг. совместно с архимандритом Дионисием и троицкими старцами составлял патриотические послания. Активно агитировал за избрание первого Романова. Подпись Палицына стоит одиннадцатой на обороте Утвержденной грамоты. По окончании Смуты деятельно занимался восстановлением Троицкого монастыря, на время осуждения Дионисия возглавлял обитель. Около 1620 г. оставил свою должность и вернулся на Соловки, где и умер. См.: *Салодкин Я. Г.* Авраамий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Часть 1.* А–З. СПб., 1992. С. 36–44. Здесь же помещена основная библиография, посвященная Авраамии Палицыну и его произведению.

Текст 1–6 глав печатается в сокращении по: *Сказание Авраамия Палицына.* Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной. М.; Л., 1955. В публикации использованы комментарии О. А. Державиной (О. Д.).

²¹¹ Т. е. 1584 г.

²¹² Параллели из Библии в памятниках Древней Руси обычно являются средством для характеристики описываемого лица. В данном случае сравнение с легендарным Иосифом, который после удачного толкования снов фараона стал правителем Египта, должно подчеркнуть ум, находчивость Бориса, его государственные способности. Блестящая карьера Годунова, видимо, напоминала автору судьбу Иосифа и его неожиданное возвышение. — О. Д.

²¹³ Правителем Персии во время царствования Федора Ивановича был шах Аббас, сын шаха Годабенда. Он не раз присылал в Москву своих послов для переговоров с правительством Федора-Годунова о союзе против Турции, но эти переговоры не дали практических результатов. — О. Д.

- ²¹⁴ Автор имеет в виду оживленные дипломатические сношения, которые вело с рядом европейских государств правительство Федора-Годунова, в частности переговоры с Римом и с Англией. С целью подчинить Русь своей власти папа римский Климент VIII дважды посылал в Москву (в 1595 и в 1597 гг.) своего легата А. Комулея, аббата Моненского. Внешним поводом для этого было поручение посланцу побудить царя Федора помочь австрийскому императору в борьбе с Турцией и избавить христианские государства от ига Оттоманской Порты; попутно А. Комулей должен был убедить русское правительство в правильности не византийского, а римско-католического вероисповедания и этим склонить его на унию с Римом. Посольство не имело реальных последствий, что приостановило агрессивные намерения Рима подчинить Россию своему влиянию. — *О. Д.*
- ²¹⁵ См. комм. 334.
- ²¹⁶ Сообщение автора подтверждается рассказами иностранцев — И. Массы, Геркмана и др. И. Масса, бывший в России в 1601–1609 гг., сообщает: «Димитрий часто говорил: “Какой плохой царь мой брат! Он не способен управлять таким царством!”. Нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов... “Я сам хочу ехать в Москву, хочу знать, как там идут дела, ибо предвижу худой конец, если доверить недостойным дворянам. Так поэтому надо позаботиться заблаговременно”» (*Устрялов Н.* Сказания Массы и Геркмана. СПб., 1874. С. 45); Бер в «Летописи московской» рассказывает: «В то время Годунов приказал наблюдать внимательно за всеми словами и забавами юного Димитрия; вскоре заметили в сем царевиче отцовское жестокосердие: однажды он велел своим товарищам — молодым дворянам сделать из снега несколько изображений, назвал их именами известных бояр, поставил рядом и начал рубить. Одному отсек голову, другому отбил руку, ногу, иного проколол насквозь, приговаривая: “Это такой-то боярин, такой-то князь, так им будет в мое царствование”. Многие бояре, сим уstraшенные, видели в Димитрии подобие Иоанна Васильевича и весьма желали, чтобы сын поскорее отправился за отцом своим в могилу, а более всех желал этого Годунов, коего фигуру царевич поставил выше прочих и отсек ей голову» (*Устрялов Н.* Сказания современников о Самозванце. Т. 1. 3-е изд. СПб., 1859. С. 1–5). Вряд ли можно думать, что малолетний царевич действительно вел себя подобным образом. Вероятно, слухи о его разговорах и действиях намеренно распространялись во враждебных Нагим боярских кругах и собирались иностранными агентами, следившими за политической борьбой в Русском государстве. — *О. Д.*
- ²¹⁷ Т. е. 1591 г.
- ²¹⁸ Первое сообщение о «чудесах» от гроба царевича находится в известительной грамоте Шуйского от 2 июня 1606 г. Оно повторяется

и расширяется в последующих грамотах и оттуда попадает в литературные памятники — «Повесть како восхити неправдою на Москве престол Борис Годунов» и первое «житие» царевича Дмитрия. В «Сказании» Авраамия Палицына известие о «святости» и «чудесах» царевича мы находим только во второй, окончательной редакции первой главы. — *О. Д.*

- ²¹⁹ О восстании в Угличе и расправе над жителями города, пострижении царицы Марии и ссылке Нагих см. комм. 62.
- ²²⁰ Слух о насильственной смерти царевича получил распространение в годы царствования Б. Годунова.
- ²²¹ Т. е. 1591 г.
- ²²² Царские богомольные походы совершались в Троицу обычно не реже двух раз в год, в сентябре и декабре.
- ²²³ Праздник «сошествия Св. Духа», иначе праздник Троицы, празднуется в 50-й день после Пасхи, в седьмое воскресенье. — *О. Д.*
- ²²⁴ Пожар, описанный Палицыным, произошел в 1593 г. Из прочих писателей начала XVII в. о нем упоминает только дьяк И. Тимофеев в своем «Временнике». Вслед за Тимофеевым Палицын сообщает об этом пожаре в связи со смертью царевича Дмитрия. Хотя он и не обвиняет, как Тимофеев, в намеренном поджоге города Б. Годунова, который будто бы приказал сделать это, чтобы отвлечь внимание москвичей от Угличского события, — все же рассказывает, как было использовано Годуновым народное бедствие в целях привлечения на свою сторону народных масс. Подробности пожара и его распространение рисуются Палицыным конкретнее и точнее, чем Тимофеевым, хотя в основных чертах описания совпадают. Это дает право предположить, что Палицын был знаком с трудом Тимофеева и кое-что заимствовал у него. Названия улиц Москвы, пострадавших от пожара, частично совпадают с современными: Арбатская улица, Труба, т. е. Трубная площадь, Никитская, Тверская. На Никитской находились женский Никитский монастырь, Посольский двор. Колымажный двор, где начался пожар, находился на месте современного Музея им. А. С. Пушкина. О церкви Николы на Хлынове напоминает Хлыновский тупик, расположенный за рекой Неглинной. — *О. Д.*
- ²²⁵ Как и дьяк И. Тимофеев, А. Палицын поднимает тему жалования не по достоинству, ведущее к нарушению существующего порядка и структуры общества.
- ²²⁶ Палицын сообщает о мерах, предпринятых Годуновым после пожара, — выдача ссуд погорельцам на «домовое строение», предоставление торговым людям льгот вплоть до освобождения от податей («льготные и белые грамоты»). По утверждению автора текста, высшие чины государева двора («от царской палаты сущим») могли получить помощь из казны

и на иные нужды. В исчислении Палицыным предпринятых Годуновым мер ощутимо осуждение — автор не верит в искренность Бориса и видит в его действиях стремление снискать популярность среди различных слоев населения. При этом, в отличие от дьяка И. Тимофеева, Палицын не обвиняет правителя в поджоге Москвы, который он будто бы совершил, чтобы отвлечь жителей столицы от событий в Угличе. Для автора пожары в городах — грозное предупреждение, воздаяние за грех.

²²⁷ Т. е. 1598 г.

²²⁸ Чрезвычайно интересная реплика автора текста, характеризующая его политические представления. Избирательный земский собор заменен здесь согласием на воцарение Б. Годунова многими «правление держащих в России».

²²⁹ Новодевичий монастырь был основан на Девичьем поле великим князем Василием III в 1525 г. в память взятия Смоленска русскими войсками (1514 г.). Он находился недалеко от Москвы и, окруженный стенами, представлял собой одну из крепостей, построенных на подступах к городу. — О. Д.

²³⁰ Имеется ввиду патриарх Иов.

²³¹ В традиции публицистики Смуты «умоление» Бориса священным образом, помимо всеобщего осуждения, служило неоспоримым доказательством высочайшей гордыни царя Бориса.

²³² Эпизод с клятвой и «срачицей», которую Борис якобы был готов разделить с бедствующими подданными, впоследствии стал предметом жаркого обсуждения между современниками и потомками. В большинстве случаев в этом видели очевидное доказательство лукавства и лицемерия новоизбранного царя. Любопытно, однако, что необычайный поступок Бориса запомнился царствующим особам: так, царь Алексей Михайлович объявлял греческим купцам, что готов отдать последнюю рубашку ради освобождения православных от иноверческого гнета.

²³³ Н. Р. Захарьин-Юрьев был одним из бояр, кому Грозный, по некоторым известиям, перед смертью поручил своих сыновей Феодора и Дмитрия; Захарьин-Юрьев вскоре тяжело заболел и отошел от дел. Прочих бояр Б. Годунов сумел отстранить от дел правления и, в качестве шурина царя, стал фактически единовластным правителем государства. В этом захвате власти автор и видит нарушение Борисом клятвы Захарьину-Юрьеву и другим боярам, с которыми, по мысли Грозного, он должен был править государством; как и другие писатели начала XVII в., он указывает на особую вражду Годунова к Захарьину-Юрьеву и всему роду Романовых-Юрьевых как соперников Бориса в борьбе за престол. — О. Д.

²³⁴ Об опале Романовых см. комм. 70.

Характеризуя Годунова, автор делает особый акцент на расправе его с Романовыми, которые в момент завершения работы над «Историей» уже стояли у власти. Как известно, старший брат — Федор Никитич — отец царя Михаила Романова, в будущем патриарх Филарет (умер в 1633 г.), в 1601 г. был пострижен в монахи и сослан в Сийский Антониев монастырь; его жена, также постриженная, — в один из заонежских погостов; Александр Никитич — в Усолье-Лузу, к Белому морю, Михаил Никитич Романов — в Пермь, в Ныробскую волость, Василий Никитич — в Яренск; их зять — князь Б. Черкасский с женой и племянниками, детьми Федора Никитича, — на Белоозеро. Все братья, кроме Федора и Ивана, умерли в ссылке. — О. Д.

²³⁵ Речь идет о возведении самозванцем Филарета в сан Ростовского митрополита. Первым Ростовским митрополитом был Леонтий, который занимал ростовскую кафедру до 1077 г. Умер в 1090 г. Его преемником был Исая, монах Печерского монастыря, современник Владимира Мономаха. Упоминание «предшественников» Филарета, «святых» Леонтия и Исая, должно, по мнению автора, поднять в глазах читателя авторитет старшего Романова. — О. Д.

²³⁶ Исходным моментом в процессе над Романовыми стало обвинение-донос одного из слуг в злоумышлении на здоровье Годунова. Палицын, по-видимому, отражая тогдашние настроения в верхах общества, придает случившемуся еще более широкий смысл: Борис поощрил доносы слуг на своих господ, что, по-видимому, вызвало серьезные опасения за свое положение в кругах, оппозиционно настроенных к Годуновым. Пронизывающий всю литературу начала XVII в. лейтмотив о незаконности и пагубности претензий низших слоев на статус, не соответствующий их «достоинству», возводился большинством публицистов именно к этому деянию Годунова — он поощрил эти разрушительные для общества мечтания.

²³⁷ Т. е. 1601 г.

²³⁸ Именно с великого голода 1601–1603 гг. Палицын начинает отсчет бед, обрушившихся на Московское царство. Голод, неурожай, эпидемии для автора «Сказания» есть не что иное, как наказание, ниспосланное Богом на жителей Московского царства за их «великие прегрешения» и нежелание покаяться. Среди современников Смуты существовали, впрочем, и более точные адреса виновников бедствий. Речь шла о наказании православных за преступные деяния Бориса Годунова, включая — несомненный «реверанс» Троицкого келаря в сторону Романовых — преследование «Никитичей».

Между тем бедствия 1601–1603 гг. действительно были огромны. Все лето 1601 г. шли дожди. В середине августа ударили морозы, окончательно погубившие невызревший урожай. Напрасными оказались надежды

и на озимые — зерно просто вымерзло в земле. Из-за ненастья погиб урожай следующего года. Наступила «хлебная дороговизна» и страшный голод, от которого, по определению летописцев, умирало больше, чем во времена «прогневания Божего» — морового поветрия. Усилия Годунова смягчить голод дали, судя по всему, незначительные результаты. Одна из причин — злоупотребления и алчность властей, не упустивших возможности нажиться на народной беде. Законодательные меры, среди которых было даже частичное восстановление крестьянского выхода, привели к расшатыванию правопорядка и углублению «межусобного кровопролития» — социальных противоречий. См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 117–109, 230–232; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне Смутного времени. М., 1985. С. 101–116, 152–180; *Козляков В.* Смутное время... С. 59–73.

²³⁹ Образ взят из книги Иисуса сына Сирахова. — *О. Д.*

²⁴⁰ Библия, книга пророка Исайи. Библейские тексты, приписываемые древним пророкам, постоянно употреблялись в древнерусской литературе: писатели использовали их в своих произведениях в качестве полемического средства, в ряде случаев для обличения представителей господствующего класса. В данном случае текст направлен автором против Б. Годунова. — *О. Д.*

²⁴¹ «Богоносными отцами» церковь называла церковных писателей, представителей духовенства и монашества, которые оставили после себя послания и другие труды религиозно-назидательного характера. В этих произведениях в плане церковной идеологии часто затрагивались явления социально-экономической и политической жизни. — *О. Д.*

²⁴² Ужасающая картина голода и поведения людей, представленная А. Палицыным, подтверждается многочисленными источниками. Состоявший на русской службе француз Ж. Маржерет пишет о 120 тыс. человек, похороненных в трех специальных местах за городом, что перекликается со свидетельством Палицына с его упоминанием трех мест для коллективного захоронения — *схудельницах* (см.: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. М., 2007. С. 159–160).

На деньги, заплаченные Иуде первосвященниками за предательство Иисуса Христа и после осуждения Иисуса брошенные Иудой на землю, первосвященники, как говорит Евангелие от Матфея (27: 7), купили у горшечника землю для погребения странников. Это место, село Схудельниче (т. е. Горшечниково), дало, по-видимому, название для захоронения «за счет» Христа бедных, обездоленных и больных людей.

²⁴³ Источники подтверждают слова Палицына о больших запасах хлеба, оставшихся от урожая прошлых лет. Однако их владельцы предпочли

не делиться хлебом с голодающими: «Не пощадехом братию свою и жита и блага своя заключихом себе», за что и были наказаны Богом: «Тако и нас не пощадеша врази наши».

- ²⁴⁴ Палицын имеет ввиду продолжение Б. Годуновым политики, начатой Иваном IV и Федором Ивановичем (собственно, при последнем самим Годуновым, главой правительства, в руках которого была сосредоточена реальная власть) на южных рубежах страны. Обширное оборонительное строительство, возведение городов-крепостей призваны были не только укрепить рубежи России, но и в перспективе освоить новые пространства, привлекательные с точки зрения хозяйственной деятельности. Особенно интенсивно шли эти процессы в лесостепной полосе, в «Диком поле». Основанные здесь города позволяли контролировать степные шляхи, по которым во время набегов двигались отряды крымских татар.

Приказное деление на «города» было достаточно условным. Оно исторически сложилось в процессе формирования Русского государства и закрепились в сознании современников. Это деление включало города с уездами, расположенные на южной окраине Русского государства. «Украинные», т. е. окраинные, приграничные города «от поля», «польских городов» (т. е. степи, «Дикого поля»), а также города Северского края, «Северской украины», Северщины. В годы Смуты эти области стали базой для антиправительственных выступлений, поскольку здесь издавна существовало социально активное, способное постоять за себя население, пополняемое беглыми людьми. Объясняя пристрастие местных жителей к самозванцам, московское правительство писало: «Северских и Украинных городех севрюки мужики люди простые и в Московском государстве мало бывают». См.: Сб. РИО. М., 1912. Т. 137. С. 259.

- ²⁴⁵ Чрезвычайно интересное отступление Палицына, характеризующее взгляд современников на причины и положение в стране в канун Смуты. Грозное скопление «воров» на Северщине сдерживалось «разумом» и «жестокостью» Ивана Грозного и крепкими молитвами благочестивого Федора Ивановича. Борис же с «мнози вельможами» виновен в том, что разрушил порядок, увлекая к себе «в неволю» множество народу, включая служилых людей, «крепких во оружии». Разрушение довершил «великий глад», когда богатые и «правительствующие», забыв о своем долге, распустили без средств к существованию дворню с вольными (в августовском указе 1603 г. законодатели так определили действия холопювладельцев: «Холопей своих ссылали з двора, а отпускных им не дали... а велят им кормитца собою, и те их холопи помирают голодом...»). См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 52. С. 71). Это привело к всеобщему «озлоблению» и «негодованию» на Годунова.

«Опальные бояре» — речь идет о Романовых и их свойственниках, пострадавших в 1601 г. Дворы их были распущены, многочисленную дворню запрещено было холопотить, что, по утверждению Палицына, усугубило недовольство.

Калуга и Тула — города, где отряды И. И. Болотникова оказали ожесточенное сопротивление войскам В. И. Шуйского.

²⁴⁶ Имеются в виду постановления церковных соборов и законы греческих императоров — Константина Великого и Юстиниана, которым следовали и русские великие князья, строившие на их основании теорию сильной самодержавной власти. — *О. Д.*

²⁴⁷ Царствующий град, т. е. Москва.

²⁴⁸ Стремясь укрепить династию и упрочить международное положение России, Б. Годунов намеревался выдать свою дочь Ксению за отпрыска какой-либо европейской королевской династии. Так, тот же А. Власьев, который будет представлять «особу государя» Лжедмитрия I во время брачной церемонии в Кракове с М. Мнишек, в 1599–1600 гг. вел переговоры при «царском дворе» о браке Ксении с эрцгерцогом Максимилианом Габсбургом (*Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 87–104). Однако планам Бориса сильно мешал вероисповедальный вопрос. Лишь после двух неудачных попыток дипломатам Годунова удалось заручиться согласием датского короля Христиана IV на брак его брата, принца Иоганна, с К. Годуновой. Но приехавший в Москву принц скоропостижно скончался 28 октября 1602 г. Для Палицына история с брачными планами Годунова — еще одно свидетельство его пагубной гордости.

²⁴⁹ Татарским царством Палицын называет Грузию, где Б. Годунов, желая укрепить дружественные связи с Закавказьем, искал невесту своему сыну Федору. Этой невестой была Елена, княжна Карталинская, дочь князя Юрия. За Еленой было снаряжено посольство во главе с Татищевым. — *О. Д.*

²⁵⁰ Таким именем называет А. Палицын Закавказье — земли, прилегающие к морю Хвалынскому, или Каспийскому. — *О. Д.*

²⁵¹ Автор говорит здесь о политике русского правительства на Кавказе во время царствования Годунова. После смерти кахетинского царя Александра, союзника России (он был убит своим сыном Константином, перешедшим на сторону Турции и принявшим магометанство), русские войска, находившиеся в Дагестане под начальством Бутурлина и Плещеева, были вытеснены оттуда турками при помощи части горцев (кумыков и черкес) (1606 г.). — *О. Д.*

²⁵² Кизильбашской шах — персидский шах, во время правления Б. Годунова шах Аббас I (1570–1629). — *О. Д.*

- ²⁵³ Так в Древней Руси назывались народы Запада, в данном случае шведы, датчане, англичане. — О. Д.
- ²⁵⁴ Царем Касимовским при Борисе был Ураз Магомет, один из князей Ногайских. — О. Д. В 1608 г. принял сторону Лжедмитрия II. В 1610 г. убит в Калуге по приказу самозванца (см.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследования о касимовских царях и царевичах // Труды Восточного отделения Археологического общества. СПб., 1864. Ч. 10. С. 107, 469).
- ²⁵⁵ Ногаи — тюркская народность, близкая к татарам, выделившаяся в особый «улус» при распаде Золотой орды и получившая свое название от имени Ногая, внука Чингиз-хана (конец XIII в.). Ногайцы были кочевниками. В царствование Б. Годунова русское правительство старалось поддерживать дружественные отношения с князьями Ногайской орды. — О. Д.
- ²⁵⁶ С точки зрения Палицына даже широкая благотворительность и церковное строительство не спасает Годунова, поскольку основана на «неправедных прибытках». В их числе — разграбление имений «неповинных» (намек на конфискации лиц, обвиненных по делу Романовых). Осуждение вызвала у келаря постановка кабацкого дела при Годунове. К концу XVI в. кабацкая система приобрела законченный характер, принося казне огромные доходы и провоцируя осуждаемый церковью рост пьянства и число «питухов» (см.: *Прыжов И. Г.* История кабаков в России. СПб., 1992; *Курукин И. В., Никулина Е. А.* «Государево кабацкое дело». Очерки питейной политики и традиций в России. М., 2005. С. 36–54). Рефлексия Палицына — свидетельство того, сколь важное место в аргументации легитимности занимала благочестивая деятельность монарха. Троицкий келарь прилагал немало усилий, чтобы опровергнуть ее изначально, в самом ее истоке — истинной мотивации поступков «прегордо-го» Годунова.
- ²⁵⁷ Армяне считались православной церковью еретиками, потому что они не признали постановления IV вселенского собора (451 г.). Латинской ересью называлось католическое вероисповедание. — О. Д.
- ²⁵⁸ Источник не найден. Близкое по смыслу: 2 Петр. 2: 3; Ио. 17: 8, 11.
- ²⁵⁹ Т. е. 1605 г.
- ²⁶⁰ Авраамий Палицын, как и другие русские писатели XVII в., подчеркивает, что первый самозванец, которого официально называли Г. Отрепьевым, искал помощи у Польши и, следовательно, был ставленником польских интервентов. — О. Д.
- ²⁶¹ Речь идет о «прелестных письмах» самозванца. Источники сообщают об активной пропагандистской деятельности Лжедмитрия I и его сторонников, во множестве рассылавших грамотки от имени царевича Дмитрия.

Текст одной из таких окружных грамот в Чернигов сохранился. Его авторы умело апеллировали к самым основам монархического сознания служилых и посадских людей. Царевич Дмитрий представлен законным, «природным» государем, предназначенным взойти на трон «Божиим произволением» и укрытый его «невидимой рукою» от убийц Бориса; Годунов — изменник; все жители уже сакрально связаны и обязаны подчиниться царевичу, ибо целовали крест «отцу нашему, блаженной памяти государю... Ивану Васильевичу»; царевич обещает всем «благоденственное житие», служилых людей жаловать и в чести держать (ААЭ. Т. 2. № 26. С. 76). Пропаганда самозванца, несомненно, была действенна: она внесла смятение в сознание современников, на почве растущего недовольства Борисом, объявленного молвой виновником всех обрушившихся бед, подтолкнула многих к признанию царевича.

²⁶² Римский папа Климент VIII, с которым находился в сношениях первый самозванец, поддерживал агрессивную политику Польши, — в частности ее короля Сигизмунда III, — против Русского государства и видел в аванюре Лжедмитрия удобный момент для пропаганды католичества на Руси, в целях ее подчинения политическому влиянию Римской курии. — *О. Д.*

²⁶³ *Сигизмунд III Ваза* — польский король. См. комм. 86.

²⁶⁴ «Стрым», т. е. дядей антихриста, русское духовенство XVII в. называло римского папу, видя в нем врага родины и православной церкви. Авантюра Лжедмитрия I началась при папе Клименте VIII, который обещал помощь самозванцу. Покровительствовал ему и его преемник — Павел V, о восшествии на папский престол которого известил Лжедмитрия папский нунций Рангони. Агент Ватикана в Польше, в своем послании к самозванцу он намекает, что Дмитрий, в благодарность за «благоденствие божие» — вступление на престол, должен исполнить свое обещание — ввести католичество в Русском государстве. Правильно раскрывая связь самозванца с Ватиканом, Палицын видит в нем в первую очередь врага православия, почему и называет папу «дядей антихриста». — *О. Д.*

²⁶⁵ Так называли в Древней Руси католическое «причастие», состоявшее не из хлеба и вина, как в православной церкви, а только из одного пресного хлеба. — *О. Д.* Poleмическое замечание, имеющее в виду богослужебную практику католиков, использующих для литургических целей, в отличие от православных, пресный, а не кислый хлеб.

²⁶⁶ Пророк Иезекииль, по преданию, жил во время пленения евреев вавилонянами и был обличителем пороков еврейского народа. Ссылкой на пророчество Иезекииля автор хочет нарисовать перед читателем неминуемую судьбу «расстриги» и вероотступника Лжедмитрия I. — *О. Д.*

²⁶⁷ Т. е. 1605 г.

- ²⁶⁸ М. Нагая, седьмая жена Ивана Грозного, была возвращена из ссылки в 1605 г. Лжедмитрием I, которого она, желая отомстить Годуновым, признала своим сыном. Последние годы жизни Марфа доживала в Вознесенском монастыре в Кремле. В. Шуйский при своем вступлении на престол воспользовался именем Марфы как матери убитого царевича Дмитрия: от ее имени рассылались по городам грамоты, где утверждалось, что убитый в Москве царь был самозванец, а Марфа вынуждена была признать его своим сыном только под влиянием его угроз. — О. Д. См. также комм. 49.
- ²⁶⁹ Как указывает Палицын, у Григория Отрепьева, с которым отождествляли Лжедмитрия I, были мать, вдова Варвара, брат и дядя, будто бы своими показаниями разоблачавшие обман самозванца. Кроме «Сказания» Палицына, о родственниках Отрепьева упоминается и в других памятниках начала XVII в., именно в «Сказании еже содеяся...» и «Летописи о многих мятежах». — О. Д.
- ²⁷⁰ Речь идет о Отрепьеве Никите Елизарьевиче Смирном, галицком дворянине, двоюродном дяде Лжедмитрия I. В 1604 г. он был послан Годуновым в Польшу для разоблачения самозванца, за что год спустя, придя к власти, Лжедмитрий I сослал его в Сибирь. В 1608 г. был среди защитников Троице-Сергиева монастыря от войск Я. Сапеги.
- ²⁷¹ Лица, упомянутые автором, не вымышлены: дворянин П. Тургенев и мещанин Ф. Калачник, русские патриоты, не побоялись открыто обличать Лжедмитрия I, за что и были казнены (СГТД. Т. II. № 131). — О. Д.
- ²⁷² Публичное подтверждение В. Шуйским известия о гибели царевича Дмитрия в Угличе, которое было сделано им по распоряжению Б. Годунова, побуждало москвичей особенно пристально наблюдать за князем во время триумфального вхождения самозванца в Москву. Учитывая это обстоятельство, Лжедмитрий въезжал в столицу в одной карете с первенствующими в думе боярами — князем Ф. И. Мстиславским и князем В. И. Шуйским. Однако последний в частных разговорах усомнился в царственном происхождении самозванца, о чем донесли Лжедмитрию. Демонстративно устранившийся самозванец возложил решение участи В. И. Шуйского на членов Освященного собора и Боярской думы. Он лишь обвинил Шуйских в стремлении «идти путем изменника нашего Бориса». Проверка окружения на «лояльность» прошла успешно: судьи вынесли В. Шуйскому смертный приговор. Лжедмитрий I, посчитавший милосердие более выгодным для упрочения своего положения, нежели суровость, в последний момент, прямо на плахе, помиловал князя. Вскоре В. Шуйский был окончательно прощен самозванцем и возвращен в Москву. Образ «страдальца» успешно был использован Шуйским при организации заговора против Лжедмитрия и восхождении на престол. См.: Козляков В. Н. Смута в России... С. 130–131.

- ²⁷³ Рязанский епископ Игнатий был поставлен самозванцем на место сведенного им с патриаршего престола патриарха Иова. — *О. Д.*
- ²⁷⁴ Дочь воеводы Сендомирского Ю. Мнишека, Марина, в 1605 г. была объявлена невестой Лжедмитрия I, а в 1606 г. стала его женою. За ней в Польшу был послан в качестве великого посла дьяк А. Власьев. — *О. Д.*
- ²⁷⁵ Пафнутий поставлен епископом в 1605 г. из архимандритов Чудова монастыря; упоминается в памятниках до 1608 г.; в 1612 г. его уже не было в живых. Крутицкая, иначе Сарайская, епархия была учреждена в Москве в 1261 г. Свое название Сарайская епархия получила от имени татарского города Сарая, где она была учреждена митрополитом Кириллом, для того чтобы влиять на взаимоотношения Руси и Орды через представителя русской церкви. В конце XV в. епископы сарайские были переведены на жительство в Москву, где им дана была пригородная усадьба Крутицы. — *О. Д.*
- ²⁷⁶ Литва входила в состав Речи Посполитой — польско-литовского государства, граничащего с Русью на западе. В конце XVI и начале XVII в. польские феодалы вели по отношению к России явно агрессивную политику. В памятниках первой половины XVII в. (Повесть 1606 года, вошедшая в так называемое «Иное сказание», «Сказание о Самозванце» и др.) рассказывается о том, как Лжедмитрий I, которого официально было принято считать беглым монахом московского Чудова монастыря, сбежал из монастыря и вместе с двумя товарищами перешел литовскую границу, чтобы искать помощи у польского короля, исконного врага Руси. Этой версии придерживается и А. Палицын. — *О. Д.*
- ²⁷⁷ Имеется в виду библейская легенда о гибели египетского фараона и его войска в волнах Черного (Красного) моря. В представлении автора эта легенда должна была служить как бы прообразом тех бед, которые грозили Русской земле, признавшей царем самозванца. — *О. Д.*
- ²⁷⁸ Лжедмитрий I был человеком по-своему незаурядным. Вопреки утвердившемуся в литературе взгляду на самозванца как на марионетку, он позволял себе вполне самостоятельные поступки. Так, хорошо зная традиционализм московских порядков и нетерпимость к католикам, он, руководствуясь чувствами, сделал свой выбор в пользу М. Мнишек. При этом он не мог не понимать, какие преимущества получали благодаря этому браку его противники. И все же Лжедмитрий решительно порывает с традицией, заключает с Ю. Мнишеком брачный договор о женитьбе на его дочери, обещая М. Мнишек отдать во владение Новгород и Псков, а тестю — Северские города и половину Смоленска. См.: *Козляков В. Н. Лжедмитрий I. М., 2009.*

- ²⁷⁹ Расстрига — духовное лицо, лишенное монашеского сана; здесь — Лжедмитрий I.
- ²⁸⁰ Столкнувшись с оппозицией и не без основания опасаясь за свою жизнь, Лжедмитрий создал в январе 1606 г. личную охрану (по определению служившего командиром стрелков, Ж. Маржерета «иноземную гвардию»), в которую вошли три сотни стрелков, копейщиков и алебардчиков. См.: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи... С. 168; *Буссов К.* Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 112.
- ²⁸¹ Осуждая поведения Лжедмитрия I и его окружения, Палицын приводит примеры расхищения казны, надругательства над церковной утварью, игры в зернь в царских палатах и т. д.
- ²⁸² Т. е. утоплены.
- ²⁸³ Имеется в виду Успенский собор Московского Кремля, считавшийся соборным, главным храмом Русского государства. Для Палицына появление здесь иноверцев — неоспоримое свидетельство того, что самозванец — гонитель православной веры.
- ²⁸⁴ См. комм. 8.
- ²⁸⁵ См. комм. 141.
- ²⁸⁶ Палицын настойчиво продолжает говорить об ответственности всех за случившееся в Московском государстве, перечисляя многочисленные прегрешения соотечественников: молчание по поводу бесчинств поляков и самого «окаянного расстриги» (здесь угадывается тема «безумного молчания», столь характерная для публицистики Смуты); вин казаков, особенно способствовавших торжеству самозванца; поведению москвичей, готовых ради «любезного» им серебра терпеливо взирать на осквернителей веры и не думать о покаянии. Трудно сказать, в какой мере подобные настроения были распространены в правление Лжедмитрия I. Но несомненно, что в последующем этот взгляд стал широко распространенным, по-своему объединяя общество на основе призыва к всеобщему покаянию и осуждению прошлого поведения.
- ²⁸⁷ Приведем один из примеров подобного титулования из послания Сандомирскому воеводе Ю. Мнишеку (декабрь 1605 г.): «Мы, пресветлейший и непобедимейший монарх Димитрий Иванович, Божию милостию император и великий князь вся России и всех татарских царств и иных многих, московской монархии покоренных областей государь и царь». Замечательно, что М. Мнишек в последующем именovala себя «императрицей».
- Претензии Лжедмитрия I на императорский титул вызвали немало толков среди соотечественников и решительные протесты со стороны соседей. Так, отказ послов Сигизмунда III Н. Олесницкого и А. Гонсевского титуловать самозванца императором обернулся столкновением прямо

во время церемонии приема посольства. Характерны аргументы самозванца, который лично стал отстаивать свои права на новый титул: «Несвойственно и непривычно монархам, на троне сидящим, с послами договариваться. Но нас к тому принудило умаление титулов наших. Объявляли мы королю польскому... Не только князем, не только государем, не только царем, но мы являемся также императором в своих обширных государствах! И миропомазаны мы тем титулом, который имеем от самого Бога, и пользуемся тем титулом не на словах, но по самой справедливости: ни ассирийские, ни лидийские монархи, ни даже цесарь римский с большим правом и справедливостью тем титулом не пользовались, чем мы. Разве остаемся мы только князем или государем, когда, по милости Божьей, не одних князей или государей, но и королей под собою имеем, которые нам служат, и никого себе в царствовании равного в тех полуночных краях не имеем, и никто здесь не повелевает, кроме как сначала Господь Бог, а после него мы сами. Вот почему все монархи нас тем титулом императорским величают, один король польский чинит нам в этом умаление».

Таким образом, с точки зрения самозванца его титул — от самого Бога, сделавшего его правителем над правителями самого высокого ранга; ему нет равных в «полуночных краях». По-видимому, в личном плане самозванца привлекало в титуле «император — цезарь» ассоциации с победителем, завоевателем. Не случайно один из польских сотрудников заметил по его поводу: «Он желал быть соперником каждому великому полководцу» (*Немоевский С.* Записки Станислава Немоевского... С. 118). Но какими бы соображениями не руководствовался московский монарх в своем споре с королем, который, продолжая линию своих предшественников, отказывал Москве в царском титуле, ситуация интересна с точки зрения бытования тех политических идей, которые обсуждались в Кремлевских палатах, а также в «глубине» секуляризации сознания отдельных московских деятелей, включая самого самозванца.

Между тем амбиции Лжедмитрия были новациями для многих подданных. Для них царский титул стоял несравненно выше всех «рукотворных» титулов западноевропейских сюзеренов. Пристрастие к титулу «цезарь» воспринималось как кощунственное пренебрежение сакральным по своей природе царским титулом, доказательством «инакости» самозванца. Сложившуюся при дворе ситуацию успел отразить в своих записках Маржерет, писавший, что «они считают имя “царь” наиболее древним, и, по их словам, этим именем Богу некогда было угодно удостоить Давида, Соломона... и что эти слова “цисарь” и “кроль” суть лишь человеческое измышление, каковое имя некто стяжал себе воинскими подвигами» (См.: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи... С. 122–123). Таким образом, обвиняя Лжедмитрия в желании именоваться «цезарем», Палицын опирается на традиционные представления, разделяемые его совре-

менниками. См. также *Лаврентьев А. В.* Царевич — царь — цезарь. СПб., 2001. С. 9–28. Больше того, разделяя позицию Т. Осипова, Палицын обвиняет самозванца в том, что он бросает вызов Богу: он забывает, что всякий человек «тленен и всегда страстями побеждаем внешними и внутренними, а непобедимым цесарем нарицаешся, и яко Богу противна являя себе».

²⁸⁸ *Осипов* Тимофей — дьяк. В 1596 г. служил в Приказе Казанского дворца, в 1599–1600 гг. — дьяк Приказа Большого Дворца. Убит за обличение Лжедмитрия I. Ж. Маржерет, путая Осипова с А. В. Шерефидиновым, одним из убийц Ф. Годунова, пишет, что дьяк остался в живых. См.: *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи... С. 257, комм. 234.

²⁸⁹ Лжедмитрий I вынашивал амбициозные планы совместного похода христианских монархов против Турции и Крыма. Это, однако, не мешало самозванцу решать вполне конкретные политические задачи. Победоносная война должна была упрочить его власть, снять — по крайней мере на время — остроту трений с Польшей, подкрепить претензии на императорский титул. Подготовка к войне велась весьма серьезная. Отлиты были даже новые орудия, размеры которых поражали современников (см.: *Немеевский С.* Записки Станислава Немеевского... С. 39). В Елец, который должен был стать исходной точкой похода, были отправлены наряд и необходимые припасы. Удар предполагалось нанести по Азову. Отношение к воинственным планам Лжедмитрия даже в среде поместного войска было резко отрицательным. Особенно недовольны были новгородские и псковские дворяне. В силу отдаленности им удавалось избегать «береговой службы» на южных окраинах государства. Теперь же они были вызваны в Москву, чтобы участвовать в военных действиях за много километров от дома. Не случайно источники зафиксировали их активное участие в выступлении против расстриги. (См.: *Лаврентьев А. В.* Царевич — царь — цесарь... С. 121–125, 134–136.)

Палицын также повторял сведения из первой «окружной» грамоты об избрании В. Шуйского, в которой разоблачались тайные замыслы «богоступника» Г. Отрепьева. В послании сказано, что живший при самозванце поляк (Бучинский) поведал о намерении «всех бояр и думных людей и больших дворян побить» (ААЭ. Т. 2. № 44).

²⁹⁰ Т. е. 1606 г.

²⁹¹ Легитимность воцарения В. Шуйского стала предметом оживленного обсуждения уже современниками. Примечательно, что все критики Шуйского исходили из права сословий избирать монарха. Но Шуйский нарушает процедуру волеизлияния, не заручившись поддержкой всех полномочных сословий и «земель», оказывается в роли узурпатора. Для Палицына Шуйский — «ложный царь», ибо выбран «малыми некими», для дьяка И. Тимофеева, потому что «спешно председ», для автора «Нового летописца» — не «советова со всею землею». Важное новшество при из-

брании — крестоцеловальная запись самого В. Шуйского, которую он дал «всей земле», «чево искони век в Московском государстве не повелось». Тем не менее Палицын предпочитает не говорить об этом, возможно потому, что в годы правления Михаила Федоровича об этом щепетильном и спорном для Романовых сюжете предпочитали не напоминать.

Сложившая ситуация была опасна тем, что открывала путь к гражданскому противостоянию и войне: отныне годами копившееся недовольство могло реализоваться во вполне законных рамках непризнания новой власти и верности присяги, принесенной царю Дмитрию. Протест приобретал при этом нравственное и правовое оправдание.

²⁹² Палицын свидетельствует о расколе страны в результате избрания В. Шуйского.

²⁹³ За свои заслуги жители Северщины получили от самозванца податные льготы сроком на десять лет. С воцарением В. Шуйского они не только теряли эти привилегии — им грозили репрессии со стороны Шуйского. Эту угрозу А. Палицын сравнил с бедствиями, которые обрушились на новгородцев во времена опричного похода на город Ивана Грозного.

²⁹⁴ Во время восстания И. И. Болотникова Калуга и ее окрестности стали местом упорных столкновений правительственных войск с отрядами восставших. Так, 23 сентября 1606 г. войска И. И. Болотникова одержали крупную победу над воеводой, князем И. И. Шуйским, которая открыла восставшим путь на Серпухов (см.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 172–173). После неудачи под Москвой в декабре 1606 г. Болотников отступил в Калугу, ставшую до мая 1607 г. главным опорным пунктом сторонников царя Дмитрия. При этом все попытки войск В. Шуйского взять город были успешно отражены.

²⁹⁵ Оборона Тулы, куда ушел из Калуги И. И. Болотников, началась в самом конце июня — начале июля 1607 г. Незадолго перед этим состоялись две крупные битвы (5–7 июня на р. Восме и 12 июня на р. Вороньей), неудачные для восставших. После поражения на р. Восме были разосланы царские грамоты, в которых говорилось, что воеводы одних «живых языков болши пяти тысяч взяли» (ААЭ. Т. 2. № 74).

Каменные стены Тулы позволили восставшим успешно сдерживать правительственные войска. Принявший участие в походе В. Шуйский взял город, лишь соорудив плотину и затопив крепость. Произошло это 10 октября 1607 г. (см.: ААЭ. Т. 2. № 74. С. 166–168; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. С. 446–447; *Зимин А. А.* И. И. Болотников и падение Тулы в 1607 г. С. 64–65; *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. С. 211–239.

²⁹⁶ *Петр Федорович*, он же Илейка Муромец (ум. 1607/1608) — самозванный царевич, выдававший себя за сына царя Федора Ивановича, происходил

из посадских людей г. Муром, работал по найму у нижегородских и ярославских торговых людей, служил терским казаком. В конце царствования Лжедмитрия I избран казаками в царевичи, «чтобы итить на Волгу, громить судов торговых». Вместе с казачьими отрядами участвовал в походе на Астрахань, затем на Москву, после смерти «царя Дмитрия Ивановича» оказался в Путивле, затем в Туле в войске Болотникова. Взяв Тулу 10 октября 1607 г., царь В. Шуйский захватил в плен самозванного царевича. Точная дата казни «Петра Федоровича» неизвестна, произошла она не позднее начала февраля 1608 г. См.: ААЭ. Т. 2. № 81. С. 174; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 288–298; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 250–275; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: 1606–1607. Л., 1951. С. 339–341 и сл.; *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников... С. 152–163, 240.

²⁹⁷ *Телятевский* Андрей Андреевич (ум. ок. 1624) — князь, упоминается на службе в рындах в 1584 г., в 1587–1599 гг. стольник, в начале 1600 г. окольничий, в 1604 г. боярин, воевода государева полка, посланного против Лжедмитрия I. В 1606 г. был назначен воеводою в Чернигов, перешел на сторону восставших. Принял самое активное участие в военных действиях против царя В. Шуйского. Постригся в монахи под именем Гермогена (крестильное имя Емельян), погребен в Троице-Сергиевом монастыре. См.: Восстание И. Болотникова. С. 88–90.

²⁹⁸ *Болотников* Иван Исаевич (ум. 1608) — предводитель восстания против царя В. Шуйского в 1606–1607 гг.; военный холоп князя А. А. Телятевского, возможно, происходил из мелкопоместных дворян; бежал к казакам, воевал против турок в Венгрии и Польше, был взят в плен и служил на турецких галерах, освобожден из плена и летом 1606 г. возвратился в Россию через Венецию, Германию и Польшу. Осенью 1606 г. нанес поражение царским войскам под Кромами, осадил Москву, расположившись лагерем в Коломенском. 2 декабря 1606 г., потерпев поражение, отряды болотниковцев вынуждены были отступить к Калуге, где их до мая 1607 г. осаждали царские войска. После снятия осады И. Болотников оказался в Туле, в июле–октябре 1607 г. руководил обороной города. По соглашению с царем В. Шуйским вывел из затопленной Тулы свое войско и сдался в плен. В 1608 г. сослан в Каргополь и тайно казнен. См.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права... С. 258–311; *его же.* О формировании И. И. Болотникова как вождя крестьянского восстания // Крестьянские войны в России... С. 123–126; *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 74–253.

²⁹⁹ *Лжедмитрий II* (ум. 1610) — самозванец, выдававший себя за спасшегося царя Дмитрия Ивановича, происхождение его точно не известно. Летом 1607 г. он объявился в Стародубе, туда стекались отряды польских войск,

в том числе те, которые приняли участие в восстании против короля. В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II занял Брянск и пошел к Туле, осажденной царскими войсками. В это время войско самозванца сильно пополнилось русскими отрядами. Узнав о сдаче Тулы 10 октября 1607 г., Лжедмитрий II бежал в направлении Путивля, но затем возобновил военные действия. Потерпев ряд неудач, зиму 1608 г. провел в Орле. В мае 1608 г. разгромил войско царя В. Шуйского под Волховом и подошел к Москве, осадив ее. Главный лагерь самозванца располагался в Тушине, поэтому Лжедмитрий II в русских источниках называется «Тушинским вором». Осенью 1608 г. в Тушино прибыла М. Мнишек, которой незадолго до этого по условиям перемирия, заключенного с польскими послами, было разрешено отправиться в Польшу. В конце 1608 — начале 1609 г. Лжедмитрий II поддерживали многие города не только на юге, но и на северо-востоке страны, в Замосковном крае. Но вследствие злоупотреблений воевод Лжедмитрия II и грабительских набегов польских отрядов на крестьян и посадских людей началось освободительное движение. После нарушения Сигизмундом III перемирия и начавшейся осады Смоленска в сентябре 1609 г. в Тушинском лагере начали нарастать противоречия, в результате которых в начале 1610 г. Лжедмитрий II был вынужден бежать в Калугу. В июне 1610 г. войска царя В. Шуйского были разбиты в битве под Клушино гетманом С. Жолкевским. Лжедмитрий II, надеясь на поддержку москвичей, совершил поход к Москве. Однако боярское правительство предпочло заключить договор о призвании польского королевича Владислава, чтобы с помощью польских войск отразить попытку Лжедмитрия II. Самозванец снова ушел в Калугу, где в декабре 1610 г. был убит, несколько дней не дожив до рождения у М. Мнишек сына Ивана — «воренка».

Палицын излагает одну из версий происхождения Лжедмитрия II, согласно которой самозванец имеет отношение к стародубским служилым людям Веревкиным. Отсюда и имя — Матюшка Веревкин. Известно, что Г. М. Веревкин, сподвижник И. М. Заруцкого, способствовал перевороту в Стародубе в пользу второго самозванца. Активность Г. Веревкина дала основание заподозрить его в родственных связях с самозванцем. См.: *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 299–451; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 268–386; *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 100–110.

³⁰⁰ Войско Лжедмитрия II достигло Москвы 1 июня 1608 г., сначала оно остановилось в с. Тайнинском, а затем, после нескольких стычек с отрядами, посланными царем В. Шуйским, перешло в более удобное Тушино. В течение полутора лет оно было основным местом сосредоточения войск и своеобразной столицей самозванца. См.: *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба... С. 81–108.

- ³⁰¹ Речь идет о знаменитых «перелетах», когда московские и провинциальные служилые люди стремились заручиться поддержкой и в правительственном, и в Тушинском лагерях. Здесь же Палицын излагает и обыденные мотивы подобной позиции, которые под пером писателя обретают обличительный смысл. См. комм. 159, 500.
- ³⁰² Сакральное восприятие земного царя позволяло называть его в литературных произведениях и литургических текстах Христом. Отталкиваясь от этой традиции, Палицын именует второго самозванца Лже-Христом, подчеркивая тем самым глубину отступничества его сторонников.
- ³⁰³ Это наблюдение Палицына подтверждается актовым материалом. Конфликт приобрел все признаки гражданской войны с кровавым, жертвенным противостоянием сторон. Тема пагубности меж- и внутрисословной борьбы начинает доминировать в публицистических сочинениях, настойчиво подталкивая к поиску выхода из тупиковой ситуации. В сложившихся условиях появление такой компромиссной фигуры, как корольевич Владислав, способной примирить враждующие стороны, видится вполне закономерным и неслучайным. Сказание Палицына, несмотря на то, что в окончательной редакции произведение появилось уже после Смуты, тем и ценно, что достаточно точно зафиксировало те общественные настроения, которые доминировали в обществе на разных этапах смутного лихолетья.
- ³⁰⁴ Антихрист (*греч.*) — противник Христа. В описываемую эпоху антихристом называли самозванца, в котором видели врага родины и веры. — О. Д.
- ³⁰⁵ Рим. 1: 28.
- ³⁰⁶ См. комм. 277.
- ³⁰⁷ *Владимир Святославич* — великий князь киевский (с 980 по 1015 гг.), крестивший Русь (988).
- ³⁰⁸ См. комм. 607.
- ³⁰⁹ Нападения крымских татар наносили огромный урон Московскому государству. Даже в периоды относительно мирных отношений с крымским ханом, когда не было «большой татарской войны», редко какой год обходился без разбойничьих нападений на южные уезды, организованные своевольными крымскими князьями и мурзами. В этих нападениях реализовались не только амбиции крымской знати и хана, заявлявших о даннических отношениях с Москвою, но и традиция «кормиться войною», к которой были причастны даже «черные улусные люди». Усилия московского правительства по созданию крепостей и Большой засечной черты, организации «береговой службы» и т. д. сильно затруднили к концу XVI в. разбойничьи набеги с юга. Однако в годы Смуты, по мере развала государства, система обороны пришла в полную негодность,

многие города-крепости в «Диком поле» были разорены, органы управления перестали функционировать. Об этом и пишет Палицын, справедливо причисляя к трагическим результатам гражданской войны и последствия от набегов крымцев. Историки не имеют возможности указать точные цифры пострадавших от вторжений крымских татар. Но о масштабах бедствия косвенно могут дать представление цифры о численности полона за первую половину столетия. По подсчетам А. Новосельского, она колеблется от 150 до 200 тыс. русских людей, и «цифра эта будет минимальной». См.: *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 45–97, 436.

³¹⁰ *Урусов* Урак-мурза, в крещении Петр Арасланович — служилый ногайский князь, старший сын Як-Араслана-мурзы. Служил в войске В. И. Шуйского, возглавляя отряды ногайских татар. Участвовал в осаде Тулы в 1607 г. Оставив Шуйского, бежал в Крым, затем примкнул к Лжедмитрию II, став его ближним боярином. Ушел с Лжедмитрием II в Калугу. В декабре 1610 г. П. Урусов на охоте убил самозванца в отместку за казнь касимовского царя Ураз-Магомета.

³¹¹ *Шуйский* Александр Иванович — брат царя В. Шуйского — О. Д. Был женат на дочери дворецкого и боярина Г. В. Годунова Анне, родственнице царя. После смерти мужа Анна была выдана замуж за князя П. Урусова.

³¹² Палицын перечисляет места сражений и осад 1606–1608 гг. Любопытно, что сюда причислены столкновения, связанные с именем И. И. Болотникова, происшедшие еще до появления Лжедмитрия II. Это не случайно: в сознании современников все они объединялись именем «царя Дмитрия Ивановича», под знаменами которого выступили противники Шуйского.

Кромь (Кром) — город на р. Крома. В 1605 г., занятый отрядом сторонников Лжедмитрия I, выдержал осаду правительственных войск. Здесь же с получением известия о скоропостижной смерти Б. Годунова в мае 1605 г. армия перешла на сторону самозванца. При Шуйском жители Кром недолго оставались верны присяге. Против восставших был направлен князь Ю. Н. Трубецкой, осадивший крепость. Однако поспешивший из Путивля на выручку с небольшим отрядом И. И. Болотников разгромил воеводу.

Сражение на реке Восьме у села Захарова между войсками В. И. Шуйского и отрядами И. И. Болотникова и князя А. А. Телятевского в июне 1607 г. В ее ходе особенно отличились казаки, едва не «начаша московских людей осиливати». Однако поместной коннице удалось опрокинуть восставших. Оказавшиеся в тылу «воровские казаки» укрепились в овраге и оказали отчаянное сопротивление, свидетельствующее об ожесточенном характере противостояния. Большинство казаков пали, пленные — около одной тысячи человек — были казнены. Восемская битва задержала продвижение В. И. Шуйского к Туле.

Орел — город на Оке, жители которого одними из первых поддержали Лжедмитрия I. В 1607 г., опасаясь движения из-под Тулы царских войск, Лжедмитрий II отступил к Орлу, ставшему на время его главной ставкой. Именно здесь к самозванцу присоединились польско-литовские отряды Тышкевича, князя А. Вишневецкого, А. Лисовского, благодаря чему Лжедмитрий II сумел возобновить наступление. Однако, потерпев неудачу под Карачевым, самозванец вернулся в Орел на зимовку. Весной 1608 г. с появлением гетмана Ружинского и казаков И. Заруцкого самозванец покинул Орел. В 1611 г. Орел был сожжен отрядом пана Запроейского. В августе 1615 г. под Орлом произошло столкновение войска Д. М. Пожарского с «лисовчиками», в результате которого раненый в бою полковник Лисовский был принужден уйти на север к Перемышлю (см.: Эскин Ю. М. Опыт жизнеописания боярина князя Козьмы-Дмитрия Михайловича Пожарского. С. 110). Орел был восстановлен только в 1636 г.

Нижний Новгород — город у слияния Оки и Волги. В годы Смуты сыграл выдающуюся роль в изгнании интервентов и прекращении гражданской войны, место организации второго ополчения.

- ³¹³ О Леонтии см. комм. 235. Наместником Леонтием здесь назван митрополит Ф. Н. Романов. Пребывание Филарета в Тушинском лагере освещается автором явно тенденциозно. Стремясь угодить вновь вступившей на престол династии и оградить ее от нареканий, он изображает этот факт как стремление тушинцев унижить Филарета, а его самого как невинно страдающего мученика, в то время как в действительности Филарет, получив от «Тушинского вора» звание патриарха, использовал свое положение и пребывание в Тушине для борьбы против своих политических врагов. — О. Д.
- ³¹⁴ Архиепископ Феокист назначен в Тверь в январе 1603 г. из игуменов Болдина монастыря; после взятия Твери в 1608 г. войсками Лжедмитрия II был отвезен в Тушино и убит там в 1609 г. — О. Д.
- ³¹⁵ Речь идет о суздальском архиепископе Галактионе, поставленном на кафедру в 1593 г.; ранее был архимандритом казанского Спасо-Преображенского монастыря. — О. Д. Лишен кафедры в 1609 г.
- ³¹⁶ Иосиф, епископ Коломенский, поставлен в 1586 г., вместе с Гермогеном требовал, чтобы М. Мнишек была крещена в православие, и не признавал ее брака с самозванцем. После издевательств со стороны тушинцев, описанных Палицыным, он был отбит царскими воеводами и возвращен на место своего служения. — О. Д.
- ³¹⁷ Кор. 6: 15–18. См. также Лв. 26: 12.
- ³¹⁸ Изречение Златоуста. — О. Д.
- ³¹⁹ 1 Кор. 3: 17. Апостол Павел считается апостолом язычников. Он не знал Христа при жизни и не входил в число 12 апостолов, но за свои заслуги

в обращении народов прославлен как «учитель вселенной». Эпитет «сосуд избранный», возможно, происходит от апокрифического «Видения апостола Павла», в котором раскрытие сокровенных тайн трактуется как свидетельство особой благодати, которую снискал Павел у Бога.

³²⁰ 2 Петр. 3: 20–21.

³²¹ 1 Кор. 10: 27.

³²² 1 Кор. 5: 11.

³²³ См. комм. 395.

³²⁴ Сандомирскому — не совсем ясно, что имел ввиду Палицын. Видимо, речь идет о «безумной» присяге М. Мнишек, дочери сандомирского воеводы Ю. Мнишека.

Временник Ивана Тимофеева

«Временник» Ивана Тимофеева — один из самых известных публицистических памятников эпохи Смуты. Он принадлежит дьяку Ивану Тимофееву сыну Семенову (сер. 1550–1631), выходцу, по версии В. И. Корецкого, из среды провинциальных служилых людей. Работа над «Временником», сохранившимся в единственном списке, продолжалась долгое время и не была закончена автором. Так, находясь в Новгороде, захваченном шведами, он, по собственному признанию, писал урывками, тайно, опасаясь быть избалованным в нелояльности к установившейся в городе власти. Главное же, Тимофеев рассматривал написанное лишь как некий вариант, требующий дальнейшей работы над текстом: «Ныне же, егда оттуду свободы ны Господи, аще живы будем, начнем о исправлении прежде написанного ударяти во двери могущих». Однако намеренье свое Тимофеев осуществить так и не успел. Считается, что дошедший до нас список несет следы по крайней мере двух редакторских правок, сделанных уже после смерти дьяка.

«Временник» включает оглавление и шесть очерков, из которых первые пять повествуют о царствовании Ивана Грозного, Федора Ивановича, Б. Годунова, Лжедмитрия I и В. Шуйского. Последний, шестой очерк, получивший название «Летописец вкрадце», включает разрозненные заметки, тематически повторяющие первые очерки. Очерки разделены на главы. Деление — также, по-видимому, результат работы редактора, который, возможно, отразил замысел Тимофеева — сгруппировать материал вокруг отдельных царствований.

Произведение И. Тимофеева выдает в нем человека начитанного и образованного. Обширен список церковных и литературных памятников, которые использует автор (см.: *Салодкин Я. Г.* К вопросу об источниках «Временника» Тимофеева // ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989). Большой интерес представляют страницы, возникшие на основе личных впечатлений. Не упускал дьяк возможности использовать информацию, полученную от других очевидцев. При этом Ти-

мофеев нередко оговаривается по поводу своего источника, что косвенно свидетельствует о редкой для того времени щепетильности автора.

«Временник» — самое удачное название с точки зрения жанра произведения. Это не летопись, хотя тяготение к летописной традиции налицо; это и не мемуары, хотя определенные признаки этого не свойственного эпохе жанра можно легко обнаружить при чтении памятника. Это именно временник — рассуждения о времени и о людях, пребывающих в этом времени. Не случайно В. О. Ключевский обмолвился, что Тимофеев скорее «больше размышляет о событиях и лицах, чем повествует» (*Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Специальные курсы. М., 1989. Т. VII. С. 169*). Отсюда — многочисленные и пространные отступления внутри очерков и глав. Тимофеева прежде всего волнует осмысление и оценка происходящего. Изложение событий не то что играет для автора второстепенную роль — для него не менее важно отношение, оценка, восприятие его «правды». Кажется, никакое другое произведение о Смуте не может сравниться с автором «Временника» в стремлении вскрыть причины бедствий, обрушившихся на Московское царство, назвать виновных и прописать рецепт общественного «выздравления».

Общественно-политические взгляды Тимофеева можно назвать консервативными. Он не сомневается в достоинствах сложившихся социальных и политических структур и ратует за неизменность сословных ролей и статусов. Его идеал — наследственная монархия. Такие монархи в трактовке дьяка и есть подлинно самодержавные правители, которые знали, «какому роду какую честь и за что давать, худородным же ни». Соучастие аристократии в управлении государством для него столь же естественно и обязательно, как и недопустимо существование чего-то противоположного, рожденного Смутой, — претензии на высокие социальные роли и пожалования тех, кто прежде никогда не мог возвыситься до подобных высот в силу своего происхождения и чиновного положения. В писаниях Тимофеева подобная тривиальная посылка приобретает обличительный смысл: она становится основой обвинения для тех, кто забыл о своем сословном предназначении («столпы великие») и месте, молчаливо допуская незаконное возвышение худородных.

Текст воспроизведен по изданию: *Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951*. Используемые комментарии О. Державиной обозначены в публикации пометой О. Д.

³²⁵ Речь идет о походе в 1598 г. только что избранного на престол Бориса Годунова под Серпухов с целью отражения нападения Крымского хана Казы-Гирея. Однако вести о грядущей «большой татарской войне» оказались ложными: вместо орды явилось крымское посольство. Б. Годунов использовал ситуацию для упрочения своего положения, щедро наградив всех служилых людей, явившихся в полки.

- ³²⁶ Т. е. в 1598 г.
- ³²⁷ Т. е. Б. Годунова. О слухах относительно отравления Годуновым царя Федора Ивановича см. комм. 65.
- ³²⁸ Т. е. царевича Дмитрия.
- ³²⁹ К 1598 г. в боярской думе было несколько представителей рода Годуновых. Одно из первых мест занимал бывший опричник Д. И. Годунов. Боярство в 1584 г. получили троюродные братья царя Бориса — С. В., Г. В. и И. В. Годуновы, начавшие свою карьеру новгородскими помещиками. Чин окольничьего имел Я. М. Годунов. Кроме того, в думе сидели родственники Годуновых — боярин Б. Ю. Сабуров, окольничии И. И., С. Ф. Сабуровы и Д. И. Обиняков-Вельяминов (см.: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1980. С. 108–109).
- ³³⁰ По признанию историков, повествование И. Тимофеева об избрании Годунова на царство представляет огромную ценность. Будучи свидетелем, дьяк Иван передает такие подробности, каких нет ни в каких других источниках. Правда, отрицательное отношение к Годунову во многом определило характер включенных во «Временник» фактов — все они носят обличительный характер и свидетельствуют о «лукавстве» правителя. Показательно, однако, что имея два случая избрания «всенародным множеством» государя на престол — в 1598-м и в 1613 гг. — Тимофеев стремится доказать своим описанием нелегитимность первого избрания, подразумевая безусловную законность второго.
- Отправившись к сестре в Новодевичий монастырь, Б. Годунов формально удалился от дел. Инициатива перешла к патриарху Иову и сторонникам правителя при дворе и в государственном аппарате. Несомненно, однако, что все нити избрания оставались в руках Годунова. После отказа Ирины быть царицей патриарх Иов от имени Боярской думы предложил Годунову престол. Годунов отказался. Тогда 17 февраля 1598 г. был собран Земский собор, на котором Борис был избран царем. 20 февраля патриарх Иов объявил избраннику о решении Собора. Последовал новый отказ. 21 февраля был организован крестный ход в Новодевичий монастырь. Участники его умоляли царицу Ирину благословить брата на царство, а его — покориться всенародному решению. При этом патриарх пригрозил Годунову отлучением, если тот вновь уклонится от оказанной ему чести (см.: *Платонов С. Ф.* Москва и запад. Борис Годунов. М., 1999. С. 245–259; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1980. С. 120–150).
- ³³¹ В русской православной традиции понятие кафоличности (соборности) церкви понимается как одно из существенных свойств церкви, ее про- страстная, временная и качественная универсальность.
- ³³² В 1598 г. 21 февраля пришлось на вторник «сырной» недели, или Масленицы.

- ³³³ Исследуя обстоятельства избрания Годунова, историки признают, что Борис Федорович столкнулся с сильной, хотя и разрозненной аристократической оппозицией. Правда, к 1598 г. правитель имел при дворе немало сторонников, не говоря уже о духовенстве во главе с Иовом и руководстве приказов — исполнительной власти, находившейся под его контролем. Однако значительная часть элиты заняла нейтральную позицию, выжидая, когда выявится бесспорный победитель. В этой неопределенной ситуации резко возросла роль избирательного Земского собора. Годунову удалось добиться от выборных нужного решения. «Подстроен был ход дела, а не состав собора», — замечает по этому поводу В. О. Ключевский. Обстоятельства сложились так, что для полного торжества потребовалась организация всенародного шествия и «умоления» Годунова принять царский венец. См. комм. 330.
- ³³⁴ И. Тимофеев считает Б. Годунова неграмотным. Это неверно: сохранились собственноручные подписи Годунова (см. ст. С. Д. Шереметева в Чтениях Моск. общ. ист. и древн. Росс., 1897, 1, стр. 6–7). Кроме того, принимая во внимание любовь Бориса к просвещению и его заботы о насаждении науки в России, а также то образование, которое он дал своему сыну Федору, — трудно согласиться со свидетельством Тимофеева. Борис, столько лет бывший правителем государства, не мог только через других знакомиться со всеми грамотами и делами государственными. Но он не был начитан в Священном писании, и это дает Тимофееву основание назвать его «бескнижным царем». Сестра Бориса — Ирина — была грамотна и начитанна. — *О. Д.*
- ³³⁵ Тимофеев прибегает к достаточно редкому сравнению-образу социального устройства общества: «верх земной» — вне сферы божественного, небесного, но самого к нему близкого — у него отведено монарху. Это место занял Годунов, прежде занимавший «среднее место по роду и чину». В последнем случае автор «Временника» лукавит: если по своему родовому положению Борис Федорович действительно не мог сравниться со многими членами Боярской думы, то в чиновном отношении при Федоре Ивановиче он первенствовал, получив уникальный статус правителя.
- ³³⁶ Несмотря на декларируемое стремление оставаться беспристрастным, Тимофеев редко выдерживает эту позицию по отношению к «работарю» Б. Годунову. Один из таких случаев — оценка автором дипломатии Годунова, признание того, что в международных делах избранному царю удалось поддержать высоту царского чина и прежний уровень отношений с соседними государствами.
- ³³⁷ Сентенция Тимофеева показательна не только в плане стремления автора быть объективным к своим героям, но и признания разума как несомненной ценности вне связи с благочестием Годунова. Смута сотрясла

всю традиционную систему ценностей, предуготовив нравственный и мировоззренческий перелом кануна раннего нового времени.

³³⁸ При царе Федоре Ивановиче в 1593 г. был заключен мир с крымским ханом Казы-Гиреем, для чего крымский ширинский князь Ишимапет должен был ехать в Москву, а князь Ю. Щербатов — в Крым. Но князь Щербатов возвратился в Москву еще при Федоре Ивановиче и привез ему клятвенную грамоту от хана. Других сношений с крымским ханом при Федоре не было. Б. Годунов в марте 1598 г. из кельи Новодевичьего монастыря отправил гонца с дружественным письмом, и послы Казы-Гирея приходили к Борису, когда он со всем войском, как уже отмечалось выше, стоял у Серпухова, ожидая мнимого нашествия хана. Послы, возобновляя договор, заключенный при Федоре Ивановиче, обещали, что хан будет в воле Борисовой и желает вечного мира с Россией. Это было уже после выступления Бориса с войском против хана, а выступление было вызвано тем, что 1 апреля 1598 г. Оскольский воевода донес Борису о намерении хана напасть на московские пределы. Почему Тимофеев выступление Бориса в 1598 г. поставил в связь с тем, что было в 1593 г., — не ясно. — *О. Д.*

³³⁹ Венчание Б. Годунова на царство произошло 1 сентября 1598 г. Тимофеев указывает этот день, пользуясь обозначением времени, принятым в Древней Руси. Индиктионом считался период времени в 532 года, состоявший из 19 солнечных кругов. Солнечный круг равнялся 28 годам. Календами у римлян назывались первые дни месяца. — *О. Д.*

Примечательно, что Годунов предпочел не спешить с венчанием и приурочил его к 1 сентября — к началу нового года, дню преподобного Симеона-летопроводца. Совмещение венчания с действием нового лета должно было подчеркнуть существо перемены — помазание на царство представителя новой династии, начало новой «эры». Лжедмитрий I также хотел короноваться 1 сентября, однако обстоятельства заставили его поторопиться с церемонией. Любопытно, что И. Масса считал венчание не ранее 1 сентября даже обычаем. См.: *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998. С. 139; *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии // О начале войн и смут в Московии. С. 45.

³⁴⁰ Так Тимофеев называет кафедральный Успенский собор Московского Кремля.

³⁴¹ Речь идет о крестном ходе, связанном с отражением набега крымского хана в 1593 г.

³⁴² Этот отрывок из «Временника» И. Тимофеева дает представление об отношении современников к таким сторонам жизни, как участие в церковных и светских церемониях. Последние можно рассматривать как способ презентации власти, средство формирования общественно-

политических и религиозных стереотипов, моделей поведения разных сословий и чиновных групп. Тимофеев обрушивается с резкой критикой на начинание Годунова, отказывая ему в искреннем стремлении восславить Богородицу. Приводимые им эпизоды, характеризующие отношения к новому крестному ходу — стремление уклониться от участия в нем и т. д., отражали настроения части общества, критически или даже враждебно относящейся к кандидатуре Бориса. Однако не следует забывать, что написанное дьяком появилось уже после падения Годуновых, когда можно было не сомневаться в «отсутствии» божественного покровительства царю Борису и его наследнику. В конце же XVI в., утверждая шествие к стенам Новодевичьего монастыря, светские и церковные власти не просто молили о заступничестве Богородицу, оказавшую явное покровительство новому государю, но и воспроизводили из года в год ситуацию всенародного прошения Бориса стать государем. См.: *Марковин Н.* Богомольные выходы древних русских царей по сравнению с такими же выходами Византийских императоров // *Христианские древности: Приложение к журналу «Русские древности»*. 1872. Т. 1; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998; *Флайер Майк С.* Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // *Американская русистика*. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001. С. 204–205, 208–209; *Уортман Ричард С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1.

³⁴³ Первосвященника, т. е. патриарха Иова.

³⁴⁴ С воцарением Б. Годунова возросло почитание первых древнерусских святых Бориса и Глеба. Князь Борис, небесный покровитель Б. Годунова, и князь Глеб были убиты в 1015 г. сводным братом Святополком. Гибель братьев была осознана на Руси как духовный подвиг во имя веры, пример необыкновенного смирения и самоотвержения.

³⁴⁵ В древности был распространен обычай давать два имени — одно «русское», «мирское», «княжеское», второе — христианское, «крестное». Крестное имя Бориса — Роман, Глеба — Давыд.

³⁴⁶ Святых Бориса и Глеба нередко воспринимали как «обоюдоострый меч», защищающий русскую землю от «межусобных раздоров и неприятельского меча, от голода и озлобления, от всякой беды». Вот почему попытка «возвеличить» Бориса (уникальное свидетельство, о котором сообщает «Временник»), нарушающая привычный иконографический канон единства святых братьев, вызывает возмущение Тимофеева: он осуждает не только стремление польстить Б. Годунову, но и молчание самого Годунова, поощряющего подобное, видит в этом утрату истинного благочестия как отражение общего «оскудения» веры (о почитании святых Бориса и Глеба см.: *Барская Н. А.* Сюжеты и образы древнерусской живописи. М., 1993. С. 185–189).

- ³⁴⁷ Годунов имел титул «правителя, слуги и конюшего боярина и дворового воеводы и содержателя великих государств царств Казанского и Астраханского». Это давало ему возможность не просто первенствовать в Боярской думе и управлять государством. На имя Бориса Федоровича писались отдельные грамоты, он принимал в своем дворце послов и посланников. Все это дало основание такому трезвому наблюдателю, как дьяк Тимофеев, уподобить положение Годунова царскому.
- ³⁴⁸ Сообщение о пострижении в монашество дочерей опальных бояр приходится только у И. Тимофеева, но так как гонениям и опале подвергались не только бояре, но и их жены и дети, то возможно, что Годунов приказывал постригать в монашество и их дочерей. — О. Д.
- ³⁴⁹ Поводом для пострижения боярских дочерей в монашество Тимофеев считает не опалу, а боязнь Годунова, как бы Федор Иванович не вздумал развестись с женой, у которой была только одна дочь, умершая младенцем, и жениться на одной из боярышен, чтобы иметь после себя наследника. Эти опасения имели основание: в 1587 г. Шуйские сделали попытку под предлогом бесплодия царицы Ирины развести ее с царем и тем отстранить Годунова от участия в управлении государством. Инициаторы заговора нашли поддержку в Московском посаде. — О. Д.
- ³⁵⁰ Речь идет о царевне Ксении, дочери Б. Годунова, которую Лжедмитрий I сделал своей наложницей (См.: *Масса И.* Краткое известие о Московии // *Масса И. Петр Петрей. О начале войн и смут в Московии.* М., 1997. С. 101–102. См. также комм. 115). Тимофеев демонстрирует типичное для средневекового человека мышление по подобию — Б. Годунову воздается по его поступкам. Несколько таинственно и непонятно звучит последняя фраза. Дьяк, по-видимому, имеет ввиду, что царевна Ксения была обречена на насильственное пострижение.
- ³⁵¹ Источник цитаты не найден. Наиболее близкая: Мф. 7: 13–14.
- ³⁵² Согласно Библии, вавилонский царь Навуходоносор (605–562 гг. до н. э.) украсил свою столицу Вавилон прекрасными дворцами, храмами, висячими садами и оборонительными укреплениями. В христианской традиции нечестивый царь представлен как воплощение необыкновенной гордыни, отторгающий Бога, управляющий судьбами людей и царствами (Дан. 4: 27, 28, 30). Тимофеев сравнивает Годунова с Навуходоносором, подчеркивая, что затеянное им обширное строительство имело целью прославление не имени господа, а имени Годунова, за что бог отвернулся от Бориса. О планах Годунова создания живой иконы Иерусалима, и, в частности, строительства в Кремле храма Гроба Господня («Святая Святых») см.: *Баталов А. Л.* Гроб Господень в замысле «Святая Святых» Бориса Годунова // *Иерусалим в русской культуре.* М., 1994. С. 154–171.

- ³⁵³ Соломон, сын царя Давида, был третьим царем народа израильского. С его именем связывают расцвет государства древних евреев. В книжной традиции — воплощение мудрости, автор некоторых священных текстов: книг Притчей Соломоновых, Екклесиаста, или Проповедника, Песни песней Соломона и Премудростей Соломона.
- ³⁵⁴ Любопытна реакция Тимофеева на планы Б. Годунова построить в Кремле храм Гроба Господня. Он трактует их как попытку «унизить» Успенский собор Московского Кремля (строительство первого каменного Успенского собора в Кремле было начато по благословению митрополита Петра. Он же был и похоронен в тогда еще недостроенном соборе).
- ³⁵⁵ *Давид* (конец XI в. — ок. 950 г. до н. э.) — второй царь израильский, царствовал после Саула. Согласно Библии, отличался физической силой и поэтическим вдохновением. Произведения Давида составили основу библейской книги Псалтырь. Став царем над 12 коленами Израилевыми, овладел Иерусалимом, сделав его столицей своего государства. Перенес в Иерусалим Ковчег Завета — главную святыню ветхозаветных иудеев; учредил упорядоченное богослужение. Начал сбор средств для строительства Иерусалимского храма, посвященного Иегове. Однако завершил строительство его сын, царь Соломон, о чем и говорит автор «Временника».
- Проводя параллель между царем Давидом и Б. Годуновым, каждый из которых не сумел осуществить свои планы, Тимофеев вновь подчеркивает, что Борис был наказан Богом за чрезмерную гордость: «Бог не благословил совершить, показывая этим всем, что в них вера его была соединена с гордостью».
- ³⁵⁶ Правление Лжедмитрия I привело не только к опустошению казны. Навсегда были утрачены многие ценности, которые самозванец пустил на оплату услуг многочисленных наемников, вознаграждение сторонников, на подарки, включая подношения невесте М. Мнишек, и т. д. Немало средств ушло на реализацию амбициозных планов, главным из которых стала подготовка «крестового похода» на крымцев. В. Козляков высказывает предположение, что строительство нового дворца Лжедмитрием I было затеяно из материалов, приготовленных Б. Годуновым для возведения Иерусалимского храма. Возможно, эту же судьбу разделила и драгоценная гробница. См.: *Лаврентьев А. В.* Царевич — царь — цезарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606. СПб., 2001. С. 116–150.
- ³⁵⁷ Наиболее близкая цитата: Книга пророка Малахии 1: 8.
- ³⁵⁸ Б. Годунов, вступив на престол, вводит новую форму присяги на верность ему и его роду. «По этой клятве требовалось не изменять царю ни делом, ни словом; не умышлять на его жизнь и здоровье, не вредить ему ни ядо-

- витым зельем, ни чародейством, доносить о всяких скопах и заговорах, не уходить в иные земли» и проч. (*Карамзин Н.* История Государства Российского. Т. XI. С. 7, комм. 5). В подкрестной записи Борисовой стояли также слова: «А не учну яз Государю... служить и пролитие или какое что лихо сделаю мимо ее крестное целование, и не буди на мне Божия милость и Пречистая Богородицы... и всех святых» (ААЭ. II. № 10. С. 61). — *О. Д.*
- ³⁵⁹ Озия, десятый царь иудейский, за гордость был наказан богом проказой. II Цар. 26.
- ³⁶⁰ Литургия — богослужение, совершаемые на хлебе и вине, которые приносятся как бы «бескровной жертвой» богу за весь мир. — *О. Д.*
- ³⁶¹ По библейской легенде, божье проклятие, постигшее первых людей — Адама и Еву за совершенный ими грех. — *О. Д.* Тимофеев возмущен попустительством церковной иерархии, которая вместо службы Богу стала подобострастно служить Годунову, согласившись на изменение порядка присяги.
- ³⁶² Тимофеев имеет в виду рассказ из повести «О взятии Царьграда турками» Нестора Искандера (XV в.), где говорится, как перед падением города «благодать божия» в виде огненного столба ушла из храма Софии и поднялась на небо. — *О. Д.*
- ³⁶³ Тимофеев не прошел мимо изменения порядка присяги, которую ввел Б. Годунов. Последний обязал приносить клятву в церкви, «положа руку на крест Христов» (ранее присяга допускалась даже в «жилых домах»). Годунов намеревался тем самым упрочить верность подданных. Автор «Временника» увидел в этом бесчиние, изгнавшее из церкви благочестие. Как нарушение традиции осмыслено было Тимофеевым и всенародное «моление за царя», устроенное Годуновым в конце 1604 — начале 1605 г. Оно интерпретировано было им как насильственная письменная клятва на верность царскому роду. См.: *Ульяновский В.* Смутное время. С. 23–24. О чине постановления Бориса Годунова см.: *Попов К.* Чин священного коронования (Исторический очерк образования чина) // Богословский вестник. 1896. Май. С. 195–196; *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 150–152; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. М., 1998. С. 136–139.
- ³⁶⁴ Херувимы — высшие духовные существа, занимающие второе место за серафимами в ряду девяти чинов ангельских. Изображаются в образе человеческого, но с крыльями и с нередко преклоненными перед Богом лицами.
- ³⁶⁵ Песнопение, поющее на литургии, посвященное Богородице, о котором объявляется словами: «изрядно о пресвятей, пречистой...». — *О. Д.*

- ³⁶⁶ Этот отрывок — яркий пример того, что И. Тимофеев понимал под «бессловесным молчанием». Исчисляя прегрешения современников, он обвиняет их в отсутствии благочиния, забвения страха божьего, почитании «земного владыки выше небесного». Примечательно, что обвинения дьяка родственны обвинениям ревнителей-боголюбцев, «духовных отцов» церковной реформы середины XVII в. Они также писали по окончании Смуты о маловерии современников, не способных даже внять наставлениям пастырей и выстоять церковные службы.
- ³⁶⁷ Четыре русских митрополита — представители высшего духовенства, непосредственно следующие за патриархом. Со времени установления на Руси патриаршества в 1589 г. архиепископы Новгородский, Казанский, Ростовский и Крутицкий были возведены в сан митрополитов. Первое место среди них, по Тимофееву, принадлежало митрополиту Новгородскому. — *О. Д.*
- ³⁶⁸ Царский город — Москва.
- ³⁶⁹ Ближайшая цит. Мф. 23: 21–22.
- ³⁷⁰ Пифик — обезьяна.
- ³⁷¹ Источник не найден. Близкая цитата: 2 Петр. 3: 14.
- ³⁷² В своем стремлении закрепить престол за своими потомками, т. е. сменить выборный принцип на династический, Б. Годунов повелел производить по окончании службы многолетие не только правящему государю, но и членам его семейства. Нововведение также вызвало решительное осуждение автора «Временника». Между тем начинание Годунова отражала не просто его желание упрочить династический принцип, но и усилить общую тенденцию к сакрализации царской власти. Позднее, когда память о Б. Годунове утратила свою злободневность, аналогично стал поступать Алексей Михайлович, чем вызвал в свою очередь протесты старообрядцев.
- ³⁷³ Борис требовал, чтобы в бумагах писали его имя с полным царским титулом: «Великий государь, царь и великий князь Борис Феодорович всея России самодержец». — *О. Д.*
- ³⁷⁴ Близкая по смыслу цит.: Иер. 44: 26–28.
- ³⁷⁵ Речь идет о колокольне Ивана Великого в Кремле, которую Б. Годунов приказал надстроить в 1600 г. Надпись на главе колокольни: «Изволением Святыя Троицы повелением Вел. Государя царя и Великого князя Бориса Федоровича всея России самодержца и сына его, благоверного великого государя царевича и великого князя Феодора Борисовича всея России, храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108-го» — *О. Д.* Как уже отмечалось, одно из тяжких прегрешений царя Бориса (по Тимофееву) — непомерная гордыня, особенно проявившаяся

в обширных. но так и не исполненных планах церковного строительства. Автор не устает повторять, что Годунов на самом деле прославлял себя, а не Бога, однако «невозможно угодить Богу от неправды». Особенно был возмущен автор «Временника» надписью на Иване Великом.

376 Авд. 1: 4.

377 Наставником Б. Годунова Тимофеев считает думного дьяка А. Щелкалова. *Щелкалов* Андрей Яковлевич (ум. ок. 1597) — думный дьяк. В продолжение своей долгой приказной службы руководил такими крупными приказами, как Разрядный, Приказ Казанского дворца. С 1570 г. стоял во главе Посольского приказа. При царе Федоре Ивановиче активно поддерживал Б. Годунова и помогал ему в управлении государством. В 1594 г. отошел от дел и принял постриг. В исторической литературе характеризуется как опытный приказной делец, умный и изощренный придворный.

378 *Щелкалов* Василий Яковлевич (ум. 1611) — думный дьяк, печатник. После отставки старшего брата А. Я. Щелкалова возглавил Посольский приказ. Есть известия, что в 1598 г. выступал с инициативой присяги Боярской думе, т. е. оказался среди противников Годунова. В 1601 г. попал в опалу «за самовольство» — непослушание Б. Годунову. В 1605 г. пожалован Лжедмитрием I в окольничьи.

379 И. Тимофеев преувеличивает роль братьев Щелкаловых, приписывая им заслугу возведения Годунова на трон и, соответственно, дальнейшей судьбой братьев упрекая царя Бориса в черной неблагодарности. Между тем, как отмечено выше, удалившийся от дел А. Я. Щелкалов умер за год до избрания Годунова; В. Я. Щелкалов оказался связан с враждебными Годунову кругами. Влияние Щелкаловых пришлось на конец царствования Ивана Грозного — первые годы Федора Ивановича, когда и существовал некий политический союз приказных дельцов с Годуновым. Но уже к середине царствования Федора Ивановича Щелкаловы были сильно потеснены Борисом и его сторонниками.

380 При избрании на царство Б. Годунова была составлена избирательная грамота, на которой подписались представители сословий, оказавшихся на соборе. Один список этой грамоты был положен в царскую сокровищницу, другой — в ризницу Успенского собора. Тимофеев говорит, что этот второй список был положен в раку митрополита Петра. В грамоте между прочим значилось: «Всем ослушникам царской воли неблагословение и клятва от церкви, месть и казнь от синклита и государства; клятва и казнь всякому мятежнику, раскольнику, любопрительному, который дерзает противоречить деянию соборному и колебать умы молвами злыми, кто бы он ни был, священного ли сана, или боярского, думного или воинского, гражданин или вельможа: да погибнет и память его во веки». — О. Д.

³⁸¹ Тимофеев возмущен тем, что Б. Годунов приказал положить Соборную грамоту о своем избрании на престол в раку с мощами св. Петра. Считая подобное действие кощунственным и незаконным, поскольку незаконным было само избрание Бориса, дьяк уверен, что грамота была отвергнута святителем, подобно тому как были отвергнуты Евфимием Великим писания еретиков после Халкидонского Вселенского собора 451 г.

IV Вселенский собор, собравшийся в Халкидоне, осудил ересь Диоскора, который утверждал, что в Господе Иисусе Христе одно лишь естество — Божеское, поглотившее в воплощении естество человеческое (так называемая ересь монофизитов). Собор торжественно провозгласил, что в Иисусе Христе две природы, божественная и человеческая, каждая — совершенная и особенная, соединены в одной ипостаси Слова, второго Лица Троицы. Собор постановил, что надлежит исповедовать Иисуса Христа «Совершенным по Божеству и... совершенным по человечеству... познаваемым в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо». Вероопределение, принятое в Халкидоне, не привело к духовному согласию, однако на протяжении веков оно оставалось основой восточного православия.

Евфимий принял решения Халкидонского собора и признал его православным. Весть об этом быстро распространилась среди иноков и пустынников, и многие из них, ранее неправо веровавшие, по примеру Преподобного, приняли исповедание Халкидонского собора. Сам святой Евфимий за свою подвижническую жизнь и твердое исповедание получил наименование Великого.

³⁸² Лк. 6: 43.

³⁸³ Речь идет о так называемом «безгосударском времени», когда страна оказалась без монарха. Тимофеев, отказываясь признать права королевича Владислава на русский престол, начинает отсчет этого периода с низложения В. Шуйского.

³⁸⁴ Пространный отрывок «Временника» интересен тем, что автор приводит «прегрешения» Б. Годунова в управлении государством, допущенные им ради обретения сторонников и укрепления своей власти. Для Тимофеева это не просто проступки, которым нет прощения, — он видит в них отступления от принципов, обеспечивающих стабильность общественного устройства, справедливые отношения между чиновными группами и сословиями.

³⁸⁵ С учреждением в России патриаршества русские и греческие архиереи в 1589 г. уложили внести изменения в церковное устройство, возведя некоторые кафедры на следующие ступени церковной иерархии: вместо Московского митрополита, ставшего патриархом, появились четыре митрополита, прежде носившие звание архиепископов — Новгородский, Казанский, Ростовский, Сарский (Крутицкий); следующие степени долж-

ны были занять шесть архиепископов (бывшие епископства) и восемь епископов. Однако в годы патриаршества Иова соборное определение об открытии необходимого числа кафедр архиепископов и епископов не было выполнено (см.: *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Книга шестая. М., 1996. С. 42–43, 52–54). Не совсем понятна причина «смущения» И. Тимофеева происшедшими изменениями — возвышение русской церкви, теперь уже ставшей и номинально полностью самостоятельной, было принято современниками как должное. Но, по-видимому, ко времени написания «Временника» общественная атмосфера была такова, что все связанное с именем Б. Годунова подвергалось осуждению.

- ³⁸⁶ Плач от лица Новгорода, «пленного» шведами, дает обобщенную картину страданий русского населения под иноземным игом. Когда в 1617 г. по Столбовскому договору Новгород и его область были возвращены Русскому государству, этот богатый город был наполовину сожжен, жителей в нем оставалось немного — одни умерли от голода, другие разбежались. Шведы во время оккупации города всячески притесняли население, в чем им помогали изменники из русских, перешедшие на сторону врагов. Таким образом, Тимофеев не преувеличивает, называя захватчиков мучителями, говоря о запустении города и разорении его. — *О. Д.*

В новейшей научной литературе результаты пребывания Новгорода и новгородской земли в «немецком плену» — под властью шведов в 1611–1617 гг. трактуются не столь однозначно. Первоначально, поддерживая кандидатуру шведского принца Карла Филиппа на русский престол, новгородцы видели в союзе со шведами гарантию защиты своей жизни и имущества от «воровских шаек» и польско-литовских войск. Однако по мере того как шведы осознали всю сложность сохранения за собой занятой территории, с расколом новгородского общества, часть которого все более ориентировалась на Москву, отношения стали портиться. Нарастающее противостояние вылилось в открытые столкновения и разорение новгородчины. Особенно сильному опустошению подверглись земли, лежащие между Новгородом и Псковом. См.: *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 309–313.

- ³⁸⁷ Почему Новгород получил свое название — до настоящего времени еще не решенная загадка. По этому поводу в науке высказано несколько гипотез, которые сводятся к двум типам: одни исследователи ищут объяснения наименования города «новым» — вне его, другие — в нем самом. С. Ф. Платонов считает Новгород новым по отношению к Старой Руссе, лежащей по ту сторону озера Ильмень и бывшей более древним центром поселения приильменских славян; акад. Б. Д. Греков таким центром считает Старую Ладугу, находящуюся на другом конце реки Волхова. Вторая группа исследователей полагала, что название «новый город» вызвано

перенесением центра его с одного места на другое (П. А. Гусев) или укреплением кремля новым валом, новым городом (акад. Н. С. Державин). Автор книги «Древний Новгород» (Изд. Акад. Наук СССР, 1947 г.) Н. Г. Порфиридов говорит, что у Старой Ладogi больше, чем у Старой Руссы, оснований считаться предшественником Новгорода. Окончательного решения поставленного вопроса не дает и он. — О. Д.

В новейших исследованиях историки допускают следующую последовательность: в IX в. Рюрик был приглашен в Ладogu (или захватил ее); затем варяги перенесли резиденцию в Городище (так называемое Рюриково городище) — укрепленное славянское поселение на правом берегу Волхова, расположенные выше Новгорода по течению реки. Сам Новгород возник позднее: новгородская крепость («детинец») построена около 1044 г. Княжеская же резиденция была перенесена в начале XI в. на противоположный, правый берег Волхова, на Торговую сторону («Ярославо-во дворище»), но в XII в. князь вновь вынужден был перебраться в Городище. Таким образом Новгород как укрепленный городской центр возникает лишь в середине XI в., хотя славянские поселения существовали здесь ранее, по крайней мере с середины IX в. По отношению к чему считать город новым, по-прежнему однозначно утверждать трудно (см.: Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 170–205). Сентенция Тимофеева любопытна с точки зрения восприятия древнего города жителями XVII столетия.

³⁸⁸ *Сеннахерим* — ассирийский царь, безуспешно осаждавший Иерусалим при царе Езекии. С этими древними царями, нападавшими на главный город Иудеи Иерусалим и разрушившими его, Тимофеев сравнивает шведов, которые в июле 1611 г. захватили Новгород и держали его под своею властью до 1617 г. — О. Д.

³⁸⁹ Мартиниане, или мартириане, — еретики, отрицавшие церковную иерархию и обряды, принятые православной церковью. Шведы, оккупировавшие Новгород, были протестантами, тоже отвергавшими священство и обряды, и поэтому Тимофеев говорит, что они подобны еретикам-мартирианам. — О. Д.

³⁹⁰ В «реестр преступлений» Б. Годунова Тимофеев включил и притеснение церкви. Но если субъективное стремление дьяка вполне объяснимо — подобные обвинения воспринимались как наиболее тяжкие, то в действительности церковная политика царя Бориса была куда полифоничнее: при нем, к примеру, были восстановлены податные привилегии — тарханы церковных землевладельцев, отмененные собором 1584 г. «покаместа земля поустроится».

³⁹¹ И. Тимофеев вспоминает здесь одну из легенд Библии, рассказывающую о том, как евреев, шедших по пустыне, спасла от голода манна — род муки, — которая падала с неба. Слово «манна» значит «что это?». По ле-

генде, евреи, увидев ее, не понимали, что это такое, и так спрашивали друг друга. — *О. Д.*

- ³⁹² Помазание царя на царство совершалось за литургией (главным христианским богослужением) и состояло в том, что митрополит или патриарх возлагал на царя крест, бармы (ожерелье с священными изображениями) и венец, а в конце богослужения мазал его миром (особо сваренным и «освященным» благовонным маслом). Первым из царей так венчался на царство Иван Грозный, а за ним Федор Иванович и Б. Годунов. Венчание и помазание последнего было особенно торжественным. — *О. Д.*

С точки зрения русского человека миропомазание государя при венчании было равносильно таинству миропомазания. Тем самым подчеркивался особый сакральный статус царя, обретение ими особой благодати Святого Духа, ниспосланной на помазанников Божиих. См.: *Успенский Б. А. Царь и патриарх...* С. 21–25.

- ³⁹³ Иван Тимофеев в известной мере противоречит себе: восстанавливая выше картину избрания Бориса, он писал об обмане, принуждении и даже угрозах, пущенных в ход Годуновым и его сторонниками. Здесь же он говорит об осознанном избрании Бориса за его правосудие, пуской и оказавшихся ложным. Любопытна, однако, оговорка об «ожиданиях всего народа», оказавшихся связанными с выборной монархией.

- ³⁹⁴ Мф. 23: 28–29.

- ³⁹⁵ Фарисеями называлась среди евреев особая секта ревнителей закона, отличавшаяся лицемерием и гордостью. Они при жизни гнали и убивали «праведников», а после их смерти украшали их гробницы. Таким же, подобным фарисеям, лицемером считает Тимофеев Б. Годунова. — *О. Д.*

- ³⁹⁶ 1 Кор. 3: 13. Так И. Тимофеев называет послания апостола Павла — по религиозному преданию, одного из крупнейших проповедников христианства в I в. н. э. Тимофеев ведет речь о том, что многочисленные вклады царя Бориса, украшение церквей и усыпальниц праведников и т. д. были отвергнуты Богом, который позволил разбить и разорить гробницы, монастыри, церкви.

- ³⁹⁷ Мф. 6: 3.

- ³⁹⁸ Перемирие с Речью Посполитой было заключено в деревне Деулино близ Троице-Сергиева монастыря в декабре 1618 г. Оговорка, сделанная Тимофеевым, позволяет отчасти восстановить время написания отдельных глав знаменитого «Временника».

- ³⁹⁹ Отрепьевы вели свой род от Владислава Кащ-Недедзевского, «мужа знатна короны Польской», который после принятия православия стал писаться Нелидовым. Один из потомков В. Нелидова в пятом колене получил в годы правления Ивана III прозвище Отрепьев, перешедшее к его потомкам. Его праправнук Г. Отрепьев вошел в историю как Лжедми-

трий I. В 1671 г., после неоднократных жалоб Отрепьевых, мечтающих избавиться от одиозной фамилии, царь Алексей Михайлович разрешил им вернуть родовое имя. Нелидовы-Отрепьевы — второразрядный провинциальный дворянский род, обосновавшийся в Заволжских уездах, в том числе в Галичском уезде, в десятнях которого числились Отрепьевы.

⁴⁰⁰ См. комм. 142.

⁴⁰¹ Дьяк Тимофеев разделял официальную версию, созданную еще при Б. Годунове, согласно которой за царевича Дмитрия Ивановича выдавал себя сын галицкого дворянина, беглый дьякон Чудова монастыря Григорий (в миру Юрий Богданович) Отрепьев.

⁴⁰² Свой поход на Москву Лжедмитрий I начал с вторжения в Северскую землю, некогда бывшую территорией Черниговского княжества, граничившую не только с Речью Посполитой, но и «Диким полем». Порубежное положение Северщины определило скопление здесь многих элементов, по разным обстоятельствам недовольных правлением Б. Годунова и своим положением. К тому же местное население отличалось воинственностью и знанием военного дела. Лжедмитрий I надеялся получить здесь поддержку и в целом не ошибся в своих надеждах.

⁴⁰³ Речь идет о переходе после смерти Б. Годунова царских воевод со всем войском на сторону Лжедмитрия I, что и определило судьбу царя Федора Борисовича.

⁴⁰⁴ Т. е. у патриарха Иова. Отправившийся в скитания в 14-летнем возрасте (по одной из версий, в связи со слухами о сходстве Отрепьева с царевичем Дмитрием), Отрепьев принял в Успенской обители в Хлынове постриг. По возвращении в Москву получил разрешение жить в Чудовом монастыре, в келье у своего дяди. Здесь обратил на себя внимание бойкостью, знанием грамоты и умением сочинять каноны. Был посвящен в дьяконы и приближен к самому патриарху, который оценил смысленного молодого дьякона.

⁴⁰⁵ Пришло время, исполнилось время — выражения, восходящие к Евангелию (Мк. 1: 15). Для Тимофеева и его читателей — событие неизбежное, предначертанное Богом.

⁴⁰⁶ Речь идет о Ю. Мнишке, отце М. Мнишек. См. комм. 88.

⁴⁰⁷ Известно несколько случаев публичного разоблачения самозванца уже после его воцарения, что, естественно, требовало немалого мужества и смелости. Среди них был дворянин П. Н. Тургенев, по определению А. Палицына, «новый мученик», казненный по приказу Лжедмитрия в мая 1605 г. на Красной площади за изобличения самозванца. Якобы открыто отказался признать самозванца Астраханский архиепископ Феофаносий (см.: *Дмитриевский А. Житие и подвиг первого архиепископа*

- Астраханского Феодосия // Труды Киевской духовной академии. 1903. Кн. 5). Однако не следует преувеличивать случаи открытого изобличения Отрепьева. В этом смысле свидетельство Тимофеева уникально: он говорит о толках в обществе и множестве доносчиков, стремившихся угодить новому правителю (см.: *Козляков В. Лжедмитрий I*. С. 146–162).
- 408 Речь идет о вдове Б. Годунова, царице Марии Григорьевне. См. подробнее комм. 8, 579.
- 409 «Дар Божий» — так Тимофеев называет царевича Ф. Б. Годунова, вступившего на московский престол после смерти отца в апреле 1605 г. Примечательно, что Тимофеев, после всех обвинений в адрес Б. Годунова, готов признать необычайные дарования молодого царевича. Он у него даже «обладающий правом (носить) скипетр». Федор не успел венчаться на царство. Это связано не только с борьбой с самозванцем: молодому государю из-за траура надо было ждать истечения 40 дней после смерти отца. К этому моменту (25 мая) положение сына Бориса окончательно пошатнулось: он был возвращен на боярский двор и взят под стражу.
- 410 К. Б. Годуновой в апреле 1605 г. было 23 года. В 1598 г. она была неудачно сосватана за шведского принца Густава. В 1602 г. другой жених Ксении, датский принц Иоанн, заболел и скончался в Москве. Тимофеев, несомненно, имеет в виду принца Иоанна, который, в отличие от Густава, никак не запятнал себя своим поведением в глазах русских людей. См. подробнее комм. 115, 248.
- 411 Лжедмитрий I постриг царевну Ксению в монахини по настоятельному требованию своего будущего тестя Ю. Мнишека, который, по-видимому, всерьез встревожился слухами об увлечении нового московского государя несчастной дочерью Б. Годунова. В любовстрастии обвиняли Лжедмитрия и его соотечественники. Автор «Иного сказания» был уверен, что, отдав приказ убить Ф. Годунова и его мать, самозванец велел оставить в живых царевну Ксению, «дабы ему лепоты ея насладиться, еже и бысть».
- 412 Тимофеев упоминает известные ему факты из жизни К. Годуновой. Ксения действительно успела повидать четверых «после ею отца царя» правителей — Лжедмитрия I, В. Шуйского, Владислава Жигимонтовича, Михаила Федоровича. В 1606 г. она участвовала в перенесении праха своего отца, матери и брата в Троице-Сергиевской монастырь. Здесь же она в 1608–1609 гг. пережила знаменитую осаду. Не проходит дьяк мимо и участи несчастной царевны, невольно отвечающей за прегрешения Б. Годунова.
- 413 См. комм. 273.
- 414 Иов до последнего момента поддерживал Годуновых, призывая паству оставаться верной присяге и обличая Отрепьева как самозванца и от-

ступника от православной веры. Историки до сих пор спорят, признали ли первый патриарх Лжедмитрия I после гибели царя Федора Борисовича. Так, А. Лаврентьев, на основе новых свидетельств, считает, что Иов встречал во главе духовенства «природного государя» (см. *Лаврентьев А. В.* Оригинальные сведения о «смутном времени» в Летописном своде 1652 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 117). Р. Г. Скрынников обращает внимание на так называемое второе послание самозванца из Путивля Иову, в котором он увещевал патриарха не забывать о своих обязанностях (*Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 294–296). Однако большинство исследователей, в первую очередь историки церкви, предпочитают говорить о твердой позиции Иова в отношении самозванца. Не случайно его имя отсутствует в «повинной грамоте» москвичей, отправленной 3 июня в Тулу Лжедмитрию I (см.: *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Книга шестая. М., 1996. С. 71–74). Не вызывает, однако, сомнения, что фигура Иова никак не могла устроить Лжедмитрия.

⁴¹⁵ Так Тимофеев именует М. Мнишек.

⁴¹⁶ *Власьев* Афанасий Иванович — дьяк (с 1595 г.), видный деятель русской посольской службы. В 1595 г. в составе посольства М. И. Вельяминова ездил к императору Священной Римской империи Рудольфу II Габсбургу (1552–1612); в 1599 г. уже как думный дьяк отправился с посольством к цесарю Рудольфу II. С 1601 по 1605 г. думный дьяк Посольского приказа. В августе 1605 г. был отправлен Лжедмитрием I в Польшу для обручения с М. Мнишек, где представлял «особу» московского государя. Одно из самых доверенных лиц самозванца, казначей и посольский дьяк. После гибели Лжедмитрия I сослан в Уфу, в 1611 г. возвращен Сигизмундом III, по указу которого А. Власьеву велено быть по-прежнему в казначейях и думных дворянах.

⁴¹⁷ Торжественный въезд М. Мнишек в Москву Тимофеев сравнивает с въездом египетского владыки — фараона. — *О. Д.*

⁴¹⁸ Откровение Богослова — одна из книг Священного писания, известная под названием «Апокалипсис» и приписываемая ученику Христа Иоанну Богослову. Символические образы Апокалипсиса не раз использовались древнерусскими писателями. Тимофеев использует здесь образ нечестивой жены, с которой и сравнивает М. Мнишек. — *О. Д.*

⁴¹⁹ Для решения вопроса о венчании М. Мнишек пришлось созывать освященный собор. Камнем преткновения стал вопрос о способе перехода Марины в православную веру. Ко второй половине XVI в. в Московском государстве получила силу практика перекрещивания, поскольку католическое «обливание» не считалось правильным. Но подобный способ вызывал протесты польской стороны. Искавший решения вопроса само-

званец настоял на принятии компромиссного решения, озвученного патриархом Игнатием, о принятии М. Мнишек православия не через новое крещение, а миропомазание (второй чин присоединения к православию). Такой способ устраивал окружение будущей царицы, поскольку давал основание считать, что она не меняла вероисповедания. Иерархи русской церкви утвердили это решение. Позднее русские публицисты признали главными виновниками недопустимого отступничества самозванца и Игнатия. Однако похоже, что на соборе никто не осмелился открыто выступать против патриарха и царя. По крайней мере, о протесте будущего патриарха Гермогена, в 1605 г. митрополита Казанского, и Коломенского епископа Иосифа упомянуто только в тех источниках, которые относятся к послесмутному времени. Так, С. Шаховской и И. Катырев-Ростовский пишут, что Гермоген настаивал на перекрещивании Марины на соборе и в мае, после ее приезда в столицу.

Лжедмитрий и его окружение хорошо понимали, что без принятия православия М. Мнишек не может сочетаться браком с московским государем. Однако папа Павел V запретил переход Марины в православие. Таким образом, перед самозванцем встала трудная задача добиться своего, удовлетворив при этом все стороны. Для этого решено было провести обряд коронации с миропомазанием, а затем только — бракосочетание. Поскольку обручение Марины в Кракове с царем Дмитрием (22 ноября 1605 г.), особу которого представлял посол А. Власьев, в Речи Посполитой считали свадьбой, обряд коронации казался вполне логичным. См.: *Ульяновский В.* Смутное время. С. 235–250; *Козляков В.* Лжедмитрий I. С. 193–217.

⁴²⁰ Пс. 52: 2.

⁴²¹ Мф. 24: 3.

⁴²² Перенесение мощей Николая, архиепископа Мирликийского, празднуется церковью 9 мая ст. ст. — *О. Д.*

Святой Николай Мирликийский (Никола Угодник) был одним из популярнейших святых в средневековой России, что неоднократно отмечали иностранцы в своих записках (см.: *Горсей Дж.* Записки о России. XVI — начало XVII в. / Пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 54, 176; *Турбервилль Дж.* Послания из России // Там же. С. 267, 274). Для читателей тот факт, что в этот день была нарушена традиция празднования перенесения мощей святого, — еще одно бесспорное свидетельство отступничества самозванца.

⁴²³ См. комм. 144.

⁴²⁴ По библейской легенде, Дафан и Авирон возмутились против власти Моисея и не захотели подчиняться ему. За это они были наказаны богом: их живыми поглотила земля.

⁴²⁵ И. Тимофеев перефразирует царя Соломона, Прит. 11: 22: «Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и — безрассудная».

- ⁴²⁶ Характерная оговорка дьяка, для которого одна из причин Смуты — нарушение прежнего порядка в получении чинов, должностей, наград. Главные виновники того, что люди стали стремиться к получению им «несвойственного», по Тимофееву, — самозванец и «ложный царь» Б. Годунов.
- ⁴²⁷ Выполняя условия договора с Ю. Мнишеком, Лжедмитрий I вынужден был отсылать большие денежные суммы в Речь Посполитую. Они значительно возросли в связи с подготовкой к свадьбе и свадебной церемонией в Кракове, а затем в Москве. Одному сандомирскому воеводе было послано 300 тыс. золотых. Причем ненасытный Ю. Мнишек постоянно требовал новых и новых сумм. Так, в апреле 1606 г. он сообщал Лжедмитрию I о получении 13 324 талеров (большая серебряная монета, использовавшаяся в качестве денежной единицы в Речи Посполитой) и 5204 рублей, добавляя при этом, что тотчас пустил их на уплату долгов, отчего нуждается в новых поступлениях (СГТиД. Ч. 2. № 133. С. 284).
- Не была обделена вниманием «государева невеста» М. Мнишек, получившая большое количество драгоценностей, золотых слитков, дорогой ткани и т. д. (см.: *Дневник Марины Мнишек...* С. 33). Огромные суммы пошли также на уплату «услуг» наемников, участвовавших в борьбе самозванца за «прародительский» трон. Наконец, амбициозные замыслы самозванца, начиная со строительства нового дворца в Кремле и кончая войной с Портой, побуждали Лжедмитрия безжалостно опустошать царскую сокровищницу и казенные сундуки приказов. Быть щедрым побуждала и внутривосточная ситуация: чтобы удержаться на престоле, царь Дмитрий хотел «всю землю прелстити и любим быти». Следствием этого стал быстрый рост земельных и денежных окладов, в перспективе означавший рост налогового бремени. Эти огромные траты опустошили казну.
- ⁴²⁸ Иаков — здесь то же, что Израиль, т. е. избранный народ, в данном случае — русский народ. С «возгоревшимся огнем» Тимофеев сравнивает негодование, вызванное бесчинствами поляков в Москве при Лжедмитрии I, которое привело к перевороту 17 мая 1606 г. и расправе с самозванцем. — О. Д.
- ⁴²⁹ Ближайшая по смыслу цит.: Пс. 33: 17.
- ⁴³⁰ Тимофеев несколько неточен в изложении событий, связанных с низвержением Лжедмитрия I. С появлением «ближней думы» стал нарастать конфликт самозванца с думными чинами, ревниво наблюдавшими за стремительным возвышением фаворитов Отрепьева, в первую очередь П. Басманова и В. Мосальского. Недовольство вызывали обильные денежные раздачи польской и литовской шляхте. Это явное предпочтение Лжедмитрием чужих перед своими, особенно на фоне прежнего «ласкательства» Б. Годунова, настраивало придворных против нового государя.

Недоверие к собственным подданным, которое зримо выразилось в создании личной охраны царя «из немцев», в свою очередь, усилило недоверие к самому Лжедмитрию. Оппозиционные настроения дошли даже до поляков. Шуйские и Голицыны через верного человека уведомляли Великого гетмана Литовского Л. Сапегу о намерении свергнуть Лжедмитрия и пригласить на престол королевича Владислава, сына Сигизмунда III (Записки гетмана Жолкевского. С. 10).

Особенно повредил репутации Лжедмитрия I приезд М. Мнишек со множеством сопровождавших ее лиц, бесцеремонно нарушивших повседневную жизнь москвичей. «А Литва и Поляки..., — сообщали разряды, — учили насилство делать: у торговых людей жен и дочерей иматъ силно, и по ночем ходить с саблями и людей побивать, и у храмов вере крестьянской и образом порутатца» (*Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 8*). Особое возмущение вызывали сомнительные с точки зрения православных людей «новшества», внесенные в церковные церемонии. Но Лжедмитрий не внял предупреждениям об опасности. Он уверял Юрия Мнишека, что никто ничего не имеет «против нас; а если бы что заметили, то в нашей власти их всех в один день лишить жизни» (см.: *Записки Станислава Немоевского... С. 75*).

⁴³¹ См. комм. 143.

⁴³² Заговор 17 мая 1606 г. сопровождался выступлением московского гарнизона и посадских людей, которые кинулись избивать литовцев и поляков, приехавших в Москву на свадебные торжества. Размещенные в разных местах города, иноземцы оказались в затруднительном положении. Местами им удалось организовать сопротивление, но многие, застигнутые врасплох, пали под ударами восставших. Лишь вмешательство В. Шуйского и его сторонников, стремившихся избавиться только от «царька», остановило кровопролитие. Майские события привели к кризису в отношениях с Речью Посполитой, который по сути так и не был преодолен правительством В. Шуйского, о чем Тимофеев пишет ниже.

⁴³³ Пс. 20: 12.

⁴³⁴ И. Тимофеев ведет речь о противостоянии В. Шуйского и Лжедмитрия II, обосновавшегося в Тушине. Сравнивая блокаду Москвы войсками второго самозванца с клеткой, дяк несколько драматизирует ситуацию. «Тушинскому вору» не удалось добиться полной блокады столицы. Тем не менее, В. Шуйскому потребовалась помощь Скопина-Шуйского, чтобы разжать тиски блокады. Впрочем, к этому времени начался распад Тушинского лагеря, пагубно отразившийся на боеспособности противников В. Шуйского.

⁴³⁵ По замечанию историка И. Полосина, эта сентенция свидетельствует, что данный отрывок был написан дяком еще до водворения в стране

полного порядка. См.: *Полосин И. И.* Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века. С. 167.

⁴³⁶ Ос. 8: 4.

⁴³⁷ Ближайшая по смыслу цит.: Иез. 17: 19.

⁴³⁸ По библейской легенде, жители городов Содомы и Гоморры были известны своими беззакониями и чудовищным развратом, за что и получили возмездие от бога, — они были сожжены. — *О. Д.*

⁴³⁹ В этом знаменитом отрывке из «Временника» дьяк И. Тимофеев в своем понимании причин Смуты поднимается до широких обобщений. Исчисляя вины современников, дьяк выносит суровый приговор всем сословиям и чинам, забывшим о своих правах и обязанностях и прежде всего чинам «начальствующим». Этот приговор не выходит за рамки сословного восприятия общества, но он свидетельствует, что события Смуты побуждали современников задуматься об ответственности сословий и сословных групп за судьбу «православного Царства».

⁴⁴⁰ Тимофеев несколько вольно истолковал библейские сюжеты, подчеркнув, что евреи «дозволили» фараону и Ироду избивать младенцев. Такие библейские параллели нужны были автору, чтобы утвердить читателя в мысли: попустительство и молчание при виде преступлений Бориса поощрило его к новым преступлениям, за что в последующем все были наказаны Богом.

Во время 430-летнего египетского плена евреи, забывшие единого Бога, были наказаны ниспосланным ангелом, который в одну ночь убил всех первенцев египетских.

Ирод I — царь Иудеи (37–4 гг. до н. э.), который, получив власть от римлян, правил с исключительной жестокостью. Возможно, этим объясняется тот факт, что с Иродом христианское предание связывает «избиение младенцев», в числе которых должен был погибнуть и младенец Христос, будущий, согласно предсказаниям, царь Иудейский, которого Ирод вознамерился убить. Но «ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет» (Мф. 2: 13–14).

⁴⁴¹ Ирод в библейском повествовании — образ царя-тирана. О нем рассказывается, что перед своею смертью он приказал перебить всех своих вельмож, чтобы они не радовались его смерти. — *О. Д.*

⁴⁴² Источник не найден.

⁴⁴³ Тимофеев имеет в виду нижегородское земское ополчение, которое во главе с К. Мининым и князем Д. Пожарским в 1612 г. пришло к Москве и разгромило поляков. — *О. Д.*

⁴⁴⁴ Речь идет о патриархе Иове. См. комм. 1.

⁴⁴⁵ Тимофеев имеет ввиду пожар в марте 1611 г., в результате которого выгорела большая часть Москвы. Город был подожжен по совету М. Г. Салтыкова, «зачинателя», по определению летописцев, всего «зла», А. Гонсевским с целью подавить начавшееся выступление москвичей. Последнее в исторической литературе обыкновенно трактуется как стихийное восстание народа. Однако в новейшей литературе высказано предположение, что выступление готовилось по инициативе дворянских руководителей первого ополчения, которые пытались нанести удар по польско-литовскому гарнизону с тыла в момент подхода к Москве ополченцев. Именно этим можно объяснить появление нескольких организованных центров сопротивления, которые возглавили на Сретенке Д. М. Пожарский, у Яузских ворот — И. М. Бутурлин, за Москвой-рекой — И. Колтовский. «Похоже, — пишет Ю. М. Эскин, — что несколько опытных воевод заранее проникли в город и начали восстание по плану. Однако какую цель они преследовали? Все трое принадлежали к среде “Государева двора”... Не следует ли из этих фактов, что дворянская часть ополчения во главе с Ляпуновым в союзе с московскими аристократами попыталась упредить события и установить контроль над городом до прихода основных сил ополчения — казаков Трубецкого и Заруцкого, от которых ничего кроме хаоса и кровопролития не чаяли?». Однако несогласованность действий сорвала эти планы (см.: *Эскин Ю. М. Опыт жизнеописания боярина... С. 38*).

В публицистике Смуты начало пожара — 19 марта — стало своеобразной датой отсчета «конечного разорения» «преславного Московского царства». «Этот пожар все разорил, погубил великое множество людей. Великие и неоценимые потери понесла в тот час Москва», — признавал один из свидетелей мартовского бедствия (см.: *Мархоцкий Н. История Московской войны... С. 90*).

⁴⁴⁶ Скорее всего, эти строки были написаны И. Тимофеевым около 1617 г., во время переговоров правительства первого Романова со шведами о мире. Дьяк в курсе территориальных претензий шведов.

⁴⁴⁷ Речь идет о попытке новгородцев преодолеть Смуту избранием на российский престол шведского королевича Филиппа-Августа. В 1600 г. новгородцы присягнули ему в оккупированном шведами Великом Новгороде.

⁴⁴⁸ Иордан — река в Палестине. Привыкший постоянно искать сравнений и сопоставлений в Библии, Тимофеев и здесь не может удержаться, чтобы, говоря о реке Волхове, на которой стоит Новгород, не упомянуть Иордан. Это сравнение должно, по мысли автора, возвысить значение Новгорода в глазах читателя. — *О. Д.*

В водах Иордана Иоанн Предтеча, проповедник, предвещавший явление Христа, крестил Иисуса. Сравнение с Иорданом для возвеличивания места, о котором идет речь, — прием, свойственный мышлению древнерусского книжника. Ср. «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», в котором приток Десны река Сновь сравнивается с Иорданом, что дало основание предположить, что Даниил — выходец из южнорусской, скорее всего, Черниговской земли.

⁴⁴⁹ *Исидор* (?–1619) — митрополит Новгородский с 1603 г. В 1605 г. послан в Кромы приводить войско к присяге на имя царя Федора Борисовича. В июне 1606 г. венчал на царство В. И. Шуйского, позднее — Лжедмитрия I. Способствовал заключению М. В. Скопиным-Шуйским договора о союзе с Швецией. Один из главных действующих лиц в «новгородском правительстве» в 1611–1617 гг. Отдельные исследователи связывают с именем Исидора попытку создания Новгородского государства во главе с Карлом Филиппом (см.: *Морозова Л. Е.* Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // *Культура средневековой Москвы. XVII век.* М., 1999). Исходатайствовал прощение новгородцев у М. Романова за «вынужденную клятву», данную Карлу-Филиппу. См.: *Салодкин Я. Г.* Исидор // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. Часть 2.* СПб., 1993; *Ульяновский В.* Смутное время. М., 2006. С. 217–219.

⁴⁵⁰ *Лжедмитрий III* (?–1612) — самозванец, выдававший себя за Дмитрия Ивановича. Настоящее имя и происхождение неизвестны. Согласно одним известиям, «Матюшка роздьякон», другим — «дьякон Сидорка». После гибели Лжедмитрия II объявился в Новгороде, затем в Пскове, где при помощи толпы захватил власть («Псковский вор»). В условиях брожения в стране в марте 1612 г. был даже признан в казацких станах, продолжавших стоять под Москвою после распада первого ополчения, царем Дмитрием Ивановичем. Против принесенной присяге «вору Сидорке» решительно выступило руководство второго ополчения. Его позиция привела к изоляции самозванца. В мае он попытался бежать из Пскова, но был схвачен в выдан руководителям ополчения. Позднее казнен. *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1983.

⁴⁵¹ Наиболее близки цитаты из: Сир 11: 26 «Легко для Господа — в день смерти воздать человеку по делам его»; Сир. 1: 13 «Боящемуся Господа благо будет напоследок, и в день смерти своей он получил благословение».

⁴⁵² См. комм. 154.

⁴⁵³ Об обстоятельствах избрания на престол В. И. Шуйского см. комм. 148, 291. Несмотря на высокое происхождение В. Шуйского (в грамоте об избрании Шуйского подчеркивалось, что тот стал царем «по степени пра-

родителей наших», ведущих род от Рюрика), принадлежащего к суздалской ветви Рюриковичей, для Тимофеева он оказался на престоле по «своей воле», без Божьего изволения (впрочем, «думаю», оговаривается дьяк). Любопытно, однако, что нелегитимность власти Шуйского автор «Временника» связывает также с нарушением порядка избрания государя: он выбран не от «всей земли», без широкого участия выборных от чинов и сословий. Тимофеев в этом вполне солидарен с теми, кто ставил под сомнение законность избрания В. Шуйского, повторяя чуть ли не дословно эти аргументы-обвинения. И хотя стремление Шуйского скорее занять престол — заполнить вакуум власти — вполне объяснимо, нарушение процедуры выборов, несомненно воспринимавшейся как одно из базисных оснований власти, очень скоро привело к новому политическому кризису (см.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 220–224; *Козляков В.* Смута в России... С. 283–194; *Кулакова И. П.* Восстание 1606 г. в Москве и воцарение Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985). Возникло то самое «двоемыслие», которое, по Палицыну, раскололо страну, окончательно ввергнув ее в пучину гражданской войны. Нообретенный опыт не прошел даром: не случайно выборы М. Ф. Романова отличались самым большим представительством за всю историю существования Земских соборов (см.: *Черепнин.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 187–199). Примечательно, что Романовы не упускали случая подчеркнуть, что Шуйский утвердился на престоле «без совета... со всею землею и з городами» (ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. С. 69).

⁴⁵⁴ *Татищев* Михаил Игнатьевич (?–1608) — окольничий. Из смоленских Рюриковичей, утративших княжеский титул. При Б. Годунове выдвинулся на дипломатическом поприще, выполняя в том числе и самые щекотливые царские поручения. Будучи близок к самозванцу, на пиру в апреле 1606 г. упрекнул последнего в том, что тот в нарушение обычая ест телятину. Разгневанный Лжедмитрий I отправил Татищева в Вятку, но, по просьбе П. Басманова, вернул его с дороги. Участвовал в заговоре В. Шуйского. Во время восстания убил защищавшего самозванца П. Басманова. В 1608 г. отправлен вторым воеводой в Новгород. Вызывал недовольство новгородцев многочисленными злоупотреблениями и насилиями. Был растерзан толпою по обвинению в измене В. Шуйскому и намерении передаться к самозванцу.

Личность М. И. Татищева, не без подачи дьяка Тимофеева, традиционно негативно оценивается в исторической литературе. Первым попытку реабилитировать этого деятеля Смутного времени предпринял Ю. В. Татищев (*Татищев Ю. В.* Деятели Смутного времени. 1. Михаил Игнатьевич Татищев // *Летопись Историко-родословного общества.* Вып. 1. 1905).

- ⁴⁵⁵ Современники отзывались о М. Татищеве, как о человеке «с покладистой совестью», готовом ради карьеры оказать любую услугу правящему государю. При Годунове он публично обличал Василия Шуйского и даже дал ему пощечину, по-видимому, не забытую будущим царем. Это, однако, не мешало Шуйскому давать Татищеву ответственные поручения.
- ⁴⁵⁶ Так назван патриарх, высшее лицо в церковной иерархии. Во время воцарения Шуйского на Руси не было патриарха. Прежний патриарх — Иов — был в ссылке; занимавший его место при Лжедмитрии I Игнатий был отстранен, новый кандидат на место патриарха — архиепископ казанский Гермоген — еще не приехал из Казани. О каком же патриархе говорит Тимофеев? Думается, Тимофеев имеет здесь в виду патриарха Иова, находившегося в момент провозглашения Шуйского царем в изгнании в Старицком монастыре. Когда Иов отказался вернуться на патриарший престол, была выдвинута кандидатура Филарета. — О. Д.
- ⁴⁵⁷ Тимофеев имеет в виду свержение в июле 1610 г. В. Шуйского с престола. Позиция автора «Временника» совпадает с позицией патриарха Гермогена, который осудил низложение «богоизбранного и святым елеем помазанного» царя.
- ⁴⁵⁸ О суеверии Шуйского было хорошо известно современникам. Князь И. Катырев-Ростовский писал, что «царь Василий к волхованию прилежен». Впрочем, к услугам астрологов и колдунов нередко прибегали и предшественники В. Шуйского.
- ⁴⁵⁹ При царе Б. Годунове вдовому В. И. Шуйскому (его первой супругой была княгиня Е. М. Репнина) было запрещено жениться: царь опасался, что рождение княжича может представлять угрозу его неокрепшей династии. Запрет был снят лишь при первом самозванце. Однако сама женитьба состоялась уже по воцарении Шуйского, 17 января 1608 г. (см.: Государственное древлехранилище хартий и рукописей. М., 1973. № 268. С. 123). Избранницей 55-летнего царя стала княжна М. П. Буйносова-Ростовская. Одновременно, как знак особой милости, состоялась свадьба М. В. Скопина-Шуйского, родственника царя, с А. Головиной. Тимофеев не упустил случая поставить женитьбу в упрек Шуйскому, поскольку свадебные торжества случились в разгар борьбы с «ворами» — сторонниками «царя Дмитрия Ивановича». Примечательно, что отсутствующий на свадьбе брат царя, боярин Д. И. Шуйский, будто бы упрекал последнего: «Ты веселишься, а кровь невинная льется» (Дневник Марины Мнишек... С. 105). В легкомыслии Шуйского глухо обвинял и бывший в курсе многих дворцовых тайн князь И. Хворостинин. «Не хотел (В. И. Шуйский. — И. А.) непритворно к богу обратиться, будучи поглощен приличествующей юношам жизнью и трудами», — писал князь в «Словесах дней, и царей, и святителей».

- ⁴⁶⁰ Современники скорее упрекали «несчастливого царя» Василия Шуйский не в склонности к «мучительству», а, вопреки клятве «доводов не слушать», — к поощрению доносительства. В 1610 г. был даже составлен список царских «ушников», чьи наветы были особенно любезны царю Василию (*Козляков В. Василий Шуйский. С. 144.*)
- ⁴⁶¹ Источник не найден. Ближайшая по смыслу цитата Прит. 11: 31.
- ⁴⁶² Этот отрывок вызывает определенные сомнения. Характер обвинений таков, что скорее имеет отношение к Лжедмитрию I, а не к Василию Шуйскому. Возможно, это несоответствие — следствие ошибки при редактировании текста Тимофеева. О. Державина, также обратившая внимание на этот отрывок, считает, что в данном случае имеет место проявление непоследовательности дьяка, то ищущего хорошие черты в Шуйском, то резко осуждающего «мнимого царя» (см.: *Временник Ивана Тимофеева. С. 388*). Любопытно, что и Псковская летопись, враждебная к В. Шуйскому, отмечает, что царь после свадьбы предался веселию и совсем забросил военные и государственные дела.
- ⁴⁶³ По-видимому, памятуя об оскорблении, нанесенном в царствование Б. Годунова, В. И. Шуйский удалил М. Татищева из Москвы вторым воеводой в Новгород.
- ⁴⁶⁴ Намек на то, что, получив окольное чинство — второй думный чин, — М. Татищев стал добиваться боярства.
- ⁴⁶⁵ Обиды, нанесенные М. Татищевым дьяку И. Тимофееву, были столь сильны, что последний явно преувеличивал роль своего врага в майском восстании 1606 г. При том, что исследователи имеют в своем распоряжении крайне скудные сведения о вызревании и подготовке самого заговора, душой последнего, несомненно, оставался В. И. Шуйский.
- ⁴⁶⁶ Не совсем понятно, что имеет в виду И. Тимофеев под «первой честью». В Боярскую думу в чине думного дворянина М. Татищев был пожалован при Годунове «за некую тайную и богопротивную ему услугу». Если же дьяк говорит о чине окольничего, то он был получен Татищевым от Лжедмитрия I.
- ⁴⁶⁷ *Скопин-Шуйский* Михаил Васильевич (1586–1610) — князь, боярин. Из суздальско-нижегородских Рюриковичей, четвероюродный племянник царя В. И. Шуйского. Был близок к первому самозванцу, который отличал молодого князя и даже возвел его в доселе невиданный сан «великого мечника» (титул заимствован самозванцем из Польши). Был послан им вместе с фаворитом князем В. М. Рубец-Мосальским в монастырь за «матерью», царевной-инокиней Марфой. В 1605 г. пожалован Лжедмитрием I в бояре. При Шуйском завоевал репутацию удачливого воеводы, под началом которого охотно служили дворяне. В декабре 1606 г. нанес поражение И. И. Болотникову под Москвой. Отличился в сражении на Хо-

дынке, отразив в июне 1608 г. первый приступ на Москву «Тушинского вора» и гетмана Р. Ружинского. В августе того же года был послан в Новгород для заключения союза со Швецией против Речи Посполитой. При поддержке новгородского митрополита Исидора Скопин утвердился в городе и начал переговоры со шведами. Заключенный в феврале 1609 г. договор предусматривал оказание шведами военной помощи в обмен на город Корелу с уездом и отказ от всяких прав на Ливонию (см.: *Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. С. 195–197). Дипломатические контакты Москвы со Стокгольмом дали повод Сигизмунду III расторгнуть русско-польский договор о перемирии 1608 г. и объявить России войну.

Дипломатические осложнения совпали с наивысшими успехами Лжедмитрия II, который к этому времени контролировал огромную территорию Европейской части России. В этих условиях Новгород стал центром мобилизации сил против «Тушинского вора». В мае 1609 г. князь во главе дворянского ополчения и 12-тысячного шведского корпуса под командованием генерала Делагарди выступил на помощь Шуйскому. В июле он освободил Тверь от сторонников самозванца. В октябре — Переславль-Залесский и Александровскую слободу, где соединился с полком Ф. И. Шереметева. Поход завершился разгромом войск Я. Сапеги (январь 1610 г.) и торжественным вступлением 12 марта 1610 г. в Москву. К этому времени Тушинский лагерь распался: самозванец бежал в Калугу (декабрь 1609 г.), часть поляков и литовцев двинулись на соединение с королем Сигизмундом III, который в августе 1609 г. вторгся в пределы Московского государства и осадил Смоленск.

С именем М. В. Скопина-Шуйского, пользовавшегося огромной популярностью, было, по сути, связано будущее династии Шуйских. Скопина всюду встречали, как избавителя и отца отечества. П. П. Ляпунов от имени «земли» предлагал ему престол, от которого Скопин отказался. Не удержался от упреков сам В. Шуйский: уверив его в своей верности, Скопин будто бы посоветовал дяде добровольно отказаться от венца.

Звезда Скопина закатилась в одночасье. В ночь с 23-го на 24 апреля 23-летний Скопин-Шуйский скоропостижно скончался. Согласно источникам, он был отравлен женой Д. И. Шуйского, Е. Г. Шуйской (по одной из версий, во время исполнения обряда «перепивания» по случаю крестин сына И. М. Воротынского): чета наследников царя Василия будто бы поспешила избавиться от опасного соперника (*Иконников В. С.* Князь М. В. Скопин-Шуйский: критико-биографический очерк. СПб., 1875; *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991; *Козляков В.* Василий Шуйский. М., 2007. С. 209–213).

В публицистических памятниках, а в последующем в исторической литературе личность М. В. Скопина-Шуйского, безусловно, идеализировалась

и противопоставлялась В. Шуйскому. Во многом эта традиция восходит к «Временнику» И. Тимофеева, который сравнивал князя с Моисеем.

- ⁴⁶⁸ Недовольный удалением из столицы, М. Татищев, согласно источникам, задумал очередную измену. Когда Лжедмитрий II, встревоженный военными приготовлениями М. В. Скопина-Шуйского, направил к Новгороду отряд полковника Кернозицкого, Татищев вызвался встретить неприятеля под Бронницами. Однако новгородцы обвинили его в намерении перейти к самозау, о чем и сообщили Скопину-Шуйскому (*Иконников В. С.* Князь М. В. Скопин-Шуйский: критико-биографический очерк. СПб., 1875. С. 28–29). Князь в присутствии ратных людей и М. Татищева прочитал донос. Возбужденная толпа тотчас набросилась на окольничего, о чем и повествует Тимофеев. С. Ф. Платонов считает, что расправа над окольничим более вызвана ненавистью горожан к воеводе за его многочисленные злоупотребления (*Платонов С. Ф.* Очерки истории Смуты... С. 249–252).

Погребен был М. И. Татищев в Антониевом монастыре, его имущество, как «изменника», было конфисковано и частично распродано (см.: *Мятлев Н.* Место погребения Михаила Игнатьевича Татищева // *Летопись Историко-родословного общества.* 1905. Вып. 1. С. 3). «Новый летописец», вопреки известию Тимофеева, пишет, что погребен Татищев в Антониевом монастыре по велению М. В. Скопина-Шуйского (*Хроники смутного времени.* М., 1998. С. 327). А. Селин в новейшем исследовании о Новгороде в эпоху Смуты обращает внимание на то, что расправа над М. Татищевым была связана с острой борьбой за власть в городе и «явно одобрена» Скопиным-Шуйским (*Селин А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 337). И. О. Тюменцев не сомневается в намерении Татищева передаться на сторону самозванца, подкрепляя версию «Нового летописца» новыми источниками (*Тюменцев И. О.* Смута в России в начале XVII столетия... С. 268–270, 309).

- ⁴⁶⁹ Источник цитаты не найден. По-видимому, перифраз Пс. 33: 18: «Взывают [праведные], и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их».
- ⁴⁷⁰ Речь идет, по-видимому, о дьяке Е. Тепленеве, который в одно время с М. Татищевым и дьяком И. Тимофеевым был в Новгороде. По словам Тимофеева, дьяк был близок к Татищеву, а потом оклеветал его. — *О. Д.*
- ⁴⁷¹ Вселукавому — имеется ввиду М. И. Татищев.
- ⁴⁷² Речь идет об августовском договоре 1610 г. о призвании на русский престол королевича Владислава. См. также комм. 752, 757.
- ⁴⁷³ В силу крайне неустойчивого положения в столице, интриг Шуйского и позиции патриарха Гермогена «заводчики бунта» должны были считаться с угрозой возвращения свергнутого царя на престол. Чтобы не допустить этого, 19 июля группа заговорщиков насильно постригла Шуй-

ского в монахи на его старом дворе «без патриархова ведома и боярского приговору, самовольством». Шуйский не желал принять постриг и отказывался отвечать согласием «противо вопросов на постригание». За него отвечал один из заговорщиков, князь В. Тюфякин. Гермоген отказывался признать законность процедуры, продолжая величать Шуйского мирским именем в противоположность Тюфякину, которого объявил иноком.

⁴⁷⁴ Марионеточное правительство в Москве по настоянию гетмана Жолковского выдало бывшего царя Сигизмунду III. Отвезенный сначала под Смоленск, а затем в Польшу, Шуйский стал живым символом триумфа короля в его восточной политике. В 1611 г. в Варшаве состоялись празднества, связанные со взятием Смоленска и покорением Московского царства, во время которых Шуйский с братом Д. Шуйским просил милосердия и «бил челом о землю». После того как им было даровано «прощение», Шуйские были допущены к королевской руке. Это унижение высокого царского достоинства пускай даже нелюбимым всеми царем больно отозвалось в Москве. После смерти Шуйских они были погребены в специально построенном мавзолее, сооруженном «на всеобщую память в потомстве и для славы королевствования» Сигизмунда III. В 1635 г., после заключения Поляновского мира 1634 г., останки В. Шуйского были привезены в Москву и захоронены в Архангельском соборе. См.: *Козляков В.* Василий Шуйский. С. 240–261; *Цветаев Д. В.* Царь Василий Шуйский и место погребения его в Польше. Т. 1. Варшава, 1910.

⁴⁷⁵ Тимофеев имеет в виду, что находился во время описываемых событий в Новгороде, занятом шведами. К этому моменту определилась его позиция относительно взаимоотношений со шведами, которую он характеризует как « плен ».

⁴⁷⁶ Евангелие (Лк. 1: 8–20) сообщает о том, что рождение Иисуса Христа было открыто пастухам, которые пасли свои стада недалеко от Вифлеема. Им явился ангел, возвестивший рождение Христа, они видели небесное знамение. Пораженные всем этим, пастухи пришли в Вифлеем, нашли Иосифа, Марию и младенца Иисуса, которому поклонились. Евангелие от Луки повествует только о поклонении пастырей (пастухов) и не сообщает ничего о поклонении волхвов. О последних повествуется в Мф. 2: 2, 9: «Пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему». Воздав почести младенцу Иисусу (по обычаю волхвы принесли в дар золото, ладан и смирну), они возвратились в свои страны.

Волхвы — восточные мудрецы.

⁴⁷⁷ Речь идет о трех вавилонских отроках, Анании, Азарии и Мисаиле, брошенных нечестивым царем Навуходоносором в разожженную печь за то,

что они не пожелали поклоняться золотому идолу. В печи отроки славли единого Бога и молили Его о спасении. Явившийся им в печи ангел Божий сделал для них огонь прохладным, и они невредимыми вышли из огня (Дан. 3: 1–93). В память об этом чудесном избавлении ежегодно в церкви разыгрывалось Пещное действо.

478 Адам со Евою — по библейской легенде, первые люди, созданные богом. По верованиям церкви, грех Адама был причиной греховности всего человечества. Покаянием в своих грехах люди, по учению церкви, могут восстановить в себе первоначальную чистоту Адама — «обновить образ Адама». — *О. Д.*

479 «Егда же к концу лета грядяху» — т. е. когда кончилась седьмая тысяча лет; Тимофеев считает года от «сотворения мира» и думает, что с концом седьмой тысячи лет может наступить и конец мира. — *О. Д.*

480 «И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания». Быт. 3: 1–7.

481 Согласно библейскому сюжету, за преступление заповедей Бог изгнал Адама и Еву из рая (Быт. 3: 19).

482 Так Тимофеев называет воинов, сражавшихся в полках самозванцев. — *О. Д.*

483 По гласу самая Истины — т. е. по словам Христа, будто бы записанным в евангелиях. — *О. Д.* Дан. 9: 10, 13.

484 Тимофеев цит. по памяти Нагорную проповедь. Мф. 7: 27.

485 Тимофеев имеет ввиду выступление И. И. Болотникова, в ходе которого противоборствующие стороны неоднократно осаждали города, жители и воинские гарнизоны которых принадлежали к враждебным лагерям.

486 Ту же мне, мухоподобному. — Тимофеев говорит здесь о себе и о своем участии в происходивших событиях, считая себя ничтожной песчинкой перед лицом грандиозной исторической драмы. — *О. Д.*

487 Чтобы подчеркнуть важность своего назначения, И. Тимофеев прибегает к ссылке на царский титул, в котором Новгород упоминается одним из первых среди городов Московского государства.

488 Яко потопная... некогда, при Нои древле... вода. — Нашествие поляков на Русское государство напоминает Тимофееву всемирный потоп. — *О. Д.*

⁴⁸⁹ В 1610 г. новгородцы после переговоров с присланным из Москвы И. Салтыковым присягнули Владиславу. Однако в городе с большим недоверием наблюдали за правительством в Москве, подозревая, что оно стало игрушкой в руках поляков. После неудачного восстания в столице против поляков в марте 1611 г. горожане обвинили И. Салтыкова в намерении сдать Новгород полякам и казнили его. То была открытая поддержка первому ополчению и разрыв с боярским правительством. Одновременно новгородцы вели переговоры со шведским королем Карлом IX о помощи. 23 июня 1611 г. действовавший в таборах первого ополчения Совет всей земли принял решение об избрании одного из шведских принцев царем. Однако сами новгородцы не спешили ознакомить генерала Я. Делагарди с текстом приговора, особенно с той его частью, которая предусматривала территориальные уступки в пользу Швеции. В этих условиях Делагарди решил захватить город. После упорных боев шведы заняли укрепления Малого земляного города. Засевшие в детинце новгородские власти во главе с воеводой И. Н. Одоевским и митрополитом Исидором приняли решение о прекращении сопротивления. 25 июля от имени Новгородского государства был заключен договор со шведским королем, который признавал его покровителем новгородской земли. Предусматривалось признание одного из сыновей короля великим князем Новгородского государства и, при согласии «всей земли», избрание на московский престол. Договор носил ярко выраженный антипольский характер. До приезда в Новгород Карла-Филиппа, которому была принесена присяга, власть переходила к Делагарди, Одоевскому и митрополиту Исидору. Договор по сути означал выход Новгородской земли из состава Московского государства и включение ее в орбиту шведского влияния.

Первоначально шведские власти пытались сотрудничать с новгородскими властями, избегая, по мере возможностей, столкновений. На местах оставались русские воеводы, приказные, старосты, хотя рядом с ними стала возникать шведская администрация. Умеренная фискальная политика, раздача земельного (часто фиктивного) и денежного жалованья должны были привлечь на сторону новых властей местное население и дворянство. Заманчивым было обещание водворить в пятинах порядок и защищать территорию Новгородского государства от поляков и «воровских казаков».

Освобождение Москвы от поляков и избрание в 1613 г. Михаила Федоровича осложнило политическую ситуацию в Новгороде. Настроения в пользу возвращения в Московское государство усилились. Переговоры в Выборге новгородского посольства об избрании на московский престол Карла-Филиппа провалились. Послы не только отказались выступать от имени всего Московского государства, они открыто заявили о своих антишведских настроениях. В ответ шведы сделали упор на во-

енную силу и попытались включить Новгородские земли в состав шведского государства. В январе 1614 г. Делагарди предложил новгородцам принести присягу на имя короля Густава II Адольфа, брата Карла-Филиппа. Горожане от присяги уклонились, обвинив шведов в нарушении договора. Ответом стало усиление репрессий и поборов. Из города вывозили пушки и колокола, изымались церковные и монастырские ценности. Источники свидетельствуют о голоде и эпидемии, от которых только в Новгороде в 1615 г. скончались около 8 тыс. человек. Настало время, которое И. Тимофеев назвал пленом.

Упорное сопротивление новгородцев и острые трения с Сигизмундом III заставили Густава II Адольфа отказаться от своих завоевательных планов. Столбовский мирный договор 1617 г., за который пришлось заплатить стратегически важными территориями, вернул Новгород в состав Московского государства.

⁴⁹⁰ Источник цитирования не найден.

⁴⁹¹ Мф. 9: 37: «Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало».

⁴⁹² Иак. 4: 3: «Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений».

⁴⁹³ Но глагол аще и к верховному во апостолах бе, но обаче ко изнемогающему маловерием. «Верховный во апостолах» — по учению церкви, Петр, ученик Христа. В данном случае Тимофеев вспоминает евангельскую легенду о том, как Петр, выйдя из лодки, пошел к Христу, идущему по водам, но испугался, усомнившись, и стал тонуть. Христос в легенде называет Петра «маловерным». — О. Д.

⁴⁹⁴ Мф. 21: 21: «Иисус же сказал им в ответ: истинно говорю вам, если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что *сделано* со смовницею, но если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, — будет».

⁴⁹⁵ Источник не найден.

⁴⁹⁶ Пророк Моисей, согласно библейскому рассказу, видел Землю обетованную, в которую отвел свой народ из Египта, но не вошел в нее, так как все евреи, вышедшие из Египта, кроме Халева и Иисуса Навина, за ропот на Бога были обречены умереть, не войдя в нее. Сам Моисей умер прежде, чем вступил в Землю обетованную: «И сказал ему Господь: вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: „семени твоему дам ее“; Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню» Втор. 34: 4–5.

Иисус Навин — библейский персонаж, возглавивший евреев после смерти Моисея. Под его водительством израильтяне вступили в Землю обетованную.

- 497 Речь идет об избрании Земским собором 1613 г. царем М. Ф. Романова.
 498 Мф. 10: 33.
- 499 Часто встречаемая фраза: Ио. 19: 5, 18; 20: 12 и др.
- 500 Как и А. Палицын, не мог пройти мимо так называемых перелетов и И. Тимофеев. Действительно, в период противостояния элита не отказывалась от того, чтобы перестраховаться и сохранить свое положение, включая земельную собственность, на случай победы того или претендента на власть. Лояльность завоевывалась появлением в Тушине или Кремле, службой родственников и т. д. Однако далеко не все спешили «перелетать» из лагеря в лагерь. Так, одними из первых признавшие самозванца князя А. Ю. Сицкий, Д. М. Черкасский, Д. Т. Трубецкой, Ю. Н. Трубецкой, С. Г. Звенигородский, С. П. Засекин, Ф. П. Борятинский предпочли остаться в Тушине, получив новые чины и награды. Вообще в новейшей литературы размеры бегства в Тушино существенно корректируются и по численности, и по статусу бежавших (среди них были многие молодые отпрыски знатных семейств, стольников, надевавшихся на быструю карьеру), и по устоявшимся историографическим мифам, восходящим к публицистической литературе (см.: *Тюменцев И. Ю.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М. 2008 С. 356–369.
- 501 Диапазон обличения И. Тимофеева предельно широк: пребывающие в постоянных «перелетах» служилые люди и царедворцы для него не просто клятвопреступники. Они пали до богоборчества, поклоняются созданному ими же самими кумиру.
- 502 (Зах. 14: 3).
- 503 К Тройскому владычеству... сего сравниша. — Под «Тройским владычеством» подразумевается город-государство Троя, некогда расположенный на малоазийском побережье. Легендарная война греков против Трои воспета Гомером в «Илиаде» и Виргилием в «Энеиде». Рассказ о ней в Древней Руси был известен из Хронографа и «Сказания о взятии Трои». С разорением Трои Тимофеев сравнивает разорение Русского государства. — *О. Д.*
- 504 Т. е. Тушинского лагеря. См. комм. 159, 161.
- 505 Тимофеев не преувеличивает масштабы противостояния. Недовольство правлением В. Шуйского, с одной стороны, и активные действия польско-литовских и русских сторонников Лжедмитрия II — с другой, привели к тому, что с осени 1608 г. под контроль тушинцев стали переходить значительные территории Замосковья, Поморья, Новгородской земли и Среднего Поволжья. Осенью 1608 г. Я. Сапега наголову разбил на ярославской дороге войска И. И. Шуйского (Рахманцевское сражение), занял Дмитров и осадил Троице-Сергиевскую обитель, 16-месячная оборона

которой сыграла выдающуюся роль в истории Смуты. (См.: *Тюменцев И. О.* Смутное время в России... С. 287–232). Под контроль «вора» перешли такие крупные города, как Тверь, Суздаль, Владимир, Юрьев-Польский, Ярославль, Углич, Вологда, Галич, Псков и др. По словам «Нового летописца», немногие «города стояли в твердости, а другие все прельстились на дьявольскую прелесть» (Хроники смутного времени. М., 1998. С. 325). Так, не имея возможности взять столицу, тушинцы реализовали план блокады Москвы, который должен был привести к ее падению (см.: *Платонов С. Ф.* Очерки истории Смуты... С. 235–236; *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 104–106). Успехи Лжедмитрия II носили временный характер: жесткая налоговая политика, конфискации и злоупотребления тушинских воевод и рыскающих по стране отрядов привели к перелому в настроениях жителей городов и уездов, и без того смущенных слухами о самозванстве очередного претендента на московский престол.

⁵⁰⁶ От терния проникша смрадным скверны помазан, плескова глаголю и прочих, яже о нем — в связи с движением тушинцев к Новгороду от Москвы отпали Псков и его область. В сентябре 1608 г., когда тушинцы подошли к Пскову, «некий безумнии челоვეцы, без совету всех и без ведома» отворили им ворота. Из тюрьмы было выпущено 400 человек, а воевода Шереметев был сам посажен в тюрьму. Восстание в Пскове приняло затяжной характер. Позднее в Пскове появился свой самозванец Сидорка, о котором Тимофеев и говорит, что он «смрадным скверны помазан». — *О. Д.*

⁵⁰⁷ Любопытная характеристика Лжедмитрия III, которого, по ничтожеству личности самозванца, Тимофеев называет «не настоящим лжецарем», т. е., по сути — царем. Примечательно, что изобилие самозванцев и в самом деле так запутывало публицистов и законодателей, что те в своем стремлении изобличить их посредством частицы «не» логически запутывались и превращали «лже» в царей. См.: *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. С. 18.

⁵⁰⁸ Верный своей манере называть имена иносказательно, Тимофеев говорит о М. И. Татищеве. Впрочем, в этом случае иносказание отчасти оправдано тем, что дьяк, следуя избранному литературному приему, ведет рассказ от имени Новгорода (см. комм. 386). «Третий из здешних с ним начальников» — ко времени повествования Татищев был уже третьим воеводой.

⁵⁰⁹ В сентябре 1608 г. в Пскове произошло выступление против В. Шуйского. Проправительственные силы не сумели подавить мятеж. Город занял тушинский воевода Ф. Плещеев. Псковский владыка Геннадий, не сумев удержать псковичей, «умер от горя». Робкая попытка М. В. Скопина-Шуйского отбить город успеха не имела. Отряд раскололся: часть верну-

лась назад, часть примкнула к тушинцам в Пскове. Больше того, в самом Новгороде началось брожение. И. О. Тюменцев пишет, что усиление «смуты» было связано с недовольством населения решением Шуйского начать переговоры со шведами и пригласить наемное войско. В этой ситуации Скопин, непосредственный исполнитель воли царя, из-за опасения мятежа покинул город. Тимофеев оценивает этот поступок князя как бегство, спровоцированное «злыми советчиками» — М. И. Татищевым и дьяком Е. Телепневым. Эта версия событий повторена в «Новом летописце»: «Весть же пришла к князю Михаилу Васильевичу в Новгород, что псковичи изменили. Князь Михаил же, посоветовавшись с Михаилом Татищевым да с дьяком Ефимом Телепневым и боясь измены новгородцев, побегал из Новгорода к Ивангороду с небольшим отрядом» (Хроники смутного времени... С. 326). Инициатором возвращения князя в Новгород выступил митрополит Исидор, который вместе с посадскими и служилыми людьми бил челом князю, уверяя его в верности В. Шуйскому (см. комм. 449).

⁵¹⁰ Речь идет о дьяке Е. Телепневе, недруге Тимофеева.

⁵¹¹ Источник не найден.

⁵¹² Тимофеев не особенно заботится о точности повествования: Лжедмитрий III, «псковский вор», появился много позднее, уже после смерти М. В. Скопина-Шуйского, второго самозванца и М. И. Татищева. Для автора «Временника» важнее другое: иллюстрация того, что шатания «великих» не просто бесчестье для них, но и бедствие для всей земли. Они, «столпы», ответственны в первую очередь за судьбы царства.

⁵¹³ День рождения Богородицы церковь празднует 8 сентября ст. ст. — О. Д.

⁵¹⁴ Имеется в виду Новгородский собор святой Софии (т. е. *Премудрости* или *Слова Божия*), построенный в XI в.

⁵¹⁵ Имеется в виду Исидор, митрополит Новгородский. — О. Д.

⁵¹⁶ Имеется в виду Ивангород, расположенный на пути из Новгорода к гаваням Нарвской и Ревельской. — О. Д.

⁵¹⁷ Источник не найден.

⁵¹⁸ Ивангородцы целовали крест второму самозванцу, выпустили из острога 300 пленных болотниковцев и отказались открыть ворота М. В. Скопину-Шуйскому (ААЭ. Т. 2. № 99).

⁵¹⁹ Город Орешек, расположенный на истоке Невы из Ладожского озера (ныне г. Петрокрепость). — О. Д. Воевода Орешка, опальный боярин М. Г. Салтыков, отказался помогать М. В. Скопину-Шуйскому.

⁵²⁰ Поспешный отъезд М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода привел к острой борьбе между сторонниками и противниками В. Шуйского. В описании И. Тимофеева обращает внимание позиция, занятая духов-

ными и светскими властями («начальниками города»), а также посадским «миром» и дворянством, их решающей ролью в развитии событий. Существенно, что в условиях поддержки новгородскими пригородами самозванца новгородцы устояли перед соблазном измены, став опорой власти Шуйского на северо-западе страны.

⁵²¹ В данном случае избранным народом называются новгородцы. — О. Д.

⁵²² Имеется ввиду М. И. Татищев. — О. Д.

⁵²³ Источник не найден.

⁵²⁴ Источник не найден.

⁵²⁵ Автор «Временника» сравнивает М. И. Татищева с василиском (аспидом) — по поверию, самым ядовитым змеем среди змей. В Ветхом завете ассоциируется с нечестивыми делами (Ис. 59: 5).

Псковская летописная повесть о Смутном времени.

О смуте и раздорах и отступничестве псковичей от Московского государства, и какие были потом в граде Пскове беды и напасти от нашествия и завоевания погаными, пожар и голод; и откуда взялись несчастья эти и в какое время

В научной литературе справедливо отмечается, что Псковская летописная повесть о смутном времени интересна непосредственной реакцией на события гражданской войны и интервенции в России в начале XVII в. Повесть полна таких деталей и эмоциональных оценок, что можно смело утверждать о причастности автора к происходящим событиям — или как участника, или, по крайней мере, свидетеля. В рамках настоящего издания повесть любопытна тем, что приоткрывает историю функционирования обыденного сознания — колебания псковичей, соотнесение ими происходящего со стереотипами и значимыми общественными ценностями, роль «внешних факторов» — таких как слухи о подходе шведов к городу со всеми сопутствующими страхами и фобиями, в результате чего в городе рушится зыбкое равновесие между противоборствующими «партиями» и чаша весов решительно склоняется в сторону второго самозванца. Повесть подтверждает сделанное мимоходом наблюдение В. О. Ключевского о модели поведения низших слоев посадского населения — они стремятся «к самоуправлению и против «лучших людей» (*Ключевский В. О. И. Тимофеев, кн. Хворостинин и А. Палицын // Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. VII. С. 171.*). Причем происходит это в правление В. Шуйского, когда нарушение процедуры избрания государя — отсутствие воли «всей земли» — осознается как узурпация престола, дающая право на отступничество.

Печатается по: Псковская летописная повесть о смутном времени / Пер. и комм. В. И. Охотниковой // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 146–161. Комментарии В. И. Охотниковой снабжены пометой В. О.

- ⁵²⁶ Т. е. 1606 г.
- ⁵²⁷ В июне 1608 г., по договору, заключенному В. Шуйским с Речью Посполитой, М. Мнишек, жене Лжедмитрия I, было разрешено вернуться на родину. До границы ее провожал князь В. Долгорукий с тысячным отрядом воинов. — В. О.
- ⁵²⁸ Речь идет о создании Тушинского лагеря. См. комм. 159.
- ⁵²⁹ Речь идет о направлении В. Шуйским в Новгород М. В. Скопина-Шуйского для заключения договора со шведами против Речи Посполитой. См. комм. 489.
- ⁵³⁰ На Псковщине действовал тушинский воевода — Плещеев Федор. Заняв пригороды, он добился того, что псковичи признали власть очередного царя «Дмитрия Ивановича». Позднее пожалован самозванцем в тушинскую Боярскую думу в чине окольного, был воеводой в Суздале. В 1610 г. примкнул к первому земскому ополчению.
- ⁵³¹ «Шатость» в Пскове обнаружилась еще при Болотникове. «Лучшие люди» — верхушка посада, купцы — поддерживали В. Шуйского, «молодые» и часть приборных людей склонялись к «царю Дмитрию Ивановичу». В это время псковским воеводой был боярин П. Н. Шереметев. Будучи недоволен воцарением В. И. Шуйского, он составил заговор в пользу князя Ф. И. Мстиславского, был изобличен и отправлен воеводой в Псков. Здесь он затеял сложную политическую комбинацию, натравливая низы посада на верхи, и наоборот. Так, воспользовавшись затруднительным положением псковских богачей и страхом их перед посадскими людьми, он, по свидетельству летописца, «прошал на них мзды великий». Поборы и злоупотребления Шереметева сильно настроили псковичей против воеводы. Последней каплей стал слух о скором прибытии в Псков «свейских немцев» (шведов), союзников Шуйского. «Молодые люди» опасались, что с их появлением воевода с «нарочитыми людьми» упрочит свое положение — «и будет Петр Шереметев силен псковичам», — и стали склоняться к поддержке Лжедмитрия II. 1 сентября 1608 г. в Пскове распространился слух, пущенный, вероятно, из лагеря Плещеева, что «немцы» уже стоят в устье реки Великой. Псковичи стали кричать, что лучше пустить в город Плещеева, нежели ненавистных «немцев». Попытка успокоить горожан ни к чему не привела: Плещеев с войском был впущен в Псков, Шереметев со своими сторонниками арестован. В июне 1609 г., после того как он отказался целовать крест самозванцу, был задушен. Иначе поступил известный деятель Смутного времени, дьяк И. Грамотин, находившийся в тюрьме вместе с П. Шереметевым: спасая жизнь, он присягнул «вору». См.: *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. СПб., 1881–1883; *Кобеко Д. Ф.* К родословию Шереметевых. СПб., 1901.
- ⁵³² Чрезвычайно интересный пассаж автора с осуждением псковичей, вознамерившихся жить «по своей воле» («и быша в своей воли возбеснев-

- ше»). Повесть таким образом «от противного» утверждает стереотипы достойного поведения в соответствии со статусом.
- ⁵³³ Ваал — божество древних семитов. В древнерусской летописной традиции — идол, языческое божество.
- ⁵³⁴ *Засекин* Александр — князь, из Ярославских Рюриковичей. Засекины активно поддерживали Лжедмитрия II.
- ⁵³⁵ *Домонт*, в крещении Тимофей (ум. 1299) — святой, князь, родственник Великого князя Литовского Миндовга. В 1263 г. убил князя Миндовга и, опасаясь мести, бежал в Псков. С 1266 г. князь Псковский. В союзе с новгородцами одержал победу над рыцарями под Раковором в 1268 г. Успешно оборонял псковскую землю от Литвы и Ордена, укрепил самостоятельность Пскова, утратившего при князе статус новгородского пригорода. С XIV в. почитается как местный святой, небесный покровитель и защитник Пскова. Первая церковь во имя «святого Тимофея, Доманта князя» поставлена в Пскове около 1370-х гг. См.: *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1998. С. 71.
- ⁵³⁶ Реминисценция из «Повести о житии Александра Невского». Александр Невский, освободивший Псков и разгромивший немецких рыцарей на Чудском озере в 1242 г., после возвращения в Псков обратился к псковичам с речью, в которой призывал их помнить о том, что он сделал для Пскова, и не уподобляться иудеям, которые забыли о пророке, спасшем их от египетского плена. — *В. О.*
- ⁵³⁷ *Шаров* Тимофей — казачий атаман, действовавший в районе Новгорода. В 1611 г. при взятии Новгорода шведами оказал им сопротивление и был убит.
- ⁵³⁸ Завеличье — район города Пскова за рекой Великой. — *В. О.*
- ⁵³⁹ В 1610 г. в воскресенье на Масленной неделе. — *В. О.*
- ⁵⁴⁰ Важный пассаж о роли клятвоцелования в представлении современников событий, что придавало власти не только формальную, но и вполне реальную силу. Можно предположить, что и сами «правители города», к числу которых относились приказные, вели двойную игру, по своим соображениям уничтожив или утаив грамоту с текстом клятвоцелования в бесчисленных столбцах архива псковской воеводской избы.
- ⁵⁴¹ Крутая гора к северу от Пскова на берегу реки Великой, здесь находился монастырь Рождества Богородицы, где могли укрыться бежавшие. — *В. О.*
- ⁵⁴² Псково-Печерский монастырь Успения Богородицы, приблизительно в 50 километрах к западу от Пскова, на границе с Литвой. — *В. О.*
- ⁵⁴³ Первый понедельник Великого поста называется «чистым понедельником». — *В. О.*

⁵⁴⁴ См. комм. 536.

⁵⁴⁵ «Лжецарь Матюшка» (некоторые источники называют его Сидоркой) был московским дьяконом из-за Яузы. После убийства в Калуге «Тушинского вора» Матюшка прибежал в Новгород, промышлял здесь мелкой торговлей и наконец открыл свое «царское имя». Новгородцы не поверили ему, и новоявленному Дмитрию пришлось бежать; с несколькими казаками он ушел в Ивангород и там 23 марта 1611 г. объявил, что он «спасенный Дмитрий». Вокруг Матюшки стало собираться казачество, пришли к нему и псковичи, уверяя, что Псков готов принять Дмитрия. 8 июля «царь» появился под Псковом, но псковичи не открыли ему ворот. Матюшка стоял под стенами города шесть недель. Испугавшись приближения шведов с новгородцами, он бежал в Гдов; разбитый шведами, укрылся в Ивангороде. Выручили Матюшку псковичи. Опасаясь литовцев с Ходкевичем и шведов во главе с Горном, не желая признавать королевича Владислава, псковичи решили присягнуть самозванцу. Матюшке удалось проскользнуть между отрядами шведов, 4 декабря он был в Пскове. Обосновавшись в псковском Кремле, Матюшка отправил послов в ополчение под Москву к бывшим тушинцам. Казаки заволновались, для опознания царя были посланы выборные люди. Не осмелившись сказать правду о самозванстве Матюшки, они подтвердили истинность Дмитрия. 2 марта 1612 г. казаки ополчения провозгласили государем псковского «лжецаря Матюшку», третьего по счету Лжедмитрия. Его вынуждены были признать, боясь расправы, и вожди ополчения И. Заруцкий, Д. Трубецкой. 11 апреля из ополчения в Псков прибыло новое посольство во главе с И. Плещеевым, бывшим любимцем «Тушинского вора». Плещеев более месяца разыгрывал роль верного слуги, не изобличая самозванства Матюшки, положение которого в Пскове было очень непрочным. Псковичи уже давно разочаровались в своем царьке, оказавшемся неспособным изгнать из псковских земель Лисовского, защитить от шведов, — он лишь развратничал и облагал поборами. Чувствуя непрочность своего положения, Матюшка ночью 18 мая 1612 г. бежал к Гдову с небольшим числом казаков, 20 мая его поймали, привели в Псков, затем, под усиленной охраной, отправили в Москву. В московских таборах казаки посадили его на цепь для всеобщего обозрения. Так бесславно закончилось недолгое царствование псковского «лжецаря Матюшки»; после избрания на престол М. Романова он был повешен. — В. О.

⁵⁴⁶ *Долгорукий* Владимир Тимофеевич (1569–1633) — князь, при В. Шуйском пожалованный сразу из московских дворян в бояре за то, что разгромил под Коломной отступающего от Москвы И. И. Болотникова. В 1608 г. сопровождал М. Мнишек в Польшу, но «упустил» «царицу», которая вступила в сговор с Лжедмитрием II и признала в нем спасшегося мужа. В 1610 г., выполняя волю Василия Ивановича, подавил восстание

в Пскове. После падения Шуйского был наместником в Новгороде и Пскове, сотрудничал со шведами. При Михаиле Федоровиче возглавлял приказы, был воеводой Казани и других городов. В сентябре 1624 г. на дочери В. Т. Долгорукова Марии женился первый Романов. Однако брак был очень коротким — царица занемогла и скончалась через четыре месяца после свадьбы.

⁵⁴⁷ Петров день — 29 июня ст. ст. — В. О.

⁵⁴⁸ Поприще — здесь мера длины, около одного километра. — В. О.

⁵⁴⁹ Промежица — ручей, впадающий в реку Череху, приток Великой; церковь Нерукотворного образа Спаса — приблизительно в трех километрах к югу от города. — В. О.

⁵⁵⁰ Никольский монастырь на погосте Любятovo, в полутора километрах на юго-восток от Пскова. — В. О.

⁵⁵¹ *Лисовский* Александр (ум. 1616) — шляхтич, полковник, участник рокоша Зебжидовского, после поражения которого вынужден был покинуть Польшу. Примкнул к сторонникам Лжедмитрия II. Выдвинулся как начальник конных соединений, способных быстро передвигаться и наносить неожиданные, мощные удары. Под началом Лисовского нередко оказывались отряды запорожцев, литовцев и «воровских казаков», благоволившие к своему командиру за удачливость и щедрость. Лисовский принял участие в осаде Троицы. После освобождения обители войсками М. В. Скопина-Шуйского Лисовский ушел в Суздаль, а затем двинулся к Пскову, разорив по дороге Калязинский монастырь. Получив в 1611 г. королевское прощение за участие в рокоше, Лисовский примкнул к Сигизмунду III. Более года он совершал опустошительные походы по Северской земле, затем прорвался на Волгу, вышел к Суздалю; оттуда вторгся на Рязанскую землю. Попытки царских воевод остановить Лисовского оказались неудачными: он либо ускользал от них, либо наносил чувствительные поражения. Имя Лисовского приобрело нарицательный смысл — лисовчики внушали страх своей жестокостью, коварством и алчностью.

⁵⁵² *Просовецкий* Андрей Захарович (в повести ошибочно назван Иваном) — сын боярский, поляк по происхождению, сторонник Лжедмитрия II. Действовал вместе с Лисовским, но после столкновения с ним вернулся к Лжедмитрию II. Пытался бороться со вторым ополчением. В 1623 г. послан в Томск. Позднее был записан в московский список, воевода в Чаронде и Козьмодемьянске.

⁵⁵³ *Ходкевич* Ян-Кароль (1560–1621) — великий гетман Литовский, видный польский военачальник. Участвовал в Ливонской войне, затем расширил свои военные познания и опыт, воюя против протестантской Голландии на стороне Испании. Вернувшись на родину, участвовал в войне со

Швецией, одержав при Кирхголке (1605) победу над Карлом IX. В 1606 г. участвовал на стороне Сигизмунда III в битве при Гузове, в результате которой были разгромлены рокошане Зебжидовского. В марте–апреле 1611 г. безуспешно осаждал Псково-Печерский монастырь. В августе 1612 г. Ходкевич предпринял попытку прорваться с обозом к осажденному народным ополчением польско-литовскому гарнизону в Москве, но потерпел неудачу и ушел в Вязьму. Поражение гетмана предопределило судьбу осажденных. Умер от ран, полученных в 1621 г. под крепостью Хотин в ходе турецко-польской войны.

⁵⁵⁴ Рождественский Свято-Пафнутиев Боровский монастырь был основан в 1444 г. на берегу реки Протвы преподобным Пафнутием Боровским. В XVI в. монастырь был окружен каменными стенами, став сильной приграничной крепостью. В 1610 г. обитель была осаждена войсками Лжедмитрия II. Предательство двух воевод позволило отрядам «Тушинского вора» ворваться в крепость. В страшном побоище на территории самого монастыря, по летописному преданию, погибло до 12 тыс. человек с воеводой князем М. Волконским. Обитель была разорена и сожжена.

⁵⁵⁵ Троицкий Калязинский монастырь был основан в середине XV в. на левом берегу Волги, в 18 верстах от Кашина. В 1609 г. близ монастыря произошло сражение, в котором М. В. Скопин-Шуйский разгромил полки Сапеги и Зборовского: «Русские же полцы гнаша литовских людей до Рябова монастыря, и многих литовских людей побили и изранили и нарочитых панов многих живых поймали и с великой победой и одолением возвратившася под Калязин монастырь». Через несколько месяцев Лисовский неожиданно напал на Калязинский монастырь. Защитников монастыря было всего 68 человек во главе с воеводой Д. Жеребцовым. Поляки ворвались внутрь обители. Защитники крепости были все до единого убиты. Овладев крепостью, поляки разграбили ее, мощи основателя обители разбросали по территории монастыря, серебряную раку, подарок Б. Годунова, изрубили на части и увезли. Сама обитель была сожжена. Только в центре монастыря остался стоять разоренный каменный Троицкий храм — свидетель бесчинств захватчиков.

⁵⁵⁶ Рутодив — Нарва. Таким образом шведы, сняв осаду с Ивангорода, отошли к Нарве.

⁵⁵⁷ Андроников Афанасий, дьяк.

⁵⁵⁸ См. комм. 467.

⁵⁵⁹ Новгород был во власти шведов с июля 1611 по февраль 1617 г.

⁵⁶⁰ См. комм. 545.

⁵⁶¹ Урусов Петр Арасланович — князь ногайский, стольник. В 1608 г. примкнул к Лжедмитрию II, получив чин «ближнего великого боярина». После убийства по приказу Лжедмитрия II касимовского царя Ураз-Мухаммеда

задумал отомстить самозванцу. В декабре 1610 г. во время охоты убил Лжедмитрия II и бежал в Крым.

- ⁵⁶² *Заруцкий* Иван Мартынович — казачий атаман, поддерживал разные политические силы, был одним из ближайших сподвижников Лжедмитрия II, от него перешел служить к Сигизмунду III, затем вместе с Ляпуновым и Трубецким возглавил первое земское ополчение. Мечтая о личной власти, начал агитацию за избрание на русский престол «воренка» — сына Лжедмитрия II и М. Мнишек. Идея приглашения в Москву «воренка» не получила одобрения. Войско Заруцкого редело, города, которые он пытался добыть для «воренка», оказывали сопротивление. После избрания на престол М. Романова против Заруцкого выступили дворянские отряды во главе с И. Одоевским. И. Заруцкий укрылся в Астрахани, после восстания в Астрахани бежал на Яик. Здесь казаки выдали «царицу», «воренка» и Заруцкого властям. В Москве «воренок» был повешен, И. Заруцкий посажен на кол, М. Мнишек сослана (умерла в Туле своею смертью). — В. О.

**И. А. Хворостинин. Словеса дней, и царей,
и святителей московских.**

**Рассказ о временах, и царях, и святителях московских,
которые были в России. Записано кратко начало
историческое, написано было для исправления
и для чтения любящих благочестие.**

Составлено Иваном Дуксом

Повесть И. А. Хворостинина (ум. 1625) — автора богословско-полемических трактатов — является одним из самых любопытных произведений о Смутном времени. Этим мы обязаны во многом биографии автора и особенностям его мировоззрения. В первом случае важно отметить близость Хворостинина к первому самозванцу (он стал при нем кравчим), сделавшая его свидетелем многих событий. Этим отчасти можно объяснить знание тех самых «мелких черт», которые высоко ценил в этом памятнике В. О. Ключевский (см.: *Ключевский В. О. И. Тимофеев, кн. Хворостинин и А. Палицын* // Сочинения в девяти томах. М., 1989. Т. VII. С. 172). Что касается второго, то молодой Хворостинин явно благоволил к западноевропейской культуре в ее польском варианте. И если при самозванстве увлечение князя оборачивалось для него во благо, то позднее — во зло, сильно подпортив его репутацию (он был даже сослан на исправление в Иосифо-Волоколамский монастырь). Известна формула позднейшего обвинения Хворостинина, датированная, однако, 1606 г.: «Как ты был при Ростриге у него близко, и ты впал в ересь, и в вере пошатался, и православную веру хулил, и постов и христианского обычая не хранил» (СГТид. Т. 3. № 90).

Судя по всему, склонность к вольнодумству и высокоумию не оставила Хворостинина. Князь С. И. Шаховской укорял своего молодого родственника в том, что тот мнил себя «превыше всех человек учением божественных догмат превзыти». Уже по возвращении из плена патриарха Филарета князь несколько раз попадал под подозрение в склонности к «латинству». У него находили латинские книги и образа. Он рвался в Литву, давая повод заподозрить его в самом страшном — намерении изменить. Неосторожно хулил христианское учение — сомневался в воскресении мертвых. В 1622 г. последовала расплата — Кирилло-Белозерская монастырская тюрьма. Хворостинин скоро покаялся и был прощен. Трудно сказать, куда бы далее «завело» вольнодумие князя: вскоре по возвращении в Москву он умер, приняв перед смертью в Троице-Сергиевой монастыре постриг (ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 147, 149).

Традиционный взгляд на Хворостинина, как «западника», «предтечу» Чаадаева, принужденного постоянно оправдываться, ставится под сомнение в новейшей литературе (см.: Буланин Д. М., Семенова Е. П. Хворостинин Иван Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси XVII в. Часть 4. Т-Я. СПб., 2004. С. 190–198). Основание — собственно богословско-полемические трактаты князя, которые вполне ортодоксальны. Проблема требует дальнейшего исследования творчества и жизненного пути Хворостинина, уже хотя бы потому, что обвинения писателя в «западнофильстве» исходят из разных источников.

По справедливому замечанию современных исследователей, «Словеса дней» И. Хворостинина заметно отличаются от других произведений о Смуте. И не только по жанру и стилю. Хворостинин выводит на один из первых планов нового героя — себя, который, выступая в роли обличителя, активно утверждает нравственно-религиозные и общественные ценности.

Текст печатается в сокращении по: *Хворостинин И. А. Словеса дней, и царей, и святителей московских* / Пер. Д. М. Буланина; Подготовка текста и комм. Е. П. Семеновой // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 428–464. Комментарии Е. П. Семеновой имеют в тексте помету Е. С. Дополнительные комментарии сделаны составителями настоящего тома.

^{563–564} Дукс — князь. Этот латинизм напоминает нам о «западничестве» Хворостинина. — Е. С.

⁵⁶⁵ И. Хворостинин затронул тему, которая приобрела в годы Смуты особую актуальность, — об ответственности человека за свои поступки. Сравните с И. Тимофеевым, который протестует против тех, кто все бедствия связывает с судом Божиим. Тем самым они оправдывают свое бездействие и слабость. Сломав границы традиционных социальных ролей и статусов, Смута заставила публицистов и книжников от простого осуждения обратиться к размышлению о свободе воли и выбора человека.

- ⁵⁶⁶ Традиционная тема покаяния с особой силой зазвучала в произведении И. Хворостинина. Конечно, здесь легко улавливается стремление автора к оправданию, поскольку жизненные перипетии князя сделали его вечно подозреваемым светскими властями и православным духовенством. Первые ставили под вопрос его лояльность, вторые укоряли в «шатости» и склонности к «западничеству». Однако в своем предисловии Хворостинин отразил не только свое мироощущение, но мироощущение современников, которым пришлось пережить грозные события начала века. Наказание русских людей Смутой искупалось лишь всеобщим покаянием. Этому всеми признаваемому тезису автор неожиданно придал оттенок осуждения: подобно тому, как Адаму несколько раз открывалась возможность покаяться, так и русские люди многократно каялись в Смуту, но это было покаяние ложное, показное, и оттого еще более наказуемое. Хворостинин опирается здесь на сюжеты из Бытия, интерпретируя их (Быт. 3: 12–13).
- ⁵⁶⁷ Любопытно сравнить это высказывание автора с тем немногим, что нам известно из обвинения Хворостинина 1622 г. Тогда его заподозрили в «необычайном високоумии» и иноверии, за то, что он пренебрежительно отзывался об окружении: русские люди не разумны («на Москве людей нет, все люд глупой») и склонны ко лжи («Московские ж люди сеют землю рожью, а живут будто все ложью»). В предисловии князь провозглашает нечто противоположное, призывая «не доверять своему разуму, ненавидеть своеволие».
- ⁵⁶⁸ *Владимир Святославич* — великий князь киевский (с 980 по 1015 гг.), крестивший Русь (988). См. также комм. 307.
- ⁵⁶⁹ Этот гимн Троице, очевидно, не случаен. В тексте царского указа 1623 г. подробно перечислены вины Хворостинина. Его обвиняли в том, что он отрицал воскресение мертвых, не постился в Страстную неделю, разговлялся до Пасхи. Это указывает, как отмечает А. М. Панченко, на близость писателя к арианам, антитринитариям — протестантским сектам, отрицающим божественное происхождение Христа, а также догматы церкви о предопределении и Троице. В XVI — первой половине XVII в. арианство было очень широко распространено в Польше и имело много сторонников среди польских дворян и духовенства (см.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 28). — *Е. С.*
- ⁵⁷⁰ О голоде 1601–1603 гг. см. комм. 238.
- ⁵⁷¹ Б. Годунова, бывшего в свое время конюшим, Хворостинин сравнивает с византийским императором Василием Македонянином (867–886 гг.), который в молодости был конюхом. — *Е. С.*
- ⁵⁷² Характеристика Б. Годунова у И. Хворостинина заметно отличается от того, что писали о первом выбранном царе его современники. Автор

подчеркивает не только темные, но и светлые стороны царствования Бориса. Он пишет о его «природном уме», милосердии, успехах в политике. Одновременно звучат традиционные обвинения во властолюбии, коварстве, посеянной им розни среди подданных. Перекликающиеся с И. Тимофеевым и Палицыным обвинения в том, что Годунов «возбудил рабов против господ» свидетельствуют, сколь распространено было это обвинение в сознании участников Смуты. В. О. Ключевский ставит в заслугу князя «беспристрастную светлотемную характеристику Годунова». «Объективность» Хворостинина, однако, не кажется его бесспорной заслугой, если вспомнить о времени написания сочинения. К этому моменту оценка Годунова как умелого, но властолюбивого и коварного правителя приобрела официальное звучание.

Традиционно звучит осуждение Годунова за его обращение к чародеям. Впрочем, в стремлении предугадать будущее «повинен» не один Годунов: к услугам астрологов и чародеев прибегали многие европейские монархи. Подобная сентенция в памятниках Смуты должна была отчасти объяснить всеобщее «помрачение» русских людей, избравших на трон недостойного кандидата.

Несколько неожиданно в контексте повествования звучит обвинение Годунова в стремлении «почитание сотворити себе яко Богу»: автор, точно спохватившись, возвращается к одному из традиционных обвинений царя Бориса. Рим. 1: 25.

⁵⁷³ Хворостинин намекает на неожиданную смерть Бориса. Удар поразил царя 13 апреля 1605 г., когда царь поднялся «из-за стола после кушанья». Согласно «Новому летописцу», его «едва успе поновиться и постричи. В два часа в той же болезни и скончаша». Хворостинин, вопреки «Новому летописцу», утверждает, что постригли и причастили Годунова уже мертвого.

⁵⁷⁴ Годунов (принявший в схизме имя Боголепа) был погребен в Архангельском соборе, месте захоронения великих князей и царей. С воцарением Лжедмитрия I его прах был перенесен в Варсонофьевский монастырь на Сретенке. Здесь же, в ограде обители, были похоронены тела убитых членов его семьи — сына и жены. Позднее усыпальницей семьи Годуновых стала Троице-Сергиева обитель.

⁵⁷⁵ См. комм. 114.

⁵⁷⁶ В оригинале *«И воста законопреступник»*, т. е. Лжедмитрий I. Формула, призванная вызвать у читателя ассоциацию с Юлианом Отступником. — Е. С.

⁵⁷⁷ Имеется в виду самозванец Г. Отрепьев, выдававший себя за царевича Дмитрия. См. комм. 72.

⁵⁷⁸ Многочисленные известия о разграблении дома Годуновых обычно трактуются авторами (И. Масса) как свидетельство озлобления и пороч-

ности толпы, забывшей о недавно принесенной присяге. В новейшей литературе отмечается, что в действиях толпы нашел свое выражение акт десаκραлизации династии Годуновых. См.: *Ульяновский В.* Указ. соч. С. 57–59. Заметим, что «низложение» патриарха Иова также сопровождалось ограблением его подворья (РИБ. Т. 13. Стб. 936). Возможно, в подобных действиях отражалась древняя традиция и психология наказания («поток и разграбление») человека-изгоя, лишенного защиты социума. Так, в «Новом летописце» говорится о наказании родственников и свойственников Годуновых: «Домы же их все розграбили миром: не только имущество пограбили, но и хоромы разломали. и в селех их, и поместьях, и в вотчинах также пограбили» (Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 303).

⁵⁷⁹ Речь идет о Н. М. Плещееве и Г. Г. Пушкине, эмиссарах самозванца, отправленных им в Москву с указанием поднять восстание и низвергнуть Ф. Б. Годунова. 15-летнего Федора с матерью Марией Григорьевной и сестрой Ксенией после ареста поместили в доме, в котором жили Годуновы до избрания Бориса на трон. Несколькими днями позже в Москву прибыли новые посланцы Лжедмитрия I, князя В. В. Голицын, В. М. Рубец-Мосальский, думный дьяк Б. Сутупов, с тайным наказом расправиться с Годуновыми. В. М. Рубец-Мосальский с М. А. Молчановым (скорее всего это и был таинственный информатор Хворостинина) и А. В. Шерефединовым задушили Ф. Годунова и Марию Григорьевну. Народу было объявлено, что царевич и царица «со страстей испиша зелья и помроша».

⁵⁸⁰ Сообщение Хворостинина по-своему уникально. Традиционно инициатором расправы над Федором и его матерью считают первого самозванца (А. Елассонский, П. Петрей, «Иное сказание» и др.). Хворостинин называет другое имя, по-видимому, «злого советчика» князя В. Голицына (имя князя фигурирует в «Сказании и повести еже содеяся...», «Новом летописце»). Последний, вынашивая мечту о престоле, опасался, что с разоблачением самозванца «нареченный царем» Ф. Годунов вновь вернется на царство. Таким образом В. Голицын устранял опасного соперника.

⁵⁸¹ Пс. 2: 11–12.

⁵⁸² Пт. 20: 5–30.

⁵⁸³ Пт. 15: 17–18.

⁵⁸⁴ Здесь и далее автор рассказывает о деяниях утвердившегося на московском престоле Лжедмитрия, который благоволил к Хворостинину. Автор упоминает о преследованиях, которым подверглись сторонники Годунова и противники Лжедмитрия, такие как князь В. И. Шуйский («губя благородных людей»); об образе жизни самозванца, «неправославное» поведение которого и открытые симпатии к полякам вызывали осуждение.

Сам Хворостинин пытается выставить себя даже в роли обличителя-юноши, осмелившегося укорять самозванца в неблагочестивых деяниях. Заметим, что не один из приближенных самозванца указывал ему на его «неправославное» поведение. По-видимому, эти советы исходили от людей, которые улавливали перемены в настроении двора и жителей столицы и вполне искренне желали предостеречь «императора» от возможных последствий. Сколь радикально это делал Хворостинин — трудно сказать. Недруги его самого обличали в неблагоприятном поведении, намекая на то, что благосклонность самозванца к этому «молокососу» объясняется его «растлением» (Ст. Немоевский).

⁵⁸⁵ Очевидно, сам Хворостинин. — *Е. С.*

⁵⁸⁶ Хворостинин сравнивает здесь Лжедмитрия с византийским императором Михаилом III (842–867 гг.), который прославился своей разгульной жизнью. *Юстиниан* (527–565 гг.) — византийский император; при нем была построена церковь Софии в Константинополе — замечательное сооружение византийской архитектуры. — *Е. С.*

⁵⁸⁷ По преданию, отразившемуся в Библии и у древнегреческих авторов, в ночь взятия Вавилона вавилонский царь Валтасар устроил пир. В разгар пира таинственная рука начертала на стене слова, предрекавшие гибель Вавилона. — *Е. С.*

⁵⁸⁸ Трудно сказать, насколько историчен диалог Хворостинина с Лжедмитрием I. Но, будучи близок к самозванцу, князь, по-видимому, все же передает атмосферу, сложившуюся вокруг него. В этом смысле показательно восклицание Лжедмитрия: «И ты зло замыслил против меня?», свидетельствующее о постоянной угрозе, нависающей над царем даже во дворце. Примечательно, что Хворостинин «обличает» Лжедмитрия I в неправославном поведении и в отсутствии религиозного рвения. В условиях всеобщего «шатания» в годы Смуты, когда лишь немногие осмеливались открыто обличать «ложных царей», этого, казалось, было достаточно для оправдания перед современниками и властями. Но «обличал» ли Хворостинин на самом деле? Князь С. Шаховской писал о необычайной заносчивости и самоуверенности Хворостинина: «Превозношался многим велеречием, мняся превыше всех члк (человек) учением божественных догмат превзыти». С другой стороны, самолюбивый князь отличался темпераментом (в споре с Шаховским «лютее свирепствовал») (см.: *Ключевский В. О.* Конспект лекций курса историографии о Палицыне, Хворостинине // *Сочинения в девяти томах. Специальные курсы.* М., 1989. Т. VII. С. 163). Так что, возможно, Хворостинин и осмелился говорить самозванцу «встречное слово», не теряя, однако, меры, если до последнего оставался его фаворитом.

- ⁵⁸⁹ Напоминанием о «тленности» царя герой князя подчеркивает сакральную иерархию небесного и земного.
- ⁵⁹⁰ *Игнатий* (ок. 1540 — ок. 1640) — московский патриарх, по национальности грек, епископ Ериссо. В русских источниках без основания объявлен архиепископом Кипрским. В 1593 г. (по другим данным в 1595 г.) приехал в Россию за «милостыней». Оставшись в Москве, был возведен около 1603 г. в рязанские архиепископы. Один из первых иерархов, признавших Лжедмитрия I. Сопровождал самозванца в походе на Москву. После низведения Иова возведен на патриарший престол (1605–1606). При нем, вопреки всем обычаям, состоялось бракосочетание Лжедмитрия I с католичкой М. Мнишек. После низвержения самозванца сведен с патриаршества, судим, лишен архиерейства и заключен в Чудов монастырь. Из заточения освобожден поляками. В 1611 г. прибыл в лагерь польского короля под Смоленском, где вновь стал почитаться патриархом. В 1612 г. бежал в Польшу, где открыто принял унию. Последние годы жил в Виленском униатском монастыре святой Троицы.
- ⁵⁹¹ М. Мнишек познакомилась с самозванцем в 1604 г. 25 мая 1604 г. с согласия отца Марины Ю. Мнишека был составлен брачный договор, по которому невесте были обещаны деньги, драгоценности и «два великие государства» — Новгород и Псков. Обручение М. Мнишек с «царем Дмитрием Ивановичем» (через его посла А. Власьева) состоялось в Кракове 22 ноября 1605 г. (католический обряд обручения допускает замену жениха другим уполномоченным лицом). Свадьба состоялась в Москве в мае 1606 г. Происшедшее одновременно осмысливалось как венчание, на основе которого Марина, гордо именовавшая себя «императрицей», позднее стала предъявлять права на московский престол. «Всего лишила меня превратная fortuna, одно лишь законное право на московский престол осталось при мне, скрепленное венчанием на царство, утвержденное признанием меня наследницей и двукратной присягой всех государственных московских чинов», — писала она Сигизмунду III (цит. по: *Гиришберг А.* Марина Мнишек. М., 1908. С. 180–181).
- ⁵⁹² Хворостинин находит точную аналогию с происшедшим в византийских хрониках, сравнивая патриархов Иова и Игнатия с византийскими патриархами Германом и Анастасием: 17 января 730 г. император Лев III собрал заседание синклита и предложил высшей знати подписаться под эдиктом, запрещающим иконопочитание. Патриарх Герман категорически отказался, тогда он был смещен и заменен иконоборцем Анастасием. — *Е. С.*
- ⁵⁹³ Венчание «царя Дмитрия Ивановича» на царство совершилось 21 июля 1606 г.
- ⁵⁹⁴ Иез. 21: 26–27.
- ⁵⁹⁵ Мф. 3: 8–9; Лк. 3: 8–9.

⁵⁹⁶ Прит. 11: 9.

⁵⁹⁷ 2 Птр. 2: 9.

⁵⁹⁸ Пс. 51: 9.

⁵⁹⁹ Негативное отношение к воцарению Шуйского отразилось в оценке Хворостининым присяги, данной Василием Ивановичем (см. крестоцеловальную запись и комм. 291). Во-первых, он утверждает, что В. Шуйский дал ее добровольно, не по принуждению. Во-вторых, он осуждает ее, как неудобную и противоречащую истинному самодержавию. Для него готовность связать себя присягою — свидетельство того, что Шуйский «властолюбец, а не боголюбец».

⁶⁰⁰ Речь идет о восстании И. И. Болотникова. В советской историографии его рассматривали как наивысший подъем Первой крестьянской войны в России. В новейшее время события Смуты получили иное осмысление — как гражданская война, что лишает Смуту прежнего антифеодального, антикрепостнического пафоса. Тем не менее именно во время выступления Болотникова противостояние низов и верхов приобретает ожесточенный характер. В полосе движения войск Болотникова и царевича Петра, в состав которого вошли наиболее радикально настроенные элементы, расправы над дворянами и детьми боярскими, сторонниками Шуйского, носили массовый характер. Причем казни, о которых упоминает Хворостинин, были подчеркнута позорные — ведь восставшие расправлялись не просто над помещиками, а клятвопреступниками, противниками законного царя Дмитрия (см. напр.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сб. документов. М., 2003).

⁶⁰¹ Резко негативное отношение к В. Шуйскому Хворостинина выразилось, в частности, в обвинении в том, что царь подданных своих «обижал». В действительности Шуйский в первые месяцы царствования удалил из Москвы лишь ярых сторонников самозванца. Сам Хворостинин, как уже отмечалось, был отправлен на покаяние в Иосифо-Волоколамский монастырь. Уже во время движения Болотникова царь вынужден был прибегнуть к более широким репрессиям против «изменников».

⁶⁰² Речь идет о Д. И. и И. И. Шуйских. См. комм. 57.

⁶⁰³ Против В. Шуйского сложилась разнородная оппозиция. Лишь угроза со стороны «Тушинского вора», пугавшая многих, и активная поддержка патриарха Гермогена позволяли Шуйскому удерживаться у власти. Распад Тушинского лагеря, казалось бы призванный упрочить его положение, напротив, привел к новым осложнениям. Началось сближение части русской элиты с польскими кругами, выдвижение на престол альтернативного претендента королевича Владислава. Окончательно судьбу В. Шуйского решило поражение под Клушином. В июле 1610 г. Шуйский был

сведен с престола, насильно пострижен в монахи, а противоборствующие политические группировки в России объединились в своем решении передать престол сыну короля Сигизмунда III Владиславу.

⁶⁰⁴ Едва ли следует подозревать автора в двуличии. Осуждая Шуйского как правителя и прощая его за несправедливые гонения, И. Хворостинин скорбит о нем как христианин. Традиционная для средневековья позиция в условиях Смуты приобретает особую глубину, призванную удерживать человека от своеволия и пагубного неповиновения.

⁶⁰⁵ Кто призывал Хворостинина пойти против В. Шуйского — неясно. Можно лишь предположить, что это могли быть его родственники. Ненависть к Шуйскому стала у Хворостининых семейной чертой. И. Д. Хворостинин, астраханский воевода (двоюродный брат Ивана Андреевича), возглавил бунт астраханского гарнизона против московского правительства. Его брат, Юрий Дмитриевич, был в лагере «Тушинского вора», затем одним из первых перебежал на службу к Сигизмунду. Следует отметить, что Ю. Хворостинин был послом от тушинцев к Сигизмунду в январе 1610 г. вместе с Филаретом, М. Г. Салтыковым, В. М. Мосальским, М. Молчановым, Ф. Андроновым. Любопытно, что для И. А. Хворостинина Тушинского лагеря и Лжедмитрия II как бы не существует: в повести нет даже намека на лагерь в Тушине. Однако данный абзац повести вряд ли мог понравиться Филарету, хорошо помнившему истинный ход событий. — *Е. С.*

⁶⁰⁶ Наиболее близкая по смыслу: Дан. 11: 16: «И кто выйдет к нему, будет действовать по воле его, и никто не устоит перед ним...».

⁶⁰⁷ Агаряне — название мусульманских народов. Оно восходит к представлениям о происхождении их от Агари — наложницы библейского праотца Авраама. Сын Агари и Авраама — Измаил, по настоянию жены Авраама Сарры, был отослан в Аравийскую пустыню, где якобы стал родоначальником арабских племен. Отсюда и другое название мусульман — измаильтяне. Русские книжники называли агарянами или измаильтянами восточные народы. Но в данном случае речь идет о крымских татарах, совершавших постоянные разбойничьи походы на южные и центральные уезды Русского государства.

⁶⁰⁸ *Аарон* — старший брат ветхозаветного пророка и законодателя Моисея, первый первосвященник еврейского народа. Вместе со своими сыновьями был особенным образом и непосредственно Богом призван к священническому служению (Евр. 5: 4). Поэтому впоследствии священники часто назывались «домом Аароновым» и «сынами Аароновыми». Считается, что Аарон прожил 123 года.

⁶⁰⁹ Пс. 132: 2–3.

⁶¹⁰ Речь идет об августовском договоре 1610 г., согласно которому русский престол получал Владислав Жигимондович — королевич Владислав.

Хворостинин, вопреки правде, делает акцент не на нарушении в дальнейшем польской стороной условий соглашения, а на изначально неприемлемых условиях: «Предпочли по чужим законам жить». См. комм. 177.

⁶¹¹ Патриарх Гермоген до последнего противился низложению Шуйского. Хворостинин пишет о намерении патриарха снять с В. Шуйского монашеский клобук, на том основании, что обряд пострижения не был добровольным. — *Е. С.* См. комм. 473, 603.

⁶¹² Правительство «Семибоярщины» под предлогом защиты от Лжедмитрия II ввело в Москву польский гарнизон.

⁶¹³ Была ли подобная беседа на самом деле, остается только догадываться. Очевидно лишь, что Хворостинин, памятуя о тяготевших над ним обвинениях в еретичестве, всячески стремился предстать перед читателями праведным и благочестивым человеком, болеющим за судьбы государства. — *Е. С.*

⁶¹⁴ Пс. 54: 18.

⁶¹⁵ Боярское правительство. — *Е. С.*

⁶¹⁶ Этим пассажем Хворостинин связывает Романовых, представителей старомосковского боярского рода, с угасшей династией. Учитывая сложное положение автора в первое десятилетие правления М. Романова, сделано это было вполне сознательно — новая династия всячески позиционировала себя в качестве естественного и законного преемника царствующей ветви Рюриковичей.

⁶¹⁷ Перед отъездом под Смоленск в лагерь короля Сигизмунда III члены «великого посольства» дали клятву единодушно и непоколебимо стоять за выполнение польской стороной всех статей августовского договора. Как известно, польской стороне удалось посеять раскол среди посольства, добившись того, что некоторые его члены согласились на уступки и даже на избрание Сигизмунда III царем.

⁶¹⁸ Речь идет о воеводе Смоленска боярине М. Б. Шеине, который возглавил оборону города от Сигизмунда III. При этом М. Б. Шеин вместе с жителями Смоленска признавал Владислава, но отказывался сдать город Сигизмунду III и требовал, чтобы польские войска вернулись в свои пределы. Шеин до последней крайности оборонял Смоленск. В результате Смоленск, оборона которого продолжалась более 20 месяцев, был взят поляками лишь в июне 1611 г.

Шеин Михаил Борисович (казн. 1634) — представитель старомосковского боярского рода. В 1605 г. после разгрома Лжедмитрия I под Добрыничами был послан с сунчем — известием о победе — к Б. Годунову. Участвовал в борьбе с Болотниковым. Боярин с 1607 г. В 1610–1611 гг. воевода Смоленска, был ранен, попал в плен. Впоследствии входил в

круг доверенных лиц патриарха Филарета. Во время неудачной русско-польской войны 1632–1634 г. возглавлял армию, осадившую Смоленск. Осада шла вяло и неудачно. В 1633 г. царские полки оказались отрезаны от центра войсками только что избранного на польский престол «королевича Владислава» — Владислава IV. После капитуляции в феврале 1634 г. Шеин был обвинен в измене и казнен. Ряд исследователей считает, что смертный приговор был вынесен по политическим соображениям, с целью вывести из-под удара новую династию, прежде всего инициатора конфликта — умершего к этому времени патриарха Филарета.

⁶¹⁹ Источник не найден.

⁶²⁰ Гермогена заточили в апреле 1611 г., чтобы прекратить его агитационную деятельность. У него отняли дьяков и дворовых людей и разграбили его двор. — *Е. С.*

⁶²¹ Речь идет о восстании москвичей в канун появления полков первого ополчения в марте 1611 г. Не в силах справиться с восставшими, польско-литовский гарнизон поджигает город, укрывшись за стенами Кремля и Китай-города.

⁶²² Из рассказа Хворостинина следует, что он вошел в Москву вместе с ополчением Пожарского и тогда же занялся выяснением судьбы Гермогена. — *Е. С.*

⁶²³ Речь идет о Чудовом монастыре в Кремле, основанном московским митрополитом Алексеем. Здесь в заточении провел последние дни жизни патриарх Гермоген.

⁶²⁴ Любопытно, что Хворостинин здесь живо отразил настроения периода «избирательной борьбы» 1613 г. Сторонники воцарения на престоле Романовых ставили в укор Гермогену его патриотическую агитационную деятельность, якобы не подходившую высокому церковному сану. Сочинение Хворостинина интересно именно попыткой самостоятельно разобратся в этих обвинениях и высказать свою точку зрения. Возможно, что обрыв повести на послании Гермогена во всех известных нам списках следует поставить в прямую связь с этой попыткой автора прославить «истинного патриота». — *Е. С.*

⁶²⁵ Онуфрий Великий подвизался в Египетской пустыне в конце IV в. — *Е. С.*

⁶²⁶ 1 Петр. 2: 22–23.

⁶²⁷ 1 Парал. 22: 8.

⁶²⁸ Архиепископ Рязанский с 1605 г. Участник посольства к М. Ф. Романову в Кострому. Умер в 1617 г. — *Е. С.*

⁶²⁹ Далее обрыв текста в трех списках повести. — *Е. С.*

Новый летописец

«Новый летописец» по праву относится к одному из самых распространенных сочинений XVII в. Большинство исследователей сходятся в том, что он был создан в кругах, близких к патриарху Филарету, в конце 1620 — начале 1630-х гг. В «Новом летописце» отразился «романовский», а, значит, официальный взгляд на события Смутного времени. Для настоящего издания важно подчеркнуть, что сама интерпретация фактов, оценка действующих лиц отражала те базовые общественные и политические установки, которые были свойственны традиционному обществу. В этом смысле «Новый летописец» — своеобразная «энциклопедия» общественно-политических взглядов и представлений, типичных для XVII столетия.

⁶³⁰ Т. е. 1584 г.

⁶³¹ Т. е. 1584/85 г.

⁶³² О гибели царевича Дмитрия и восстании в Угличе см. подробнее комм. 62.

⁶³³ Сравнение Б. Годунова со Святополком Окаянным усугубляло вину первого избранного царя. С таким «клеймом» Б. Годунов уже никогда не мог «оправдаться» в памяти потомков. Даже признание его недюжинного ума и заслуг в управлении государством не могли освободить его от осуждения современниками и потомками. Заметим, что ко времени написания «Нового летописца» это сравнение приобрело характер растиражированного клише: оно встречается в «Повести 1606 г.», в тексте службы царевичу Дмитрию, в «Истории царя Федора» Иосифа и других сочинениях.

⁶³⁴ *Клешнин* Андрей Петрович Лупп (ум. 1599) — окольничий, дядька царевича Федора Ивановича. Входил в состав следственной комиссии В. И. Шуйского, разбиравшей дело о гибели царевича Дмитрия. По версии «Нового летописца», был в сговоре с Б. Ф. Годуновым, обеспечивая благоприятное для правителя заключение комиссии.

⁶³⁵ *Годунов* Григорий Васильевич (ум. 1597) — боярин, дворецкий, троюродный брат царя Б. Ф. Годунова. Поддерживая версию об убийстве людьми Б. Ф. Годунова царевича Дмитрия, Романовы отказались от преследования и огульного обвинения всего «племени» Годуновых. В заслугу Г. В. Годунову поставлен его отказ от участия в заговоре против царевича Дмитрия. Однако данные о преследовании Г. В. Годунова Б. Ф. Годуновым не подтверждаются.

⁶³⁶ *Загряжский* Владимир — московский дворянин, в 1588 г. был отправлен гонцом к императору Рудольфу II. Согласно «Новому летописцу», отказался участвовать в убийстве царевича Дмитрия.

⁶³⁷ *Чепчугов* Никифор Павлович — в 1582 г. упоминается как голова в Казани. Вместе с В. Загряжским якобы отказался участвовать в убийстве царевича Дмитрия, за что подвергся преследованию со стороны Б. Годунова.

⁶³⁸ Имя сына Волоховой указано ошибочно. Его звали Осип.

⁶³⁹ Т. е. 1591 г.

⁶⁴⁰ Рахиль — вторая жена библейского патриарха Иакова, сына Исаака. Автор «Нового летописца» прибег к этому цитированию-сравнению («Рахиль оплакивает детей своих и не хочет утешиться, ибо их нет»), используя или книги Пророка Иеремии, который, изображая бедствия иудеев, представлял Рахиль как праматерь израильтян, которая безутешно скорбит и плачет о сынах своих (Иер. 31: 15); либо Евангелиста Матфея, повествующего об избииении Иродом Вифлеемских младенцев — потомства Рахили (Мф. 2: 18).

⁶⁴¹ Т. е. 1598 г.

⁶⁴² Речь идет о Новодевичьем монастыре, который в XVI в. именовался «обитель Пречистые Богородицы Одигитрии новым девичьим монастырем». Для инокини Александры были воздвигнуты так называемые палаты царицы Ирины (Годуновские палаты) с домовою церковью.

⁶⁴³ Т. е. 1598 г.

⁶⁴⁴ *Шестунов* Федор Дмитриевич (ум. 1598) — князь из ярославских Рюриковичей, боярин (1584 г.).

Шерть (шертная грамота) — присяга на Коране, которую принимали поданные царя мусульманского вероисповедания. Этим термином обозначалась присяга язычников, которую они приносили по своему обычаю.

⁶⁴⁵ Адаму, т. е. князю А. Вишневецкому. См. комм. 85.

⁶⁴⁶ Сердомирский воевода — Ю. Мнишек. См. комм. 88.

⁶⁴⁷ Польский король Сигизмунд III. См. комм. 86.

⁶⁴⁸ Рада — здесь: польский сенат, сенаторы.

⁶⁴⁹ Великий князь Витовт (1350–1380), при котором Великое княжество Литовское и Русское достигло наивысшего расцвета, не был королем, хотя накануне его смерти в 1430 г. все было готово к его коронации. Последняя была сорвана поляками, стремившимися всеми способами сохранить унию с Литвой.

В продолжение своего долгого княжения Витовт вел многочисленные войны. Нередки были столкновения с Новгородом и Псковом, которым Витовт не без успеха стремился навязать свое покровительство. Одно из таких столкновений произошло в 1426 г., когда войска великого князя внезапно напали на псковские пригороды Опочка и Воронач. Мир был восстановлен тяжелой ценой для Пскова, которому пришлось платить большой выкуп.

Неожиданный пассаж «Нового летописца» свидетельствует, по-видимому, об одном из источников свода — псковских летописях, в которых отразилась история противостояния Пскова с могущественным соседом.

- ⁶⁵⁰ Активное участие донских казаков в начале Смуты связано с их реакцией на политику, проводимую Б. Годуновым в отношении Войска Донского. Пытаясь упрочить государственное начало, Годунов пошел на жесткие меры в отношении вольницы — сократил жалование и отпуск казны, наказал пограничным воеводам хватать направлявшихся в глубь страны казаков и т. д. Эти усилия были призваны, с одной стороны, усилить зависимость донских казаков от центральной власти, с другой — воспрепятствовать притоку беглых людей на Дон и окраины государства, пагубно отражавшемуся на правопорядке.
- ⁶⁵¹ «Новый летописец» повествует о расстановке политических сил во время кратковременного царствования Ф. Б. Годунова. Впрочем, приведенные в летописце сведения далеко не всегда подтверждаются другими источниками. Так, удаление из-под Кром князя Ф. И. Мстиславского, В. И. и Д. И. Шуйских едва ли следует рассматривать как трагическую ошибку. Напротив, они были удалены из-за недоверия, которое к ним питали Годуновы. Трагичной для Федора оказалась измена П. Басманова. Однако поступок последнего — косвенное доказательство шаткости положения наследника Бориса, покинуть которого спешили даже обласканные династией Годуновых люди. Показательна позиция ряда уездных служилых корпораций, поддержавших заговор против царя Федора.
- ⁶⁵² Речь идет о направлении Лжедмитрием I своих сторонников, Н. Плещеева и Г. Пушкина, организовавших низвержение царя Федора и его арест (см. подробнее комм. 579).
- ⁶⁵³ Сеунч — известие о победе.
- ⁶⁵⁴ Понизовые города, Низ — города на среднем и нижнем течении Волги.
- ⁶⁵⁵ Годунов Семен Никитич — родственник и одно из самых доверенных лиц Б. Ф. Годунова, с воцарением которого получил чин окольничего (1598), позднее боярина (1603). При Борисе Федоровиче осуществлял политический сыск (в частности, спровоцировал в 1600 г. обвинение против Романовых). Вызывал страх и ненависть современников, давших ему прозвище Правое ухо царя. При Федоре Борисовиче стал фактически руководителем ближней думы. Пытался продвинуть в армии своего зятя, князя А. А. Телятевского, в будущем одного из активных участников выступления И. И. Болотникова. По одной из версий, был задушен приставом Ю. Катыревым-Ростовским в тюрьме в Переяславле-Залесском, по другой — уморен голодом.
- ⁶⁵⁶ Так в рукописи. По-видимому, описка, должно быть «честно», согласно чину.
- ⁶⁵⁷ Миклулин Григорий Иванович (ум. 1607) — сын боярский и голова, со временем попавший в московский список. В 1600–1601 г. был послан

с дипломатической миссией в Англию. В 1604 г. голова в Орле, перешел на сторону Лжедмитрия I. За ревность в искоренение измены среди стрельцов пожалован самозванцем в думные дворяне. После майского восстания 1606 г. пытался спастись в Польше, но был схвачен по дороге.

⁶⁵⁸ Существует несколько свидетельств гибели Лжедмитрия I. Согласно им, П. Басманов погиб в самом начале выступления, защищая государя на пороге спальни, где его и зарезал М. И. Татищев. Сам Лжедмитрий попытался покинуть дворец по лесам, но сорвался и сильно расшибся. Первыми его нашли караульные стрельцы. Поддавшись на уговоры самозванца, они будто бы стали склоняться к тому, чтобы защитить царя. Однако подроспевшие заговорщики угрозами разорить стрелецкие слободы заставили стрельцов отступить. Лжедмитрий был выдан и убит.

⁶⁵⁹ Т. е. 1606 г.

⁶⁶⁰ Слухи о спасении царя Дмитрия стали распространяться в первые же дни после майского восстания. Считается, что одним из первых их стал распространять М. А. Молчанов, бывший фаворит самозванца. Во время бегства в Самбор он якобы даже выдавал себя за царя. В этом образе он предстал перед приехавшим в Самбор И. И. Болотниковым, которого и сделал «большим воеводою». Позднее, объявившись в Тушине, он стал окольным в думе Лжедмитрия II, затем примкнул к Сигизмунду III. Участвовал в свержении и пострижении В. Шуйского. В Москве управлял Панским приказом и был убит в 1611 г. во время восстания москвичей против поляков и их приспешников.

⁶⁶¹ Т. е. 1607 г.

⁶⁶² *Пашков* Истома Иванович — соловский сын боярский, сотник, активный участник движения И. И. Болотникова. В 1607 г. участвовал в походе на Москву, оспаривая, по некоторым данным, место главного руководителя восставших у И. Болотникова. Первым с началом осады столицы занял село Коломенское, которое затем принужден был уступить Болотникову. Перешел на сторону В. Шуйского, который якобы не без успеха воспользовался соперничеством между вождями восстания и привлек Пашкова на свою сторону.

⁶⁶³ Осада Заборья, окруженного в два-три ряда саями, длилась 3 дня. По словам Массы, было захвачено около 6 тыс. казаков, которых потом казнили.

⁶⁶⁴ Т. е. 1607 г.

⁶⁶⁵ Так в рукописи. По-видимому, должно быть «ратных».

⁶⁶⁶ *Безобразов* Елизарий Владимирович — в 1577 г. сотник в ливонском походе Ивана Грозного. В 1607 г. был выборным головою мещевских ратных людей, направленных в Брянск против сторонников Лжедмитрия II.

В 1609 г. прибыл в Москву из Новгорода от М. В. Скопина-Шуйского с известием о приходе союзного шведского корпуса.

⁶⁶⁷ *Кравков* Фома Сумин — муромский сын боярский. При выборе места для Тульского кремля была допущена ошибка — град мог быть затоплен. Этим и воспользовался Кравков, предложивший перегородить реку Упу и затопить Тулу. Для В. Шуйского, положение которого из-за затягивающейся осады все более ухудшалось, план Кравкова был спасением. Однако царские воеводы не сразу вняли предложению Муромского сына боярского, который обещал «реку Упу запрудить, и вода будет в остроге и городе... и людем будет нужна великая». Реализация проекта Кравкова привела к затоплению и падению Тулы.

⁶⁶⁸ *Посошной человек* — один из служилых людей, набираемых на время для выполнения повинностей, чаще всего военных — ремонта и возведения укреплений, крепостей, дорог, доставки грузов и т. д. В посошную рать брали людей тягловых, возлагая посошную повинность на земли всех разрядов землевладельцев. В данном случае посошные люди привлекались для строительства плотины, причем норма повинности была очень высокой: с сохи по три конных и пеших человека. Однако объем работ оказался столь большой, что царю пришлось привлечь и ратников, каждый из которых привез мешок с землей.

⁶⁶⁹ *Шаховской* Григорий Петрович — князь, из ярославских Рюриковичей, активный участник Смуты, не раз именуемый в источниках «всея крови заводчик». Впервые упоминается под 1587 г. в числе вернувшихся из польского плена детей боярских. В 1605 г. один из первых перешел на сторону Лжедмитрия I, получил за заслуги боярство. Не доверявший князю царь В. Шуйский отправил его воеводой в Путивль, совершив грубейшую ошибку: важный пограничный город оказался в руках его политического противника. В Путивле объявил о спасении царя Дмитрия Ивановича. Выдвигал на роль самозванца М. Молчанова, однако в силу известности последнего в Москве должен был отказаться от этой мысли. Поддержал движение И. И. Болотникова. После падения Тулы, где Шаховской оказался с отрядами «царевича Петра» — Илейки Муромца — был сослан в Спасо-Каменный монастырь на Кубенское озеро, откуда был освобожден отрядами второго самозванца. Входил в тушинскую Боярскую думу. В 1612 г. примкнул ко второму ополчению, в котором активно интриговал против его руководства.

⁶⁷⁰ *Вор* — Лжедмитрий II, «Тушинский вор».

⁶⁷¹ *Рожинский* Роман (ум. 1610) — князь, литовский магнат, в 1608–1609 гг. гетман Лжедмитрия II, сместивший прежнего военачальника самозванца Меховецкого. Был смертельно ранен в сражении под Москвой и умер в Иосифо-Волоколамском монастыре.

⁶⁷² Речь, по-видимому, идет о готовности В. Шуйского отпустить по поместьям и вотчинам всех тех, кто не желал ему служить. Отъезд казался предпочтительнее их «бегства», т. е. перехода в Тушинский лагерь, опасного не столько возрастанием сил вора, сколько разбродом в стане царя.

⁶⁷³ Евр. 2: 13.

⁶⁷⁴ *Иветьгор* — Горн Эбергард фон Эберт (ум. 1615 г.) в 1609 г. командовал шведским корпусом в войске М. В. Скопина-Шуйского. В 1614 г. сменил Я. Делагарди на посту шведского наместника в Новгороде. Шведский фельдмаршал.

Клушинское сражение — бой 24 июня 1610 г. между русским войском во главе с боярином и воеводою князем Д. И. Шуйским при поддержке союзного шведского корпуса Я. Делагарди и поляками под началом коронного гетмана С. Жолкевского. Несмотря на значительное превосходство в силах, в царской армии не было единства. Недовольство В. Шуйским пагубно отразилось на боеспособности войска. Наемники, не получавшие жалованье, отказывались сражаться. Между тем Жолкевский скрытно подошел к русскому лагерю и на рассвете внезапно напал на него. Тем не менее стрельцам и шведской пехоте удалось задержать продвижение противника и навязать затяжной бой. Даже паническое отступление дворянских сотен не решило исход дела. Наконец, после пяти часов боя подошедшая польская пехота сбила с позиций отряд Делагарди, который, не получив поддержки от Шуйского, согласился на почетную сдачу Жолкевскому. Измена наемников обернулась поспешным отступлением остатков царской армии. Поражение под Клушиным решило судьбу династии Шуйских.

⁶⁷⁵ Здесь ошибочно; наряд — артиллерия.

⁶⁷⁶ Т. е. 1610 г.

⁶⁷⁷ По инициативе гетмана Жолкевского и русских «доброхотов» Сигизмунда III в состав Великого посольства, которое должно было официально просить короля дать согласие на избрание королевича Владислава, были включены лица, представляющие наибольшую опасность для Варшавы. Считалось, что с их удалением пропольское правительство избавлялось от тех, кто мог выступить претендентом на престол (князь В. В. Голицын) и помешать королевским планам установления протектората над Московским государством.

⁶⁷⁸ *Сукин* Василий Борисович — думный дворянин (1604 г.), приверженец царя В. Шуйского, занимавшийся при нем политическим сыском. В составе Великого посольства оказался среди тех, кто уступил домогательствам польской стороны, настаивавшей на сдаче Смоленска. Позднее примкнул ко второму ополчению.

- ⁶⁷⁹ *Луговской* Томила Иудич — думный дьяк, включенный в состав Великого посольства. На переговорах под Смоленском задавал гетману Жолкевскому «неудобные вопросы», напоминая о его обещании сохранить Смоленск в составе Московского государства и поддержать кандидатуру Владислава на российский престол. Упорство Луговского, не желавшего идти на уступки Сигизмунду III и служить ему «прямым сердцем», привело к его аресту в марте 1611 г. вместе с другими великими послами, В. В. Голицыным и митрополитом Филаретом. После возвращения из плена (1619 г.) занимал важные приказные должности, был близок к патриарху Филарету. В 1628 г. пожалован в думные дворяне.
- ⁶⁸⁰ *Васильев Сыдавной* (Семен Зиновьевич) — думный дьяк, участник Великого посольства к королю Сигизмунду III. В ходе переговоров оказался среди тех, кто принял требования Сигизмунда III, что привело к расколу посольства и изоляции «непримиримых». В дальнейшем — дьяк в ополчении Минина и Пожарского, глава Разрядного приказа в первые годы правления Михаила Федоровича.
- ⁶⁸¹ Здесь: всадники, наемники.
- ⁶⁸² Сигизмунд III не спешил с выполнением обещаний московской стороне не только потому, что опасался за жизнь своего сына, королевича Владислава (это обстоятельство, учитывая события мая 1606 г., не следует сбрасывать со счетов). К этому времени он объявил о намерении самому занять московский престол.
- ⁶⁸³ Первоначально Смоленский архиепископ Сергей поддержал намерение воеводы М. Б. Шеина не сдавать Смоленск Сигизмунду III. Поддерживал он смоленского воеводу и после низложения В. Шуйского. Однако тяготы осады (по некоторым данным, к концу двадцатимесячной осады в живых осталось около 8 тыс.) и внушения пропольского правительства М. Салтыкова «во всем положиться на волю короля» постепенно повлияли на позицию архиепископа, который склонялся к компромиссу с осаждавшими. Впрочем, по взятии поляками города Смоленский архиепископ был заключен ими в тюрьму, где и умер.
- ⁶⁸⁴ К этому времени «Семибоярщина» окончательно распалась и была заменена, по определению С. Ф. Платонова, правительственным кружком, действовавшим всецело в интересах Сигизмунда III. В этот кружок вошли такие деятели, как М. Салтыков-Кривой, Ф. Андронов, кн. В. Мосальский-Рубец и др.
- ⁶⁸⁵ Речь идет о попытке предотвратить приход первого ополчения к Москве.
- ⁶⁸⁶ Т. е. 1611 г.
- ⁶⁸⁷ Речь идет о соперничестве вождей первого ополчения — лидера провинциального дворянства П. Ляпунова и бывших тушинцев И. Заруцкого и князя Д. Трубецкого.

⁶⁸⁸ Т. е. 1612 г.

⁶⁸⁹ Т. е. 1612 г.

⁶⁹⁰ Китай-город был занят 22–24 октября 1612 г.

⁶⁹¹ Т. е. 1613 г.

II. СМУТНОЕ ВРЕМЯ В ДОКУМЕНТАХ ЭПОХИ

Присяга царя Василия Ивановича Шуйского (1606 г., май)

Изучение присяги царя Василия Шуйского вызывает давние споры в трудах исследователей из-за своего полного противоречия предшествующей политической практике. В. О. Ключевский считал, что «объявленные условия подкрестной записи существенно изменяли характер верховной власти». Историк обращал внимание на новую роль боярской думы, которая получала право апеллировать к Земскому собору «в случае нарушения ее прав со стороны царя». Однако на деле высшее управление осталось прежним, присяга царя осталась политической декларацией. И инициатива в возвращении к прежнему порядку правления принадлежала тем же боярам, кто возвел на престол царя В. Шуйского. В. О. Ключевский говорил о неудавшейся «попытке Василия»: «бояре отстояли свою думу против земского собора, а царю уступили присягу всей земле, без собора лишенную всякой политической силы, да сомнительное удовольствие великодушной инициативы в умалении своей власти» (*Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1909. С. 360–367 (Глава 18)). По-другому смотрел на эту запись царя В. Шуйского С. Ф. Платонов, считая, что в ней «нельзя найти ничего такого, что по существу ограничивало бы его власть, и было бы для него юридически обязательно». Историк справедливо усматривал в «присяге» всего лишь «политический договор» царя Василия Ивановича со своими боярами, отражавший «настроение аристократического кружка, владевшего тогда Москвой и думавшего править государством» (*Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве... С. 227–230 (Глава 4)). Последующие события Смуты отменили значение этого политического казуса с царской присягой. Он оказался важен прежде всего для обоснования прав на престол царя В. Шуйского.

Печатается по: ААЭ. Т. 2. № 44. Другие публикации: СГТид. Т. 2. № 141; РИБ. Т. 13. Ст. 71–72 («Иное сказание»).

⁶⁹² Его же дарова Бог прародителю нашему Рюрику, иже бе от Римского кесаря... — Новый царь воспринял идущее от «Послания Спиридона-Саввы» и «Сказания о князьях владимирских» представление о происхождении Рюриковичей от римских «кесарей». Царь Иван Грозный сделал эту генеалогическую легенду своей официальной доктриной, повторяя: «Мы от Августа кесаря родством ведемся». В «присяге» В. Шуйского тоже гово-

рилось о преемственности власти в роду Рюриковичей, имевших одного «прародителя» — князя Александра Невского.

⁶⁹³ *Александр Ярославич Невский* (1221–1263) — великий князь владимирский (1252–1263), княжил в Новгороде и Киеве, прозвище получил от победы над шведами 15 июля 1240 г. на Неве (при устье реки Ижоры), его сын князь Даниил Александрович (1261–1303) — родоначальник московских великих князей.

⁶⁹⁴ В записи подчеркивается добровольное согласие предков царя В. Шуйского, по старшинству получивших во владение Суздальское княжество. Генеалогический спор князей московского дома с князьями Шуйскими продолжался долгое время на протяжении XV–XVI вв. Прямое происхождение князей Шуйских от князя Александра Невского возможно лишь через городецкого князя Андрея Александровича, в то время как в родословцах XVI в. говорилось о происхождении князей Шуйских от младшего брата Александра Невского — Андрея Ярославича. Показательно, что царь В. Шуйский объявил в 1606 г. о более выгодной ему версии, согласно которой князья Шуйские как потомки одного из старших сыновей Александра Невского получали преимущество над московскими князьями — потомками младшего сына их «прародителя». См.: *Пудалов Б. М.* К вопросу о происхождении суздальских князей // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2004. № 4. С. 46–53.

⁶⁹⁵ Идеал «тишины, покоя и благоденствия» восходит к «Степенной книге».

⁶⁹⁶ Слова «с бояры своими» означают совместный суд царя и Боярской думы, что могло бы стать важным нововведением в политическом устройстве Русского государства, однако на практике это обещание царя В. Шуйского реализовано не было.

⁶⁹⁷ У гостей, и у торговых, и у черных людей... — гости — высший чин торговых людей, черные люди — податное городское население.

⁶⁹⁸ Животы — имущество.

⁶⁹⁹ Доводы — доносы.

Статьи Тушинского посольства королю Сигизмунду III об избрании на московский престол королевича Владислава (1610 г., февраля 4 (14))

Появление этого документа относится ко времени распада Тушинского лагеря под Москвой. Лжедмитрий II — «Тушинский вор» — бежал в Калугу в конце декабря 1609 г. Среди его сторонников под Москвой случился раскол, одни хотели последовать за ним, другие готовы были присягнуть польскому королю Сигизмунду III, начавшему войну за Смоленск в сентябре 1609 г. Польско-литовские наемники Лжедмитрия II думали прежде всего об уплате жалования, «заслуженного» ими в боях на стороне самозванца про-

тив царя В. Шуйского. Русская часть тушинцев во главе с «нареченным» патриархом Филаретом (в миру боярином Ф. Н. Романовым), боярами Салтыковыми не могла возвратиться к царю В. Шуйскому и хотела продолжить войну с ним. В поисках союзников они тоже были вынуждены обратиться к Сигизмунду III, в результате чего родился проект призвания на русский престол сына польского короля — королевича Владислава. Русское посольство в составе бояр М. Г. Салтыкова, его сына И. М. Салтыкова, князя В. М. Мосальского и думного дьяка И. Т. Грамотина прибыло из Тушино под Смоленск 18 (28) января и 21 (31) января 1610 г. имело аудиенцию у короля Сигизмунда III (РИБ. Т. 1. Ст. 529, 533). В статьях посольства под Смоленск были перечислены те пункты, на которых в будущем тушинский патриарх Филарет и члены боярской думы Лжедмитрия II готовы были действовать в пользу иноземного кандидата в русские цари. Ими был получен ответ короля Сигизмунда III, в целом соглашавшегося с идеей возможной унии Речи Посполитой и Московского государства. Печатается по: Сборник Русского исторического общества. М., 1913. Т. 142. С. 64–69.

Текст воспроизводится по публикации из Литовской метрики — официального архива Великого Княжества Литовского, с сохранением особенностей его передачи в этом документе.

⁷⁰⁰ *Владислав IV* (1595–1648) — польский королевич, сын короля Сигизмунда III, король Речи Посполитой с 1632 г.

⁷⁰¹ Диадема — головное украшение в виде венца.

⁷⁰² И учителем бы римские и люторские и иных вер... — этим пунктом запрещалось ведение пропаганды католичества и протестантских учений в Московском государстве, «люторских» — от имени основоположника христианского протестантизма М. Лютера (1483–1546).

⁷⁰³ В этой статье, регламентировавшей поведение иностранцев в русских православных церквях, отразился отрицательный опыт времени самозванного царя Лжедмитрия I. Многие гости, приехавшие на свадьбу царя Дмитрия Ивановича с М. Мнишек, вели себя примерно так, как говорилось в статье тушинского посольства, и спровоцировали своим отношением к церковным святыням переворот и свержение Лжедмитрия I.

⁷⁰⁴ Понимая невозможность полностью запретить католическое богослужение для тех, кто служил королевичу Владиславу, члены тушинского посольства соглашались только на богослужение в домовых церквях и, в крайнем случае, на постройку костела «за городом», т. е. за пределами Москвы. Однако последний пункт оговаривался необходимостью получения специального разрешения от Земского собора — представителей «всей земли».

⁷⁰⁵ Фраза не закончена, по смыслу надо добавить слова «нигде не быть».

- ⁷⁰⁶ Полный запрет на въезд на территорию Русского государства евреев являлся продолжением обычной политики московских великих князей и царей. Некоторые послабления в сторону большей терпимости к присутствию евреев — торговых людей в государстве были сделаны Лжедмитрием I. И в этом случае авторы статей тушинского договора оказались большими консерваторами, чем самозванные правители под именем Лжедмитрия. Кстати, о втором Лжедмитрии («Тушинском воре») говорили, что тот хранил у себя в покоях Талмуд, якобы найденный после его побега в Калугу. Позднее, уже после гибели этого самозванца, существовавшие подозрения трансформировались в убеждение в том, что «Тушинский вор» «родом был жидовин».
- ⁷⁰⁷ Причетники — младшие члены церковного причта — дьяки, пономари, помогавшие священнику при богослужении и по делам управления приходом.
- ⁷⁰⁸ В 5-й статье оговаривалось сохранение прежнего господствующего положения членов Боярской думы, жалования их по «чинам» и «по достоинству». Они соглашались только на такие изменения, которые бы укрепляли их власть. С этой целью они готовы были променять денежное жалование на назначения в «воеводства и староства». Несмотря на то что это обосновывалось стремлением укрепить «мелких людей», на практике это означало возврат к упраздненной ранее системе кормлений, со всеми издержками этой выгодной для управлявших, но обременительной для населения формы управления. Упоминание в конце статьи особого челобитья от «бояр», «окольных», «всех думных», «ближних и приказных» людей подчеркивает цели аристократического замысла.
- ⁷⁰⁹ Четверть — финансовый приказ. В конце XVI — начале XVII в. существовали Владимирская, Новгородская, Галицкая, Костромская и Ярославская четверти. Они ведали сбором доходов с подчиненных им территорий, а также раздачей жалования служилым людям, имевшим право на получение жалования «из чети». См.: *Платонов С. Ф.* Как возникли Чети. К вопросу о происхождении московских приказов-четвертей // *Платонов С. Ф.* Статьи по русской истории (1883–1902). СПб., 1903; *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604–1617). М., 1912; *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605) // *Исторические записки.* 1988. Т. 116.
- ⁷¹⁰ Речь идет о нарушенном Смутой порядке выдачи четвертного жалования, в обычные годы полагававшегося служилым людям, записанным в кормленные книги четвертного жалования. От первоначального порядка ежегодной выдачи такого жалования сначала перешли к выдаче жалования за службу, когда служилых людей назначали в полки, на воеводства или отсылали в посольствах и по другим делам центрального и местного управления. Однако при царе В. Шуйском прежняя система

сбора доходов была разрушена действиями тушинской администрации, претендовавшей еще на один центр власти в Русском государстве. С одной стороны, все уезды и города, насильно подчиненные тушинцами в конце 1608 — начале 1609 г., стали платить дань Лжедмитрию II, с другой, — служившие у него бояре и дворяне из-за своей «измены» теряли право вообще на все свое имущество, включая поместья и вотчины. В условиях противостояния царя В. Шуйского и Лжедмитрия II никто, естественно, не платил жалованья четвергичикам, оказавшимся в Тушине.

⁷¹¹ Имеется в виду Лжедмитрий II и время его стояния под Москвою в Тушине в 1608–1609 гг.

⁷¹² Речь идет о податях, сборах с поместий и вотчин служилых людей.

⁷¹³ Согласно договору, вводится новая норма об установлении льгот в налогообложении по решению Боярской думы и Земского собора («земли»).

⁷¹⁴ Речь об уездном дворянстве, организованном в служило-землевладельческие корпорации по «городам» (уездам). Здесь и далее слово *город* неоднократно будет встречаться в значении *уезда*. В состав служилого «города» одного уезда могло входить от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Были и крупные уездные дворянские общества, насчитывавшие около двух тысяч человек, например, в Новгороде и в Рязани. Внутренняя структура служилых «городов» была связана с делением на «чины»: выборных дворян, дворовых и городских детей боярских.

⁷¹⁵ Господарово жалованье давать по верстанию, как коли верстать учнут, а не ежелет... — свое жалованье уездные дворяне получали на местах «с городом», в соответствии с теми денежными окладами, которые они получали при верстании. В статье оговаривается введение нового порядка выдачи денег из казны городовым дворянам, в соответствии с проводимыми верстаниями, а не каждый год («ежелет»), когда они шли на службу.

⁷¹⁶ Как были при прежних господах... — это словосочетание со временем станет основой всей политической «программы» русского общества, желавшего после Смуты возвратиться к нарушенному естественному порядку жизни.

⁷¹⁷ Рута — содержание священнику и причту от прихожан, выдаваемое на каждый год деньгами, хлебом и другими припасами, по положению, установленному *ружными* грамотами.

⁷¹⁸ Оброчники — здесь, по смыслу, те, кто получал оброчные или кормовые деньги. В частности, это касалось служилых людей «по прибору» — стрельцов, казаков, пушкарей и других лиц, выполнявших функции повседневной охраны в городах Русского государства. Позднее оброчниками называли крепостных крестьян, состоявших на оброке. Однако в ста-

тье договора говорится о сохранении жалованья ружникам и оброчникам, а не о сборах с них.

- ⁷¹⁹ Действующим общерусским судебником — сводом права — был в этот момент Судебник 1550 г.
- ⁷²⁰ В статье оговаривается соблюдение принципа равенства суда для лиц всех состояний («станов»); зная о различиях в нормах двух государств, московские бояре не отказывались в дальнейшем от включения в русский Судебник новых норм, но оговаривали необходимость их одобрения Боярской думой и Земским собором. Образцом права соседнего государства был Литовский статут 1588 г.
- ⁷²¹ Пункт о взаимной помощи двух государств в случае нападения кого-либо из соседей был новшеством во взаимоотношениях Московского государства и Речи Посполитой, очевидно, что он был направлен прежде всего против Швеции, с которой воевала Речь Посполитая.
- ⁷²² Засека, засечная черта — система обороны южных рубежей, созданная в Московском государстве в конце XVI в. Засеки строились из поваленного леса с использованием естественных преград из рек и глубоких оврагов, делавших невозможным проход больших отрядов татарской конницы. Засечная черта, проходившая по тульским и рязанским городам, постоянно охранялась засечными сторожами, следившими за целостностью засек.
- ⁷²³ Статья о совместных действиях в случае татарской угрозы оставляла пространство для маневра обоим государствам, делая возможным объединение их сил прежде всего в случае общей угрозы как для Московского государства, так и Речи Посполитой.
- ⁷²⁴ «Государевы дела и земские» относились в Московском государстве к разряду важнейших, тех, которые рассматривались на Земском соборе. Это могли быть вопросы царского избрания, войны и мира, сбора чрезвычайных налогов и т. д.
- ⁷²⁵ В этом пункте речь, видимо, идет о крупных государственных преступлениях, наказание за которые должно было назначаться совместным решением царя и Боярской думы. Как и в крестоцеловальной записи царя В. Шуйского, в статье этого договора говорилось об отмене коллективной ответственности рода за преступления одного из его членов.
- ⁷²⁶ В статье содержится известное ограничение самодержавной воли «казнить и миловать» своих холопов, присвоенное царем Иваном Грозным. Введение обязательного суда давало судебные гарантии тем, кого преследовали по разным делам, связанным с «наносами» (доносами). Кроме того, в статье договора говорилось о необходимости сохранить достигнутый баланс между «станами», т. е. чинами или служилыми, духовными, торговыми и податными людьми.

- ⁷²⁷ Статья о наследственном характере вотчин касалась очень чувствительного пункта в жизни служилых людей, стремившихся навечно закрепить пожалования земли в их роду.
- ⁷²⁸ Повторение пункта о совместном решении царя и Боярской думы в делах наследования выморочных вотчин еще более укрепляло положение московских бояр в государстве. Возможно, что эта статья договора была включена прежде всего из-за опасений, что выморочные вотчины будут розданы не московским служилым людям, а выходцам из Речи Посполитой.
- ⁷²⁹ В статье вводится запрет на насильственные переселения, которые использовались в Московском государстве с началом централизационного процесса при освоении прежде независимых присоединенных земель Новгорода, Твери, Пскова и других земель. Пункт о запрете такой «государственной колонизации» мог быть вызван также воспоминаниями о недавних опричных перемещениях людей.
- ⁷³⁰ В договоре гарантировалась возможность отъезда «на науки» и сохранение имущества тех, кто уезжал для обучения в другую страну (прежде всего в Речь Посполитую).
- ⁷³¹ В нинешние розрухи... — этими словами стали обозначать состояние «смуты» и гражданской войны в Русском государстве, начавшейся с прихода Лжедмитрия I и продолжившейся затем в противостоянии царя В. Шуйского и Лжедмитрия II.
- ⁷³² В 1608–1610 гг., когда в Тушине под Москвою существовала столица Лжедмитрия II, режим временной власти этого самозванца с опорой на польско-литовские отряды захватил многие города вокруг столицы и распространился на значительную часть государства. В ходе этой борьбы разорялись поместья и вотчины дворян, остававшихся верными царю В. Шуйскому, судьба многих служилых людей, их крестьян и холопов была не всегда известна. Хотя часть людей действительно могла оказаться в плену в Речи Посполитой, в источниках нет подтверждения того, что это было массовым явлением.
- ⁷³³ В статье договора предусматривалось сохранение прежнего порядка назначения на должности воевод и другие приказные службы и запрет выходцам из Речи Посполитой инкорпорироваться в служебную структуру Русского государства. Служба и назначение денежных окладов были тесно связаны друг с другом, за свои воеводские службы бояре и дворяне получали жалование из Четвертей — финансовых приказов.
- ⁷³⁴ В продолжение этой статьи, вводившей запрет на назначения выходцев из Речи Посполитой на должности, за которые полагалось денежное жалованье, предлагалось рассмотреть порядок денежного, поместного и вотчинного обеспечения тех, кто приедет на службу из Речи Посполитой.

- ⁷³⁵ Ямжные деньги — от ям — постоянный двор, станция. Ямские деньги, один из видов налогов, взимавшихся на организацию ямской гоньбы (почтовой службы) в Московском государстве.
- ⁷³⁶ В договоре предусматривалось сохранение традиционной налоговой системы Московского государства с взиманием двух основных видов сборов: кабацкими и ямскими деньгами. Введение новых налогов за-прещалось.
- ⁷³⁷ Налоги собирались по сошной раскладке, в основе которой лежал земельный кадастр, устанавливавшийся писцовыми книгами. Писцовые описания содержали подробное описание всех земельных владений, расположенных на территории городов и уездов (более дробным было деление уезда на станы, волости, пятины, погосты и проч.). Различалось валовое писцовое описание, охватывавшее большинство уездов и отдельные описания уездов. Налоги взимались с населенных поместий и вотчин. В случае их разорения возникали спорные ситуации, когда владельцу предлагалось платить налог по прежней норме, без учета того, что уезд мог пострадать от военных нашествий или мора. В этом случае назначались «дозоры» — писцовые описания, составлявшиеся в связи с чрезвычайными изменениями в составе населения уездов.
- ⁷³⁸ Прибавка новых налогов с уездов могла быть осуществлена только с разрешения боярской думы и Земского собора.
- ⁷³⁹ Этим пунктом подтверждался прежний порядок торговли между двумя государствами, достигнутый еще при заключении перемирия между Московским государством и Речью Посполитой в 1602 г.
- ⁷⁴⁰ Поминки — подарки, в большинстве случаев завуалированный вид взятки.
- ⁷⁴¹ Крестьяном в Литву выходу, а из Литвы на Русь, и на Руси меж себя выходу не давать... — Крестьянский выход был для крестьян легальным основанием для смены владельца. С 1590-х гг. начала складываться система заповедных лет, имевшая целью предотвратить крестьянские переходы, отрицательно сказывавшиеся на благосостоянии мелких землевладельцев. Особенно острой эта проблема стала в самом начале XVII в., когда в связи с небывалыми масштабами голода разорились многие владельцы поместий и вотчин, а их людям (холопам, слугам) и крестьянам приходилось искать нового владельца. Царь Б. Годунов двумя указами в 1601 и 1602 гг. пытался смягчить последствия таких неконтролируемых переходов, предписав, что крестьянский выход мог осуществляться только внутри некоторых низших категорий землевладельцев и не затрагивать богатый Московский уезд. В действительности все вышло иначе, крестьяне и холопы выходили из-за небогатых владельцев в крупные боярские вотчины, поступали на службу в «вольные» казацки

станции, поддерживавшие противоборствующие силы в Смуту. Запрет на выход в Литву должен был предотвратить дальнейший процесс исхода населения из разоренных поместий и вотчин, сохранение на будущее освоенной земли, с которой взимались налоги.

⁷⁴² Своеволенство — воля, действия людей, не подчинявшихся закону.

⁷⁴³ Жадного пожитка — т. е. никакого прибытка.

⁷⁴⁴ Этим пунктом вводился запрет на освобождение холопов — слуг, живших в домах и земельных владениях дворян. Холопство было разных видов: наследственное и кабальное. Человек, выдавший на себя кабалу, обязывался за определенную сумму служить тому, кому выдавалась кабальная запись, или «крепость». Кроме того, подобная служилая кабала должна была регистрироваться в кабальных книгах, ведшихся в воеводской избе. На деле было много отступлений от этих правил, сопровождавшихся злоупотреблениями.

⁷⁴⁵ Здесь прорывается недовольство авторов предложенных статей ситуацией смуты в Русском государстве, виновниками которой они считают прежде всего «боярских холопей», собиравшихся вокруг самозванцев.

⁷⁴⁶ Настоящей статьёй решение о целесообразности дальнейшего существования донского, волжского, яицкого и терского казачества откладывалось на будущее. Авторам статей было ясно, что необходимо вернуть казаков к исполнению службы, которая могла быть полезна государству. В Смутное время очень часто, наоборот, казаки оказывались силой, помогавшей разрушать прежний государственный порядок, как это было, например, при восшествии на престол Лжедмитрия I.

⁷⁴⁷ В конце документа устанавливался порядок заключения будущего договора о призвании на престол королевича Владислава. Интересно, что представители тушинской администрации допускали, что такой договор мог быть заключен даже под Москвой, а не в самой столице, где продолжал оставаться на престоле царь В. Шуйский.

⁷⁴⁸ Как видно из заключительной части договора, он считался лишь основой для будущего «правильного» выбора царя, предусматривавшего обсуждение новых статей по челобитным патриарха, освященного собора, боярской думы, государева двора и «всех станов людей», т. е. представителей всех чинов (сословий).

⁷⁴⁹ И довершить Московского государства с патриархом, и со всем освещенным собором, и з бояры, и со всею землею... — Окончательное решение о призвании нового государя из речи Посполитой должно было быть принято на Земском соборе при участии патриарха, Освященного собора и Боярской думы.

- ⁷⁵⁰ Договор предусматривал присягу короля Сигизмунда III, королевича Владислава, а также представителей сената и сейма Речи Посполитой, с целью утвердить этот договор.

Договор московских бояр с гетманом Станиславом Жолкевским об избрании на московский престол королевича Владислава и отправлении посольства под Смоленск к королю Сигизмунду III (1610 г., август)

Текст печатается по: Сборник Русского исторического общества. Т. 142. № 9. С. 101–109.

- ⁷⁵¹ В первой статье договора говорилось об отправке посольства к королю Сигизмунду III, находившемуся под Смоленском.
- ⁷⁵² Запись, подписанная гетманом С. Жолкевским, полковниками и ротмистрами его войска, сохранилась. В ней, кроме повторения условий договора о призвании королевича Владислава на царский трон, гетман С. Жолкевский обязывался содействовать заключению соглашения с королем на тех условиях, о которых он договорился с московскими боярами, но не мог гарантировать их, не имея на это королевской инструкции. Речь прежде всего шла о крещении королевича Владислава в православие и о прекращении осады Смоленска. Гетман С. Жолкевский обязывался помогать русским войскам в борьбе против Лжедмитрия II, польско-литовскому войску запрещалось входить в Москву. См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 142. С. 93–101.
- ⁷⁵³ В договорной записи содержался жесткий запрет на строительство католических храмов в Московском государстве; единственное, что удалось выговорить гетману Жолкевскому, — согласие московских бояр на то, что в будущем королевич Владислав вместе с патриархом и Боярской думой может вернуться к этому вопросу.
- ⁷⁵⁴ Ружные всякие оброки — от руга — ежегодное жалованье, выдававшееся причту или из казны, или от того владельца, на чьей земле построена церковь.
- ⁷⁵⁵ Весь порядок государственного устройства Боярская дума стремилась оставить в неприкосновенности, поэтому назначения на должности приказных судей и городских воевод ревниво охранялись от выходцев из Речи Посполитой. Исключением были дела в пограничных городах, да и то на время, пока не кончится «разоренье». В этом отразилось во многом наивное стремление бояр решить только одну задачу: отдать Московское государство в руки правителя, принадлежавшего к королевской семье, но крестившегося в православие. В дальнейшем, видимо, они рассчитывали на усиление значения Боярской думы и не собирались

делиться властью с теми, кто мог приехать в Московское государство в свите нового московского царя.

⁷⁵⁶ Как было при прежних государях царях московских — в февральском договоре эта идея уже присутствовала, там тоже говорилось о возвращении к порядку, который был «при прежних государях». Сформулированный в договорах о призвании королевича Владислава, в дальнейшем этот принцип станет основополагающим в настроениях людей, стремившихся преодолеть наследство Смуты.

⁷⁵⁷ О том государю советовать и думать с бояры и с думными людьми — в августовском договоре бояр о призвании королевича Владислава мягче сформулирован принцип пересмотра прежних пожалований, сделанных «не по чину». Здесь не уточняется, при каком правителе — царе В. Шуйском или Лжедмитрии II — были сделаны такие пожалования, лишь оговаривается право Боярской думы вместе с царем на рассмотрение таких дел.

⁷⁵⁸ Идея соблюдения принципа жалования «по достоинству» стала одним из главных результатов Смуты для русских людей. Именно нарушения при раздаче чинов, окладов, поместной и вотчинной земли больше всего способствовали разрушению привычного государственного порядка.

⁷⁵⁹ Шкота (школа) — вред.

⁷⁶⁰ В февральском договоре тушинского посольства под Смоленск сказано более отчетливо об отказе от ежегодного пожалования городских дворян и детей боярских и возвращении к прежнему порядку выдачи жалования при верстаниях служилых «городов», обычно назначавшихся в преддверии больших военных походов.

Приговор первого земского ополчения (1611 г., июня 30)

Приговор первого ополчения — уникальный документ политической мысли, созданный в условиях так называемого междоцарствия, начавшегося со сведения с престола царя В. Шуйского. Если Боярская дума и патриарх Гермоген в августе 1610 г. договорились о призвании на русский престол польского королевича Владислава, то совсем другой ответ о будущем устройстве государства был дан земскими силами. Тем более что очень быстро выяснилось: Сигизмунд III не был доволен договором, заключенным от его имени гетманом С. Жолкевским. Польский король хотел, чтобы его самого короновали в Москве. Создание первого ополчения относится к концу 1610 — началу 1611 г. Его политическая конструкция была необычной и даже смелой. В первом ополчении должны были объединиться как бывшие сторонники царя В. Шуйского, так и те, кто несколько лет воевал против этого царя под знаменами самозванца Лжедмитрия II — «Тушинского вора», убитого в Калуге в декабре 1610 г. Главные воеводы ополчения

П. П. Ляпунов, князь Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий представляли эти разные политические силы, объединившиеся на время для того, чтобы противостоять планам утверждения на русском престоле короля Сигизмунда III. Решая общие задачи, они должны были забыть пока о своих прежних противоречиях и войнах; однако, как покажет время, устойчивым такое объединение земских сил быть не смогло. П. Ляпунов представлял мятежный рязанский род Ляпуновых, впервые появившийся в общерусской политической жизни после смерти царя Ивана Грозного. Тогда, в марте 1584 г., Ляпуновы стали участниками какого-то выступления в Москве в пользу одной из группировок, боровшихся за политическое наследство Грозного. В Смутное время на сцену вышло уже поколение П. Ляпунова и его братьев. Они первыми перешли на сторону Лжедмитрия I и присягнули ему под Кромами вместе с боярином князем В. В. Голицыным. Затем П. Ляпунов поднимал мятеж на Рязани против нового царя В. Шуйского в 1606 г., вместе с войском И. Болотникова пришел под Москву, но в декабре 1606 г. понял, что цели этого движения слишком разошлись с первоначальной реставраторской идеей возвращения власти царя Дмитрия Ивановича. Перейдя на сторону царя В. Шуйского, П. Ляпунов получил чин думного дворянина, хотя в Боярской думе ему приходилось заседать не часто: Ляпунова, наградив думным чином и богатыми вотчинами и поместьями в Рязанском уезде, отправили на воеводство в Переславль-Рязанский. Там он последовательно поддерживал царя В. Шуйского, хотя в какой-то момент в 1609 г. был готов отказаться и от него, чтобы поддержать нового царя из князей Шуйских — успешного земского воеводу, молодого князя М. В. Скопина-Шуйского. Создание первого ополчения стало главным делом П. Ляпунова, навсегда утвердив его имя в русской истории. Он одним из первых, возможно, в союзе с боярином князем В. В. Голицыным выступил против Сигизмунда III. В конце 1610 г. дела московского посольства под Смоленском, куда входили и князь Голицын, и родной брат П. Ляпунова — Захарий, зашли в тупик. Именно из-под Смоленска Ляпунов получил точные сведения о дальнейших планах польского короля и начал движение из Рязани. Первые послы из Рязани были отправлены в Нижний Новгород, где воеводы двух крупных земских центров, никогда не переходивших на сторону тушинского самозванца, договорились о походе под Москву. Другое направление переговоров — ближайшие к Рязани Тула и Калуга, где еще оставались бывшие сторонники Лжедмитрия II. Два боярина из Боярской думы самозванца встали во главе будущего ополчения. Князь Д. Т. Трубецкой действительно был родовитым человеком, происходившим из рода Гедиминовичей. У князей Трубецких всегда было свое представительство в Боярской думе московских царей, по своему родословному происхождению этот воевода становился первым и главным человеком в ополчении. Другое дело — казак И. Заруцкий, родом из Тарнополя, занесенный в Московское государство при Лжедмитрии I. Своей карьерой боярина И. Заруцкий полностью был обязан заслугам перед

«Тушинским воров». В другие времена у него не было шансов стать боярином, он навсегда бы остался только казачьим атаманом. Но «вольное» казачество за время Смуты стало грозной силой, с которой приходилось считаться. П. Ляпунов договаривался даже с одним из польских гетманов Лжедмитрия II — Я. П. Сапегой. Он звал его поддержать выступление земских сил против короля Сигизмунда III и добился того, что бывшие польско-литовские отряды самозванного царя Лжедмитрия II сохраняли нейтралитет во время сбора первого ополчения. Первые отряды земского ополчения оказались под Москвой сразу после ее великого пожара, устроенного польско-литовским гарнизоном в Москве во главе с А. Гонсевским 19 марта 1611 г. С военной точки зрения той эпохи сжечь посады города, затворявшегося в осаду, было обычным условием. Но тут речь шла об огромном городе и столице государства; не случайно впоследствии эта дата стала осознаваться как одна из самых трагичных за все время Смуты. Московский пожар 1611 г. стали называть «конечным разорением». В Москве сражались как могли, в частности, в боях 19 марта 1611 г. был ранен князь Д. М. Пожарский, но силы оказались неравными. Эти события стали памятной вехой, после которой, естественно, уже невозможно было, как раньше, обсуждать вероятное воцарение в Москве польско-литовского короля или королевича. Настало время первого ополчения, с которым стали связывать надежду на освобождение. В сентябре 1610 г., после заключения договора о призвании королевича Владислава, поляков и литовцев воспринимали как друзей и добровольно впустили их в столицу, чтобы они помогли справиться с Лжедмитрием II. В апреле 1611 г. — это уже были настоящие враги, с которыми воевали собравшиеся в земском ополчении люди. Помимо военных задач в первом ополчении решали и проблемы внутреннего устройства страны после освобождения столицы. Как известно, одному ополчению не удалось справиться с этой задачей, но памятником его политической деятельности на самом первом организационном этапе стал знаменитый приговор земского ополчения 30 июня 1611 г. Этот памятник сравнительно долго оставался неизвестным, пока впервые не был широко использован Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского». Там же состоялась первая публикация приговора, к сожалению, сохранившегося не в подлиннике, а в поздней копии. Другой вариант текста приговора был разыскан И. Е. Забелиным. Подробный разбор памятника был осуществлен классиками исторической науки С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским и С. Ф. Платоновым.

(См. также: *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990; С. 36–39; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 173–179; *Шенелев И. С.* Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в первом земском ополчении // Сб. научн. трудов Пятигорского гос. педагогического

ин-та. 1948. Вып. 2. С. 101–137; *его же*. Национально-освободительная борьба в Русском государстве в 1611 г. (Первое земское ополчение) // Из истории национально-освободительной борьбы в дореволюционной России. Волгоград, 1968. С. 3–137; *Флоря Б. Н.* О Приговоре Первого ополчения // Исторические записки. М., 2005. № 8. С. 85–114.

В настоящем издании текст памятника публикуется по его последней академической публикации в издании: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под ред. А. Г. Манькова. М.: Юридическая литература, 1985. С. 43–51.

⁷⁶¹ Это указание на «царевичей», собравшихся в ополчении, видимо, является отсылкой к участию в движении касимовских и сибирских царевичей. В государстве тогда был еще один «царевич» Иван Дмитриевич — сын М. Мнишек и Лжедмитрия II. Трудно представить, что речь идет именно о нем, в этом случае его должны были назвать по имени. Хотя возможен и определенный компромисс в ополчении с одним из его главных представителей И. М. Заруцким, покровительствовавшим вдове самозванца М. Мнишек и ее сыну.

⁷⁶² Чашник — придворный чин.

⁷⁶³ Которые стоят за дом пресвятыя богородицы и за православную христианскую веру против разорителей веры христианские, польских и литовских людей, под Москвою... — Это декларируемые цели ополчения, показывающие, что его воеводы стремились превратить военное движение ополчения в борьбу за веру. На самом деле все было сложнее, в составе польско-литовского гарнизона было немало православных людей, да и католики — христиане. Однако в целом действия «литвы» еще со времен Лжедмитрия I воспринимались как враждебные православию, тушинцы и сторонники Лжедмитрия II разоряли многие монастыри и грабили архиерейскую казну. Поэтому мотив религиозной борьбы и стал одним из основных объединяющих лозунгов ополчения.

⁷⁶⁴ Ссылка на выбор воевод «всею землею» означает действие в ополчении Земского собора. Хотя само это словосочетание в источниках не употребляется. Впервые о земских соборах заговорили славянофилы в середине XIX в. Однако, несмотря на то что сам этот термин является исследовательской конструкцией, он точно обозначает суть явления, связанного с развитием органов сословно-представительной власти в Русском государстве. Из преамбулы приговора очевидно, что в ней стремились отразить представительство в ополчении каждого «чина» и, через них, участие «всей земли» в делах земского движения.

⁷⁶⁵ Последовательность упоминания воевод ополчения очень важна, она следует местническим представлениям служилых людей и показывает, что в первом ополчении были признаны боярские чины, полученные князем Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким от Лжедмитрия II. Поэтому они

упомянуты на первом месте в приговоре. Организатор ополчения думный дворянин П. П. Ляпунов назван последним в этом триумвирате воевод, хотя на деле его роль как организатора всего движения была более значительной. Некоторое время спустя уже никто не станет вспоминать о происхождении боярских чинов у воевод ополчения, их станут называть боярами Московского государства, показывая, что свой боярский чин они получили от «земли», по решению Земского собора.

- ⁷⁶⁶ Земским и всяким ратным делом промышляти... — Приговор устанавливал власть воевод не только над теми, кто пришел воевать под Москву, но и над городами, признававшими земское ополчение как временное правительство всего Русского государства.
- ⁷⁶⁷ И расправа всякая меж всяких людей чинити в правду... — Понятие «расправы» связано здесь не с судебным преследованием, а с соблюдением справедливого суда, подчиненного «правде», т. е. такому устройству, которое бы отвечало традициям управления, нарушенным Смутным временем.
- ⁷⁶⁸ А ратным и земским всяким людем их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем... — Приговор содержал договоренность о признании власти воевод, обязывавшихся соблюдать справедливые принципы управления, и одновременно о подчинении им. Показательно, что уже здесь *все* воеводы ополчения названы боярами.
- ⁷⁶⁹ Первый же пункт приговора касался самого главного, волновавшего служилых людей вопроса о справедливом распределении поместной и вотчинной земли. Используя свое положение членов Думы, многие бояре, окольничие и другие представители высших чинов московского дворянства смогли сконцентрировать в своих руках обширные земельные владения, пополнявшиеся за счет фонда выморочных земель или переходивших в их руки от «изменников» царя В. Шуйского. С другой стороны, бывшие тушинцы действовали аналогично на тех территориях, которые не подчинялись царю В. Шуйскому. Все это привело к тяжелому расстройству земельного обеспечения служилых людей, многие из которых потеряли свои поместья и вотчины, успевавшие несколько раз переходить из рук в руки. Продолжали сказываться и последствия голода начальных лет XVII в., а также многочисленных военных действий сторонников и противников самозванцев в центре государства.
- ⁷⁷⁰ Черные волости — черносошные земли были населены свободными обшчинниками, не имевшими над собою власти помещиков и плативших подати непосредственно в государственную казну. В связи с этим в черносошных землях было более развиты традиции мирского устройства и самоуправления.
- ⁷⁷¹ Сыскивать городы... — т. е. расспрашивать окладчиков и других дворян из служилых «городов» о поместном обеспечении дворян, служивших с ними с одного уезда.

- ⁷⁷² А смольняном и беляном, и дорогобуженом, и вязмечем, и можайчем, и всем разоренным городам поместья давати наперед... — Здесь перечислены дворяне и дети боярские, служившие в городах «от Литовской укайны» по Смоленску, Белой, Дорогобужу, Вязьме и Можайску. Эти уезды были разорены походом польского короля Сигизмунда III под Смоленск, начавшимся в сентябре 1609 г.
- ⁷⁷³ Или в четвертях припишет хто себе лишек... — Размеры поместья измерялись в четвертях, в соответствии с поместными окладами. Средние поместные оклады служилых людей были в пределах 300–800 четвертей. На деле многие служилые люди захватывали столько земли, сколько могли удерживать за собой.
- ⁷⁷⁴ В статье 12 приговора устанавливался порядок распределения поместий и вотчин тех людей, кто по каким-либо причинам не служил в ополчении, а оставался в Москве. Хотя прямо они не называются изменниками, но из содержания статьи очевидно, что в ней разработан механизм конфискации их земельных владений. В том случае, если под Москвою находились их братья, дети и другие ближайшие родственники, тогда поместья и вотчины могли уйти в род, но ровно настолько, чтобы удовлетворить нужды беспоместных родственников. Все остальное должны были отдать в раздачу другим служилым людям. Предвидя такой поворот событий, некоторые, не дожидаясь решения ополчения, уже перевели на себя поместья и вотчины оставшихся в Москве родственников. Видимо, это была уже устоявшаяся практика, таким образом служилые люди спасали свои вотчины при царе В. Шуйском, когда члены одного рода служили как ему, так и тушинскому самозванцу. Знали об этом и главные воеводы ополчения, обещавшие бороться с таким сохранением земельных владений у тех, кто продолжал служить «литве». Однако жесткость этой статьи умерялась в том случае, если служилые люди находились в осаде с женами и детьми. В ополчении понимали, что они не могли без риска для своих семей уехать служить в подмошковые полки.
- ⁷⁷⁵ А которые дворяне и дети боярские на земскую службу под Москву майя по 25-е число не бывали... — По существовавшей в обычное время практике, уездным дворянам и детям боярским, служившим с «городом», каждый год назначался срок, когда они должны были явиться на службу в полки, в соответствии с тем вооружением, с которым они были записаны в десятнях — книгах для записи сведений о составе дворян и детей боярских одного служилого «города» (то есть уезда). Все не явившиеся на службу считались нетчиками, у которых могли отобрать поместье и наказать уменьшением жалованья. В ополчении тоже был установлен срок приезда, обязательный для дворян и детей боярских тех уездов, которые согласились принять власть земского совета.

- ⁷⁷⁶ Текст и время принятия этого прежнего приговора неизвестны. Важно, что, судя по этой отсылке, в ополчении еще до принятия приговора 30 июня 1611 г. выработали порядок управления, требовавший общего согласия всех его участников. Кроме того, из этого распоряжения видно, что руководители ополчения представляли его роль как общерусского правительства, отнимая поместья в зависимости от участия или неучастия служилого человека в ополчении.
- ⁷⁷⁷ Сыскать города — расспросить дворян и детей боярских одного служилого «города».
- ⁷⁷⁸ В ополчении следовали обычной практике назначения на службу в родовые воеводы тех, кто по каким-то причинам (чаще всего из-за ран и увечий) не мог служить полковую службу. Правда, при этом следовало соблюдать местнические принципы и назначать в города воевод примерно одного статуса и происхождения (то есть *дворян сверстных*).
- ⁷⁷⁹ В ополчении действовал свой Поместный приказ — ведомство, в котором учитывалась и распределялась поместная и вотчинная земля.
- ⁷⁸⁰ Дворянина из больших дворян, а с ним дьяков, выбрав всюю Землю — назначение в Поместный приказ «большого дворянина», происходившего из известных знатностью своего происхождения служилых людей высших чинов, было не характерной практикой. Такое назначение судей Поместного приказа могло создать почву для злоупотреблений в раздаче земли родственникам главы приказа. Поэтому чаще всего во главе Поместного (как и Разрядного) приказа ставили думного дьяка. Видимо, отсутствие думных дьяков в ополчении заставило руководителей ополчения найти компромиссный вариант с назначением судей приказа — дворянина и выборных дьяков, пользовавшихся авторитетом «всей земли».
- ⁷⁸¹ Приговор устанавливал иерархию пожалований поместий для участников ополчения, в первую очередь на них претендовали те, у кого не было никаких владений или они были разорены в предшествующие годы действиями польско-литовских отрядов. Соглашаясь с начавшейся раздачей в поместья чернососных и дворцовых земель, в ополчении все же пытались поставить под контроль и этот процесс. Приговором была установлена норма первоначального испомещения самых нуждавшихся дворян и детей боярских, остальным же новым помещикам предстояло ждать своей очереди, что, конечно, мало устраивало тех, кто успел получить ввозные грамоты на поместья.
- ⁷⁸² Этот раздел приговора посвящен решению судьбы казаков, служивших в ополчении. Как справедливо отмечал А. Л. Станиславский, в приговоре не указано, на каких основаниях считать казаков «старыми», очевидно лишь, что у казачьих атаманов и старших казаков, служивших в полках ополчения, появлялась, в случае их желания, возможность получения

дворянского чина. Однако, судя по сохранившимся источникам, совсем немногие воспользовались этим, предпочитая вольную казачью службу полковой службе в рядах городского дворянства.

- ⁷⁸³ В ополчении, видимо, понимали, что разрешение верстаться с «городом» не было таким уж привлекательным для казацкой старшины. Поэтому им, как и раньше должны были выдавать жалованье за службу деньгами и кормами. Статья приговора перечисляет финансовые ведомства: «Дворец» — Дворцовый приказ, обычно ведавший управлением дворцовых земель, Приказ Большие казны — общий приказ, ведавший сборами и распределением денежных средств, чети — территориальные приказы для местного управления и сбора налогов.
- ⁷⁸⁴ Главным нововведением этой статьи, расколовшим ополчение, стал запрет казакам брать отдельные волости в «приставство» (форма чрезвычайного управления территории, платившей своеобразную дань за коронную службу, заимствованная из Речи Посполитой). В условиях Смуты жители взятых в «приставство» волостей соглашались на управление казачьих атаманов по необходимости, из-за опасения бесконтрольного грабежа земельных владений и крестьянских дворов.
- ⁷⁸⁵ Введение смертной казни за «воровство» — этим емким термином прежде всего обозначались преступления, связанные с неподчинением и противодействием земской власти, — один из радикальных шагов, на которые вынуждены были пойти в ополчении. Воссоздание Разбойного приказа, ведавшего сыском и наказанием преступников, только предполагалось. Земский приказ в обычное время ведал охраной порядка, не известно, какие полицейские функции предполагалось передать ему в случае возобновления деятельности этого приказа под Москвой.
- ⁷⁸⁶ А строить Землю — понятие «устроенья» земли очень емко характеризует политические предпочтения и ожидания жителей Московского государства времени Смуты.
- ⁷⁸⁷ И всяким земским и ратным делом промышлять, бояром, которых избирали всю Землю по сему все Земли приговору. — В этих словах изложена главная цель составления приговора, имевшего в виду узаконить правительство «бояр», получавших свои полномочия не от царя, как в обычное время, а властью представителей «всей земли». В их задачи входило управление (*промышлять земскими и ратными делами*) территорией, подвластной руководителям ополчения, и выполнение главной задачи, связанной с ведением боевых действий против гарнизона польско-литовских войск в Москве.
- ⁷⁸⁸ Пункт приговора о запрете смертных приговоров без одобрения «всей земли» перекликается с мотивами крестоцеловальной записи царя В. Шуйского; в приговоре первого ополчения также была сделана по-

пытка ограничения произвола верховной власти, в зависимости от которой находились жизнь и имущество не только отдельных служилых родов, но и целых семей и родов. Запрещалось наказывать кого-то без доказательства вины и переносить ответственность на весь род. Кроме того, руководители ополчения стремились устранить самосуды, запрещающая «скопы» и «заговоры» для расправы, а также месть по «недружбе». Устанавливался порядок, обязывавший служилых людей обращаться с челобитными к избранным в ополчении «боярам». Только руководители ополчения могли производить сыск и объявлять земские приговоры о казни изменников. В противном случае, в приговоре за самовольные расправы грозили служилым людям и казакам смертной казнью.

⁷⁸⁹ Упоминание о «менших» воеводах отражает деление ополчения на полки, его внутреннюю структуру. В период сбора ополчения в марте–апреле 1611 г. отдельные отряды пришли в земское ополчение со своими воеводами и встали, по сообщению «Карамзинского хронографа», «станами близко Каменново города». Главный воевода ополчения П. Ляпунов расположился «с рязанцы» у Яузских ворот, а полки князя Д. Т. Трубецкого и И. Заруцкого стояли «подле города до Покровских ворот». Остальные воеводы, которых можно назвать «меншими», привели в ополчение отряды из Нижнего Новгорода (князь А. А. Репнин), Арзамаса и Муром (князь В. Ф. Мосальский), Владимира (окольничий А. В. Измайлов) и других городов. В качестве полковых воевод в ополчении упоминались также И. С. Погожий, стоявший со своим полком у Петровских ворот, и воевода М. А. Вельяминов — у Тверских ворот, оба они подписали приговор земского ополчения. Этим воеводам запрещалось вступать в дела внутреннего управления, к которым выбрали главных воевод ополчения — «бояр».

⁷⁹⁰ Судя по этой статье, ратные воеводы успевали не только руководить военными отрядами, но и стремились обогатиться под Москвой, заводя кабаки, взимая проезжие пошлины с товаров, привозившихся для продажи участникам ополчения. Приговором такая «предпринимательская» деятельность ставилась под контроль создававшихся в ополчении финансовых приказов — Большого прихода и четвертей.

⁷⁹¹ Земская печать действительно была изготовлена и использовалась в ополчении. Интересно, что ее предлагалось прикладывать к текущим документам, например, к грамотам о раздаче земли. В наиболее серьезных случаях обязательно требовалась подпись («рукоприкладство») главных воевод ополчения, так как эти распоряжения должны были быть приняты к исполнению всеми собравшимися в ополчении служилыми людьми.

⁷⁹² В Большом в одном Разряде — в разных полках ополчения существовали свои разрядные шатры, где собирались списки служилых людей, де-

лались назначения на службу, собирались сведения об отличившихся в боях, раненых и умерших дворянах. Те же сведения, касавшиеся всего ополчения, находились в одном Разрядном приказе.

⁷⁹³ Неты дворян и детей боярских — списки служилых людей — нетчиков, не явившихся на службу.

⁷⁹⁴ И присылать в Большой Разряд за руками — т. е. с подписанными свидетельствами других служилых людей.

⁷⁹⁵ Как душа Богу и всей Земле дана — в этой фразе содержится напоминание о крестном целованье, которое проходили все, кто вступал в ряды ополчения. Следование «Земли» вслед за «Богом» показывает сакральную значимость, придававшуюся клятве всему земскому обществу.

⁷⁹⁶ Так же как в разрядных делах, распределение земельных владений в ополчении требовало единоначалия, поэтому создавался «большой» Поместный приказ. Употребление слова «смута» в контексте этой статьи хорошо иллюстрирует то значение, которое вкладывалось в это слово современниками. В первую очередь «смута» относилась к запутанному и неясному порядку управления.

⁷⁹⁷ В нынешнее смутное время и в разоренье — этот речевой оборот станет практически штампом, обозначая понятные для жителей Московского государства события, связанные с созданием ополчения для освобождения Москвы, сожженной поляками и литовцами в 1611 г.

⁷⁹⁸ Смысл 23 статьи обычно трактуется как однозначно закрепостительная мера, принятая в ополчении в отношении крестьян и холопов («людей»). Однако на самом деле в статье упоминаются лишь вывезенные и беглые крестьяне и холопы, о сыске которых подавались челобитные воеводам ополчения. В составе казачьих станиц в полках могли служить бывшие крестьяне и холопы, однако об их судьбе в этой статье ничего не говорилось. Более того, в приговоре сделана оговорка о беглых, живших «по городом», следовательно, если такие беглые люди находились в ополчении, то в отношении них вряд ли можно было начать дело об их выдаче прежним владельцам.

⁷⁹⁹ В приговоре устанавливалась взаимная ответственность как «бояр», выбранных в правительство, так и подчинявшихся им воевод. В том случае, если бы они не справились с «земскими и ратными делами» или стали враждовать друг с другом, их разрешалось переменить.

⁸⁰⁰ Далее в тексте документа содержатся подписи воевод и других участников ополчения; к сожалению, они не были полностью скопированы переписчиком в XVIII в., поэтому значительная часть рукоприкладств членов Земского собора в ополчении оказалась утраченной.

Грамоты Смутного времени

Грамота из Нижнего Новгорода в Сольвычегодск о земских делах (не ранее декабря 1611 г.)

Нижегородское ополчение, как известно, было собрано К. Мининым и князем Д. М. Пожарским осенью 1611 г. Однако начальная история земского движения в Нижнем Новгороде очень скудно освещена источниками. Руководители будущего ополчения проявляли известную осторожность, чтобы не спровоцировать столкновение с воеводами другого — первого земского ополчения, оставшегося под Москвой. К. Минин и князь Д. Пожарский стремились действовать, не вызывая ревности настоящих руководителей земского движения в то время — «бояр Московского государства» князя Д. Т. Трубецкого и казачьего предводителя И. М. Заруцкого. Только когда подмосковные «таборы» стали поддерживать кандидатуру нового Лжедмитрия и предлагать сына М. Мнишек на русский престол, тогда организаторы земского движения в Нижнем Новгороде открыто выступили против продолжения самозванческой авантюры. Публикуемая грамота — одно из первых воззваний из Нижнего Новгорода, объясняющих мотивы создания нового ополчения, взаимоотношения с первым ополчением и планы будущих действий. Подобные грамоты рассылались в города — центры земского движения, известные со времен организации сопротивления тушинскому режиму Лжедмитрия II (также сохранился текст послания, направленный в Вологду). Опираясь на союз с ними, в Нижнем Новгороде хотели созвать новый земский совет, который бы решил главный вопрос — об избрании русского царя. Грамота публикуется по изданию: *Любомиров П. Г.* Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 233–237 (характеристику ее текста см. там же, с. 73–77).

⁸⁰¹ В заголовке документа говорилось: «Список с нижегородские отписки, что привез Дмитрий Савич Жедринской с товарищи в 120 (1611/12)-м году». Публикатор грамоты П. Г. Любомиров справедливо считал, что этот документ нужно датировать началом декабря 1611 г. Анализ содержания грамоты показывает, что она была создана на начальном этапе нижегородского движения, когда рядом с князем Д. Пожарским действовали воевода стряпчий И. И. Биркин и нижегородский по происхождению дьяк В. Юдин. Важным датирующим признаком является также упоминание о планируемом походе из Нижнего Новгорода на Суздаль. Позднее эти планы изменились, и нижегородское ополчение вышло походом в Ярославль.

⁸⁰² Т. е. сольвычегодскому воеводе И. Н. Чепчюгову.

⁸⁰³ ...И смолняня, и дорогобуженя, и вязмичи — речь о примкнувших к нижегородскому движению дворянах и детях боярских из разоренных войною уездов от «литовской украины». По распоряжению воевод первого

ополчения дворяне из Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы и других городов должны были получить земли в Арзамасском уезде в возмещение потерянных ими поместий, но эти планы не осуществились. В итоге смоленские дворяне оказались на службе в Нижнем Новгороде.

⁸⁰⁴ ...И головы литовские и стрелецкие, и литва, и немцы — в Нижнем Новгороде жили служилые иноземцы — добровольно поступавшие на службу московскому царю выходцы из сопредельных государств, обобщенно называвшиеся в приказном языке «литвою» и «немцами». Указание на них в перечне чинов нижегородской грамоты свидетельствует, что они оказались в числе тех, кто примкнул к движению в самом его начале.

⁸⁰⁵ Роспудити — разогнать (*древнерус.*).

⁸⁰⁶ Речь о страшном пожаре и разорении Москвы 19 марта 1611 г., когда произошли столкновения жителей Москвы с воинами польско-литовского гарнизона.

⁸⁰⁷ Адамант — алмаз.

⁸⁰⁸ ...Ермогена, патриарха московского и всеа Руси, с престола вселенского низвергнули — низложение патриарха Гермогена, поддерживавшего приход к Москве отрядов первого ополчения, произошло после московских событий 19 марта 1611 г. Он был сведен на подворье Кирилло-Белозерского монастыря, вместо него на патриаршую кафедру был поставлен прежний патриарх времен Лжедмитрия I — Игнатий. Особенно тяжелым стало положение Гермогена после его отказа обратиться с увещанием к тем, кто начинал движение в Нижнем Новгороде. Напротив, согласно «Новому летописцу», он благословил их на поход к Москве. Умер патриарх Гермоген в заточении в Чудовом монастыре 17 февраля 1612 г.

⁸⁰⁹ ...И своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати — это главный пункт расхождения нижегородского движения с оставшимися под Москвою отрядами первого ополчения.

⁸¹⁰ ...Чтоб нам дал на Московское государство государя благочестива, подобна прежним природным христианским государем — в ополчении не предreshали вопроса о царском избрании, как можно более широко формулируя требования к выбору будущего царя, который должен был возвратиться к прерванной традиции правления Рюриковичей.

⁸¹¹ Речь о действиях первого ополчения, с апреля по июль 1611 г. успешно блокировавшего польско-литовский гарнизон в Белом городе и даже на несколько недель полностью захватившего все его ворота и башни.

⁸¹² Разъезд из первого ополчения начался после гибели в полках главного воеводы П. Ляпунова 22 июля 1611 г. После этого, в конце июля — начале

августа 1611 г., гетману Яну Сапеге, действовавшему совместно с польско-литовским гарнизоном, удалось разблокировать осаду укреплений Кремля и Китай-города. Со стороны отъезд из ополчения многих людей воспринимался как едва ли не катастрофа и распад, но в подмосковных «таборах» продолжали оставаться служилые люди. Несмотря на то что ополчение в этот момент потерпело неудачу в организации полной осады Москвы, созданное в нем правительство оставалось важным центром власти, с которым считались и руководители ополчения, собранного в Нижнем Новгороде.

- ⁸¹³ ...Чтоб пане Маринке з законопреступным сыном ее быти на Московском государстве — речь о планах казаков, служивших в первом ополчении под началом И. Заруцкого, возвести на престол М. Мнишек и ее сына от Лжедмитрия II — Ивана. Этому особенно противился патриарх Гермоген, обличая планы возведения на русский престол жены самозванного царя.
- ⁸¹⁴ Из верховых городов — имеется в виду: из городов, расположенных выше Нижнего Новгорода по реке Волге, т. е. прежде всего Костромы и Ярославля.
- ⁸¹⁵ ...Идем все головами своими в помощь Московскому государству с нами, со князем Дмитрием да с Иваном — речь о походе под Москву отрядов ополчения во главе с воеводами князем Д. М. Пожарским и И. И. Биркиным. Однако впоследствии И. Биркин будет послан из Нижнего Новгорода в Казань и задержится там до лета 1612 г., когда ополчение К. Минина и князя Д. Пожарского осуществит знаменитый поход из Нижнего Новгорода в Ярославль.
- ⁸¹⁶ ...Приговорили животы свои и дома с ними разделить — это упоминание о приговоре, согласно которому нижегородцы отдавали часть своего имущества («животы») на нужды ополчения, является подтверждением распространенных легенд и рассказов о бескорыстном порыве жителей Нижнего Новгорода, жертвовавших деньги и другие ценности при организации движения.
- ⁸¹⁷ ...И вам бы, господа, вычегжаном, дворяном и детем боярским — эти слова из обращения в Сольвычегодск, где не существовало уездной служилой дворянской корпорации, не имели смысла. Включение их в текст документа объясняется тем, что документ представлял собою окружное послание и был рассчитан на организацию поддержки земского движения в разных уездах.
- ⁸¹⁸ ...А будет, господа, вы, дворяня, и дети боярские, и всякие служилые люди, опасаетись от казаков какова налогу или иных каких воровских заводов — в этих словах отражена сложная политическая ситуация, при которой в государстве уже существовал центр земской власти в подмосков-

ном ополчении, но власть там принадлежала казакам, которые могли «наказать» непослушное население за поддержку им нового движения в Нижнем Новгороде.

- ⁸¹⁹ ...Как будем все верховые и понизовые города в сходе — в этом состоял первоначальный план организации движения: собрать вместе силы поволжских городов, как «верховых» в Костроме и Ярославле, так и «пониловых» (от «низ» — низовья Волги), в Нижнем Новгороде и Казани.
- ⁸²⁰ Это ссылка на последовательную политическую позицию Нижнего Новгорода, никогда не поддерживавшего и не присягнувшего самозваному царю Лжедмитрию II. В 1608–1609 гг. нижегородцы организовали свое ополчение под руководством воеводы А. Алябьева и успешно воевали с тушинцами вокруг Нижнего Новгорода, Арзамаса, Муромы и Касимова. Нижний Новгород был в числе организаторов первого, ляпуновского, ополчения, а «пониловые люди» во главе с воеводой князем А. А. Репниным участвовали в осаде Москвы весной–летом 1611 г.
- ⁸²¹ ...И учиним совет о всяком земском деле — это указание раскрывает намерения воевод ополчения, изначально стремившихся к созданию в нем представительного земского органа, который мог бы решать дела от имени «всей земли». Позднее в Ярославле в 1612 г. будет создан такой земский собор — «совет вся земли».
- ⁸²² ...И тово Вора, которой стоит подо Псковым — т. е. Лжедмитрия III, «псковского вора» Матюшки, названного в псковской летописи беглым московским дьяконом Сидоркой. Вероятно, в этом известии отразились рассказы о приходе Лжедмитрия III из Ивангорода под Псков в июле–августе 1611 г. Лжедмитрию III присягнули в Пскове 4 декабря 1611 г., однако вряд ли слух об этом так быстро достиг Нижнего Новгорода.
- ⁸²³ Упоминание об одном «литовском короле» (т. е. короле Речи Посполитой Сигизмунде III) как о претенденте на московский престол без отказа от кандидатуры королевича Владислава весьма показательно. Оно подтверждает, что в нижегородском ополчении поддерживали цели первого земского движения, начатого в 1611 г., когда стало ясно, что король Сигизмунд III не собирался исполнять договор гетмана С. Жолкевского о призвании на московское царство королевича Владислава. Более того, король Сигизмунд III небезосновательно стали подозревать в планах воцариться в Москве, с чем не хотели мириться собравшиеся в земских ополчениях люди, справедливо усматривая в этом угрозу самостоятельному существованию Московского государства. Однако после принятия присяги королевичу Владиславу, которую должны были пройти многие из воевод и участников ополчения, отказ от поддержки его кандидатуры на трон не предпринимался в начале организации как первого, так и нижегородского ополчения.

- ⁸²⁴ Текст «смутных» грамот, которые вез сотник Т. Есипов из Коломны в Астрахань, остается неизвестным. Неясно также и то, как о них стало известно в Нижнем Новгороде (скорее всего, как и другие грамоты М. Мнишек «в Кизылбаши», т. е. Персию, документы были перехвачены в Казани). Можно лишь предположить, что поскольку речь шла об отсылке грамот из Коломны, где располагался двор М. Мнишек, то в ополчении хотели лишний раз подчеркнуть преступный характер действий бывшей русской царицы. Эти обвинения носили политический характер, в ополчении последовательно стремились не допустить нового избрания на царский престол сына М. Мнишек — «царевича» Ивана Дмитриевича.
- ⁸²⁵ Т. е. персидского посла.
- ⁸²⁶ ...а писала была она в Кизылбаши о смуте же, хотя всчати новую кровь — в известиях о попытках установления М. Мнишек контактов с Персией не учитывается, что в это время она не могла играть самостоятельной роли, находясь под покровительством и в полной власти главы казацкой части ополчения И. Заруцкого. Известно, что в более позднее время, во второй половине 1612 г., И. Заруцкий покинул подмосковные полки, разорил Коломну и вместе с М. Мнишек направился к Астрахани. Оттуда, укрепившись союзом с Персией и Ногайской ордой, он хотел снова начать войну за Москву. Следовательно, забота о поддержке Астрахани могла быть предметом обсуждения в Коломне, но о характере грамот М. Мнишек (если они существовали) и целях ее обращения в Персию можно только догадываться.
- ⁸²⁷ ...идем на полских и на литовских людей, которые ныне стоят под Сузда-лем — П. Г. Любомиров связывал с этими словами грамоты попытку противодействия в Нижнем Новгороде отряду сапежинцев (воинов умершего в Москве гетмана Я. Сапеги), отправившихся в октябре 1611 г. на зимние квартиры в Гавриловскую волость (недалеко от Суздаля), а также в связи с движением этих отрядов к Ростову, захваченному сапежинцами 26 ноября 1611 г. См.: *Любомиров П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения...* С. 69–71.
- ⁸²⁸ А как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всю землю выберем на Московское государство государя, ково нам Бог даст... — в этих словах еще раз формулируются главные цели и мотивы действий нижегородского ополчения.
- ⁸²⁹ Приезд из Нижнего Новгорода в Сольвычегодск своеобразного «посольства» с грамотами, представлявшего местную уездную дворянскую корпорацию и посадских людей Нижнего Новгорода, должен был подтвердить установившийся союз между разными группами населения, оставившими социальную рознь и действовавшими во имя общих земских

целей. Во главе посольства стоял нижегородский дворянин Д. С. Жездринский, чья дочь была замужем за одним из хозяев Вычегодской земли А. С. Строгановым, что позволяло руководителям нижегородского движения наладить более неформальные связи со всеми Строгановыми.

⁸³⁰ Упоминание о «вестях» про Великий Новгород в грамоте в Сольвычегодск показывает, что в нижегородском ополчении с самого начала стремились к действиям в союзе с «Новгородским государством», оказавшимся в тот момент оккупированным шведами. Важно это было еще и потому, что новгородский митрополит был первым митрополитом (казанский и ярославский митрополиты были следующими в иерархии), а в отсутствие патриарха новгородский владыка мог рассматриваться как глава русской церкви.

***Грамота от ярославского «Совета всея земли»
в Сольвычегодск о земских делах (7 апреля 1612 г.)***

Грамота, адресованная «именитым людям» Строгановым в Сольвычегодск 7 апреля 1612 г., — один из первых шагов нового земского правительства, образованного после прихода сил князя Д. М. Пожарского и К. Минина в Ярославль. Обращение к Строгановым было важно для любого правительства времен Смуты, так как именно они располагали необходимыми свободными средствами и ссужали деньгами московских царей. Такая просьба о присылке доходов, собранных в Сольвычегодске, содержится и в публикуемой грамоте. Однако ее текст не является простым запросом денег. В ней подробно объяснялись цели нового движения, его отличия от другого земского ополчения, находившегося под Москвой. В грамоте земского совета содержалось осмысление недавней истории, связанной с правлениями самозванного царя Дмитрия Ивановича, царя В. Шуйского, организацией земского движения П. Ляпуновым и другими событиями. Кроме того, в послании Строгановым содержалась просьба о присылке людей «для земского совета», что означало расширение сферы влияния нового центра власти. Грамоту, адресованную Строгановым, подписали собравшиеся в Ярославле члены Государева двора во главе с боярами В. П. Морозовым, князем В. Т. Долгоруковым, окольничим С. В. Головиным, а также с «князем Дмитрием Пожарским» и «выборным человеком всею землею» К. Мининым (за него расписался сам князь Д. М. Пожарский). Всего под текстом обращения к Строгановым оставили свои подписи около 50 человек, среди которых как стольники и дворяне, так и дьяки, гости и «лучшие» посадские люди Ярославля.

Публикуется по: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. М., 1836. Т. 2. № 203. С. 253–257.

- ⁸³¹ Грамота Строгановым в Сольвычегодск была отправлена спустя несколько дней после прихода основных сил нижегородского ополчения в Ярославль около 1 апреля 1612 г.
- ⁸³² Составители грамоты обращаются к церковным и светским властям (воеводе), а также к М. Я. и Н. Г. Строгановым и всем жителям Сольвычегодска. Такое обращение ко всем людям, по «чинам», подразумевало действие отдельного, малого земского совета в Сольвычегодске.
- ⁸³³ Перечисление чинов, начиная от бояр и кончая «всякими служилыми и жилецкими людьми», отражало структуру ополчения, пришедшего из Ярославля, и свидетельствовало о начале деятельности в нем «совета всея земли», что дополнительно подтверждалось рукоприкладствами (подписями) на грамоте.
- ⁸³⁴ Прекращение правящей династии в 1598 г. к этому времени стало рассматриваться как основная причина всех бед и междоусобной вражды в Русском государстве.
- ⁸³⁵ ...Потому же произволи владети Великою Росиею, из синклиту царьского величества, царю Борису... — в ополчении не было единых взглядов на правление Б. Годунова, хотя в этой фразе подчеркивается скорее негативное влияние на ход событий в государстве воцарения члена Боярской думы («синклита» — совета высших чинов).
- ⁸³⁶ ...Предотеча богоборнаго антихриста, от чина иноческого Гришка Отрепьев — в земском ополчении не скрывали своего отрицательного отношения ко всем самозванцам, в особенности первый из них — Г. Отрепьев — удостоился самых нелюбимых инвектив и обвинений в пособничестве темным силам.
- ⁸³⁷ В грамоте перечисляются обычные обвинения Лжедмитрию I, распространявшиеся во времена правления свергнувшего его царя В. Шуйского, среди них побег в Речь Посполитую, еретичество, стремление нанести ущерб православию и распространить католичество. В действительности политика «царя Дмитрия Ивановича» вполне укладывалась в представления о власти московских царей и в его царствование не было предпринято никаких шагов, позволявших говорить об осуществлении планов католической экспансии.
- ⁸³⁸ ...Произволи бо ся царьствовати царю Василью — употребление одного и того же глагола «произволи» как к характеристике власти царя Б. Годунова, так и царя В. Шуйского, намекало на то, что все случилось больше по человеческой воле, чем по действию провидения, что в представлениях людей того времени было однозначным упреком.
- ⁸³⁹ Здесь упоминается о восстании под предводительством И. Болотникова. Действуя во имя свергнутого царя Дмитрия Ивановича, которого они считали спасшимся, болотниковцы расправлялись со сторонниками

царя В. Шуйского и в начале декабря 1606 г. осадили Москву. Только решительные действия царских воевод помогли отогнать войско И. Болотникова от Москвы. Понадобился еще почти целый год и царский поход на Тулу, чтобы окончательно справиться с угрозой, исходившей от этого войска.

⁸⁴⁰ Лжедмитрий II объявился в Стародубе, в Северной земле, в июне 1607 г.

⁸⁴¹ Обвинения короля Сигизмунда III в нарушении мирного договора с царем Б. Годуновым, заключенным в 1602 г., выглядят преувеличением. Первоначальную поддержку Лжедмитрию II оказали враги короля, устроившие в 1606–1607 гг. «рокош» (восстание шляхты) в Речи Посполитой.

⁸⁴² Изначально польско-литовские сторонники Лжедмитрия II, среди которых были и православные выходцы из Речи Посполитой, не допускали эксцессов в отношении церкви. Потом, в ходе боев тушинцев, осаждавших Троице-Сергиеву Лавру в 1608–1610 гг., нападений тушинских отрядов на города — центры архиепископств и монастыри, наемное войско самозванца действительно превратилось в церковных грабителей.

⁸⁴³ «Царевич» Петр Федорович, «Петрушка», находился в войске восставших под предводительством И. Болотникова, был взят в плен в Туле в октябре 1607 г., впоследствии казнен.

⁸⁴⁴ Осада Москвы войском самозванного царя Лжедмитрия II продолжалась с июня 1608 г. по март 1610 г.

⁸⁴⁵ ...Наруша крестное целование и мирное постановление, что было утверждено с царем Василием, пришед под Смоленск — договор о перемирии царя В. Шуйского и короля Сигизмунда III был заключен летом 1608 г. Король Сигизмунд III пришел во главе своего войска под Смоленск в сентябре 1609 г.

⁸⁴⁶ Полтретья — т. е. два с половиной.

⁸⁴⁷ Далее в публикации документа пропуск текста, по смыслу речь идет о присылке послания к патриарху, Боярской думе и всем людям Московского государства об избрании на русский престол королевича Владислава.

⁸⁴⁸ См. текст договора с гетманом С. Жолкевским 17 августа 1610 г. и комментарий к нему в настоящем издании.

⁸⁴⁹ Здесь содержится отсылка к договору московских бояр с гетманом С. Жолкевским в августе 1610 г. В одном из пунктов этого документа говорилось, что после того как Лжедмитрий II будет убит или захвачен в плен, гетман со своим войском должен будет отойти в Можайск. В итоге, как известно, расквартированный в Москве под предлогом борьбы с Лжедмитрием II гарнизон польско-литовских войск оставался в столице, пока ее не освободили земские ополчения. Не был выполнен и пункт

договора о приостановлении смоленской осады. Король Сигизмунд III взял Смоленск приступом 3 июня 1611 г.

- ⁸⁵⁰ ...лжеименитый царь из Колуги пришел под царствующий град и стал в Коломенском — речь о действиях Лжедмитрия II. После побега из Тушина, где войско стало ориентироваться на договор с королем Сигизмундом III, самозванец утвердился в новой столице в Калуге. Туда приехала к нему и М. Мнишек. В июле 1610 г., после сведения с престола царя В. Шуйского, самозванный царь Лжедмитрий II решил использовать свой шанс и пришел со своими сторонниками под Москву, чтобы захватить царский престол.
- ⁸⁵¹ ...Царя Василья с братьею, утаяся ото всей земли, отослали к королю под Смоленск... — история с выдачей бывшего царя В. Шуйского королю Сигизмунду III оказалась одной из самых неприглядных страниц Смутного времени. В договоре московских бояр с гетманом С. Жолкевским судьба князей Шуйских не была определена, более того, именно под охраной польско-литовских войск, снова оказавшихся союзниками, бывший царь и другие члены рода князей Шуйских могли чувствовать себя в безопасности от покушений на их жизнь. Весьма показательно, что в ополчении обвиняли Боярскую думу в тайном характере действий в отношении бывшего царя, чья судьба была решена без участия «всей земли», т. е. земского собора.
- ⁸⁵² Посольство митрополита Филарета и боярина князя В. В. Голицына было направлено, чтобы утвердить у короля Сигизмунда III договор о призвании на русский престол королевича Владислава. Однако вскоре участники посольства выяснили, что король не собирался выполнять договора своего гетмана, заподозрив Сигизмунда III в намерениях самому воцариться в Москве. Участники смоленского осадного сидения заняли выжидательную позицию и не стали, как в Москве, торопиться с тем, чтобы впустить в город польско-литовский гарнизон. В итоге посольство очень быстро распалось, его руководители были задержаны королем Сигизмундом III и превратились в пленников, вооруженная осада Смоленска была продолжена. См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
- ⁸⁵³ ...и внутри царствующаго града костелы поставили — речь, видимо, о костеле, устроенном в Кремле для католических богослужений.
- ⁸⁵⁴ Как свидетельствуют разные источники, царская казна, попавшая в руки новых польско-литовских правителей, действительно была расхищена ими, так как из нее они брали драгоценности в уплату своих «заслуг» во время войны на стороне Лжедмитрия II. При существовании тушинского правительства этот самозванный царь не спешил расплачиваться с наемным войском, видимо, полагая, что оно вполне в состоянии обеспечить себя грабежом подвластного населения. Но воины Лжедмитрия II никог-

да не забывали этих прежних долгов и обсуждали их возмещение даже с королем Сигизмундом III.

⁸⁵⁵ Земское движение по созданию первого ополчения началось из Рязани в конце декабря 1610 — начале января 1611 г., где воевода П. П. Ляпунов выступил с призывом перестать поддерживать сидевших в Москве бояр и их польско-литовских союзников.

⁸⁵⁶ Первое ополчение пришло под Москву около 1 апреля 1611 г.

⁸⁵⁷ Черные волости — государственные черносошные земли.

⁸⁵⁸ «Вор Сидорка» — он же Лжедмитрий III, «Псковский вор».

⁸⁵⁹ Лжедмитрий II был убит 11 декабря 1610 г., после чего, действительно, его обезглавленное тело еще в течение 40 дней не предавали земле.

⁸⁶⁰ Здесь речь о созыве в Ярославле Земского собора или «совета», в котором должны были принять участие представители Сольвычегодска.

⁸⁶¹ Т. е. в полки подмосковного ополчения во главе с князем Д. Т. Трубецким и И. Заруцким.

⁸⁶² ...А бьют челом всей земле — т. е. обращаются к правительству, «совету вся земли».

⁸⁶³ ...Чтоб нам всем единокупно за свою веру и за отечество против врагов своих безсумненной верою стояти — в этих словах из грамоты ополчения очень емко выражены высокие, патриотические цели создания ополчения, где борьба за «отечество» связывалась еще и с борьбой за «веру».

⁸⁶⁴ Принцип самообложения, видимо, был предложен К. Мининым и впервые опробован в Нижнем Новгороде. Потом этот принцип сбора казны на нужды земского ополчения применялся и в других городах, правда, не без сопротивления. Когда ополчение пришло в Ярославль, то ярославский земский староста Г. Никитников и другие лучшие посадские люди отказались платить этот чрезвычайный сбор, но были «убеждены» К. Мининым, угрожавшим им арестом. В итоге они вошли в земский совет, и подписи Никитниковых, Светешниковых и Лыткиных присутствуют под текстом публикуемой грамоты.

⁸⁶⁵ 7120 апреля в 7 день — дата, как и во всех других источниках того времени, дана по счислению от сотворения мира, от Рождества Христова — 7 апреля 1612 г.

«Утвержденная грамота» 1613 года об избрании на царство Михаила Федоровича Романова

«Утвержденная грамота» — настоящий символ окончания Смуты в 1613 г. В ней было дано «историческое» обоснование избрания на царство Михаила Федоровича, показано, как обстоятельства Смуты привели к общему вы-

бору людей, желавших видеть на престоле одного из Романовых. Родство царя Михаила с угасшей династией прежних царей рассматривалось как самое важное условие возвращения к прежнему порядку управления. Даже само содержание «Утвержденной грамоты» повторяло уже найденную форму другой подобной грамоты, связанной с избранием на царство Б. Годунова. В свою очередь оба документа опирались на «идеологическую программу», сформулированную ранее в XVI в. и идущую от «Сказания о князьях владимирских» и «Степенной книги». Как впервые установил С. Ф. Платонов, при составлении «Утвержденной грамоты» были использованы прежняя избирательная грамота царя Б. Годунова, наказ костромскому посольству об избрании на царство Михаила Федоровича и известительная грамота из Костромы о его согласии. Отдельную научную проблему представляет анализ рукоприкладств на «Утвержденной грамоте». Здесь остаются значимыми выводы П. Г. Любомирова, доказавшего, что подписи под грамотой собирались не одновременно, а в течение нескольких лет. Он также оспорил мнение ряда исследователей о возможной корректировке грамоты после возвращения из литовского плена митрополита Филарета — отца царя М. Романова. Большую источниковедческую работу по изучению текста и публикации «Утвержденной грамоты» 1613 г. провел С. А. Белокуров. Он показал, что грамота получила оформление в двух равноценных оригиналах с подлинными рукоприкладствами, которые классифицируются исследователями условно как Архивский экземпляр, происходящий из Государственного древлехранилища Главного архива Министерства иностранных дел (в настоящее время хранится в Российском государственном архиве древних актов), и экземпляр Оружейной палаты Московского Кремля. «Утвержденная грамота» об избрании Михаила Федоровича первоначально была опубликована в «Древней Российской вивлиофике» Н. И. Новикова в 1774 и 1778 гг. и в первом томе «Собрания государственных грамот и договоров» в 1813 г. Обе публикации воспроизводили рукопись Оружейной палаты. Когда Общество истории и древностей Российских при Московском университете в начале XX в. задумало переиздать этот памятник фототипически, то за основу издания оно взяло столбец с «Утвержденной грамотой» из Государственного древлехранилища (архивский экземпляр). Помещаемый в настоящем издании текст публикации С. А. Белокурова адаптирован, употребляющиеся в ней буквы старого русского алфавита «ять», «и десятиричное» заменены по смыслу на «е» и «и», «ер» в конце слов опускается. См. также: Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1912; Любомиров П. Г. О рукоприкладствах на «Утвержденной грамоте» // Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Переизд. М., 1939. С. 242–270.

Текст печатается по: Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / С предисл. С. А. Белокурова. М., 1906.

- ⁸⁶⁶ Мотив происхождения династии русских царей от императора Августа заимствован из «Сказания о князьях владимирских».
- ⁸⁶⁷ *Рюрик* — варяжский князь, согласно «Повести временных лет», был призван в земли словен на княжение в Новгороде в 862 г.
- ⁸⁶⁸ Составитель «Утвержденной грамоты» выстраивает генеалогию первых князей-Рюриковичей с учетом главного, по его представлению, — того, где находился княжий стол. Он приписал князю Игорю деяния его предшественника Олега, чье родство с Рюриком остается неясным. Суть вклада Олега, ставшего основателем Древнерусского государства, впервые объединившего под общей властью новгородский север и киевский юг в 882 г., передана в грамоте верно («и из Великаго Новагорода в преславный град Киев переселися»). Олег в 907 г. действительно ходил походом в Византию и осаждал стены Константинополя, хотя, конечно, речь ни о каком подчинении властителей Восточной Римской империи не могла идти. Византийцы предпочли договориться с предводителем варяжских и русских отрядов Олегом, согласились уплатить контрибуцию («дань»), что и могло послужить основанием для осмысления всего похода Олега как его победы над византийскими императорами. Результатом походов на Константинополь стало заключение договора Олега с Византией в 911 г., по которому русские купцы получали возможность беспоплино торговать в Константинополе. Сын Рюрика, князь Игорь, правивший в 912–945 гг., вступил в новую войну с Византией только тогда, когда истек тридцатилетний срок прежнего договора. Однако его поход 941 г. оказался неудачным. Новый договор Руси с Византией был заключен в 944 г.
- ⁸⁶⁹ Составитель «Утвержденной грамоты» пропустил время правления княгини Ольги, ставшей самовластной правительницей, «королевой русов», как она именovala себя. Князь Святослав после смерти отца был ребенком, поэтому регентство Ольги было вполне логичным. Однако даже когда князь Святослав повзрослел, его мать не спешила передать ему бразды правления. Первые сведения в «Повести временных лет» о начале самостоятельных походов Святослава относятся к 964 г., с которого отсчитывается время его самостоятельного правления. Завоевание Дунайской Булгарии в 968 г. стало главным делом князя Святослава, мечтавшего основать свою «державу» с центром в Переяславце на Дугае. Сведения о 80 «градах», захваченных Святославом, взяты из летописи.
- ⁸⁷⁰ Сии трие Росийские государи беша до крещения, понеже Руская земля баше во тме неверия, и омраченна прелестию кумирслужения — в «Утвержденной грамоте» подчеркнуто деление русской истории на время до и после крещения, «кумирслужением» называются языческие верования, связанные с поклонением изображениям языческих богов, например, Перуна, о чем было известно из первоначальной летописи.

- ⁸⁷¹ Князь Владимир Святославич еще ребенком был отправлен князем Святославом на княжение в Новгород весной 969 г. В 977/978 г. началась война между сыновьями Святослава — киевским князем Ярополком и князем Олегом, владевшим Древлянской землей, в ходе которой погиб Олег. Опасаясь за свою судьбу, Владимир сначала бежал из Новгорода, а потом пришел с варяжской дружиной и захватил Киев. В итоге старший из братьев Святославичей — князь Ярополк — был убит. В своих военных походах князь Владимир отличался жестокостью и циничными расправами с непокорными. До определенного времени он стремился организовать и приспособить языческие культы к интересам княжеской власти. И все же братоубийца, язычник и многоженец князь Владимир, называемый в русских летописях Владимиром Красное Солнышко, остался в истории как один из самых выдающихся правителей русского государства. Это подчеркнуто в «Утвержденной грамоте», называющей Владимира «великим государем». Главным деянием князя Владимира стало крещение Руси, что отразилось в причислении князя к лику святых и в именовании его «равноапостольным». Впоследствии он действительно немало сделал для утверждения христианства на Руси, построил в Киеве Десятинную церковь, ввел церковную десятину и пытался следовать в своем правлении христианским добродетелям, вводя церковный суд и раздавая милостыню. Подчеркнута в «Утвержденной грамоте» и государственная деятельность князя Владимира, сделавшая его «самодержавным» правителем (*и разширения ради своих государств самодержавный именован бысть*). В первую очередь здесь должны быть названы войны с печенегами, объединение под властью князя Владимира восточнославянских племен, некогда выплачивавших дань киевским князьям, строительство новых городов по рекам Десне, Остру, Трубежу и Суле.
- ⁸⁷² По великом государи Владимире самодержавство восприим, скифетр Российскаго царствия — эти слова показывают, что основная цель изложения событий русской истории во вводной части «Утвержденной грамоты» состояла в доказательствах преемственности самодержавной власти. Для начала XI в., когда жили князья Владимир и Ярослав, ни о каком Российском царстве говорить не приходится, даже название страны — Россия — появится значительно позднее, в XVI в. Из всех характеристик первых русских князей выделяются исключительно их успешные войны и достигнутое ими расширение территории Русского государства.
- ⁸⁷³ *Ярослав Мудрый* — сын великого князя Владимира Святославича, новгородский князь. Незадолго до смерти своего отца поднял мятеж в Новгороде, участвовал в междоусобной борьбе сыновей Владимира, зимой 1016/17 г. вступил в Киев, но не удержался на киевском «столе» и потерпел поражение от польского короля Болеслава Великого, поддерживавшего в борьбе за Киев своего зятя князя Святополка, старшего брата

Ярослава. В 1019 г. вернулся в Киев и княжил там до самой смерти в 1054 г. Слова «Утвержденной грамоты» о князе Ярославе *иже Болеслава короля победы* не просто не соответствуют действительности, а прямо противоречат ей. Князь Ярослав Мудрый сумел преодолеть катастрофические последствия неудачной войны с Болеславом, но случится это уже после смерти польского короля в 1025 г. и начала внутренней смуты в Польше. В итоге в результате ряда походов в Польшу в 1030–1040-е гг. князь Ярослав выиграл исторический спор с Польшей за Червенские города (в Волыни и частично Галиции). Он сумел еще дальше отодвинуть границу Русского государства, переселив «ляхов» из Побужья и выстроив форпосты по правому притоку Днепра реке Рось (в том числе Юрьев Русский в районе нынешней Белой Церкви). В дальнейшем князь Ярослав помог польскому королю Казимиру восстановить единство Польши и заключил с ним русско-польский союз, скрепленный браком польского короля и сестры Ярослава. Также составитель «Утвержденной грамоты» был далек от истины, когда писал, что князь Ярослав *...и Греков послушных сотвори*. В этой фразе отразились сведения о последнем походе русских князей на Царьград в 1043 г. Во главе армии стоял старший сын Ярослава — князь Владимир Ярославич. Однако в морском бою у Константинополя ладьи князя были сожжены «греческим огнем» (горючей смесью на основе нефти), войско частью затонуло, а частью было перебито на берегу. Впоследствии, уже отступив от Константинополя, русские корабли смогли нанести поражение преследователям и захватить трофеи, но явно не это было целью всего похода. Кроме того, войско, вынужденно возвращавшееся домой по суше, было перебито и взято в плен около Варны. И все же, спустя несколько лет, в 1046 г. был заключен русско-византийский союз между князем Ярославом и императором Константином IX Мономахом. Благодаря договоренности о браке сына князя Ярослава Мудрого Всеволода с дочерью византийского императора русская княжеская династия получила очевидные династические преимущества.

- ⁸⁷⁴ *Всеволод Ярославич* — четвертый сын Ярослава Мудрого (родился около 1030 г.), княжил в Переяславле, в итоге междоусобной борьбы между братьями Ярославичами стал киевским князем, умер в 1093 г. В «Утвержденной грамоте» говорится о том, что князь наследовал «российское государство» от отца, хотя на самом деле его вокняжению в Киеве предшествовала долгая война, когда киевский стол занимали разные князья. Ошибочно было бы приписать этому князю успехи борьбы с печенегам, которые пали прежде всего под ударами половцев, появившихся в Степи в 1054 г. В год смерти князя Всеволода Ярославича половцы нанесли тяжелое поражение русским войскам на реке Стутне, а половецкий хан Боняк подходил к Киеву и разорил Киево-Печерский монастырь.

Решающая битва с половцами произошла позднее — при Владимире Мономахе, в 1111 г., когда половецкая угроза действительно ослабла на некоторое время. Один из сыновей князя Владимира Мономаха — Юрий Долгорукий был женат на дочери хана Боняка.

⁸⁷⁵ *Владимир Мономах* — сын князя Всеволода Ярославича, правил в Киеве с 1113 по 1125 гг. Один из самых известных князей Древней Руси, оставивший «Поучение» своим детям — выдающийся литературный памятник. В «Утвержденной грамоте» выделяется принятие им венца Мономаха, о чем рассказывалось в Степенной книге XVI века. ...*И своим храбрым подвигом Фракию Царяграда поплени* — составитель грамоты, вероятно, спутал войны с Волжской Булгарией, которые вел Владимир Мономах, и приписал ему войну с Болгарским царством на границах Византийской империи.

⁸⁷⁶ *Юрий Долгорукий* — в 1125–1157 гг. княжил в Ростово-Суздальской земле, около 1155 г. занял киевский стол.

⁸⁷⁷ *Всеволод Юрьевич Большое Гнездо* — сын Юрия Долгорукого, княжил во Владимире в 1176–1212 гг. Автор «Утвержденной грамоты» «пропустил» княжение его старшего брата Андрея Боголюбского, с именем которого было, как известно, связано начало самостоятельности Владимиро-Суздальской Руси.

⁸⁷⁸ *Ярослав Всеволодович* — один из сыновей Всеволода Большое Гнездо, новгородский князь, ему в 1243 г. впервые из рук татарского хана Батыя достался ярлык на владимирское великое княжение. Несколько лет спустя он был отравлен, когда был вызван ханом Гуюком в столицу Монгольской империи Каракорум. Отец князя Александра Ярославича Невского и князя Андрея Ярославича.

⁸⁷⁹ *Александр Невский* — великий князь, святой Русской Православной церкви, победитель в Невской битве со шведами 15 июля 1240 г. и в Ледовом побоище с крестоносцами 5 апреля 1242 г.; в 1247 г. получил ярлык на киевское княжение, но отказался править в Киеве и вступил в борьбу за владимирский великокняжеский стол, с 1252 по 1263 гг. владимирский великий князь, был одним из проводников ордынской политики на Руси, виновником нашествия «Неврюевой рати» в 1252 г., утверждения режима ордынских баскаков в Новгородской и Псковской земле в конце 1250-х гг. Умер, возвращаясь из ордынской столицы Сарая, в 1263 г. Хан Берке (1256–1266) сменил умершего хана Батыя, он так же, как и другие ордынские властители, по своему умотрению решал дела русских земель.

⁸⁸⁰ *Даниил Александрович* — сын Александра Невского, стал московским великим князем по завещанию своего отца, воевал со старшим братом — владимирским великим князем Андреем Александровичем Городецким. С князем Даниилом Александровичем связывается возвышение Москвы, от-

воевавшей у рязанских князей Коломну в 1301 г. и получившей по завещанию Переяславское княжество. Умер в 1303 г.

⁸⁸¹ *Иван Данилович Калита* — московский великий князь в 1325–1340 гг. (до него московским великим князем был Юрий Данилович, не упомянутый в «Утвержденной грамоте»). Именно с Ивана Калиты начинается настоящее возвышение Москвы, основанное на подчинении Орде, чьим данником и помощником в усмирении мятежной тверской земли показал себя московский князь. С Ивана Калиты начинается процесс перевода в Москву из Владимира митрополичьей кафедры. В своей политике Иван Калита умело использовал и «мирные» способы присоединения новых земель к Московскому княжеству, покупая ярлыки на них в Орде. Кроме того, московскому князю было доверено право сбора «ордынского выхода», что, видимо, позволило унифицировать сборы и больше не прибегать к насилиям ордынских карательных отрядов. Во всяком случае, время Калиты вспоминалось потом, по словам летописей, как освобождение от «великой истомы, многих тягот и насилия татар».

⁸⁸² *Иван Иванович Красный* — московский великий князь в 1353–1359 гг., сменивший на престоле брата — Семена Ивановича Гордого, правившего в Москве в 1340–1353 гг.

⁸⁸³ *Дмитрий Иванович Донской* — московский великий князь (1359–1389), получил ярлык на владимирское великое княжение, воевал с нижегородским и суздальским князем Дмитрием Константиновичем, впоследствии заключил с ним мир и женился на его дочери Евдокии. Отразил набеги на Москву литовского князя Ольгерда, организовал коалицию русских князей для борьбы с тверским князем Михаилом Александровичем, не пустив его на великое владимирское княжение, несмотря на полученный в Орде ярлык. Главным деянием князя, что нашло отражение в его прозвище, стала первая большая победа русских войск над ордынцами в битве с Мамаем, одержанная под его предводительством на поле Куликовом на Дону 8 сентября 1380 г.

⁸⁸⁴ *Василий I Дмитриевич* — великий князь (1389–1425), при нем пределы московского княжения еще больше расширились, включив Тарусское и Муромское княжества, он выкупил в Орде ярлык на Нижегородское княжение в 1392 г. В 1395 г. русские земли столкнулись с угрозой нового нашествия среднеазиатского правителя и завоевателя Тимура (Тамерлана), дошедшего со своим войском до Ельца. В этот момент из Владимира в Москву была перенесена икона Богоматери Владимирской, написанная, по преданию, евангелистом Лукой. Ее заступничеству приписали труднообъяснимый уход Тамерлана от Ельца. В дальнейшем Василий I неудачно воевал со своим тестем, литовским князем Витовтом, уступив ему смоленскую землю. Попытка князя перестать платить «ордынский выход» привела в 1408 г. к новому походу в русские земли эмира Едигея,

который сравнивали с нашествием Батыя. Все же Василию I Дмитриевичу удалось укрепить положение московского княжества, присоединив к нему Великий Устюг и поставив под контроль города на границе с Новгородской землей — Волок Ламский и Торжок.

⁸⁸⁵ *Василий II Васильевич* — великий князь с 1425 по 1462 гг., в годы его правления случилась «великая замятня» в доме Калитовичей, вылившаяся в четвертьвековую междоусобную борьбу между великим князем и его дядей, князем Юрием Дмитриевичем Галичским и Звенигородским, а также сыновьями последнего Василием Косым и Дмитрием Шемякой. В 1445 г. он попал в плен в сражении с казанскими татарами около Суздаля, условием его освобождения и возвращения стала уплата огромного выкупа. Этим воспользовался Дмитрий Шемяка, обвинивший великого князя в «наведении» ордынцев и сам захвативший власть в Москве в феврале 1446 г. Василий II был пленен и ослеплен, получив прозвище Темный.

⁸⁸⁶ *Иван III* (1462–1505) — великий князь, создатель единого Русского государства, при котором страна избавилась в 1480 г. от ордынской зависимости. Составитель «Утвержденной грамоты» при характеристике этого великого князя выделил, во-первых, распространение власти Ивана III на древнерусские города, попавшие в течение столетий, прошедших после нашествия Батыя, в подданство к великим князьям литовским и польским королям. Ивану III действительно в ходе так называемой пограничной войны с Литвой в 1487–1494 г. удалось присоединить Чернигово-Северскую и часть Смоленской земли. Эти приобретения были закреплены после победы русских войск в знаменитой битве на реке Ведроше в Смоленской земле в июле 1500 г. Во-вторых, в «Утвержденной грамоте» говорилось о покорении Иваном III Новгорода, чья политическая самостоятельность была ликвидирована в январе 1478 г. Титул самодержца был принят Иваном III несколько позднее, когда в 1485 г. в состав единого государства была включена еще и Тверская земля.

⁸⁸⁷ *Василий III* — великий князь (1505–1533), при нем был присоединен Смоленск в 1514 году, что было особенно важно напомнить составителю «Утвержденной грамоты» (*великое княжество Смоленское, от Польского королевства отторже, и к себе привлече и послушны сотвори*). Новая война за Смоленск, отторгнутый уже у России в Смутное время королем Сигизмундом III в ходе осады 1609–1611 гг., начнется сразу же в первые годы царствования царя Михаила Федоровича.

⁸⁸⁸ *Иван IV Грозный* (1530–1584) — великий князь (с 1533) и первый русский царь (с 1547), создатель Московского царства.

⁸⁸⁹ Венец на главу свою восприят, его же взыска от древних лет, от прародителя своего великого государя от Владимира Манамаха — в правление

Ивана IV Васильевича Грозного в первую очередь было выделено его венчание на царство. Согласно «Чину венчания», на царей возлагалась так называемая шапка Мономаха, что символизировало преемственность русских царей как с их предками Рюриковичами, так и с византийскими царями.

- ⁸⁹⁰ Все окрестные государства имени его трепетали, зане знаменит бы и храбр, и в победах страше — эта характеристика составителей «Утвержденной грамоты» объясняет прозвище Ивана IV — Грозный. Хотя показательно, что в тексте грамоты, как и во многих других источниках, говорилось о «страхе», который царь внушал окрестным государям, а не его «грозе».
- ⁸⁹¹ В «Утвержденной грамоте» подчеркнут аспект религиозной борьбы Ивана Грозного с татарами-мусульманами в результате завоеваний Казанского ханства (1552), Астраханского ханства (1556) и Сибири (1581–1584).
- ⁸⁹² Но ипаче же от потрясения меча ево Германсти родове устрашишася — Ливонская война (1558–1583), начатая Иваном Грозным, оказалась неудачной для Русского государства. Хотя на некоторых ее этапах успех сопровождал русским войскам и царю Ивану Грозному удалось завоевать некоторые ливонские города, впоследствии их не удалось удержать под скипетром его короны.
- ⁸⁹³ Федор Иванович — сын Ивана Грозного, царь и великий князь (1584–1598). Составитель «Утвержденной грамоты» подчеркивает столь важное для Романовых родство с прежней династией через первую супругу царя Ивана IV — А. Р. Юрьеву.
- ⁸⁹⁴ И во всем бысть земный ангел и небеснаго пресветлаго рая житель — в «Утвержденной грамоте», как и в других русских источниках того времени, подчеркивается богомольность царя Федора Ивановича. Превознося его заслуги, не вспоминали стоявшего рядом с троном «правителя» Б. Годунова.
- ⁸⁹⁵ См. комм. 45.
- ⁸⁹⁶ Феодосия Федоровна — царевна, дочь царя Федора Ивановича и Ирины Годуновой, родилась в 1592 г., но прожила недолго и умерла в начале 1594 г.
- ⁸⁹⁷ Эти слова «Утвержденной грамоты» подтверждают, что царица Ирина Федоровна получила царскую власть по завещанию умершего царя. Сохранились даже некоторые распоряжения, сделанные ею одною, как царицей, в январе 1598 г., касавшиеся отпуска тюремных сидельцев и местных дел бояр и воевод.
- ⁸⁹⁸ *А душу свою праведную приказал* — оборот речи, связанный с перечислением душеприказчиков в духовной грамоте, каковыми здесь называют-

ся патриарх Иов, царский «брат» боярин Ф. Н. Романова и царский шурин и брат царицы Б. Ф. Годунов. Заметно стремление составителя «Утвержденной грамоты» «вписать» род Романовых в традицию престолонаследия, идущую от завершителя династии Рюриковичей — царя Федора Ивановича. Кроме того, «брат» царя (на самом деле двоюродный), выше по местам, чем родственник и тоже брат царя, но по жене — Борис Годунов.

⁸⁹⁹ *Иов* — первый патриарх московский, избранный на патриаршество в 1589 г., был последовательным сторонником Б. Годунова, поддержал и обосновал передачу ему царского трона. Был низведен с патриаршего престола восставшими сторонниками Лжедмитрия I в начале июня 1605 г. и удален в ссылку в Старицу, где начиналось его монашеское служение. В начале 1607 г. при царе В. Шуйском был возвращен в Москву, «разрешил» москвичей от клятв и присяг самозванцу. Умер в 1607 г. и похоронен в Успенском соборе в Кремле.

⁹⁰⁰ См. комм. 66, 70, 234 о Филарете — Федоре Романове.

⁹⁰¹ *Годунов* Борис Федорович — потомок старомосковского боярского рода, происходившего из Костромы и связанного с костромским Ипатьевским монастырем. Родился в начале 1550-х гг., вместе с сестрой И. Годуновой был взят в царский дворец еще ребенком. Входил в состав опричного двора Ивана Грозного, был женат на дочери М. Скуратова. После смерти царя Ивана Грозного в 1584 г. стал одним из самых приближенных лиц нового царя Федора Ивановича. В действиях Б. Годунова — брата царской жены и опытного царедворца — многие современники и историки видели едва ли не постоянное стремление к «высшей власти». В связи с этим ему приписывается убийство царевича Дмитрия в 1591 г. и многие другие преступления. В реальности образ Б. Годунова был сложнее. Он был правителем при слабом здоровье (а по самым злым отзывам литовских послов — и умом) царе Федоре Ивановиче. Безусловный талант Б. Годунова признавался многими, например, англичане писали к нему как к «канцлеру» всего государства. Однако Годунов не зря прошел школу Ивана Грозного и жестоко расправлялся с врагами, мечтавшими оттеснить его от трона. Правда, при этом он выбирал не открытые казни времен опричнины, а ссылки и опалы на весь род, как это произошло сначала с князьями Шуйскими, а потом с Романовыми. Избранный на царство в 1598 г., Б. Годунов сумел несколько лет править так, что эти годы вспоминались как самое благословенное время. Однако в итоге из-за обрушившегося голода, внутренних неурядиц и появления самозванца власть Б. Годунова пошатнулась. Он скоропостижно умер 13 апреля 1605 г.

⁹⁰² ...Восприяти иноческий ангилский образ... — т. е. постричься в монахи.

⁹⁰³ Московский Новодевичий монастырь.

- ⁹⁰⁴ Избрание на царство Б. Годунова состоялось 21 февраля 1598 г.
- ⁹⁰⁵ В указании на венчание на царство Б. Годунова в «Утвержденной грамоте» содержится несколько принципиальных моментов: «благословение» сестры царицы инокини Александры Федоровны, «умоление и благословение» патриарха, освященного и земского соборов, а также ссылка на «древний» чин венчания и возложения царских регалий.
- ⁹⁰⁶ И за умножение грех наших — объяснение причин наступившей Смуты как наказания за грехи стало одним из самых распространенных в то время.
- ⁹⁰⁷ Начало злу сему бысть от коруны Полские и великого княжества Литовского, от Жигимонта короля и от панов рад — здесь в «Утвержденной грамоте» начинается изложение истории появления Лжедмитрия, в чем обвиняли короля Сигизмунда III (*Жигимонта*) — правителя соседнего Польского королевства и Великого княжества Литовского, а также его советников (*панов-рад*).
- ⁹⁰⁸ В лето 7110-го убежа из обители архангыла Михаила, еже ся нарицает Чудов — 7110 г. от сотворения мира соответствует 1601/02 г. от Рождества Христова. В тексте грамоты приводится верная дата ухода Лжедмитрия из Москвы. Согласно «Извету Варлаама», это произошло в Великий пост 1602 г., когда чудовский монах Г. Отрепьев уговорил старца Варлаама идти из Москвы в Чернигов и Киев на богомолье.
- ⁹⁰⁹ *Отрепьев* Григорий, Лжедмитрий I — самозванец, возведенный на русский престол в июне 1605 г. после свержения наследника царя Б. Годунова, царевича Федора Борисовича. Происходил из галичских детей боярских, как и сказано об этом в «Утвержденной грамоте», сын стрелецкого сотника Б. Отрепьева, убитого в Москве. Вместо службы в уездных детях боярских стал служить в холопах в боярских дворах, в частности у М. Н. Романова. Поступил служить в монастырь, считалось, что он пребывал в костромских и суздальских монастырях, а потом появился в Москве и поступил в Кремлевский Чудов монастырь, где был монахом его дед Замятня. В монастыре получил чин дьякона (*дьякон черной*, как говорится о нем в «Утвержденной грамоте», — т. е. принадлежащий к монашеству, а не белому духовенству), был в келейниках у архимандрита Чудовского монастыря. Выказывал очевидные способности к книжному учению и письму, поэтому был взят к патриарху Иову для переписки рукописей. За какую-то вину был осужден, его собирались сослать в далекий монастырь. В начале 1602 г. подговорил к уходу из Москвы монахов В. Яцкого и М. Повадина. Вместе с ними ушел сначала в Новгород-Северский Спасский монастырь, а оттуда — в Литву. В Киеве жил в Киево-Печерском монастыре и безуспешно пытался найти поддержку у киевского князя Константина Острожского. Ушел на Волынь, где расстался со

своими спутниками, снял свое чернеческое платье и поступил в арианскую школу в Гоше. Летом 1603 г. оказался на службе у князя А. Вишневецкого, которому «открылся» в болезни, что является прирожденным «московским царевичем» Дмитрием. Князь А. Вишневецкий решил оказать ему помощь и познакомил его со своим братом князем К. Вишневецким и сандомирским воеводою Ю. Мнишеком, сыгравшими главную роль в возведении на престол Лжедмитрия I.

- ⁹¹⁰ И рукописание врагом дав на ся, аще станетца царского венца действием, и хто чужж благодати Божия будет на веки — составитель «Утвержденной грамоты» стремится показать, что Лжедмитрий I действовал как «черно-книжник» и отступник от православия, выдавший «врагам» (кому?!) некое «рукописание» с отречением от веры.
- ⁹¹¹ Аще и кормчии мудри беша, но ярость моря сих повреди, и суетну мудрость их сотвори — этой фразой в «Утвержденной грамоте» косвенным образом оправдываются члены Освященного собора и Боярская дума, принявшие самозваного царя и возведшие его на царство со всеми почестями.
- ⁹¹² Игнатий, архиепископ рязанский, одним из первых поддержал самозванца на его пути в Москву. Его служба не была забыта, и в конце июня 1605 г. он был интронизирован на патриарший престол, сменив насильно отправленного «на покой» первого патриарха Иова. После свержения самозванца, Игнатия сменил казанский митрополит Гермоген, несколько лет Игнатий жил в Кремле, пока в 1610 г. ему не удалось уехать из Москвы. Последние годы жизни провел в Вильно, где стал сторонником униатской церкви.
- ⁹¹³ И многая латынская учителя с собою приведе не точию ис Польши, но и из Риму от папы — сведения о присутствии в свите Лжедмитрия I «многих» католических священников не только из Польши, но и направленных от папы Климента VIII из Ватикана источниками не подтверждаются. На самом деле вместе с Лжедмитрием еще в Путивле находилось двое монахов-иезуитов, но их роль и влияние на события были ничтожны как в путивльский период, так и позднее, во время похода самозванца на Москву. Несколько католических священников приехало в Москву также в свите М. Мнишек в начале мая 1606 г., но они или погибли во время переворота в Москве 17 мая 1606 г., или оказались впоследствии в плену и ссылке.
- ⁹¹⁴ И взем за ся проклятый у поляка воеводы Сандомирского, дщерь Римские ереси — здесь говорится о женитьбе Лжедмитрия I на дочери сенатора Речи Посполитой, сандомирского воеводы Ю. Мнишека, при поддержке которого был осуществлен поход самозванца в Московское государство. По заключенному между Лжедмитрием и воеводою Ю. Мнише-

ком договору, после достижения трона и венчания на царство «царевич» обязывался взять в жены М. Мнишек, что и было исполнено. В грамоте подчеркивается то, что она была католичкой, а папа Римский и католики обвиняются, ни больше ни меньше, как в ереси.

⁹¹⁵ По каноническим правилам, для католиков, уже принявших христианское крещение, не требовалось полного повторения этого обряда. И без этого в браке «царя Дмитрия» и М. Мнишек существовало достаточно конфессиональных затруднений. Ей не было дано в Риме разрешение на принятие причастия из рук православного патриарха, однако это не стало препятствием для совершения обряда в Успенском соборе Московского Кремля. Обвинение самозванца в том, что М. Мнишек все-таки причастилась у патриарха во время церемонии венчания на царство в соборном храме, напротив, подтверждает, что М. Мнишек все-таки пришлось в этом пункте отступить от католичества.

⁹¹⁶ И многих злых еретиков в соборный храм Матере Божия введе те колвинцов, и новокщенцов, и ариян, и люторей и римлян, и не токмо сих, и богоубийц жидов на осквернение храма приведе — в отличие от Речи Посполитой, где были провозглашены начала веротерпимости и могли жить представители разных конфессий и последователи отличных от ортодоксального христианства религиозных течений, в Московском государстве строго следили за «чистотой веры», не допуская отступлений от православия. В грамоте дается перечисление всех тех, кого считали еретиками, не достойными того, чтобы они переступали порог православного храма. Между тем среди гостей и купцов, приехавших на свадьбу Лжедмитрия в мае 1606 г., действительно можно было встретить и католиков, и протестантов — кальвинистов и лютеран, сторонников арианского учения, «новокрещенов» (?) и евреев. В грамоте отражено традиционное для средневекового русского общества неприятие иудеев, сопровождавшееся запретами на их въезд на территорию Московского государства.

⁹¹⁷ Богоотступника и волхва — обвинения Лжедмитрия в отступлении от православия и колдовстве облегчали объяснение причин переворота в Москве 17 мая 1606 г., приведшего на престол царя В. Шуйского.

⁹¹⁸ По источникам, в которых описываются события в Москве во время свержения самозванца, известно другое. Инокinya Марфа — бывшая царица М. Нагая — пользовалась всеми преимуществами положения царской «матери» и принимала почести Лжедмитрия, живя в кремлевском Вознесенском монастыре. Когда самозванца убили и поволокли из Кремля на Красную площадь, то инокиню Марфу снова спрашивали о том, «истинный» ли он был ее сын. Но она даже тогда дала уклончивый ответ: «Надо вам было спрашивать тогда, когда он был живой». Была ли инокиня Марфа заранее посвящена в планы заговорщиков, неизвестно.

- ⁹¹⁹ Инокания Марфа и ее родственники активно помогли царю В. Шуйскому в формировании выгодного для него «прославления» царевича Дмитрия, якобы «убиенного» по приказу Б. Годунова в 1591 г. (7099 г. по эре от сотворения мира, в обиходной речи использовалось более простое, сокращенное выражение «в 99 году»). Не стоит воспринимать это как явное доказательство вины Б. Годунова, потому что и бывшая царица М. Нагая, и сам князь В. Шуйский по-разному свидетельствовали о смерти царевича Дмитрия в зависимости от обстоятельств. В этом случае Нагие возвращались к той версии, которая, видимо, послужила основой для начала восстания в Угличе в мае 1591 г., случившегося вслед за гибелью царевича Дмитрия. Показательно, что прямые обвинения Б. Годунова в убийстве царевича звучали в официальных грамотах только в начале царствования В. Шуйского. Потом эти прямые обвинения исчезнут, оставшись лишь в современных сказаниях и повестях о Смуте.
- ⁹²⁰ Инокания Марфа подтверждала, что сама погребала тело царевича Дмитрия, а это один из «узких» моментов версии самозванца о своем чудесном спасении, так как многие, и, как видим, не зря, не могли поверить, что мать не узнала своего убитого сына. Если только это не была инсценировка, выгодная для спасения жизни царевича Дмитрия, о чем и говорил самозванец.
- ⁹²¹ Аспид — змей.
- ⁹²² И женскую немощию обдержима, мужественно дерзнуть не смеяше — инокания Марфа объясняла свое долгое молчание и принятие самозванца за сына простительным для женщин страхом, хотя вряд ли все объяснялось так просто, как хотели представить в «Утвержденной грамоте».
- ⁹²³ И на обличение всему народу среди града положиша, яко да и прочии видевше, уверятца истинно — тело самозванца действительно пролежало несколько дней на Красной площади на специально устроенном возвышении, чтобы все могли удостовериться в смерти Лжедмитрия.
- ⁹²⁴ В рассказе «Утвержденной грамоты» про избрание на царство боярина князя В. Шуйского воспроизводится модель, по которой избирали в цари Б. Годунова. Несмотря на все обвинения ему, он считался «правильно» избранным царем, не случайно в основу «Утвержденной грамоты» 1613 г. был, как уже говорилось, положен текст подобной избирательной грамоты 1598 г. Согласно представлениям о царском избрании, в случае отсутствия прямого наследника, продолжавшего династию, требовалось прежде всего решение Земского собора. Поэтому здесь перечислены чины, которые могли бы участвовать в соборе при избрании царя В. Шуйского. Однако, придя к власти путем заговора и переворота, боярин князь В. Шуйский боялся не удержать ее. Поэтому дело с выборами нового царя было решено в три дня и без участия правильно избранных

соборных представителей. Можно говорить лишь о создании *видимости* такого Земского собора (хотя едва ли понадобилось даже это). Таким образом, рассказ грамоты нужно воспринимать с учетом этого символического следования ритуалам выбора царя на Земском соборе и обращения от его имени к князю В. Шуйскому, происходившему из суздальских князей — одной из близких к московскому княжескому дому ветви Рюриковичей.

⁹²⁵ Великий же государь князь Василий Иванович на моление народа уклонился — эта фраза плохо соотносится с известными обстоятельствами избрания на трон царя В. Шуйского, она взята из церемониала избрания Б. Годунова, как известно, несколько раз отказывавшегося от обращения к нему Земского собора.

⁹²⁶ Венчание на царство В. Шуйского произошло 1 июня 1606 г.

⁹²⁷ «Ростригой», без имени, стали называть Лжедмитрия I.

⁹²⁸ Целью заговорщиков был только самозванец — Лжедмитрий I, им не удалось полностью предотвратить расправу с поляками и литовцами, приехавшими на свадьбу царя Дмитрия и М. Мнишек. Хотя действительно очень рано были приняты меры по охране послов Речи Посполитой — малогощского каштеляна Н. Олесницкого (его называли в источниках «малогосским», путая фамилию и должность сенаторов Речи Посполитой, связанную с управлением разными территориями) и велижского старосты А. Гонсевского, воеводы Ю. Мнишека и его ближайших родственников.

⁹²⁹ Отправка посланников князя Г. К. Волконского, получившего, по обычаю, во время исполнения посольства почетный чин елатомского наместника, и дьяка А. Иванова стало одним из первых шагов царя В. Шуйского. Посланники царя должны были, как это полагалось, известить правителя соседнего государства о переменах на троне. Но в этом случае все было сложнее, так как в Москве оказались задержаны послы Речи Посполитой и другие ее высокопоставленные сановники. Посольству князя Г. К. Волконского предстояло обсудить их судьбу, а не обвинять Сигизмунда III, так как на все обвинения русской стороны дипломаты Речи Посполитой давали свои ответы, подчеркивая добровольное признание самозванного царя Дмитрия в Московском государстве.

⁹³⁰ Здесь перечислены «гетманы» и главные воеводы войска Лжедмитрия II, воевавшие вместе с ним в 1607–1609 гг. Главным гетманом второго самозванца был князь Р. Ружинский (ум. в 1610 г.). Князь А. Вишневецкий некогда первый признал в Лжедмитрии I воскресшего царевича Дмитрия. Приезжал он и в Тушинский лагерь нового самозванца под Москву, но был изгнан оттуда гетманом Р. Ружинским и польско-литовским войском. А. Зборовский и Я. П. Сапега присоединились к Лжедмитрию II

позднее других, уже в 1608 г. А. Зборовский отличился тем, что смог перехватить по дороге в Речь Посполитую семью М. Мнишек и привезти «царицу» в лагерь Лжедмитрия II. Особенно известен гетман Я. Сапега (ум. в 1611 г.), около полутора лет осаждавший Троице-Сергиев монастырь. Переписка с ним значительного числа русских людей того времени является важным источником по истории Смутного времени.

⁹³¹ Назвав другово вора в того же убитово вора в Ростригино место — речь о Лжедмитрии II — «Тушинском воре». Его происхождение точно не известно, считается, что он был выходцем из земель Великого княжества Литовского, учительствовал в доме священника в Шклове, затем служил у какого-то священника в Могилеве, которым был изгнан из дома, странствовал и оказался за какую-то провинность в тюрьме города Пропойска. Там заметили его сходство с бывшим царем Дмитрием, летом 1607 г. он в сопровождении кого-то из русских людей оказался в Северной земле, где случайно и «открылся» в Стародубе как спасшийся царь Дмитрий.

⁹³² Войско самозваного царя Лжедмитрия II пришло под Москву в июне 1608 г., не сумев взять столицу, защищаемую войском, верным царю В. Шуйскому, тушинцы попытались создать параллельные структуры управления государством и установили свой режим на тех территориях, которые снова присягали царю Дмитрию. Новый тушинский режим держался на насилии и грабеже подчиненных территорий, поэтому он сумел продержаться всего несколько месяцев, пока лагерь самозванца не развалился.

⁹³³ Посланники Сигизмунда III Станислав Витовский и князь Ян Соколинский были встречены на смоленском рубеже в конце июля 1607 г. Целью их посольства было договориться о перемирии и выдаче задержанных в Московском государстве послов Речи Посполитой Н. Олесницкого и А. Гонсевского, а также Мнишеков, князей Вишневецких и других гостей, приехавших на свадьбу Лжедмитрия I и М. Мнишек.

⁹³⁴ Перемирие на три годы и на одиннадцать месяцев, с 20-го числа июля месяца 116-го году, да июня по 20-е число 120-го году — т. е. перемирие было заключено с 20 июля 1608 г. по 20 июня 1612 г. В выработке его условий участвовали как новые посланники С. Витовский и князь Я. Соколинский, так и прежние послы, советовавшиеся с воеводою Ю. Мнишеком. Целью заключения перемирия с польско-литовской стороны было прежде всего освобождение пленников, посланники стремились показать, что они не имели никакого влияния на отряды, поддерживавшие Лжедмитрия II, и соглашались только написать к ним о том, чтобы они прекратили войну. На деле же наступившие так называемые перемирные года стали временем войны между двумя государствами.

- ⁹³⁵ Сам пришел в Московское государство к городу Смоленску — король Сигизмунд III начал свой поход во главе войска под Смоленск в сентябре 1609 г., что означало объявление войны соседнему Московскому государству. Обычно с этим связывают «польско-литовскую интервенцию» в Русское государство, однако полки короля Сигизмунда III почти все время его похода осаждали только Смоленск, а не продвигались в глубь вражеской территории. Именно возвращение Смоленска в состав Великого княжества Литовского было главной целью похода. Однако в итоге король Сигизмунд III не прочь был повлиять и на внутривнутриполитическую борьбу вокруг трона в Московском государстве. Приход короля Сигизмунда III и начало осады Смоленска заставил войнство Лжедмитрия II отказаться от дальнейшей службы ему и договариваться о переходе в королевские полки. Появление Сигизмунда III в Московском государстве раскололо и русских тушинцев, одна их часть по-прежнему поддерживала Лжедмитрия II, а другая часть после бегства самозванца в Калугу стала действовать в пользу кандидатуры польского королевича Владислава.
- ⁹³⁶ Поводом для вмешательства Сигизмунда III в русские дела стало обращение к нему под Смоленском нареченного патриарха Филарета и тушинских бояр, отказавшихся от самозванца и предлагавших избрать на русский трон сына польского короля. Первоначальной целью гетмана С. Жолкевского, отправленного из-под Смоленска к Белой, было помочь осажденному отряду во главе с А. Гонсевским. У него также имелись очень расплывчатые инструкции приводить жителей Московского государства, если они пожелают, к присяге королевичу Владиславу. В итоге, объединившись с отрядом бывших тушинцев во главе с полковником А. Зборовским, гетман С. Жолкевский сумел нанести тяжелое поражение правительственной армии во главе с братом царя Василия Ивановича боярином князем Д. И. Шуйским. Вслед за этим он принудил к добровольной капитуляции остатки русского войска в Цареве Займище и двинулся на Москву. Вместе с ним пришел И. М. Салтыков, ездивший с посольством об этом к королю Сигизмунду III еще в январе 1610 г. Позднее И. Салтыков — один из самых последовательных сторонников выбора польского королевича Владислава на русский трон — оказался на службе в Новгороде, где был схвачен и казнен в 1611 г. Салтыковых, сына и отца (боярина М. Г. Салтыкова), считали главными «изменниками», как наиболее активных сторонников польского короля Сигизмунда III.
- ⁹³⁷ Лист статейной — по смыслу, вероятно, имеется в виду инструкция короля Сигизмунда III гетману Жолкевскому о заключении договора, а не сам договор, заключенный в августе 1610 г. и состоявший из целого ряда статей, в которых содержались перечисленные ниже условия избрания королевича Владислава на русский трон. «Статейными списками» в посольской документации назывались подробные отчеты послов, которые

открывались верительными грамотами и наказами, как вести посольство. Здесь речь идет о документе, подписанном королем Сигизмундом III, на который ссылался гетман С. Жолкевский, но о котором только слышали, а не видели его. На самом деле С. Жолкевский и полковники его войска подписали договор сами, во многом по своей инициативе. Король Сигизмунд III, под воздействием советников, враждебных гетману Жолкевскому, напротив, не признал его и не собирался выполнять. Хотя заключение самого договора было использовано польско-литовской стороной для достижения тактических преимуществ, стало предлогом для ввода гарнизона иноземных войск в Москву и передачи власти от Боярской думы главе этого гарнизона А. Гонсевскому и сторонникам короля Сигизмунда III из русских людей. Заключение договора с гетманом С. Жолкевским в августе 1610 г. стало прологом к событиям освободительной борьбы, созыву земских ополчений и избранию царя М. Романова.

- ⁹³⁸ И Московского государства люди, которые в то время были на Москве, слыша такое Жигимонта короля, за его королевскою рукою, письмо, тому поверили — косвенным образом в грамоте признается, что в Москве только *слышали* о существовании письменного согласия короля Сигизмунда III на избрание королевича Владислава, однако другого текста, кроме королевского ответа на предложения тушинцев во главе с митрополитом Филаретом, не существовало.
- ⁹³⁹ И царь Василей, по челобитью нашему и всяких людей Московского государства, которые в то время были на Москве, и для покою хрестьянского, государство отставил — слова «по челобитью нашему» могут относиться к Боярской думе. К царю В. Шуйскому, кроме Боярской думы, обратились с челобитной все чины Московского государства, и он согласился добровольно оставить трон 17 июля 1610 г.
- ⁹⁴⁰ Известие «Утвержденной грамоты» об обращении с Лобного места митрополита Филарета, обличавшего планы короля Сигизмунда III по овладению Московским государством и утверждению католичества, противоречат известным историческим фактам. Напротив, именно митрополит Филарет был главой партии русских тушинцев, что подтверждается достигнутыми при его участии договоренностями о призвании королевича Владислава и о сохранении в неприкосновенности роли православной церкви в Московском государстве. Позднее, осенью 1610 г., митрополит Филарет отправился под Смоленск договариваться с королем Сигизмундом III о кандидатуре польского королевича Владислава на престол. Следовательно, в «Утвержденной грамоте» об избрании сына самого митрополита Филарета — М. Романова — стремились задним числом «подправить» известные современникам обстоятельства событий 1610 г. и иначе представить роль царского отца.

- ⁹⁴¹ Договор с гетманом С. Жолкевским был заключен Боярской думой 17 (27) августа 1610 г.
- ⁹⁴² Посольство во главе с митрополитом Филаретом и боярином князем В. В. Голицыным отправилось из Москвы под Смоленск в сентябре 1610 г. Гетман С. Жолкевский намеренно вел дело к тому, чтобы удалить из столицы наиболее авторитетных бояр и руководителей своих родовых кланов, игравших заметную роль в политической жизни Московского государства.
- ⁹⁴³ А Жигимонту королю от Смоленска было отойти прочь в свою землю, и Полских и Литовских людей никакова человека до королевича в Москву не впускати — судьба Смоленска стала камнем преткновения для московского посольства, так как король Сигизмунд III не хотел бесславно возвратиться в Речь Посполитую, не завоевав этого города. Осажденные смольняне готовы были присягнуть Владиславу только при условии заключения полновесного договора о призвании королевича с самим Сигизмундом III. В Москве же с гетманом С. Жолкевским договорилось о том, что он поможет справиться с войсками Лжедмитрия II, который находился под Москвою с июля и до конца сентября 1610 г. и стремился утвердиться на русском троне. Подготовка войска против самозванца была одним из главных условий для ввода в Москву польско-литовского гарнизона.
- ⁹⁴⁴ Власть в Москве действительно попала в руки присланного из-под Смоленска А. Гонсевского и тех русских людей, кто раньше присягнул королю Сигизмунду III под Смоленском, получив от него чины, имущество и привилегии. Здесь перечислены имена тех русских тушинцев, кто первый приехал к королю Сигизмунду III с предложением избрания на русский престол королевича Владислава в январе 1610 г.: боярин М. Г. Салтыков, князь В. М. Рубец-Мосальский и думный дьяк И. Грамотин. Они же стали, по сути, руководить переходным русским правительством после заключения договора о призвании Владислава с гетманом С. Жолкевским. Особенностью этого правительства была передача управления от Боярской думы небольшому кругу лиц, известных своей приверженностью польскому королю. В связи с этим перераспределением власти стояло и назначение в важнейшие приказы новых дьяков, одним из которых стал «торговый человек» Ф. Андронов, которому удалось получить управление московской казной.
- ⁹⁴⁵ Ввод в Москву гарнизона польско-литовских войск действительно был оправдан необходимостью обороны от войска Лжедмитрия II, реально угрожавшего столице. Формула «будто для береженья», которую вспомнили составители «Утвержденной грамоты», в условиях намечавшегося династического союза двух государств была вполне оправданной.

- ⁹⁴⁶ Гетман корунной — т. е. гетман Короны Польской С. Жолкевский (в Речи Посполитой назначался также гетман Великого княжества Литовского).
- ⁹⁴⁷ Отправка под Смоленск царя В. Шуйского совершилась из-за действий Боярской думы, добровольно выдавших Шуйских гетману Жолкевскому и не оговоривших никаких условий. В договоре 17 (27) августа 1610 г. о судьбе царя В. Шуйского ничего не говорилось. Более того, сами князья Шуйские, опасаясь за свою жизнь, искали защиты именно у гетмана Жолкевского. Не известно поэтому, на чем основаны обвинения «Утвержденной грамоты» в нарушении гетманом С. Жолкевским крестного целования. Сам он стремился вывезти князей Шуйских к королю под Смоленск, но ему добровольно помогала в этом в Москве Боярская дума, рассчитывавшая на то, что В. Шуйского будут держать под охраной в Иосифо-Волоколамском монастыре, и «снявшая» с себя заботу о дальнейшей судьбе князей Шуйских.
- ⁹⁴⁸ Забыв гетмана корунново и полковников и ротмистров крестного целования — имеется в виду отдельная договорная запись, выданная гетманом С. Жолкевским и подписанная полковниками и ротмистрами его войска, подтверждавшая достигнутое им соглашение с Боярской думой об отправке посольства под Смоленск для призвания на русский престол королевича Владислава (см.: Сборник РИО. Т. 142. С. 93–101).
- ⁹⁴⁹ Обвинение королю Сигизмунду III в том, что он сам хотел воцариться на московском престоле, стало предлогом для отказа русских людей от присяги королевичу Владиславу и начала сбора первого земского ополчения для освобождения Москвы.
- ⁹⁵⁰ И на городе наряд, и зелье — т. е. артиллерия, использовавшаяся для охраны Москвы и запасы пороха к ней.
- ⁹⁵¹ И по улицам у решеток сторожей учинили Полских и Литовских и Неметцких людей — внутренняя охрана города подчинялась в Москве Земскому приказу, который следил за тем, чтобы ночью не было бесконтрольного перемещения в разных частях города. С этой целью проезд и проход в самых значимых с точки зрения охраны местах на ночь закрывался решетками, у которых ставилась стража, наблюдали за которой решеточные приказчики, а также объезжие головы из числа членов Государева двора. Здесь говорится о том, что русские сторожа были заменены иноземными служилыми людьми.
- ⁹⁵² Обвинения в насаждении католичества в ущерб православию были общим местом, хотя сведения о том, что католические храмы строились по всем русским городам, являются сильным преувеличением. Среди польско-литовских солдат было вообще немало тех, кто исповедовал православие. Русских людей оскорбляла сама возможность католической проповеди в Кремле, как говорил об этом патриарх Гермоген, «и слышати их латинсково пения не могу».

- ⁹⁵³ Патриарх Гермоген в это время стал центром притяжения для всех, кто не был согласен с намечавшимся политическим поворотом в сторону соединения с Речью Посполитой, тем более что это сопровождалось упомянутыми в «Утвержденной грамоте» чрезвычайными налогами и грабительской политикой польско-литовских войск в Москве.
- ⁹⁵⁴ Адамант — алмаз.
- ⁹⁵⁵ Царствующий град Москву, во всем Российском царствии мать градовом деревянной и каменной большой город, выжгли и высекали не крестьянским обычаем — речь о большом московском пожаре 19 марта 1611 г., сопровождавшемся массовым избиением посадских людей Москвы и военными столкновениями со служилыми людьми. Город был намеренно подожжен по распоряжению главы польско-литовского гарнизона А. Гонсевского ввиду подхода к Москве войск земского ополчения под руководством князя Д. Трубецкого, П. Ляпунова и И. Заруцкого.
- ⁹⁵⁶ С великим бесчестьем с престола свергли и из святительского сану обнажили, и в заточение посадя, злою мучительскою смертию не крестьянски уморили — с момента начала осады Москвы войсками земских ополчений в апреле 1611 г. патриарх Гермоген попал в фактическое заточение, был посажен в темницу в Чудовом монастыре и уморен голодом в начале 1612 г.
- ⁹⁵⁷ Боярин князь А. В. Голицын — родной брат князя В. В. Голицына, отправленного во главе посольства под Смоленск, одним из первых восстал против узурпации прав Боярской думы польско-литовскими правителями. Погиб во время пожара и восстания в Москве 19 марта 1611 г.
- ⁹⁵⁸ Во время пребывания польско-литовского гарнизона в Москве действительно пропали царские короны («венцы») и другие драгоценности, разделенные «рыцарством» в уплату за свою службу в России как самозваному царю Лжедмитрию II, так и Сигизмунду III.
- ⁹⁵⁹ Блаженные памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, племянника Михаила Федоровича Романова-Юрьева — *Романов* Михаил Федорович — сын боярина Ф. Н. Романова, ставшего впоследствии митрополитом Филаретом. На самом деле М. Романов был только двоюродным племянником царя Федора Ивановича, так как умерший в 1598 г. царь был двоюродным братом боярина Федора Никитича — сына боярина Н. Р. Юрьева. Фамилия Романов началась в поколении братьев Никитичей, более старшее поколение рода известно было по дедичеству — имени деда — как Юрьевы. Например, первая жена царя Ивана Грозного и мать царя Федора Ивановича А. Р. Юрьева или ее брат Н. Р. Юрьев. Поэтому и в «Утвержденной грамоте» сказано о Михаиле Федоровиче как о Романове-Юрьеве.

- ⁹⁶⁰ И бояр, и окольных, и дворян, и дияков и всяких чинов всяких людей, захватили в городе в Китае и в Кремле, и держали их в неволе, а иных за крепкими приставами — пребывание в Москве членов боярских семей не всегда сопровождалось их преследованиями, многие из них, присягнувшие королевичу Владиславу (в том числе и М. Романов), жили на своих дворах вплоть до освобождения столицы в 1612 г.
- ⁹⁶¹ Превыше бо бысть сие зло Вифлиомскаго плача от незаконнаго детоубийца Ирода — здесь содержится отсылка к евангельскому сюжету об избииении младенцев в Вифлееме царем Иродом.
- ⁹⁶² Библейский образ младенцев, заколотых или безжалостно разбиваемых врагами о камень, по предположению Д. С. Лихачева «выражает высшую степень народного несчастья» (ПЛДР: XII век. С. 689).
- ⁹⁶³ Аер — воздух.
- ⁹⁶⁴ И собрався боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой с товарищи... пришли под царствующий град Москву, и стояли под Москвою полтора года — здесь в «Утвержденной грамоте» говорится о приходе под Москву первого ополчения в апреле 1611 г. Главными воеводами этого ополчения, кроме князя Д. Трубецкого, были думный дворянин П. Ляпунов и предводитель казаков, боярин Лжедмитрия II И. М. Заруцкий. К моменту составления грамоты П. Ляпунов был уже мертв, он погиб в ополчении под Москвою в июле 1611 г. от рук казаков, недовольных его жестким управлением. Во время сбора ополчения П. Ляпунов резко обличал бояр за поддержку короля Сигизмунда III, и они ему не простили этого, «вычеркнув» его имя из истории освобождения Москвы, переданной в «Утвержденной грамоте». Другой главный воевода первого ополчения — И. Заруцкий в момент избрания царя Михаила Федоровича вовсе оказался самым опасным, главным врагом нового царя, продолжая поддерживать М. Мнишек и ее сына «царевича» Ивана Дмитриевича как претендентов на престол.
- ⁹⁶⁵ И города всякими мерами доступал — т. е. осаждал Москву. Здесь снова все подвиги воевод земских ополчений приписаны одному князю Д. Т. Трубецкому.
- ⁹⁶⁶ И Московскаго государства бояр и всяких людей, которые были у них в неволе, в городе держали, и ис Кремля никуда не пускали — вопрос о статусе членов Боярской думы и членов Государева двора, остававшихся в осаде вместе с польско-литовским гарнизоном, не так прост. Формально они считались присягнувшими королевичу Владиславу и не были пленниками. Однако с началом деятельности земских ополчений под Москвою все изменилось. В первом ополчении был принят известный Приговор 30 июня 1611 г., по которому земли тех, кто не принимал участие в этом движении переходили в разряд «изменничьих», конфиско-

вывались и отдавались в раздачу беспоместным и малопоместным служилым людям. Власти польско-литовского гарнизона могли воспрепятствовать отъездам служилых людей из Москвы в ополчения, хотя большинство бояр, которых обвиняли в измене, предпочитало добровольно оставаться в столице.

- ⁹⁶⁷ А ноипаче всех враги злодеи теснили и во всякой крепости и за приставы крепкими держали Михаила Федоровича Романова-Юрьева с матерью его, с инокиней Марфою Ивановною — составители «Утвержденной грамоты» должны были объяснить сложный момент, связанный с пребыванием будущего царя и его матери в осаде в Москве в 1611–1612 гг. С точки зрения земских людей это могло быть оправдано лишь, если бы Романовы находились под стражей («за приставы»). Однако в источниках не сохранилось никаких сведений о жизни Михаила Романова и его матери в осажденной столице, кроме этого декларативного утверждения.
- ⁹⁶⁸ Об нем о государе Михайле Федоровиче скорбели, и всякими мерами промышляли, чтоб иво государя от такового злаго пленения свободити — в отличие от времени, когда в 1613 г. стало известно об избрании на престол М. Романова, в 1611–1612 гг. еще никто не знал, кто будет избран на царский престол, поэтому приведенное свидетельство в «Утвержденной грамоте» может быть воспринято только как попытка приписать ополчениям те задачи, которые они перед собою не ставили.
- ⁹⁶⁹ Слыша его государской праведной корень, и видя его благоразумна и благочестива, во всем его государя почитали, и честь ему государю воздавали и во всякое его государское достояние причитали — составители «Утвержденной грамоты» не заметили, как пришли в противоречие со своим же тезисом о содержании М. Романова и его матери в плену, что плохо сочетается с тем, что семейству Романовых оказывалось должное уважение. Действительно, М. Романов и его мать должны были пользоваться уважением у польско-литовских людей, так как митрополит Филарет сначала был у них в Тушино нареченным патриархом, а потом, фактически, первым предложил Сигизмунду III избрать на русский престол королевича Владислава и отправился с этим во главе посольства к королю под Смоленск. Почетное отношение к семьям руководителей посольства должна была стать лучшей гарантией успеха миссии митрополита Филарета и боярина князя В. В. Голицына.
- ⁹⁷⁰ Как бы его, аки агнеца незлобиваго, смерти предати — сведений о покушении на жизнь М. Романова во время осады Москвы нет, да и не могло быть. Во все время его царствования никто не вспоминал о таких фактах.

- ⁹⁷¹ Приход под Москву нового земского ополчения во главе с князем Д. М. Пожарским представлен в «Утвержденной грамоте» как помощь ополчению князя Д. Т. Трубецкого. По господствовавшим среди служилых людей представлениям, очень важно было, чтобы служба не нарушала местнического порядка старшинства родов. Князья Трубецкие были «выше» князей Пожарских, поэтому логично было говорить, что князь Д. Пожарский и его ополчение пришло «в сход» к главному воеводе первого ополчения князю Д. Трубецкому. В сентябре 1612 г. оба ополчения действительно соединились под главенством князя Д. Трубецкого и князя Д. Пожарского, их имена в грамотах писались в соответствии с местническим соотношением двух родов. Однако воеводы возглавляли ополчения, на которые не распространялись местнические счета воевод. Напротив, у второго, нижегородского, ополчения было не меньше, если не больше заслуг, так как только с его приходом под Москву удалось решить главную задачу освобождения столицы и приступить к выборам нового царя.
- ⁹⁷² Освобождение Москвы объединенными силами двух ополчений произошло 22–27 октября 1612 г. (по старому стилю). 22–24 октября (1–3 ноября) были осуществлены успешные приступы в Китай-городе, а 26 и 27 октября (5–6 ноября) из Москвы были выпущены семь бояр и другие осадные сидельцы, а также сдались в плен остатки польско-литовского гарнизона во главе с полковником Н. Струсем. Соединение даты начала освобождения Москвы 22 октября с церковным праздником Казанской Божьей матери произошло позднее, в середине XVII в. При переходе в 1918 г. от юлианского к григорианскому календарю разница для всех церковных дат стала считаться в 13 дней. Между тем, учитывая хронологические погрешности между двумя календарями, разница между событиями, происходившими в XVII в. в России, и их историческими датами составляет 10, а не 13 дней. Так получилась путаница, связанная с тем, что при «вычислении» даты нового государственного праздника — 4 ноября — не были в достаточной мере учтены экспертные заключения историков.
- ⁹⁷³ По освобождении Москвы многие бояре и члены боярских семей предпочли уехать из столицы, опасаясь за свою жизнь, так как казаки, служившие в ополчении, хотели расправиться с теми, кого считали изменниками.
- ⁹⁷⁴ Грамоты о созыве выборных на Земский собор рассылались в ноябре 1612 г., из городов и уездов предлагалось выслать на собор для избрания царя по 10 человек, «которые бы были добры, разумны и постоянны». Первый срок сбора выборных был назначен на «Николин день», то есть 6 декабря. Однако в условиях разорения страны быстро собрать собор не получилось, и выборные продолжали съезжаться в Москву еще в конце 1612 — начале 1613 гг.

- ⁹⁷⁵ Кого Господь Бог даст, из Московских из Руских родов — выборные в грамотах призывались «к доброму совету для обирания», земский совет, действовавший в ополчении, не предпрещал решений собора об избрании царя обязательно из родов московских бояр. Более того, на собор приглашались представители Новгорода Великого, договаривавшиеся с властями ополчения в Ярославле в 1612 г. о призвании шведского королевича Карла-Филиппа.
- ⁹⁷⁶ И по многие дни на соборе изо всех городов всего Росийскаго царствия всякие люди не обинуясь говорили — дата начала заседаний собора неизвестна, так как выборные долго собирались на собор, и на нем отсутствовал один из первых иерархов церкви казанский митрополит Ефрем, которого хотели дождаться в Москве земские власти. В грамоте говорится о том, что собор длился «многие дни», когда шли споры о будущем царе. Косвенным образом это подтверждают свидетельства других источников, в частности «Повести о земском соборе 1613 года», что кандидатура М. Романова была не единственной из тех, что обсуждались на соборе. Иначе решение было бы принято значительно быстрее. Участникам же собора удалось договориться об избрании М. Романова только 7 февраля 1613 г.
- ⁹⁷⁷ А Полского и Литовского, и Свейского королей и королевичев, и из ыных ни ис которых государств, и из Московских родов, и из ыноземцов, которые служат в Московском государстве, государем, оприч Михайла Федоровича Романова-Юрьева, никак ни кому не бытии — решение об отказе от выбора любого иноземного претендента было самым важным на соборе, именно оно открыло дорогу на царство М. Романову. В том числе отказывали в праве на избрание и «Маринкину сыну» — царевичу Ивану Дмитриевичу, и самой М. Мнишек. В грамоте на Двину 25 февраля 1613 г. объясняли мотивы подобного решения нарушением мирного постановления, разорением государства, обманым взятием Новгорода. Вместо этого было принято решение избирать на царство «государя из московских родов, кого Бог даст». И только впоследствии была принята единственная кандидатура М. Романова.
- ⁹⁷⁸ Да и Свейской король преже сего писал в Московское государство — вплоть до начала 1613 г. шведский король Густав-Адольф действовал в интересах избрания на Московское государство своего младшего брата принца Карла-Филиппа. Указание на то, что шведский король изъявлял готовность сотрудничать с любым выборным царем из московских родов, не более чем предыдущее преувеличение, оставленное в тексте «Утвержденной грамоты».
- ⁹⁷⁹ А для болшого укрепления отложили февраля з 7-го числа февраля по 21 число, на две недели — главные причины, по которым заседания собора были отложены на две недели, были именно те, которые обозначены

в «Утвержденной грамоте». По крайней мере, необходимость дожидаться приезда в столицу для участия в заседаниях собора главы Боярской думы князя Ф. И. Мстиславского и других бояр, до этого устраненных земским «советом вся земли» от активного участия в делах управления государством. Выборные на соборе действительно разъехались из Москвы после 7 февраля, чтобы вернуться через две недели. Однако полного изучения «общественного мнения» об избрании М. Романова тогда организовать было невозможно, по простой причине отдаленности многих городов от Москвы. Еще одно объяснение двухнедельного перерыва в избрании М. Романова может быть связано с тем, что хотели узнать и мнение об этом самих Романовых, находившихся в Костроме. Кроме того, перерыв в заседаниях собора был вызван наступлением Великого поста.

⁹⁸⁰ Далее рассказывалось о костромском посольстве для избрания на царство Михаила Федоровича, получившем его согласие на избрание 14 марта 1613 г. Завершалась грамота известием о получении в Москве согласия царя Михаила Федоровича на избрание 24 марта 1613 г. и о присяге новому царю Земского собора, состоявшейся 14 апреля 1613 г. Тогда же было решено написать *«утвержденную грамоту»* и положить ее *«в хранилища царские к dokonчальным и утвержденным грамотам»*.

⁹⁸¹ Вопрос о времени создания «Утвержденной грамоты» вызывал споры в науке, потому что ее рукоприкладства, как показал П. Г. Любомиров, собирались в течение нескольких лет. Однако сам текст грамоты действительно был создан в связи с приездом в Москву из Костромы царя Михаила Федоровича 2 мая 1613 г. и его венчанием на царство.

Письма Смутного времени

Личные письма — «грамотки» — в силу их частного характера и плохой сохранности редко используются в исторических исследованиях. Если же они и привлекаются, то чаще всего для характеристики отдельных сторон повседневной жизни служилым и торговых людей. Упомянутые категории попали в этот перечень не случайно: именно служилым людям и торговцам по роду своих занятий приходилось подолгу отсутствовать дома, что и побуждало их братья за перо с надеждой послать с подвернувшейся okazji весточку о себе. Письма оседали в домашних архивах, но, в отличие от правовых документов и владельческих актов, изначально хранились не особенно тщательно. Отсюда — невосполнимые пробелы, фрагментарность, с которыми сталкиваются исследователи личных архивов. К тому же переписка обыкновенно носит «односторонний» характер — о содержании отправленных писем можно лишь догадываться по ответам.

Особняком стоят письма, которые можно назвать деловыми. Содержательно они обычно богаче «семейных» грамоток, отражая обыкновенно сокровен-

ные намерения своих авторов — что хотят, к чему стремятся. С точки зрения характеристики социальных отношений они любопытны тем, что вскрывают неформальные, ускользающие в официальных актах отношения между адресатами. В настоящем издании представлено несколько подобных деловых писем, адресованных гетману Я. Сапеге, стороннику Лжедмитрия II, «прославившегося» на Руси своей 16-месячной осадой Троице-Сергиева монастыря. Знакомство с ними подтверждает наблюдение, сделанное одним из современных публикаторов этих документов Б. Н. Морозовым: «Письма к Сапеге ярко свидетельствуют о том, что главный интерес знати в служении тому или иному государю заключался в приобретении новых вотчин и поместий»⁹⁸².

Как уже отмечалось, частный характер «грамоток» отражается на их содержании. Это традиционные приветствия, вопросы о житье, службе, здоровье, домашние вести и вести о родственниках и свойственниках. И все же в отдельных посланиях, помимо уникальных фактов-известий, можно обнаружить то, что относится к устойчивым общественным стереотипам и представлениям. Особенно явственно они проступают, когда авторы пытаются дать оценку происходящему. Благодаря этому «грамотки» помогают реставрировать общественные настроения в тот или иной момент, и даже отчасти восстановить эмоциональную атмосферу, столь важную для понимания событий Смуты. Важно и то, что в посланиях легко улавливается личностное отношение авторов к происходящему. В этом смысле «грамотка» сравнима с фотографией исторического «момента», сделанной непрофессионалом, — она искренняя, бесхитростная и правдивая.

В разделе представлено несколько писем Смутного времени, любопытных как с точки зрения моделей поведения человека в Смуту, так и для характеристики уровня общественного сознания и мирочувствования представителей различных слоев населения.

Подборка сделана составителем на основании нескольких публикаций: Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 2; Сборник князя Хилкова. СПб., 1878; *Лихачев Н.* Письма Смутного времени // Русский исторический журнал. 1918. № 7; *Флоря Б. Н.* Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. С. 319–325; *Морозов Б. Н.* Письма Смутного времени // Хроники Смутного времени. М., 1998; Повесть о победах московского государства. М.: Наука, 1982.

При публикации название и датировка некоторых документов были изменены составителем.

⁹⁸² См.: *Морозов Б. Н.* Смутное время глазами русских и иностранцев // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 469.

⁹⁸³ Девлет-Гирей, крымский хан.

⁹⁸⁴ 1570 г. Здесь ошибка: набег был совершен в 1571 г.

- ⁹⁸⁵ В письме приведено уникальное известие о том, что И. Болотников будто бы выдавал себя за царевича. На это обстоятельство впервые обратил внимание Б. Н. Морозов.
- ⁹⁸⁶ Так в рукописи. Нужно «враги».
- ⁹⁸⁷ *Бьюгов* Тимофей — обрусевший швед, Лоуренс Биутге, в Смуту один из командиров тушинского отряда, разграбившего Ростов (см.: *Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 298). В одной из писем гетману Я. Сапеге автор называл себя «вскормленник твой». По-видимому, этикетная форма обращения отражала зависимость Бьюгова от Сапег, чьи поручения он выполнял. Письмо косвенно свидетельствует о произволе, которые творили действовавшие от имени царя Дмитрия Ивановича его представители, по мере того как власть самозванца распространялась на города и уезды Московского государства.
- ⁹⁸⁸ *Волынский* Иван Иванович — воевода Лжедмитрия II в Ярославле в 1608–1609 г.
- ⁹⁸⁹ *Головин* Петр Васильевич — воевода Лжедмитрия II в Ярославле в 1608–1609 г.
- ⁹⁹⁰ Подклетные села — государевы дворцовые села.
- ⁹⁹¹ Князь И. Засекин, один из первых отъехавших к Лжедмитрию II, получил от него в вотчину дворцовые села в Ярославском уезде.
- ⁹⁹² *Годунов* Иван Иванович — окольныйчий. Перешел на сторону Лжедмитрия II, затем вернулся к В. Шуйскому. Трагична судьба автора письма: в 1610 г. он попал в плен к Лжедмитрию II в Калуге. По приказу самозванца Годунова сбросили с башни, но он остался жив. Тогда его вывезли на середину Оки и «посадили» в воду. Спасаясь, И. Годунов схватился за борт лодки. Тогда М. Бутурлин на глазах жены Годунова отсек ему саблей руку. И. Годунов утонул. См. также: комм. 119, 124.
- ⁹⁹³ Здесь — заступник, ходатай.
- ⁹⁹⁴ Житничные ключи — ключи от монастырских житниц.
- ⁹⁹⁵ Письмо достоверно воссоздает картину знаменитой осады «дома Сергия». После нескольких безуспешных общих штурмов и попыток с помощью подкопов взорвать мощные монастырские стены гетман Сапега приступил к плотной осаде обители в надежде взять ее измором. В монастыре, за стенами которого скопились иноки, окрестные жители, воины — всего около 2,5 тыс. человек, от великой тесноты, нехватки продовольствия и холода наступили тяжелые времена. Большие потери осажденные несли при вылазках. Автор письма упоминает об одной из них (эпизод позднее попал в знаменитое «Сказание» Авраамия Палицына об осаде Троицко-Сергиева монастыря): в ноябре литовцы устроили

засаду отряду, который отправился в Мишутинский овраг в рощу для заготовки дров, и нанесли немалый урон.

Из-за предательства осажденные вынуждены были спустить воду из Верхнего пруда, находившегося за пределами обители, в наскоро выкопанные в монастыре ямы. Однако вода стала портиться, что и привело к массовым болезням. Начался мор, резко возросла смертность. Палицын пишет, что было убито и умерло от болезней и ран 2125 человек. Тем не менее монастырь устоял. См.: *Тюменцев О. И.* Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М., 2008.

⁹⁹⁶ Возможно, здесь речь идет о старце Нифонте, который отличился при обороне Троицкого монастыря. Так, 9 ноября во время вылазки, в результате которой были взорваны минные галереи, он по собственной инициативе организовал вылазку со стороны Пивного двора. Проявив настойчивость, отряд Нифонта прорвался к осадным батареям противника на Красной горе и разрушил их.

⁹⁹⁷ Письмо не дошло до адресата и было перехвачено осаждавшими, о чем свидетельствует соответствующая помета.

⁹⁹⁸ Князь М. В. Скопин-Шуйский.

⁹⁹⁹ Письмо адресовано «большому послу», боярину, князю В. В. Голицыну, который находился в это время под Смоленском в составе Великого посольства. Затруднительно сказать, кто именно был автором письма: из текста видно, что она была лицом доверенным, имела в Москве свой двор и делала хозяйственные распоряжения по дому боярина. См.: *Лихачев Н.* Письма Смутного времени // *Русский исторический журнал.* 1918. № 7.

¹⁰⁰⁰ Речь идет о князе И. В. Голицыне, брате В. В. Голицына.

¹⁰⁰¹ Речь идет скорее всего не о Ростовском уезде, а о Ростовской волости, расположенной в Московском уезде.

¹⁰⁰² «За боран» — название денежного оброка. Происхождение название связано, по-видимому, с переводом этого прежде натурального оброка на денежный. Так, в описной книге дворцовых сел великого князя Симеона Бекбулатовича (1580–1581 г.) с крестьян взыскивались деньги «за боран». При этом устанавливалось платить «за боран с выти по гривне».

¹⁰⁰³ Взамен отобранного двора, в котором разместились литовцы, автор письма получил двор в Белом городе, в приходе Владимирской церкви, что «в садах». Переселены были из своих дворов и другие люди В. В. Голицына. Эти меры, несомненно, были связаны с тем, что литовский гарнизон и пропольское правительство М. Салтыкова чувствовали себя крайне неуверенно в столице и заранее стремились освободить Кремль

и Китай-город от опасных с их точки зрения элементов — холопов, «клиентов» своих политических противников.

¹⁰⁰⁴ Письмо свидетельствует о том, что крестьяне воспротивились назначению нового приказчика Ю. Курьцова. Первый публикатор письма Н. Лихачев обращает внимание на выражение «велели были», что свидетельствует о том, что В. И. Голицын и автор письма уступили крестьянам.

¹⁰⁰⁵ Дмитриевская родительская суббота (24 окт. по ст. стилю) — день поминовения убиенных на поле брани. Был установлен Дмитрием Донским в 1380 г. в память о воинах, павших в Куликовской битве (великомученик Дмитрий Солунский — небесный покровитель Дмитрия Донского). Со временем день стал данью памяти всех умерших. Этот день отмечали с большой торжественностью: посещали кладбища, совершали панихиды (в т. ч. вселенскую панихиду по воинам), широко и хлебо-сольно справляли поминки — тризны. Последнее породило пословицу «Дмитриева суббота — кутейникам работа». Очевидно, официальное распоряжение Дмитрия Донского удачно совпало с древними языческими осенними поминками.

¹⁰⁰⁶ Живот — имущество. Агафья не успела вывезти из поместий мужа имущество в Смоленск, в осаду, о чем и сообщает мужу.

¹⁰⁰⁷ Здесь — освободили.

¹⁰⁰⁸ Яровые.

Указатель имен

- Аарон (*библ.*) — 236, 487
Аббас I, шах — 416, 423
Абрамович Г. В. — 378, 464
Август, император — 32, 48, 327, 330–331, 368, 528
Авирон (*библ.*) — 176, 455
Авраам (*библ.*) — 47, 169, 231, 374, 469, 487
Агарь (*библ.*) — 137, 487
Адам (*библ.*) — 55, 75, 93, 193, 221, 222, 445, 467, 481
Азарий (*библ.*) — 466
Александр, кахетинский царь — 423
Александр Ярославич Невский — 86, 93, 215, 293, 328, 475, 498, 531
Алексей, митрополит — 32, 36, 44, 62, 86, 301, 369
Алексей Михайлович, царь — 398, 419, 446, 452
Алябьев Андрей — 520
Амос, пророк софийский — 281
Ананий (*библ.*) — 466
Анастасий, византийский патриарх — 230, 485
Андреев И. Л. — 5–28, 369, 462
Андрей Александрович, князь — 498
Андрей Боголюбский — 531
Андрей Васильевич Большой — 377
Андрей Ярославич, князь — 498, 531
Андронов Федор (Федька) — 97–115, 272, 274, 323, 324, 338, 339, 342, 406, 407, 410, 487, 496, 544
Антонов Д. И. — 407, 408
Аммалик — 41, 372
Арий — 61, 383
Аркадий — 93, 401
Арсений Елассонский, архиепископ — 10, 395, 483
Бартенев Семен Афанасьевич — 321
Барская Н. А. — 442
Барсуков А. П. — 474
Басманов Петр Федорович — 15, 67, 74, 81, 251, 252, 253, 255, 256, 386–387, 391, 456, 461, 492, 493
Басманов Федор Алексеевич — 386
Баталов А. Л. — 15, 443
Батый, хан — 328, 329, 531, 533
Безобразов Алексей (Алешка) Волконский Федор — 278, 278
Безобразов Елизарий (Елизар) Владимирович — 260, 386, 493–494
Безобразов Иван — 278, 408
Белокуров С. А. — 457, 527
Бельской Б. — 379
Беляев И. Д. — 375
Берке, хан — 531
Биркин Иван Иванович — 317, 319, 517, 519
Битяговский Данилко — 120, 244, 245
Битяговский Михаил — 57, 120, 244, 245, 245, 379, 380
Блинский, шляхтич — 409
Болеслав Великий — 328, 529, 530
Болотников Иван — 132, 258, 259, 261, 322, 350, 375, 389, 398, 423, 431, 432, 435, 463, 467, 474, 476, 486, 488, 492, 493, 494, 508, 523, 524, 553
Боняк, хан — 530, 531
Борис, святой — 151–152, 243, 442
Борятинский Ф. П. — 470
Будило (Будзило) — 289, 411
Буйносова-Ростовская М. П. — 462
Буланин Д. М. — 399, 480
Буссов Конрад — 15, 17, 18, 395, 396, 428

- Бутурлин Иван Матвеевич — 277, 459
Бутурлин Василий Иванович — 280, 281
Бутурлин Михаил — 273, 553
Бучинский — 430
- Ваал** — 212, 475
Валуев Григорий — 266
Валтасар — 229, 484
Василий I Дмитриевич — 329, 532–533
Василий II Васильевич Темный — 329, 533
Василий III Иванович — 32, 329, 368, 374, 419, 533
Василий Македонянин, император — 225, 481
Васильев Сыдавной (Садавной) Семен Зиновьевич — 244, 270, 273, 407, 408, 496
Вельяминов Леонтий — 281
Вельяминов-Зернов В. В. — 424
Вельяминов Мирон Андреевич — 515
Вельяминов Михаил Иванович — 354, 454
Вергилий — 470
Веревкин Гаврило — 260, 433
Витовский Станислав — 541
Витовт — 251, 491, 532
Витофтов Овдоким — 269
Вишневецкий Адам Александрович — 64, 65, 66, 250, 336, 383, 436, 491, 537, 540
Владимир Мономах — 328, 330, 420, 531, 533
Владимир I Святославич — 48, 86, 136, 223, 235, 327, 328, 434, 481, 529
Владимир Ярославич — 530
Владислав IV, королевич (Владислав Жигимонтович) — 11, 13–14, 23, 218, 235, 268–269, 271, 294–299, 300–308, 310, 337, 338, 341, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 433, 434, 448, 453, 457, 465, 466, 476, 486, 487, 488, 489, 495, 496, 499, 505, 506, 507, 509, 520, 525, 542, 543, 544, 545, 547, 548
Власьев Афанасий Иванович — 174, 175, 384, 427, 454, 455, 485
Воинко — 249
Волконский Григорий Константинович — 336, 540
Волконский Михаил Константинович — 478
Волконский Федор — 278
Волохов Данилка (Осип) — 242, 244, 379, 401
Волохова Василиса — 379
Волохова Мария — 242, 244, 246, 401
Волынский Иван — 278, 351–353, 553
Воронцов-Вельяминов И. С. — 386
Воротынский (Воротынской) Иван Михайлович — 86, 116, 117, 267, 275, 335, 372, 406, 411, 464
Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, князь — 328, 531
Всеволод Ярославич, князь — 328, 530–531
- Гагарин Роман — 263
Гашевский Александр — 272
Гаяутин Василий — 281
Геннадий, владыка — 211, 471
Геркман — 417
Герман, византийский патриарх — 230, 485
Гермоген, патриарх (Ермоген) — 93, 97–115, 233, 236, 239, 240, 257, 267, 268, 269, 270, 271, 275–276,

- 278, 284–285, 300, 301, 302, 312, 318, 338, 339, 340, 404–405, 407, 408, 409, 413, 436, 455, 462, 465, 488, 489, 507, 508, 517, 518, 519, 545, 546
- Гиршберг А. — 485
- Глеб, святой — 151–152, 243, 442
- Глебов Семен — 265
- Глинская Елена — 368
- Годунов Борис — 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 33, 34, 37, 39, 41, 42, 43, 44, 50, 51, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 90, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128–131, 137, 141, 143–157, 177, 181, 182, 186, 225, 226, 227, 231, 242, 243, 244, 245, 247–248, 249, 250, 252, 253, 257, 321, 322, 331, 332, 333, 334, 335, 367, 368, 369, 370, 371, 373, 374, 375, 376–377, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 396, 397, 406, 409, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 435, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 461, 462, 463, 478, 481, 482, 488, 490, 492, 504, 522, 523, 524, 527, 534, 535, 536, 539, 540
- Годунов Григорий Васильевич — 243, 439, 490
- Годунов Д. И. — 439
- Годунов И. В. — 439
- Годунов Иван Иванович — 70, 74, 75, 252, 353–354, 388, 391, 392, 553
- Годунов Семен Никитич — 253, 492
- Годунов С. В. — 439
- Годунов Я. М. — 439
- Годунов Федор Борисович — 73, 74, 77, 78, 80, 153, 226, 227, 251, 252, 253, 254, 331, 333, 367, 386, 389, 390, 391, 393, 423, 430, 440, 446, 452, 453, 454, 460, 482, 483, 492, 536
- Годунова Ирина Федоровна (в инокинях Александра) — 12, 13, 48, 50, 52, 59, 121, 153, 246, 247, 248, 331–332, 368, 369, 374, 378, 379, 381, 388, 439, 440, 443, 491, 534, 536
- Годунова Ксения (Оксинья) — 12, 73, 74, 153, 173, 253, 254, 356–357, 386, 390, 391, 423, 443, 453, 483
- Годунова Анна — 137, 435
- Годунова Мария Григорьевна — 73, 74, 77, 80, 173, 254, 333, 391, 453, 482, 483
- Годунова Феодосия Федоровна — 331, 534
- Голенищев Анфиноген — 281
- Голицын Андрей Васильевич — 275, 276, 340, 359–360, 406, 546
- Голицын Василий Васильевич (Василей Васильевич) — 73, 74, 97–115, 252, 253, 254, 264, 265, 266, 267, 270, 278, 300, 308, 311, 324, 338, 361–361, 387, 390–391, 405, 407, 408, 414, 483, 495, 496, 508, 525, 544, 546, 549, 554
- Голицын В. И. — 555
- Голицын И. В. — 73–74, 252, 360, 361, 390, 391, 554
- Головина А. — 462, 522
- Голубинский Е. — 475
- Гомер — 470
- Гонорий — 93, 401
- Гонсевский Александр Корвин — 335, 336, 338, 342, 406, 408, 409,

- 410, 428, 459, 509, 540, 541, 542,
543, 544, 546
Горн Эбергард фон Эберт
(Иветьгор) — 266, 495
Городецкий Андрей Алексан-
дрович — 531
Горсей Джером — 455
Гоский, пан — 63
Грамотин Иван Тарасьевич — 338,
407, 474, 499, 544
Греков Б. Д. — 449
Григорий — 282, 283
Грязной Тимофей — 263
Гусев П. А. — 450
Густав II Адольф — 453, 469, 550
Гюк, хан — 531
- Давид (*библ.*), пророк — 95, 143,
156, 241, 382, 402, 429, 444
Даниил, игумен — 460
Даниил Александрович, князь — 13,
328, 498, 531–532
Дафан (*библ.*) — 176, 455
Девлет-Гирей, хан — 350, 372, 552
Делагарди Я. — 468, 469, 495
Державин Н. С. — 450
Державина О. А. — 416, 417, 418,
419, 420, 421, 423, 424, 425, 426,
427, 434, 435, 436, 438, 441, 443,
445, 446, 447, 449, 450, 451, 454,
456, 458, 459, 462, 463, 465, 467,
469, 470, 471, 472, 473
Дионисий, архимандрит, митропо-
лит — 32, 242, 368–369, 370, 379,
415, 416
Диоскор — 448
Дмитриевский А. — 452
Дмитрий (Димитрий) Иванович,
царевич — 9, 13, 16, 27, 54, 56,
57, 60, 64, 65, 66, 72, 77–78, 86,
119, 120, 129, 181, 242–246, 250,
253, 254, 333, 334, 335, 375, 377,
378, 379, 380, 382, 384, 385, 389,
394, 396, 417, 418, 426, 439, 490,
535, 539
Дмитрий Иванович Донской — 40,
54, 69, 329, 376, 532, 555
Дмитрий Константинович, князь —
401, 532
Дмитрий Солунский — 54, 555
Довмонт (в крещении Тимофей) —
213, 475
Долгорукий Владимир Тимофе-
евич — 215, 474, 476–477, 522
Долгорукая Мария — 477
Дробленкова Н. Ф. — 404, 405, 406,
407, 408, 409, 410
Дубровский Богдан — 290
- Ева (Евва) (*библ.*) — 55, 75, 193, 204,
445, 467
Евдокия — 532
Евфимий Великий — 164, 285,
448
Евфимий, архимандрит — 407
Едигей, эмир — 532
Елагин Григорий — 132
Елена, княжна Карталинская — 423
Елецкий Федор Андреевич — 266
Елизаров Григорий — 404
Енин Г. П. — 399
Есипов Томило — 320, 521
Ефрем, митрополит — 413, 550
- Жездринский (Жедринский) Дми-
трий Саввич** — 321, 517, 522
Жеребцов Давид — 478
Жолковский (Желтковский) Ста-
нислав — 102, 266, 268, 269, 270,
271, 272, 300–308, 323, 337, 338,
379, 391, 402, 405, 406, 407, 408,
410, 433, 495, 506, 507, 520, 524,
525, 542, 543, 544, 545
Жолкви, воевода киевский — 300

- Забелин И. Е. — 412, 471, 509
 Заварзин Симонко — 280
 Загрязский А. — 386
 Загрязский Владимир — 243, 244, 490
 Запройский, пан — 436
 Зарайский Никола — 83, 120, 265
 Заруцкий Иван Мартынович — 220, 278, 279, 280, 286, 309, 324, 325, 385, 390, 392, 412, 433, 436, 459, 476, 479, 496, 508, 510, 515, 517, 519, 521, 526, 546, 547
 Засекин Александр — 212, 475
 Засекин С. П. — 470
 Зборовский Александр — 336, 478, 540, 541, 542
 Звенигородский С. Г. — 470
 Зебжидовский — 384
 Зимин А. А. — 11, 378, 382, 431
 Зубатово Нехорошово — 321
- Иаков (библ.)** — 178, 456, 469, 491
 Иван III Васильевич — 32, 51, 329, 368, 377, 451, 533
 Иван IV Грозный — 10, 15, 19, 27, 32, 33, 54, 64, 66, 67, 74, 75, 77, 79, 119, 124, 129, 132, 228, 242, 247, 250, 329, 330, 333, 368, 369, 374, 376, 377, 378, 379, 398, 415, 419, 422, 426, 431, 437, 447, 451, 493, 497, 502, 508, 533, 534, 535, 546
 Иван Данилович Калита — 328, 329, 374, 532
 Иван Дмитриевич (Воренок), сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II — 273, 286, 318, 320, 325, 385, 414, 433, 510, 517, 519, 521, 547, 550
 Иван Иванович, царевич — 51, 368
 Иван Иванович Красный — 329, 532
 Иван Философ — 414
 Иванов Андрей — 336, 540
- Ивашка — 65, 281
 Игнатий, патриарх (кипрский владыка) — 81, 129, 174, 230, 233, 257, 278, 334, 404, 427, 455, 485, 518, 537
 Игорь, князь — 327, 528
 Иезекииль (Езекий), царь Израиля — 39, 46, 128, 230, 371, 373, 425, 450
 Иеремия III Транос, патриарх — 34, 35, 36, 54, 370
 Иеремия (*библ.*) — 491
 Иессей (*библ.*) — 402
 Измаил (*библ.*) — 487
 Измайлов Артемий Васильевич — 267, 278, 515
 Израиль (*библ.*) — 51
 Иисус Навин (*библ.*) — 199, 469
 Иконников В. С. — 464, 465
 Иоанн (Иван Богослов), евангелист — 83, 175, 288, 454
 Иоанн Златоуст (Златоустый) — 141, 436
 Иоанн Креститель (Иоанн Предтеча) — 45, 61, 91, 92, 185, 231, 399, 460
 Иоанн Лествичник — 51, 61, 247
 Иов, митрополит, патриарх — 15, 16, 31–53, 60, 61, 62, 72, 95, 122, 129, 151, 183, 230, 233, 246, 247, 248, 249, 252, 253, 331, 332, 333, 367, 368, 370, 372, 373, 374, 381, 392, 402, 419, 427, 439, 440, 442, 449, 452, 453, 454, 462, 483, 485, 535, 536, 537
 Иоганн, принц — 12, 423
 Иона, митрополит — 32, 36, 44, 62, 86, 130, 242, 301, 369, 407, 413
 Иосиф (*библ.*) — 51, 119, 342, 374, 416, 458, 466
 Иосиф, епископ — 139, 436, 455
 Ираклий, император — 373, 381

- Ирод (*библ.*) — 176, 181, 185, 341, 379, 458, 491, 547
Исаак (*библ.*) — 469, 491
Исайя (*библ.*) — 123, 371, 421
Исайя, митрополит — 420
Исидор, митрополит — 74, 184, 251–252, 281, 391, 413, 460, 464, 468, 472
Иуда Искариотский — 56, 84, 104, 244, 379, 421
Ихнилат — 113
Ишимабет, князь — 441
Ищерек, князь — 77, 392
- Казимир**, король — 530
Казы-Гирей, крымский хан — 38, 77, 143–157, 371, 373, 438, 441
Калачник (Колачник) Федор — 129, 426
Карамзин Н. М. — 380, 445, 509
Карл IX — 371, 468, 478
Карл-Филипп, принц — 391, 412, 413, 449, 460, 468, 469, 550
Катырев-Ростовский Иван Михайлович — 74, 390, 391, 455, 462
Катырев-Ростовский (Катырев) Михаил Петрович — 75, 251, 252
Катырев-Ростовский Ю. — 492
Качалов Никита (Никитка) — 57, 120, 242, 244, 245, 379
Каш-Недэдзевский (Нелидов) Владислав — 451
Кернозицкий, полковник — 465
Кирдяпа Василий — 401
Кирилл, протоиерей — 407
Кирилл Иерусалимский — 242
Кирилл, митрополит — 427
Клешнин Андрей Петрович — 243, 244, 245, 490
Климент VIII — 417, 425, 537
Ключевский В. О. — 5, 7, 25, 400, 438, 440, 473, 479, 482, 484, 497, 509
Кобеко Д. Ф. — 474
Козлов Макар — 287
Козловский Федор — 278
Козляков В. Н. — 15, 382, 385, 393, 426, 427, 444, 453, 455, 461, 463, 464, 466
Кологривов Григорий (Гриша) — 269
Коломна Афанасий — 287
Колтовский Иван — 277, 459
Комулей Александр — 417
Константин, кахетинский царь — 423
Константин Великий, император — 35, 395, 423
Константин V Иконоборец (Мотылоименный) — 84, 394–395
Константин IX Мономах — 530
Конь Федор — 406
Корела Григорий (Гришка) — 71
Корела Андрей — 389
Корецкий В. И. — 421, 432, 437
Косой Василий — 533
Костомаров Н. И. — 432, 433
Косточкин В. В. — 406
Кравков Фома Сумин — 260, 494
Крапольский Григорий — 94, 95, 96, 402
Криничная Н. А. — 390
Кулакова И. П. — 461
Курукин И. В. — 424
Кучум — 370
- Лаврентьев** А. В. — 430, 444, 454
Лаврушка — 322
Латухин — 380
Лебедев А. — 394
Лев III — 485
Леляев И. С. — 376
Леонид, старец — 79

- Леонтий, чудотворец — 122, 139, 263, 420, 436
- Лжедмитрий I («царь Дмитрий Иванович», Рострига, Отрепьев Юрий Богданович, в монашестве Григорий, Углицкий Дмитрий Иванович) — 7, 9, 13, 22, 27, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 79, 80, 81, 82, 83, 86, 87, 88, 89, 94, 96, 124, 128–131, 156, 162, 171–184, 195, 211, 226, 248, 250–251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 305, 306, 307, 322, 333, 335, 336, 350, 367, 375, 376, 377, 378, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 401, 402, 403, 406, 407, 409, 411, 412, 415, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 435, 436, 437, 441, 443, 444, 451–452, 453, 454, 455, 456, 457, 460, 461, 462, 463, 474, 479, 482, 483, 484, 485, 488, 492, 493, 494, 499, 500, 503, 505, 508, 510, 518, 523, 535, 536–537, 538, 539, 540, 541
- Лжедмитрий II (Колужский царь) — 22, 261, 262, 263, 265, 267, 268, 270, 271, 273, 318, 383, 384, 385, 389, 392, 414, 424, 432, 433, 435, 436, 457, 460, 464, 465, 470, 471, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 487, 488, 493, 494, 498, 499, 500, 501, 503, 506, 507, 508, 509, 510, 517, 519, 520, 323, 524, 525, 526, 540, 541, 542, 544, 546, 552, 553
- Лжедмитрий III (Матюшка Веревкин, лжецарь Матюшка, беглый дьякон Сидорка, псковский вор, вор Сидорка) — 22, 133, 203, 204, 215, 218, 219, 320, 325, 326, 433, 460, 471, 472, 476, 517, 520, 526
- Лисовский Александр — 216, 217, 436, 477, 478
- Лихарев Захарий — 63
- Лихачев Д. С. — 547
- Лихачев Н. — 552, 554, 555
- Лодыгин Борис — 386
- Лотман Ю. — 7
- Луговской Томило Иудич — 270, 300, 308, 407, 496
- Лука, евангелист — 60, 121, 253, 329, 373, 381, 532
- Лухтин Иван — 281
- Лыков Борис Михайлович — 267, 406
- Любомиров П. Г. — 413, 517, 521, 527, 551
- Ляпунов Захарий — 267, 508
- Ляпунов Прокофий Петрович — 265–266, 267, 274, 275, 276, 278, 279–280, 309, 324, 398, 405, 406, 406, 412, 464, 496, 508, 509, 511, 515, 518, 522, 526, 546, 547
- Ляпунов Федор — 265
- Лютер Мартин — 499
- Маврикий, император — 59, 381
- Макарий (Булгаков) — 370, 409, 449, 454
- Макарьев Степан — 321
- Максимилиан Габсбург — 12, 423
- Мамай — 40, 69, 329, 532
- Маньков А. Г. — 510
- Мария (*библ.*) — 90, 94, 119–142, 222, 233, 466
- Марковин Н. — 442
- Марфа, инокиня, см. Нагая Мария Федоровна
- Масса Исаак — 22, 388, 394, 395, 417, 441, 443, 482
- Матфей, евангелист — 421, 491
- Межаков Филат — 287

- Мезецкий Даниил Иванович — 270,
300 308, 407
Маржерет Жак — 421, 428, 429, 430
Мархоцкий Николай — 459
Меховецкий — 494
Мещерский Федор — 269
Мизинов Мартьяш — 260
Микулин Григорий — 255, 492–493
Миндовг, великий князь
Литовский — 475
Минин Кузьма (Козьма) (Сухорук) —
283, 284, 285, 286, 287, 343, 406,
412, 458, 496, 517, 519, 522, 526
Мининков Н. А. — 460
Мисаил (*библ.*) — 466
Михаил Александрович — 532
Михаил Клопский — 409
Михаил Черниговский — 409
Михнев Игнат (Игнашка) — 273
Михнев Истома — 65
Мнишек Марина (Маринка) — 65,
83, 129, 174, 211, 255, 273, 286,
307, 318, 320, 325, 384–385, 395,
401, 414, 424, 427, 428, 433, 436,
437, 444, 452, 454, 455, 456, 457,
474, 476, 479, 485, 499, 510, 517,
519, 521, 537, 538, 540, 541, 547,
550
Мнишек Юрий (Сердомирский) —
65, 83, 129, 251, 255, 273, 307,
334, 384, 427, 428, 437, 452, 453,
456, 457, 485, 491, 537–538, 540,
541
Можаров Иван — 265, 266
Моисей (*библ.*) — 41, 199, 372, 465,
469, 487
Моисеев Родион — 405
Молчанов Михаил (Михалок) —
253, 269, 483, 487, 493, 494
Морозов Б. Н. — 410, 411, 552, 553
Морозова Л. Е. — 371, 460
Мосальский-Рубец Василий Михай-
лович — 253, 260, 269, 338,
353, 456, 463, 483, 487, 496,
499, 544
Мосальский Василий Федорович —
265, 278, 515
Мстиславский Иван Федорович —
54, 242, 275, 377, 379, 387
Мстиславский (Мстиславской)
Федор Иванович — 68, 69, 71, 73,
75, 116, 117, 249, 251, 300, 301,
308, 345, 371, 387, 388, 390, 406,
409, 426, 474, 492, 551
Муромец Илейка («царевич Петр»),
см. Петр Федорович
Мятлев Н. — 465
- Навуходоносор** — 155, 229, 443, 466
Нагая Мария Федоровна (иноки-
ня Марфа) — 9, 54, 76, 82, 120,
129, 242, 244, 246, 255, 334, 342,
376–377, 379, 380, 396, 418, 426,
463, 538, 539, 548
Нагой Андрей Андреевич — 246, 259,
260
Нагой Афанасий — 380
Нагой Михаил — 246, 380
Нагой Федор (Федец) — 120, 242,
376, 378, 380
Недовесков Кондратий Олек-
сиевич — 326
Некрасов Иван — 15, 16
Нелидов Владимир — 451, 452
Немоевский Станислав — 396, 429,
430, 484
Никандр, архимандрит — 282
Никитников Григорий — 526
Никон, святой — 356, 357, 367, 415
Николай Мирликийский — 176, 455
Никулина Е. А. — 424
Новосельский А. — 435
Ной (*библ.*) — 393, 467
Носов Е. Н. — 450

- Обиняков-Вельяминов Д. И. — 439
 Образцов Григорий — 286
 Огарев Посник — 388, 560
 Одоевский Иван Никитич — 280, 281, 468, 479
 Озия (*библ.*) — 158, 445
 Олег, князь — 528, 529
 Олесницкий Николай — 428, 540, 541
 Ольга, княгиня — 528
 Ольгерд, литовский князь — 532
 Онуфрий Великий — 241, 489
 Орлов Василий — 281
 Оскольский, воевода — 441
 Осипов Т. — 131, 430
 Острожский Василий Константинович — 63, 383
 Отрепьев Богдан — 129, 332, 536
 Отрепьев Замятня — 62, 426, 536
 Отрепьев Смирной — 62, 129, 426
 Отрепьев Юрий Богданович (в монашестве Григорий), см. Лжедмитрий I
 Отрепьева Варвара — 129, 426
 Охотникова В. И. — 473, 474, 475, 476, 477, 479
- Павел**, апостол — 95, 141, 151, 169, 249, 436, 437, 451
 Павел V — 425, 455
 Павлов А. П. — 11, 377, 500
 Палицын Авраамий (в миру Палицын Аверкий Иванов) — 7, 16, 24, 119–142, 287, 288, 355–356, 375, 376, 407, 408, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 433, 434, 435, 436, 437, 452, 461, 470, 482, 553, 554
 Панченко А. М. — 367, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 481
- Пафнутий, архимандрит — 61, 62, 129, 132, 382–383, 427
 Пафнутий Боровский, преподобный — 216, 478
 Пахомов Роман — 405
 Пашков Истома Иванович — 258, 259, 398, 493
 Перун — 528
 Петр, апостол — 13, 130, 155, 164, 223, 231, 241, 249, 400, 448, 469
 Петр, митрополит — 32, 36, 44, 62, 86, 287, 288, 301, 369, 444, 447
 Петр Федорович, «царевич» (Петрушка, Илейка Муромец) — 132, 261, 322, 323, 431–432, 494, 524
 Петрушка, человек Истома Михнева — 65
 Пешков Алексей (Алешка) — 267
 Платонов С. Ф. — 382, 389, 397, 399, 403, 404, 432, 433, 439, 449, 461, 465, 471, 496, 497, 500, 509, 527
 Плетенецкий Елисей, архимандрит — 63
 Плещеев Иван Васильевич — 277, 476
 Плещеев И. М. — 389
 Плещеев Матвей — 263, 280, 354–355
 Плещеев Наум Михайлович — 78, 252, 393, 483, 492
 Плещеев Федор Кириллович — 212, 471, 474
 Плигузов А. И. — 376, 378, 382, 383, 387, 388, 393, 394, 399, 400, 401, 402
 Повадин Мисаил (в иночестве Михайло) — 61, 63, 383, 536
 Погожий Исаак Семенович — 515
 Пожарский Дмитрий Михайлович — 116, 265, 276, 277, 283–284, 285–286, 287, 288, 289, 317,

- 319, 321, 342–343, 406, 412–413, 436, 458, 459, 489, 496, 509, 517, 519, 522, 549
- Поздеев Марк Иванович — 404
- Полосин И. И. — 457, 458
- Полтев Григорий — 258
- Понтий Пилат — 113, 410
- Попов К. — 445
- Порфиридов Н. Г. — 450
- Потемкин Юрий — 280
- Приимков-Ростовский Юрий — 253
- Пронский (Пронской) Петр Иванович — 116, 117, 413
- Пронштейн А. П. — 460
- Просовецкий Андрей Захарович (Иван) — 216, 477
- Прус — 368
- Прыжов И. Г. — 424
- Пудалов Б. М. — 498
- Пунтусов Яков — 264, 265, 266, 280, 281
- Пушкин Г. (Гаврило) Григорьевич — 78, 252, 389, 393, 483, 492
- Пыхачев Яков — 65
- Пясецкий Г. М. — 388
- Рангони** — 425
- Рахиль (*библ.*) — 246, 491
- Репнин Александр Андреевич — 515, 520
- Репнина Е. М. — 462
- Ржевский Иван — 280
- Рожинский (Ружинский) Роман — 261, 336, 337, 401, 436, 464, 494, 540
- Романов Александр Никитич — 420
- Романов Василий Никитич — 15, 16, 420
- Романов Дружина — 287
- Романов Иван Никитич — 116, 118, 382, 406, 420
- Романов Михаил Никитич — 420
- Романов Михаил Федорович — 12, 13, 17, 19, 117, 118, 220, 272, 273, 327–348, 377, 382, 385, 389, 391, 392, 400, 408, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 420, 431, 453, 459, 460, 461, 468, 470, 477, 479, 488, 489, 496, 526, 527, 533, 536, 543, 546, 547, 548, 550, 550
- Романов Федор Никитич (Филарет, патриарх) — 7, 13, 17, 19, 86, 97–115, 117, 122, 139, 238, 250, 262–263, 270, 271, 274, 278, 279, 324, 331, 335, 337, 344, 377, 338, 380, 381, 382, 391, 396, 405, 407, 412, 414, 415, 420, 436, 462, 480, 487, 489, 490, 496, 499, 525, 527, 535, 542, 543, 544, 546, 548
- Романова Анастасия — 368, 377
- Романова Ирина Михайловна — 12
- Романова Татьяна Федоровна — 391
- Рудольф II Габсбург — 9, 454, 490
- Рукин Алексей — 259
- Рчинов Михаил — 265
- Рюрик — 223, 293, 327, 368, 450, 461, 497, 528
- Сабуров Б. Ю. — 439
- Сабуров И. И. — 439
- Сабуров Михаил Богданович — 77, 392
- Сабуров С. Ф. — 439
- Савва В. — 445
- Салтыков Иван Михайлович — 337, 468, 499, 542
- Салтыков (Кривой) Михаил Глебович — 252, 269, 274, 275, 276, 277, 323, 324, 338, 339, 342, 406, 407, 409, 459, 472, 487, 496, 499, 542, 544, 554
- Салтыков Михаил Михайлович — 74, 81, 391

- Самуил (*библ.*) — 402
 Сапега Лев — 407, 408, 457
 Сапега Ян Петр — 262, 263, 270, 307, 336, 351–353, 354–355, 390, 426, 464, 470, 478, 509, 519, 521, 540, 541, 552, 553
 Сара (Сарра) (*библ.*) — 487
 Саул (*библ.*) — 402, 444
 Святополк Окаянный — 243, 379, 442, 490, 529
 Святослав, князь — 223, 327, 528, 529
 Сеид Ахмат, хан — 370
 Селин Андриан — 23, 449, 465
 Семен Иванович (воевода Сольвычегодска) — 321
 Семен Иванович Гордый — 532
 Семенов Ивашка — 63
 Семенова Е. П. — 480, 481, 482, 484, 485, 487, 488, 489
 Сеннахерим, ассирийский царь — 39, 167, 371, 447
 Сергей, архиепископ — 496
 Сергей Радонежский — 39, 41, 86, 119–142, 356, 357, 372, 373, 415
 Сивилла — 35
 Сигизмунд II — 383
 Сигизмунд III (Жигимонт, Жижимонт, Жижимант, Жигимонт) — 23, 64, 100, 103, 128, 238, 239, 251, 271, 294–299, 300–308, 333, 335, 336, 337, 338, 341, 371, 383–384, 385, 388, 391, 401–402, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 413, 414, 425, 428, 433, 454, 457, 464, 466, 469, 477, 478, 479, 485, 487, 488, 491, 493, 495, 496, 498, 499, 506, 507, 508, 509, 512, 520, 524, 525, 526, 533, 536, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548
 Симеон Бекбулатович — 554
 Сицкий А. Ю. — 470
 Скопин-Шуйский М. В. — 189, 190, 202–210, 211, 216, 218, 259, 264–265, 359, 362, 363, 409, 457, 460, 462, 463–465, 471, 472, 474, 477, 478, 494, 495, 508, 554
 Скрынников Р. Г. — 11, 370, 374, 378, 382, 383, 413, 421, 431, 432, 439, 454
 Скуратов Малюта — 369, 535
 Скуратова Мария Григорьевна — 369, 535
 Смирнов И. И. — 375, 431, 432
 Соколинский Ян — 336, 541
 Соловьев С. М. — 509
 Солодкин Я. Г. — 398, 404, 411, 416, 437, 460
 Соломон (*библ.*) — 35, 155, 444, 455
 Станиславский А. Л. — 410, 411, 509, 513
 Стефанит — 410
 Строганов Андрей Семенович — 522
 Строганов Максим Яковлевич — 321, 522, 523
 Строганов Никита Григорьевич — 321, 522, 523
 Струсь (Струе, Струс) Николай — 277, 289, 411, 549
 Сукин Василий Борисович — 270, 273, 407, 408, 495
 Су(а)мбулов Григорий — 260, 263
 Сутупов Богдан — 253, 483
 Сухотин Л. М. — 500
 Сыдавный Василий, дяк — см. Васильев Сыдавной Семен Зиновьевич
 Татев-Стародубский Иван Андреевич — 70, 386, 388
 Татищев М. Г. — 423

- Татищев Михаил Игнатьевич — 186, 188, 189, 210, 461, 462, 463, 465, 465, 471, 472, 473, 493
- Телепнев Василий (Василей) Григорьевич — 94, 300, 308, 402
- Телепнев Ефим — 189, 190, 204, 465, 472
- Телятевский Андрей Андреевич (Ондрей Ондреевич, крестильное имя Емельян) — 132, 252, 258, 387, 432, 435, 492
- Терентий, протопоп — 90, 375, 397, 398, 399
- Тимофеев Иван — 6, 7, 10, 16, 17, 19, 20, 21, 23, 24, 143–210, 379, 380, 418, 419, 430, 437–438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 461, 462, 463, 465, 466, 467, 469, 470, 471, 472, 482
- Тимур (Темир-Аксак, Тамерлан) — 41, 43, 329, 372, 532
- Тит, император — 167
- Тихонюк И. А. — 376, 399, 400
- Толстой Василий — 285
- Толстой Сильвестр — 280
- Трифон, игумен — 61
- Трубецкой А. В. — 406
- Трубецкой Дмитрий (Дмитрей) Тимофеевич — 116, 117, 118, 278, 279, 280, 286, 287, 289, 309, 325, 341, 342, 343, 411–412, 470, 476, 496, 508, 510, 515, 517, 526, 546, 547, 549
- Трубецкой Никита Романович — 67, 386
- Трубецкой Ю. Н. — 435, 470
- Турбервилль Джордж — 455
- Тургенев Петр — 129, 255, 426, 452
- Тышкевич — 436
- Тюменцев И. Ю. — 464, 465, 470, 471, 472, 553, 554
- Тюфякин Василий — 268, 466
- Ульяновский В. — 14, 15, 16, 22, 383, 398, 445, 455, 460, 483
- Уортман Ричард С. — 442
- Ураз-Мухаммед (Урмамет), царь касимовский — 127, 137, 273, 424, 435, 478
- Урусов Урак-мурза (в крещении Петр Арасланович) — 96, 137, 219, 273, 402, 435, 478–479
- Успенский Б. А. — 369, 385, 441, 442, 445, 451
- Устрялов Н. — 417
- Федька** — 322
- Федор Иванович, царь — 10, 13, 31–53, 54, 55, 58, 59, 60, 64, 72, 76, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 132, 143–157, 167, 181, 242, 243, 245, 246–247, 250, 330, 331, 342, 344, 346, 367, 368, 369, 371, 373, 374, 375, 377, 378, 380, 387, 388, 415, 416, 417, 422, 431, 437, 439, 440, 441, 443, 447, 451, 534, 535, 546
- Федор Стратилат — 113, 410
- Феокист, архиепископ — 139, 436
- Феодосий, архимандрит, епископ, архиепископ — 86, 283, 452
- Феодосий I Великий — 93, 400–401
- Филарет, митрополит, патриарх, см. Романов Федор Никитич
- Филипп, королевич — 281, 459
- Флайер С. Майкл — 369, 442
- Флоря Б. Н. — 12, 26, 510, 525, 552
- Фока Мучитель — 59, 84, 381
- Халев (библи.)** — 469
- Халстов Дмитрий — 321

- Хворостинин Иван Андреевич — 7,
 11, 25, 221–241, 462, 479, 480,
 481, 482, 483, 484, 486, 487, 488,
 489
 Хворостинин Иван Дмитриевич —
 487
 Хворостинин Юрий Дмитриевич,
 князь — 487
 Хмелевский, ротмистр — 288
 Хованский Иван Андреевич — 266,
 285
 Ходкевич Ян-Кароль — 216, 476,
 477–478
 Хомутов Федор — 267
 Хосров II (Хосрой) — 43, 373, 381
 Христиан IV — 12, 423
 Хрипуновы, братья — 65

Цодикович В. К. — 373

Чемоданов Семен — 75
 Чепчугов Никифор Павлович — 243,
 244, 490
 Чепчугов Иван Никифорович —
 317, 517
 Черепнин Л. В. — 20, 461, 509
 Черкасский Борис — 420
 Черкасский (Черкаской) Иван Бо-
 рисович — 116, 412
 Черкасский Дмитрий Мамстрюко-
 вич — 265, 470
 Чингиз-хан — 424

Шаров Тимофей — 213, 281, 475
 Шаховской Григорий Петрович —
 257, 261, 494
 Шаховской П. М. — 386, 388
 Шаховской С. И. — 391, 455, 480,
 484
 Шварь Ивашка — 65
 Шеин Михаил Борисович — 238, 239,
 271, 279, 359–360, 488, 489, 496
 Шемяка Дмитрий — 533
 Шепелев И. С. — 433, 471, 509,
 510
 Шереметев Петр Никитич — 86
 (в повести ошибочно указано
 отчество Федорович), 212, 474
 Шереметев С. Д. — 440
 Шереметев Федор Иванович — 71,
 116, 300, 308, 389, 406, 464
 Шерешетдинов Андрей — 253, 430,
 483
 Шестунов Федор Дмитриевич —
 249, 491
 Шубников Олферий — 326
 Шуйский Андрей Иванович — 56,
 379
 Шуйский Александр Иванович —
 137, 435
 Шуйский Василий Иванович — 13,
 16, 17, 19, 21, 22, 23, 25, 27, 55,
 56, 62–69, 70, 72, 73, 75, 81–82,
 86, 87, 88, 93, 95, 96, 129, 132–
 142, 157, 179, 185–202, 203,
 211, 214, 215, 218, 231, 232, 233,
 234, 236, 245, 251, 254–255,
 256–257, 258, 259, 260, 261,
 263–264, 265–266, 267–268,
 272–273, 282, 293, 296, 305, 311,
 322, 335, 336, 337, 338, 350, 352,
 353–354, 367, 375, 376, 378, 379,
 384, 385, 387, 388, 389, 390, 391,
 392, 393, 396, 397, 398, 401, 402,
 404, 406, 408, 411, 412, 415, 417,
 423, 426, 430, 431, 432, 433, 435,
 437, 448, 453, 457, 460, 461, 462,
 463, 464, 465–466, 470, 471, 472,
 473, 474, 476, 477, 483, 486, 487,
 488, 490, 492, 493, 494, 495, 496,
 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503,
 505, 508, 511, 512, 514, 522, 523,
 524, 525, 535, 538, 539, 540, 541,
 542, 543, 545, 553

- Шуйский Дмитрий Иванович — 68, 71, 73, 75, 82, 96, 233, 251, 254–255, 264, 265, 266, 272–273, 378–379, 380, 388, 462, 464, 466, 486, 492, 495, 542
- Шуйский (Шуйский-Путовка) Иван Иванович — 63, 233, 254–255, 272–273, 375, 379, 486
- Шуйский Иван Петрович — 54, 55, 56, 96, 377, 378, 379, 431, 470
- Шуйская Катерина (Христина) Григорьевна — 265, 464
- Шуйский-Скопин Михаил Васильевич — см. Скопин-Шуйский Михаил Васильевич
- Щербатов Юрий — 441
- Щелкалов А. Я. — 162, 163, 447, 250
- Щелкалов Василий Яковлевич — 163, 447, 250
- Эскин Ю. М. — 413, 436, 459
- Юдин Василий — 317, 517
- Юлиан Флавий Клавдий (Отступник) — 84, 171, 395, 482
- Юрганов А. Л. — 11, 12
- Юрий Данилович, князь — 532
- Юрий Долгорукий, князь — 328, 531
- Юрьев Василий (Васька) — 269
- Юрьев Никита Романович — 54, 122, 377, 379, 419, 546
- Юрьева Анастасия Романовна — 54, 330, 377, 534, 546
- Юстиниан, император — 229, 423, 484
- Юхан III — 38, 371, 383
- Як-Араслан-мурза — 435
- Янов Василий — 269
- Яныш, князь — 64
- Ярополк, князь — 529
- Ярослав Мудрый — 328, 529–530
- Яцкий Варлаам, чернец — 61, 62–69, 383, 536

Содержание

«Пучина слез рыдания»: общественно-политическая мысль и представления Смутного времени <i>И. Л. Андреев</i>	5

I. ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII ВЕКА)	29

Патриарх Иов. Повесть о житии царя Федора Ивановича. Повесть о честном житии благоверного и благородного и христолюбивого государя царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича, о его царском благочестии и добродетельных правилах и о святой его кончине. Писано смиренным Иовом, патриархом Московским и всея Руси.	31
Иное сказание	54
Извет старца Варлаама, поданный после убийства Расстриги царю Василию Ивановичу всея России	62
О второй битве при Добрыничах	69
Повесть о видении некоему мужу духовному	90
Повесть о некоей брани	93
Новая повесть о преславном Российском царстве. Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском, о страдании нового страстотерпца святейшего Кир Гермогена, патриарха всея Руси, о посланниках наших, преосвященном Филатерет, митрополите Ростовском, и боярине князе Василии Голицыне с товарищами, о стойкой обороне города Смоленска и о новых изменниках и мучителях, гонителях и разорителях, и губителях веры христианской, Федьке Андронове с товарищами	97
Повесть о победе под Москвой и Земском соборе 1613 года	116
Авраамий Палицын. История в память предидущим родом, да не забвенна будут благодеяния, еже показа нам Мати слова Божиа, всегда от всея твари благословенна Приснодеваа Мариа,	

и како соверши обещание свое к преподобному Сергию, еже рече, яко неотступна буду от обители твоея. Списано бысть тоя же великия обители Живоначалныя Троица-Сергиева монастыря келарем иноком Авраамием Палицыным.....	119
Глава 1	119
Глава 2. О начале беды во всей Росии и о гладе велицем и о мору на люди.	123
Глава 3. О начале разбойничества во всей Росии.....	124
Глава 4. О розстриге Григории и о смерти царя Бориса.....	128
Глава 6. О царе Василии Шуйском.....	132
Временник Ивана Тимофеева	143
Глава 3. Об избрании Бориса на царство в Новодевичьем монастыре и об его воцарении, и как ради него в этот монастырь ходили с крестным ходом, а после смерти Бориса перестали ходить, и о серпуховском походе Бориса в 106 году, как ходил он против царя (хана татарского) и о том, как при царе Федоре Ивановиче и Борисе лъстецы строили церкви и писали иконы во имя их ангела	143
О целовании креста (на верность) Борису	157
Об утверждении имени того же (Бориса) письменамаи.....	161
О Борисе же царе	162
Допущенное на нас Богом беззаконное царство расстриги.....	171
[V]. Царство царя Василия Ивановича Шуйского	185
О том же царе Василии Ивановиче.....	192
О царе же Василии Ивановиче	195
О князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском, как он в то время был в Новгороде великом, и о его побеге из Новгорода.....	202
Псковская летописная повесть о Смутном времени. О смуте и раздорах и отступничестве псковичей	

от Московского государства, и какие были потом в граде Пскове беды и напасти от нашествия и завоевания погаными, пожар и голод; и откуда взялись несчастья эти и в какое время	211
И. А. Хворостинин. Словеса дней, и царей, и святителей московских. Рассказ о временах, и царях, и Святитилях московских, которые были в России. Записано кратко начало историческое, написано было для исправления и для чтения любящих благочестие. Составлено Иваном Дуксом	221
Предисловие его таково	221
О Москве	224
Новый летописец	242
II. СМУТНОЕ ВРЕМЯ В ДОКУМЕНТАХ ЭПОХИ	291
Присяга царя Василия Ивановича Шуйского (1606 г., май)	293
Статьи Тушинского посольства королю Сигизмунду III об избрании на московский престол королевича Владислава (1610 г., февраля 4 (14))	294
Договор московских бояр с гетманом Станиславом Жолкевским об избрании на московский престол королевича Владислава и отправлении посольства под Смоленск к королю Сигизмунду III (1610 г., август)	300
Приговор первого земского ополчения (1611 г., июня 30)	309
Грамоты Смутного времени	317
Грамота из Нижнего Новгорода в Сольвычегодск о земских делах (не ранее декабря 1611 г.)	317
Грамота от ярославского «Совета вся земли» в Сольвычегодск о земских делах (7 апреля 1612 г.)	321
«Утвержденная грамота» 1613 года об избрании на царство Михаила Федоровича Романова	327
Письма Смутного времени	349

Грамотка Дружины Яковлевича зятю и сестре о дороговизне в Москве и ожидании подвоза царского хлеба.....	349
Письмо неизвестного к священнику Василию с просьбой об уведомлении о его родственниках и с выражением непоколебимой уверенности в том, что Бог избавит землю Русскую от всех бед и скорбей	349
Письмо Тимофея Бьюгова к гетману Яну Сапеге о самовольных распоряжениях в Ярославле Ивана Волынского и Петра Головина	351
Письмо Ивана Волынского и Петра Головина Гетману Яну Сапеге о бегстве ярославцев со всем своим имуществом; о намерении послать подьячего в Вологду; о вторичном целовании ярославцами креста Лжедмитрию; об измене князя Афанасия Вяземского.....	351
Письмо князя Василия Масальского гетману Яну Сапеге с просьбой о вводе его и его родственников во владение пожалованными вотчинами.....	353
Письмо Ивана Годунова о своем разорении от Шуйского, с просьбой о заступничестве перед «царем Дмитрием Ивановичем».....	353
Письмо Матвея Ивановича Плещеева гетману Яну Сапеге об измене и непослушании жителей Ярославля, с просьбой о помощи и освобождении его вотчин от стоявших в них литовских людей	354
Письмо монаха Симеона к келарю Авраамии Палицыну с известием об осаде Троице-Сергиева монастыря, о нападении и отражении приступов литовских людей и о беспорядках внутри монастыря	355
Письмо царевны Ксении (в монашестве Ольги) Борисовны Годуновой к тетке, княгине Домне Богдановне, о пребывании ее в монастыре в осаде.....	356
Письмо Григория Титовича Рязанова к отцу о разных семейных делах и о благополучном	

отражении литовских людей, осадивших Троице-Сергиев монастырь	357
Письмо Ивана Зайцева к отцу, Несвитаю Зайцеву, из Москвы с просьбой о присылке коня и известием о разгроме приходивших к Москве литовских людей	358
Письмо Афанасия Аристова к жене в Нижний Новгород с известием о себе и разными советами	359
Письмо смоленского воеводы боярина Михаила Борисовича Шеина князю Андрею Васильевичу Голицыну	359
Письмо под Смоленск князю Василию Васильевичу Голицыну Марии, жены (?) Дмитрия Федоровича, о происшествиях в Москве и сборе урожая и оброка с крестьян	360
Письмо Агафьи мужу Михаилу Филиповичу Неелову, смоленскому дворянину, из осажденного Смоленска в полк М. В. Скопина-Шуйского	362
Письмо смоленским дворянам М. Р. Дивову и П. С. Самарину в полк князя М. В. Скопина-Шуйского от матери Марии Григорьевны и супруги М. Р. Дивова Крутки с известием о жизни в осажденном Смоленске	363
КОММЕНТАРИИ	365
Указатель имен	556

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древнейших времен до начала XX века*

**Общественная мысль России в XVI–XVII вв.
Том 1. «Великая Смута»**

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Редактор *А. В. Пряжникова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *М. В. Минина*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*
Корректор *Н. Б. Стахеева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.2009.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 36. Тираж 1000 экз.
Заказ 3706

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

